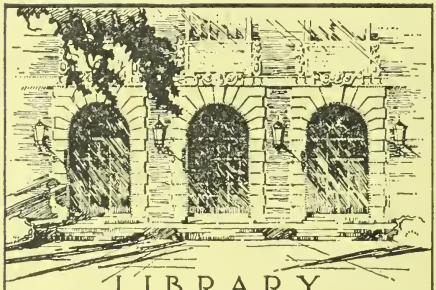
Os
P89
1996r
2863



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1906
no.11

05
1283
99.103

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1906.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1907 годъ.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ

журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева, и В. А. Гольцева.)

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч. для библ. учител. институт., семинар. учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. 1. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

3629

КНИГА XI.

Р 884-м
кн 11ая

МОСКВА.

1906.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ЗА ПОЛВѢКА. Мои воспоминанія. Глава третья.—**П. Д. Боборыкина.** 1

II. ВЪ ПУТАХЪ ШАЙТАНА. Разсказъ **М. Кацюбинскаго.**—Пер. съ малорусск. **Н. К.** 53

III. ТАЙНА КУЗЬМЫ ПЛАТОНОВИЧА. Разсказъ.—**И. П. Бѣлоконскаго.** 65

IV. ДѢТИ ЗЕМЛИ. Разсказъ Арвида Іернефельта.—Перев. съ финск. **М. П. Благовѣщенской.** 103

V. ЗИМА.—**Петра Кожевникова** 191

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Татьяны Грейеръ** 196

VII. О ПОДСТАВѢ НАСЛѢДНИКА (СУБСТИТУЦІИ).—**А. И. Загоровскаго.** *Окончаніе.* 1

VIII. ХАРАКТЕРНЫЯ ЧЕРТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО ПРАВОСУДІЯ.—**А. С. Гольденвейзера** 30

IX. ПАНГЕРМАНИЗМЪ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНІЯ. (*Georges Weil*: «Le Pangermanisme en Autriche». Préface de M. *Anatole Leroy-Beaulieu*).—**О. И. Рудченко.** *Окончаніе.* 64

X. А. П. ЧЕХОВЪ. (Матеріалы для біографіи).—**Бор. Лазаревскаго.** 91

XI. НОВЫЙ НАУЧНЫЙ ОРГАНЪ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНАГО И СОЮЗНАГО ПРАВА.—**Гр. Л. А. Камаровскаго.** 100

XII. АЛЬБЕРЪ СОРЕЛЬ. Статья академика **А. Вандаля.**—Перев. съ франц. **Ю. Б.** 107

XIII. ПЕРВЫЙ АРЕСТЪ. ЗНАКОМСТВО СЪ Г. ЗУБАТОВЫМЪ. (Изъ воспоминаній и переписки).—**В. А. Гольцева.** 113

XIV. НОВЫЯ СЛАВЯНСКІЯ ТЕЧЕНІЯ.—**М. С.** 118

Стр.

XV. ТРЕТІЙ КОНГРЕССЪ «МЕЖДУНАРОДНАГО СОЮЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ЖЕНЩИНЪ» ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ. (7—12 августа 1906 г.).—Н. Мировичъ. 125

XVI. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 150

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ 160

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 189

XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.—Ю. А. и М. Л. 200

XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Критика, публицистика.—Философія, педагогика.—Исторія литературы, біографіи.—Учебники, пособія, книги для дѣтей.—Книги для народа.—Справочныя книги.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1906 г. 291

XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ЗА ПОЛВѢКА *).

Мои воспоминанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ изъ Казани въ Дерптъ.—Мой служитель Михаилъ Бушуевъ.—Переправа черезъ Волгу.—Побѣда студента-камералиста.—Что лежало въ „идеѣ“ Дерпта?—На сдаточныхъ въ Москву и Петербургъ зимой 1855 г.—Послѣ севастопольскаго погрома.—Петербургское искусство.—„Ливонскія Аѳины“.—Я и герой „Въ путь-дорогу“, въ Дерптѣ.—Главная программа этой главы.—Мы и нѣмцы.—Корпорація „Рутенія“.—Нравы студентовъ.—„Дикіе“.—Исторія съ „ферруфомъ“.—Дуэли.—Что представлялъ собою университетъ, сравнительно съ русскими?—Физіономія города Дерпта.—Уличная жизнь.—Наша студенческая бѣдность.—Развлеченія Дерпта.—„Академическая *Мусса*“.—Мои два факультета.—Мой учитель Карлъ Шмидтъ.—Порядки экзаменовъ.—Учебная свобода.—Мѣстное равнодушіе къ тогдашнему русскому „движенію“.—Знакомство съ С. Ѳ. Уваровымъ.—Русскія барскія дома.—Графъ С. А. Соллогубъ и жена его С. М.—Переводъ химіи Лемана.—Академикъ Зининъ.—Петербургъ въ мои поѣздки туда.—Составленіе учебника.—Проф. Лясковскій.—Н. Х. Кетчеръ.—Вакаціи въ Нижнемъ и въ деревнѣ.—Поворотъ къ писательству.—Любительскіе спектакли.—Комедіи: „Фразеры“ и „Однодворецъ“.—Нашъ кружокъ. Драма „Ребенокъ“.

Эта глава посвящена цѣликомъ моему студенчеству въ Дерптѣ. Оно длилось слишкомъ пять лѣтъ: съ конца ноября 1855 г. по конецъ декабря 1860 г. и захватило собою, какъ разъ, первое пятилѣтіе «эпохи реформъ».

Николаевское время было позади. Но для насъ—для учащейся молодежи, особенно въ тогдашней Казани—все еще пока обстояло попрежнему.

Я долженъ отойти нѣсколько назадъ и напомнить читателю о нѣкоторыхъ фактахъ изъ предыдущей главы.

Въ идею моего перехода въ Дерптъ потребность свободы входила несомнѣнно, но свободы, главнымъ образомъ «академической» (понѣмецкому термину). Я хотѣлъ серьезно учиться, не школьнически,

*) *Русская Мысль*, V кн., 1906 г.

не на моемъ двойственномъ, какъ бы дилетантскомъ, камеральномъ разрядѣ. *Это* привлекало меня больше всего. А затѣмъ и желаніе вкусить другой, чисто-студенческой жизни, съ ея традиціонными дозволенными вольностями, въ тѣхъ «Ливонскихъ Аѳинахъ», гдѣ порядки напоминали уже Германію.

Во всемъ этомъ воображеніе играло не малую роль. Новизна манила чрезвычайно, и опять-таки, новизна научная. Не думаю, чтобы въ средѣ большинства моихъ ближайшихъ товарищей «камераловъ» по третьему курсу, научный интересъ могъ привлекательно дѣйствовать. Изъ нихъ было много два-три человѣка, способныхъ хорошо заниматься. Но для того, чтобы сразу, безъ какого-нибудь, чисто-житейскаго повода — семейныхъ обстоятельствъ или временнаго исключенія—въ началѣ третьяго курса, задумать такое переселеніе въ дальній университетскій городъ съ чужимъ языкомъ, для поступленія на другой совсѣмъ факультетъ, съ потерей всего, что было достигнуто здѣсь, для этого надобенъ былъ особый зарядъ. Можетъ быть, и у меня недостало бы настойчивости, еслибъ мы не собрались втроемъ и не возбуждали другъ друга разговорами все на ту же тему, предаваясь радужнымъ мечтамъ.

И все было сдѣлано въ какихъ-нибудь шесть недѣль. Кромѣ начальства университетскаго, было и свое домашнее. Я предвидѣлъ, что этотъ внезапный переходъ въ Дерптъ смутитъ мою матушку болѣе, чѣмъ отца. Но согласіе всетаки было получено. Мы сложили наши скудные финансы. Свое содержаніе я получилъ впередъ на семестръ; но больше половины его должно будетъ уйти на дорогу. И для меня все это осложнялось еще постояннымъ расходомъ на моего служителя, навязаннаго мнѣ, съ самаго поступленія въ студенты. Да и жаль было разстаться съ нимъ.

Михаилъ Мемноновъ, по прозвищу Бушуевъ, сдѣлался и для меня, и для моихъ товарищей, какъ бы членомъ нашей студенческой семьи. Ему самому было бы горько покидать насъ. Отцу моему онъ никогда не служилъ, въ деревнѣ ему было дѣлать нечего. Въ житейскомъ обиходѣ мы его считали «мужемъ совѣта»; а въ дорогѣ онъ тѣмъ паче окажется опытнѣе и практичнѣе всѣхъ насъ.

Зима близилась, но саннаго пути еще не было. Стояли безснѣжные морозные дни. Приходилось ѣхать до Нижняго въ перекладной телѣгѣ, всѣмъ четверымъ: три студіоза и одинъ дворовый человѣкъ, тогда даже еще не «временно-обязанный».

Покидали мы Казань весело. У насъ не было къ ней никакихъ особенныхъ привязокъ. Меня лично давно уже не удовлетворяли ни университетскіе порядки, ни нравы студенческой братіи. Чего-ни-

будь общаго, сплоченнаго въ студенчествѣ не было. Отъ свѣтской жизни сословнаго губернскаго города я добровольно ушелъ, еще годъ назадъ, какъ я уже говорилъ во второй главѣ. Изъ профессоровъ жаль было только двоихъ—Бутлерова и Киттары, но Бутлеровъ самъ одобрилъ мою идею перехода въ Дерптъ, для спеціальнаго изученія химіи, далъ мнѣ и рекомендательное письмо къ своему когда-то наставнику, старику Клаусу, открывшему въ Казани, металлъ *рутеній*. Клаусъ давно уже занималъ, въ Дерптѣ, мѣсто директора фармацевтическаго института, профессора фармакологіи и фармаціи.

Припомню и то, что начальство, т.-е. инспекція, и тутъ заявила себя въ должномъ видѣ.

Читатель уже знаетъ, что на «увольнительномъ» свидѣтельствѣ моемъ инспекторъ поставилъ мнѣ въ поведеніи *четверку*, что считалось плохой отмѣткой и могло затруднить мое принятіе въ Дерптѣ.

Почему? Должно быть, потому, что въ моемъ «кондуитномъ спискѣ» значился карцеръ за инцидентъ, о которомъ я упоминалъ выше. Больше у меня не бывало никакихъ столкновеній съ инспекціей. Еще на первомъ курсѣ случалось покучивать съ товарищами, но весь второй я провелъ почти что затворникомъ. Въ смыслѣ неблагонадежности другого рода—инспекція не могла также меня заподозрить. И вообще-то тогда не было никакихъ «движеній» въ студенчествѣ. Лично я не имѣлъ исторій или даже рѣзкихъ разговоровъ съ какимъ-нибудь «субомъ», еще менѣе съ инспекторомъ. Ни одного замѣчанія по ношенію формы не доставалось.

Мы всѣ трое значились студентами разныхъ курсовъ и факультетовъ. Но проводы наши были самые скромные: нѣсколько ближайшихъ пріятелей пришли проститься, немножко, вѣроятно, выпили и только. Сплоченнаго товарищества по курсамъ, если не по факультетамъ, не существовало. Не помню, чтобы мои однокурсники особенно заинтересовались моимъ добровольнымъ переходомъ, разспрашивали бы меня о мотивахъ такого «coup de tête», приводили бы доводы за и противъ.

Не впервые приходилось ѣхать на перекладныхъ. Мои переѣзды на вакаціяхъ происходили и лѣтомъ, и зимой—въ кибиткѣ. Телѣга катила по мерзлой землѣ стараго казанскаго «тракта», съ колеями и выбоинами. На облучкѣ высилась фигура нашего «фамулюса» (говоря по-дерптски) Михаила Мемнонова, а мы въ рядъ засѣдали на сѣнѣ, упираясь спинами въ чемоданы.

Волгу уже начало затягивать «сало». На перевозѣ мы всѣ чуть было не перекинулись черезъ бортъ парома, такъ его накренило отъ разыгравшейся «погоды».

Впервые испыталъ я чувство настоящей опасности. Это было всего нѣсколько секундъ, но памятныхъ. До сихъ поръ мечется передо мною картина хмураго дня съ темно-сѣрыми волнами рѣки и очертаніями береговъ, и весь переполохъ на паромѣ.

Свиданіе со своими въ Нижнемъ обошлось болѣе мирно, чѣмъ я ожидалъ. Я не особенно огорчался тѣмъ, что къ моему переходу въ Дерптъ относились съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, если и не съ сильнымъ безпокойствомъ. Довольно было и того, что помирились съ моимъ рѣшеніемъ. Это равнялось признанію права: руководить самому своими идеями и стремленіями, искать лучшаго не затѣмъ, чтобы безпорядочно «прожигать» жизнь, а чтобы работать, расширять свой умственный горизонтъ, увлекаясь наукой, а не гусарскимъ ментикомъ.

Это была несомнѣнная *побѣда,* а для меня самого—пріобрѣтеніе, даже если бы я и не выполнилъ свою главную цѣль: сдѣлаться спеціалистомъ по химіи, что и случилось.

Но начиная съ самаго этого переселенія «изъ земли Халдейской въ землю Ханаанскую», сейчасъ же расширялся кругозоръ студента-камералиста, инстинктивно искавшаго пути къ высшему знанію *или* къ художественному воспроизведенію жизни.

Останься я оканчивать курсъ въ Казани, вышло бы одно изъ двухъ:

Или я, получивъ кандидатскій дипломъ по камеральному разряду (я его непремѣнно бы получилъ), вернулся бы въ Нижній и поступилъ бы на службу, т.-е. осуществилъ бы всегдашнее желаніе моихъ родныхъ. Матушка желала всегда видѣть меня чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. А дальше, стало бытъ, совѣтникомъ губернскаго правленія, и, если бы удалось перевестись въ министерство, петербургскимъ чиновникомъ извѣстнаго ранга.

Или же я пошелъ бы по ученой части, съ рессурсами казанской выучки. Бутлеровъ обнадеживалъ меня на счетъ магистерства. Камералисту, безъ болѣе серьезной подготовки «естественника», безъ спеціальныхъ знаній по физикѣ нельзя было пріобрѣсти правъ на занятіе каѳедры, развѣ въ области прикладной химіи, т.-е. технологіи. Но и въ лучшемъ случаѣ, еслибъ я даже и выдержалъ на магистра и занялъ мѣсто *адъюнкта* (какъ тогда называли приватъ-доцента), я бы впрягъ себя въ такое дѣло, къ которому у меня не было *настоящаго* призванія, въ чемъ я и убѣдился, продѣлавъ въ Дерптѣ, въ теченіе пяти лѣтъ, цѣлую, такъ сказать, *эволюцію* интеллектуальнаго и нравственнаго развитія, которую врядъ ли бы продѣлалъ въ Казани.

И что же бы случилось? Весьма вѣроятно, я добился бы каѳедры, сталъ бы составлять недурные учебники, читалъ бы, пожалуй, живо и занимательно, благодаря моему словесному темпераменту; но истиннаго ученаго изъ меня (даже и на одну треть такого, какъ мой первоначальный наставникъ Бутлеровъ) не вышло бы. Заложенныя въ мою природу литературныя стремленія и склонности пришли бы въ конфликтъ съ требованіями, какія наука предъявляетъ своимъ истиннымъ сынамъ.

Профессорскую *карьеру* я могъ бы сдѣлать; но, заморивъ въ себѣ писателя, оставался бы только болѣе или менѣе искуснымъ лекторомъ, а не двигателемъ науки.

Идея Дерпта, какъ научнаго «эльдорадо», такъ быстро охватившая меня въ сентябрѣ 1855 г., была только дальнѣйшей фазой моихъ порываній въ области свободнаго труда, далекаго отъ всякихъ соображеній карьеры, служебныхъ успѣховъ, прибыльныхъ мѣстъ, чиновъ и орденовъ.

Довольно даже странно выходило, что въ отпрыскѣ дворянскаго рода, въ самый разгаръ николаевскихъ порядковъ и нравовъ, на студенческой скамьѣ и даже на гимназической оказалось такъ мало склонности къ «государственному пирогу», такъ же мало, какъ и къ военной карьерѣ, т.-е. ровно никакой. Какъ гимназистикомъ 4 класса, когда я выбралъ латинскій языкъ для того, чтобы попасть, современемъ, въ студенты, такъ и дальше, въ Казани и Дерптѣ, я оставался безусловно вѣренъ царству высшаго образованія, университету, въ самомъ обширномъ смыслѣ—*universitas*, какъ понимали ее люди эпохи Возрожденія, къ совокупности всѣхъ знаній, философскихъ системъ, краснорѣчія, поэзіи, діалектики, прикладныхъ наукъ, самыхъ важныхъ для человѣка, какъ астрономія, механика, медицина и другія прикладныя доктрины.

Черезъ все это я и прошелъ, благодаря, главнымъ образомъ, моему, на иной взглядъ порывистому и необдуманному шагу—переходу въ дерптскій университетъ, на *другой* факультетъ.

Я такъ былъ этимъ воодушевленъ, что не могъ, конечно, отговаривать моихъ двухъ товарищей. Старшій изъ нихъ, мой землякъ, нижегородецъ З—чъ былъ сильно увлеченъ идеей Дерпта и сначала всего больше подговаривалъ и меня. Другой, камералистъ З—нъ, присталъ къ намъ позднѣе. Для обоихъ переходъ этотъ и тогда казался мнѣ рискованнымъ. Ни тотъ, ни другой не знали по-нѣмецки; а я говорилъ на этомъ языкѣ съ дѣтства. З—чъ перешелъ уже на четвертый курсъ. З—нъ никакой спеціальности еще не избиралъ, а

былъ просто бойкій, франтоватый, кое-что читавшій студентъ, склонный къ романтическимъ похожденіямъ юноша.

Его, кажется, всего больше привлекала «буршикозная» жизнь корпорацій, желаніе играть роль, имѣть похожденія, чего онъ впослѣдствіи и достигъ, и даже въ такой степени, что, послѣ побоищъ съ нѣмцами, былъ исключенъ и кончилъ курсъ въ Москвѣ, гдѣ сталъ серьезно работать и даже готовился, кажется, къ ученой дорогѣ.

Но тогда, т.-е. на тряской телѣгѣ, трое казанскихъ студентовъ были одинаково заражены «Ливонскими Аѳинами».

Зимняго пути все еще не было, и отъ Нижняго до Москвы, мы наняли тарантасъ на «сдаточныхъ», и ѣхать пришлось нѣсколько поудобнѣе, съ защитой отъ погоды и по менѣе тряскому грунту тогдашняго, очень хорошаго московскаго шоссе.

Для меня бытовая жизнь рано стала привлекательна. Поѣздкамъ въ студенческіе годы, т.-е. за цѣлыхъ *семь* лѣтъ, я многимъ былъ обязанъ. Этимъ путемъ я знакомился съ разными мѣстностями Россіи, попадалъ въ захолустные углы и бойкія мѣста Нижегородской, Тамбовской, Рязанской губерній, а на востокъ отъ Нижняго до Казани по Волгѣ зимой и на пароходахъ. Изъ Нижняго въ Москву дорога была мнѣ уже хорошо извѣстна; послѣ первой моей поѣздки въ Москву на масляницѣ 1853 г., а не дальше какъ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ я пролетѣлъ, на перекладныхъ, отправляясь къ отцу, въ Тамбовскую губернію на Москву и Рязань.

Ѣзда на «сдаточныхъ» была много разъ описана въ былое время. Она представляла собою родъ азартной игры. Все дѣло сводилось къ тому: удастся ли вамъ доѣхать, безъ исторіи, т.-е. безъ отказа ямщика, до послѣдняго конца, доставятъ ли васъ до мѣста назначенія, безъ прибавки.

Вы условливаетесь: столько-то за всю дорогу. Но сразу у васъ забирали впередъ больше, чѣмъ слѣдуетъ по разсчету верстъ. То же происходило и на каждомъ новомъ привалѣ. И послѣднему ямщику приходилось такъ мало, что онъ васъ прижималъ и вымогалъ прибавку.

Нашимъ министромъ финансовъ былъ Михаилъ Мемноновъ, довольно-таки опытный по этой части. Благодаря его умѣлости, мы доѣхали до Москвы безъ исторіи. Привалы на постоялыхъ дворахъ и въ трактирахъ были гораздо занимательнѣе, чѣмъ остановки на казенныхъ почтовыхъ станціяхъ. Одинъ комическій инцидентъ остался до сихъ поръ въ памяти. Въ ночь передъ въѣздомъ въ Москву, баба, которую ямщикъ посадилъ на «задокъ» тарантаса, разрѣшилась отъ

бремени, только что мы сдѣлали привалъ въ трактирѣ, уже на разсвѣтѣ. И мы же давали ей на «пеленки».

Москва промелькнула, не оставивъ никакихъ новыхъ впечатлѣній. Мы спѣшили захватить конецъ учебнаго семестра и на Петербургъ отсчитывали не больше недѣли.

Наши финансы были настолько не роскошны, что мы взяли товаро-пассажирскій поѣздъ, совершавшій переѣздъ въ 604 версты въ *двое сутокъ*. Второй товарищъ З—нъ заболѣлъ и доѣхалъ до Петербурга уже совсѣмъ больной. Мы должны были помѣстить его въ Обуховской больницѣ. У него открылся тифъ и онъ пріѣхалъ въ Дерптъ уже въ началѣ слѣдующаго полугодія.

Петербургъ встрѣтилъ насъ санной ѣздой. Въ какой-то меблировкѣ, около вокзала, мы переодѣлись и въ тотъ же вечеръ устремились «на авось» въ итальянскую оперу, ничего и никого не зная.

Невскій, въ зимнемъ уборѣ, съ тогдашнимъ освѣщеніемъ, казавшимся намъ блестящимъ, давалъ гораздо болѣе столичную ноту, чѣмъ Москва съ своимъ Кузнецкимъ мостомъ и безконечными бульварами.

У кассы Большого театра какой-то пожилой господинъ, чиновничьяго типа, предложилъ намъ три мѣста въ галлереѣ пятаго яруса. Это былъ абонентъ, промышляющій своими билетами. Онъ поднялся съ нами наверхъ и сдалъ насъ капельдинеру. Взялъ онъ съ насъ не больше восьмидесяти копеекъ за мѣсто.

Попадали мы на историческій спектакль. Это было *первое* представленіе «Трубадура», въ бенефисъ баритона Дебассини, во вновь отдѣланной залѣ Большого театра, съ ея позолотой, скульптурной отдѣлкой и фресками.

Даже и послѣ московскаго Большого театра эффектъ былъ еще неиспытанный. Итальянцевъ ни одинъ изъ насъ не слыхалъ, какъ слѣдуетъ.

Тогда была еще блистательная пора оперы: Тамберлякъ, Кальцоляри, Лаблашъ, Демерикъ, Бозіо, Дебассини. Въ этотъ спекталь зала показалась намъ особенно парадной. И на верхахъ насъ окружала публика, какую мы не привыкли видѣть въ парадизѣ. Все смотрѣло такъ чопорно и корректно. Учащейся молодежи очень мало, потому и гораздо меньше крика и неистовыхъ вызываній, чѣмъ въ настоящее время.

Пылкій и сообщительный З—нъ сталъ было въ антрактахъ заводить разговоры съ сосѣдями: но на него только косились. Къ тому же онъ былъ странно одѣтъ: въ какомъ-то сакъ-пальто съ капюшономъ.

Мое впечатлѣніе отъ петербуржцевъ средней руки, отъ той мас-

сы, гдѣ преобладалъ чиновникъ, холостой и семейный, сразу дало вѣрную ноту на десятки лѣтъ впередъ. И теперь, приличная петербургская толпа въ общихъ чертахъ—та же. Но она сдѣлалась понервнѣе, отъ огромнаго наплыва, въ послѣдніе годы, молодежи—студентовъ, студентокъ, профессіональныхъ женщинъ и «интеллигентнаго разночинца».

Въ ложахъ и креслахъ чиновно-свѣтскій мондъ, съ преобладаніемъ военныхъ, но манерѣ держать себя—мало отличался отъ теперешняго. Бросилось мнѣ въ глаза съ верховъ, что тогдашніе фешенебли не всѣ, но очень многіе, одѣвались такъ: черный фракъ, *свѣтло-сѣрые* панталоны, при черномъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ.

Тамберликъ бралъ свои «ut'ы», Бозіо плѣняла голосомъ и игрой, бенефиціантъ пѣлъ во всю, красиво носилъ костюмъ и бралъ своей видной фигурой и энергическимъ лицомъ.

Охваченный всѣми этими ощущеніями отъ сцены, оркестра, залы, я нѣтъ-нѣтъ да и вспомню, что вѣдь злосчастная война не кончена, прошло какихъ-нибудь два-три мѣсяца со взятія Севастополя, что тамъ десятки тысячъ мертвецовъ гніютъ въ общихъ ямахъ и тысячи раненыхъ томятся въ госпиталяхъ. А кругомъ ни малѣйшаго признака національнаго горя и траура! Все разряжено, все ликуетъ, упивается сладкозвучнымъ пѣніемъ, болтаетъ, охорашивается, глазѣетъ и грызетъ конфеты.

Въ Казани, какъ я говорилъ выше, замѣчалось такое же равнодушіе и въ средѣ студенчества. Не больше было одушевленія и въ дворянскомъ обществѣ. Петербургъ, какъ столица, какъ центръ національнаго самосознанія, поражалъ меня и тутъ, въ залѣ Большого театра, и во всю недѣлю, проведенную нами передъ отъѣздомъ въ Дерптъ, невозмутимостью своей обычной сутолоки, безъ малѣйшаго признака, въ чемъ бы то ни было, того трагическаго момента, какой переживало отечество.

Вѣдь это былъ какъ разъ поворотный пунктъ нашего внутренняго развитія. Жестокій урокъ только что былъ данъ западомъ сѣверо-восточному колоссу. Сторонниковъ николаевскаго режима, конечно, было не мало въ тогдашнемъ Петербургѣ. Въ военно-чиновничьей сферѣ они преобладали. И ни одного сокрушеннаго лица, никакихъ патріотическихъ настроеній, разговоровъ въ театрахъ, на улицѣ, въ магазинахъ, въ церквахъ.

И молодежь—тѣ студенты, съ какими мы видѣлись—не выказывала никакихъ признаковъ особаго подъема духа, даже и въ сторону какихъ-либо новыхъ теченій и упованій.

А мы нашли здѣсь довольно большую семью казанцевъ—студен-

товъ восточнаго факультета, только что переведеннаго въ Петербургъ. Многіе изъ нихъ были «казенные», и въ Казани мы надъ ними подтрунивали, какъ надъ болѣе или менѣе «восточными человѣками», хотя настоящихъ восточниковъ между ними было очень мало.

Здѣсь, въ какихъ-нибудь два полугодія, они сильно отшлифовались, носили франтоватые мундиры и треуголки, сдѣлались меломанами и даже любителями балета. «Казэнными», съ особымъ произношеніемъ этого слова, ихъ уже нельзя было называть, такъ какъ въ Петербургѣ они жили не въ казенномъ зданіи, а на квартирахъ и пользовались только стипендіями.

Изъ моихъ товарищей по нижегородской гимназіи я нашелъ здѣсь Г—ва, моего одноклассника. Въ гимназіи онъ шелъ далеко не изъ первыхъ, а въ Петербургѣ изъ него вышелъ дѣльный студентъ-юристъ, работавшій уже по исторіи русскаго права, погруженный въ разбираніе актовъ XVI и XVII вѣковъ.

И въ этомъ серьезномъ маломъ (онъ умеръ тотчасъ по выходѣ изъ университета) я не нашелъ какого-нибудь особаго подъема, въ смыслѣ общественномъ.

У него и у бывшихъ казанцевъ мы успѣли познакомиться съ дюжиной другихъ петербургскихъ студентовъ. Общій уровень былъ выше, разговоръ бойчѣе и культурнѣе и гораздо болѣе свѣтскости, даже и у тѣхъ, кто пробивался на стипендію. Я не помню, чтобы мы зачуяли какія-нибудь особенныя *настроенія,* чтобы вольный духъ сказывался въ направленіи идей и въ тонѣ разговоровъ. Но прежній режимъ уже значительно поослабъ, да въ огромномъ городѣ и немыслимъ былъ надзоръ, который и въ Казани-то ограничивался почти что только контролемъ по части соблюденія формы и хожденія въ церковь.

Когда, черезъ два года, мнѣ привелось провести зимнія вакаціи въ студенческомъ обществѣ, «духъ» уже вѣялъ совсѣмъ другой. Но объ этомъ ниже.

Зима 1855—1856 гг. похожа была на тотъ моментъ, когда замерзлое тѣло вотъ-вотъ начнетъ оттаивать и къ нему, быть можетъ, вернется жизнь.

Но бо̀льшая жизненность уже сказывалась въ отсутствіи гнета, трусливыхъ разговоровъ, въ какой-то новой бойкости и пестротѣ.

Въ сущности, такъ и должно было случиться. Севастопольскій погромъ стоялъ уже позади. Чувствовалось наступленіе другой эры и всѣмъ хотѣлось стряхнуть съ себя національный трауръ.

Былъ ли онъ и въ разгаръ крымской трагедіи очень силенъ съ

тогдашнемъ обществѣ, позволяю себѣ сомнѣваться, на основаніи всего, что видѣлъ во время войны.

Какъ заѣзжіе провинціалы, мы днемъ обозрѣвали разныя достопримѣчательности, начиная съ Эрмитажа, а вечеромъ я побывалъ во всѣхъ театрахъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ уже слегъ и помѣщенъ былъ въ больницу—у него открылся тифъ, а другой менѣе интересовался театрами.

По состоянію своихъ финансовъ я попадалъ на верхи. Но тогда, не такъ какъ нынче, всюду можно было попасть гораздо легче, чѣмъ въ настоящее время, начиная съ итальянской оперы, самой дорогой и посѣщаемой. Попалъ я и въ балетъ, чуть ли не на бенефисъ, и въ галлереѣ пятаго яруса нашелъ и нашихъ восточниковъ-казанцевъ, въ мундирчикахъ, очень франтоватыхъ и подстриженныхъ, совсѣмъ не отзывавшихъ казанскими «занимательными».

Давали балетъ «Армида», гдѣ впослѣдствіи знаменитая Муравьева исполняла, еще воспитанницей, роль Амура, а балериной была Фанни Черрито. Я успѣлъ побывать еще два раза у итальянцевъ, слушалъ «Ломбардовъ» и «Донъ-Паскале», съ Лаблашемъ въ главной роли. Во всю мою жизнь я видѣлъ всего одну оперу въ современныхъ костюмахъ, во фракахъ и, по-тогдашнему, въ пышныхъ юбкахъ и прическахъ съ большими зачесами на ушахъ.

Воскресный спектакль въ Александринскомъ театрѣ огорчилъ меня. Давали ужасную драму «Сальваторъ Роза», съ пожаромъ и разрушеніемъ замка. Леонидова, за его болѣзнью, замѣнялъ еще болѣе ужасный актеръ Славинъ, отличавшійся всегда способностью перевирать слова. Героиню играла Жулева, бывшая еще на молодомъ амплуа. Лейтенанта при атаманѣ разбойниковъ исполнялъ первый любовникъ труппы Алексѣй Максимовъ. Я просто вѣрить не хотѣлъ, что эта сухопарая фигура, съ глухимъ, смѣшнымъ, гнусавымъ голосомъ— первый сюжетъ и въ свѣтскихъ пьесахъ. Все это зрѣлище было, и на оцѣнку казанскаго студента, совершенно недостойно Императорской сцены, даже и въ воскресный вечеръ.

Послѣ жестокой драмы давали какой-то трехактный переводный водевиль, гдѣ троихъ мужей-рогоносцевъ играли Мартыновъ, Самойловъ и П. Григорьевъ. Мартынова я помнилъ по моимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Нижній на ярмарку; но я привыкъ и заочно считать его великимъ комикомъ, а тутъ роль его была такъ ничтожна и въ игрѣ его сквозила такая малая охота исполнять ее, что я съ трудомъ вѣрилъ въ подлинность Мартынова. Самойловъ пускалъ разныя штучки, изображая чудаковатаго старика-ревнивца, и его комизмъ казался мнѣ дѣланнымъ.

Кругомъ меня, въ галлереѣ пятаго яруса сидѣла разночинская публика, сортомъ гораздо ниже той, какая бываетъ теперь. Но и въ воскресный спектакль было гораздо меньше нынѣшняго «галдѣнья», надоѣдливыхъ вызововъ и криковъ.

Изъ глубины «курятника» въ райкѣ Михайловскаго театра смотрѣлъ я пьесу, передѣланную изъ романа Бальзака «Le lys dans la vallée». Послѣ прощальнаго вечера, на масляной, въ московскомъ Маломъ театрѣ, это былъ мой первый французскій спектакль. И въ этой слащавой, свѣтской пьесѣ, и въ какомъ-то трехактномъ фарсѣ (тогда были щедры на количество актовъ) я ознакомился съ лучшими силами труппы—въ женскомъ персоналѣ: Луиза Майеръ, Вольнисъ, Миля, Мальвина; въ мужскомъ—Бертонъ, П. Бондуа, Лемениль, Верне, Дешанъ, Пешна и др.

Нѣмцы играли въ Маріинскомъ театрѣ, передѣланномъ изъ цирка, и нѣмецкій спектакль оставилъ во мнѣ смутную память. Тогда въ Маріинскомъ театрѣ давали и русскія оперы; но театръ этотъ былъ еще въ загонѣ у публики и никто бы не могъ предвидѣть, что русскія оперныя представленія замѣнятъ итальянцевъ, и Маріинскій театръ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ Большой, въ дни итальянцевъ, что онъ будетъ всегда полонъ, что абонементъ на русскую оперу такъ войдетъ въ нравы высшаго петербургскаго общества.

Уже вдвоемъ, съ медикомъ З—чемъ, оставивъ больного товарища, мы выѣхали по шоссе въ Ливонскіе предѣлы. Путь нашъ шелъ на Нарву, по Эстляндіи, съ «раздѣльной» тогда станціей «Вайвара», откуда уже начинались настоящія чухонскія страны.

Русскихъ ямщиковъ смѣнили тяжелыя, закутанныя фигуры эстовъ, которымъ надо было кричать: «*Кухле! Рутту!*» Вмѣсто тройки—пара въ дышло и сани въ видѣ лодки.

Морозъ крѣпчалъ и первый ночной привалъ на станцію—чистую, свѣтлую, съ чаемъ и дешевымъ нѣмецкимъ ужиномъ—произвелъ на насъ впечатлѣніе нѣкоторой «заграницы».

Тутъ я останавливаюсь и долженъ опять (какъ дѣлалъ для Нижняго и Казани) оговориться передъ читателями романа «Въ путь-дорогу», а въ то же время и передъ самимъ собою.

Все самое характерное, черезъ что прошелъ герой романа Телепневъ въ «Ливонскихъ Аѳинахъ»—испыталъ въ общихъ чертахъ и я, и мнѣ пришлось бы неминуемо повторяться здѣсь, еслибъ я захотѣлъ давать заново подробности о тогдашнемъ Дерптѣ, университетѣ, буршахъ, физіономіи города.

Городъ, въ своей центральной части, гдѣ площадь «Маркта», университетъ и Ritterstrasse—чрезвычайно сохранилось и до сихъ

поръ. Меня это тронуло, когда я, по прошествіи тридцати слишкомъ лѣтъ, въ 90-хъ годахъ, заѣхалъ въ Дерптъ (теперь Юрьевъ) лѣтомъ.

Вы могли бы провѣрить физіономію этого стараго города съ тѣми страницами пятой книги романа, гдѣ описывается первое знакомство съ нимъ Телепнева. Марктъ списанъ точно вчера.

Но я долженъ сдѣлать опять весьма существенную оговорку—о предполагаемомъ тождествѣ Телепнева съ авторомъ романа.

Тутъ пути обоихъ расходятся: романистъ провелъ своего героя черезъ цѣлый рядъ итоговъ—и житейскихъ, и чисто умственныхъ, закончивъ его личныя испытанія любовью. Но главная нить осталась та же: исканіе высшаго интеллектуальнаго развитія, а подъ конецъ неудовлетворенность такой мозговой эволюціей, потребность въ болѣе тѣсномъ сліяніи съ жизнью родного края, съ идеалами общественнаго дѣятеля.

Въ самомъ же авторѣ романа, на протяженіи его пятилѣтней выучки въ Дерптѣ—происходила сначала скрытая, а потомъ и явная борьба будущаго писателя-беллетриста съ «питомцемъ точной науки», явившемся сюда готовиться къ ученой дорогѣ.

Сначала, въ первые два года, я еще считалъ себя воздѣлывателемъ химіи («Chemiae cultor») въ качествѣ главнаго предмета.

И уже въ этотъ слишкомъ двухлѣтній періодъ литературныя стремленія начали проявлять себя. Я сталъ читать нѣмецкихъ поэтовъ, впервые вошелъ въ Гейне, интересовался Шекспиромъ, сначала въ нѣмецкихъ переводахъ, его критиками, біографіями Шиллера и Гёте.

Но мысли о томъ, чтобы «пересѣдлать» (слово дерптскихъ русскихъ), измѣнить наукѣ, предаться литературѣ—только еще дремали во мнѣ.

Когда программа отдѣла химіи была преобразована (что случилось ко времени моего половиннаго экзамена) и въ нее введены были астрономія и высшая математика, и расширена физико-математическая часть химіи, я почувствовалъ впервые, что меня эта болѣе строгая спеціальность нѣсколько пугаетъ. Работы въ лабораторіи за цѣлые четыре семестра показали довольно убѣдительно, что во мнѣ нѣтъ той выдержки, какая отличаетъ изслѣдователей природы; слабъ и особый интересъ къ деталямъ химической кухни.

Первый поворотъ отъ строгой спеціальности сложился въ видѣ измѣны моей университетской «учобѣ». Физіологическая химія повела къ большему знакомству съ физіологіей, которая стояла какъ обязательный предметъ въ обѣихъ программахъ. Я былъ подгото-

вленъ (за исключеніемъ практическихъ занятій по анатоміи) къ тому, что тогда называлось у медиковъ «philosophicum», т.-е. къ поступленію на третій курсъ медицинскаго факультета, что я и рѣшилъ сдѣлать на третьемъ году моего житья въ Дерптѣ. Но и тогда о карьерѣ практикующаго врача я не думалъ. Студентомъ медицины оставался я до самаго конца, прослушавъ весь курсъ медицинскихъ наукъ, вплоть до клинической практики включительно.

Но въ послѣдніе три года, къ 1858 г., меня, дерптскаго студента, стало все сильнѣе забирать стремленіе не къ научной, а къ литературной работѣ. Пробужденіе нашего общества, новые журналы, приподнятый интересъ къ художественному изображенію русской жизни, наплывъ освобождающихъ идей во всѣхъ смыслахъ, пробудили нѣчто болѣе трепетное и теплое, чѣмъ чистая или прикладная наука.

И къ моменту прощанія съ Дерптомъ—химика и медика во мнѣ уже не было. Я уже выступилъ, какъ писатель, отдавшій на судъ критики и публики цѣлую пятиактную комедію, которая явилась въ печати въ октябрѣ 1860 г., когда я еще носилъ голубой воротникъ, но уже твердо рѣшилъ избрать писательскую дорогу, на доктора медицины не держать, а переѣхать въ Петербургъ, гдѣ и пріобрѣсти кандидатскую степень по другому факультету.

Я забѣжалъ впередъ, чтобы сразу выяснить процессъ того внутренняго броженія, какое происходило во мнѣ, и оттѣнить существенную разницу между дерптской эпопеей героя романа «Въ путь-дорогу» и тѣмъ, что сталось съ самимъ авторомъ.

И въ этой главѣ я буду останавливаться на тѣхъ сторонахъ жизни, которыя могли доставлять будущему писателю в его больше жизненныхъ чертъ того времени, поддерживать его наблюдательность; воспитывали въ немъ интересъ къ воспроизведенію жизни, давали толчокъ къ болѣе широкому умственному развитію, не по однимъ только спеціальнымъ познаніямъ, а въ смыслѣ той *Universitas*, какую я, въ семь лѣтъ моихъ студенческихъ исканій, въ сущности и прошелъ, побывавъ на трехъ факультетахъ; а четвертый, словесный, также не остался мнѣ чуждымъ, и онъ-то и переспилилъ все остальное, такъ какъ я становился все болѣе и болѣе *словесникомъ*, хотя и не прошелъ строго-классической выучки.

Передъ принятіемъ меня въ студенты дерптскаго университета, возникъ было вопросъ: не понадобится ли сдавать дополнительный экзаменъ изъ греческаго? Тогда его требовали отъ окончившихъ курсъ въ остзейскихъ гимназіяхъ. Передъ нашимъ поступленіемъ, будущій товарищъ мой Л—скій (впослѣдствіи профессоръ въ Кіевѣ), перейдя изъ кіевскаго университета на медицинскій факультетъ, долженъ

былъ сдать экзаменъ по-гречески. Тоже требовалось и съ натуралистовъ, но мы съ З—чемъ почему-то избѣгли этого.

Тогда это считалось крайне отяготительнымъ и чѣмъ-то глубоко ненужнымъ и схоластическимъ. А впослѣдствіи я не разъ жалѣлъ о томъ, что меня не заставили засѣсть за греческій. И уже больше тридцати лѣтъ спустя я—motu proprio, въ Москвѣ надумалъ дополнить свое «словесное» образованіе и принялся за греческую грамоту, подъ руководствомъ одной дѣвицы—«фишерки», что было характернымъ штрихомъ, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе XIX вѣка, для тогдашней Москвы.

Дерптскія мои «откровенія бытія» я обозрю здѣсь *синтетически*, въ видѣ крупныхъ выводовъ, и начну съ студенческаго быта, который такъ рѣзко отличался отъ того, что́ я оставилъ въ Казани.

Подробности значатся всего больше въ пятой книгѣ романа «Въ путь-дорогу». Не знаю—какой окончательный выводъ получаетъ читатель, въ пользу дерптскихъ порядковъ или нѣтъ; но думаю, что полной объективности у автора романа быть еще не могло.

Вѣдь и я, и всѣ почти русскіе, учившіеся въ мое время (если они пріѣхали изъ Россіи, а не воспитывались въ остзейскомъ краѣ), знали нѣмцевъ, ихъ корпоративный бытъ, семейные нравы и рельефныя черты тогдашней балтійской культуры, и дворянско-сословной, и общебюргерской—больше *изъ вторыхъ рукъ*, по наслышкѣ, со стороны, издали, во всякомъ случаѣ недостаточно, чтобы это приводило къ полной и безпристрастной оцѣнкѣ.

Какъ авторъ романа, я не погрѣшилъ противъ *субъективной* правды. Черезъ все это проходилъ его герой. Черезъ все это проходилъ и я. Въ романѣ—это монографія, интимная исторія одного лица, родъ «Ученическихъ годовъ Вильгельма Мейстера», разумѣется *mutatis-mutandis!* Вѣдь и у олимпійца Гёте, въ этой первой половинѣ романа, нѣтъ полной объективной картины, даже и многихъ уголковъ нѣмецкой жизни, которая захватывала Мейстера только съ извѣстныхъ своихъ сторонъ.

Такъ и тутъ. Какъ испытанія Телепнева—все это и теперь правдиво, но какъ *итоги*—тутъ многаго недостаетъ. И большинство моихъ сверстниковъ оставляло Дерптъ съ оцѣнками и взглядами, на которыхъ лежалъ значительный налетъ *субъективныхъ* чувствъ.

Иначе и не могло быть. Съ нѣмцами всѣ мы только сталкивались, а не жили съ ними. Сначала, въ первые два-три года моего студенчества, русскіе имѣли свою корпорацію; потомъ всѣ мы, послѣ того, какъ ее «прикончили», превратились въ безправныхъ. Нѣмецкіе бурши посадили насъ на «Verruf» (по-студенчески есть слово болѣе без-

пошлое и циническое), и въ такомъ положеніи мы всѣ дожили до выхода изъ университета. Съ нами нѣмцы не сносились, не разговаривали съ нами и въ аудиторіяхъ, и при занятіяхъ въ кабинетахъ и клиникѣ, черезъ что прошелъ и я съ другими медиками. Это было крайне тягостно. Дѣло кончилось генеральной схваткой, зачинщикомъ которой и былъ нашъ казанецъ З—нъ. Она описана въ романѣ довольно безпристрастно.

Въ подобныхъ условіяхъ полнаго знакомства съ нѣмецкимъ бытомъ—и студенческимъ, и бюргерскимъ, и сословно-дворянскимъ—не могло быть и не было. Въ нѣмецкихъ корпораціяхъ значилось нѣсколько русскихъ, уроженцевъ остзейскаго края; но мы ихъ не знали. Члены русской корпораціи—жили только «своей компаніей», съ буршами нѣмцами имѣли лишь официальныя сношенія по *Комману*, въ разныхъ засѣданіяхъ, вообще относились къ нимъ не особенно дружелюбно, хотя и были со всѣми на «ты», что продолжалось до того момента, когда русскихъ подвергли остракизму.

Стало быть, и *мои* итоги не могли выдти вполнѣ объективными, когда я оставлялъ Дерптъ. Но я былъ поставленъ въ условія бо́льшей умственной и такъ сказать *бытовой* свободы. Я пріѣхалъ уже студентомъ третьяго курса, съ серьезной, опредѣленной цѣлью, безъ всякаго національнаго или сословнаго задора, чтобы воспользоваться какъ можно лучше тѣмъ «академическимъ» (т.-е. учебно-ученымъ) режимомъ, который выгодно отличалъ тогда Дерптъ отъ всѣхъ университетовъ въ Россіи.

Въ этомъ я не ошибся. Учиться можно было *во всю,* работать въ лабораторіи, посѣщать всевозможные курсы, быть у источника нѣмецкой науки, жить дешево и тихо.

Корпорація «Рутенія», куда я попалъ съ моими казанцами, въ какихъ-нибудь полгода не только выдохлась для меня, но стала прямо невыносимой.

На нее нѣмецкій «буршико́зный» бытъ подѣйствовалъ всего сильнѣе своими отрицательными сторонами. Я нашелъ кружокъ изъ разныхъ элементовъ, на одну треть не русскихъ (нѣмцы изъ Россіи и одинъ еврей), съ привычкой къ молодечеству на нѣмецкій ладъ, въ видѣ постоянныхъ попоекъ, безъ всякихъ серьезныхъ запросовъ, даже съ принципіальнымъ нежеланіемъ, на попойкахъ и сходкахъ, говорить о политикѣ, религіи, общественныхъ вопросахъ, съ очень малой начитанностью (особенно по-русски), съ варварскимъ жаргономъ и такимъ складомъ веселости и остроумія, который сразу я нашелъ довольно-таки низменнымъ.

По-своему, я (какъ и герой романа Телепневъ) былъ правъ. Я

ожидалъ совсѣмъ не того и, безъ всякаго сомнѣнія видѣлъ, что казанскій третьекурсникъ представлялъ собою нѣчто другое, хотя и явился изъ варварскихъ, полутатарскихъ странъ.

Но такъ ли оно было на самомъ дѣлѣ, если поглядѣть «ретроспективнымъ» взглядомъ? Русскимъ «бурсакамъ» (какъ они себя называли въ пѣсняхъ) вредилъ всего больше подражательный ритуалъ товарищеской жизни, по образцу нѣмецкихъ корпорацій. Когда они сдѣлались «vogelfrei», были посажены нѣмцами на «Verruf»—тѣ же самые бурши, къ которымъ присоединились нѣсколько «дикихъ» (Wilde), въ томъ числѣ и я, зажили гораздо осмысленнѣе, и въ ихъ же средѣ я могъ найти весьма сочувственный откликъ на мои опыты писательства.

Наукой, какъ желалъ работать я, никто изъ нихъ не занимался, но всѣ почти кончили курсъ, были дѣльными медиками, водились и любители музыки, въ послѣніе 50-е годы стали читать русскіе журналы, а нѣмецкую литературу знали всетаки больше, чѣмъ рядовые студенты въ Казани, Москвѣ или Кіевѣ.

Корпоративный бытъ привилъ, кромѣ того, привычку къ болѣе сомкнутому товариществу, при которомъ нельзя сторониться другъ друга. Суть этого единенія была слишкомъ уже пуста, сводилась къ кутежу и «шалдашничанью» (т.-е. ничегонедѣланью), но идея солидарности всетаки держалась.

Меня лично такая совмѣстная жизнь не могла удовлетворять. Превратись я въ настоящаго «бурша», я бы смотрѣлъ на это, какъ на сильный шагъ назадъ, на паденіе своего «я». Для меня, въ тотъ моментъ, предметъ пылкаго культа были *точное* знаніе вообще и «наука наукъ»—*химія*. А у нихъ, на попойкахъ, слово «Gelehrter» было шутливо-оскорбительнымъ прозвищемъ, за которое вызывали на пивную дуэль. Это называлось на ужасномъ нѣмецко-русскомъ жаргонѣ «закатить гелертера». Если вдуматься, то такое отношеніе къ учености, къ культу науки, совсѣмъ не такъ глупо и пошло.

Подъ этимъ сидитъ такой рядъ афоризмовъ: «въ юности не напускай на себя излишней серьезности; лови моментъ, пой и смѣйся; учись, если желаешь; но на товарищеской пирушкѣ не кичись своей ученостью, а то получишь нахлобучку».

Никто изъ буршей не возмущался тѣмъ, что явившійся изъ Казани студентъ хочетъ изучать химію у Карла Шмидта; но если онъ желалъ быть сразу persona grata, онъ, поступивъ «фуксомъ» въ корпорацію, долженъ былъ продѣлывать *ихъ* родъ жизни, т.-е. пить и поить другихъ, пѣть вакхическія пѣсни и предаваться болтовнѣ, которая вся вертѣлась около такого буршикознаго прожиганія жизни.

За цѣлое полугодіе моей выучки, въ званіи фукса, я не слыхалъ—на какой-нибудь вечеринкѣ или попойкѣ (что было одно и то же), разговора, который хоть немного напомнилъ бы мнѣ: зачѣмъ, собственно, переѣхалъ я съ береговъ рѣчки Казанки на берега чухонскаго Эмбаха?

Можно и теперь безъ преувеличенія сказать, что въ самомъ преддверіи эпохи реформъ, бурши «Рутеніи» совершенно еще спали, въ смыслѣ общественнаго обновленія; они были—по всему складу ихъ кружковой жизни—дореформенные молодые люди, какъ бы ничѣмъ не связанные съ тѣми упованіями и запросами, которые повсюду, внутри страны, уже пробивались наружу.

Одинъ примѣръ изъ сотни—и самый вѣскій.

И въ Казани, и въ Дерптѣ состоялъ при мнѣ все тотъ же крѣпостной служитель, Михаилъ Мемноновъ, который въ Дерптѣ находилъ свою матеріальную жизнь лучше, чѣмъ мы, его господа, ходилъ кормиться къ русскому портному, по фамиліи Пѣтухъ, и ѣлъ куда вкуснѣе и свѣжѣе, чѣмъ мы. Въ Казани мы съ своими товарищами по квартирѣ, то и дѣло, говорили о крѣпостномъ правѣ и *всѣ искренно желали его уничтоженія*. Этотъ служитель мнѣ не былъ нуженъ и я не отсылалъ его потому, что привязался къ нему и у меня ему было очень хорошо: мы обращались съ нимъ, какъ съ пріятелемъ, и дѣлились всѣмъ, что сами получали. И всѣмъ намъ дѣлалось весело, когда Михаилъ Мемноновъ пророчески восклицалъ:

— «Не умру крѣпостнымъ. Будетъ воля—не сегодня, такъ завтра!»

И что же? За всю мою выучку въ корпораціи, и позднѣе, когда я видался съ буршами, я никогда не слыхалъ ни единаго слова на эту тему,—такова была ихъ отчужденность отъ всего того, что уже назрѣло «въ Россіи».

И всетаки, въ общемъ, корпораціи были культурнѣе того, какъ жили иныя товарищескія компаніи Казани, съ очень грубыми и циническими нравами. Самая выпивка была вставлена въ рамки, съ извѣстнымъ обрядомъ, хотя я и нашелъ въ «Рутеніи» двухъ-трехъ матёрыхъ студентовъ-«филистровъ» (отслушавшихъ лекціи)—настоящихъ алкоголиковъ. Не было и цинизма, ни на дѣлѣ, ни даже на словахъ, и это обнаруживало несомнѣнный культурный признакъ. Въ Казани, въ разговорахъ и прибауткахъ, у многихъ все уснащалось народной «родительской» бранью. Нѣкоторые доходили до прямой виртуозности. У буршей, несмотря на то, что половина пріѣхала сюда изъ русскихъ городовъ—ничего подобнаго! Это считалось непростительнымъ, даже и въ пьяномъ видѣ.

Эротическіе нравы стояли совсѣмъ на другомъ уровнѣ. И въ этомъ давали тонъ нѣмцы. Одна корпорація (Fraternitas Rigensis) славилась особеннымъ, какъ бы обязательнымъ, цѣломудріемъ. Про нее русскіе бурши любили разсказывать смѣшные анекдоты,—о томъ, какъ «рижане» будто бы шпіонили, по этой части, другъ друга, ловили товарищей у мамзелей зазорнаго поведенія.

Но и «мамзелей» въ тогдашнемъ Дерптѣ водилось очень мало. Открытая проституція почти что не допускалась, не такъ, какъ въ Казани, гдѣ любимой формой молодечества пьяныхъ студенческихъ ватагъ считалось: разбивать публичные дома за Булакомъ!

Все это въ Дерптѣ было немыслимо. Если мои товарищи по «Рутеніи», а позднѣе по нашему вольному товарищескому кружку, грѣшили противъ цѣломудрія, то это считалось «приватнымъ» дѣломъ, наружу не всплывало, такъ что я, за всѣ пять лѣтъ, не зналъ, напримѣръ, ни у одного товарища ни единой нелегальной связи, даже въ самыхъ приличныхъ формахъ; а о женитьбѣ тогда никто и не помышлялъ, ни у нѣмцевъ, ни у русскихъ. Это просто показалось бы дико и смѣшно.

Ни одной попойки не помню я съ женскимъ поломъ. Онъ водился на окраинахъ города, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ, изъ нѣмокъ и онѣмеченныхъ чухонокъ. Всѣ онѣ были наперечетъ и разговоры о нихъ происходили крайне рѣдко.

Не отвѣчаю за всѣхъ моихъ товарищей, но въ мою пятилѣтнюю дерптскую жизнь этотъ элементъ не входилъ ни въ какой формѣ. И такая строгость вовсе не исходила отъ одного внѣшняго гнета. Она была скорѣе въ воздухѣ и отвѣчала тому настроенію, какое владѣло мною, особенно въ первые четыре семестра, когда я предавался культу чистой науки и еще мечталъ сдѣлать изъ себя ученаго.

Какова бы ни была скудость корпоративнаго быта, среди русскихъ, по умственной части, всетаки же этотъ бытъ сдѣлалъ то, что послѣ погрома «Рутеніи» мы всѣ могли собраться и образовать свободный кружокъ, безъ всякаго письменнаго устава, и прожили больше двухъ лѣтъ очень дружно.

«Дикихъ» оказалось нѣсколько человѣкъ (въ томъ числѣ и я) и они внесли съ собою другой духъ, другія повадки. Пало обязательное выпиванье, начались сходки съ литературнымъ оттѣнкомъ, и въ моей писательской судьбѣ онѣ сыграли роль весьма значительную. Къ тому времени меня уже гораздо сильнѣе потянуло въ сторону беллетристики. На нашихъ сборищахъ читалась уже въ зиму 1858—59 гг. комедія «Фразеры», первоначально озаглавленная

«Шила въ мѣшкѣ не утаишь», которую я рѣшился везти въ Петербургъ печатать и ставить, если она пройдетъ въ театрально-литературномъ комитетѣ.

Нашъ кружокъ сплотился еще сильнѣе, въ бурные дни массоваго столкновенія съ нѣмцами, подробно описаннаго въ моемъ романѣ. Тогда всѣ почувствовали себя русскими, даже и тѣ обрусѣлые нѣмцы, какіе были въ «Рутеніи». Главнаго зачинщика, нашего казанца З—на, ударившаго нѣмца ремнемъ по лицу за нежеланіе давать ему «сатисфакцію» (такъ какъ мы всѣ были на *феррумѣ*), начальство немедленно удалило, продержавъ въ заперти въ полицейской тюрьмѣ. Но нашъ свободный кружокъ не проникался никакимъ особеннымъ шовинизмомъ. На нѣмцевъ мы смотрѣли съ бо̀льшей терпимостью, чѣмъ они на насъ. Страдали отъ остракизма мы, а не они. Намъ казалось все болѣе и болѣе дикимъ, что русскимъ студентамъ, въ Россіи, въ Императорскомъ университетѣ, нельзя жить безъ подчиненія нѣмецкому «Комма̀ну», который не имѣлъ никакой правительственной санкціи. Но и попечитель ничего не могъ, или не хотѣлъ, сдѣлать, чтобы прекратить такое *statu quo*. Его разговоръ съ нашими депутатами (роль Телепнева игралъ я) описанъ мною безъ всякихъ прикрасъ и всего какихъ-нибудь четыре года спустя, когда все еще свѣжо сохранялось въ памяти.

Больше уже до выхода моего никакихъ, ни кровавыхъ, ни рукопашныхъ столкновеній не происходило. Нашимъ медикамъ приходилось (какъ я замѣтилъ и выше) всего тяжелѣ въ клиникахъ, гдѣ никто изъ нѣмцевъ съ нами не говорилъ.

Теперь, въ Юрьевскомъ университетѣ такія претензіи остзейцевъ показались бы комическими.

Но и тогда существовали давно два польскихъ союза «Щегулъ» и «Огулъ», которые не признавали нѣмецкаго общаго устава. Они добились этого не безъ борьбы, и ихъ нѣмцы побаивались уже потому, что, въ случаѣ дуэлей (по-дерптки «шкандаловъ») они выходили только на пистолетахъ, а не на нѣмецкихъ эспадронахъ, которые мы звали неправильно «рапирами».

Дуэлированіе (сохранившееся, какъ я слышу, и по днесь, по крайней мѣрѣ, у нѣмцевъ) описано въ моемъ романѣ. Оно выродилось въ смѣшноватый ритуалъ, изрѣдка съ болѣе серьезными послѣдствіями и поддерживало въ корпоративномъ быту постоянный задоръ, амбиціозность, не высокаго сорта удальство—совершенно такъ, какъ, до сихъ поръ, въ Германіи, гдѣ шрамы на лицѣ считаются патентомъ на геройство. Въ Дерптѣ ударовъ по лицу не получали, потому что дуэли офиціально преслѣдовались, и дрались въ огромныхъ кожаныхъ

шлемахъ. Поводы къ дуэлямъ отличались вздорностью, и внутри корпораціи, и между буршами разныхъ корпорацій. Извѣстное количество «шкандаловъ» надо было имѣть съ чужими: безъ этого репутація падала въ глазахъ остальныхъ.

Но и эта полукомическая игра въ средневѣковыя *ордаліи* давала извѣстный тонъ, вырабатывала бо́льшее сознаніе своего, хотя бы и внѣшняго, достоинства. Всякій долженъ былъ отвѣчать не только за свои поступки, *но и за слова*. Оправданія состояніемъ опьяненія (такъ частаго у буршей) не принимались.

Съ такимъ пережиткомъ варварства я никогда не мирился и всегда это высказывалъ. И тогда уже среди нѣмцевъ водились студенты (особенно теологи), которые не дрались, объявляя это «противъ ихъ убѣжденія». Но въ «Рутеніи» такихъ не было. Какъ всегда русскіе, когда обезьянятъ съ чужого, теряютъ всякую самобытность. Но все это было—напускное. Доказательство налицо. Тѣ же бурши, послѣ того, какъ сбросили съ себя иго *коммана* и стали вмѣстѣ съ нами, «дикими», жить свободнымъ товарищескимъ кружкомъ, утратили всякій задоръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ не случилось у насъ ни одной дуэли, ни одной даже непріятной исторіи между своими, не оказалось надобности учреждать и «судъ чести», какой завели у себя нѣмцы. Это учрежденіе (вѣроятно, оно и до сихъ поръ существуетъ) поддерживало извѣстную нравственную дисциплину; идею его похулить нельзя, но разбирательства всего больше вертѣлись около «шкандаловъ», вопросовъ «сатисфакціи» и подчиненія комману; я помню, однако, что нѣсколько именъ стояло на такъ называемомъ «Verruf-zettel» за неблаговидные поступки, хотя это и не вело къ ходатайствамъ передъ начальствомъ объ исключеніи, даже и въ случаяхъ подозрѣнія въ воровствѣ или мошенническихъ продѣлкахъ.

Нашъ вольный кружокъ, уже черезъ какихъ-нибудь полгода, потерялъ прежнюю буршикозную физіономію. Насъ, «дикихъ», принесшихъ съ собою другіе умственные запросы и другіе нравы, прозвали *эллинами* въ противоположность старымъ, *пелазгамъ*. Полнаго сліянія, конечно, не могло произойти, но жили въ ладу съ преобладаніемъ эллинской культуры.

Въ подведеніи этихъ дерптскихъ *итоговъ* я уже забѣжалъ впередъ. Держаться хронологическаго порядка, повело бы къ лишнимъ подробностямъ, было бы очень пестро, пришлось бы и разбрасываться. Лучше будетъ раздѣлить то, о чемъ стоитъ вспомнить, на нѣсколько крупныхъ пунктовъ.

Сначала, что представлялъ собою Дерптъ въ его общей жизни, какъ «академическій» городокъ и какъ уѣздный городокъ остзейскаго

края, который всетаки входилъ въ составъ Русской имперіи и, въ извѣстной степени, испытывалъ неизбѣжное воздѣйствіе нашего государственнаго и національнаго строя?

Затѣмъ, университетъ въ его лучшихъ представителяхъ, складъ занятій, отличіе отъ тогдашнихъ университетскихъ городовъ, сравнительно, наприм., съ Казанью, все то, чѣмъ дѣйствительно можно было попользоваться для своего общаго умственнаго и научно-спеціальнаго развитія; какъ поставлены были студенты въ городѣ; что они имѣли въ смыслѣ общеразвивающихъ условій; какія художественныя удовольствія; какія формы общительности, внѣ корпоративной, т.-е. почти исключительно трактирной (по «кнѣйпамъ») жизни, какую вело большинство буршей?

Русское общество въ тогдашнемъ Дерптѣ, всѣ знакомства, какія имѣлъ я въ теченіе пяти лѣтъ, и ихъ вліяніе на мое развитіе. Наши *свѣтскія* знакомства, театральное любительство, характеръ свѣтскости, отношеніе къ намъ—студентамъ—русскихъ семействъ и все развивавшаяся связь съ тѣмъ, что происходило внутри страны, въ нашихъ столицахъ.

Мои экскурсіи въ вакаціонное время. Петербургъ, Москва, Нижній, деревня. Расширеніе кругозора наблюденій и всякаго рода жизненныхъ опытовъ.

Въ связи со всѣмъ этимъ во мнѣ шла и внутренняя работа, та борьба, въ которой писательство окончательно побѣдило, подъ прямымъ вліяніемъ обновленія нашей литературы, журналовъ, театра, прессы. Жизнь все сильнѣе тянула къ работѣ бытописателя. Опыты были продѣланы въ Дерптѣ, въ тѣ послѣдніе два года, когда я еще продолжалъ слушать лекціи по медицинскому факультету. Найдена была и та форма, въ какой сложилось первое произведеніе, съ которымъ я дерзнулъ выступить уже какъ *настоящій* драматургъ, еще нося голубой воротникъ.

«Ливонскія Аѳины» представлялись издали, какъ и намъ изъ Казани, чѣмъ-то гораздо болѣе *заграничнымъ*; вообще чѣмъ-то красивѣе и привлекательнѣе того, что имѣлось въ дѣйствительности.

Дерптъ, теперешній Юрьевъ, былъ въ то время, т.-е. полвѣка назадъ, городкомъ лучше обстроеннымъ и болѣе культурнымъ, чѣмъ всѣ уѣздные города, въ какихъ я тогда бывалъ, даже самые многолюдные и бойкіе. Его можно было сравнивать только съ губернскими городами, не такими, какъ, напримѣръ, Саратовъ, Казань, Харьковъ, Кіевъ, Нижній, но—весьма и весьма въ его пользу—съ такими какъ Владиміръ, Витебскъ, Кострома. Выше я уже говорилъ, какъ

онъ, до сихъ поръ, мало измѣнился въ своемъ центрѣ, самомъ характерномъ кварталѣ, на Марктѣ и смежныхъ улицахъ.

Зданіе университета его не краситъ, потому что стоитъ въ сторонѣ, на узкой площадкѣ. Но холмы, разбитые подъ паркъ (такъ называемый *Dom*), гдѣ руины католической церкви рыцарскаго ордена и зданіе клиникъ, анатомическаго театра и кабинетовъ, придаютъ Дерпту особый живописный и совсѣмъ не провинціальный отпечатокъ. Эти верхи, въ послѣдніе годы, обстроились, въ направленіи желѣзной дороги, и разрослись въ новый кварталъ, который былъ для меня неожиданностью, когда я навѣстилъ Юрьевъ, послѣ слишкомъ тридцатилѣтняго отсутствія, въ 90-хъ годахъ.

И тогда въ Дерптѣ можно было и людямъ, привыкшимъ къ комфорту болѣе, чѣмъ студенческая братія, устроиться лучше, чѣмъ въ любомъ великорусскомъ городкѣ. Были недурныя гостиницы, не мало сносныхъ и недорогихъ квартиръ, даже и съ мебелью, очень дешевые парные извозчики, магазины и лавки всякаго рода (въ томъ числѣ прекрасные книжные магазины), кондитерскія, клубы, разные ферейны, цѣлый ассортиментъ студенческихъ ресторановъ и кнейпъ.

Нѣмецкая печать лежала на всей городской культурѣ, съ сильной примѣсью народнаго, т.-е. эстонскаго элемента. Языки слышались на улицахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, лавкахъ, на рынкѣ почти исключительно—нѣмецкій и эстонскій. Въ базарные дни наѣжали эстонцы, распространяя запахъ своей махорки и особенной чухонской вони, которая бросилась мнѣ въ носъ и когда я попалъ въ первый разъ на базарную площадь Ревеля, въ 90-хъ годахъ.

Но и тогда уже, т.-е. во второй половинѣ 50-хъ годовъ, чувствовалось то, что «Ливонскія Аѳины» принадлежатъ *русскому* государству и представляютъ собою уѣздный городъ Лифляндской губерніи.

Во-первыхъ, я нашелъ тамъ, въ зиму 1855—56 гг., цѣлый гвардейскій уланскій полкъ, тотъ самый, гдѣ тогда еще служилъ Фетъ-Шеншинъ, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Онъ и воспитывался въ нѣмецкомъ пансіонѣ, въ одномъ изъ городковъ Лифляндской губерніи. Долго оставался въ Дерптѣ и цѣлый отрядъ корпуса топографовъ, съ училищемъ; была русская пробирная палатка, русская почта, разныя другія присутственныя мѣста; много колоніальныхъ лавокъ, содержимыхъ нашими ярославцами; а на базаръ пріѣзжали постоянно русскіе старовѣры, безпоповцы изъ деревни Черной.

Городъ жилъ такъ, какъ описано въ моемъ романѣ. Тамъ ничего не прибавлено и не убавлено. Внѣшняя жизнь вообще была тихая; но не тише, чѣмъ въ среднихъ русскихъ губернскихъ городахъ, даже

бойчѣе, по ѣздѣ студентовъ на парныхъ пролеткахъ и саняхъ, особенно когда происходили періодическія попойки и загородныя экскурсіи.

Мы, русскіе студенты, мало проникали въ домашнюю и свѣтскую жизнь нѣмцевъ разныхъ слоевъ общества. Сословныя дѣленія были такія же, какъ и въ Россіи, если еще не сильнѣе. Преобладалъ бюргерскій классъ нѣмецкаго и онѣмеченнаго происхожденіи. Жили домами и не мало *ка̀ксовъ*, т.-е. дворянъ-балтовъ. Они имѣли свое сословное собраніе «Ressource», давали балы и вечеринки. Купечество собиралось въ своемъ «Casino»; а мастеровые и мелкіе лавочники въ шустеръ-клубѣ—«Bürgermusse».

Всякій остзеецъ изъ Риги, Митавы, Ревеля, а тѣмъ болѣе изъ мелкихъ городовъ Прибалтійскаго края, находилъ въ Дерптѣ все, къ чему онъ привыкъ, и ему жизнь въ Дерптѣ должна была нравиться еще и по тому оттѣнку, какой придавала ей университетская молодежь.

При всей «буршикозности» корпоративнаго быта, уличныхъ оказательствъ молодечества почти что не водилось: шумной, бѣшеной ѣзды, задиранья женщинъ, ночныхъ скандаловъ. Въ одиннадцать часовъ педеля производили ночной обходъ всѣхъ ресторановъ и пивныхъ, заходили во всѣ квартиры, гдѣ «анмельдованы» были попойки, и просили студентовъ разойтись.

Въ самые глухіе часы уличная тишина нарушалась только студенческимъ кортежемъ, въ саняхъ или шарабанахъ, за городъ, въ тѣ корчмы, гдѣ происходили обыкновенно дуэли на рапирахъ.

Нѣмецъ-гимназистъ изъ другихъ городовъ края, попадая въ дерптскіе студенты, устраивался по своимъ средствамъ и привычкамъ сразу, безъ всякихъ хлопотъ, и если въ корпораціи дѣлалъ долги и тратилъ сравнительно много, то «дикимъ» могъ проживать меньше, чѣмъ проживали мы и въ русскихъ провинціальныхъ университетскихъ городахъ.

Слышно, что и теперь бѣдняки ѣдутъ въ Юрьевъ, зная, что тамъ можно просуществовать чуть не на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ!

То же возможно было и тогда.

Обыкновенно, *полугодовую* квартиру, одну комнату съ передней или безъ нея, нанимали, съ отопленіемъ и мебелью—за 20—30 рублей. Обѣдъ, на двоихъ, стоилъ тогда отъ 4 до 6 рублей. Какой это былъ обѣдъ—не спрашивайте! Но *такой* ѣдой довольствовались двѣ трети студенчества, остальная треть ѣла въ кнейпахъ и въ «рестораціяхъ» (Restauration) съ цѣнами порцій отъ пятнадцати до тридцати копеекъ.

Ничтожное меньшинство ходило въ ресторанъ тогдашняго «Hôtel London» съ выписанными изъ Пруссіи кельнерами, гдѣ можно было ѣсть на марки—по двадцати копеекъ каждая.

Стóитъ всетаки напомнить, что такое былъ тотъ обѣдъ, который мы имѣли помѣсячно. Его приносили въ судкахъ (по тамошнему «менажки»). Онъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, причемъ каждое блюдо составляло, по больничному выраженію, только *полпорціи*. Супъ вы рѣдко получали; его замѣняла каша-размазня, или родъ лапши съ прогорклымъ масломъ. Второе блюдо—яко бы мясное; но тѣ «кровяныя котлеты съ патокой и коринкой», о которыхъ упоминается въ моемъ романѣ—не принадлежатъ вовсе къ поэтическимъ миѳамъ; а могли быть отнесены и къ реальнымъ возможностямъ.

И на такую-то пищу мы съ моимъ казанскимъ товарищемъ З—имъ сразу сѣли. Состояніе нашихъ финансовъ вскорѣ такъ ослабло, что пришлось, поджидая присылки денегъ, питаться, не одну недѣлю, сухарями изъ ржаного хлѣба (мы ихъ сами сушили въ печкѣ) съ дешевымъ мѣстнымъ сыромъ, по двѣнадцати копеекъ фунтъ.

Тутъ я открою скобку и повторю еще разъ (чтобы къ этому уже болѣе не возвращаться), что мы—въ наше студенческое время, и въ Казани, и въ Дерптѣ, да и въ столицахъ—не смотрѣли такими глазами на свою нужду, какъ нынѣшняя молодежь.

Вѣдь и въ наше время вездѣ было не мало бѣдняковъ, среди своекоштныхъ студентовъ. Согласитесь, если вы кормитесь, мѣсяцами, *на два рубля*, питаетесь *недѣлями* черными сухарями съ скверным сыромъ и платите за квартиру 4—6 рублей въ мѣсяцъ, вы—настоящій *бѣднякъ*.

Но тогда не было въ обычаѣ, какъ я уже замѣтилъ, вызывать въ обществѣ особый видъ благотворительности, обращенной на учащихся. Не знали мы—студенты—того взгляда, что общество какъ будто *обязано* насъ поддерживать. Это показалось бы намъ прямо *унизительнымъ*, а теперь это норма, нѣчто, освященное традиціей.

Не хочу впадать здѣсь въ рѣзко-обличительный тонъ! При нынѣшнихъ прерогативахъ университетской молодежи, это—скользкая почва. Но я утверждаю положительно, что мы мирились съ бѣдностью, дурной пищей, плохой квартирой—гораздо охотнѣе и выносливѣе; не позволяли себѣ дѣлать изъ этой бѣдности какого-то мундира. А помощь тогда являлась крайне рѣдко и скудно. Были казенные студенты, живущіе въ университетѣ или нѣтъ (какъ въ Петербургѣ), были кое-какія субсидіи, но такого всеобщаго исканія денежной поддержки отъ государства и общества—положительно не водилось въ

нравахъ студентовъ ни въ Казани, ни въ Дерптѣ. Благотворительныхъ обществъ, для поддержки студентовъ, нигдѣ и не было.

Я, до сихъ поръ, не знаю—сколько тогда значилось въ Дерптѣ «казенныхъ» студентовъ среди нѣмцевъ, поляковъ, эстонцевъ и латышей; но среди русскихъ—ни буршей, ни «дикихъ»—не помню *ни одного*.

А какіе мы были богачи—видно изъ того, что я сейчасъ привелъ насчетъ нашего питанія съ 3—чемъ въ первый семестръ нашего дерптскаго житья.

Правда, при мнѣ состоялъ крѣпостной служитель. Но это была для меня только лишняя обуза! Приходилось брать квартиру побольше, а кормился нашъ Михаилъ Мемноновъ у портного Пѣтуха гораздо лучше насъ—его *господъ*!

Возвращаюсь къ городу Дерпту и его рессурсамъ—въ тѣ мѣсяцы, когда университетъ жилъ полною жизнью.

По развлеченіямъ Дерптъ, за все время моего житья тамъ—не отличался большимъ разнообразіемъ.

Театръ не допускался—именно *не допускался*, а не то, что не могъ бы существовать.

Этотъ запретъ шелъ прямо отъ университетскаго начальства. Опасались, должно-быть, лишнихъ расходовъ и отвлеченія отъ занятій или вліянія на нравственность студентовъ закулисныхъ сферъ.

Но разсчетъ отзывался филистерски-учительскимъ недомысліемъ.

Нынче и для народа строятъ у насъ великолѣпные театры и хлопочутъ объ этомъ Общества народной трезвости, желая оттягивать народъ—отъ чего?... Отъ пьянства.

А въ Дерптѣ кутежей, т.-е. по просту пьянства—и у нѣмцевъ, и у русскихъ—было слишкомъ достаточно. Кромѣ попоекъ и «шкандаловъ», не имѣлось почти никакихъ диверсій для молодыхъ силъ. Театръ могъ бы сослужить и обще-просвѣтительную, и эстетическую службу.

Но начальство разсуждало по-своему, и эта традиція сохраняется, если не ошибаюсь, и до сегодня.

Только съ половины мая пріѣзжала въ Дерптъ плохая труппа изъ Ревеля и давала представленія въ балаганѣ—въ вакаціонное время, и то за чертой города, что дѣлало мѣста вдвое дороже, потому что туда приходилось брать извозчика *).

Къ чему же сводились художественныя развлеченія? Исключительно къ музыкѣ, къ концертамъ въ университетской актовой залѣ. Да-

*) Такой остракизмъ театра поддерживался и піэтизмомъ мѣстнаго лютеранства.

вались концерты, гдѣ дѣйствовалъ мѣстный оркестръ любителей и пѣлись квартеты—членами нѣмецкихъ кружковъ—почти всегда студентами. Стоячія мѣста стоили довольно дорого, всегда около рубля. Наѣзжали и знаменитости, но рѣдко.

Больше студенту некуда было дѣться вечеромъ. Въ «Шустеръ-клубъ» входъ имъ былъ затрудненъ, изъ-за боязни скандаловъ, а остальные два клуба были мужскіе, картежные.

Такъ тянулось до учрежденія университетскаго клуба—«Academische Musse», въ казенномъ зданіи, около университета, гдѣ внизу, споконъ вѣка, помѣщался одинъ изъ книжныхъ магазиновъ.

Идею этого клуба поддержалъ тогдашній попечитель, сенаторъ Брадке, герренгутеръ-піэтистъ и когда-то адъютантъ Аракчеева, умный и тонкій старичокъ, который давалъ мнѣ рекомендательное письмо въ Петербургъ, къ одному академику, когда я поѣхалъ туда продавать переводъ химіи Лемана.

«Академическая Мусса» объединяла профессоровъ со студентами и студенты были въ ней главные хозяева и распорядители. Представительство было по корпораціямъ. Я тогда уже ушелъ изъ бурсацкой жизни, но и какъ «дикій» имѣлъ право—сдѣлаться членомъ Муссы. Но что-то она меня не привлекла. А вскорѣ всѣ «рутенисты» должны были выдти изъ нея «in corpore», послѣ того, какъ нѣмцы посадили и ихъ и насъ на «ферруфъ».

Въ этомъ профессорско-студенческомъ клубѣ шла такая жизнь, какъ въ нашихъ смѣшанныхъ клубахъ, куда вхожи и дамы: давались танцовальные и музыкальные вечера, допускались, кажется, и карты, имѣлись столовая и буфетъ, читались общедоступныя лекціи для городской публики.

Русскіе въ Дерптѣ—внѣ студенческой сферы—держались, какъ всегда и вездѣ—скорѣе разрозненно. И только въ послѣдніе два года моего житья нѣсколько семействъ изъ свѣтско-дворянскаго общества дѣлали у себя пріемы и сближались съ нѣмецкими «каксами». Объ этомъ я поговорю особо, когда перейду къ итогамъ тѣхъ знакомствъ и впечатлѣній, черезъ какія я прошелъ, какъ молодой человѣкъ, внѣ университета.

Никакого общества или организованнаго кружка среди русскихъ чиновниковъ, купцовъ, учителей—я не помню въ тѣ времена.

Въ церкви сходились всѣ, и въ домѣ старшаго священника, который, въ то же время, читалъ для православныхъ обязательный курсъ не только богословія и церковной исторіи, но психологіи и логики.

Только подъ самый конецъ этого пятилѣтняго періода образовался родъ общества, которое открыло школу для дѣвочекъ мѣстныхъ пра-

вославныхъ изъ простого люда, и я тамъ цѣлый годъ преподавалъ грамматику и ариѳметику.

Вотъ какъ жилъ городъ Дерптъ, въ крупныхъ чертахъ, и вотъ что казанскій третьекурсникъ, вкусившій довольно бойкой жизни большого губернскаго города съ дворянскимъ обществомъ, могъ найти въ «Ливонскихъ Аѳинахъ».

Теперь остановлюсь на томъ, что̀ Дерптъ могъ дать студенту вообще—и нѣмцу или онѣмеченному чухонцу, и русскому—и такому, кто поступилъ прямо въ этотъ университетъ, и такому, какъ я, который пріѣхалъ уже «матерымъ» русскимъ студентомъ, хотя и изъ провинціи, но съ опредѣленными и притомъ высшими запросами.

Тогда Дерптъ еще сохранялъ свою областную самостоятельность. Онъ былъ нѣмецкій, предназначенъ для остзейцевъ, а не для русскихъ, которые составляли въ немъ ничтожный процентъ.

Но не нужно думать, что государственная власть не дѣлала и тогда попытокъ къ нѣкоторому обрусенію. Каждаго студента, на всѣхъ факультетахъ, въ томъ числѣ и русскаго (что было совершенно лишнее) обязывали: слушать лекціи русской литературы. Ихъ экзаменовали и изъ русскаго языка, при поступленіи въ студенты. Но и то и другое сводилось къ формальности. Масса остзейцевъ изъ своихъ гимназій (гдѣ уже читали русскій языкъ), оканчивая курсъ съ порядочными теоретическими познаніями, совершенно забывали русскій языкъ къ окончанію курса въ университетѣ. А тѣ остзейцы изъ русскихъ, которые тамъ родились, въ онѣмеченныхъ семействахъ, ходя на лекціи православнаго богословія, не понимали того, что читаетъ протоіерей. Помню два такихъ продукта остзейскаго быта: фонъ-Атропова и сына русскаго дьячка въ Ревелѣ, по фамиліи Цвѣтковъ (или что-то вродѣ этого), который состоялъ все время буршемъ въ корпораціи «Эстонія».

Нечего и говорить, что языкъ вездѣ—въ аудиторіяхъ, кабинетахъ, клиникахъ—былъ *обязательно* нѣмецкій. Большинство профессоровъ не знали по-русски. Между ними довольно значительный процентъ составляли заграничные, выписные нѣмцы; да и остзейцы рѣдко могли свободно объясняться по-русски, хотя одинъ изъ нихъ, профессоръ Ширренъ, заядлый руссофобъ, одно время читалъ даже русскую исторію.

Но мы разбираемъ здѣсь не вопросъ національной политики. На Дерптскій университетъ слѣдовало такому русскому студенту, какъ я, смотрѣть, какъ на *нѣмецкій* университетъ и дорожить именно этимъ, ожидая найти въ немъ повышенный строй всей учебной и ученой жизни.

И въ общемъ, и въ подробностяхъ, ожиданія эти могли сбываться.

Уровень—не на всѣхъ факультетахъ одинаково—былъ дѣйствительно повышенъ, особенно въ сравненіи съ Казанскимъ университетомъ.

На моихъ двухъ факультетахъ, сначала физико-математическомъ, потомъ медицинскомъ—можно было учиться гораздо серьезнѣе и успѣшнѣе. Я уже говорилъ, что натуралисты и математики выбирали себѣ спеціальности, о какихъ даже и слыхомъ не слыхали студенты русскихъ университетовъ, то, что теперь называется: «предметная система».

И, въ то же время, всякій химикъ, физикъ или натуралистъ, въ тѣсномъ смыслѣ, слушалъ всѣ факультетскіе предметы. Въ профессорскомъ составѣ значились такіе ученые, какъ Карлъ Шмидтъ (химія), Кэмцъ (физика), Мэдлеръ (астрономія). Въ Казани, кромѣ какъ въ анатомическомъ театрѣ, да въ лабораторіи—нигдѣ не работали студенты. О физіологическомъ кабинетѣ, о вивисекціяхъ и демонстраціяхъ на аппаратахъ, на лекціяхъ физіологіи, тамъ не имѣли понятія! Профессоръ Берви показывалъ казанцамъ процессъ дѣятельности сердца на своемъ носовомъ платкѣ. Тамъ терапію читалъ *гомеопатъ*, а фармакологію запоздалый эскулапъ, который рекомендовалъ марену противъ блѣдной немочи!

А въ Дерптѣ на медицинскомъ факультетѣ я нашелъ такихъ ученыхъ, какъ Биддеръ, сотрудникъ моего Шмидта, одинъ изъ создателей животной физіологіи питанія, какъ прекрасный акушеръ Вальтеръ, терапевтъ Эрдманъ, хирурги Адельманъ и Эттингенъ, и другіе. Въ клиникахъ пахло новыми теченіями въ медицинѣ, читали «privatissima» по разнымъ отдѣламъ теоріи и практики. А въ то же время въ Казани не умѣли еще порядочно обходиться съ *плессиметромъ* и никто не читалъ лекцій о «выстукиваніи» и «выслушиваніи» грудной полости.

Блестящихъ и даже просто пріятныхъ лекторовъ было немного, на этихъ двухъ факультетахъ. Лучшими считались физикъ Кэмцъ и физіологъ Биддеръ (впослѣдствіи ректоръ)—чрезвычайно пзящный лекторъ, въ особомъ, приподнятомъ, но мягкомъ тонѣ. Остроуміемъ и широтой взглядовъ отличался талантливый неудачникъ, спеціалистъ по палеонтологіи, Асмусъ. Эту симпатичную личность и его похороны читатель найдетъ въ моемъ романѣ, вмѣстѣ съ портретами многихъ профессоровъ, начиная съ моего ближайшаго наставника, Карла Шмидта, недавно умершаго.

Онъ читалъ такъ связно и стремительно, что я долго не понималъ

его. Но особенно плохой дикціей и діалектикой отличался профессоръ Бухгеймъ—создатель новѣйшей фармакологіи, и Рейсснеръ, анатомъ, обезсмертившій себя отпрепарованіемъ маленькой неровности въ ушной кости, которая носитъ его имя: «recessus Reissnerii». Этотъ читалъ *ужасно* по монотонности и «дубиноватости», какъ говорили мы, русскіе; но работать у него по описательной и микроскопической анатоміи всетаки можно было не такъ, какъ въ Казани. При мнѣ каѳедры «микроскопической анатоміи» тамъ и совсѣмъ еще не имѣлось.

Чтобы наглядно убѣдиться въ громадной разницѣ «академическихъ» (выражаясь и по-дерптски) порядковъ въ Казани и Дерптѣ—стоитъ перечесть въ моемъ романѣ описаніе экзаменовъ тамъ и тутъ.

Въ Казани экзаменовались, какъ школьники, иногда даже съ *своими* билетами, выдергивая ихъ изъ-подъ обшлага мундира, въ актовой залѣ, на вытяжку передъ столомъ экзаменатора.

Въ Дерптѣ не было и тогда курсовыхъ экзаменовъ ни на одномъ факультетѣ. Главные предметы сдавали въ два срока: первая половина у медиковъ «philosophicum»; а у остальныхъ «rigorosum». Побочные предметы дозволялось сдавать когда угодно. Вы приходили къ профессору, и у него на квартирѣ, или въ кабинетѣ, въ лабораторіи—*садились* передъ нимъ и давали ему вашу матрикульную книжечку, гдѣ онъ и производилъ отмѣтки.

По химіи, мой двухлѣтній *rigorosum* продолжался цѣлый день, въ два пріема, съ глазу на глазъ съ профессоромъ и безъ всякихъ другихъ формальностей. Но изъ одного такого испытанія можно бы выкроить дюжину казанскихъ студенческихъ экзаменовъ. Почти такъ экзаменуютъ у насъ развѣ магистрантовъ.

Для того, кто бы пожелалъ расширять свои познанія и въ аудиторіяхъ другихъ факультетовъ (что нисколько не возбранялось), тогдашній Дерптъ былъ въ общемъ, опять-таки выше. Особенно даровитыхъ и блестящихъ лекторовъ водилось не много. На историко-филологическомъ факультетѣ преобладала классическая филологія; каѳедры всеобщей литературы не имѣлось (да, кажется, и до сихъ поръ ея нѣтъ). Но исторію философіи и разныя части ея читали тогда только въ Дерптѣ, и профессоръ Штрюмпель, послѣдователь Гербарта, заграничный нѣмецъ—выдѣлялся своей діалектикой. Психологію онъ читалъ по Бенеке. Филологія и лингвистика обогащались и восточными языками—на богословскомъ факультетѣ: арабскимъ, сирійскимъ и еврейскимъ языками. Теологія стояла на высотѣ германской экзегетики, и нѣкоторыя лекціи могли весьма и весьма развивать и сторонняго слушателя. Но направленіе, на этомъ факультетѣ, отзы-

валось *ортодоксальнымъ лютеранствомъ,* хотя въ городѣ водились и герренгутеры. Ортодоксальность большинства профессоровъ-теологовъ не мѣшала имъ преподавать, кромѣ лютеранъ, и тѣмъ полякамъ-кальвинистамъ, которые въ Дерптѣ получали свое богословское образованіе, будущимъ кальвинистскимъ пасторамъ.

По русской исторіи, праву и литературѣ приходилось довольствоваться болѣе скуднымъ составомъ профессоровъ и программъ. Сколько помню, единственный русскій юристъ Жиряевъ, по уходѣ его, не былъ никѣмъ замѣненъ. Русскую исторію читалъ одно время пріѣхавшій послѣ насъ изъ Казани профессоръ Ивановъ, который въ Дерптѣ окончательно спился, и его аудиторія—сначала многолюдная, совсѣмъ опустѣла. Русскую литературу читалъ интересный москвичъ, человѣкъ времени Надеждина и Станкевича, зять Н. Полевого, Михаилъ Розбергъ; но этотъ курсъ сводился къ тремъ-четыремъ лекціямъ въ семестръ. Лекторомъ русскаго языка состоялъ Павловскій, извѣстный составитель лексикона, который въ мое время и сталъ появляться въ печати у рижскаго книгопродавца Киммеля.

Еслибъ прикинуть Дерптскій университетъ къ германскимъ, онъ конечно, оказался бы ниже такихъ, какъ берлинскій, гейдельбергскій или боннскій. Но, въ предѣлахъ Россіи, онъ давалъ все существенное, изъ того, что нѣмецкая нація вырабатывала на западѣ. Самый нѣмецкій языкъ велъ къ расширенію умственныхъ горизонтовъ, позволялъ знакомиться со множествомъ научныхъ сочиненій, неизвѣстнымъ тогдашнимъ студентамъ въ Россіи и по заглавіямъ.

И все это—на почвѣ большой умственной и учебной *свободы.* Студенчество подчинялось надзору только въ уличной, трактирной и бурсацкой жизни. Этотъ надзоръ производили *педеля*—родъ сторожей. Но въ университетское зданіе, въ аудиторіи, кабинеты и даже коридоры, они не заглядывали. Инспектора и «субовъ» и вовсе не существовало. И даже «оберъ-педель», знаменитый старикъ Шмитъ, допускался только въ правленіе, докладывая ректору (впослѣдствіи проректору) о провинившихся студентахъ, которыхъ вызывали для объясненія или выслушиванія выговоровъ и вердиктовъ университетскаго суда.

Какъ «воздѣлыватель» науки (Cultor), студентъ не зналъ никакихъ стѣсненій; а если не попадался въ кутежныхъ и дуэльныхъ исторіяхъ, то могъ совершенно игнорировать всякую инспекцію. Его не заставляли ходить къ обѣднѣ, носить трехъуголку, не переписывали на лекціяхъ или въ шинельныхъ, какъ дѣлали еще у насъ въ недавнее время.

По факультетамъ—словесному и юридическому—устроивали уже

и тогда семинаріи; а теологи ео ipso упражнялись въ краснорѣчіи и представляли на просмотръ свои произведенія.

И та, даже крайняя спеціализація, какую я нашелъ на физико-математическомъ факультетѣ, существовала и у словесниковъ, и у юристовъ. Значилось нѣсколько разрядовъ; кончали курсъ и «экономистами», и «дипломатами», и даже спеціально по статистикѣ и географіи.

При томъ же стремленіи къ строгому знанію, по самому складу жизни въ Казани, Москвѣ или Петербургѣ—нельзя было такъ устроить свою студенческую жизнь—въ интересахъ чисто научныхъ, какъ въ тихихъ Ливонскихъ Аѳинахъ, гдѣ некутящаго молодого человѣка, ушедшаго изъ корпораціи—ничто не отвлекало отъ обихода, ограниченнаго университетомъ съ его клиниками, кабинетами, библіотекой—и не веселаго, но бодрящаго и цѣломудреннаго одиночества въ дешевой, студенческой мансардѣ.

Словомъ, для *общеевропейскаго* умственнаго роста—находилъ это и я, и всѣ, кто пріѣзжалъ сюда учиться, а не «шалдашничать»—Дерптъ, какъ университетъ нѣмецко-остзейскаго склада, могъ дать очень многое. Но для *русскаго* молодого человѣка, съ того момента, какъ наше отечество, къ 1856 году, встрепенулось и пошло другимъ ходомъ, въ стѣнахъ «alma mater» воздухъ оставался совершенно чужимъ. Если бы, за всѣ пять лѣтъ, забыть о томъ, что тамъ, къ востоку, есть обширная родина и что въ ея центрахъ и даже въ провинціи началась работа общественнаго роста, что оживились литература и пресса, что множество новыхъ идей, упованій, протестовъ подталкивало поступательное движеніе Россіи, въ ожиданіи великихъ реформъ, забыть и не знать ничего, кромѣ своихъ нѣмецкихъ книгъ, лекцій, кабинетовъ, клиникъ, то вы не услыхали бы съ каѳедры ни единаго звука, говорившаго о связи «Ливонскихъ Аѳинъ» съ общимъ отечествомъ. Обособленность, исключительное тяготѣніе къ тому, что дѣлается на *нѣмецкомъ* западѣ и въ прибалтійскомъ краѣ, вотъ какая нота слышалась всегда и вездѣ.

Это равнодушіе къ *русскому* движенію оттолкнуло меня и отъ русскихъ буршей, и только когда рухнула корпорація и образовался новый вольный русскій кружокъ, наши закорузлые «бурсаки» стали сбрасывать съ себя эту чисто дерптскую особенность и безличный индиферентизмъ.

Въ борьбѣ двухъ направленій, какая началась во мнѣ въ послѣдніе годы дерптской выучки, будущій писатель и пробудился и намѣтилъ свой путь въ воздухѣ русскихъ интересовъ, знакомствъ и интимныхъ испытаній.

Начало этого внутренняго процесса совпало съ образованіемъ (послѣ разрыва русской корпораціи съ нѣмцами) нашего новаго товарищескаго кружка. Къ тому времени и меня начало забирать то, что шло изъ Россіи. Я сталъ зачитываться русскими журналами. Горный чиновникъ, завѣдывавшій мѣстной пробирной палаткой, организовалъ дешевый абонементъ на русскіе журналы, и мой служитель, Михаилъ Мемноновъ, очутился въ разсыльныхъ. Горный инженеръ былъ еще молодой малый, холостякъ, ходилъ на лекціи и въ кабинеты при каѳедрѣ минералогіи (ее занималъ довольно обрусѣлый остзеецъ профессоръ Грэвингкъ) и переводилъ учебникъ минералогіи. На просмотрѣ этого перевода (по части языка) мы и сошлись.

Квартира при пробирной палаткѣ была обширная, съ просторной залой, и въ ней я впервые участвовалъ въ спектакляхъ, которые устраивались учениками школы топографовъ, помѣщавшейся въ томъ же казенномъ домѣ. Какъ во времена Шекспира, и женскія роли у насъ исполняли подростки-ученики. Мы сладили «Женитьбу» и даже второй актъ изъ «Свадьбы Кречинскаго», причемъ я игралъ въ гоголевской комедіи Кочкарева, а тутъ—Расплюева. Пьеса Сухово-Кобылина была еще вновѣ, и я успѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, въ одну изъ вакаціонныхъ поѣздокъ домой.

Но и раньше, еще въ «Рутеніи», я, въ самый разгаръ увлеченія химіей, послѣ казанскаго повѣствовательнаго опыта (вещица, посланная въ *Современникъ*) написалъ юмористическій разсказъ «Званые блины», который читалъ на одной изъ литературныхъ сходокъ корпораціи. И въ ней онѣ уже существовали, но литература была самая первобытная, больше немудрые стишки и переводцы. Мой разсказъ произвелъ сенсацію и былъ цѣликомъ переписанъ въ Альбомъ, который служилъ лѣтописью этихъ литературныхъ упражненій.

Черезъ «Рутенистовъ» познакомился я и сошелся (уже позднѣе, когда вышелъ изъ корпораціи) съ типичнымъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ; но совсѣмъ не въ томъ значеніи, какое этотъ терминъ пріобрѣлъ въ нашемъ писательскомъ жаргонѣ.

Это былъ русскій баринъ, съ большимъ учено-литературнымъ багажемъ, съ своеобразной и чудаковатой умственной и нравственной физіономіей—С. Ѳ. Уваровъ.

Такихъ я еще до того не встрѣчалъ; не встрѣчалъ никогда и нигдѣ, ни въ какихъ сферахъ и наслоеніяхъ русской интеллигенціи.

По времени своей студенческой юности, онъ принадлежалъ поколѣнію Тургенева, Каткова, Леонтьева, Кудрявцева—и одновременно съ ними попалъ въ Берлинъ, гдѣ страстно предавался изученію фи-

лологіи и исторіи литературы, въ особенности Шекспира и итальянскихъ поэтовъ. Но онъ вышелъ не изъ русской школы, кажется не былъ никогда гимназистомъ, не готовилъ себя ни къ какой профессіи. Сергѣй Ѳедоровичъ родился и воспитывался въ богатой и родовитой семьѣ, отъ отца—генерала эпохи отечественной войны, и матери—Лунниной, фрейлины императрицы Елизаветы Алексѣевны и родной сестры извѣстнаго декабриста Лунина. Отца онъ рано лишился, и съ тѣхъ поръ состоялъ «при маменькѣ», до весьма почтенныхъ годовъ, все холостякомъ и вѣчнымъ буршемъ, но буршемъ чисто платоническимъ; а въ сущности архи-кабинетнымъ человѣкомъ.

Германія, ея университетская наука и «академическія» сферы укрѣпили въ немъ его ненасытную, но не упорядоченную любознательность и слабость ко всему традиціонному складу нѣмецкой студенческой жизни, хотя онъ по своей болѣзненности (настоящей или мнимой), не могъ, вѣроятно, и въ юности быть кутилой.

Изъ-за границы онъ уже во второй періодъ своей юности, попалъ въ Дерптъ, здѣсь держалъ на кандидата и потомъ на магистра, не по филологіи, а по исторіи.

При мнѣ онъ пріѣхалъ «съ маменькой» на новое житье, уже магистромъ, человѣкомъ подъ сорокъ (если не за сорокъ) лѣтъ, съ лысой, характерной головой, страннаго вида и еще болѣе странныхъ пріемовъ, и въ особенности жаргона. Его «маменька» открыла у себя пріемы, держала его почти какъ малолѣтка, не позволяла даже ему ходить одному по улицамъ, а непремѣнно съ лакеемъ, изъ опасенія, что съ нимъ сдѣлается припадокъ.

Когда я сталъ бывать у него и былъ приглашаемъ на обѣды и вечера «генеральши», я нашелъ въ ихъ квартирѣ обстановку чисто тамбовскую (ихъ деревня и была въ той губерніи), съ своей крѣпостной прислугой, ключницей, поваромъ, горничными.

Съ «Рутенистами» Уваровъ держался, какъ бывшій буршъ, ходилъ на ихъ вечеринки, со всѣми, даже съ юными «фуксами» былъ на «ты» и смотрѣлъ на ихъ жизнь съ особой точки зрѣнія, такъ сказать, символической. Онъ находилъ такую жизнь «лихой» и участвуя въ ихъ литературныхъ сходкахъ, читалъ тамъ свои стихи и очерки, написанные чрезвычайно страннымъ, смѣшаннымъ языкомъ, который въ него глубоко въѣлся.

Онъ же, послѣ паденія «Рутеніи», когда сложился нашъ новый кружокъ, пустилъ прозвище: *Пелазговъ* и *Эллиновъ*.

Даже по своей европейской выучкѣ и культурности, онъ былъ дореформенный баринъ-гуманистъ, словесникъ, съ культомъ всего,

что германская наука внесла, въ то время, въ изученіе и классической древности и Возрожденія, и Средневѣковья. Уварова можно было назвать «исповѣдникомъ» нѣмецкаго гуманизма и романтизма. И Шекспира, и итальянскихъ великихъ поэтовъ онъ облюбовалъ черезъ нѣмцевъ, подъ ихъ руководительствомъ.

И въ то же время, онъ продолжалъ проходить по іерархіи высшихъ ученыхъ степеней, какъ историкъ; но, въ сущности, никогда имъ не былъ. Не знаю, имѣлъ ли онъ когда-либо опредѣленное намѣреніе занять въ Россіи каѳедру исторіи, древней или новой; по крайней мѣрѣ, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы этого добиться. Его магистерская диссертація, защищенная до моего пріѣзда въ Дерптъ, называлась: «De sedibus Bulgarorum»; а докторская, которую онъ защищалъ при мнѣ, уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, написанная также по латыни (тогда это еще требовалось отъ словесника), носила такое трудно-переваримое заглавіе: «De provinciarum imperii orientis administrandarum forma mutata».

Эта старина—древняя Болгарія (когда болгары еще сидѣли на Волгѣ) и Византія—не находилась нимало въ связи съ его постоянно взвинченнымъ, чисто литературнымъ настроеніемъ, но литературнымъ не въ смыслѣ художественной писательской работы, а по предметамъ своихъ чтеній, бесѣдъ, записей.

Повторяю: такого русскаго барина-интеллигента, съ такимъ словеснымъ диллетантствомъ *высшаго пошиба,* съ такимъ обширнымъ запасомъ чтеній, воспоминаній, подготовки, при постоянномъ подъемѣ пестрой и своеобразной діалектики—я не знавалъ ни въ людяхъ его поколѣнія, ни въ дальнѣйшихъ генераціяхъ.

Какъ питомецъ тогдашнихъ нѣмецкихъ аудиторій, онъ сохранилъ гораздо большій германскій налетъ, чѣмъ, напримѣръ, Тургеневъ. Не сухая эрудиція, не аппаратъ спеціальной учености отличали его; а неизмѣнно-юношеская любовь къ прекрасному творчеству, къ эллинской и римской миѳологіи и поэзіи, къ великому движенію итальянскихъ гуманистовъ, къ старо-англійской литературѣ, Шекспиру и его предшественникамъ и сверстникамъ, ко всѣмъ крупнѣйшимъ моментамъ нѣмецкой поэзіи и литературы, къ людямъ «Sturm und Drang» періода, до романтиковъ первой и второй генераціи—къ Тикамъ, Шлегелямъ, Гофманамъ, Новалисамъ.

Изъ такого высшаго диллетантства не могло вытечь строгой научной работы. Мѣшала этому вся психическая организація этого русскаго барина-гуманиста. Натура слишкомъ нервная, склонная къ постояннымъ скачкамъ, къ переходу отъ одной умственной области къ другой. Въ своихъ записныхъ книжкахъ, которыя составляли уже

тогда цѣлую библіотеку—записи онъ постоянно дѣлалъ на всѣхъ ему извѣстныхъ языкахъ: по-гречески, по-латыни, по-нѣмецки, французски, англійски, итальянски, и не цитаты только, а свои мысли, вопросы, отмѣтки, соображенія, мечты.

Судьба—точно нарочно—свела меня съ такимъ человѣкомъ въ ту полосу моей дерптской жизни, когда будущій писатель сталъ забивать естественника и студента медицины.

Сближеніе пошло быстро. Отъ него пахну́ли на меня разомъ нѣсколько изящныхъ литературъ и нѣсколько эпохъ. Въ бесѣдахъ съ нимъ я бывалъ обвѣянъ неувядаемыми красотами древняго и новаго творчества, и во мнѣ все разгоралась потребность расширить, насколько возможно, мое *словесное* образованіе, прочесть многое, если не въ подлинникахъ, то въ переводахъ. Тогда же зародилось во мнѣ желаніе изучать англійскій языкъ—Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Шекспиръ, Данте, Аріосто, Боккаччіо, Сервантесъ, испанскіе драматурги, нѣмецкіе классики и романтики—спеціально «Фаустъ»—и вплоть до лириковъ и драматурговъ 30-хъ и 40-хъ гг.—съ особымъ интересомъ къ Гейне—вотъ что вносилъ съ собою Уваровъ въ наши продолжительныя бесѣды у него въ кабинетѣ. И все это было скрашено и согрѣто его тономъ, юморомъ, возгласами и полетами фантазіи. Трудно было не привязаться къ такому чудаку и не быть ему благодарнымъ за тѣ «заряды», какіе давали моему назрѣвающему писательству подобная подготовка и беззавѣтная любовь къ области прекраснаго слова.

Къ современнымъ «злобамъ дня» онъ былъ равнодушенъ, также, какъ и его пріятели, бурсаки «Рутеніи». Но случилось такъ, что именно наше литературное возрожденіе во второй половинѣ 50-хъ гг. подало поводъ къ тому, что у насъ явилась новая потребность еще чаще видѣться и работать вмѣстѣ.

Въ это время онъ ушелъ въ предшественниковъ Шекспира, въ изученіе этюдовъ Тэна о староанглійскомъ театрѣ. И я сталъ упрашивать его разработать эту тему, остановившись на самомъ крупномъ изъ предтечъ Шекспира—Христоферѣ Марло. Языкъ автора мы и очищали цѣлую почти зиму отъ черезчуръ не русскихъ особенностей. Эту статью я повезъ въ Петербургъ уже какъ авторъ первой моей комедіи и былъ особенно радъ, что мнѣ удалось помѣстить ее въ *Русскомъ Словѣ*.

Я тутъ по необходимости забѣгаю впередъ. Передъ этимъ прошло два дерптскихъ сезона. Уваровъ продолжалъ жить домомъ и мы—русскіе студенты—сдѣлались въ немъ постояннымъ «филистерьянами»—слѣдуя жаргону буршей. Тамъ я ставилъ впервые въ

Дерптѣ комедію Островскаго «Не въ свои сани не садись», гдѣ игралъ Бородкина, и этотъ памятный тамошнимъ старожиламъ спектакль начался комическими сценами изъ Шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь», въ нѣмецкомъ переводѣ Тика; а Мендельсоновскую музыку исполнялъ за сценой въ четыре руки самъ С. Ѳ. съ однимъ изъ бывшихъ «рутенистовъ»—впослѣдствіи извѣстнымъ въ Петербургѣ врачомъ—Тиѝцнеромъ.

Домъ Уварова и былъ за этотъ періодъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ на русской почвѣ (несмотря на международный гуманизмъ С. Ѳ—ча) мои писательскія стремленія усилились и проявляли себя и въ усиленномъ интересѣ къ всемірной литературѣ, и все возраставшей любовью къ театру, въ видѣ сценическихъ опытовъ.

Отъ Уварова пошли и другія русскія знакомства въ той дворянской свѣтской полосѣ, какая сложилась въ Дерптѣ въ послѣднія мои зимы.

На окраинахъ Дерпта стояла знаменитая «Мыза Карлово»—когда-то постоянная лѣтняя резиденція Ѳаддея Булгарина—обширные хоромы съ картинной галлереей (съ весьма грубоватыми новыми картинами), концертной залой и садомъ.

Въ ней двѣ зимы жило семейство князя М. А. Дондукова-Корсакова. Черезъ Уваровыхъ и старшую дочь князя, Марью Михайловну, я сдѣлался вхожъ въ ихъ домъ и сошелся со всѣмъ женскимъ персоналомъ этой фамиліи, начиная съ самой княгини и двухъ старшихъ дочерей. Здѣсь, въ гостепріимномъ Карловѣ, происходила моя дальнѣйшая писательская «эволюція». Всѣ свои досуги и въ денные, и въ вечерніе часы я проводилъ въ Карловѣ цѣлыхъ два года. Здѣсь я бралъ уроки англійскаго языка у одной изъ княженъ, читалъ съ ней Шекспира и Гейне, музицировалъ съ другими сестрами, ставилъ пьесы, игралъ въ нихъ, какъ главный режиссеръ и актеръ, читалъ свои критическіе этюды, отдѣльные акты моихъ пьесъ и очерки казанской жизни, вошедшіе потомъ въ романъ «Въ путь-дорогу».

Тамъ же завязывались и мои остальныя знакомства. Довольно часто, на обѣдахъ и вечерахъ, бывалъ у нихъ профессоръ М. П. Розбергъ, слушалъ мои вещи и охотно разсказывалъ о литературно-университетской Москвѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Какъ профессоръ, онъ былъ лѣнтяй, и я ничѣмъ не могъ у него попользоваться; но какъ у собесѣдника и человѣка своей эпохи—очень многимъ. Онъ же, когда я — уже авторомъ, напечатавшимъ цѣлую пятиактную комедію — отправился окончательно въ Петербургъ—далъ мнѣ письмо къ своему сверстнику П. А. Плетневу—бывшему тогда ректоромъ университета.

Въ Карловѣ, послѣ Дондуковыхъ, поселилась семья автора «Тарантаса», гр. В. А. Соллогуба, котораго я впервые увидалъ у Дондуковыхъ, когда онъ пріѣхалъ подсмотрѣть для своего семейства квартиру, еще за годъ до найма булгаринскихъ хоромъ.

Признаюсь, онъ мнѣ, въ тотъ визитъ къ обывателямъ Карлова, не особенно приглянулся. Наружностью онъ походилъ еще на тогдашніе портреты автора «Тарантаса», безъ сѣдины, съ бакенбардами, съ чувственнымъ ртомъ, очень рослый, если не тучный, то плотный; держался онъ сутуловато и какъ бы умышленно-небрежно, говорилъ, мѣшая французскій жаргонъ съ русскимъ—скорѣе дѣланнымъ тономъ, часто острилъ и пускалъ въ ходъ комическія интонаціи.

Такимъ оставался онъ и позднѣе, когда я сталъ часто бывать у Соллогубовъ, но больше у жены его, графини Софьи Михайловны (урожденной гр. Вьельгорской), чѣмъ у него, потому что онъ то и дѣло уѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ состоялъ на какой-то службѣ, кажется по тюремному вѣдомству.

Но мы съ нимъ всетаки ладили. Я былъ къ тому времени довольно уже обстрѣленный «студіозусъ», любящій поспорить и отстоять свое мнѣніе.

Какъ писатель, тогдашній гр. Соллогубъ уже мало «импонировалъ» мнѣ, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ. Не одинъ я находилъ уже, что онъ размѣнялся на мелкія деньги. Его либеральная комедія «Чиновникъ» совсѣмъ меня не обманула, ни въ «цивѣческомъ», ни въ художественномъ смыслѣ. И въ первый же вечеръ, когда графъ (еще въ первую зиму) пригласилъ къ себѣ слушать дѣйствіе какой-то новой двухактной пьесы (которую Вѣра Самойловна попросила его написать для нея), студіозусъ, уже мечтавшій тогда о дорогѣ писателя, позволилъ себѣ довольно-таки сильную атаку и на замыселъ пьесы, и на отдѣльныя лица и, главное, на діалогъ.

И со мною согласилась, прежде всѣхъ остальныхъ слушателей, сама графиня. Авторъ не обидѣлся, по крайней мѣрѣ не выказалъ никакого «генеральства», почти не возражалъ и вскорѣ потомъ говорилъ нашимъ общимъ знакомымъ, что онъ пьесу доканчивать не будетъ, ссылаясь и на мои замѣчанія.

Отъ такого критическаго успѣха я не возгордился. И графъ не сталъ вовсе избѣгать разговоровъ со мною. Напротивъ, отъ него я услыхалъ—за два сезона, особенно въ Карловѣ—цѣлую серію разсказовъ изъ его воспоминаній о Пушкинѣ, котораго онъ хорошо зналъ, Одоевскомъ, Тургеневѣ, Григоровичѣ, Островскомъ.

Онъ, дѣйствительно, былъ первый петербургскій литераторъ, у котораго Островскій прочелъ комедію «Свои люди—сочтемся». И онъ

искренно цѣнилъ его талантъ и значеніе, какъ создателя бытового русскаго театра.

Въ такихъ людяхъ, какъ гр. Соллогубъ, надо различать двѣ половины: личность извѣстнаго *нравственнаго* склада, продуктъ барски-диллетантской среды, съ разными «провинностями и шалу́шками», и человѣка, преданнаго идеѣ искусства и вообще, и въ области литературнаго творчества. Въ немъ сидѣлъ нелицемѣрный культъ Пушкина и Гоголя; онъ въ свое время, да и въ эти годы, способенъ былъ поддержать своимъ сочувствіемъ всякое новое дарованіе. Но связи съ тогдашними передовыми идеями у него уже не было настолько, чтобы самому обновиться. Онъ уже растратилъ все то, что имѣлъ, когда писалъ лучшія свои повѣсти, вродѣ «Исторіи двухъ калошъ» и свой «Тарантасъ». Онъ, дѣйствительно, размѣнялся, кидаясь отъ театра (вплоть до водевиля) къ этнографіи, къ разнымъ видамъ полуписательской службы, состоя чиновникомъ по спеціальнымъ порученіямъ.

Но и въ этой сферѣ онъ былъ для меня интересенъ. Только что передъ тѣмъ онъ бралъ командировку въ Парижъ по порученію министра двора для изученія парижскаго театральнаго дѣла. Онъ охотно читалъ мнѣ отрывки изъ своей обширной докладной записки, изъ которой я сразу ознакомился со многимъ, что мнѣ было полезно и тогда, когда я въ Парижѣ въ 1867—1870 гг., изучалъ и общее театральное дѣло, и преподаваніе сценическаго искусства.

Въ Соллогубѣ остался и *бурш*ъ, когда-то учившійся въ Дерптѣ, членъ русской корпораціи. Сквозь его свѣтскость чувствовался все-таки особаго пошиба баринъ, который и въ петербургскомъ мондѣ, въ года молодости, выдѣлялся своимъ тономъ и манерами, водился постоянно съ писателями, и когда женился и зажилъ домомъ, собиралъ къ себѣ пишущую братію.

И тутъ—въ предпослѣднюю мою дерптскую зиму—онъ вошелъ въ наше сценическое любительство, когда мы съ благотворительной цѣлью (въ пользу русской школы, гдѣ я преподавалъ) ставили спектакли въ клубѣ *Casino*, давали и «Ревизора», и «Свадьбу Кречинскаго», и обѣ комедіи Островскаго. Онъ приходилъ въ наши уборныя, гримировалъ насъ и одѣвалъ, и угощалъ при этомъ шампанскимъ.

Его жена, графиня Софья Михайловна, была для всего нашего кружка гораздо привлекательнѣе графа. Но первое время она казалась чопорной и даже странной, съ особымъ тономъ, жестами и говоромъ, немного на иностранный ладъ. Но она была—въ ея поколѣніи—одна изъ самыхъ милыхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ среди нашихъ барынь свѣта и придворныхъ сферъ; а ея мать вышла изъ

семьи герцоговъ Бироновъ, и воспитывали ее вмѣстѣ съ ея сестрой Веневитиновой чрезвычайно строго.

Тогда графиня уже была матерью цѣлой вереницы дѣтей и старшая дочь (теперь Е. В. Сабурова) еще ходила въ короткихъ платьяхъ и носила прозвище «Булки», какимъ окрестилъ ее когда-то Гоголь.

Воспоминанія о Гоголѣ были темой многихъ первыхъ разговоровъ съ графиней. Она задолго до его смерти была близка съ нимъ, состояла съ нимъ въ перепискѣ и много намъ разсказывала изъ разныхъ полосъ жизни автора «Мертвыхъ душъ».

Въ маленькомъ кабинетѣ графини (въ Карловѣ) я читалъ ей, въ послѣднюю мою зиму, и статьи, и беллетристику, въ томъ числѣ и свои вещи. Тогда же посвятилъ я ей пьесу «Мать», которая явилась въ печати подъ псевдонимомъ.

Въ семьѣ Соллогуба, въ той же залѣ Карлова, продолжалась, но уже менѣе широко и гостепріимно, жизнь дерптскихъ русскихъ.

Не знаю, выдавались ли такія же эпохи въ дальнѣйшихъ судьбахъ русской колоніи съ такимъ оживленіемъ и свѣтскимъ, и литературно-художественнымъ. Врядъ ли. Что-то я не слыхалъ этого потомъ, отъ дерптскихъ русскихъ—бывшихъ студентовъ и не студентовъ—съ какими встрѣчался до послѣдняго времени.

Въ прямой связи съ тѣмъ, что исходило отъ русскихъ и шло изъ Россіи, находились и мои поѣздки на вакаціи, сначала на всѣ лѣтнія, а раза два-три и на зимнія.

Первая поѣздка—исключительно въ Петербургъ—пришлась на ближайшую лѣтнюю вакацію. Переводъ учебника химіи Лемана я уже приготовилъ къ печати. Переписалъ мнѣ его мой сожитель по квартирѣ З—чъ, у котораго случилась пистолетная дуэль съ другимъ моимъ спутникомъ З—нымъ, уже превратившимся въ бурша. З—чъ сталъ сильно хандрить въ Дерптѣ, и я его уговаривалъ перейти обратно въ какой-нибудь русскій университетъ, что онъ и сдѣлалъ, перебравшись въ Москву, гдѣ и кончилъ по медицинскому факультету.

Впервые позналъ я въ Петербургѣ хлопоты о помѣщеніи своего труда. Старикъ Кляусъ прослушалъ всю огромную рукопись, съ весны 1856 года, и далъ отъ себя удостовѣреніе о достоинствѣ перевода. У меня были рекомендаціи къ двумъ русскимъ химикамъ—Воскресенскому и гораздо болѣе извѣстному, даже знаменитому Н. Н. Зинину. Оба—бывшіе ученики Юстуса Либиха, оба—академики, жившіе въ академическихъ зданіяхъ. Воскресенскій ничего для меня не сдѣлалъ. Зининъ сейчасъ же познакомилъ меня съ докторомъ Ханомъ, впослѣдствіи редакторомъ *Всемірнаго труда*, гдѣ я печаталъ въ концѣ

60-хъ годовъ свой романъ «Жертва вечерняя». Д-ръ Ханъ свелъ меня къ книгопродавцу Маврикію Вольфу, тогда еще только начинавшему свое книгоиздательство, на томъ же мѣстѣ, въ Гостиномъ дворѣ. Вольфъ купилъ у меня рукопись въ *сорокъ* слишкомъ печатныхъ листовъ за 300 руб. Изъ нихъ онъ 100 руб. мнѣ не уплатилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что переводъ былъ не точенъ и онъ долженъ былъ отдать его кому-то на исправленіе. Это не помѣшало ему пропечатать то удостовѣреніе, какое я получилъ отъ профессора Кляуса.

Изъ двухсотъ рублей заплатилъ я шестьдесятъ З—чу за переписку, сто сорокъ рублей были моимъ *первымъ* гонораромъ. Это приходилось по 3 р. 50 к. за переводъ печатнаго листа in 8°, который я продолжалъ около двухъ лѣтъ. Не знаю, въ какой степени переводъ вышелъ удаченъ, но я, переводя и неорганическую, и *органическую* части этого учебника, долженъ былъ создавать русскіе термины. Тогда химическая литература по-русски почти что не существовала. Вся она сводилась къ двумъ учебникамъ: Гессе, русскаго нѣмца, и къ переводу *неорганической* химіи француза Реньо. Органическую химію я слушалъ цѣлый годъ у А. М. Бутлерова, но совсѣмъ не въ такихъ размѣрахъ, какіе значились въ учебникѣ Лемана. Множество терминовъ я пустилъ *впервые* въ русской печати, и мнѣ нѣкоторымъ подспорьемъ служили только учебники фармакологіи: въ томъ числѣ и переводъ Эстерлена—того же доктора Хана—переводъ мѣстами очень плохой, съ варварскими германизмами и съ уродливыми передѣлками терминовъ.

Академикъ Зининъ заинтересовалъ меня въ тѣ визиты, какіе я ему дѣлалъ. Я нашелъ въ немъ отъявленнаго противника самостоятельнаго развитія физіологической химіи, какъ разъ спеціальности моего дерптскаго учителя Карла Шмидта.

Я еще не встрѣчалъ тогда такого оригинальнаго чудака на подкладкѣ большого ученаго. Видомъ онъ напоминалъ скорѣе отставного военнаго, чѣмъ академика, коренастый, уже очень пожилой, дома въ архалукѣ, съ сильнымъ голосомъ и особенной рѣчистостью. Онъ охотно «разносилъ», въ томъ числѣ и своего первоначальнаго учителя Либиха. Всѣ его симпатіи были за основателей новѣйшей органической химіи—француза Жерара и его учителя Лорана, котораго онъ также зазналъ въ Парижѣ.

Зининъ изображалъ его жертвой тупоумія и ученаго генеральства такихъ тузовъ химическаго міра, какъ Дюма и знаменитый шведъ Берцеліусъ.

Я затруднился бы передать стенографически тѣ выраженія, ка-

кія соскакивали съ губъ Зинина. Нѣкоторыя были совершенно нецензурныя.

Въ этомъ сказывался настоящій казанецъ начала 40-хъ годовъ, умный, хлесткій въ своей діалектикѣ и разсказахъ руссакъ, хотя онъ былъ, если не ошибаюсь, сынъ француженки.

Мало знавалъ я на своемъ вѣку такихъ оригинальныхъ русскихъ самородковъ, какъ Зининъ, который и въ долгіе годы заграничной выучки не утратилъ своего казанскаго «букета» во всемъ, что онъ зналъ, о чемъ думалъ и говорилъ. Тогда съ молодыми учеными начальство не церемонилось. Зинина послали изучать химію; а потомъ ему приказали превратиться въ технолога и еще во что-то, по волѣ тогдашняго казанскаго самодура, попечителя Мусина-Пушкина. Онъ не безъ юмора разсказывалъ мнѣ про всѣ опыты, какіе съ нимъ продѣлывало начальство. И подъ конецъ, когда онъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, онъ долженъ былъ по тогдашнему уставу сдавать экзамены изъ всѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ.

Я еще засталъ Зинина въ живыхъ, когда я поселился въ Петербургѣ, и незадолго до его смерти встрѣчалъ его. Его лабораторія въ академіи перешла къ Бутлерову и въ его академической картирѣ я бывалъ вплоть до смерти Александра Михайловича, уже въ восьмидесятыхъ годахъ.

Оба знаменитыхъ химика оказались казанцами. Бутлеровъ создалъ русскую «школу» химіи, чего нельзя сказать про Зинина. Онъ оставался *самъ по себѣ*, крупный ученый и прекрасный преподаватель, но не сыгралъ такой роли, какъ Бутлеровъ, въ исторіи русской химической науки въ смыслѣ созданія цѣлой «школы».

Личность Зинина сдѣлала мою лѣтнюю экскурсію въ Петербургъ особенно цѣнной. Въ остальномъ время прошло безъ такихъ яркихъ и занимательныхъ эпизодовъ, о которыхъ стоило бы вспоминать. Мужъ кузины моего отца—тогда оберъ-прокуроръ одного изъ департаментовъ сената—предложилъ мнѣ жить въ его пустой городской квартирѣ. Его чиновничья фигура и суховатый педантскій тонъ порядочно коробили меня; къ счастію, онъ только разъ въ недѣлю ночевалъ у себя, наѣзжая съ дачи.

Стояли петербургскія бѣлыя ночи, для меня еще до того невиданныя. Я много ходилъ по городу, пристроивая своего Лемана. И замѣчательно, какъ и провинціальному студенту Невская «перспектива» быстро пріѣдалась! Петербургъ, внутри города, былъ такимъ же, какъ и теперь, въ началѣ XX вѣка. Что-то такое фатально-петербургское чувствовалось и тогда, въ этихъ безлюдныхъ широкихъ

улицахъ, въ лѣтнихъ запахахъ, въ бѣлесоватой мглѣ, въ дребезжаніи извозчичьихъ дрожекъ.

И позднѣе, когда я попадалъ на острова и въ разныя загородныя заведенія, вродѣ Излера, я туго поддавался тогдашнимъ приманкамъ Петербурга. И Нева, ея ширь, красивость прогулокъ по островамъ—не давали мнѣ того столичнаго «настроенія», какое нападало на другихъ пріѣзжихъ изъ провинціи, которые годами вспоминали про острова, Царское, Петергофъ.

Зимняго Петербурга вкусилъ я еще студентомъ, въ вакаціонное время, въ началѣ и въ концѣ моего дерптскаго студенчества. Я гащивалъ у знакомыхъ студентовъ; ѣздилъ и въ Москву, зимой, нѣсколько разъ осенью, проводилъ по недѣлямъ и въ Петербургѣ, возвращаясь въ свои «Ливонскія Аѳины». Съ каждымъ заѣздомъ въ обѣ столицы я все сильнѣе втягивался въ жизнь тогдашней интеллигенціи, сначала какъ натуралистъ и медикъ, по поводу своихъ научно-литературныхъ трудовъ; а потомъ уже какъ писатель, рѣшившійся попробовать удачи на театрѣ.

Москва конца пятидесятыхъ годовъ (гдѣ З—чъ знакомилъ меня съ студенческой братіей) памятна мнѣ всего больше знакомствами въ ученомъ и литературномъ мірѣ.

Черезъ годъ послѣ продажи перевода химіи Лемана я задумалъ обширное руководство по животно-физіологической химіи—въ трехъ частяхъ, и первую часть вполнѣ обработалъ и хотѣлъ найти издателя въ Москвѣ. Поручилъ я первые «ходы» З—чу, который отнесъ рукопись къ знаменитому д-ру Кетчеру, эксъ-другу Герцена и переводчику Шекспира. Онъ въ то время завѣдывалъ только что народившимся книгоиздательствомъ фирмы «Солдатенковъ и Щепкинъ».

Мой учебникъ (первую его часть) весьма одобрилъ тогдашній профессоръ химіи, Лясковскій, къ которому я привезъ письмо отъ Карла Шмидта. Мнѣ и теперь кажется курьезнымъ, что студентъ задумалъ цѣлый учебникъ, «собственнаго сочиненія», и самая существенная часть его—первая, удостоилась лестной рекомендаціи отъ авторитетнаго профессора.

Изъ-за изданія моего учебника попалъ я къ Кетчеру, и сношенія съ нимъ затянулись на нѣсколько сезоновъ. Не одинъ годъ на задней страницѣ обертки сочиненій Бѣлинскаго стояло неизмѣнно:

Печатается: «Руководство къ животно-физіологической химіи Петра Боборыкина».

Но, на дѣлѣ, рукопись «и не думала» печататься, и уже конечно не авторъ ея былъ виновникъ такого обмана публики. Зачѣмъ такъ поступалъ Кетчеръ—не знаю; но что я прекрасно знаю и пом-

ню—это то, что онъ затягивалъ печатаніе сначала потому, что потребовались рисунки по химико-микроскопическому анализу крови и другихъ животныхъ жидкостей, образцы которыхъ (съ одного нѣмецкаго изданія) я и доставилъ; а потомъ онъ требовалъ, кажется, окончанія моей работы. Вскорѣ, однако, выяснилось, что рукопись моя *затерялась*, и я, послѣ того, не могъ ее получить ни лично (въ проѣзды Москвой), ни черезъ З—ча.

Жаловаться, затѣвать исторію я не сталъ, и трудъ мой, доведенный мною почти до конца второй части—такъ и погибъ «во цвѣтѣ лѣтъ», въ такомъ же возрастѣ, въ какомъ находился и самъ авторъ. Мнѣ тогда было не больше двадцати двухъ лѣтъ.

У Кетчера я бывалъ не разъ, въ его домикѣ-особнякѣ, съ садомъ, въ одной изъ Мѣщанскихъ, за Сухаревой башней. Этотъ домъ ему подарили на какую-то годовщину его друзья, главнымъ образомъ, конечно, Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, котораго мнѣ, въ тѣ годы, еще не удалось видѣть.

Въ посмертныхъ очеркахъ и портретахъ, вошедшихъ въ томъ, изданный тотчасъ послѣ кончины А. И. Герцена—есть превосходная характеристика Кетчера-друга, съ которымъ Герценъ впослѣдствіи разошелся, и заочно. Охлажденіе произошло со стороны Кетчера, вѣроятно испугавшагося дальнѣйшей фазы революціонной эволюціи своего московскаго закадыки. Кетчеръ, у Герцена, какъ вылитый, со всѣми безпощадными подробностями его интимной жизни, вплоть до связи съ простой женщиной,—связи (кажется, впослѣдствіи узаконенной), которая медленно, но радикально измѣнила весь его душевный обликъ.

И вотъ, въ такой періодъ «перерожденія» и зазналъ я этого курьезнаго москвича, званіемъ «штадтъ-физика» города Москвы, считавшагося еще, въ публикѣ, другомъ Герцена и Бакунина, Грановскаго, Огарева и всѣхъ радикаловъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Такого же точно литературнаго Собакевича я не зналъ, не исключая и М. Е. Салтыкова! Кетчеровскій «смѣхъ» сдѣлался легендарнымъ. Слово «смѣхъ» слишкомъ слабо... Надо бы сказать: «хохочущее ржаніе», которое раскатисто гремѣло послѣ каждой фразы. Онъ былъ виртуозный ругатель. Про кого бы вы ни упоминали, особенно изъ петербургскихъ писателей, онъ сейчасъ раздражался какимъ-нибудь эпитетомъ во вкусѣ Собакевича. Помню, въ одинъ изъ нашихъ разговоровъ, отъ него особенно круто досталось Полонскому и Некрасову—одному по части умственныхъ способностей, другому по части личной нравственности, и то, и другое по поводу

изданій ихъ стихотвореній, которыя онъ долженъ былъ корректировать, такъ какъ ихъ издала фирма: «Солдатенковъ и Щепкинъ». Вся Москва—десятки лѣтъ—знала Кетчеровскую огромную голову, и его ротъ съ почернѣлыми большими зубами, и его топорно-сбитую фигуру, въ вицмундирѣ медицинскаго чиновника.

Дома онъ, по утрамъ, принималъ въ кабинетѣ, окнами въ садъ, заваленномъ книгами, рукописями и корректурами, съ обширной коллекціей трубокъ на длинныхъ чубукахъ. Онъ курилъ «жуковъ», безпрестанно зажигалъ бумажку и закуривалъ, ходилъ въ затрапезномъ халатѣ, съ раскрытымъ воротомъ ночной рубашки не особенной чистоты. Его старая подруга никогда не показывалась, и всякій бы счелъ его закоренѣлымъ холостякомъ.

Изъ его пріятелей я встрѣтилъ у него, въ разные пріѣзды, двоихъ: Санина, друга Герцена и Огарева и переводчика шекспировскихъ комедій, и Галахова, тогда уже знакомаго всѣмъ гимназистамъ составителя хрестоматіи. Санинъ смотрѣлъ бариномъ сороковыхъ годовъ, съ прической *à la moujik,* а Галаховъ—учителемъ гимназіи, съ сухимъ петербургскимъ тономъ, очень похожимъ на его педагогическіе труды.

Трудно мнѣ было и тогда представить себѣ, что этотъ московскій обыватель, съ натурой и пошибомъ Собакевича, состоялъ, когда-то, душою общества въ томъ кружкѣ, гдѣ Герценъ провелъ годы «Былого и Думъ». И его шекспиромапія казалась мнѣ совершенно неподходящей ко всему его бытовому habitus. И то сказать: по тогдашней же прибауткѣ, онъ болѣе «переперъ», чѣмъ «перевелъ» великаго «Вилли».

Театръ онъ любилъ и считалъ себя самымъ авторитетнымъ носителемъ традицій Малаго театра; но Малаго театра Мочаловско-Щепкинской эпохи, а не той, которая началась съ нарожденіемъ новой генераціи исполнителей, нашедшихъ въ Островскомъ своего автора, т.-е. Садовскихъ, Васильевыхъ, Косицкихъ, Полтавцевыхъ.

Къ Островскому Кетчеръ относился прямо ругательно, какъ бы не признавалъ его таланта и того, чѣмъ онъ обновилъ нашъ театръ. Любимымъ его прозвищемъ было: «*Островитяне, папуасы*!..» Этой кличкой онъ окрестилъ всѣхъ цѣнителей Островскаго.

— Папуасы! Ха-ха! Островитяне! Ха-ха! Іерихонцы! Трактирные ярыги!

Вотъ что звенѣло въ ушахъ дерптскаго студіоза—автора злосчастнаго руководства, когда онъ шелъ отъ Сухаревой башни къ тому домику мѣщанки *Поносовой* (эта фамилія оставалась у меня въ памяти десятки лѣтъ), гдѣ гостилъ у своего товарища.

Вѣроятно, Кетчеръ не могъ не сознавать таланта и значенія Островскаго, но ему, кромѣ *разносной* его натуры и вкоренившейся въ него ругательной манеры, мѣшало запоздалое, уже и тогда, крайнее западничество, счеты со славянофилами, обида за европеизмъ, протестъ противъ купеческой «чуйки» и мужицкой «сермяги», которыя начали водворяться на сценѣ и въ беллетристикѣ.

Объ Аполлонѣ Григорьевѣ онъ выражался также рѣзко и терминъ: «трактирные ярыги»—относился, всего больше, къ нему.

Случилось мнѣ, за эти пять лѣтъ, провести и зимніе праздники въ Москвѣ, куда пріѣхалъ пожить и полѣчиться и отецъ мой. Мы жили въ тѣхъ архимосковскихъ номерахъ Челышевскаго дома, которые прошли черезъ столько «аватаровъ», и кончили, въ видѣ милліоннаго «Метрополя», послѣ грандіознаго пожара. Тогда Малый театръ снова захватилъ меня, послѣ впечатлѣній гимназиста, въ зиму 1852—53 гг. Щепкинъ еще игралъ, и я его видѣлъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго» и въ передѣланной на русскіе нравы комедіи Ожье «Le gendre de m-r Poirier». Онъ уже сильно постарѣлъ и говорилъ невнятно отъ вставной челюсти, которая у него разъ и выпала, но это случилось не при мнѣ. Инцидентъ этотъ, какъ я говорю выше,—передавалъ мнѣ позднѣе, въ 60-хъ годахъ, мой сотрудникъ по «Библіотекѣ для чтенія», Ев. Н. Эдельсонъ.

Талантъ Шумскаго, Самарина и всѣхъ «папуасовъ» (по номенклатурѣ Кетчера), Садовскаго, Серг. Васильева, его жены Екатерины, Степанова, Косицкой, Колосовой, Бороздиныхъ, Акимовой—были въ полномъ расцвѣтѣ; а двѣ замѣчательныя старухи—Сабурова и Кавалерова—уже доживали свой сценическій вѣкъ.

Какъ я разскажу ниже, толчокъ къ написанію моей первой пьесы дала мнѣ не Москва, не спектакль въ Маломъ, а въ Александринскомъ театрѣ. Но это былъ только толчокъ: Малый театръ, конечно, всего болѣе, помогъ тому внутреннему процессу, который въ данный моментъ, сказался въ позывѣ къ писательству, въ *драматической* формѣ.

Поѣздки въ Нижній и въ деревню, почти въ каждую лѣтнюю вакацію, вели дальше эту скрытую работу надъ русской дѣйствительностью. И въ Нижнемъ, и въ усадьбѣ отца я входилъ въ жизнь дворянскаго общества и въ крестьянскій бытъ, съ прибавкой того разнообразнаго купеческаго и мѣщанскаго разночинства, которое имѣлъ возможность наблюдать на Макарьевской ярмаркѣ.

Сестра моя вышла замужъ, въ Нижнемъ, за мѣстнаго дворянина, учившагося въ Дерптѣ, какъ разъ въ тѣ годы, когда С. Ѳ. Уваровъ, пріѣхавъ изъ-за границы, поступилъ въ «Руменію» и готовился

потомъ къ магистерскому экзамену. Отношеніе ко мнѣ всѣхъ моихъ нижегородскихъ родныхъ, начиная съ матушки, вступило въ новую фазу. Время и та самостоятельность, которая развилась во мнѣ въ Дерптѣ—сдѣлали то, что на меня всѣ смотрѣли уже, какъ на *личность*. И прежняя разница между тѣмъ, какъ мнѣ жилось въ домѣ дѣда (гдѣ оставалась мать моя), и въ Тамбовской усадьбѣ, у отца—уже ни чувствовалась. Но съ отцомъ, всетаки, жилось гораздо привольнѣе, какъ бы въ воздухѣ товарищества. Мы проводили дни въ откровенныхъ бесѣдахъ, я очень много читалъ, немного присматривался къ хозяйству, лѣчилъ крестьянъ, ѣздилъ къ сосѣдямъ, съ возрастающимъ интересомъ приглядывался и прислушивался ко всему, что давали тогдашняя деревня, помѣщики и крестьяне.

Запахло освобожденіемъ крестьянъ. Дѣдъ мой, въ Нижнемъ, еще бодрый старикъ, за восемьдесятъ лѣтъ, ревниво и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось по крестьянскому вопросу, разумѣется не мирился съ такими крутыми, на его аршинъ, мѣрами, но не позволялъ себѣ вслухъ никакихъ рѣзкихъ выходокъ. Отецъ не стоялъ на сторонѣ реформы, какъ то меньшинство, которое поддерживало ее впослѣдствіи, но особаго раздраженія не выказывалъ, не предавался преувеличеннымъ страхамъ. Впослѣдствіи онъ довольно долго состоялъ кандидатомъ въ мировые посредники и не безъ гордости носилъ крестъ въ память 19-го февраля.

Ежегодныя мои поѣздки «въ Россію»—въ цѣломъ и въ деталяхъ—доставляли обширный матеріалъ будущему беллетристу. И жизнь нашего дерптскаго товарищескаго кружка, въ послѣдніе два года, питалась уже почти исключительно чисто русскими интересами. Журналы продолжали свое развивающее дѣло. Они поддерживали во мнѣ, сильнѣе чѣмъ въ остальныхъ, уже не одну книжную отвлеченную любознательность, а все возраставшее желаніе самому испробовать свои силы.

Въ семействѣ Дондуковыхъ я нашелъ за этотъ послѣдній дерптскій періодъ много ласки и поощренія всему, что во мнѣ назрѣвало, какъ въ будущемъ писателѣ. Два лѣта я—отчасти или цѣликомъ—провелъ въ ихъ живописной усадьбѣ, въ Опочскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Тамъ писалась и вторая моя—по счету—пьеса «Ребенокъ»; первая—«Фразеры»—въ Дерптѣ; а «Однодворецъ»—у отца, въ усадьбѣ, въ селѣ Павловскомъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Петербургу принадлежитъ знаменательная доля впечатлѣній, за послѣдніе дерптскіе годы, и до того момента, когда я приступилъ къ первой серьезной литературной вещи.

Довольно свѣжо сохранился у меня въ памяти тотъ проѣздъ Петербургомъ, когда выставлялась картина Иванова: «Явленіе Христа народу». Я попалъ въ воздухъ горячихъ споровъ и толковъ, на Васильевскомъ Острову, и помню, что молодежь (въ томъ числѣ мои пріятели и новые знакомцы изъ студентовъ) стояли за картину Иванова; а въ академическихъ кружкахъ на нее сильно нападали. На Васильевскомъ Острову зазналъ я не мало студентовъ, принимавшихъ потомъ участіе въ волненіи 1861 г. Я гостилъ въ квартирѣ братьевъ того Вл. Бакста, съ которымъ мы въ Дерптѣ перевели первый томъ физіологіи Дондереса. Оба они извѣстны публикѣ: старшій какъ одинъ изъ первыхъ передовыхъ издателей-переводчикъ нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ; второй—какъ профессоръ физіологіи. Позднѣе, къ 60-мъ годамъ, къ тѣмъ же кружкамъ принадлежалъ студентъ Н. Неклюдовъ, вожакъ студенческой братіи, который началъ свою извѣстность съ Петропавловской крѣпости, а кончилъ должностью товарища министра внутреннихъ дѣлъ и умеръ въ званіи «у Цѣпного моста», превратившись изъ архикраснаго въ бѣлоснѣжнаго государственника и обличителя крамолы.

Авторомъ пьесъ, я—еще студентомъ — попалъ и въ тогдашній театрально-писательскій міръ, и въ журнальную среду.

Изъ тогдашнихъ крупныхъ литераторовъ зазналъ я Дружинина, къ которому явился, какъ къ члену театрально-литературнаго комитета, куда я представилъ уже свою комедію «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», переименованную потомъ въ «Фразеры». Изъ-за пьесы вышло знакомство съ Я. П. Полонскимъ, жившимъ въ домѣ Штакенъ-Шнейдера. Онъ заставилъ меня прочесть мою вещь на вечерѣ у хозяевъ дома, гдѣ я впервые видѣлъ П. Л. Лаврова, въ формѣ артиллерійскаго полковника, Шевченко, Бенедиктова, М. Семевскаго—офицеромъ, а потомъ, уже лѣтомъ, Полонскій познакомилъ меня съ М. Л. Михайловымъ, котораго я видалъ, издали, еще въ Нижнемъ, гдѣ онъ когда-то служилъ у своего дяди—завѣдующаго солянымъ правленіемъ.

Помню и маленькій эпизодъ, о которомъ разсказывалъ С. П. Максимову, въ годъ его смерти, когда мы очутились съ нимъ коллегами по академіи. Это было въ концѣ лѣта, когда я возвращался въ Дерптъ. У Доминика, въ ресторанѣ, меня сильно заинтересовалъ громкій разговоръ двухъ господъ, въ которыхъ я сейчасъ же заподозрилъ литераторовъ. Это были Вас. Курочкинъ и Максимовъ.

Въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ, дерптскимъ студентомъ, я былъ принятъ и начальникомъ репертуара П. С. Федоровымъ, послѣ того, какъ мою комедію «Фразеры» окончательно одобрили въ комитетѣ и она находилась въ цензурѣ, гдѣ ее и запрети-

ли. Въ судьбѣ ея повторилась исторія съ моимъ руководствомъ. Редакція *Русскаго Слова* затеряла рукопись, и молодой авторъ оказался такъ безобиденъ, что не потребовалъ никакого вознагражденія.

Теперь, въ заключеніе этой главы, я отмѣчу особенно главнѣйшіе моменты того: какъ будущій писатель складывался во мнѣ, въ студенческіе годы, проведенные въ «Ливонскихъ Аѳинахъ», и что поддержало во мнѣ все возраставшее внутреннее влеченіе къ міру художественно воспроизведенной русской жизни, удаляя меня отъ міра теоретической и прикладной науки.

Въ корпораціи, какъ я уже говорилъ—въ тотъ семестръ, который я пробылъ въ ней «фуксомъ», я, въ самый горячій періодъ моего увлеченія химіей, для оживленія якобы «литературныхъ» очередныхъ вечеровъ—сочинилъ и прочелъ съ большимъ успѣхомъ юмористическій разсказъ «Званые блины», написанный въ тонѣ тогдашней сатирической беллетристики.

Послѣ того прошло добрыхъ два года, и въ этотъ періодъ я ни разу не приступалъ къ какой-нибудь серьезной «пробѣ пера». Мысль измѣнить научной дорогѣ еще не дозрѣла. Но въ эти же годы чтеніе поэтовъ, романистовъ, критиковъ, особенно тогдашнихъ русскихъ журналовъ, продолжительныя бесѣды и совмѣстная работа съ С. Ѳ. Уваровымъ, поѣздки въ Россію, въ обѣ столицы, Нижній и деревню—все это поддерживало работу «подъ порогомъ сознанія», по знаменитой фразѣ психо-физика Фехнера.

Еслибъ кто продолжалъ упорно отрицать безсознательную «церебрацію»—на моемъ примѣрѣ долженъ бы былъ убѣдиться въ возможности такого именно психическаго явленія.

Я продолжалъ заниматься наукой, сочинялъ цѣлый учебникъ, ходилъ въ лабораторію, послѣдовательно перешелъ отъ спеціальности химика въ область біологическихъ наукъ, перевелъ съ товарищемъ цѣлый томъ физіологіи Дондерса, усердно посѣщалъ лекціи медицинскаго факультета, даже практиковалъ какъ «студентъ-кураторъ», ходилъ на роды и дежурилъ въ акушерской клиникѣ.

И, въ то же время, писательская *церебрація* шла своимъ чередомъ, и къ четвертому курсу я былъ уже на одинъ вершокъ отъ того, чтобы взять десть бумаги, обмокнуть перо и начать писать, охваченный назрѣвшимъ желаніемъ что-нибудь создать.

Въ какой формѣ? Почему первая серьезная вещь, написанная мною, четверокурсникомъ, была пьеса, а не разсказъ, не повѣсть, не поэма, не рядъ лирическихъ стихотвореній?

Поэтомъ, и даже просто стихотворцемъ—я не мечталъ быть. Въ Дерптѣ я кое-что переводилъ и написалъ даже нѣсколько стихотво-

реній, которыя моимъ товарищамъ очень нравились. Но это не развилось. Серьезно я никогда въ это не уходилъ.

Драматическая форма явилась сразу, въ видѣ замысла большой комедіи изъ современныхъ нравовъ, опять-таки какъ результатъ безсознательной психической работы.

Наши спектакли въ Дерптѣ, открывшіе у меня актерскія способности, и всѣ мои русскія впечатлѣнія дѣлали для меня театръ все ближе и ближе.

И вотъ разъ (это было осенью), возвратившись изъ Петербурга, я сталъ думать о комедіи, гдѣ героиней была бы эмансипированная дѣвица, какихъ я уже видалъ, хотя больше издали.

Я попалъ въ Александринскій театръ, на бенефисъ А. И. Шубертъ, уже и тогда почти сорокалѣтней «ingénue», поражавшей своей моложавостью. Давали комедію «Капризница» съ главной ролью для бенефиціантки. Но не она заставила меня мечтать о моей героинѣ, а тогдашняя актриса на первое амплуа, въ драмѣ и комедіи, Владимірова. Ея эффектная красота, тонъ, туалеты въ роли «Далилы» въ переводной драмѣ Октава Фёлье, взволновали пріѣзжаго студента. И между этимъ спектаклемъ и замысломъ первой моей пьесы—несомнѣнная связь.

Обстановку дѣйствія и діалоговъ доставила мнѣ помѣщичья жизнь; а характерные моменты я взялъ изъ впечатлѣній того лѣта, когда тамбовскіе ополченцы отправлялись на войну. Сдается мнѣ также, что замыселъ выяснился послѣ прочтенія повѣсти Н. Д. Хвощинской «Фразы». Въ первоначальной редакціи комедія называлась «Шила въ мѣшкѣ не утаишь»; а заглавіе «Фразеры» я поставилъ уже на рукописи, которую передѣлалъ по предложенію театрально-литературнаго комитета.

Этотъ пріемъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Стало быть, цѣлый комитетъ считалъ меня уже молодымъ писателямъ, достойнымъ поощренія.

Чѣмъ ближе подходилъ срокъ окончанія курса, тѣмъ ближе былъ я къ рѣшенію: врачомъ не дѣлаться, а заняться литературой, какъ профессіональному писателю.

Замыселъ «Однодворца», написаннаго въ усадьбѣ отца, былъ уже совсѣмъ *своій,* нисколько не навѣянный ни впечатлѣніями сцены, ни мотивами тогдашней беллетристики, по крайней мѣрѣ никакимъ опредѣленнымъ произведеніемъ. Комитетъ принялъ «Однодворца» сразу; журналъ *Библіотека для чтенія* помѣстилъ его въ октябрьской книжкѣ 1860 г. Мое писательское крещеніе совершилось. Измѣна химіи и медицинѣ уже совсѣмъ назрѣла. Когда «Однодворецъ»

лежалъ въ комитетѣ, а потомъ въ редакціи толстаго журнала, я—въ слѣдующее лѣто, уже написалъ драму «Ребенокъ». Въ ней идеализмъ съ оттѣнкомъ прекраснодушія былъ навѣянъ тѣмъ воздухомъ, какимъ я уже болѣе года дышалъ въ семьѣ Д—выхъ. Это было и для меня пробужденіе моего лиризма, потребности въ любви и нѣжности, которыя слишкомъ долго лежали подъ спудомъ въ душѣ студента, ушедшаго въ мозговую жизнь и въ *научную* философію.

Когда я съ вакаціи изъ усадьбы Д—выхъ вернулся въ Дерптъ, писатель уже вполнѣ побѣдилъ химика и медика. Я рѣшилъ: засѣсть на четыре мѣсяца, написать нѣсколько вещей, съ медицинской карьерой проститься, если нужно, держать на кандидата экзаменъ въ Петербургѣ и начать тамъ жизнь литератора.

И дѣйствительно, я написалъ цѣлыхъ четыре пьесы, изъ которыхъ три были драмы и одна веселая, сатирическая комедія. Изъ нихъ драма «Старое зло» была принята Писемскимъ; а драму «Мать»—я напечаталъ, четыре года спустя, уже въ *своемъ* журналѣ *Библіотека для чтенія*, подъ псевдонимомъ; а изъ комедіи появилось только первое дѣйствіе, въ видѣ «сценъ», въ журналѣ *Въкъ*, съ сохраненіемъ первоначальнаго заглавія «Наши знакомцы».

Этотъ зарядъ «творчества» (выражаясь высокимъ терминомъ), хотя самые продукты и не могли быть особенно цѣнны, показывалъ несомнѣнно, что безсознательная церебрація находилась въ сильнѣйшемъ возбужденіи. И ее прорвало въ видѣ такой чрезмѣрной производительности, передъ оставленіемъ «Лифонскихъ Аѳинъ».

Послѣ напечатанія «Однодворца» я сталъ считать драматическую литературу моей коренной областью.

О *повѣствовательной* беллетристикѣ я не думалъ въ двухлѣтній, уже прямо писательскій, періодъ моего студенчества. Будь это иначе—я бы написалъ повѣсть или хотя бы два-три разсказа.

Послѣ «Званыхъ блиновъ» я набросалъ только нѣсколько картинокъ изъ жизни казанскихъ студентовъ (которыя вошли впослѣдствіи въ казанскую треть романа «Въ путь-дорогу») и даже читалъ ихъ у Д—выхъ, въ первый ихъ пріѣздъ, въ присутствіи профессора Розберга, который былъ очень огорченъ низменнымъ уровнемъ нравовъ моихъ бывшихъ казанскихъ товарищей и вспоминалъ свое время, въ Москвѣ, когда всѣ они болѣе или менѣе настрапвали себя на идеи, чувства, вкусы и замашки идеалистовъ. Но Писемскій, въ своихъ «Людяхъ сороковыхъ годовъ», изображаетъ тогдашніе нравы далеко не въ розовомъ свѣтѣ; а его эпоха отстояла отъ студенческихъ годовъ профессора всего на какой-нибудь десятокъ лѣтъ.

Эти казанскіе очерки были набросаны до написанія комедій. По-

томъ, вплоть до конца 1861 года, когда я приступилъ прямо къ работѣ надъ огромнымъ романомъ—я не написалъ *ни одной строки* въ повѣствовательномъ родѣ.

А беллетристика второй половины 50-хъ годовъ очень сильно увлекала меня. Тогда именно я знакомился съ новыми вещами Толстого, накидываясь въ журналахъ и на все, что печаталъ Тургеневъ. Тогда даже въ корпораціи «Рутенія» я дѣлалъ рефератъ о «Рудинѣ». Такія повѣсти, какъ «Ася», «Первая любовь», а главное «Дворянское гнѣздо» и «Наканунѣ», слѣдовали одна за другой и питали во мнѣ все возраставшее, чисто литературное *направленіе*.

О «Дворянскомъ гнѣздѣ» я даже написалъ небольшую статью для прочтенія и въ нашемъ кружкѣ, и въ гостиной Карлова, у Д—выхъ. Настроеніе этой вещи, мистика Лизы, многое, что отзывалось якобы недостаточнымъ свободомысліемъ автора, вызывали во мнѣ недовольство. Художественная прелесть повѣсти не такъ на меня дѣйствовала тогда, какъ замыселъ и топъ, и отдѣльныя сцены «Наканунѣ».

Помню, я первый схватилъ книжку *Русскаго Вѣстника*, прибѣжалъ домой и читалъ до трехъ часовъ ночи, въ постели, и потомъ не могъ заснуть до разсвѣта.

Съ тѣхъ поръ, я не помню, чтобы какая-нибудь русская или иностранная вещь такъ захватила меня, даже и въ молодые годы.

Почти такъ же зачитывался я и «Обломовымъ»; и въ нашемъ кружкѣ, и въ знакомыхъ русскихъ домахъ о немъ цѣлую зиму шли оживленные толки.

И все, что тогда печаталось по беллетристикѣ, получше и похуже, Григоровича, Писемскаго, Авдѣева, Печерскаго, Хвощинской, М. Михайлова, а затѣмъ Щедрина (о первыхъ его «Губернскихъ очеркахъ» я дѣлалъ, кажется, докладъ въ нашемъ кружкѣ) и начинающихъ: Ник. Успенскаго, разныхъ обличительныхъ беллетристовъ—все это, буквально, поглощалось мною, сейчасъ же, въ первые же дни по полученіи книжекъ всѣхъ тогдашнихъ большихъ журналовъ.

Островскій, Потѣхинъ, Писемскій (какъ драматургъ), Сухово-Кобылинъ, такъ же питали мой писательскій голодъ, какъ и беллетристы-повѣствователи.

И я сталъ сильно мечтать, именно, о театрѣ и выливать все, что во мнѣ назрѣвало въ этотъ студенческій періодъ писательства, съ 1858 по 1860 г. включительно, въ драматическую форму.

Но въ этотъ же трехлѣтній періодъ я сдѣлался и публицистомъ студенческой жизни, лѣтописцемъ конфликта Рутеніи съ нѣмецкимъ *комманомъ*. Мои очерки и воззванія разосланы были въ другіе уни-

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY.

верситеты; составилъ я и сообщеніе для архи-либеральнаго тогда *Русскаго Вѣстника*. Катковъ и Леонтьевъ сочувственно отнеслись къ нашей «исторіи»; но затруднились напечатать мою статью.

Когда въ Казани, въ концѣ 50-хъ годовъ, подуло другимъ вѣтромъ и началось что-то вродѣ волненія, я, какъ бывшій казанецъ, написалъ цѣлое посланіе, которое отправилъ моему товарищу по нижегородской гимназіи В—скому. Оно начиналось возгласомъ: «Товарищи, други и недруги!» съ эпиграфомъ изъ Вольтера: «La vérité a des droits imprescriptibles». И этотъ эпиграфъ я взялъ въ «разрывной» по тому времени книжкѣ Бюхнера: «Kraft und Stoff». Въ посланіи къ казанцамъ я проводилъ параллель между тѣмъ, что такое была Казань въ мое время и какъ можно учиться въ Дерптѣ, при чемъ нѣкоторымъ каѳедрамъ и профессорамъ досталось особенно сильно. Это «посланіе» имѣло сенсаціонный успѣхъ, разошлось во множествѣ списковъ, и я встрѣчалъ казанцевъ—двадцать, тридцать лѣтъ спустя—которые его помнили чуть не наизусть.

Мнѣ самому было бы занимательно прочесть его въ эту минуту; но я никогда не имѣлъ ни одного экземпляра. Я писалъ прямо набѣло, какъ отчетливо помню, на листахъ почтовой бумаги большаго формата, и они составили порядочную тетрадку.

Стало, были опыты и по публицистикѣ; но опять-таки: ни одного цѣльнаго разсказа, ни плана повѣсти, и еще менѣе—романа!

П. Боборыкинъ.

ВЪ ПУТАХЪ ШАЙТАНА.

Разсказъ **М. Кацюбинскаго.**

Емене сидѣла въ своемъ дворикѣ на раскаленной землѣ. Сегодня праздникъ, байрамъ, мать ушла въ домъ и будетъ тамъ спать, пока спадетъ жара, а отецъ, старый хаджи Бекиръ-мемедъ-оглу, какъ и всѣ правовѣрные, уже во второй разъ отправился въ мечеть.

Вокругъ тишина. Только изъ деревни съ высокаго, стараго минарета доносится скрипучій голосъ муллы:

— А-а... Алла... иль Алла-а... Магометъ расуль Алла-а!

Емене уперлась локтями въ колѣни, положила голову на ладони и глядѣла передъ собой.

Передъ ней, чуть не изъ-подъ ея ногъ, сбѣгали внизъ по каменистымъ холмамъ виноградныя и табачныя плантаціи. Ровные полосы кустовъ качались зелеными строчками огромной книги. Пятна табака зеленѣли на фонѣ сѣраго камня, какъ зеленые лишаи.

Еще ниже, на песчаной полосѣ берега, среди тѣнистыхъ садиковъ бѣлѣли роскошныя виллы «гяуровъ» съ аллеями изъ черныхъ стройныхъ кипарисовъ.

А дальше было море.

Ослѣпительно голубое небо замерло въ этотъ лѣтній раскаленный день и, нѣжными тонами сливаясь съ далекимъ горизонтомъ, очаровывало глазъ и манило въ свою чистую, теплую, радостную синеву.

Съ правой стороны холмистой тѣнью легъ на море Аюдагъ и, будто мучимый жаждой звѣрь, припалъ къ водѣ.

Емене равнодушно смотрѣла на знакомыя мѣста: ей скучно. Она дѣвушка, «кизъ», и не для нея это невѣдомое, полное чаръ море: она никогда не переплыветъ его, какъ никогда не переступитъ хмурой Яйлы, которая тамъ, за отцовскимъ домомъ, за деревней, поднимаетъ къ небу каменные хребты, отдѣляя страну Аллаха отъ страны невѣрныхъ.

Въ будни, когда Емене работаетъ, не покладая рукъ—садитъ табакъ, поливаетъ огородъ или возится подлѣ виноградниковъ,—она не чувствуетъ скуки, но въ праздникъ, вотъ какъ теперь, когда ворчливая мать уснула, отецъ молится, а работа ждетъ будней,—дѣвушка не знаетъ, что̀ дѣлать съ собой.

Вокругъ нея тишина, и на небѣ, и на землѣ. Солнце стоитъ высоко, и отъ раскаленной земли, отъ неба и моря, отъ сѣрыхъ камней пышетъ огнемъ. Блѣдный, широколистный табакъ насыщаетъ воздухъ наркотическими испареніями. Въ самомъ воздухѣ разлито томленіе; о немъ тихо журчитъ ручеекъ, сбѣгая по камешкамъ двора; томясь, скачетъ на цѣпи старая собака и, глухо звеня ею, хриплымъ голосомъ жалуется небу: Алла, Алла! Алла, Алла!...

Одинокая лягушка вылѣзла изъ ручья и изрѣдка меланхолически квакаетъ. На темныхъ, широколистыхъ фиговыхъ деревьяхъ задорно, будто сотни трещотокъ, до одурѣнія, до самозабвенія трещатъ цикады. И всетаки тихо, всетаки скучно и томительно отъ этихъ однообразныхъ звуковъ.

Наконецъ, Емене надоѣло сидѣть на горячей землѣ. Она лѣниво потянулась своимъ гибкимъ молодымъ тѣломъ, поднялась и апатично обвела вокругъ себя глазами. Что ей дѣлать, чѣмъ разогнать скуку? Случайно ея глаза остановились на лягушкѣ. Большая, распластанная, она припала брюхомъ къ теплой землѣ, подняла голову съ огромными глазами и квакаетъ то жалобно и мелодично, то сердито и ворчливо, какъ будто внутри нея что-то клокочетъ.

Емене начала тихонько подкрадываться къ одинокой, какъ и она, ворчуньѣ. Но лягушка замѣтила непрошенную гостью и нырнула въ воду, вытянувъ заднія ноги и поднявъ со дна цѣлый столбъ тины. Дѣвушка остановилась надъ ручьемъ и смотрѣла, какъ медленно осѣдала тина и очищалась вода. Но это показалось ей скучнымъ.

Емене сняла съ ногъ туфли, зажала межъ колѣнъ красные шаровары и начала мыть ноги. Ослѣпительное солнце освѣщало стройную фигуру татарки, играло на рыжихъ, заново выкрашенныхъ косахъ, желтомъ халатѣ и красныхъ шароварахъ, а подрисованныя брови и красные, тоже подкрашенные на рукахъ и ногахъ, ногти, такъ блестѣли на солнцѣ, какъ будто были наведены лакомъ.

Дѣвушка плескалась въ теплой водѣ, но вдругъ, взглянувъ на прибрежные дома, замерла, чѣмъ-то очень заинтересованная. То, что ее заинтересовало, было не что иное, какъ три осѣдланныя лошади у крыльца виллы, а подлѣ нихъ татаринъ-проводникъ, повидимому, кого-то поджидавшій. Но вотъ отъ бѣлой стѣны дома отдѣлились двѣ

женскія фигуры, тонкія, высокія, какъ молодые кипарисы, и подошли къ лошадямъ.

Тутъ Емене не выдержала, и безъ туфель, мокрыми ногами перебѣжала дворикъ и, перевѣсившись черезъ заборъ, любопытно выглянула изъ-за дерева. Сердце ея затрепетало. Она узнала Септара, самаго красиваго парня въ деревнѣ и лучшаго проводника, образъ котораго бѣдная дѣвушка давно носитъ въ сердцѣ, хотя не смѣетъ поднять глазъ на свой идеалъ, какъ это полагается порядочной татарской «кизъ». Но тише! Вотъ женщины подходятъ къ лошадямъ. Септаръ подставляетъ ладонь, женщина становится на нее, слегка касаясь рукой его плеча, и какъ мячикъ вспрыгиваетъ на коня. «Тцъ, тцъ!» качаетъ головой Емене и чувствуетъ, какъ горячая волна крови приливаетъ къ сердцу и къ головѣ.

«Алла, алла!—думаетъ Емене. — Ты справедливъ, но почему женщинамъ невѣрныхъ лучше живется на свѣтѣ, чѣмъ женщинамъ правовѣрныхъ?»

Грѣшныя мысли сплетаются въ головѣ дѣвушки. А нынче байрамъ, нынче праздникъ! Дѣвушкѣ непріятно, что къ ней приступаетъ шайтанъ и нашептываетъ ей неподходящія мысли, волнуетъ кровь... Она приковываетъ глаза къ тому мѣсту, гдѣ за минуту передъ тѣмъ она видѣла милаго и такое,—не похожее на ея собственную жизнь—и она не можетъ отвести ихъ, хотя ничего уже тамъ не видитъ, кромѣ опустѣвшей лужайки передъ виллой.

Черезъ нѣсколько минутъ лошадиный топотъ вывелъ Емене изъ задумчивости. Дѣвушка встрепенулась, быстро подскочила къ частоколу и прижалась лицомъ къ щели. Въ ея груди сердце трепетало, какъ рыба въ рукѣ, а глаза жадно охватывали часть дороги, видимую въ щель. Но на дорогѣ еще никого нѣтъ. Наконецъ, дрогнула земля и показалась кавалькада: впереди женщина въ сѣромъ, за ней женщина въ синемъ; рядомъ съ послѣдней ѣхалъ Септаръ.

Емене такъ и впилась глазами въ проводника. А онъ, подбоченившись, выпячивалъ вышитую золотомъ грудь и наглыми хищными глазами оглядывалъ женщину въ синемъ... На его чисто выбритомъ, блестящемъ и красномъ, какъ спѣлый помидоръ, лицѣ, выглядывающемъ изъ-подъ круглой съ золотымъ верхомъ шапочки, отражалось самомнѣніе съ оттѣнкомъ презрѣнія къ женщинѣ, которое свидѣтельствовало, что онъ вполнѣ постигъ жизнь проводника и что не одна московская барыня «его любилъ, деньга давалъ» и что онъ на тѣ «деньга гулялъ». Емене любовалась его крѣпкимъ, здоровымъ, какъ огурецъ, тѣломъ, туго обтянутымъ тонкимъ сукномъ, его наглымъ взглядомъ, который она принимала за выраженіе «рыцарскаго духа

и смѣлости». Онъ казался ей яснымъ мѣсяцемъ, отразившимся въ морѣ ея сердца и прокладывающимъ блестящій путь къ счастью.

Неожиданно у калитки позвонилъ разбитый звонокъ.

Емене вздрогнула, будто пойманная на мѣстѣ преступленія, и, забывъ туфли, бросилась въ сѣни. Звонокъ еще разъ прохрипѣлъ. Это значитъ—пришелъ посторонній мужчина. И на самомъ дѣлѣ, едва Емене спряталась, какъ во дворъ вошелъ ея отецъ, старый хаджи Бекиръ, въ обществѣ молодого рѣзника Мустафы. Съ этимъ набожнымъ рѣзникомъ, насквозь продушившемся овечьимъ саломъ, старый хаджи вѣчно имѣлъ какія-то дѣла, въ которыхъ будущность Емене играла не послѣднюю роль.

Въ этотъ моментъ кавалькада выѣхала на самый возвышенный пунктъ дороги, и статная фигура Септара отчетливо вырисовывалась на фонѣ лазурнаго неба. Хаджи Бекиръ взглянулъ туда, и его глаза сверкнули изъ-подъ чалмы. Онъ поднялъ руку и, погрозивъ ею вслѣдъ проводнику, хриплымъ голосомъ пробурчалъ:

— Кепѣкъ *)!

И, съ отвращеніемъ плюнувъ по направленію кавалькады, повелъ гостя на веранду, раскачиваясь на согнутыхъ, какъ у рахитика, татарскихъ ногахъ и кивая головой, обернутой бѣлой чалмой. Эта чалма вмѣстѣ съ длинной бѣлой бородой придавала ему видъ ветхозавѣтнаго патріарха.

Емене подглядѣла эту сцену и почувствовала въ сердцѣ обиду:

«Кепѣкъ? Почему кепѣкъ?—думала она,—это потому, что онъ не сторонится «гяуровъ», съ ними ѣстъ, пьетъ, разговариваетъ? Но вѣдь и «гяуры» вѣрятъ въ Аллаха?!

Непривыкшая мыслить, ея голова какъ-то плохо работала, зато сердце чувствовало, что тутъ что-то не такъ, что справедливость не на сторонѣ отца, что Септаръ не имѣетъ за собою вины, не заслужилъ презрѣнія. Она бѣдная невольница, заключенная въ тѣсныхъ границахъ своего дворика, въ задѣланной рѣшотками, строго охраняемой отъ мужского глаза женской половины,—она всетаки имѣла глаза и глядѣла туда, внизъ, на бѣлые дома среди роскошныхъ рощъ и не могла не видѣть иной жизни, чѣмъ ихняя, татарская, не могла не сравнивать ее со своимъ существованіемъ. Напримѣръ, она видѣла тамъ женщину—свободное существо, товарища, а не рабыню мужчины, женщину, которой, какъ и мужчинѣ, принадлежалъ весь міръ. Она видѣла, какъ та женщина каталась въ лодкѣ, смѣялась, разговаривала съ чужими мужчинами, гарцовала на конѣ или лазила

*) Собака.

по горамъ, заходила въ мечеть, какъ будто въ свой собственный домъ, тогда какъ она, правовѣрная дочь Аллаха, не смѣетъ переступить порогъ мечети, будто она нечистое существо.

— Кепекъ! Кепекъ!—думаетъ обиженная Емене и чувствуетъ жалость къ Септару, почему-то вздыхаетъ, и снова шайтанъ нашептываетъ ей грѣшныя мысли, возмущаетъ ея покой.

А съ веранды, сквозь рѣшетчатыя окна доносится скрыпучій, монотонный голосъ отца. Старый хаджи, можетъ быть, уже сотый разъ разсказываетъ о своемъ путешествіи въ Мекку. Мать проснулась, звенятъ чашки, пахнетъ кофеемъ.

— И пришли мы въ Мекку, въ Ель-хорому,—тянетъ, скрипитъ хаджи Бекиръ—и загорѣлось мое сердце огнемъ радости...

И вдругъ неожиданно ярко глазамъ Емене представляется картина, видѣнная когда-то съ виноградника и сильно поразившая ее. Тамъ, надъ моремъ, подъ позлащенными заходящимъ солнцемъ кипарисами танцуютъ «гяуры». Будто разноцвѣтные мотыльки, порхаютъ дѣвушки по зеленой лужайкѣ, а молодые люди подбѣгаютъ къ нимъ, обнимаютъ ихъ, сжимаютъ ихъ руки... заглядываютъ имъ въ глаза и кружатся вмѣстѣ, точно сорванные вѣтромъ цвѣты. Пѣніе, смѣхъ, веселые возгласы отдаются эхомъ въ рощахъ, а у Емене бьется сердце и сверкаютъ глаза. Будто очарованная, глядитъ она внизъ «можетъ быть, только гуріи въ раю веселятся такъ съ праведными»,—шепчетъ она и не можетъ отвести глазъ отъ этого чуднаго зрѣлища, не можетъ насмотрѣться... Чарующую картину принесла тогда она въ отцовскій домъ, и эта картина постоянно оживаетъ въ ея памяти.

— И сподобилъ меня милосердный Аллахъ прикоснуться Кааби и очиститься отъ грѣховъ, коснувшись Эсвады,—скрипитъ хаджи Бекиръ и поддакиваетъ ему въ отвѣтъ набожный рѣзникъ.

Но Емене не слушала.

Ея глаза, какъ и мысли, блуждали далеко по безконечному морю. А оно невинное, чистое, какъ дѣвушка, въ ослѣпительно голубомъ одѣяніи, съ ниткой жемчуга-пѣны на шеѣ, радостно улыбается берегу, ласкается къ нему, будто любящее существо. Далеко отъ берега играетъ въ морѣ табунъ веселыхъ дельфиновъ. Эти черныя созданія, будто семья чертей, выпрыгиваютъ изъ глубины, переворачиваются въ воздухѣ и стремительно исчезаютъ въ морѣ, снова показываются и снова начинаютъ свою веселую игру.

А еще далѣе, куда глазъ едва достигаетъ—не то по водѣ, не то по небу—легкой тѣнью движутся пароходы съ длиннымъ хвостомъ

дыма, и исчезаютъ, какъ видѣнія... море дышитъ; соленое свѣжее дыханіе шелеститъ листвой, ласкаетъ лица, придаетъ груди бодрость.

— Емене! Кель мунда! *)—раздается со двора пискливый голосъ матери.

Значитъ, гостя ужъ нѣтъ, и можно выйти изъ дома. Емене вышла и чуть не сбила съ ногъ двухъ европейскихъ женщинъ, разговаривавшихъ съ матерью. Дѣвушки объясняли что-то старухѣ, указывая на домъ, на деревню, но все напрасно: старуха не понимала, хотя кивала головой, стараясь показать, что она хорошо понимаетъ, чего онѣ хотятъ.

Однако изъ разговора ничего не выходило. Сначали гостьи озабоченно старались объяснить, но, увидавъ, что всѣ старанія напрасны, весело расхохотались. Это придало татаркамъ смѣлость. Емене, до сихъ поръ искоса поглядывавшая на чужестранокъ, подошла ближе и стала оглядывать ихъ съ головы до ногъ. Глаза у ней разбѣгались, все ее интересовало въ этихъ незнакомыхъ существахъ. Сначала она потянула одну изъ дѣвушекъ за платье, потомъ свѣсила на рукѣ ея тяжелую косу и съ восхищеніемъ сказала:

— Карошъ! Карошъ урусъ!

Тѣ смѣялись, но не противились.

Наконецъ, набравшись смѣлости, Емене просто набросилась на гостей; она гладила ихъ руки, волосы, лица, заглядывала въ глаза, хлопала по плечамъ, прижимала къ себѣ, разсматривала и ощупывала каждую подробность ихъ туалета. Качая головкой, она что-то быстро говорила на непонятномъ имъ языкѣ. Старая татарка тоже не отставала отъ дочери, и скоро дѣвушки очутились точно въ плѣну у дикарей: онѣ начали уже бояться, если не за собственную безопасность, то за цѣлость своихъ костюмовъ. Не выпуская ихъ изъ рукъ, татарки принесли имъ всякихъ лакомствъ, угощали ихъ простоквашей въ грязной посудѣ, свѣжимъ инжиромъ и жареными въ бараньемъ жирѣ коржиками.

— Кушàй, урусъ, кушàй!—просили они, заглядывая гостьямъ въ ротъ.

Когда гостьи ушли, Емене еще долго смотрѣла вслѣдъ смѣлымъ дѣвушкамъ, которыя одни, безъ проводника мужчины, пришли отъ моря и теперь возвращаются обратно, ни передъ кѣмъ не скрывая своихъ красивыхъ лицъ.

Но Емене снова одна, снова ей скучно. Она безъ цѣли бродитъ по дворику, забѣгаетъ въ домъ, вездѣ ищетъ развлеченія или какого-

*) Иди сюда.

нибудь дѣла. Но дѣла нѣтъ, а развлеченіе у татарской дѣвушки только одно: наряды. Этимъ и кончилось. Емене расчесала и заплела мелкими прядями свои красные, какъ огонь, крашеные волосы, накинула на себя новый халатъ со странными рисунками и перевязала станъ косынкой такъ, чтобы ея пестро размалеванный конецъ сзади низко спускался, согласно этикету. Потомъ она нацѣпила на шею свое богатство—ожерелье изъ золотыхъ монетъ, а на голову надѣла маленькую шапочку, унизанную монетами. Легкая чадра на плечахъ и красныя туфельки дополняли ея туалетъ. Оставалось только нарумянить щеки и соединить краской брови. Когда она была готова, то казалась индійскимъ божкомъ и была очень собой довольна.

Но во дворикѣ, куда она вышла, некому было любоваться ея красотой. Бѣдная дѣвушка вздохнула. День уже гасъ. Блѣдное, усталое море лѣниво плескалось о берегъ. Каменистыя вершины Яйлы розовѣли въ небѣ, сизая мгла пряталась въ горныхъ впадинахъ, а лѣса на склонахъ горъ чернѣли, будто сожженные.

Емене глянула вверхъ на деревню. Прижавшаяся къ холму, она казалась огромными сотами, поставленными вертикально. Ряды бѣленыхъ домовъ съ плоскими земляными крышами стояли одинъ надъ другимъ такъ, что крыша одного домика часто служила дворикомъ другому. Среди лѣса колонокъ, подпиравшихъ крыши, чернѣли двери, окна, будто входы въ пещеры, а все вмѣстѣ напоминало гнѣзда рѣчныхъ ласточекъ на крутомъ берегу рѣчки. На плоскихъ крышахъ кучками сидѣли женщины и, будто разноцвѣтные мотыльки, оживляли праздничными яркими нарядами сѣрый фонъ обнаженнаго неба. Старая генуэзская башня, облупившаяся и изгрызенная зубами времени, стоя въ сторонѣ, грозно поглядывала съ вышины на татарскій муравейникъ, шевелившійся у ея подножья.

Емене увидала ту, которую хотѣла увидать.

— Фатьме-е!—взвизгнула она тонкимъ пронзительнымъ голосомъ.

— Емене-е!—донесся изъ деревни такой же писклявый отвѣтъ.

Емене живо схватила мѣдный кувшинъ и отправилась къ «Чишме» за водой.

Она бѣжала въ гору стройная и ловкая, какъ молодая козочка, предвкушая удовольствіе мелкихъ сплетенъ мелочной жизни татарской женщины, которыя ей сообщитъ подруга, ожидающая ее подлѣ «Чишме».

Однако на шоссе она должна была остановиться: знакомая кавалькада галопомъ проскакала мимо нея—впереди женщины, а за ними

Септаръ, сильный, стройный, съ вышитой золотомъ грудью и наглымъ, самоувѣреннымъ взглядомъ.

Кавалькада давно уже промчалась, а Емене все стояла на мѣстѣ и смотрѣла ей вслѣдъ, будто ожидала, не вернется ли ея счастіе, исчезающее изъ глазъ, и не возьметъ ли ее съ собой въ свободный, широкій міръ, болѣе широкій, чѣмъ задѣланная рѣшеткой женская половина отцовскаго дома.

— «Кепекъ!»—вспомнилось ей презрительное отцовское замѣчаніе и полная вражды фигура стараго хаджи.

Сердце ея упало, слезы навернулись на глаза.

Въ деревнѣ тихо и темно. Лавки заперты, проводники разсѣдлали своихъ коней, продавцы «ямутры» *), винограда, чадръ и тому подобнаго отложили свои дѣла на слѣдующій день. Вообще вся та дѣятельность, разсчитанная на полные карманы «гяуровъ», остановилась ради праздника. Муэзинъ въ послѣдній разъ проскрипѣлъ съ минарета «ла Алла», и правовѣрные отдыхаютъ. Только неугомонное море грохочетъ издалека, будто невидимый великанъ выдыхаетъ дневную жару, да звѣзды дрожатъ въ ночной прохладѣ, постепенно прячась за черныя, какъ тучи, вершины «Яйлы».

У подножья генуэзской башни блестѣлъ огонь. Тамъ въ закопченной отъ дыма расщелинѣ, какъ въ дуплѣ большого дерева, варится на раскаленныхъ угольяхъ кофе. Вокругъ огня, подобравъ по восточному ноги, сидятъ бородатые хаджи въ большихъ чалмахъ, и простые мусульмане въ красныхъ фескахъ. Хаджи-Бекиръ занимаетъ почетное мѣсто: онъ сидитъ рядомъ съ туркомъ въ бѣломъ халатѣ и зеленой чалмѣ. Это софта изъ самаго Стамбула, и всѣ правовѣрные собрались тутъ послушать его мудрыхъ, святыхъ рѣчей.

Всѣ молчатъ, всѣ сосредоточены.

Даже красавецъ Септаръ, примостившійся невдалекѣ, держа въ своихъ сильныхъ, съ запахомъ конскаго навоза, рукахъ кнутъ, теперь какъ будто не такъ гордо выпячиваетъ свою вышитую золотомъ грудь, съ меньшей наглостью посматриваетъ вокругъ.

Огонь блестками играетъ на красныхъ фескахъ, освѣщая смуглыя лица. Мѣдный кофейникъ шипитъ на угольяхъ, далекое море ритмически грохочетъ. Но вотъ кофе налито въ маленькія чашечки, и софта началъ говорить.

Онъ говорилъ тихо, скрипучимъ, монотоннымъ голосомъ, цвѣтисто и пространно. Онъ началъ отъ Адама. Яркими красками рисо-

---

*) Яицъ.

валъ онъ прежнюю славу и величіе татарскаго племени, его битвы съ невѣрными, въ которыхъ знамя Магомета обошло чуть не полъміра. Онъ прославлялъ богатство и мудрость великихъ хановъ, расчувствовался, вспоминая набожность правовѣрныхъ, и открылъ, что сердце Аллаха полно радости, что у него еще есть вѣрные слуги. Какъ луна среди звѣздъ, какъ орелъ среди птицъ—такими были мусульмане среди другихъ народовъ. Онъ призывалъ въ свидѣтели предвѣчныя горы, въ своей неподвижности видѣвшія прежнюю славу великаго народа. Ссылался на башню, подъ которой сидѣлъ: онъ помнитъ время, когда по ея стѣнамъ текла кровь «гяуровъ», а на вершинѣ сіялъ полумѣсяцъ.

Искусно и поэтически разсказывалъ онъ всѣмъ извѣстныя, всѣмъ дорогія легенды, вызывалъ изъ могилы тѣни святыхъ и героевъ, положившихъ жизнь за вѣру и славу Аллаха. Пророчества и тексты изъ корана переплетали рѣчь замысловатой сѣтью, и она покрывала прошлое туманнымъ чарующимъ покровомъ. Въ черныхъ глазахъ софты горѣлъ огонь, а блѣдное лицо становилось еще блѣднѣе. Правовѣрные слушали, сосредоточивъ все свое вниманіе, и въ тактъ раскачивались на подобранныхъ ногахъ.

А софта продолжалъ.

Онъ припомнилъ всѣ несправедливости, причиненные гяурами правовѣрнымъ. Они уничтожили ихъ царство, разорили ихъ жилища и обратили въ пустыню ихъ страну, цвѣтущую, какъ цвѣтокъ. Гдѣ тѣ селенія, гдѣ тотъ народъ, населявшій плодородную землю? Его нѣтъ, его изъ собственныхъ земель изгналъ врагъ.

— Посмотрите,—говорилъ онъ, обводя вокругъ рукой,—развалины! Все пожрали невѣрные! Они захватили лучшія земли, оттѣснили татаръ въ горы, на камни. Пядь за пядью, шагъ за шагомъ переходятъ татарскія земли въ руки невѣрныхъ и скоро не будетъ мѣста для святой мечети, негдѣ будетъ славить Аллаха и Магомеда... да и будетъ ли кому? Старые обычаи забываются, пропала честность, простота, исчезаетъ страхъ Божій... Нечестивые заразили своими грѣховными болѣзнями правовѣрныхъ... развратъ... ракія... воровство даже... Алла! Алла! ты видишь!...

И блѣдный турокъ поднялъ руки къ лунѣ, вынырнувшей изъ моря и облившей все синимъ свѣтомъ. Въ тишинѣ было слышно только грохотъ моря да серебристый мелодическій голосокъ восточнаго кузнечика. Въ далекихъ рощахъ тоненькимъ голоскомъ плакала птичка: «сплю-ю, сплю-ю». Черныя горы стояли будто привидѣнія и глядѣли на золотой путь, проложенный луною по морю, трепетавшій и отливавшій золотой чешуей.

Софта вздохнулъ. Въ этомъ вздохѣ слышалось жгучее сожалѣніе о прошломъ страны, боль надъ упадкомъ единовѣрнаго народа.

— Но еще не все погибло. Еще милосердный Богъ оставилъ земли для правовѣрныхъ, гдѣ гяуръ не имѣетъ власти издѣваться надъ ними. Надъ той счастливой страной простираетъ свою могучую руку справедливый и мудрый султанъ и, какъ отецъ дѣтей, защищаетъ своихъ подданныхъ. Туда, къ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ освободиться отъ грѣховъ, спасать свою душу? Не надо ожидать смертнаго часа въ этой нечестивой странѣ, потому что кто сложитъ здѣсь свои кости, тому тяжко будетъ предстать передъ Господомъ вмѣстѣ съ грѣшниками. Правовѣрные! старый и малый, богатый и бѣдный, слабый и сильный, отрясите прахъ отъ ногъ своихъ и идите въ землю предковъ, собирайте свое имущество, своихъ женъ и дѣтей и выселяйтесь отсюда подъ могучую десницу правовѣрнаго монарха, ближе къ святымъ мечетямъ, въ освященную стопами пророка землю... И пусть провалится захваченная гяурами страна, пусть справедливый Господь пошлетъ съ неба огонь, сожжетъ ее и развѣетъ прахъ по безграничному морю!... Ла Алла иль Алла!—Магометъ расуль Алла!

И софта, поднявъ руки, простеръ ихъ надъ землею, будто призывая на нее гнѣвъ Аллаха.

У Хаджи Бекира горѣла душа. Онъ глядѣлъ на софту сверкающими глазами, онъ видѣлъ падающій съ неба огонь, а тамъ, за моремъ, въ далекой перспективѣ, сіяли передъ нимъ мусульманскія реликвіи.

Настала тишина. Огонь подъ башней покрылся золой, и полная луна съ высоты смотрѣла на собравшихся людей.

Правовѣрные, однако, сидѣли съ опущенными глазами, и казалось, что лукавая усмѣшка бродитъ по ихъ смуглымъ лицамъ.

«Да,—думали они,—гяуръ, гяуръ... А съ кого же мы все беремъ, какъ не съ гяура?»

Имъ вспоминались безчисленные способы заработка и та выгода, которую приносили гяуры. Вспоминались всѣ тѣ «ямутра», виноградъ, молоко, подводы, проводники, квартиры и т. п. Всякаго рода бакшишъ, вся та богатая жатва, которую они собирали, не сѣя. Куда имъ выселяться. Зачѣмъ?—спрашивали они себя, и имъ хотѣлось разсмѣяться въ глаза мудрому и незнакомому съ положеніемъ вещей софтѣ.

Но они молчали.

Молчаніе, наконецъ, стало тягостнымъ, всѣмъ было не по себѣ, но выручилъ Сентаръ. Онъ подошелъ ближе, оперся своими крѣпкими руками на кнутъ и обратился къ софтѣ:

— Ты говоришь, мудрый человѣкъ: выселяйтесь отсюда... А скажи намъ, почему отъ васъ тѣснится къ намъ столько оборваннаго рабочаго люда и отнимаетъ у насъ заработокъ? Почему они приходятъ сюда, если тамъ хорошо? А ты насъ зовешь туда... Смотри, идутъ ли дорогой правды твои слова? Ты говоришь: гяуръ, невѣрный, а у насъ богатый гяуръ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ два правовѣрныхъ. Гяуръ живетъ и намъ даетъ жить. У насъ такъ: на Яйлу пошелъ—деньги заработалъ, по морю проплылъ—деньги заработалъ, гяура свозилъ—опять деньги получилъ... Вотъ я и сейчасъ имѣю пятнадцать рублей...—и Септаръ позвенѣлъ монетами,—а что ты намъ дашь тамъ, въ турецкой странѣ, гдѣ нѣтъ гяуровъ?

Септаръ, выставивъ свою вышитую золотомъ грудь, нагло смотрѣлъ на взволнованнаго софту, ожидая отвѣта. Правовѣрные крякнули. Истина, сущая истина! Онъ точно взялъ съ ихъ губъ эти слова, которыя они могли бы сказать софтѣ.

Только сердце хаджи Бекира вспыхнуло гнѣвомъ и, меча молніи изъ глазъ, онъ крикнулъ Септару:

— Молчи ты, поганый наемникъ гяуровъ!

Но Септаръ не замолчалъ.

— Ей, старикъ, я знаю, тебя беретъ зависть, что я столько зарабатываю, а ты этого изъ-за своего упорства не можешь дѣлать.

Да, это была правда, глубоко, старательно скрываемая правда—и хаджи не выдержалъ. Забывая свое достоинство и важность хаджи, онъ вскочилъ съ мѣста и все свое негодованіе выплюнулъ Септару въ лицо.

— Кепекъ, асма кепекъ *).

Глаза проводника налились кровью и вылѣзли, какъ у барана. Казалось, что дѣло кончится плохо, но Септаръ сдержалъ себя.

— Ей, старикъ, береги свою бороду, разъ ты ее посвятилъ пророку,—пригрозилъ онъ и, круто повернувъ, отошелъ, насвистывая плясовую.

Софта онѣмѣлъ. Его черные глаза стали круглыми и большими, и въ нихъ свѣтился ужасъ. Онъ ожидалъ, что земля раскроется и поглотитъ Септара или что онъ найдетъ могилу подъ развалинами башни, по камню разобранной негодующимъ народомъ. Но все было попрежнему. Земля не раскрывалась, башня стояла на мѣстѣ и даже правовѣрные сидѣли спокойно, будто ничего не случилось, будто они вполнѣ раздѣляли взгляды Септара. Черезъ минуту даже начали рас-

*) Собака, бѣшеная собака.

ходиться, отговариваясь тѣмъ, что ужъ поздно, а завтра ихъ ждутъ дѣла...

Растерянными глазами смотрѣлъ софта вокругъ себя, и въ его головѣ стало проясняться.

«Путы шайтана... путы шайтана...»—шепталъ онъ посинѣвшими губами, обративъ лицо къ негодующему хаджи Бекиру.

Но тотъ въ безсильномъ гнѣвѣ только плевалъ и сыпалъ проклятіями.

Послѣдними оставили башню хаджи Бекиръ и софта. Будто привидѣнія, подвигались они по залитой луннымъ свѣтомъ улицѣ, таща за собой длинныя, головатыя тѣни. Огорченные и разочарованные, дѣлились старики своими печалями и, будто сочувствуя имъ, вздыхало далекое море да въ рощахъ тоненькимъ голоскомъ плакала птичка.

Переводъ съ малорусскаго **Н. К.**

ТАЙНА КУЗЬМЫ ПЛАТОНОВИЧА.

(Разсказъ.)

I.

Съ перваго же года введенія земскихъ учрежденій N—ское земство стало испытывать нужду въ профессіональныхъ интеллигентныхъ работникахъ. Доктора, техники, учителя и даже фельдшера очень не охотно шли на службу въ захолустный уѣздъ, почти лишенный желѣзныхъ дорогъ и на сотни верстъ удаленный отъ губернскаго города. При первомъ же удобномъ случаѣ они переводились изъ этого медвѣжьяго угла въ болѣе культурныя мѣста.

Вотъ почему N—ское земство не мало было удивлено, когда на земскую службу весьма охотно поступилъ молодой ветеринарный врачъ, Кузьма Платоновичъ Корнеплодовъ, и сразу проявилъ наклонность на долгое время осѣсться въ N—скомъ уѣздѣ.

Въ первое время Корнеплодовъ мало жилъ въ жалкомъ уѣздномъ городишкѣ, постоянно разъѣзжая по самымъ глухимъ частямъ уѣзда, не оставаясь долго въ одномъ мѣстѣ. И земство, и, особенно, помѣщики были чрезвычайно довольны энергичнымъ ветеринарнымъ врачомъ, а администрація и духовенство не могли нахвалиться имъ, тѣмъ болѣе, что Корнеплодовъ при своихъ разъѣздахъ останавливался и проводилъ свободное время исключительно у становыхъ приставовъ и священниковъ.

Лишь года черезъ два по прибытіи Кузьма Платоновичъ сталъ на болѣе продолжительное время задерживаться въ уѣздномъ городѣ, а затѣмъ и вовсе поселился въ немъ, выѣзжая въ уѣздъ только по предложенію земства. Но и въ городѣ ветеринарный врачъ жилъ весьма замкнуто и чаще всего посѣщалъ исправника.

Почти одновременно съ переѣздомъ Корнеплодова въ городъ N административнымъ порядкомъ была выслана молодая, красивая и

симпатичная курсистка, Елизавета Степановна Лысова. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, она вынуждена была искать работы и прежде всего лично отправилась къ предсѣдателю мѣстной уѣздной земской управы.

— Но я ничего не могу для васъ сдѣлать,—отвѣтилъ ей послѣдній:—вы находитесь подъ гласнымъ надзоромъ...

— Дайте мнѣ какую-нибудь частную работу... Я почти окончила высшіе женскіе курсы и могу.

— Все это прекрасно,—перебилъ предсѣдатель,—и я охотно далъ бы вамъ работу, не только изъ желанія доставить вамъ средства къ жизни, но и потому, что мы страшно нуждаемся въ интеллигентныхъ работникахъ, но, повторяю, безсиленъ что-либо сдѣлать... Вы на себѣ знаете, какое ужасное время мы переживаемъ, а на земство смотрятъ особенно косо: намъ просто запрещено давать какое бы то ни было занятіе лицамъ поднадзорнымъ.

— Но что же мнѣ дѣлать, предсѣдатель? Проституціей, что ли, заниматься?

— Ахъ, что вы! что вы!—воскликнулъ предсѣдатель:—образованная дѣвушка, красавица...

— Merçi за комплименты, но мнѣ отъ нихъ ни жарко, ни холодно.

— Но что же мнѣ дѣлать?

Предсѣдатель вздохнулъ, задумался, а затѣмъ вдругъ просіялъ и крикнулъ сторожа. Когда послѣдній явился, онъ сказалъ ему:

— Позовите Корнеплодова.

Обратившись затѣмъ къ просительницѣ, онъ пояснилъ:

— Есть у насъ ветеринарный врачъ, который, кажется, хорошо знакомъ съ исправникомъ.

— А чѣмъ объясняется это знакомство?

— Онъ, видите ли, по дѣламъ службы сталкивается съ администраціею и, вѣроятно, благодаря этому...

Въ это время возвратился сторожъ и сообщилъ, что врачъ уже ушелъ.

— Жаль,—сказалъ предсѣдатель: я тоже сейчасъ уѣзжаю въ уѣздъ и возвращусь не ранѣе недѣли... Развѣ вотъ что: я дамъ вамъ письмецо, а вы какъ-нибудь зайдите или въ управу, или прямо на квартиру къ Корнеплодову.

Предсѣдатель досталъ изъ кармана визитную карточку, что-то написалъ на ней и, вложивъ въ кувертъ, передалъ Лысовой.

Послѣдняя поблагодарила и ушла.

Елизавету Степановну смущало знакомство Корнеплодова съ

исправникомъ, и она, вѣроятно, не воспользовалась бы рекомендаціею къ нему, если бы не получила печальнаго извѣстія, что всѣ ея друзья и знакомые сосланы въ разныя мѣста и находятся въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ и она. Это сообщеніе лишило ее всякой надежды на матеріальную поддержку, потому что изъ родныхъ у нея была только мать, глубокая старушка, которой Лысова сама должна была помогать.

Тогда Елизавета Степановна отправилась къ Корнеплодову, рѣшивъ воспользоваться его протекціею въ томъ лишь случаѣ, если убѣдится, что знакомство ветеринарнаго врача съ администраціею является слѣдствіемъ офиціальныхъ связей.

Кузьма Платоновичъ уже слышалъ о Лысовой отъ исправника, нѣсколько разъ встрѣчалъ ее на улицѣ и искалъ случая познакомиться съ красивою, образованною дѣвушкою, рѣзко выдѣлявшеюся среди обывательницъ N—ска. Поэтому, когда Елизавета Степановна зашла къ нему, онъ принялъ ее чрезвычайно любезно, а прочитавъ записку предсѣдателя, словно бы угадывая мысли курсистки, сказалъ:

— Очень радъ, что могу воспользоваться связями съ администраціей: это оправдаетъ мою тактику.

— Тактику!—радостно улыбаясь, сказала дѣвушка:—только тактику?

— А что же больше?—удивленно спросилъ Корнеплодовъ:—что общаго между мною и уѣзднымъ помпадуромъ?... Вы знаете пословицу: «съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ».

Елизавета Степановна весело разсмѣялась и сказала:

— Ну, теперь сомнѣнія мои разсѣялись, и я охотно воспользуюсь вашею тактикою.

— А вы сомнѣвались?

— Но я васъ не знала...

— Надѣюсь оправдать ваше довѣріе.

— Если мнѣ не придется просить о переводѣ въ другое мѣсто.

— Это почему?

— Въ случаѣ неудачи вашей «тактики».

— О, въ этомъ я увѣренъ! Да, наконецъ, я лично, отъ себя могу вамъ дать работу.

— А развѣ у васъ есть?

— Я думаю на-дняхъ приступить къ обработкѣ статистическаго матеріала.

— Какъ бы хорошо непосредственно отъ васъ получить работу, чтобы не имѣть дѣла съ помпадуромъ.

— Только работа у меня ску-учная: эпидеміи, эпизоотіи, чума, сибирская язва, сапъ, антиномикозъ, вообще — неинтересное занятіе.

— О-о! Это для меня безразлично, лишь бы трудъ не былъ синекурою.

— Нѣтъ, работа нужная и спѣшная: ее нужно представить къ земскому собранію.

— Превосходно! Работать я буду усердно и, надѣюсь, успѣшно.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, да, наконецъ, вы будете работать у меня на дому, такъ что всякаго рода недоразумѣнія тутъ же будутъ и устраняться.

— Ахъ, какъ же мнѣ повезло! Въ ссылкѣ такъ трудно получить работу.

— Я это хорошо знаю... Что же касается вознагражденія...

— Вы объ этомъ не безпокойтесь,—съ вами торговаться я не стану.

— Нѣ-ѣтъ, это ужъ позвольте... Ваше имя и отчество?

— Елизавета Степановна. А ваше?

— Кузьма Платоновичъ... Такъ вотъ что я вамъ скажу, Елизавета Степановна. Трудъ долженъ быть оплаченъ въ полной мѣрѣ. Земская ассигновка на эту работу не велика, но интеллигентный, какъ вы, человѣкъ можетъ замѣнить многихъ мѣстныхъ невѣждъ, а потому я могу на первое время предложить вамъ по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ.

— Пятьдесятъ рублей?! Да это цѣлый капиталъ! Я въ Петербургѣ, бѣгая съ утра до поздняго вечера по урокамъ, зарабатывала, и то не всегда, 40 рублей въ мѣсяцъ и изъ нихъ десять высылала матери.

— Позвольте, позвольте... Пятьдесятъ рублей—сумма, на мой взглядъ, далеко не оплачивающая труда, который вамъ предлагается, а потому я убѣдительно прошу васъ у меня обѣдать: это не филантропія, а доплата.

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Мы можемъ не сойтись, Елизавета Степановна: я настаиваю на этомъ.

— Но вѣдь обѣдъ вы не отъ земства получаете?

— Да, но я даю вамъ работу и знаю, что оплачиваю лишь часть ея.

— Ну, тамъ посмотримъ... Быть можетъ, я окажусь еще плохою работницею.

— О, конечно, въ этомъ случаѣ я скажу вамъ откровенно.

— Только при такихъ условіяхъ я и возьму работу.

— Еще одно слово: отчего бы вамъ не переселить сюда вашу матушку? Вѣдь вамъ приходится жить, такъ сказать, на два дома.

— Это моя мечта—жить вмѣстѣ со старушкою, но въ Петербургѣ я не могла осуществить ее.

— Конечно, но здѣсь...

— Здѣсь, понятно, возможно, но, во-первыхъ, насколько постояненъ будетъ мой заработокъ, а во-вторыхъ...

— Относительно «во-первыхъ», ручаюсь вамъ за все время вашего пребыванія и съ непремѣннымъ условіемъ повышать гонораръ, такъ какъ, надѣюсь, земскія ассигновки на разработку матеріаловъ будутъ увеличиваться, а во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ,—и это самое важное,—неужели всѣ пять лѣтъ я буду прозябать въ ссылкѣ? Неужели не наступятъ лучшіе дни? Вѣдь я хочу, во что бы то ни стало, окончить курсы и поработать для народа.

При этихъ словахъ Корнеплодовъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ, но быстро овладѣлъ собою, такъ что дѣвушка не замѣтила душевнаго волненія своего собесѣдника.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ ей,—отъ души желаю вамъ исполненія вполнѣ понятныхъ желаній вашихъ, но долженъ замѣтить, что время переживаемъ мы мрачное,—врядъ ли возможно разсчитывать на скорое освобожденіе; а между тѣмъ, если бы вамъ пришлось прожить только одну треть назначеннаго—это уже выходитъ около двухъ лѣтъ: за это время, при дешевизнѣ мѣстной жизни, у васъ можетъ скопиться небольшая сумма, которая дастъ возможность прожить нѣкоторое время въ Петербургѣ вамъ и можно будетъ выдѣлить кое-что вашей матушкѣ.

— Да, вы правы,—задумчиво отвѣтила Елизавета Степановна:—если работа моя пойдетъ гладко, я, должно быть, переселю сюда свою старуху... А когда же можно получить работу?

— Да хотя завтра.

— Неужели? Ну, бо-ольшое вамъ спасибо!

— Не за что, Елизавета Степановна: такая работница, какъ вы, для меня находка, и не вы меня, а я васъ долженъ благодарить.

— Не хвалите, чтобы потомъ не жалѣть,—улыбаясь, сказала дѣвушка и встала, чтобы уходить.

— Куда вы спѣшите?—удерживалъ ее Корнеплодовъ.

— Нѣтъ, я уже завтра прямо на службу приду.

— На службу? Ну, какъ знаете.

Лысова ушла.

II.

Сіяющая и радостная возвратилась дѣвушка въ свою крохотную квартиру, расположенную на самомъ концѣ города, и тотчасъ же принялась писать письмо матери, въ самыхъ радужныхъ краскахъ рисуя свою жизнь и восхваляя Корнеплодова. Въ концѣ письма она выразила надежду, что мать скоро будетъ жить вмѣстѣ съ нею. Размечтавшись, Елизавета Степановна написала письма и двумъ своимъ подругамъ, высланнымъ, какъ и она, и также не имѣвшихъ средствъ къ жизни. Сообщая о «громадномъ вознагражденіи», она предлагала имъ перевестись въ N, «гдѣ средствъ на всѣхъ хватитъ». Эти письма она немедленно отнесла на почту, а на возвратномъ пути, въ ожиданіи будущихъ благъ, купила къ чаю колбасы и лимонъ, на что раньше не рѣшалась тратить своихъ грошей, оставшихся отъ залога часовъ.

Ночью отъ волненія Елизавета Степановна плохо спала, проснулась ни свѣтъ, ни заря и нѣсколько разъ въ сосѣдней лавчонкѣ справлялась—который часъ. Цѣлою вѣчностью показалось ей время отъ 7 до 9 часовъ, а въ 9 она не выдержала и вышла изъ квартиры. Хотя шла она медленно, но было всего $9^1/_4$ часовъ, когда достигла квартиры Корнеплодова. Лысовой казалось неловко явиться ранѣе назначеннаго времени, и она до 10-ти часовъ пошла безцѣльно ходить по улицамъ. На одной изъ нихъ она встрѣтила Кузьму Платоновича и страшно смутилась, но врачъ смущенъ былъ еще болѣе и первый сталъ объяснять причину ранняго появленія на улицѣ, полагая, что Елизавета Степановна замѣтила, какъ онъ вышелъ отъ исправника.

— А я у помпадура былъ,—началъ онъ, неестественно улыбаясь:—вызвалъ онъ меня по случаю проявленія болѣзни на скотѣ у одного помѣщика... Между прочимъ, при разговорѣ, вскользь упомянулъ, что вы у меня будете работать.

— Ну и что? — живо спросила Елизавета Степановна, оправившаяся отъ смущенія.

— Глазомъ не моргнулъ... Впрочемъ, я такъ сказалъ, что онъ и не посмѣлъ сдѣлать замѣчаніе. Когда рѣчь зашла о болѣзняхъ скота, я говорю, что скоро мною будутъ разработаны богатыя данныя по этому вопросу, благодаря счастливой случайности: въ нашъ городъ,—говорю,—пріѣхала образованная дѣвушка, Лысова, которую я и упросилъ работать. При этомъ я сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ упросилъ.

Елизавета Степановна разсмѣялась и сказала:

— Очень хорошо! Значитъ, я не соглашалась, а вы меня упрашивали?

— Да, я старался придать именно такой характеръ нашимъ переговорамъ.

— И, вотъ, не съѣлъ же васъ помпадуръ.

— Ни Боже мой!

— А предсѣдатель управы боится даже подумать объ этомъ.

— Что вы можете ожидать отъ захолустныхъ обывателей... Они или трусы, или, чаще всего, доносчики... Здѣсь не съ кѣмъ слова сказать: одни—дураки, другіе—подлецы.

Кузьма Платоновичъ вздохнулъ. Елизавета Степановна бросила на него полный сочувствія взглядъ и спросила:

— А который теперь часъ?

— Безъ четверти десять.

— Можно уже за работу приниматься?

— Буду очень радъ... Идемъ прямо ко мнѣ, если у васъ нѣтъ другого дѣла.

— Нѣтъ, я свободна.

Пришедши въ квартиру, Кузьма Платоновичъ, прежде чѣмъ показать работу курсисткѣ, угостилъ ее кофе и чаемъ, причемъ сдѣлалъ Елизаветѣ Степановнѣ предложеніе, которое совершенно завоевало симпатіи дѣвушки.

— Я,—сказалъ Корнеплодовъ,—демократъ по происхожденію, и много нужды вынесъ на своемъ вѣку, а потому понимаю ее, эту самую нужду, и цѣню людей, своимъ трудомъ добывающихъ кусокъ хлѣба. Поэтому хочу я облегчить и ваше бремя, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желаю поставить васъ въ зависимость отъ себя. У меня явилась такая мысль: нисколько не стѣсняя себя, я могу выдать вамъ авансомъ сто рублей, а вы ежемѣсячно будете выплачивать мнѣ изъ вашего вознагражденія, сколько будете въ состояніи, но не болѣе пяти рублей. Получивъ отъ меня эту сумму, вы можете немедленно нанять квартиру, обзавестись нужными вамъ хозяйственными принадлежностями, переселить сюда вашу матушку.

— Не знаю, право, какъ васъ и благодарить, Кузьма Платоновичъ... Если для васъ не затруднительно выдать авансъ, то, понятно, лучше и быть не можетъ.

— Вѣрьте, Елизавета Степановна, что сто рублей я могу выдать безъ малѣйшаго стѣсненія.

При этомъ Корнеплодовъ вынулъ туго набитый бумажникъ и продолжалъ:

— Видите, какой я богачъ... Я вѣдь одинокъ, а служу уже четвертый годъ, куда мнѣ деньги дѣвать.

Онъ выложилъ на столъ бумажки и сталъ составлять сто рублей изъ кредитокъ разной цѣнности, говоря:

— Я нарочно даю вамъ разные кредитные билеты, чтобы не затруднять васъ размѣномъ.

— Но, право, вы ужъ слишкомъ любезны.

— Никакой здѣсь любезности нѣтъ, а просто я знаю, что въ нашемъ городишкѣ не легко размѣнять не только сто, но и двадцать пять рублей.

— Ваша предупредительность приводитъ меня въ смущеніе... Чѣмъ я могу отблагодарить васъ...

— Ну, пожалуйста, безъ комплиментовъ... Я люблю простоту и искренность въ отношеніяхъ...

— Я—тоже, и сейчасъ вамъ разоткровенничаюсь: вчера я послала уже письмо мамѣ, въ которомъ обнадежила ее, что будемъ жить вмѣстѣ, и двумъ ссыльнымъ подругамъ, которымъ совѣтую перевестись сюда.

Корнеплодовъ нахмурился и сжалъ губы, но тотчасъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— И прекрасно сдѣлали... Матушкѣ сегодня же шлите деньги, что же касается подругъ, то не поспѣшили ли вы ихъ обнадежить?

— О, нѣтъ, мы свободно можемъ прожить на мой заработокъ.

— Ну, это ваше дѣло... Матери вы можете сейчасъ же написать письмо, вложить деньги, а прислуга отнесетъ на почту.

— Прекрасно, я это и сдѣлаю.

Когда письмо было написано и вмѣстѣ съ деньгами отправлено на почту, Корнеплодовъ сталъ пояснять Елизаветѣ Степановнѣ работу. Послѣдняя оказалась далеко не сложною, и Лысова послѣ первыхъ же указаній легко оріентировалась въ ней. Тогда Кузьма Платоновичъ ушелъ въ земскую управу, а курсистка начала работать самостоятельно. Она и не замѣтила, какъ прошло время до $2^1/_2$ часовъ, когда возвратился Корнеплодовъ.

— Ну, шабашъ!—обратился онъ къ ней,—довольно работать.

— Но я работала только три часа.

— Для перваго раза совершенно достаточно.

— Нѣтъ, я еще послѣ обѣда доработаю.

— У меня есть другой проектъ, и вотъ почему: въ управѣ я узналъ, что одинъ изъ служащихъ въ ней сдаетъ небольшой домикъ съ прекраснымъ садомъ; этотъ домикъ очень близко отъ меня и стоитъ, сравнительно, недорого—десять рублей въ мѣсяцъ.

— Вотъ прелесть!—воскликнула Елизавета Степановна.

— Я и предлагаю—пойдемъ тотчасъ послѣ обѣда и посмотримъ.

— Превосходно.

Послѣ сытнаго и обильнаго обѣда Корнеплодовъ и Лысова отправились смотрѣть квартиру. Небольшой флигелекъ, расположенный въ громадномъ саду, напоминалъ дачу и очень понравился Елизаветѣ Степановнѣ. Она его тотчасъ же наняла и къ вечеру уже перебралась изъ своей темной комнатушки въ свѣтлую и чистую квартиру. Кузьма Платоновичъ очень усердно помогалъ ей устроиться въ новомъ помѣщеніи, отдалъ свою «лишнюю», какъ онъ выразился, мебель и, до пріѣзда матери Елизаветы Степановны, предложилъ пользоваться услугами его горничной.

III.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ знакомства Лысовой съ Корнеплодовымъ, какъ она прекрасно зажила въ N—скѣ. Къ ней пріѣхала мать, у нея было свое хозяйство и прислуга; занималась Елизавета Степановна отъ 10 до 3 часовъ, а все остальное время было въ полномъ ея распоряженіи; дѣвушка стала брать книги изъ небольшой библіотеки при земской управѣ и, кромѣ того, по лекціямъ, подготовлялась на всякъ случай къ выпускному экзамену. Нѣкоторое время такая жизнь въ значительной мѣрѣ ее удовлетворяла, но мало-по-малу Лысову стала одолѣвать тоска. Это особенно проявилось осенью, когда улицы захолустнаго городка превратились въ сплошное, невылазное болото, и съ 3—4 часовъ дня приходилось уже зажигать лампы и сидѣть дома. Ея подруги, которыхъ она хотѣла перевести въ N—скъ, отвѣтили, что получили категорическій отказъ, а другихъ знакомыхъ не было. Елизавета Степановна сдѣлала попытки кой съ кѣмъ познакомиться, но Корнеплодовъ нѣкоторыхъ характеризовалъ, какъ трусовъ, другихъ называлъ дураками, а объ иныхъ таинственно заявлялъ, что они подозрительны, въ смыслѣ близости къ полицейскимъ сферамъ.

Такимъ образомъ, дѣвушка была совершенно изолирована отъ всего міра, и всѣ свои радости, печали и взгляды дѣлила лишь съ Кузьмою Платоновичемъ, единственнымъ и постояннымъ гостемъ.

Послѣдній не только не оспаривалъ самыхъ крайнихъ воззрѣній Елизаветы Степановны, но, если можно такъ выразиться, всегда бралъ потою выше самыхъ фантастическихъ ея плановъ, чѣмъ приводилъ въ восторгъ молодую курсистку. Кромѣ того, онъ съ рѣдкою предупредительностью и нѣжностью относился къ матери дѣвушки,

что еще болѣе увеличивало симпатіи ея къ нему. Этими обстоятельствами, а также безлюдьемъ и привычкою, и объясняется, что къ концу года знакомства съ Корнеплодовымъ Лысова согласилась сдѣлаться его женою, тѣмъ болѣе, что Кузьма Платоновичъ нарисовалъ ей очень свѣтлую перспективу: вышедши замужъ за человѣка, ничѣмъ не скомпрометтированнаго, она скоро получитъ свободу и можетъ, окончивъ курсы, осуществить свои мечты относительно дѣятельности на благо народа, а онъ, Корнеплодовъ, не только не будетъ препятствовать всему этому, но и пойдетъ съ нею рука объ руку.

Елизавета Степановна принадлежала къ тѣмъ идейнымъ людямъ, которыхъ такъ много среди русскихъ женщинъ, у которыхъ физіологическая любовь играетъ лишь подчиненную роль, и Лысова не задавалась даже вопросомъ—любитъ она Кузьму Платоновича, какъ женщина, или нѣтъ: удовлетворенная нравственно и идейно обѣщаніями Корнеплодова, она не разсуждала о будущемъ, не заботилась о своемъ положеніи, какъ жены и матери.

Передъ самою свадьбою Кузьма Платоновичъ заявилъ, что онъ врагъ публичности вѣнчанія и желаетъ совершить этотъ обрядъ гдѣнибудь въ глуши, въ простой сельской церкви, на лонѣ, такъ сказать, природы. Обладая хорошимъ голосомъ, онъ при этомъ пропѣлъ даже романсъ: «насъ вѣнчали не въ церкви», хотя былъ противникъ гражданскаго брака.

Эта мысль встрѣтила полное сочувствіе со стороны Елизаветы Степановны, и было рѣшено вѣнчаться въ отдаленной части уѣзда, у хорошо знакомаго Корнеплодову «простого попа».

Когда женихъ, невѣста и старуха-мать ѣхали уже въ назначенное село, Кузьма Платоновичъ сообщилъ, что, «изъ тактическихъ соображеній», на свадьбѣ у нихъ будетъ исправникъ, два-три пристава и столько же священниковъ.

— Почему же ты раньше не сообщилъ мнѣ объ этомъ?—впервые возмутилась Елизавета Степановна.

— Просто забылъ... Это произошло случайно и почти въ самый моментъ отъѣзда.

— Но я этого не желаю...

— Ахъ, Лиза! Какъ ты себѣ же противорѣчишь... Вѣдь люди должны руководиться основною цѣлью, употребляя всѣ усилія достигнуть ее... Неужели тебѣ пріятно всѣ пять лѣтъ пребывать подъ надзоромъ полиціи въ этой берлогѣ? Ты мечтала окончить курсы, учиться, работать на благо народа... А между тѣмъ, если бракъ нашъ будетъ обставленъ таинственно въ глазахъ администраціи, она и пойметъ, что все это дѣлается съ цѣлью реабилитировать тебя. Я слиш-

комъ хорошо знаю этихъ негодяевъ... Сегодня, напримѣръ, произошла такая нѣмая сцена. Когда я, встрѣтивъ исправника, вскользь упомянулъ, что сегодня вѣнчаюсь, посмотрѣла бы ты, какое изумленіе и подозрѣніе выразилось на его бурбонской рожѣ! Но стоило мнѣ, понявъ, въ чемъ дѣло, отпарировать,—«надѣюсь, вы не откажетесь удостоить мою свадьбу посѣщеніемъ»,—какъ все моментально измѣнилось: «благодарю,—отвѣтилъ онъ,—почту за особое удовольствіе» и, слушай,—«надѣюсь, говоритъ, что скоро буду имѣть счастіе сообщить вашей супругѣ объ освобожденіи изъ-подъ надзора»,—понимаешь?

Старуха, которая по-своему понимала счастіе дочери и мечтала лишь о матеріальномъ обезпеченіи, пришла въ восторгъ отъ «тактики» зятя и всецѣло перешла на его сторону, а скоро, подумавши, и Елизавета Степановна согласилась, что, какъ сказалъ Генрихъ X, «обѣдня стоитъ Франціи».

Но ей эта «обѣдня» обошлась очень дорого. Свадьба вышла мѣщанская, пошлая. Исправникъ, становые и священнослужители перепились, а ихъ жены все время сплетничали и вели самые мелочные разговоры. За ужиномъ, который явился для нея непріятнымъ сюрпризомъ, говорили глупыя рѣчи, провозглашали циничные тосты, кричали: «горько! горько!», и Елизавета Степановна принуждена была постоянно цѣловаться съ Кузьмою Платоновичемъ, что ей было противно. Вмѣсто обѣщаной поэзіи получилась самая плоская проза, любовь выведена была на базаръ и подчинялась требованіямъ пьяной толпы. Елизавета Степановна видѣла массу глазѣющихъ въ открытыя окна крестьянъ и крестьянокъ, слышала ихъ шушуканье и смѣхъ, когда ее ежеминутно заставляли публично проявлять свою любовь къ мужу, отъ котораго такъ же несло запахомъ алкоголя.

Когда гости разъѣхались, Кузьма Платоновичъ сталъ извиняться передъ женою, опять затянулъ свою пѣсню о тактикѣ, но на душѣ молодой женщины отъ этого было не легче.

Весь, такъ называемый, медовый мѣсяцъ и все лѣто новобрачные провели въ этомъ же селѣ, въ старинной барской усадьбѣ съ превосходнымъ паркомъ, рѣчкою и прудомъ. Лишь позднею осенью возвратились они въ городъ, причемъ Елизавета Степановна почувствовала себя беременною. Это обстоятельство очень порадовало Кузьму Платоновича, но жена его не только не выказывала удовольствія, а скорѣе казалась опечаленною. Ея настроеніе особенно выяснилось, когда однажды исправникъ явился на квартиру Корнеплодовыхъ и, вынувъ бумагу изъ бокового кармана, торжественно объявилъ:

— Вы, Елизавета Степановна, свободны! Отъ всей души радуюсь этому и поздравляю васъ.

— Но теперь мнѣ ни къ чему эта свобода...

Исправникъ принялъ это за удачную остроту, которою молодая женщина желала высказать свое удовольствіе, что ей предстоитъ сдѣлаться матерью, и разсмѣялся густымъ, раскатистымъ басомъ, но Кузьма Платоновичъ, какъ человѣкъ наблюдательный, понялъ иначе отвѣтъ Елизаветы Степановны и не ошибся. Когда исправникъ ушелъ, онъ спросилъ жену:

— Ты, Лиза, кажется, тяготишься своимъ положеніемъ?

На это она, глубоко вздохнувъ, съ глазами, полными слезъ, тихо отвѣтила стихами Надсона:

«Догорѣли огни, облетѣли цвѣты,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна»...

— Позволь Лиза,—тревожно заговорилъ мужъ,—во-первыхъ, не мало примѣровъ, когда замужнія и семейныя женщины учатся и принимаютъ участіе въ общественной дѣятельности, а во-вторыхъ, и мать, какъ воспитательница гражданъ, далеко не послѣдняя величина.

— Эхъ, не говори мнѣ этого!

Елизавета Степановна приложила платокъ къ глазамъ и ушла въ свою комнату.

IV.

Молодая женщина словно бы предчувствовала, что жизнь ея, какъ гражданки, кончилась. За первымъ ребенкомъ у нея родился второй, за вторымъ—третій, за третьимъ—четвертый. Она только и знала, что рожала и кормила, кормила и рожала.

Ровно десять лѣтъ, не видя свѣта и людей, безропотно прожила она въ глухомъ городишкѣ, но, когда дѣти подросли, Елизавета Степановна категорически заявила, что броситъ семью, если Кузьма Платоновичъ не переведется въ губернскій или въ другой какой-либо культурный городъ. Корнеплодовъ долго не соглашался на это, доказывалъ, что дѣти, когда придетъ время, могутъ жить на квартирѣ и ходить въ гимназію, ссылался на экономическія условія, но усилія его были тщетны.

— Вѣдь и я еще жить хочу!—протестовала она,—здѣсь я погубила свою молодость, похоронила мечты, но все, что еще можно сдѣлать, я сдѣлаю, и ты меня не удержишь!

Въ концѣ-концовъ Кузьма Платоновичъ уступилъ настойчивости жены, съѣздилъ въ губернскій городъ и очень скоро получилъ мѣсто правительственнаго губернскаго ветеринарнаго врача, объяснивъ оставленіе земской службы желаніемъ исполнить требованіе Елизаветы Степановны и взять то, что было возможно.

По переѣздѣ въ губернскій городъ Елизавета Степановна тотчасъ же возбудила вопросъ о воспитаніи дѣтей. Указывая на отрицательныя стороны гимназіи, на господствующій въ нихъ бюрократизмъ, она стояла за то, чтобы и мальчики, и дѣвочки учились дома, по крайней мѣрѣ, до возраста, когда могутъ поступить въ четвертый или даже въ пятый классъ. Для подготовки мальчиковъ она настаивала на приглашеніи образованныхъ молодыхъ людей изъ числа высланныхъ подъ надзоръ полиціи студентовъ.

Кузьма Платоновичъ, совершенно соглашаясь съ женою во взглядахъ на гимназію, сильно протестовалъ противъ поднадзорныхъ студентовъ, указывая, между прочимъ, на то обстоятельство, что, по правиламъ, имъ нельзя давать уроки, слѣдовательно, занятія съ дѣтьми будутъ очень неустойчивые.

— Это можно устроить секретно,—не соглашалась съ мужемъ Елизавета Степановна:—вѣдь, помнишь, какъ я у тебя начала заниматься...

Кузьма Платоновичъ уступилъ, и для мальчиковъ былъ приглашенъ поднадзорный студентъ, а съ дѣвочками занималась сама Корнеплодова.

Одержавъ такую побѣду, она очень оживилась. Послѣ занятій, за вечернимъ чаемъ Корнеплодова почти ежедневно вела бесѣды съ учителемъ своихъ дѣтей, прекраснымъ развитымъ молодымъ человѣкомъ, Сергѣемъ Валерьяновичемъ Тумбинымъ. Въ первое время студентъ былъ мало разговорчивъ, но, ближе познакомившись съ Елизаветою Степановною, сдѣлался вполнѣ откровененъ и сообщалъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся общественной жизни. Съ захватывающимъ интересомъ слушала она его и черезъ нѣкоторое время попросила сблизить ее съ выдающимися дѣятелями.

Кузьма Платоновичъ не принималъ участія въ этихъ бесѣдахъ и, обыкновенно, выпивъ наскоро два стакана чаю, удалялся въ свой кабинетъ, расположенный рядомъ со столовою.

Когда жена какъ-то спросила его, почему онъ избѣгаетъ знакомства съ Тумбинымъ, Кузьма Платоновичъ отвѣтилъ, что на первыхъ порахъ на новомъ мѣстѣ ему приходится очень много работать, но что впослѣдствіи онъ, вѣроятно, ближе сойдется съ учителемъ.

— Хотя,—прибавилъ онъ при этомъ,—я, по правдѣ сказать

побаиваюсь молодыхъ людей, вспомнивая и свою молодость... Они очень симпатичны, но крайне неосторожны... Я не знаю, о чемъ ты разговариваешь съ Тумбинымъ, но чѣмъ ты гарантирована, что онъ не разболтаетъ...

— Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить,—сказала на это жена,—да, наконецъ, Тумбинъ человѣкъ солидный и крайне осторожный: онъ не сразу сталъ откровенно бесѣдовать со мною, а лишь послѣ того, когда узналъ меня.

Не прошло и недѣли послѣ приведеннаго разговора, какъ у Корнеплодовыхъ былъ произведенъ обыскъ, причемъ хотѣли даже арестовать Елизавету Степановну, и только энергичное заступничество мужа спасло ее отъ этого.

На другой день, изъ допроса въ жандармскомъ управленіи, Корнеплодова узнала, что арестованъ Тумбинъ и всѣ тѣ лица, о которыхъ онъ упоминалъ въ своихъ бесѣдахъ съ нею. При этомъ, судя по вопроснымъ пунктамъ, выходило такъ, будто бы Тумбинъ явился виновникомъ ужаснаго провала, такъ что Кузьма Платоновичъ былъ, повидимому, правъ въ своихъ опасеніяхъ.

— Я тебѣ говорилъ, Лиза,—сказалъ Кузьма Платоновичъ, когда Елизавета Степановна, возвратившись изъ жандармскаго управленія, сообщила ему о допросѣ.

— Кто же могъ предположить,—глубоко вздохнувъ, сказала жена.

— Конечно, но надо быть осторожнѣе... Я думаю, Лиза, пригласить заниматься съ дѣтьми какого-нибудь учителя гимназіи.

— Дѣлай, какъ знаешь,—тихо отвѣтила разстроенная и убитая жена.

Но не успѣлъ еще Кузьма Платоновичъ подыскать учителя для дѣтей, какъ обстоятельства дѣла совершенно измѣнились.

Разъ поздно вечеромъ, когда Кузьмы Платоновича не было дома, прислуга доложила Елизаветѣ Степановнѣ, что пришелъ какой-то господинъ и проситъ ее выдти въ прихожую.

Корнеплодова сначала испугалась и довольно холодно встрѣтила симпатичнаго молодого человѣка, но когда онъ таинственно сообщилъ, что принесъ записку отъ Тумбина, Елизавета Степановна просіяла, пригласила его въ комнаты и, получивъ отъ незнакомца маленькую бумажку, испещренную мельчайшимъ почеркомъ, стала внимательно читать ее.

Тумбинъ писалъ:

«Я и почти вся моя компанія арестованы. Жандармы при допросахъ намекали, что причиною ареста вы, но, конечно, зная ихъ, я

не повѣрилъ—это, несомнѣнно, маневръ, чтобы все выпытать. Возможно, что и васъ допрашивали и намекали на меня и, надѣюсь, вы поняли, въ чемъ дѣло. Будьте осторожны. Провѣрьте вашу прислугу. Податель—мой другъ, которому вполнѣ можете довѣрять. Онъ, какъ и я, поднадзорный студентъ и прекрасный учитель, который можетъ вполнѣ замѣнить меня».

При чтеніи этой записки лицо Елизаветы Степановны вспыхнуло румянцемъ. Ей стыдно было, что она заподозрила Тумбина. Она откровенно сообщила объ этомъ принесшему записку и просила извиниться предъ Сергѣемъ Валерьяновичемъ, причемъ сказала, что употребитъ всѣ усилія исполнить его просьбу относительно занятія съ дѣтьми.

— Онъ за меня проситъ?—спросилъ податель.

— Да, а вы не знали?

— Нѣтъ, конечно: свиданіе было краткое, и онъ, при прощаніи, сунулъ мнѣ эту бумажку.

— Да, да, о васъ... Позвольте спросить вашу фамилію.

— Николай Ивановичъ Сохнинъ.

— Такъ вотъ я, Николай Ивановичъ, переговорю только со своимъ мужемъ... Онъ хотѣлъ какого-то учителя гимназіи пригласить, но, кажется, не успѣлъ еще.

— Признаюсь, я былъ бы очень доволенъ, если бы получилъ у васъ урокъ. Поднадзорному такъ трудно имѣть заработокъ...

— О, я это знаю!...

— И мы съ Сергѣемъ жили вмѣстѣ на его заработокъ.

— Какъ это напоминаетъ мою молодость!... Когда меня сослали въ N., я, получивъ работу у теперешняго мужа моего, хотѣла выписать своихъ подругъ, также сосланныхъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ существовать на мой заработокъ.—Да, трудно жить поднадзорнымъ, но все искупаетъ молодость, стремленіе къ свѣту, правдѣ... А когда вотъ такъ поживешь обывательскою жизнью, все противно дѣлается... Такъ вы зайдите завтра утромъ...

Сохнинъ поблагодарилъ и ушелъ.

Когда возвратился Кузьма Платоновичъ, Елизавета Степановна показала ему записку Тумбина и сказала:

— Вотъ видишь, твои предположенія не оправдались...

— Ну, это еще вопросъ... Вѣдь я и не подозрѣвалъ его въ шпіонствѣ или доносахъ, а просто—въ излишней болтовнѣ... Онъ и самъ вѣдь не знаетъ, гдѣ говорилъ... Впрочемъ, теперь ужъ ничего не подѣлаешь... Надѣюсь, что второго опыта съ рекомендуемымъ Тумбинымъ студентомъ ты уже не будешь дѣлать...

— Нѣтъ, я непремѣнно хочу его пригласить.

— Не совѣтовалъ бы...

— Я прошу тебя.

— Какъ знаешь, — отвѣтилъ Кузьма Платоновичъ и пожалъ плечами.

— Я теперь буду осторожнѣе: дѣйствительно, мы не обращали вниманія на прислугу...

— Ну, это пустяки: она почти и не показывается, да и врядъ ли понимаетъ ваши бесѣды...

— Но она могла просто разсказать, что ходитъ Тумбинъ...

— Всегда во всемъ стрѣлочникъ виноватъ... — Ты думаешь, администрація не знала сама, что у насъ Тумбинъ занимался?—Мнѣ объ этомъ въ канцеляріи губернатора говорили, но я не передавалъ тебѣ, потому что ты сейчасъ объяснила бы это моею преувеличенною осторожностью...

— Да что же,—администрація вездѣсуща и всевѣдуща?

— А ты какъ думаешь? Кто ее знаетъ, какими путями, но она если не все, то очень многое знаетъ... Но, повторяю, это твое дѣло...

На другой день Сохнинъ былъ приглашенъ учителемъ къ дѣтямъ Корнеплодовыхъ. Онъ такъ же былъ развитъ и симпатиченъ, какъ Тумбинъ, и не менѣе послѣдняго интересовался общественною дѣятельностью. Его не арестовали лишь потому, что въ день разгрома онъ отсутствовалъ изъ города.

Елизавета Степановна на этотъ разъ приняла всѣ предосторожности. Какъ только она приступала къ бесѣдѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, то запирала не только двери и окна, но даже форточки, и, лишь только прислуга появлялась, разговоръ прекращался.

Но толку изъ этого все же не вышло никакого.

Не болѣе какъ черезъ недѣлю послѣ начала занятій Сохнина, у Корнеплодовыхъ опять былъ произведенъ обыскъ, опять хотѣли арестовать Елизавету Степановну и опять только по настоянію мужа съ трудомъ согласились оставить ее подъ домашнимъ арестомъ, покуда Кузьма Платоновичъ не переговоритъ съ высшимъ начальствомъ.

На другой день, «послѣ усиленныхъ ходатайствъ»,—какъ передалъ Корнеплодовъ,—ему съ большими усиліями удалось еще разъ, «но послѣдній»,—отстоять свою жену отъ тюремнаго заключенія, причемъ выяснилось, что Сохнинъ былъ арестованъ на улицѣ, когда изъ тюрьмы, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ Тумбинымъ, шелъ на занятія къ Корнеплодовымъ. При обыскѣ у Сохнина взята была записка отъ Тумбина къ Елизаветѣ Степановнѣ.

Это обстоятельство, помимо многихъ обысковъ и арестовъ, повлекло еще за собою сильныя репрессіи въ тюрьмѣ и рядъ непріятностей для Корнеплодовыхъ, о которыхъ также сообщилъ Кузьма Платоновичъ женѣ.

Во-первыхъ, ему сдѣлали намекъ, что если еще что-либо подобное повторится съ его женою, то и его, Корнеплодова, лишатъ службы, а затѣмъ въ обществѣ распространился слухъ, что знакомство съ Корнеплодовыми влечетъ за собою очень печальныя послѣдствія.

— Досужіе люди,—прибавилъ Кузьма Платоновичъ,—чортъ знаетъ, какія сплетни по этому поводу распространяютъ... Такъ что, выходитъ, и администрація подозрѣваетъ, и общество... Чортъ знаетъ что!

Послѣ второго обыска и разгрома, и еще болѣе вслѣдствіе ужасныхъ случаевъ, о которыхъ передалъ мужъ, Елизавета Степановна совершенно растерялась. Душевные устои ея пошатнулись. Ей казалось, что всѣ ея помыслы, всѣ мечты дѣлаются извѣстны полиціи до ихъ осуществленія. Она считала себя виновницею всѣхъ семейныхъ бѣдъ, и теперь уже совершенно не протестовала, когда Кузьма Платоновичъ для занятій съ мальчиками пригласилъ учителя гимназіи, а для дѣвочекъ—какую-то старую дѣву.

И тотъ, и другая сдѣлались ей противны послѣ перваго же разговора, но она боялась опровергать высказанные ими взгляды. У нея обнаружилось нѣчто вродѣ маніи преслѣдованія. Она вездѣ видѣла шпіоновъ, вздрагивала при звонѣ колокольчика, при малѣйшемъ стукѣ ночью вскакивала съ постели, постоянно сама себя обыскивала, жгла книги и письма и никому ничего не писала.

Кузьма Платоновичъ, казалось, поддерживалъ такое настроеніе жены. Чуть не каждый день, ругая правительство, онъ сообщалъ объ арестахъ, обыскахъ, ссылкахъ, и проводилъ мысль о необходимости величайшей осторожности. Подъ этимъ же предлогомъ онъ сталъ приглашать къ себѣ въ гости чиновниковъ съ ихъ семьями. Въ домѣ Корнеплодовыхъ началась картежная игра и попойки, а въ бесѣдахъ гости постоянно ругали всѣхъ общественныхъ дѣятелей, разносили университеты, какъ разсадники крамолы, и съ ненавистью отзывались о молодежи.

Когда гости расходились, Кузьма Платоновичъ, видя всякій разъ страдальческое выраженіе на лицѣ жены, осуждалъ ихъ взгляды, критиковалъ разговоръ, но въ то же время прибавлялъ, что «съ практической, жизненной точки зрѣнія они, несомнѣнно, правы».

Онъ особенно подчеркивалъ, что въ гимназіяхъ и университетахъ совсѣмъ не занимаются, что тамъ господствуетъ политика, очень

вредно отражающаяся на умахъ дѣтей и юношей, и что лучше всего отдать своихъ дочерей и сыновей въ какія-либо другія учебныя заведенія.

— Ну, что за пріятность,—посуди сама, когда нашихъ дѣтей будутъ арестовывать и ссылать? Пусть уже они окончатъ образованіе, тогда другое дѣло... Вспомни, въ какомъ ты очутилась положеніи, хотя была курсисткою послѣдняго курса; а что испытываютъ ссыльные студенты—ты видишь на примѣрѣ...

Елизавета Степановна ничего не оспаривала. Она промолчала и тогда, когда Кузьма Платоновичъ, «по совѣту учителя и учительницы», рѣшилъ опредѣлить мальчиковъ въ московскій лицей Цесаревича Николая, а дѣвочекъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ.

— Это прекраснѣйшее учрежденіе,—говорилъ онъ про лицей—мальчики безъ пересадки, такъ сказать, пройдутъ и гимназическій и университетскій курсъ, гарантированные отъ всякихъ непріятностей. А въ институтѣ преподаютъ хорошо языки и музыку, что чрезвычайно важно при вступленіи въ жизнь, гимназистки же, собственно говоря, ничего не знаютъ. Кромѣ того, если бы въ будущемъ дѣвочки пожелали на высшіе курсы поступить, если они когда-нибудь будутъ опять открыты, то институтъ даетъ всѣ права на такое поступленіе.

Елизавета Степановна только горько заплакала, когда увозили дѣтей въ эти учебныя заведенія.

— Мнѣ кажется, что я ихъ хороню,—тихо, сквозь слезы сказала она.

— Ну, что ты, Лиза,—утѣшалъ ее мужъ,—у тебя просто разстроена нервная система.

Когда уѣхали дѣти, Елизавета Степановна почувствовала полное одиночество и невыносимую тоску. Даже въ періодъ войны съ Японіей, когда замѣтнымъ сдѣлался пульсъ общественной жизни, она находилась въ состояніи глубокой неврастеніи. Не видя ни откуда сочувствія своимъ духовнымъ запросамъ, не встрѣчая ни откуда поддержки, она сдѣлалась религіозною и стала часто посѣщать церковь. Особенно любила она вечернія службы и не пропускала ни одной вечерни.

Кузьма Платоновичъ весьма усердно поддерживалъ такое настроеніе жены, нерѣдко заговаривалъ о тленности земной жизни и объ испорченности людей, но Елизавета Степановна не любила съ нимъ бесѣдовать и совершенно индиферентно, молча выслушивала его разсужденія. Она не могла дать себѣ яснаго отчета въ причинахъ полнаго охлажденія къ мужу во второе десятилѣтіе ихъ совмѣстной

жизни, но чувствовала, что какая-то непроходимая пропасть раздѣляетъ ее отъ него. Рядъ неуловимыхъ впечатлѣній отъ словъ и поступковъ Кузьмы Платоновича, хотя онъ всегда давалъ удовлетворительныя объясненія, въ концѣ-концовъ отдалили его отъ жены, и онъ не имѣлъ ровно никакого авторитета въ ея глазахъ.

Это особенно выяснилось въ октябрьскіе дни 1905 года.

Когда совершилась всеобщая забастовка, Корнеплодовъ увидѣлъ, что жена его вдругъ ожила и совершенно преобразилась, а въ день опубликованія манифеста 17 октября она ушла изъ дому и цѣлый день отсутствовала.

Ликованіе населенія всецѣло завладѣло Елизаветой Степановной. Какъ боевой конь по трубному звуку, она отправилась туда, гдѣ наиболѣе чувствовалось біеніе пульса народной жизни. Увидѣвъ громадную толпу съ красными флагами, она присоединилась къ ней и, не взирая на пробивавшуюся уже сѣдину въ волосахъ, приняла участіе въ пѣніи.

Возвратилась она домой поздно ночью сіяющая и взвинченная.

— Гдѣ ты такъ долго была?—еле сдерживая раздраженіе, спросилъ ее Кузьма Платоновичъ, блѣдный и совершенно разстроенный.

Она, не обращая вниманія на тонъ мужа, съ увлеченіемъ стала разсказывать о своихъ похожденіяхъ.

— Ты, Лиза, забываешь, повидимомму, что у тебя уже сѣдые волосы,—замѣтилъ мужъ, кусая губы.

— Развѣ я совершила что-либо позорное? Развѣ стремленіе къ лучшей, свободной жизни ограничивается только извѣстными лѣтами. Опубликованъ манифестъ...

— Я это знаю,—перебилъ ее Кузьма Платоновичъ,—но относительно «свободы»—это еще большой вопросъ... По имѣющимся у меня даннымъ...

— Ахъ, оставь ужъ, пожалуйста, со своими «данными». Ты меня всю жизнь стращаешь ими...

— И, если ты вспомнишь, я всегда былъ правъ.

— Но не теперь.

— Дай Богъ, но больше шансовъ за мои предположенія... Удивляюсь устойчивости твоихъ розовыхъ взглядовъ, несмотря на все испытанное и перенесенное.

И на этотъ разъ опять сбылись мрачныя предсказанія Кузьмы Платоновича. Не далѣе какъ въ ночь съ 18 на 19 октября въ домѣ Корнеплодовыхъ, послѣ длиннаго перерыва, произведенъ былъ самый тщательный обыскъ, причемъ выяснилось, что полиція до мельчайшихъ подробностей знаетъ все, что дѣлала Елизавета Степановна

Ее хотѣли совсѣмъ уже арестовать, но и въ этотъ разъ энергичный протестъ мужа спасъ ошеломленную женщину отъ тюрьмы.

— Но я не ручаюсь,—сказалъ, уходя, жандармскій офицеръ,—что вашу жену не арестуютъ на-дняхъ.

Затѣмъ, подумавъ немного, онъ прибавилъ:

— Я посовѣтовалъ бы вамъ уѣхать отсюда, перевестись на службу куда-нибудь подальше.

— Вотъ тебѣ и «свобода»!—воскликнулъ Кузьма Платоновичъ, обращаясь къ женѣ, когда полиція удалилась,—вотъ тебѣ и манифестъ!

Елизавета Степановна, блѣдная, какъ полотно, съ глазами, полными слезъ, сидѣла въ какомъ-то оцѣпенѣніи и ничего не отвѣтила мужу. Ей казалось, что надъ нею тяготѣетъ какое-то проклятіе и она приговорена къ смерти.

Замѣтивъ такое угнетенное настроеніе жены, мужъ ласково сказалъ ей:

— Ну, что же дѣлать, Лиза... Насъ ничто здѣсь не удерживаетъ: мать ты похоронила, дѣти скоро окончатъ ученіе и сдѣлаются самостоятельны, уѣдемъ подальше... Чортъ съ ними, съ бюрократами! Въ молодости еще можно было тратить силу на борьбу съ ними, а теперь они насъ скоро уложатъ въ гробъ... Кстати, министерство внутреннихъ дѣлъ вызываетъ ветеринарныхъ врачей въ среднюю Азію, дастъ подъемные и солидное содержаніе. Отправимся туда? Говорятъ, тамъ тепло, хорошо и, будто бы, даже свободнѣе...

— Дѣлай, какъ знаешь, мнѣ все равно,—тихо отвѣтила Елизавета Степановна.

V.

Спустя двѣ недѣли послѣ этого Корнеплодовы ѣхали уже въ Среднюю Азію. Во все время пути Кузьма Платоновичъ находился въ ажитаціи и очень спѣшилъ къ мѣсту новаго служенія, словно бы кто гнался за нимъ.

Елизавета Степановна, наоборотъ, походила на впавшую въ тихое помѣшательство. Она, казалось, ничего не сознавала, односложными словами отвѣчала только на предлагаемые вопросы, не двигалась съ мѣста, очень мало спала и ѣла, когда предлагалъ ей мужъ.

Такое состояніе не покидало ее долгое время и по пріѣздѣ въ средне-азіатскій городъ. Она не выходила изъ квартиры и лишь изъ оконъ наблюдала жизнь города, населеннаго, главнымъ образомъ, инородцами.

Мужъ ея, напротивъ, нигдѣ, повидимому, не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ этой азіатской глуши. Онъ даже,—чего раньше никогда не было,—сталъ укорять жену въ индиферентизмѣ къ жизни, въ домосѣдствѣ и предлагалъ познакомиться съ мѣстнымъ русскимъ обществомъ, состоявшимъ преимущественно изъ военныхъ всѣхъ оружій и желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Немного оживилась Елизавета Степановна, когда пріѣхали сыновья и дочери. Первые служили уже въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а послѣднія только что окончили институтъ. Кузьма Платоновичъ былъ въ восторгѣ отъ дѣтей и нанялъ на радостяхъ прекрасную дачу въ горахъ, куда Корнеплодовы и переселились на весну и лѣто.

Чудная природа способствовала жизнерадостному настроенію, и нѣкоторое время семья Корнеплодовыхъ жила довольно дружно. Но когда они познакомились съ дачниками, состоявшими въ подавляющемъ числѣ изъ военныхъ, картина быстро измѣнилась. Елизавета Степановна скоро убѣдилась, что ея дочери вышли институтки въ полномъ смыслѣ этого слова. Онѣ ровно ничѣмъ не интересовались и занимались исключительно офицерами, которые болѣе чѣмъ охотно ухаживали за молоденькими и хорошенькими барышнями. Тогда она сосредоточила свое вниманіе на сыновьяхъ и еще болѣе разочаровалась: они мечтали только о карьерѣ и больше ни о чемъ.

Пріобрѣвъ обширныя знакомства, мужъ и дѣти Елизаветы Степановны совершенно погрузились въ дачную жизнь. Чуть не ежедневно устраивались кавалькады, пикники, всегда сопровождавшіеся разгуломъ и пьянствомъ. Не только Кузьма Платоновичъ и сыновья, но даже и дочери иной разъ возвращались на-веселѣ отъ чрезмѣрно выпитаго шампанскаго. Негодованіе Елизаветы Степановны по этому поводу встрѣчалось ироническимъ смѣхомъ.

Убѣдившись въ отсутствіи какого бы то ни было вліянія на семью, Елизавета Степановна почувствовала одиночество. Она умолкла, не принимала ровно никакого участія въ семейной жизни и предалась исключительно чтенію, причемъ любимымъ мѣстомъ ея сдѣлалась библіотека, образованная на взносы дачниковъ.

Въ этой библіотекѣ, обыкновенно, бывало не много посѣтителей, такъ что Корнеплодова знала ихъ всѣхъ наперечетъ. Однажды въ ней появились три новыхъ лица: солидная на видъ дама, молодая женщина и мужчина въ формѣ инженера путей сообщенія. Изъ нихъ Елизавету Степановну болѣе всего заинтересовала первая, такъ какъ лицо солидной дамы было очень знакомо, словно бы Корнеплодова хорошо ее знала. Елизавета Степановна ломала голову, но никакъ не

могла вспомнить, гдѣ и когда она ее видѣла, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего времени своего замужества она не пріобрѣла, собственно говоря, ни одного знакомства. Можно было бы принять знакомое лицо неизвѣстной дамы за простое совпаденіе, но дѣло въ томъ, что и дама очень часто всматривалась въ Елизавету Степановну, причемъ перешептывалась съ молоденькою дамою и инженеромъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что и она, Елизавета Степановна, интересовала незнакомку.

Дня черезъ четыре послѣ первой встрѣчи Корнеплодова, поборовъ неловкость, рѣшилась первая заговорить съ интересовавшею ее дамою.

— Извините, пожалуйста,—тихо обратилась она къ ней,—лицо ваше мнѣ очень знакомо.

— Я очень рада, что вы заговорили со мною,—перебила ее дама,—потому что и ваше лицо мнѣ также знакомо... По мужу, недавно умершему, фамилія моя Сутулина.

— Нѣтъ, не слыхала даже такой фамиліи,—сказала Елизавета Степановна и спросила:—а дѣвичья?

— Шиповникова.

— Соня?!—воскликнула Корнеплодова, такъ что присутствовавшіе въ библіотекѣ переглянулись.

— А ты Лиза?—спросила Сутулина.

— Она самая... Ну, идемъ побесѣдуемъ... Боже, какъ я рада!

— Идемъ, дорогая, идемъ. Познакомься, впрочемъ, съ моею дочерью и зятемъ.

Молодые люди поднялись со своихъ мѣстъ и познакомились съ Елизаветой Степановной, причемъ Сутулина, рекомендуя послѣднюю, сказала:

— Это лучшій другъ моей юности и коллега по высшимъ женскимъ курсамъ... Мы пойдемъ съ нею ко мнѣ...

Послѣ этого подруги, взявшись подъ руки, вышли изъ библіотеки.

— Ну, разскажи же о своей жизни, моя милая, — обратилась тотчасъ же къ Софьѣ Даниловнѣ,—такъ звали Сутулину,—Елизавета Степановна.

— О, Боже мой!—сказала Сутулина,—мы не видались съ тобою чуть ли не 25 лѣтъ, всего не припомнишь... Съ чего начать?... Ну, помнишь, какъ ты звала меня и Катю Бронникову перевестись въ городъ, куда тебя выслали?

— Еще бы не помнить!

— Ну, мы получили странный отказъ, что въ тотъ городъ рѣ-

шено ссыльныхъ не высылать,—губернаторъ твоей губерніи не соглашался.

— Да что ты?

— Ей-Богу. Мы смѣялись съ Катей: Петербургъ, Москва и твой городъ были поставлены на одну доску.

— Удивительно!... Ну, дальше.

— Ну, стали мы коротать время очень печально, покуда не прислали къ намъ двухъ молодыхъ людей: помощника присяжнаго повѣреннаго Сутулина и статистика съ университетскимъ образованіемъ Платинина; за перваго изъ нихъ вышла замужъ я, а за второго—Катя.

— И скоро?

— А что въ ссылкѣ дѣлать? Скучно: черезъ три мѣсяца поженились.

— Но счастливо?

— Да, совсѣмъ-таки хорошо... У меня скоро родилась дочь, которую ты видѣла, и больше дѣтей не было. По окончаніи срока ссылки, мы переѣхали въ Петербургъ, гдѣ мужъ сталъ заниматься адвокатурою, а я начала воспитывать свою дѣвочку. Потомъ мало-по-малу опять втянулась въ общественную жизнь, и опять насъ выслали, но не надолго, хотя жить въ Питерѣ и Москвѣ воспретили. Мы поселились въ городѣ Z., гдѣ дочь окончила гимназію, а потомъ отправилась въ Питеръ, гдѣ и вышла замужъ за теперешняго своего мужа, инженера путей сообщенія, Виктора Львовича Пальмина, который затѣмъ получилъ мѣсто въ томъ же Z. Здѣсь, наконецъ, мы уже всѣ вмѣстѣ принимали участіе въ освободительномъ движеніи.

Софья Даниловна сдѣлала небольшую паузу, на глазахъ у нея показались слезы, но она быстро оправилась и продолжала:

— Мужа моего арестовали совсѣмъ больного, и онъ умеръ въ тюремной больницѣ, а зятя, дочь и меня сослали въ Восточную Сибирь, но, благодаря нѣкоторымъ связямъ, намъ черезъ нѣкоторое время позволили перевестись сюда, гдѣ Викторъ Львовичъ получилъ мѣсто.

Въ это время подруги достигли дачи Пальмина, расположенной въ тѣни густыхъ деревьевъ, у свѣтлаго, горнаго ручья. Когда они сѣли на ступенькахъ широкой террасы, Софья Даниловна сказала:

— Ну, я, собственно говоря, закончила повѣсть своей жизни,—теперь ты повѣствуй.

— Я?—грустно спросила Елизавета Степановна.—Да мнѣ-то и разсказать нечего: ѣла, пила, спала и рожала...

— Ну, что ты, Лиза? Разскажи подробнѣе...

— Да и подробнѣе то же самое получится... То-оскливая жизнь моя была... У Ады Негри есть стихотвореніе «Бѣжитъ волна». Оно оканчивается такъ:

«Бѣжитъ волна и плачетъ. Въ ея глухомъ стенаньи
Таится отзвукъ муки и безутѣшныхъ слезъ,
Таится въ плачѣ волнъ безумный вопль страданья
Осмѣянной любви, разбитыхъ чистыхъ грёзъ».

Вотъ моя жизнь.

— Ну, что ты, дорогая, такъ мрачно настроена?... Разскажи все по порядку.

— Ну, изволь... вышла я замужъ за Корнеплодова.

— За Корнеплодова!—воскликнула Сутулина.

— А что?—испуганно спросила Елизавета Степановна.

— Нѣтъ, ничего,—спохватилась Софья Даниловна.

Но лицо ея приняло серьезное и холодное выраженіе.

— Соня, дорогая, скажи, въ чемъ дѣло?—умоляла ее Елизавета Степановна.—Я вижу, что ты сразу измѣнилась.

— Погоди немного,—стараясь улыбнуться, отвѣтила Сутулина,—я сейчасъ приду и скажу тебѣ.

Софья Даниловна ушла, а Корнеплодова осталась, полная недоумѣнія и съ предчувствіемъ какого-то страха.

Сутулина возвратилась еще болѣе сдержанная и сухая.

— Скажи, Лиза,—спросила она,—твой мужъ—ветеринарный врачъ?

— Да,—съ дрожью въ голосѣ отвѣтила Корнеплодова.

— Какъ его зовутъ?

— Кузьма Платоновичъ.

Софья Даниловна сдѣлалась блѣдная, какъ полотно.

— Соня, дорогая, разъясни—въ чемъ дѣло?—съ страдальческимъ выраженіемъ лица и со слезами на глазахъ сказала Елизавета Степановна.

— Да, я считаю своею нравственною обязанностью съ тобою объясниться... Я не допускаю мысли, чтобы и ты... Впрочемъ, факты...

— Да не мучь же ты меня!—воскликнула Корнеплодова,—не терзай!

— О, какъ бы я была счастлива, если бы ничего не знала! Но неужели это возможно!... Скажи, ты ничего не слышала о своемъ мужѣ?

— Ровно ничего.

— И о его прошломъ ничего не знаешь?

— Рѣшительно ничего... Да говори же, Бога ради! Что такое?

— Ну, дорогая моя Лизочка, я рада за тебя, хотя ты и глубоко несчастна, и я считаю нравственнымъ долгомъ сообщить тебѣ объ этомъ... Будь крѣпче, мой другъ... Я должна тебѣ сказать, что мужъ твой предатель...

— Предатель?! У тебя есть факты?

— Да.

— Ты должна сообщить мнѣ ихъ! Сейчасъ же!

— Конечно.

Софья Даниловна опять ушла и возвратилась съ брошюрою.

— Вотъ здѣсь всѣ факты...

Елизавета Степановна вырвала изъ рукъ подруги эту брошюру и впилась въ нее. По мѣрѣ чтенія лицо ея искажалось и мертвенно блѣднѣло, руки тряслись, губы дрожали, а въ широко открытыхъ глазахъ выражались и ужасъ, и негодованіе.

Софья Даниловна съ тревогой смотрѣла на свою подругу.

Вдругъ Елизавета Степановна вскрикнула и въ глубокой истерикѣ повалилась на полъ, рыдая, скрежеща зубами, и судорожно стиснувъ въ рукахъ брошюру.

— Лиза, Лизочка! дорогая!—ставъ на колѣни и припавъ къ подругѣ, говорила Софья Даниловна, разстегивая кофточку у Корнеплодовой.

Затѣмъ она побѣжала въ комнаты, принесла воду, валерьяновы капли и нашатырный спиртъ и стала приводить въ чувство подругу.

Когда истерика кончилась и Елизавета Степановна пришла въ себя, Софья Даниловна со слезами на глазахъ стала умолять подругу простить ее за причиненное страданіе.

— Нѣтъ, дорогая,—говорила Корнеплодова,—ты ни въ чемъ не повинна... Наоборотъ,—спасибо, великое спасибо тебѣ... Рано или поздно все это обнаружилось бы и, быть можетъ, при болѣе худшихъ условіяхъ... Теперь глаза мои открыты, теперь я все понимаю... Онъ, гнусный негодяй, какъ Каинъ, скрывался въ глуши, покуда, значитъ, не узналъ, что всѣ преданные имъ такъ или иначе изъяты изъ общественной жизни или погибли... Затѣмъ, когда, по моему настоянію, мы переѣхали въ губернскій городъ, онъ сдѣлалъ все, чтобы и меня, и дѣтей изолировать отъ міра или ввести въ такія сферы, гдѣ бы мы не могли услышать о его прошломъ; при малѣйшемъ стремленіи моемъ пробиться къ свѣту, у меня, по его, какъ я теперь догадываюсь, указаніямъ, производились обыски, а тѣхъ, съ которыми я хотѣла познакомиться, арестовывали. Этимъ способомъ онъ добился, что и дѣти направлены были по желательному ему пути.

Спазмы душили горло Елизаветы Степановны, она зарыдала и сквозь слезы произнесла:

— Боже мой, Боже мой! я—жена предателя, мать его дѣтей!...

Въ это время пришли Пальмины. Софья Даниловна знаками показала, чтобы они проходили въ комнаты, но Елизавета Степановна, замѣтивъ это, поборола себя и обратилась къ пришедшимъ съ просьбою извинить ее за безпокойство и пояснила причину своихъ слезъ.

Инженеръ и его жена широко раскрыли глаза и, слушая разсказъ Корнеплодовой, стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не вѣря своимъ ушамъ.

— Вы поражены исторіей моей жизни,—закончила свое повѣствованіе Корнеплодова,—а что было бы съ вами, если бы кому-нибудь изъ васъ пришлось быть на моемъ мѣстѣ?... Теперь понятны вамъ мои слезы?

Наступило тяжелое молчаніе. Никто не зналъ, что сказать.

Присутствующіе сознавали, что не было возможности утѣшить несчастную женщину и не знали, какой дать совѣтъ. Но она сама черезъ нѣкоторое время разрубила гордіевъ узелъ.

— Больше я домой не пойду!—сказала она рѣшительно.

Затѣмъ Елизавета Степановна обратилась къ Софьѣ Даниловнѣ:

— Подари мнѣ эту брошюру.

— Она моя,—сказалъ Пальминъ,—и вы можете ею распоряжаться, какъ вздумаете.

— Спасибо вамъ, я ее пошлю ему... Сама же я уѣду...

— Куда, Лиза?—съ страдальческимъ выраженіемъ спросила Софья Даниловна.

— Я смою свой позоръ, если бы это стоило мнѣ жизни!

— Я узнаю тебя, Лиза,—сказала Софья Даниловна, обнимая и цѣлуя подругу: ни лѣта, ни горе не охладили твоего горячаго сердца, не зачерствили твою душу... Нѣтъ, на тебѣ не лежитъ никакого позора: кто изъ насъ не можетъ поддаться грубому, гнусному обману... У меня совершенно инстинктивно вырвались слова—куда, Лиза?—но я не хотѣла тебя удерживать, а просто была поражена внезапностью твоего рѣшенія, не воображала, какъ это ты вдругъ все порвешь, всѣхъ бросишь.

— Я понимаю тебя, дорогая, совершенно понимаю... Трудно бросать семью, но у меня ея не было, это была физіологическая семья, гдѣ я чувствовала себя одинокою—никакой духовной, нравственной связи не было, да, какъ видишь, и не могло быть.

— Понимаю, понимаю, Лизочка... У меня къ тебѣ просьба, даже требованіе: во всякое время, когда тебѣ нужно, ты должна обращать-

ся ко мнѣ, обязана, понимаешь... Помощь съ моей стороны будетъ только ничтожной отплатой за то, что ты для меня въ свое время дѣлала... Теперь я имѣю полную возможность дать тебѣ триста рублей.

— Если бы ты не предложила мнѣ денегъ, я сама къ тебѣ обратилась бы, но зачѣмъ такая уйма?

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говори! Что за «уйма?»

— Софья Даниловна,—вмѣшался Пальминъ,—вѣдь Елизавета Степановна можетъ воспользоваться еще билетомъ, взятымъ мною для васъ.

— Да, да, конечно,—сказала Сутулина.—Ты можешь доѣхать до Москвы... Ты когда же собираешься?

— Съ первымъ отходящимъ поѣздомъ.

— Что-о?

— А какъ же иначе?

— Но я просто очнуться не могу... Ты переночуй у насъ...

— Ни подъ какимъ видомъ! Развѣ ты не знаешь, отъ кого я бѣгу—отъ пре-да-теля! Вѣдь онъ все узнать можетъ...

— Пожалуй, ты права... Въ такомъ случаѣ возьми сакъ мой—у меня есть лишній.

— Если лишній, охотно возьму... А вотъ какъ уѣхать?...

— Когда немножко стемнѣетъ, мы васъ отвеземъ,—сказалъ Пальминъ,—и какъ разъ попадемъ къ ночному поѣзду... У насъ есть крытый экипажъ, въ который сядете вы и жена, а я за кучера.

— А это не обратитъ вниманія?

— Нѣтъ, мы часто такъ ѣздимъ вдвоемъ... Изъ предосторожности вотъ что сдѣлаемъ: вы пройдете немного пѣшкомъ, до мостика, и мы васъ тамъ возьмемъ.

— Отлично!

— Тогда никто не будетъ знать, что вы уѣхали, а всѣ будутъ видѣть на нашей дачѣ, что я уѣхалъ съ женою и съ нею же возвратился.

— Остроумно.

Какъ только солнце скрылось за горами, Пальмины увезли Елизавету Степановну, и она уѣхала съ первымъ ночнымъ поѣздомъ.

Планъ побѣга удался блестяще, и Пальмины, возвратившись, долго говорили объ этомъ съ Софьей Даниловной.

VI.

Между тѣмъ Кузьма Платоновичъ въ этотъ день съ нетерпѣніемъ поджидалъ Елизавету Степановну. Его сыновья и дочери съ утра

отправились съ офицерами на пикникъ, а онъ хотѣлъ въ экипажѣ ѣхать съ женою, чтобы принять участіе въ ужинѣ, который, при феерической обстановкѣ, устраивался въ горахъ, куда еще съ вечера предшествующаго дня отправлена была, во главѣ съ поваромъ, офицерская кухня съ массою провизіи и винъ.

Кузьма Платоновичъ почти не сомнѣвался, что его жена, по обыкновенію, откажется отъ поѣздки, но считалъ необходимымъ сдѣлать попытку уговорить ее, такъ какъ за Корнеплодовыми обѣщали заѣхать дивизіонный генералъ съ женою.

Но послѣдніе исполнили свое обѣщаніе, а Елизаветы Степановны не было. Кузьмѣ Платоновичу крайне неловко было задерживать такихъ важныхъ персонъ и онъ, выдумавъ, что жена его «не совсѣмъ здорова», отправился вслѣдъ за генераломъ одинъ.

Съ пикника на дачу Корнеплодовы возвратились далеко за полночь. Ихъ изумленію не было предѣловъ, когда они узнали отъ прислуги, что барыня не возвращалась.

Мужъ и дѣти привыкли всегда видѣть ее дома и не могли понять, гдѣ она могла заночевать, такъ какъ хорошо знали, что у нея не было своихъ знакомыхъ. На всякій случай они припомнили почти всѣхъ дачниковъ, причемъ Кузьма Платоновичъ не забылъ и Пальминыхъ.

— А это кто такіе?—спросила одна изъ дочерей.

— Инженеръ съ женою и съ ними живетъ еще мать жены. Они находятся подъ надзоромъ полиціи, но рѣшительно нигдѣ не бываютъ и ихъ никто не знаетъ.

— А ты какъ знаешь?

— Не знаю, кто-то передавалъ,—немного смутившись, отвѣтилъ Кузьма Платоновичъ.

— Мама не могла съ ними познакомиться?

— Нѣ-ѣтъ,—съ твердою увѣренностью сказалъ Корнеплодовъ,—они недавно сюда пріѣхали.

Но тотчасъ же онъ задумался и тихо, какъ бы про себя сказалъ:

— Впрочемъ, кто его знаетъ... Но когда же она могла съ ними познакомиться?... Во всякомъ случаѣ завтра вездѣ наведемъ справки.

Мысль о Пальминыхъ цѣлую ночь не давала покоя Кузьмѣ Платоновичу; онъ почти не спалъ и раннимъ утромъ отправился на дачу инженера. Послѣдній въ это время шелъ купаться, и Корнеплодовъ встрѣтилъ его у рѣчки.

— Простите, пожалуйста, — заискивающе обратился Кузьма Платоновичъ къ инженеру,—я ветеринарный врачъ Корнеплодовъ...

Пальминъ смутился, но быстро овладѣлъ собою и спросилъ:

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Еще разъ прошу извиненія... Я обезпокоенъ отсутствіемъ своей жены и рѣшилъ разузнать на всѣхъ дачахъ... Она вчера ушла и не ночевала...

— Ну-съ, такъ что же вы отъ меня желаете?

— У васъ ея нѣтъ?

— Какимъ же образомъ могло это случиться?

— Кто его знаетъ... Въ такихъ случаяхъ теряешь голову и строишь разныя догадки...

— Но все же онѣ должны имѣть какія-нибудь основанія, а я впервые васъ вижу и впервые же слышу фамилію Корнеплодовыхъ.

— Еще и еще разъ извините...

Кузьма Платоновичъ снялъ фуражку, вѣжливо поклонился и, успокоенный, ушелъ обратно, а Пальминъ самодовольно улыбнулся и хотѣлъ было возвратиться назадъ, чтобы сообщить своимъ о происшедшемъ, но, опасаясь, что Корнеплодовъ замѣтитъ это, сталъ раздѣваться.

Выкупавшись на скорую руку, инженеръ быстро отправился на дачу и, разбудивъ жену и тещу, сообщилъ о своей встрѣчѣ и разговорѣ съ Корнеплодовымъ, высказавъ опасеніе,—не видѣла ли вчера Елизавету Степановну прислуга. Софья Даниловна не могла припомнить,—приходила ли горничная на террасу, а потому быстро одѣлась, чтобы поскорѣе, путемъ дипломатичнаго опроса, узнать объ этомъ.

Скоро она возвратилась изъ кухни и, весело улыбаясь, сообщила, что горничная не видѣла Елизаветы Степановны, а кухарка и кучеръ и не могли ее видѣть.

Кузьма Платоновичъ, пришедши къ себѣ на дачу, также сообщилъ сыновьямъ и дочерямъ о встрѣчѣ съ Пальминымъ и о безрезультатной бесѣдѣ съ нимъ. Тогда Корнеплодовы рѣшили, раздѣлившись, пройти по всѣмъ дачамъ, а Кузьма Платоновичъ долженъ былъ отправиться въ городъ на городскую квартиру и узнать—нѣтъ ли тамъ какимъ нибудь образомъ жены.

Поиски дѣтей оказались тщетными, и знакомые ихъ дачники, офицеры, сдѣлали предложеніе, если матери не окажется въ городѣ,—совершить экскурсіи въ горы, гдѣ иногда съ людьми бываютъ несчастья.

Напрасна была и поѣздка Кузьмы Платоновича: въ городской квартирѣ жены не оказалось. Тогда онъ возвратился обратно и принялъ участіе въ поискахъ въ горахъ, которые въ первый день также

ничего не дали. Поэтому рѣшено было продолжать экскурсіи, покуда не осмотрѣны будутъ всѣ окрестныя мѣста.

Всѣ были теперь убѣждены, что съ Елизаветой Степановною, нерѣдко гулявшею въ одиночествѣ, совершилось какое-нибудь несчастье въ горахъ, такъ какъ не было никакихъ признаковъ, чтобы она уѣхала: верхнее платье ея было дома и, наконецъ, домашнимъ извѣстно было, что у нея при себѣ не было денегъ.

На третій день послѣ исчезновенія жены, когда дочери и сыновья, по обыкновенію, были въ горахъ, Кузьма Платоновичъ, получивъ почту, первымъ дѣломъ вскрылъ пакетъ, который объемомъ своимъ обратилъ особенное вниманіе. Въ этомъ пакетѣ оказался другой, на которомъ большими буквами было написано лишь одно слово: «предателю». Кузьма Платоновичъ, прочитавъ его, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и задрожалъ. Это было то именно слово, котораго онъ боялся всю жизнь, изъ-за котораго скрывался, которое загнало его въ Среднюю Азію. Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и, не отдавая себѣ отчета, сталъ спѣшно затворять окна и двери. Затѣмъ, озираясь по сторонамъ, онъ изорвалъ въ мелкіе кусочки обложку съ ужаснымъ словомъ и спряталъ въ карманъ. Въ этой обложкѣ были брошюра и письмо отъ Елизаветы Степановны. Изъ первыхъ же строкъ первой и второго онъ тотчасъ убѣдился, что предательство его разоблачено.

Кузьму Платоновича охватилъ паническій ужасъ. Какъ воръ, онъ дрожащею рукою скомкалъ и запихалъ въ боковой карманъ брошюру и письмо отъ жены и еще письмо на имя старшаго сына, заадресованное рукою Елизаветы Степановны, и безъ шапки, почти бѣгомъ направился черезъ садъ въ горы. Достигнувъ ближайшаго ущелья, онъ было успокоился, но скоро тревога опять обуяла его. Онъ нѣсколько разъ останавливался, чтобы прочитать брошюру и письма, но никакъ не могъ выбрать подходящаго мѣста. Шумъ вѣтра, шорохъ листьевъ, трескъ сучьевъ, порханіе птицъ заставляли его вздрагивать и прислушиваться—не идетъ ли кто. При этомъ онъ инстинктивно-судорожно сжималъ брошюру и письма рукою, которую не вынималъ изъ бокового кармана. И такъ онъ шелъ все дальше и дальше, затаивъ дыханіе, и осматривался по сторонамъ. Наконецъ, онъ увидалъ небольшое углубленіе въ скалѣ, вродѣ пещеры, заслоненное густымъ кустарникомъ, и скрылся въ немъ. Прислушавшись еще разъ и убѣдившись, что вблизи никого нѣтъ, онъ сталъ читать брошюру. Она принадлежала другу его молодости, котораго онъ предалъ въ числѣ другихъ. Авторъ воспоминаній не находилъ словъ для выраженія негодованія и презрѣнія къ Корнеплодову. Онъ

шагъ за шагомъ прослѣдилъ всю предательскую дѣятельность Кузьмы Платоновича и назвалъ фамиліи всѣхъ пострадавшихъ изъ-за него лицъ. Одни изъ нихъ были высланы административнымъ порядкомъ, другіе—осуждены на поселеніе, иные попали на каторгу, а три лица были казнены. При этомъ авторъ приводилъ рядъ фактовъ, что подавляющее число оговоровъ были лживые, что Корнеплодовъ показывалъ не только то, что зналъ, но и чего не зналъ, а лишь слышалъ, и сообщалъ и о такихъ людяхъ, которыхъ ни разу не видѣлъ. Но больше всего авторъ клеймилъ Корнеплодова за то, что многихъ выданныхъ Кузьма Платоновичъ самъ вовлекъ въ организацію, называя всѣхъ, несогласныхъ съ его взглядами, «трусами», «измѣнниками отечества» и «врагами народа», и выдалъ въ первый же день ареста, когда ему ничего еще не грозило. Брошюра заканчивалась такъ: «Погубивъ громадное число лицъ, большинство изъ которыхъ были ни въ чемъ неповинны, Корнеплодовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, окончилъ ветеринарный институтъ и, при помощи администраціи, прекрасно устроилъ свою карьеру, женился, обзавелся семьею и, насколько мнѣ извѣстно, гдѣ-то благоденствуетъ и по настоящее время».

При чтеніи этихъ воспоминаній, Кузьму Платоновича бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Каждый фактъ изъ его предательства сначала причинялъ ему какую-то тупую боль во всемъ организмѣ, а затѣмъ онъ онѣмѣлъ. Такое ощущеніе, должно быть, испытываетъ человѣкъ послѣ продолжительныхъ пытокъ, когда страданія достигаютъ предѣла, дальше которыхъ идти не могутъ. Поэтому къ чтенію письма жены онъ приступилъ, казалось, совершенно спокойно. Оно было очень кратко: «Презрѣнный человѣкъ,—писала Елизавета Степановна,—я не могу ничего сказать больше того, что сказано въ прилагаемыхъ при этомъ воспоминаніяхъ преданнаго тобою друга. Я лишь шлю тебѣ мои проклятія за мою загубленную жизнь и за позоръ, которымъ я себя покрыла, сдѣлавшись женою негодяя».

Въ письмѣ на имя старшаго сына она говорила: «Мой мужъ, а вашъ отецъ оказался гнуснымъ предателемъ. На его имя я шлю появившіяся въ печати воспоминанія его друга, котораго онъ предалъ въ числѣ многихъ другихъ. Я почти не сомнѣваюсь, что у этого человѣка не осталось уже никакихъ признаковъ чести и человѣческаго достоинства, а потому онъ не покажетъ вамъ этой брошюры, что и заставляетъ меня сообщить ея краткое содержаніе, но вы можете ее купить,—она озаглавлена «Воспоминанія N». Вашъ отецъ погубилъ мою жизнь, опозорилъ меня и сознательно старался воспитать васъ такъ, чтобы вы никогда не вошли въ сферы, гдѣ можете узнать о

его темномъ прошломъ. Если остались у васъ хотя крупинки благородства, вы должны отвернуться отъ вашего негоднаго отца и открыто заявить, что не имѣете ничего общаго съ предателемъ».

Прочитавъ это письмо, Кузьма Платоновичъ широко раскрылъ глаза и безумно смотрѣлъ въ пространство. Предъ нимъ мысленно прошла вся его жизнь. Ему сдѣлалось страшно, онъ хотѣлъ бѣжать, но чувствовалъ, что не можетъ подняться. И вдругъ онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, но тотчасъ испугался собственнаго голоса и, удерживаясь отъ рыданій, глухо всхлипывалъ.

Черезъ нѣкоторое время до слуха его донесся топотъ копытъ и отдаленные голоса. Онъ быстро схватилъ упавшія на землю брошюру и письма, запряталъ ихъ въ боковой карманъ и сталъ прислушиваться.

Топотъ и голоса слышались все ближе и ближе. Корнеплодовъ догадался, что это дѣти съ офицерами разыскиваютъ жену, и не зналъ, что ему дѣлать. Если его застанутъ въ пещерѣ, то примутъ это за укрывательство, и можетъ возникнуть подозрѣніе. Онъ рѣшилъ выйти и объяснить, что также занимается розысками.

Кузьма Платоновичъ какъ разъ наткнулся на кавалькаду.

— Папа!—въ одинъ почти голосъ воскликнули его дочери и сыновья.

— И вы сюда же пріѣхали?—сказалъ онъ растерянно и старался улыбнуться.

— А гдѣ же твоя шапка?—спросила одна изъ дочерей.

— Шапка?—испуганно переспросилъ онъ, берясь за голову,—не потерялъ ли въ кустахъ? И не замѣтилъ...

— Ты плакалъ, что ли?

— Я?

— Да.

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтилъ онъ, не поднимая глазъ:—это все въ кустахъ... вѣтки въ глаза попали...

Офицеры переглянулись, а одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Вы пѣшкомъ здѣсь, Кузьма Платоновичъ?

— Да, а что?

— Но вѣдь вы очень далеко зашли...

— Развѣ?

— Очень далеко,—подтвердили нѣсколько голосовъ.

— Я бы вамъ посовѣтовалъ сейчасъ же возвращаться, а то засвѣтло не поспѣете,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Да, да, папа,—настаивали дочери и сыновья.

— Хорошо, хорошо,—согласился Кузьма Платоновичъ.

Онъ, не поклонившись, тотчасъ повернулся и быстрыми шагами пошелъ назадъ, ощупывая боковой карманъ, гдѣ лежали его обвинительные акты.

— Какъ онъ обезпокоенъ,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, когда Кузьма Платоновичъ скрылся.

— Еще бы!—тихо сказала старшая дочь, глаза которой были влажны отъ слезъ.

Слезы видны были на глазахъ и у младшей дочери, а лица сыновей носили отпечатокъ тревоги.

По-своему, всѣ они любили свою мать, причемъ эта любовь, какъ это всегда бываетъ, въ болѣе сильной степени проявилась, когда они потеряли Елизавету Степановну. Теперь рельефнѣе вырисовывались ея высокія достоинства, которыя раньше не только не цѣнились, а даже порицались, потому что они нерѣдко являлись тормозомъ въ ихъ беззаботной и безсодержательной жизни.

Растерянный видъ Кузьмы Платоновича, который объясненъ былъ испытываемыми имъ страданіямъ, еще болѣе усугубилъ тяжелое настроеніе дѣтей.

VII.

Кузьма Платоновичъ, пришедши къ себѣ на дачу, метался, какъ раненый звѣрь. Онъ не зналъ, что дѣлать съ брошюрою и письмомъ, которыя, казалось, жгли его. Онъ хотѣлъ ихъ уничтожить дорогою, но не зналъ какъ. Ему казалось, что или догонитъ его кавалькада, или кто-нибудь другой замѣтитъ, куда онъ прячетъ ихъ или рветъ. На дачѣ онъ осмотрѣлъ всѣ укромныя мѣста, лазилъ на шкафы, засматривалъ въ печи и нѣсколько разъ пряталъ то туда, то сюда брошюру и письма, но сейчасъ же и бралъ ихъ обратно, такъ какъ болѣзненно возбужденное воображеніе не давало ему покоя и рисовало ему картины находки ужасныхъ документовъ. Ему затѣмъ пришло въ голову сжечь ихъ, но тутъ же онъ явственно ощутилъ запахъ гари и бросилъ этотъ проектъ. Одновременно его мучила мысль о встрѣчѣ съ дѣтьми, которыя могли возвратиться каждую минуту. Онъ чувствовалъ, что не скроетъ своего смущенія и растерянности, и страшная тайна его можетъ быть обнаружена. Кузьма Платоновичъ пытался лечь въ кровать и притвориться спящимъ, но не въ силахъ былъ лежать. Тогда онъ рѣшилъ уѣхать въ городъ, оставивъ дѣтямъ записку, что отправляется въ Z, чтобы заявить полиціи объ исчезновеніи жены, причемъ просилъ увѣдомить его, если экскурсія напала на какіе-нибудь слѣды Елизаветы Степановны.

Въ городскую квартиру онъ пріѣхалъ поздно ночью, и, прежде всего, какъ только убѣдился, что прислуга уснула, сталъ жечь въ каминѣ брошюру и письма, причемъ нѣсколько разъ тихонько выходилъ во дворъ и смотрѣлъ, не слишкомъ ли замѣтенъ дымъ отъ бумаги. Когда догорѣли послѣдніе листы, онъ тщательно выбралъ въ газетный листъ весь пепелъ и вынесъ его въ помойную яму. Послѣ этого Кузьма Платоновичъ успокоился и, чувствуя необыкновенную усталость и разбитость, легъ въ постель. Но лишь только закрылъ онъ глаза, какъ мысли одна другой ужаснѣе стали тревожить его. «Откуда достала жена брошюру?... Несомнѣнно, на дачѣ... А если такъ, то развѣ не можетъ случиться, что подобныхъ брошюръ есть уже тамъ нѣсколько?... Наконецъ, гдѣ жена?... Быть можетъ, она скрывается тамъ же—развѣ она не могла кого-нибудь попросить, чтобы отправить ему брошюры и письма съ пути?... И, кто знаетъ, не дома ли она уже и сейчасъ... Быть можетъ, въ эту самую минуту она уже сообщаетъ все дѣтямъ».

Кузьма Платоновичъ схватился, весь облитый холоднымъ потомъ, и, раздѣтый, сталъ шагать изъ угла въ уголъ, словно бы старался убѣжать отъ преслѣдовавшихъ его мыслей. Но это не помогало—онѣ настойчиво тревожили его все больше и больше и довели до непреодолимаго желанія куда-нибудь бѣжать, и когда показалась заря, Кузьма Платоновичъ, разбудивъ прислугу, попросилъ ее запереть за собою дверь, сказавъ ей, что, по дѣламъ службы, онъ долженъ немедленно уѣхать.

Онъ отправился на почтовую станцію, гдѣ его хорошо знали, взялъ лошадей и уѣхалъ въ отдаленнѣйшую часть округа.

Придумывая различныя дѣла, онъ ѣздилъ изъ одного мѣста въ другое, нигдѣ не находя себѣ покоя. Лишь дней черезъ десять онъ возвратился въ городъ, чтобы показаться начальству и узнать, не произошло ли чего особеннаго. Съ трепетомъ подошелъ онъ къ своей квартирѣ и, когда прислуга отворила ему дверь, спросилъ:

— Меня никто не спрашивалъ?

— Были здѣсь дня три назадъ ваши паничи,—отвѣчала баба.

— Ну и что же?

— Спрашивали, гдѣ вы, а я сказала, что уѣхали.

— Ну?

— Они написали вамъ что-то...

— А гдѣ письмо?

— Тамъ, на столѣ... Да еще полиція васъ спрашивала...

— Полиція?

— Да, полицейскій сказывалъ, что, какъ пріѣдете, чтобы сейчасъ пришли...

— Гм... Да кто же былъ?

— Полицейскій...

— Ну, хорошо.

Подойдя къ столу въ кабинетѣ, Кузьма Платоновичъ съ тревогою вскрылъ письмо отъ сыновей, но въ немъ лишь сообщалось, что матери не нашли, и высказывалось удивленіе, что онъ забылъ сообщить объ этомъ полиціи, причемъ сыновья увѣдомляли, что сами сдѣлали заявленіе.

Кузьма Платоновичъ успокоился и объяснилъ вызовъ въ полицію этимъ заявленіемъ, но всетаки счелъ нужнымъ и отъ себя сообщить, объяснивъ запозданіе забвеніемъ и экстреннымъ отъѣздомъ по дѣламъ службы.

— А вы увѣрены,—предложили ему вопросъ въ полиціи,—что ваша жена погибла въ горахъ?

— Я?—смутился Кузьма Платоновичъ:—но что же иное предположить?

— Да нѣтъ, это такъ себѣ,—таинственно отвѣтилъ окружной начальникъ,—но не я васъ вызывалъ...

— Въ квартирѣ мнѣ сказали...

— Совершенно вѣрно, но это по требованію жандармскаго управленія, куда вы немедленно и зайдите.

За короткое время пребыванія въ Средней Азіи Корнеплодову ни разу не представилось случая посѣтить жандармское управленіе, и этимъ обстоятельствомъ онъ объяснялъ вызовъ его черезъ полицію, что ему было крайне непріятно.

Въ жандармскомъ управленіи его встрѣтилъ адъютантъ начальника управленія, и, какъ только Кузьма Платоновичъ назвалъ свою фамилію, произнесъ: «а-а!» и отправился доложить начальнику. Послѣдній немедленно пригласилъ въ свой кабинетъ Корнеплодова, любезно съ нимъ поздоровался, предложилъ садиться и, тщательно притворивъ дверь, приступилъ къ бесѣдѣ, глядя время отъ времени въ лежавшую передъ нимъ бумагу и въ длинную шифрованную телеграмму.

— Вы, кажется, разыскиваете вашу супругу?—началъ жандармскій генералъ, бросивъ пристальный взглядъ на Корнеплодова.

— Да,—смущенно отвѣтилъ послѣдній, стараясь не смотрѣть на генерала.

— Вы увѣрены, что съ нею что-нибудь приключилось въ горахъ?

— Да... Всѣ такъ думаютъ...

— А не могла она уѣхать отсюда, скрыться?

— Не знаю...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но, по вашему мнѣнію, могло это случиться?

— Врядъ ли...

— Не намекала она вамъ объ этомъ? Не было разговоровъ?

— Нѣтъ.

— А между тѣмъ у насъ имѣются нѣкоторыя данныя, что ваша супруга сейчасъ въ Петербургѣ, живетъ, вѣроятно, по подложному паспорту и, кажется, занимается антиправительственною дѣятельностью очень опаснаго свойства.

При этомъ генералъ пронизывающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Кузьму Платоновича, и послѣдній отъ этого взгляда вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Генералъ замѣтилъ это и, глядя въ упоръ на Корнеплодова, продолжалъ:

— Ваше прошлое намъ хорошо извѣстно и въ достаточной мѣрѣ оцѣнено правительствомъ, которое и сейчасъ относится къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, но, конечно, это довѣріе прекратится, если съ вашей стороны будетъ замѣчена неискренность...

— Я васъ не понимаю, генералъ,—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Корнеплодовъ:—кажется, я не занимаюсь ничѣмъ предосудительнымъ...

— Совершенно вѣрно, господинъ Корнеплодовъ, но пассивность иногда можетъ сдѣлаться преступностью. Многіе не занимаются антиправительственною дѣятельностью, но это не значитъ, что они довѣряютъ правительству, относятся къ нему чистосердечно и содѣйствуютъ борьбѣ съ крамолою, что особенно важно именно теперь...

— Но въ чемъ дѣло, генералъ?

— А вотъ я вамъ сейчасъ сообщу... Скажите, пожалуйста, у васъ имѣется фотографическая карточка вашей жены?

— Нѣтъ.

— Ни одной?

— Ни одной.

— Вы ни разу не снимались?

— Вамъ должно быть понятно, генералъ, что мнѣ, въ моемъ положеніи, неудобно было сниматься, почему я не напоминалъ женѣ, чтобы и она снималась, такъ какъ могло случиться, что она пожелаетъ вмѣстѣ со мною...

— Да, да, да, совершенно понимаю... Впрочемъ, это даже не важно, такъ какъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, крайне необ-

ходимо, чтобы вы лично взглянули на особу, въ которой подозрѣваютъ вашу жену, для чего и просятъ васъ отправиться въ Петербургъ.

— Въ Пе-тер-бургъ?!

— Да. Конечно, всѣ расходы будутъ за счетъ правительства, а чтобы не обратить вниманія, васъ вызовутъ по дѣламъ службы.

— Ха-ха-ха!—вдругъ дикимъ безумнымъ смѣхомъ расхохотался Кузьма Платоновичъ:—ха-ха-ха! Такъ значитъ я долженъ обнаружить собственную жену?! Ха-ха-ха!... Же-ну?!

Генералъ нажалъ кнопку на письменномъ столѣ, и тотчасъ къ нему явился адъютантъ.

— Прикажите, пожалуйста, дать воды,—сказалъ тревожно генералъ.

Адъютантъ, съ удивленіемъ взглянувъ на хохочущаго Корнеплодова, повернулся на одной ногѣ и скрылся. Вслѣдъ за этимъ жандармскій унтеръ-офицеръ принесъ на подносѣ графинъ воды. Генералъ сдѣлалъ ему знакъ и унтеръ-офицеръ, поставивъ воду на столъ, осторожно на пальцахъ ушелъ изъ комнаты. Тогда генералъ налилъ стаканъ воды, подалъ ее Корнеплодову и сказалъ:

— Успокойтесь!... Что съ вами?...

Кузьма Платоновичъ, стуча о стаканъ зубами, залпомъ выпилъ одинъ за другимъ два стакана воды, вытеръ платкомъ выступившій потъ на лбу и тихо проговорилъ:

— Простите... Извините, но это сверхъ моихъ силъ...

Тогда генералъ поднялся съ кресла, выпрямился во весь ростъ и устремилъ пронизывающій взглядъ на Корнеплодова. Подъ вліяніемъ этого взгляда, Кузьма Платоновичъ весь съежился и чувствовалъ себя, какъ чувствуетъ птичка, когда видитъ разинутую пасть змѣи, собирающейся ее поглотить.

— Съ какихъ поръ, господинъ Корнеплодовъ, у васъ такъ рѣзко измѣнились взгляды?—медленно и твердо отчеканивалъ каждое слово генералъ:—не вы ли неоднократно обращались въ Z—ское жандармское управленіе и сообщали свѣдѣнія о знакомыхъ вашей жены? Вы думаете, что, забравшись въ Среднюю Азію, замели всѣ слѣды? Вы полагаете, что намъ не все извѣстно? А ваше далекое прошлое? Вѣдь вы, господинъ Корнеплодовъ, съ головою выдали всѣхъ вашихъ друзей...

— Довольно, генералъ, довольно!—закричалъ Кузьма Платоновичъ, отмахиваясь руками, словно бы кто нападалъ на него:—согласенъ, на все согласенъ!...

— Я умолкаю, господинъ Корнеплодовъ,—ни слова больше не скажу... Выпейте еще воды...

— Нѣтъ, благодарю...

— Итакъ, вы ѣдете?

— Да.

— Это нужно поскорѣе... Кажется, на-дняхъ оканчивается срокъ отпуска вашимъ сыновьямъ?

— Не знаю...

— А я знаю,—могу ошибиться не болѣе, какъ на день, на два... Къ этому времени вы получите командировку и, не обращая ничьего вниманія, уѣдете вмѣстѣ съ ними... Для вашего успокоенія я долженъ сказать, что, быть можетъ, подозрѣваемая особа окажется не ваша жена, а если это будетъ она, то правительство, понятно, ничего особеннаго съ нею не сдѣлаетъ, цѣня ваши услуги: вы, быть можетъ, именно спасете вашу супругу...

Кузьма Платоновичъ, широко раскрывъ глаза, молча выслушалъ послѣднія слова генерала и, когда послѣдній наклоненіемъ головы показалъ, что аудіенція кончена, Корнеплодовъ механически расклапялся и молча оставилъ комнату.

На улицѣ онъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ и жаръ во всемъ тѣлѣ. Онъ шелъ, какъ пьяный, и никакъ не могъ сообразить, что съ нимъ произошло. Онъ ломалъ голову, старался припомнить, что сейчасъ было, но сознаніе все больше и больше оставляло его. Ему сдѣлалось страшно, и онъ все ускорялъ и ускорялъ шаги. Пришедши домой, онъ долгое время ходилъ, понуривъ голову, по темной комнатѣ. Вдругъ онъ вскрикнулъ—передъ нимъ, какъ живая, предстала жена и устремила на него полный укоризны взоръ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ зажегъ свѣчу. Жена исчезла, но онъ почувствовалъ, что она скрылась у него въ горлѣ и душила его. Онъ быстро подошелъ къ столу, досталъ бритву, подошелъ къ зеркалу и, схвативъ пальцами то мѣсто на шеѣ, подъ которымъ скрылась жена, съ остервенѣніемъ перерѣзалъ себѣ горло и грохнулся на полъ.

Вбѣжавшая прислуга, увидѣвъ страшную картину, въ ужасѣ выбѣжала на улицу и стала кричать что есть мочи, покуда не собрался народъ, а затѣмъ и полиція.

И. П. Бѣлоконскій.

ДѢТИ ЗЕМЛИ.

Разсказъ **Арвида Іернефельта.**

(Съ финскаго).

Вотъ что говоритъ сказаніе:

Это было давно, давно. Въ старину пришли побѣдители со сверкающими копьями, въ пестрыхъ шлемахъ, неся передъ собой крестъ, сіявшій побѣдной славой. Люди Калевалы поднялись на защиту своихъ боговъ. Запылали села и деревни и со страшнымъ трескомъ повалились священныя рощи. Побѣдители прошли по странѣ, уничтожая все огнемъ и мечомъ. Сопротивлявшіеся были изгнаны и обречены умереть въ пустынѣ, слабыхъ крестили, и новые властелины дѣлали себѣ изъ нихъ подданныхъ.

Народы можно побѣждать и покорять, людей можно изгонять и унижать, но можно ли покорять и изгонять также и боговъ? Если нѣтъ, то гдѣ же скрываются дочери воздуха, дочери дня, гдѣ дочери луны, гдѣ скрывается богъ моря со своими дѣвами, гдѣ богъ лѣса со своими голубыми подругами, гдѣ, наконецъ, всѣ тѣ существа, чьи голоса доносятся до человѣка изъ широкихъ пространствъ,—эти голоса, которые среди рокота морскихъ волнъ возбуждаютъ въ немъ отвагу, которые въ тишинѣ звѣздной ночи будятъ въ немъ свѣтлыя мысли, или на тропинкахъ въ лѣсной чащѣ вдохновляютъ его къ пѣснѣ и превращаютъ въ немъ тоску одиночества въ радостное настроеніе?

Неужели же, когда покоряютъ людей, то вмѣстѣ съ ними покоряютъ и боговъ?

Нѣтъ, ихъ покорить нельзя. Они живутъ еще и по сей день.

Побѣдители не знали, да они и не хотѣли этого, что, водружая въ напоенную кровью землю крестъ, они водружаютъ вмѣстѣ съ нимъ и духъ истины, который никогда еще не вступалъ въ союзъ съ огнемъ и мечомъ.

И передъ этимъ-то духомъ истины собрались покинутые народомъ боги и услышали слѣдующія слова:

«Во имя мое однажды освободится все то, что связано огнемъ и мечомъ: тотъ, кто бралъ—будетъ давать, кто грабилъ—возвратитъ все обратно, кто сдѣлался господиномъ—превратится въ слугу. Но освобожденіе произойдетъ не съ помощью меча и огня, а съ помощью моихъ ангеловъ. Васъ я превращу въ своихъ ангеловъ, и ваши слова снова будутъ раздаваться среди людей, пока все не будетъ окончено и я не увижу, что разъединенные люди слились во-едино».

Такъ говорилъ духъ истины.

И онъ далъ ангеламъ тысячи лѣтъ; и онъ далъ имъ голосъ, который нѣжно, какъ утренній вѣтерокъ, проникаетъ все существо человѣка.

Этотъ голосъ звучитъ и понынѣ.

I.

Въ мышеловкѣ.

Это было въ сумеркахъ, въ одинъ пасмурный ноябрьскій день. Въ это время дня въ деревенской лавкѣ на перекресткѣ обыкновенно бывало пусто, и лавочникъ позволялъ себѣ даже маленькій послѣобѣденный отдыхъ въ своей комнатѣ. Вдругъ входная дверь съ шумомъ распахнулась, и колокольчикъ на концѣ длинной согнутой пружины запрыгалъ и задребезжалъ тревожно и суетливо, долго не смолкая:

— Скорѣй сюда, скорѣй сюда, пришелъ Кинтури-Янне,—слышите, Кинтури-Янне, Кинтури-Янне, скорѣй, скорѣй, Кин-кин-кинтури-Янне, кин-кин-кингеликин-кин-кин...

— Ага, ага!—послышалось изъ сосѣдней комнаты, и лавочникъ началъ подниматься съ дивана, на которомъ уже успѣлъ улечься лицомъ къ стѣнѣ съ накинутымъ на плечи пиджакомъ и въ однихъ носкахъ на ногахъ.

— Это навѣрное Кинтури-Янне!—сказалъ онъ, натягивая на ноги ботинки,—сейчасъ же слышно по звонку; никогда нельзя было бы и подумать, что это голышъ — онъ гремитъ дверью, какъ не вѣсть какой помѣщикъ.

И хозяинъ ввалился въ лавку. Это былъ румяный человѣкъ съ моргающими глазами, окаймленными свѣтлыми рѣсницами. При видѣ Кинтури онъ сейчасъ же пришелъ въ хорошее настроеніе; онъ весело и дружески поздоровался съ нимъ и спросилъ, нѣтъ ли чего новенькаго.

Кинтури-Янне, торпаръ и отецъ девяти человѣкъ дѣтей, вывалилъ на прилавокъ цѣлую тушу телятины и три кило самаго свѣжаго масла. Потомъ онъ склонился надъ прилавкомъ и спросилъ почтительнымъ и вѣжливымъ шепотомъ, нельзя ли купить мышеловку.

— Это еще что? Неужели мыши повадились ходить въ зерно? Такъ оно не помѣщается больше въ засѣкѣ? Тебѣ, Кинтури, навѣрное придется держать его въ мѣшкахъ?

— Вотъ именно, вотъ именно,—подхватилъ Кинтури, который хорошо зналъ привычку лавочника вѣчно острить по поводу его богатства.

Между Кинтури и хозяиномъ лавки былъ договоръ, состоявшій въ томъ, что Кинтури по сходной цѣнѣ, разъ навсегда установленной, поставлялъ лавочнику каждыя шесть недѣль отпоеннаго теленка. Онъ долженъ былъ также поставлять въ лавку и все масло, которое только у него дома пахталось, и всѣ вообще деревенскіе продукты, которые у него могли накопиться. Этотъ договоръ казался Кинтури очень выгоднымъ, такъ какъ онъ съ своей стороны пользовался въ лавкѣ извѣстными преимуществами. Ему не надо было выкладывать деньги, когда онъ приходилъ въ лавку за покупками, и хозяинъ лавки никогда не требовалъ отдачи долга, накоплявшагося въ продолженіе года за кофе, муку, соль, сахаръ и табакъ, въ неудобное время, а всегда спокойно ждалъ слѣдующаго теленка. На самомъ дѣлѣ купецъ былъ добрый человѣкъ, и Кинтури охотно посѣщалъ его лавку.

Кинтури очень льстило также близкое знакомство съ хозяиномъ лавки, который принадлежалъ къ числу господъ. Вообще Кинтури испытывалъ горькое чувство по отношенію къ господамъ и старался избѣгать ихъ, какъ это дѣлали съ незапамятныхъ временъ и его праотцы. Но этотъ купецъ съ малыхъ лѣтъ былъ обязанъ только своей собственной энергіи тѣмъ, что сдѣлался бариномъ, а кромѣ того онъ многихъ господъ провелъ за носъ. Для Кинтури онъ былъ живымъ примѣромъ того, что «и нашъ братъ не дуракъ,—стоитъ лишь захотѣть». Потому-то Кинтури очень цѣнилъ какъ самого купца, такъ и всю его лавку и страшно гордился знакомствомъ съ нимъ. Высшимъ удовольствіемъ для него было придти въ лавку, когда тамъ было много народу, и съ сознаніемъ этого лестнаго знакомства, самому взять себѣ что-нибудь изъ товара, напримѣръ, снять съ потолка длинной палкой пучекъ уздечекъ, выбрать себѣ одну изъ нихъ и затѣмъ, какъ бы мимоходомъ условиться съ хозяиномъ лавки въ цѣнѣ,—и все это въ самую сутолоку. Иногда случалось даже, что онъ на гла-

захъ у посѣтителей лавки заходилъ за прилавокъ, открывалъ ящикъ съ гвоздями и отсчитывалъ себѣ въ руку сто штукъ трехдюймовыхъ гвоздей; затѣмъ онъ засовывалъ ихъ себѣ въ карманъ и только слегка кивалъ лавочнику. Тотъ отвѣчалъ ему тѣмъ же: слегка кивалъ головой и моргалъ глазами. Или же случалось къ вящему удовольствію Кинтури, что лавочникъ говорилъ: «Послушай, Кинтури, налей-ка Саренскѣ керосину, у насъ такой спѣхъ». Въ такихъ случаяхъ всѣ посѣтители лавки, и знакомые, и незнакомые, смотрѣли на Кинтури съ большимъ уваженіемъ. А кудластые парни съ лѣсопилки, такъ важничавшіе своимъ деннымъ заработкомъ, стояли, вытаращивъ глаза отъ удивленія, и тщетно старались выяснить себѣ, какія отношенія могутъ существовать между лавочникомъ и Кинтури.

На этотъ разъ Кинтури-Янне пришелъ покупать мышеловку; въ лавкѣ не было другихъ покупателей.

Лавочникъ выложилъ на прилавокъ нѣсколько сортовъ мышеловокъ и въ то же время продолжалъ шутить насчетъ полныхъ закромовъ торпара.

— Вотъ какъ, такъ мыши забрались, значитъ, въ твою кладовую и лакомятся сахаромъ и пшеничной мукой?—сказалъ онъ, ласково моргая глазами.

Кинтури тоже заморгалъ ему въ отвѣтъ и сдѣлалъ усиліе, чтобы засмѣяться по своему обыкновенію, какъ того требовали ихъ шутливыя отношенія, которыя еще никогда не нарушались. Но на этотъ разъ это ему какъ-то не удалось. Онъ сталъ серьезнымъ и началъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ разсматривать мышеловки.

Ни одна изъ нихъ ему не понравилась. Онѣ хлопаютъ слишкомъ громко,—говорилъ онъ. Онъ желаетъ такую, которая захлопывается безъ малѣйшаго шума.

— Я такъ чутко сплю. Надо вамъ сказать, что эти негодныя твари, т.-е. мыши, поднимаютъ такую возню у насъ, что не даютъ никакого покоя по ночамъ. А вѣдь вы знаете, старость-то даетъ себя чувствовать. Не такъ-то легко послѣ тяжелой поденщины всю ночь лежать съ открытыми глазами да переворачиваться съ боку на бокъ.

— Да что же гонитъ ихъ въ избу, когда амбары переполнены?—спросилъ купецъ, стараясь опять превратить все въ шутку.—Но подожди, я сейчасъ дамъ тебѣ мышеловку, которая совсѣмъ не хлопаетъ.

И онъ выложилъ на прилавокъ какое-то странное сооруженіе. Возлѣ обыкновенной мышеловки, сбоку, была придѣлана жестяная кружка, а надъ кружкой находилась маленькая клѣтка, въ которую

велъ узкій коридорчикъ изъ проволоки, соединявшій мышеловку съ клѣткой.

— Вотъ смотри, Кинтури. Когда мышь войдетъ въ мышеловку, то за ней сейчасъ же упадетъ маленькая дощечка и закроетъ входъ въ мышеловку. Мышь начнетъ искать выхода и попадетъ въ эту клѣтку. Но едва она попадетъ въ клѣтку, какъ дно въ ней подастся, и мышь свалится въ воду. Послѣ этого дно въ клѣткѣ опять принимаетъ свое прежнее положеніе, а дощечка, заслоняющая входъ, снова поднимается. Такимъ образомъ въ этой мышеловкѣ могутъ утонуть пять-шесть мышей, а ты даже ничего объ этомъ и знать не будешь, и будешь себѣ спать, какъ сурокъ,—все тутъ движется на смазанныхъ ходахъ безъ малѣйшаго звука.

— Вотъ такъ штука!—удивился Кинтури. Онъ подробно осмотрѣлъ это хитроумное изобрѣтеніе, еще разъ выразилъ удивленіе и не могъ не отозваться съ похвалой о человѣческой находчивости.— Сперва сюда,—повторилъ онъ за лавочникомъ, потомъ въ клѣтку и плюхъ въ воду! А ужъ оттуда идти некуда, тамъ она крѣпко засядетъ, чортъ возьми!—Онъ перевернулъ мышеловку, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и снова перевернулъ. Куда отсюда уйти! Некуда! Да, такъ-то, скажу я вамъ,—продолжалъ Кинтури,—бываетъ, что мысли привяжутся къ человѣку и не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Я разсуждаю такъ: человѣкъ думаетъ слишкомъ много.

Повидимому, Кинтури рѣшилъ совершенно оставить шутливый тонъ. Въ носу у него щекотало, и на глаза навертывались слезы. Ему вдругъ захотѣлось посвятить купца во всѣ свои горести. Купецъ былъ добрый человѣкъ, въ этомъ Кинтури самъ убѣдился; онъ видѣлъ, какъ тотъ ласково хлопалъ своего молодого жеребенка, какъ онъ нѣжно ласкалъ свою кошку, какъ онъ ворковалъ со своей женой—они жили точно новобрачные,—а кромѣ того разсказывали еще, что онъ выручилъ своего племянника негодяя изъ большого денежнаго затрудненія и выложилъ ради него нѣсколько тысячъ. Какъ же такому знакомому не раскрыть своего сердца и не разсказать, какъ обстоятъ дѣла.

И вотъ Кинтури въ первый разъ оставилъ свой обычный шутливый тонъ и началъ говорить о своей горькой участи. Если и раньше его дѣла шли плохо, то теперь пошли еще хуже: онъ поссорился со своимъ хозяиномъ. Изъ хозяйской риги пропалъ овесъ, и онъ устроилъ обыскъ у своихъ подчиненныхъ. «Я не воровалъ у тебя овса,—закричалъ я ему, и заодно я выругалъ его за многое другое старое. Но онъ попросилъ полицію не обращать на меня вниманія, и вотъ эти черти перерыли у меня въ домѣ все вверхъ дномъ, а на чердакѣ

они разбросали платье моей хозяйки—негодяи! Развѣ позволительно дѣлать обыскъ такимъ образомъ? Или, быть можетъ, я имѣю право послать полицію рыться въ его углахъ, когда это мнѣ только придетъ въ голову?—Ну, никакого овса они у насъ, конечно, не нашли, но хозяинъ обозлился и взялъ полицейскихъ въ свидѣтели, а мнѣ приказалъ убираться изъ торпа *). Скажите, развѣ онъ имѣетъ право меня выгонять?

— А у тебя есть какой-нибудь контрактъ на торпъ?

— Никакихъ бумагъ у меня нѣтъ. Но развѣ недостаточно слова? У меня есть свидѣтели. Торпъ принадлежалъ моему отцу и моему дѣду. Они расчистили лѣсъ и сложили каменную ограду, неужто же нужны еще какія-нибудь бумаги?

— Такъ это, значитъ, нѣчто вродѣ обѣщанія. Нѣтъ, это не годится. Все должно быть обусловлено на бумагѣ. Иди-ка, Кинтури, сейчасъ же и помирись съ хозяиномъ!

Кинтури вздохнулъ, съежился и сталъ какъ будто ниже, грудь у него ввалилась, и онъ пристально смотрѣлъ на крошки, валявшіяся на прилавкѣ.

— Да я ужъ попытался было это сдѣлать. Конечно, это было тяжело, но я всетаки попытался. А хозяинъ мнѣ сказалъ: «Если ты заплатишь мнѣ твой долгъ и согласишься на новый оброкъ, то можешь оставаться». Я, видите ли, пристроилъ изъ его бревенъ небольшую горницу къ своей избѣ. Но откуда же мнѣ достать денегъ?

Лавочникъ сталъ подозрѣвать, что Кинтури, быть можетъ, имѣетъ нѣкоторые виды на его деньги, а потому онъ счелъ за лучшее какънибудь прекратить эти изліянія. Кряхтя, онъ влѣзъ на прилавокъ, чтобы зажечь висячую лампу. Стоя на колѣнахъ на прилавкѣ, онъ сталъ разсказывать, что и ему пришлось пережить тяжелыя времена. Деньги не идутъ, векселя просрочиваются, а день уплаты никогда не заставляетъ себя ждать. Иногда чувствуешь себя, точно въ аду. Кусокъ въ горло не идетъ и ночью глазъ не закрываешь, а только ворочаешься съ боку на бокъ.

— Да, да, съ боку на бокъ,—повторилъ Кинтури. Сходство ихъ положенія до такой степени обрадовало его, что онъ обѣими руками почесалъ себѣ носъ и вытеръ слезы, навернувшіяся у него на глазахъ. Онъ добрый, очень добрый, этотъ купецъ. Если онъ и выжимаетъ деньги изъ людей, то что же другое и дѣлать купцу.

---

*) Торпъ—жилое мѣсто съ небольшимъ участкомъ земли, арендуемое безземельнымъ крестьяниномъ-торпаромъ у крупнаго землевладѣльца; аренда выплачивается обыкновенно поденной работой. *Прим. перевод.*

Лампа разгорѣлась и ея яркій свѣтъ ясно освѣщалъ малѣйшіе предметы въ лавкѣ.

— Ну, жаловаться-то собственно грѣхъ; въ концѣ-концовъ все-таки дѣла пошли хорошо,—сказалъ лавочникъ, стараясь опять перейти на болѣе веселый тонъ. И онъ неуклюже сползъ съ прилавка, и, повидимому, отбросилъ отъ себя всѣ воспоминанія. Однако онъ не преминулъ дать Кинтури еще одинъ очень хорошій совѣтъ.

— Сколько лѣтъ твоей женѣ, Кинтури?

— Тридцать восемь лѣтъ.

— Ого! Ну, такъ у васъ можетъ народиться еще съ полдюжины ребятъ. Сколько ихъ у васъ теперь?

— Девять живыхъ, да трое померло,—отвѣтилъ Кинтури, нѣсколько оживляясь. И онъ самодовольно выпрямился, ожидая отъ лавочника похвалы; но тотъ началъ его бранить.

— Слыханное ли это дѣло, Кинтури! Многіе состоятельные люди обѣднѣли бы, если бы имъ пришлось кормить такую кучу ребятъ. И зачѣмъ ихъ производить на свѣтъ въ такомъ количествѣ? Это прямо безразсудно!

Онъ наклонился къ самому уху Кинтури и началъ шептать, хотя они были одни въ лавкѣ.

Кинтури глазѣлъ на лавочника съ широко открытымъ ртомъ и никакъ не могъ понять, что тотъ ему говоритъ.

Въ эту минуту въ лавку вошла кучка рабочихъ съ лѣсопилки. А такъ какъ лавочникъ закончилъ свои совѣты, громко повторивъ: «Слыханное ли это дѣло, такая куча ребятишекъ!», то и рабочіе начали смѣяться надъ изобиліемъ у него дѣтей. И они начали громко разсуждать о томъ же, о чемъ лавочникъ только что шепталъ Кинтури на ухо. Они выражались очень грубо и цинично.

Кинтури былъ въ страшномъ смущеніи.

Онъ такъ рѣдко выѣзжалъ изъ своего лѣсного угла въ этотъ просвѣщенный свѣтъ, и каждый разъ онъ получалъ тяжелые удары, съ кѣмъ бы ни соприкасался здѣсь. Онъ старался смѣяться и говорить въ томъ же тонѣ, какъ и другіе, но на сердцѣ у него было тяжело, и онъ стремился поскорѣе опять скрыться въ лѣсу, какъ птица, залетѣвшая случайно въ человѣческое жилье.

Къ несчастью, въ лавку вошла еще толстая жена управляющаго,—она пришла покупать телятину и масло. Когда она услыхала, что лавочникъ упрекаетъ Кинтури въ бѣдности, то и она не пропустила удобнаго случая пустить нѣсколько шпилекъ по адресу торпара.

— Бѣдный! Лучше бы ужъ и не говорили о бѣдности. Когда

обзаводишься такой оравой дѣтей да пьешь, да покупаешь кофе и бѣлый хлѣбъ, то понятно, что и бѣднѣешь. Кто ихъ просилъ пить кофе, разъ они бѣдны!

Въ своемъ раздраженіи она быстро повернулась на каблукахъ.

У Кинтури явилось непреодолимое желаніе привскочить высоко въ воздухѣ и, какъ ястребъ, вцѣпиться ей въ шею, или просто схватить ее за шиворотъ и вышвырнуть за дверь. Этого хотѣла горячая кровь Кинтури, но праотцы совѣтовали: поклонись барынѣ повѣжливѣе и скажи: «такъ-то оно, такъ», и затѣмъ иди своей дорогой въ лѣсъ.

Кинтури всегда слушался праотцевъ. Онъ поклонился барынѣ со словами: «такъ-то оно, такъ». Однако въ слѣдующую минуту онъ наклонился надъ прилавкомъ, о который опирался обѣими руками, и попросилъ лавочника дѣловымъ и вѣжливымъ тономъ такъ, что барыня слышала, положить ему въ мѣшокъ на три марки лучшаго кофе и столько же сахару кусками—перваго сорта—«и пожалуй еще на марку бѣлаго хлѣба—онъ, кажется, свѣжій».

На эту месть у него, конечно, не было согласія праотцевъ, но зато онъ успокоилъ свою горячую кровь рабочаго—и его праотцы были удовлетворены.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ купецъ собралъ все, что Кинтури ему заказалъ. Барыня стала разсматривать мышеловку. Кинтури, который придумывалъ, какъ бы еще отмстить, взялъ мышеловку и кивнулъ лавочнику со словами: «Это я тоже беру».

И Кинтури наслаждался своей местью, несмотря на то, что слышалъ въ дверяхъ, какъ лавочникъ запрашивалъ съ барыни за телятину и за масло вдвое больше, чѣмъ самъ заплатилъ. «Повытряси-ка свою мошну, милая моя!»—подумалъ онъ, и у него явилось громадное желаніе самому вывернуть карманы барыни наизнанку.

Поведеніе лавочника ничуть не казалось Кинтури предосудительнымъ. Онъ находилъ, что лавочникъ поступаетъ только такъ, какъ того требуетъ его профессія, стараясь получить какъ можно больше выгоды въ ущербъ ему, Кинтури. Но эта барыня! Чортъ возьми, хорошо было бы вцѣпиться ей въ шею!

Кинтури поѣхалъ домой, но удрученное состояніе не покидало его, такъ какъ онъ продолжалъ думать о тѣхъ совѣтахъ, которые ему давали лавочникъ и рабочіе съ лѣсопилки. Однако, когда онъ свернулъ съ большой дороги и его глаза, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ лампы, снова привыкли къ темнотѣ, а запахъ керосина и салаки исчезъ изъ его носа и въ ушахъ пересталъ раздаваться рѣзкій звонъ лавочнаго колокольчика,—его стѣсненное сердце снова расши-

рилось; понемногу успокоясь, онъ сталъ наблюдать, какъ неподвижныя сосны, вырисовывавшіяся въ туманѣ, мало-по-малу превращались въ сплошную стѣну. Въ концѣ-концовъ онъ самъ какъ бы исчезъ въ глубокой тишинѣ этой такъ хорошо ему знакомой пустыни.

И вотъ Кинтури стало казаться, что мышеловка, которую онъ съ собой везъ, представляетъ собою волшебство, при помощи котораго онъ снова встанетъ на ноги. Вѣдь въ концѣ-концовъ, быть можетъ, безсонница и есть причина того упадка силъ, который его такъ испугалъ въ началѣ. Если только мыши перестанутъ мѣшать ему спать по ночамъ, то онъ снова будетъ работать, какъ волъ. Днемъ онъ будетъ исполнять свою обычную работу, но отъ ночи онъ будетъ урывать часика два, когда случается, что подъ утро свѣтитъ мѣсяцъ; и онъ будетъ понемногу вывозить изъ лѣса бревна на большую дорогу, а оттуда около Рождества, когда установится санный путь, онъ легко доставитъ ихъ на лѣсопилку и такимъ образомъ смѣло заработаетъ пятерку въ день. Путте не очень-то разборчивъ на кормъ. Стоитъ ему слегка посыпать сѣчку мукой, и онъ жуетъ ее себѣ всю ночь и не выражаетъ никакого недовольства.

Пріѣхавъ домой, Кинтури вытеръ своего Путте пучкомъ соломы, сгребъ въ конюшнѣ навозъ въ сторону, поставилъ сани подъ навѣсъ и вошелъ въ избу.

Семья уже поужинала.

Онъ поставилъ мышеловку на столъ, отдалъ кофе, хлѣбъ и сахаръ своей женѣ, Мари, и сѣлъ, не говоря ни слова, ѣсть картофель.

Мари вопросительно взглядывала на него, но молчала, потому что хорошо видѣла, что мужъ не расположенъ къ разговору. Ее очень удивило щедрое приношеніе кофе и другихъ припасовъ. Правда, Кинтури и въ болѣе тяжелыя времена всегда заботился о томъ, чтобы у Мари не было недостатка въ кофе, хотя самъ онъ былъ равнодушенъ къ этому напитку; но такое изобиліе кофе, да еще съ прибавкой бѣлаго хлѣба,—это было нѣчто необыкновенное, и у Мари явилось подозрѣніе, что мужъ хочетъ какъ-нибудь уколоть ее этимъ. Ее огорчило также и то, что Кинтури сидитъ и ѣстъ въ глубокомъ молчаніи, и никто изъ окружающихъ не знаетъ, о чемъ онъ думаетъ и что его удручаетъ.

Всѣхъ дѣтей въ избѣ было шестеро: пятеро маленькихъ и пятнадцатилѣтняя дѣвочка Ида. Какъ только отецъ пріѣхалъ, Ида сейчасъ же вышла съ дѣловымъ видомъ изъ избы и пошла въ конюшню задать корму Путте.

Кинтури совсѣмъ пропалъ бы безъ своей Иды,—она была его

утѣшеніемъ и радостью, и съ такой дѣвочкой,—говорилъ онъ,—не надо и мальчиковъ! Она давала окрикъ на лошадей не хуже стараго конюха, она переѣзжала по льду на островъ и привозила домой возъ сѣна, она колола дрова, держала лошади ноги во время подковыванья, накладывала на дровни жерди и боронила овсяное поле. Эта дѣвочка была зеницей ока Кинтури. Ее онъ не отпустилъ бы служить въ чужіе люди, если бы даже ему пришлось отдать ради нея послѣднее, что у него было.

Изъ меньшихъ дѣтей только одинъ былъ мальчикъ, остальные были все дѣвочки. Этого единственнаго мальчика звали Яковомъ.

Всѣ дѣти столпились вокругъ мышеловки и старались угадать, что это такое; дотронуться до нея никто не посмѣлъ изъ боязни отца, который былъ въ такомъ молчаливомъ настроеніи,—даже Яковъ, его любимецъ.

Кончивъ ѣсть, отецъ взялъ мышеловку, наполнилъ жестяной сосудъ водой, насыпалъ въ уголъ мышеловки крошекъ, оставшихся отъ ѣды и, приказавъ дѣтямъ ложиться спать, ушелъ въ смежную горницу, гдѣ и заперся.

Эту горницу онъ самъ пристроилъ къ избѣ года два тому назадъ и съ тѣхъ поръ спалъ тамъ отдѣльно отъ остальной семьи. Мари спала съ дѣтьми въ избѣ.

Войдя въ горницу, Кинтури поставилъ мышеловку въ уголъ между печкой и стѣной, гдѣ у мышей была лазейка, и бросился на постель.

Онъ лежалъ тихо, и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ углу заскребла мышь.

Она навѣрное разсматриваетъ теперь мышеловку со всѣхъ сторонъ. Вотъ она дотронулась до нея, вотъ загремѣла одна изъ подвижныхъ частей мышеловки.

Потомъ все затихло и долго ничего не было слышно.

Мысли Кинтури покинули мышеловку и пошли своимъ обычнымъ порядкомъ. Сперва, какъ и всегда за послѣднее время, онѣ остановились на обыскѣ, который такъ взволновалъ Кинтури и перевернулъ всю его жизнь. Кинтури вспомнилъ сцену съ хозяиномъ, съ которымъ онъ вошелъ въ такія рѣзкія пререканія. Потомъ онъ перенесся въ далекія времена, когда онъ только что женился на Мари и принялъ отъ отца этотъ торпъ.

Въ углу опять загремѣло.

Эта шельма гремитъ себѣ только, а въ мышеловку не входитъ!

Вѣроятно, ее поражаетъ блестящая жесть. И Кинтури всталъ съ постели, взялъ изъ печки золы, поплевалъ на нее и замазалъ ею жестяную кружку въ мышеловкѣ.

Потомъ онъ опять тихо улегся въ постель и сталъ ждать. А мысли снова стали тѣсниться въ его головѣ и безпорядочно неслись впередъ, какъ десятокъ деревенскихъ лошадей, впряженныхъ въ треугольникъ для расчистки дороги отъ снѣга. Такъ начинается долгая безсонная ночь.

На подоконникъ упали косые лучи луны. Изъ этого Кинтури заключилъ, что было уже за полночь. До него ясно доносилось изъ избы спокойное храпѣніе Мари—его Мари, съ которой онъ прожилъ вмѣстѣ лучшіе годы своей жизни. Прежде, когда они спали вмѣстѣ въ избѣ въ общей кровати и когда мысли начинали одолѣвать его, ему стоило только повернуть голову такъ, чтобы она прислонилась къ плечу спящей Мари—и онъ сейчасъ же успокаивался и засыпалъ.

Но вотъ уже два года, какъ они спятъ врозь. Какъ Кинтури, такъ и Мари много думали о томъ, насчетъ чего предостерегалъ лавочникъ, но они не нашли никакого средства выйти изъ затрудненія и только старались отвыкнуть другъ отъ друга. Правда, послѣдній ребенокъ служилъ доказательствомъ того, что Кинтури не обладалъ въ достаточной степени силой воли, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ пристроилъ себѣ горницу, онъ очень скоро привыкъ къ новому положенію вещей. Къ этому разводу много способствовало и то обстоятельство, что Кинтури во избѣжаніе проявленія какой бы то ни было нѣжности, напустилъ на себя суровость и сварливость. Однако Мари составила себѣ совсѣмъ иное понятіе о причинѣ его суровости: она увѣрила себя въ томъ, что Кинтури просто разлюбилъ ее. И она зажила своей собственной жизнью въ обществѣ своихъ дѣтей. Конечно, она не могла подозрѣвать, на какія хлѣбородныя поля Кинтури выводилъ ее, на какихъ прекрасныхъ лошадяхъ съ серебряной сбруей онъ ее каталъ и какіе золотые дворцы онъ для нея строилъ... во время безсонныхъ ночей, когда онъ переворачивался въ своей постели съ боку на бокъ.

И вотъ передъ Кинтури снова пронеслась вся исторія его женитьбы и его совмѣстной жизни съ Мари вплоть до этого дня.

Ему было только двадцать два года въ то лѣто, когда онъ въ первый разъ увидалъ Мари. А Мари только что исполнилось восемнадцать лѣтъ; она была высокая, стройная дѣвушка съ узломъ мягкихъ волосъ, завернутыхъ высоко на темени, и въ широкихъ модныхъ рукавахъ. Она пріѣхала съ господами, у которыхъ служила горничной.

Что это были за господа—Кинтури такъ и не зналъ до сихъ поръ хорошенько. Какъ перелетныя птицы, которыя опускаются то тутъ, то тамъ, такъ и эти господа совершенно случайно попали это лѣто

въ ту мѣстность. Тогда тамъ появились блѣдполицыя барышни съ разноцвѣтными зонтиками, молодые люди въ блузахъ и короткихъ штанахъ, барыни и баре. Всѣ они говорили по-фински, но, несмотря на это, понимать ихъ было очень трудно. Они ходили осматривать весенніе ручейки, принимали ягнятъ за телятъ и очень нѣжно относились ко всѣмъ живымъ существамъ.

— О, что за великолѣпная сосна! Посмотрите на эти вѣтви, сколько мощи въ нихъ, какъ красиво онѣ извиваются!

Таковъ былъ ихъ разговоръ. А иногда они садились и начинали рисовать эти сосны. Иногда они прислушивались къ ихъ шуму; любовались облаками; протягивали руки къ озеру и говорили о родинѣ. Все имъ нравилось, все ихъ трогало, они даже собирали камешки и оплакивали цвѣточки, когда приближалось время сѣнокоса. Хозяинъ двора, гдѣ они жили, какъ будто понималъ ихъ немного, но остальные совсѣмъ ихъ не понимали. Но потому-то у хозяина и вскружило голову, и отъ этого произошло много зла. Дѣло въ томъ, что и онъ заговорилъ объ отечествѣ, надѣлъ на своихъ дочерей шляпы и отдалъ ихъ въ школу. Мало-по-малу онъ пріобрѣлъ привычки господъ и его земля должна была приносить ему больше денегъ. Онъ началъ продавать лѣсъ. Для начала онъ продалъ лѣсъ изъ родового торпа Кинтури, тотъ лѣсъ, изъ котораго Кинтури бралъ бревна и другой строевой матеріалъ. Съ этого и начались недовольства между торпаромъ и хозяиномъ. Развѣ допустимо что-либо подобное? Теперь на долю этого торпа выпала новая тягота, такъ какъ весь строевой матеріалъ приходилось покупать. Но этого мало.

Однажды, собирая въ лѣсу грибы, господа подошли къ избѣ Кинтури. Они пришли въ восторгъ отъ живописнаго мыса, на которомъ былъ расположенъ торпъ, и вступили въ переговоры съ хозяиномъ о покупкѣ этого мѣста подъ дачу. Тогда между хозяиномъ и семьей Кинтури произошли большія недоразумѣнія, такъ какъ хозяину очень хотѣлось продать торпъ, а старый Кинтури негодовалъ на хозяина за то, что тотъ посмѣлъ подумать о чемъ-либо подобномъ. Отецъ Кинтури и дѣдъ его воздѣлали этотъ торпъ на берегу лѣсного озера въ пустынномъ мѣстѣ и для вѣрности обнесли его даже каменной оградой, на сооруженіе которой дѣдъ пожертвовалъ лучшими годами своей жизни. Хозяинъ объявилъ тогда, слѣдуя совѣтамъ господъ, что собственно говоря, такого закона нѣтъ, который защищалъ бы права на извѣстный участокъ земли того, кто обнесъ этотъ участокъ каменной изгородью, и что единственное законное удостовѣреніе въ правахъ собственности представляетъ собою бумага, которой однако въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Съ этого началась ненависть всѣхъ Кинтури къ господамъ вообще. Имъ и потомъ не разъ еще приходилось защищать свой торпъ отъ посягательствъ господъ. Но въ тотъ разъ дѣло кончилось бы очень плохо для Кинтури, если бы господская служанка Мари, въ которую влюбился Кинтури, не спасла ему торпъ.

Мари увѣрила своихъ господъ, что поблизости отъ этого мѣста лѣсъ кишитъ змѣями. Это такъ напугало господъ, что всѣ переговоры о покупкѣ торпа сейчасъ же прекратились.

Изъ этого хитроумнаго поступка Мари Кинтури вывелъ то заключеніе, что и она любитъ его, и онъ влюбился въ нее еще больше.

И Кинтури воскресилъ теперь въ своей памяти это время до мельчайшихъ подробностей. Онъ вспомнилъ, съ какимъ трудомъ ему удавалось вначалѣ говорить съ Мари въ кухнѣ, какъ они едва успѣвали обмѣниваться нѣсколькими словами, но уже изъ этихъ словъ поняли, что любятъ другъ друга, какая это была радость для нихъ, какъ онъ потомъ началъ приходить въ кухню въ отсутствіи господъ, и наконецъ позже вечеромъ, когда господа уже спали; какъ Мари отчасти вслѣдствіе этого должна была оставить свое мѣсто, какъ они потомъ поженились, какъ отецъ передалъ ему торпъ и какъ хозяинъ на это согласился подъ условіемъ, что оброкъ увеличивался почти вдвое противъ прежняго.

Слѣдствіемъ этого новаго оброка было то, что Кинтури сразу пришлось очень туго. Но онъ былъ молодъ и могъ работать, какъ волъ. Дѣти у нихъ появлялись на свѣтъ почти каждый годъ; два раза родились двойни. Мари также было не легко. Узелъ волосъ на ея темени съ каждымъ годомъ, какъ будто, спускался все ниже и ниже; большую уборку въ избѣ она производила все рѣже, посуда не блестѣла больше, какъ прежде, она перестала сажать цвѣты и завѣшивать свои окна гардинами, а этотъ хорошій обычай она переняла отъ своихъ господъ и старалась какъ можно дольше соблюдать его. Дѣти оборвали украшенія съ полокъ, запачкали обои и наколотили некрасивые знаки на столахъ и стульяхъ. Въ концѣ концовъ Мари пришла къ тому заключенію, что чистота слишкомъ тяжелая обуза для жены торпара со множествомъ дѣтей. Мало-по-малу она потеряла свой прежній обликъ и превратилась въ обыкновенную крестьянку; и она забыла бы совершенно всѣ господскія привычки, если бы Кинтури самъ не желалъ, чтобы она ихъ не бросала. Кинтури ни за что не хотѣлъ сознаться, что онъ не доставилъ Мари той жизни, которой она была достойна. И онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы Мари не чувствовала тисковъ бѣдности. А потому-то у Мари всегда долженъ

былъ быть кофе съ сахаромъ, и свое платье она должна была шить такъ же нарядно, какъ и прежде.

Самъ онъ уже давно замѣтилъ къ своему ужасу, что дѣла его становились все хуже и хуже.

По мѣрѣ того, какъ проходила ночь, мысли Кинтури становились все мрачнѣе. Онъ началъ подсчитывать свои долги, сперва съ одного конца, потомъ съ другого, сперва безъ процентовъ, потомъ съ процентами. Въ полумракѣ, въ которомъ смутно выдѣлялось лишь окно на фонѣ луннаго свѣта, пробивавшагося сквозь облака, въ полной тишинѣ, не нарушаемой ни дѣтскимъ пѣньемъ, ни возней Мари, его духовное око раскрылось шире, и ничто не скрывало отъ него грозной дѣйствительности во всей ея наготѣ, и чѣмъ дальше онъ подсчитывалъ свои долги, тѣмъ яснѣе понималъ, что для него нѣтъ никакого спасенія. Сегодня для него угасла послѣдняя надежда. Лавочникъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ его, когда Кинтури заговорилъ съ нимъ о своемъ денежномъ затрудненіи; а лавочникъ былъ единственный человѣкъ, къ которому Кинтури могъ обратиться за помощью. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что̀ именно теперь послѣдуетъ. Хозяинъ, конечно, отниметъ отъ него торпъ на томъ основаніи, что Кинтури не можетъ уплатить ему долга,—и торпъ продадутъ какому-нибудь чужому человѣку.

Но это не должно случиться, нѣтъ, никогда, никогда!

Онъ перевернетъ сотни тунландовъ земли и выкопаетъ тысячи саженъ канавы, но позоръ разоренія никогда не падетъ на его голову. Онъ никогда не попадетъ въ богадѣльню и не позволитъ своимъ дѣтямъ разсѣяться по бѣлу свѣту. Нѣтъ, никогда! Передъ этимъ страшнымъ призракомъ силы Кинтури удесятеряются и онъ превращается въ сказочнаго богатыря. Но въ то же время въ головѣ Кинтури проносится другая мысль: послушай, Кинтури, вѣдь ты теперь больше не тотъ, что былъ въ молодости,—человѣкъ съ неизсякаемой силой и стальными нервами. За послѣднее время ты ослабѣлъ, и у тебя явилась потребность въ отдыхѣ. Это была страшная мысль, она покрыла все тѣло Кинтури холоднымъ потомъ, она сдавила ему грудь и стѣснила дыханіе. Ибо если ему измѣнятъ силы, то потухнетъ и послѣдняя искра надежды. И передъ Кинтури встаетъ наводящая ужасъ картина: онъ видитъ, какъ его семья покидаетъ родной торпъ и его Ида въ послѣдній разъ слышитъ ржаніе Путте. Нѣтъ, никогда!

Мучимый такими мыслями, Кинтури метался по своей постели и возбуждался все больше и больше. Несмотря на то, что онъ не спалъ, его душилъ кошмаръ: грозная картина разоренія росла надъ нимъ,

надвигалась на него съ боковъ, онъ чувствовалъ ее подъ собой, на себѣ,—вотъ, вотъ она задушитъ его!

И вдругъ въ его головѣ пронеслась безумная мысль: отворить дверь, войти въ избу, разбудить Мари и лечь рядомъ съ ней, чтобы выплакаться. Мари обовьется своими руками вокругъ его шеи, будетъ утѣшать его и ласкать—и онъ забудетъ съ ней всѣ свои заботы. И Кинтури охватило такое блаженное чувство, его сердце такъ сладко забилось при этой мысли, что онъ дѣйствительно всталъ съ постели и, шатаясь, пошелъ къ двери.

Но въ то же мгновеніе тысячи голосовъ закричали ему:

— Что ты дѣлаешь, Кинтури! Развѣ ты не принялъ твердаго рѣшенія держаться въ сторонѣ отъ избы.

Кинтури отвѣтилъ:

— Развѣ я не могу выплакать у нея свое горе? Или она больше не *моя* Мари?

И когда онъ при этомъ посмотрѣлъ на свою постель, то ему показалось, что лечь на нее—это все равно, что отправиться на дыбы.

— Кинтури, вернись и лягъ!—кричали ему голоса.

Но Кинтури направился невѣрными шагами къ двери. Кровь горячей волной приливала къ его сердцу, и онъ содрогался передъ тѣмъ, что дѣлаетъ. Онъ растворилъ дверь и вошелъ въ избу.

Мари проснулась въ ту же минуту, приподнялась въ постели и, ничего не понимая спросонья, спросила рѣзко:

— Что тебѣ надо?

Кинтури сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то на печкѣ и отвѣтилъ болѣе грубо, чѣмъ обыкновенно:

— Куда, къ чорту, дѣвала ты кружку съ квасомъ?

— Да она на верстакѣ,—отвѣтила Мари и перевернулась на другой бокъ лицомъ къ стѣнѣ.

Кинтури подошелъ къ верстаку и отпилъ нѣсколькими большими глотками кислой жидкости. Когда онъ кончилъ пить, то по ровному дыханію Мари онъ услыхалъ, что она уже заснула.

Тогда онъ повернулся и пошелъ въ свою комнату.

Глубоко вздыхая и чувствуя изнеможеніе во всемъ тѣлѣ, онъ бросился на постель и сталъ разговаривать со своими праотцами, стараясь увѣрить ихъ, что онъ дѣйствительно ходилъ въ избу только для того, чтобы напиться. И онъ удостоился отъ своихъ праотцевъ похвалы за свою стойкость.

Потомъ на него вдругъ нашла истома, его глаза закрылись, и совершенно незамѣтно для него самого его мысли вдругъ перенеслись въ благодатную страну свободы.

О, что за покой, что за тишина царятъ въ странѣ блаженныхъ! Солнце сіяетъ, раздается пѣніе жаворонковъ. Самъ Кинтури идетъ за плугомъ по плодородной нивѣ Создателя; рыхлая, черная земля мягко разворачивается подъ плугомъ, а въ бороздахъ скачутъ трясогузки. Изгородей нигдѣ не видать, не видно также и межевыхъ камней, а каждый владѣетъ тѣмъ участкомъ земли, который онъ самъ для себя обработалъ. Дѣти не приносятъ съ собой бѣдности и заботы, а однѣ лишь радость и богатство, потому что они не служатъ обузой. Мальчики ухаживаютъ за молодыми жеребятами, дѣвочки няньчаютъ маленькихъ дѣтей, и у каждаго есть своя любимая работа на родномъ дворѣ. Вотъ Августъ уже идетъ къ пашнѣ: «Отецъ, дай мнѣ окончить работу»,—говоритъ онъ. «Кончай себѣ!» И сынъ поднимаетъ плугъ съ молодой мощью, трясетъ его, поворачиваетъ и начинаетъ новую борозду. Кинтури садится на край канавы, вытираетъ потъ и съ тихой радостью любуется напряженными мускулами сына. Потомъ онъ встаетъ, набиваетъ свою трубку и медленно направляется къ дому. Уже издали до него доносятся удары ткацкаго станка Мари. На дворѣ онъ беретъ на руки младшаго ребенка и идетъ съ нимъ въ избу. Отворивъ дверь, онъ останавливается на порогѣ. Мари ихъ не замѣчаетъ, она продолжаетъ шумѣть станкомъ и усердно ткетъ. Ея волосы собраны въ мягкій узелъ высоко на затылкѣ, на ней надѣтъ лифъ безъ рукавовъ, а рукава сорочки не доходятъ и до локтей, на ногахъ одни чулки. Однако ребенокъ не хочетъ въ избу, онъ хочетъ идти опять на дворъ играть, и Кинтури опускаетъ его на полъ. Тогда Мари отворачивается отъ ткацкаго станка и смотритъ на него съ ласковой улыбкой. Одно мгновеніе они смотрятъ другъ на друга и читаютъ другъ у друга въ мысляхъ. Кинтури кажется, будто онъ ей говоритъ: «Хотя въ этой небесной странѣ появленіе на свѣтъ ребенка и приноситъ съ собой лишь благословеніе и счастіе, но я всетаки буду держаться вдали отъ тебя, моя милая Марія, потому что я не хочу быть причиной новыхъ страданій для тебя, не хочу еще больше подрывать твои ослабѣвшія силы и давать еще больше работы твоимъ слабымъ рукамъ».

А Мари какъ будто отвѣчаетъ ему съ ткацкаго станка:

«Ты говоришь такъ, словно ты не забылъ еще жалкой земли со всѣми ея заботами. Развѣ ты не видишь, что дочери мои уже выросли, и что онѣ пасутъ ягнятъ и няньчаютъ маленькихъ дѣтей? И если бы даже меня ожидали самыя ужасныя страданія и въ днѣ не хватало бы часовъ для моей работы, то я всетаки не оттолкнула бы тебя, если бы ты пришелъ ко мнѣ за утѣшеніемъ. А если бы небо

благословило меня, то неужели ты думаешь, что я изъ боязни труда оттолкнула бы его великіе дары?»

Когда Кинтури прочелъ эти мысли у Мари, его охватило чувство такого великаго, ошеломляющаго счастія, что онъ весь затрепеталъ. И онъ сдѣлалъ по направленію къ Мари два шага.

И Мари также встала изъ-за станка и пошла къ нему навстрѣчу.

Но какъ разъ въ то мгновеніе, когда Мари подошла къ нему и уже протянула руки, чтобы обнять его за шею, что-то хлопнуло, и Кинтури проснулся и сѣлъ въ постели.

Все было по старому. Блѣдная луна едва свѣтитъ сквозь завѣсу тумана и уже зашла за окно. Буря треплетъ старыя, обнаженныя вѣтви березы передъ окномъ. Августъ на заработкѣ въ городѣ, самъ Кинтури обязанъ отбывать хозяину четыре дня барщины въ недѣлю; лавочнику запродана вся телятина и все масло; Хильда служитъ въ городѣ у господъ, а Ида ходитъ за Путте въ конюшнѣ.

Но что это былъ за стукъ?

Теперь въ комнатѣ царила снова полная тишина. Но вотъ черезъ нѣсколько минутъ послышалось, какъ мышь грызетъ желѣзную рѣшетку. Тогда Кинтури понялъ, что стукъ, разбудившій его, произошелъ отъ того, что мышеловка захлопнулась.

Значитъ, мышь въ концѣ-концевъ попалась-таки въ ловушку. Она безпокойно грызла рѣшетку, потомъ переставала грызть, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, и затѣмъ снова грызла. Однако въ верхнюю клѣтку она такъ и не забралась.

Кинтури всталъ съ постели, пошелъ согнувшись въ уголъ и поднялъ съ пола мышеловку. Въ переднемъ отдѣленіи мышеловки, прижавшись въ уголъ, сидѣла мышь. При слабомъ отблескѣ луннаго свѣта можно было ясно различить только ея черные глазки, которые съ невыразимымъ ужасомъ смотрѣли на Кинтури изъ-за желѣзной рѣшетки. Очевидно, мышь ждала перваго удобнаго мгновенія, чтобы какъ-нибудь спастись.

— Ты, я вижу, мышиная матка,—заговорилъ Кинтури,—видно также, что ты вовсе и не думаешь, что гибель твоя неизбѣжна, ты и понятія не имѣешь о томъ, какая это удивительная ловушка. А я тебѣ скажу, что теперь тебѣ пришелъ конецъ.

И Кинтури просунулъ сквозь рѣшетку гвоздь, которымъ хотѣлъ заколоть мышь.

— Ишь, какая шельма! Тебѣ хочется вцѣпиться въ гвоздь зубами? Попробуй только! Небось, гвоздя зубами не перегрызешь! А то, быть можетъ, тебѣ пріятнѣе утонуть, а?

Но мышь упорно отказывалась идти въ клѣтку надъ сосудомъ съ водой, какъ Кинтури ее туда ни загонялъ.

— Не все ли равно, бѣдная мышка, какъ умереть: свалиться въ воду или попасть на гвоздь? А? Какъ ты думаешь? Ты все еще смотришь? Можетъ быть, у тебя въ норкѣ остались мышата, и они пищатъ тамъ теперь? Конечно, и на ихъ долю должно было перепасть крошекъ изъ мышеловки? Да, да, они поджидаютъ тебя: «мама скоро придетъ, мама такая умная, она въ мышеловку не попадетъ». А ты всетаки попала въ ловушку. Да и самъ папа когда-нибудь попадетъ сюда. Можетъ быть, онъ умнѣе всей своей семьи, а онъ всетаки попадетъ въ мышеловку. Да, скажу я тебѣ, бываетъ, что и папѣ приходится очень плохо, хотя дѣти и не подозрѣваютъ этого, когда они вечеромъ у очага взбираются къ нему на колѣни, обнимаютъ его и болтаютъ съ нимъ, стараясь научиться у него уму-разуму. Нѣтъ, бѣдная мышка! Намъ съ тобой выхода нѣтъ! Желѣзную рѣшетку зубами не перегрызешь, а спасенія ожидать не отъ кого...

Но вдругъ Кинтури спохватился и замѣтилъ, что сидитъ на полу, и что на глазахъ у него слезы, и ему стало досадно на себя. Онъ пошелъ съ мышеловкой къ наружной двери, растворилъ ее и швырнулъ мышеловку на сугробъ снѣга. При этомъ онъ нарочно далъ раскрыться жестяной задвижкѣ въ мышеловкѣ, такъ что мышь выскочила изъ нее въ то время, какъ она летѣла по воздуху. Видно было, какъ какой-то темный клубочекъ упалъ на снѣгъ и въ слѣдующее мгновеніе скрылся подъ домомъ.

Кинтури снова заперся въ своей комнатѣ и началъ натягивать на себя штаны. Онъ хотѣлъ воспользоваться луннымъ свѣтомъ въ этотъ ранній утренній часъ, чтобы навозить изъ лѣсу бревенъ къ большой дорогѣ. А оттуда онъ собирался передъ Рождествомъ свезти ихъ на лѣсопилку.

II.

Коробейникъ.

— Что это за шумъ? — спрашивали другъ друга деревенскіе мальчики, навостряя уши.

— Что тамъ такое везутъ?—удивлялись прачки на берегу

— Это сюда везутъ что-то,—рѣшили работники, точившіе свои косы на точильномъ камнѣ, и бросились навстрѣчу приближавшемуся громыханію.

А за ними побѣжали всѣ,—мальчики, бабы, мужики, чтобы поскорѣе увидать, откуда происходитъ этотъ необыкновенный шумъ, доносившійся съ дороги, которая вела на кузницу.

Коробейникъ, направлявшійся въ деревню, поднимался какъ разъ со своей тяжелой ношей по крутому береговому косогору, изъ-за котораго онъ видѣлъ только край неба. Обливаясь потомъ, онъ дошелъ до половины горы, и тогда только обратилъ вниманіе на странный шумъ и сталъ оглядываться по сторонамъ.

Навстрѣчу ему съ горы спускалась сѣнокосилка, которую только что купилъ себѣ хозяинъ имѣнія Ваниккала. Теперь сѣнокосилку везли на береговой лугъ; машину тянуло подъ гору, и пара лошадей, впряженныхъ въ нее, съ силою упиралась ногами въ землю. Желтыя колеса, красныя оси и сверкавшія на солнцѣ стальныя части машины бросались въ глаза издали и ослѣпляли своими яркими красками. Кузнецъ, тугоухій и раздражительный человѣкъ, трясся въ корзинкѣ, приспособленной для сидѣнья, и старался успокоить лошадей, пугавшихся громыханья металлическихъ частей. Темные силуэты мальчиковъ, вырисовывавшихся на свѣтломъ фонѣ неба, казались коробейнику пляшущими чертенятами. За мальчиками показались мужчины, а за мужчинами бѣжали женщины съ развѣвающимися юбками.

Бородатый коробейникъ съ раздраженіемъ махнулъ рукой. «Ишь, не видали раньше такого дива!» Люди бѣгутъ, какъ сумасшедшіе, и даже не замѣчаютъ его, Михаила. А раньше, бывало, стоило ему только показаться въ деревнѣ, какъ вокругъ него собиралась толпа, и онъ сидѣлъ, словно король, среди своихъ товаровъ, разложенныхъ на пригоркѣ или на полу въ какой-нибудь избѣ. Теперь всѣ бѣгутъ мимо него, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія; никто не спроситъ даже, что новенькаго онъ принесъ въ своемъ коробѣ, какіе у него есть ситцы, ленты, матеріи, пуговицы, бусы, кошельки, записныя книжки, платки, цѣпочки, кольца.

— Противная машина! Чтобъ ей провалиться!

Коробейникъ сталъ снова взбираться на гору, и когда онъ, наконецъ, дошелъ до вершины, то передъ его глазами раскинулась безлюдная деревня. Тяжело дыша, онъ свалилъ со своей спины тяжелую ношу на камень, самъ сѣлъ на землю и, бросивъ фуражку рядомъ съ собой, сталъ вытирать краснымъ клѣтчатымъ платкомъ потъ съ лысой головы.

Скотина! Сѣнокоса еще нигдѣ не начали, но видно, что машину эту онъ себѣ только что завелъ, разъ у него нѣтъ терпѣнія дождаться настоящаго времени для сѣнокоса и разъ онъ даже не обращаетъ вниманія на грозовую тучу. А Михаилъ, точно нарочно, постарался выбрать лучшее время для этой деревни, такое время, когда мужчины еще заняты приготовленіемъ граблей на сѣновалахъ, а женщины не-

кутъ хлѣбъ и заготовляютъ пиво къ сѣнокосу. Никогда еще во всю его жизнь ему не приходилось совершать такого несчастнаго путешествія, какъ въ эту весну, и никогда еще собаки не лаяли на него съ такой яростью. Но, конечно, ничего другого и нельзя было ожидать: вѣдь онъ забылъ поставить свѣчку передъ иконой преподобнаго Михаила, прежде чѣмъ отправиться въ путь!

И вотъ рабъ божій Михаилъ погрузился въ размышленія по поводу превратности судьбы, и главнымъ образомъ по поводу той странной путаницы, которая происходила въ послѣднее время. Больше десяти лѣтъ онъ странствуетъ по Финляндіи, но никогда еще чувство тоски не овладѣвало имъ съ такой силой, и онъ не зналъ, какъ избавиться отъ него.

Ужъ не вернуться ли домой, къ роднымъ полямъ Карелін? Но тамъ не ждетъ его наслѣдство послѣ отца, тамъ для него нѣтъ земли, тамъ онъ можетъ быть только батракомъ у чужого человѣка. А въ качествѣ батрака Михаилъ не хочетъ идти за плугомъ, не хочетъ вытаскивать изъ воды неводъ или выслѣживать въ лѣсу дичь. Нѣтъ, лучше Михаилъ будетъ бродить съ коробомъ на спинѣ и пойдетъ куда глаза глядятъ, но зато онъ останется свободнымъ и самъ будетъ выбирать себѣ работу. Лучше это, нежели въ качествѣ наемника рыть канавы на чужой землѣ или вязать чужой частоколъ. Правда, онъ живетъ бобылемъ, но зато онъ свободенъ!

Встарину, говорятъ, все было иначе.

Покойный отецъ разсказывалъ, что были времена, когда людямъ не надо было уходить изъ родного края, чтобы торговать, а всѣ жили въ насиженныхъ мѣстахъ своихъ дѣдовъ. Братья и сестры, зятья и невѣстки, шурины и золовки всѣ жили въ одной деревнѣ вокругъ стараго дѣда. Покойный отецъ не разъ разсказывалъ, какъ, бывало, въ его молодые годы всѣ односельчане собирались въ сумерки въ сосновой избѣ, а къ нимъ присоединялись поселяне и изъ чужихъ деревень. Тогда люди находили время собираться вмѣстѣ. Эти чужіе пѣли рука объ руку со старымъ дѣдомъ, а остальные, женщины и мужчины, слушали съ улыбающимися лицами, сидя на длинныхъ лавкахъ вокругъ стѣнъ избы. Пѣвцы пѣли и разсказывали о свободныхъ герояхъ Калевалы, о народѣ, который не былъ въ рабствѣ и на оброкѣ у чужихъ баръ, а подчинялся лишь королю-пѣвцу и учился мудрости у кузнеца Ильмаринена.

Но вотъ пришли чужіе люди, забравшіе въ свои руки власть, и они запретили всякую охоту въ лѣсахъ. Въ странѣ наступили тяжелыя времена. Тогда отецъ сказалъ дѣду: «Оброковъ платить я не буду, я продамъ свое наслѣдство и пойду искать поденной работы на

фабрикахъ». Но дѣдъ отвѣтилъ съ печки: «Лѣса у тебя отнять могутъ, но не разумъ; если у тебя и отнимутъ лѣса, то это еще не значитъ, что ты сейчасъ же долженъ идти въ батраки къ господамъ. Нѣтъ, Онтрей, сынъ мой, возьми-ка лучше на плечи коробъ, наполни его мелкимъ фабричнымъ товаромъ и пойди торговать по бѣлусвѣту! Если здѣсь нѣтъ свободы, то, быть можетъ, она найдется въ другомъ мѣстѣ. Свѣтъ широкъ, границъ ему нѣтъ; тотъ же вѣтеръ дуетъ повсюду, вездѣ то же солнце, та же луна, и люди вездѣ тѣ же. Ахъ, не продавай своей свободы! Карелъ не можетъ служить батракомъ!»

Михаилъ вспомнилъ и то, что его старикъ отецъ сказалъ ему, когда онъ въ первый разъ одинъ отправлялся за финскую границу: «Тебя встрѣтятъ двѣ непріятности; первая—это финскій ленсманъ, вторая—твоя собственная тоска. Ленсмана ты долженъ стараться избѣгать, а тоску не подпускай къ себѣ близко». И чтобы онъ могъ противостоять тоскѣ, его отецъ уже давно, когда онъ еще мальчикомъ ходилъ съ нимъ въ Лиминго и на Кеми, или когда они бродили по окрестностямъ Або и по богатымъ берегамъ Кумо, постарался запечатлѣть въ его памяти старыя пѣсни его родины. Но въ тѣ времена Михаилъ не сумѣлъ оцѣнить этого. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, и онъ забылъ родныя пѣсни, потому что онѣ не были ему нужны. Но теперь онъ почувствовалъ въ нихъ потребность. Теперь—теперь онъ хотѣлъ бы припомнить ихъ. Онъ запѣлъ было одну изъ нихъ, слова вертѣлись у него на языкѣ, онъ произнесъ одну или двѣ руны, «но какъ же это было дальше?» и «нѣтъ, это было не такъ», и онъ замолкъ. Михаилъ почувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, и тоска все глубже и глубже закрадывалась въ его душу.

Предостереженія его отца относительно ленсмана не имѣли больше значенія. Ленсманы стали теперь друзьями Михаила—объ этомъ его отецъ едва ли смѣлъ мечтать когда-нибудь—такъ что въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ спокоенъ. Было нѣчто гораздо болѣе непріятное. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прежде лучше всего торговалъ, теперь къ нему совершенно охладѣли. Куда онъ прежде, избѣгая парадnаго входа, какъ свой человѣкъ, входилъ съ кухоннаго крыльца, въ тѣхъ большихъ усадьбахъ, гдѣ прежде, бывало, господа собирались въ кухнѣ вокругъ его короба и, смѣясь, старались скрыть его отъ глазъ ленсмана или мѣстнаго купца, тамъ теперь тѣ же господа выгоняли его изъ кухни и травили на него собакъ. Почему же весь свѣтъ точно перевернулся теперь вверхъ дномъ? Теперь онъ заходилъ со своимъ коробомъ только въ бѣдныя лѣсныя избушки, гдѣ больше глазѣли на его товары и почти ничего не покупали у него.

Чтобы имъ пусто было, этимъ толстолобымъ финскимъ торпарамъ! Михаилъ не могъ ихъ терпѣть. Эти несчастные угнетенные крестьянскіе рабы представлялись ему слезливыми забитыми старыми бабами.

И Михаилъ съ досадой махнулъ рукой на всѣ эти непріятныя мысли и попробовалъ было снова запѣть, но не могъ припомнить словъ пѣсни. Тогда онъ перевернулся на животъ, положилъ голову на руки и, уткнувшись бородатымъ лицомъ въ траву, принудилъ себя заснуть.

Между тѣмъ сѣнокосилку привезли къ берегу на самый конецъ длиннаго клевернаго луга.

Всѣ деревенскія дѣти, а также всѣ взрослые, которымъ хоть на минуту удалось оставить работу, прибѣжали къ воротамъ берегового луга, куда въѣхалъ кузнецъ съ сѣнокосилкой.

Ждали только хозяина.

Кузнецъ еще разъ осмотрѣлъ различныя части машины и кое-гдѣ смазалъ масломъ. Мальчики кучками стояли вокругъ, но держались тихо изъ страха передъ сердитымъ кузнецомъ.

Взрослые также стояли молча.

Причиной этому было присутствіе молодого барина изъ Гельсингфорса, который жилъ въ верхнемъ этажѣ въ усадьбѣ Ваниккола. Большая часть обитателей деревни въ первый разъ видѣла его вблизи. И ихъ любопытство въ одинаковой степени относилось какъ къ молодому барину, такъ и къ сѣнокосилкѣ. Съ раскрытыми ртами они разсматривали всѣ подробности его внѣшности: его позу, его платье, цѣпочку отъ часовъ, воротникъ, его странные на тонкихъ подошвахъ и пуговицахъ башмаки и его длинную, очень хорошую папиросу.

Всѣ находили, что онъ очень красивъ. Его носъ былъ изящно согнутъ, на верхней губѣ выдѣлялись темные усы, а на подбородкѣ красовалась маленькая бородка.

Правда, что здѣсь уже раньше видали много господъ. Но теперь у людей были особыя причины къ любопытству. Объ этомъ важномъ молодомъ баринѣ ходили по деревнѣ странные слухи. Увѣряли, что его отецъ, высокопоставленный военный, послалъ своего сына въ деревню на исправленіе, такъ какъ въ городѣ онъ велъ слишкомъ шумный образъ жизни. Однако, несмотря на всѣ эти слухи, онъ все-таки не обращалъ бы на себя такого вниманія, если бы онъ не былъ такъ красивъ и такъ изященъ. Многіе совсѣмъ забыли, зачѣмъ прибѣжали сюда, и стояли съ широко раскрытыми ртами, пожирая его глазами. Они были поражены тѣмъ, что такого барина послали на

исправленіе въ *деревню,* гдѣ не было ни больницъ, ни санаторій, а были только луга и пустынныя болота.

Молодой человѣкъ стоялъ у воротъ, черезъ которыя въѣхала сѣнокосилка. У него было блѣдное и худое лицо со впалыми щеками. Онъ съ увлеченіемъ сосалъ свою папиросу, втягивая щеки, и его каріе глаза разсѣянно переходили съ одного предмета на другой. По-видимому, онъ замѣтилъ, что былъ причиной воцарившейся тишины, но онъ не могъ придумать никакого предлога, чтобы подойти къ этимъ людямъ, и онъ давно ушелъ бы отъ перекрестнаго огня любопытныхъ взоровъ, если бы его не останавливало желаніе посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ машина на крестьянъ. Вѣдь эта машина со всѣми ея необыкновенными колесами и зубьями была изобрѣтеніемъ *его* класса, и въ этой мысли онъ находилъ себѣ какъ бы поддержку.

— Вотъ онъ идетъ!—сказалъ Кинтури, который вмѣстѣ съ нѣсколькими другими работниками стоялъ въ концѣ луга, опираясь на косу. Работники только что косили тотъ конецъ луга и, сдвинувъ шапки на затылокъ, они вытирали рукавомъ рубахи потъ со лба.

Хозяинъ Кинтури, обладатель помѣстья Ваниккола, показался на косогорѣ. Его толстое, неуклюжее тѣло переваливалось съ боку на бокъ. При видѣ его Кинтури насмѣшливо улыбнулся.

По мнѣнію Кинтури появленіе дачниковъ въ этомъ краю было первой побудительной причиной большаго превращенія въ усадьбѣ Ваниккола, чему онъ былъ свидѣтелемъ подъ старость.

А потому, когда онъ пришелъ въ это жаркое лѣтнее утро со своей косой на береговой лугъ и увидалъ сѣнокосилку съ парой лошадей, то онъ сжалъ губы и заморгалъ глазами: «Ну еще бы! — подумалъ онъ,—какъ же нашему хозяину обойтись безъ этакой штуки! Чортъ бы его побралъ!»

Жизнь хозяина Ваниккола представляла изъ себя непрерывное восхожденіе. И, несмотря на то, что Кинтури былъ равной съ нимъ силы, несмотря на то, что они были ровесники и выросли бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, хозяинъ, съ самаго появленія въ краю господъ, заважничалъ передъ Кинтури. Если бы все осталось по-старому, то Кинтури показалъ бы ему себя, какъ онъ это уже дѣлалъ раза два, но теперь и думать нечего было дотрогиваться до этого барина. Рѣзкая перемѣна въ ихъ отношеніяхъ съ той самой минуты, какъ хозяинъ выговорилъ свои злополучныя слова: «заплати свой долгъ, тогда ты можешь оставаться». Съ тѣхъ поръ у хозяина былъ такой надутый видъ, что Кинтури противно было смотрѣть ему въ глаза. Между ними встала цѣлая гора. Кинтури останавливался въ

дверяхъ, когда приходилъ къ нему въ его комнату, гдѣ онъ, сидя на диванѣ,—въ креслѣ-качалкѣ онъ уже больше не помѣщался, благодаря своей тучности—и курилъ папироску, съ Суометаромъ *) въ рукахъ.

Всѣ обернулись къ косогору, съ котораго спускался хозяинъ. Крупный щебень катился изъ-подъ его ногъ и горячая пыль подымалась вокругъ него въ солнечномъ сіяніи, а позади него ложилась длинная тѣнь.

— Онъ такъ надулся отъ важности, что чуть не лопается,— сказалъ Кинтури другимъ работникамъ.

Во всей фигурѣ хозяина было дѣйствительно что-то побѣдоносное и новое.

— Начинай ты первый,—сказалъ онъ кузнецу. Кузнецъ сѣлъ въ сидѣнье и среди напряженнаго молчанія поѣхалъ по лугу. Шипя, какъ змѣи, вцѣпились зубья въ клеверъ, который только слегка склонялся въ ту минуту, какъ его срѣзала машина.

Хозяинъ съ насмѣшкой смотрѣлъ на косцовъ, которые съ недовѣріемъ поднимали скошенную траву, чтобы удостовѣриться, что машина дѣйствительно скосила все какъ слѣдуетъ. Трава была скошена подъ самый корень и нигдѣ не было видно ни травинки нескошенной, гдѣ прошла машина.

Пыхтя и ухмыляясь отъ удовольствія, хозяинъ крикнулъ:

— Она работаетъ за шесть человѣкъ!

— Это зависитъ отъ того, какіе это люди,—сказалъ Кинтури, которому собственно вовсе не надо было приходить больше на работу, такъ какъ ему уже давно было отказано отъ торпа и онъ весной долженъ былъ покинуть его. Былъ уже составленъ приговоръ объ его изгнаніи изъ торпа, но Кинтури упорно не хотѣлъ вѣрить, что хозяинъ имѣетъ относительно него серьезныя намѣренія, и онъ продолжалъ жить въ торпѣ и отбывалъ добросовѣстно свою барщину, хотя за нимъ больше не посылали. Онъ не вѣрилъ, чтобы даже такой человѣкъ, какъ хозяинъ Ваниккала, могъ быть настолько безсовѣстнымъ и выгналъ другого на большую дорогу. Онъ рѣшилъ, что хозяинъ просто хочетъ припугнуть его.

— Вотъ какъ, такъ это зависитъ отъ того, какіе люди!—крикнулъ хозяинъ.—А развѣ мнѣ не поручились, что машина работаетъ за шесть человѣкъ!

— Надо было бы испытать, правда ли это; а то, быть можетъ,

---

*) Суометаръ—финская газета, органъ реакціонеровъ.

Прим. перев.

хозяину продали просто дрянь какую-нибудь,—предположилъ Кинтури.—Да не забудьте еще сосчитать, что стоитъ масло да рабочій, который управляетъ машиной, да еще работа двухъ лошадей.

Это клюнуло. Хозяинъ сталъ подсчитывать въ умѣ. Работники знали, что если съ нимъ сразу разговаривало нѣсколько человѣкъ, то онъ точно глупѣлъ и терялся.

— А къ этому прибавьте еще стоимость машины да проценты, и тогда, конечно, будетъ одинъ только убытокъ, если машина не работаетъ за нѣсколько человѣкъ.

Работники уже заранѣе сговорились подбить хозяина къ состязанію и разъ навсегда доказать, что на силу человѣка можно гораздо больше положиться, чѣмъ на какія бы то ни было машины. Такъ какъ хозяинъ не выражалъ ни отказа, ни согласія на предложеніе, то работники сейчасъ же встали въ рядъ со своими косами.

Когда кузнецъ возвратился съ сѣнокосилкой съ другого конца луга, то четырнадцатилѣтній подростокъ хозяина сталъ приставать къ своему отцу, чтобы тотъ позволилъ ему управлять сѣнокосилкой.

Глаза мальчика сверкали отъ страстнаго желанія сѣсть на машину.

И ко всеобщему удивленію хозяинъ подхватилъ сына подъ мышки и посадилъ его въ сидѣнье.

— Ну, отваливай!

Онъ сдѣлалъ это только въ насмѣшку. Онъ далъ состязаться мальчишкѣ съ шестью здоровыми мужиками!

Работники взмахнули косами и начали косить.

Кинтури, сильный и ловкій, несмотря на то, что онъ продолжалъ жаловаться на недомоганіе, шелъ впереди всѣхъ. Онъ широко взмахивалъ косой, сгибаясь почти до земли. Другіе слѣдовали за нимъ, работая съ неменьшимъ усердіемъ. И это видно было по ихъ согнутымъ шеямъ и раздвинутымъ ногамъ.

Молодому барину доставляло большое удовольствіе это состязаніе, и главное, онъ видѣлъ, что машина одержитъ блестящую побѣду надъ работниками. Продолжая еще съ большимъ усердіемъ сосать свою папиросу, онъ побѣжалъ съ толпой мальчишекъ и пошелъ по лугу между машиной и работниками.

Его охватило вдругъ какое-то странное радостное настроеніе. Казалось, будто онъ на мгновеніе забылъ свою собственную увѣренность въ томъ, что онъ не болѣе, какъ пушинка, которую безполезно носитъ въ воздухѣ между небомъ и землей. Неожиданно онъ почувствовалъ нѣчто общее съ людскимъ міромъ. Шумъ машины, которая то приближалась, то удалялась, трели жаворонковъ, пѣніе

кузнечиковъ и жужжаніе шмелей въ клеверѣ — все возбуждало въ немъ радостныя чувства и говорило: «Свѣтъ не такъ безнадеженъ, какъ это кажется, будущее свѣтло и сулитъ счастье. И ты еще перемѣнишься».

Въ то время, какъ онъ въ своемъ увлеченіи перебѣгалъ съ одного мѣста на другое, онъ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство, которое ему показалось загадочнымъ. Повидимому, люди, собравшіеся смотрѣть сѣнокосилку, вовсе не были въ восторгѣ. Помимо нѣсколькихъ мальчишекъ да хозяина, который, засунувъ руки въ карманы, съ гордостью смотрѣлъ на своего сына, всѣ остальные были очень серьезны и страстно желали, чтобы работники одержали побѣду надъ машиной. Онъ обернулся къ двумъ женщинамъ, стоявшимъ у воротъ и слѣдившимъ за состязаніемъ, и замѣтилъ имъ, что сѣнокосилка уже далеко опередила косцовъ. Правда, одна изъ женщинъ согласилась съ покорной улыбкой, что машина выиграетъ. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ замѣтилъ, что обѣ женщины, блѣдныя отъ волненія, съ такимъ напряженіемъ слѣдили за состязаніемъ, какъ если бы онѣ до послѣдней минуты надѣялись, что машина отстанетъ. Что касается до косцовъ, то они работали съ такимъ остервенѣніемъ, словно ихъ жизнь и смерть зависѣли отъ исхода этого состязанія. Они не смѣялись и казались злыми и взволнованными.

Почему же не всѣ радуются изобрѣтенію такой остроумной машины, которая сберегаетъ силу шести человѣкамъ и переноситъ весь трудъ съ людей на животныхъ?

Для молодого человѣка становилось все яснѣе, что здѣсь происходитъ нѣчто такое, чего онъ не можетъ какъ слѣдуетъ понять, нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ онъ себѣ представлялъ, когда шелъ сюда лишь для своего удовольствія, чтобы посмотрѣть, какъ работаетъ сѣнокосилка.

Послѣ того, какъ работники проработали безъ перерыва полчаса и вернулись къ тому мѣсту, откуда начали, они замѣтили, что машина скосила за это же время слишкомъ вдвое болѣе, нежели они.

Между тѣмъ хозяинъ, пыхтя, влѣзъ самъ на сѣнокосилку и со смѣхомъ проѣхалъ мимо нихъ.

— Довольно съ васъ, что ли?—поддразнилъ онъ ихъ.

Работники тяжело дышали и потъ катилъ съ нихъ градомъ. Они стояли, опираясь на косы, и закричали, чтобы имъ принесли пить. Одинъ изъ нихъ бросилъ вдогонку уѣзжавшему хозяину громкую ругань. Вся фигура послѣдняго дышала самодовольствомъ, которое видно было даже въ поворотѣ его головы и въ складкахъ его платья.

Постоявъ нѣкоторое время, работники взяли свои куртки и точильные камни и ушли съ луга, сохраняя свою серьезность.

Молодой баринъ рѣшилъ послѣдовать за ними.

До сихъ поръ онъ еще никогда не вступалъ въ серьезные разговоры съ крестьянами. А если бы онъ даже и попытался это сдѣлать, то это ему не удалось бы. Онъ представлялся крестьянамъ какимъ-то шутникомъ, на слова котораго они считали своей обязанностью смѣяться, если даже ничего смѣшного въ нихъ не было. Трудно было представить себѣ болѣе безсмысленныя отношенія. Онъ старался перенять у крестьянъ манеру говорить, но онъ самъ чувствовалъ, что это ему не удается. И всетаки, несмотря на это, онъ зналъ хорошо, что между нимъ и крестьянами есть крѣпкая связь, состоявшая въ томъ, что, какъ онъ, такъ и крестьяне, были дѣтьми одной и той же природы, которую онъ любилъ всѣмъ своимъ сердцемъ. И дѣйствительно, связь эта была крѣпкая, хотя взоры и слова представляли собою лишь одно недоразумѣніе и хотя тема разговора всегда бывала неудачная. Однако теперь онъ нашелъ настоящую тему для разговора. Онъ ускорилъ шаги и нагналъ крестьянъ на косогорѣ.

Замѣтивъ это, Кинтури тотчасъ же отдѣлился отъ кучки, такъ какъ онъ не любилъ разговаривать съ господами и предпочиталъ ихъ избѣгать. Но двое изъ крестьянъ остановились, чтобы принять предлагаемыя бариномъ длинныя папиросы. Затѣмъ они закурили у него папиросы и, бросивъ по сторонамъ смущенный взглядъ, чтобы убѣдиться, не смѣется ли кто-нибудь надъ ними, они пошли вмѣстѣ съ молодымъ бариномъ по направленію къ деревнѣ.

Желая найти какую-нибудь общую тему для разговора, молодой баринъ заговорилъ о томъ, что и онъ, собственно, ненавидитъ всѣ эти сѣнокосилки, такъ какъ съ ними пропадаетъ вся поэзія, связанная съ прежнимъ сѣнокосомъ. Произнеся слово «поэзія», онъ сейчасъ же спохватился, что этого слова крестьяне не понимаютъ; а потому онъ сталъ разъяснять, какъ прежде бывало весело смотрѣть на сѣнокосъ, и какъ грустно, что все это уничтожитъ громыхающая машина. Крестьяне старались поддакивать, а онъ радовался, что такъ неожиданно нашелъ общій интересъ съ ними. И вотъ онъ началъ еще поэтичнѣе описывать имъ сѣнокосъ въ прежнія времена. Однако, хотя крестьяне и поддакивали съ разнымъ выраженіемъ въ голосѣ, но своего мнѣнія они собственно не выражали. Въ концѣ-концовъ они перешли на другой разговоръ, стали справляться о цѣнахъ на такія машины и спросили, кто лучшіе фабриканты, и какія машины лучше—американскія или англійскія. Но на эти вопросы молодой баринъ не могъ дать отвѣта.

Одинъ изъ крестьянъ сказалъ:

— Если бы у каждаго человѣка былъ кусокъ земли, то тогда такія машины были бы годны.

Изъ этого замѣчанія молодой баринъ понялъ, что ненависть крестьянъ къ машинамъ происходила вовсе не оттого, что они во что бы то ни стало хотѣли придерживаться старины и поэзіи. Значитъ, они вовсе не понимали другъ друга, какъ онъ только что думалъ.

Другой крестьянинъ замѣтилъ:

— Всякій отлично понимаетъ, что машиной работать лучше, нежели вотъ такой штукой, но когда хозяинъ, чтобы чортъ его побралъ...

— Брось сквернословить при молодомъ баринѣ...

Но молодой баринъ поспѣшилъ вставить:

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, говори: когда этотъ хозяинъ, чтобы чортъ его побралъ?...

— Я только хотѣлъ сказать, что когда этотъ чертовскій,—я не могу сказать ничего иного,—начинаетъ со своимъ щенкомъ выполнять всѣ работы, то работникамъ приходится убираться. Они должны искать работы на лѣсопилкахъ и въ городахъ. Но какую работу можетъ найти въ городѣ человѣкъ, который всю свою жизнь только и дѣлалъ, что копалъ землю.

Молодой баринъ подумалъ, что наконецъ-то и онъ можетъ быть полезнымъ.

— Вы сами могли бы начать воздѣлывать себѣ землю. Выберите себѣ какое-нибудь мѣсто и постройте себѣ собственную избу.

Крестьяне вытаращили другъ на друга глаза. Одинъ изъ работниковъ сказалъ:

— Да у насъ вѣдь нѣтъ земли!

На эти слова молодой баринъ хотѣлъ было протянуть руку по направленію къ лѣсу и сказать: — но тамъ достаточно земли—и тамъ, и тамъ. Ему никогда не приходило въ голову, когда онъ бродилъ по лѣсамъ и по полямъ,—это было его любимымъ занятіемъ,—что земля представляетъ собою чью-нибудь собственность. Его также удивляло всегда, что на живописныхъ мысахъ и въ глубинѣ тихихъ заливовъ не выстроены поэтичныя избушки, которыя онъ не промѣнялъ бы на самые великолѣпные городскіе дворцы. Но въ ту минуту, когда онъ уже хотѣлъ поднять руку, чтобы показать на земли, пригодныя для обработки, его остановила мысль, что онъ скажетъ какую-нибудь глупость, и онъ промолчалъ.

Работникъ продолжалъ:

— И хозяинъ нашъ ни за какія деньги не хочетъ отдавать землю

въ аренду. Онъ еще хотѣлъ бы выгнать и тѣхъ торпаровъ, которые у него есть.

Другой работникъ замѣтилъ:

— Тамъ, у совѣтника земледѣлія хватило бы мѣста для тысячи торпаровъ, но онъ никому не позволяетъ воздѣлывать свои земли. Пусть лучше все зарастетъ верескомъ и брусничной зеленью! Не стоитъ у него даже и просить земли.

Кинтури, который все время шелъ немного впереди и прислушивался къ разговору, замедлилъ шаги и сказалъ нѣсколько ядовитыхъ словъ по адресу совѣтника земледѣлія, владѣльца громаднаго пространства земли, возбуждавшаго въ немъ жгучую ненависть. Онъ подразумѣвалъ совѣтника земледѣлія, но говорилъ о господахъ вообще:

— Откуда бы господамъ брать рабочихъ, если бы у бѣдныхъ была своя собственная земля? Господа хорошо знаютъ, зачѣмъ они не даютъ людямъ земли!

— Но это было бы ужасно, если бы дѣло обстояло такъ, какъ вы говорите,—замѣтилъ молодой баринъ.—Объ этомъ надо написать въ газетахъ! Такъ вы говорите, что вамъ не хотятъ отдавать землю въ аренду? Такъ, что ли?

— Даже самую несчастную землю въ пустыняхъ.

— И это для того, чтобы вы оставались бѣдными и какъ можно дешевле продавали свою работу? Это вы хотѣли сказать?

— Вотъ именно!

«Да вѣдь это ужасно!—думалъ молодой баринъ:—значитъ, господа хотятъ, чтобы было какъ можно больше бѣдныхъ и безземельныхъ, которые были бы принуждены работать на фабрикахъ. Объ этомъ я непремѣнно напишу».—И онъ сказалъ, обращаясь къ крестьянамъ:

— Вотъ видите ли этотъ совѣтникъ земледѣлія мой знакомый, или вѣрнѣе, его дочь моя невѣста, но это ничего не значитъ, я сдѣлаю разоблаченія, если онъ дѣйствительно такой, какимъ вы его представляете.

Кинтури опять пошелъ немного впереди другихъ.

Молодой баринъ сказалъ крестьянамъ, что еще зайдетъ къ нимъ на домъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ этимъ дѣломъ, и затѣмъ разстался съ ними на горѣ.

«Такъ вотъ какъ!»—сказалъ онъ про себя, глядя въ землю и покручивая свои усики, и направился къ своему дому.

Крестьяне остановились и посмотрѣли ему вслѣдъ.

— Это что за человѣкъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И что такое онъ хотѣлъ написать въ газетахъ?
— Да развѣ такой сумѣетъ написать что-нибудь въ газетахъ?
— Просто болталъ себѣ зря.
— Въ своемъ ли онъ еще умѣ-то?

Крестьяне разошлись въ разныя стороны. Одни пошли по большой дорогѣ, по сторонамъ которой, тамъ и сямъ, были разбросаны избушки. Другіе свернули на лѣсную дорогу. Какъ разъ въ ту минуту, когда эти послѣдніе дошли до перекрестка, гдѣ тропинки направляются къ различнымъ торпамъ, изъ избы Кинтури донесся злой лай собаки. Крестьяне прошли еще нѣсколько шаговъ по направленію къ избѣ Кинтури и увидали коробейника, который какъ разъ въ эту минуту входилъ въ избу Кинтури. Это на него-то собака и лаяла.

Тогда вся кучка направилась къ Кинтури. Но крестьяне пошли вовсе не для того, чтобы купить себѣ что-нибудь у коробейника, а просто для того, чтобы поболтать часокъ со знакомымъ разносчикомъ, у котораго за послѣднее время было такъ много чего порассказать.

И вотъ, въ то время, какъ коробейникъ раскладывалъ передъ Мари свои товары, между мужчинами снова поднялся разговоръ о землѣ.

Разносчикъ разсказалъ имъ, что не вездѣ земля была такъ распредѣлена. Онъ сказалъ, что въ Россіи земля каждые десять лѣтъ дѣлится между крестьянами соотвѣтственно количеству душъ въ семьѣ.

Далѣе онъ объявилъ, что царь-батюшка хочетъ наказать финскихъ баръ, отнять отъ нихъ землю и раздѣлить ее между безземельными. Онъ предостерегъ ихъ, чтобы они не подписывали никакихъ арендныхъ контрактовъ, а кромѣ того онъ посовѣтовалъ имъ не дѣлать осенью посѣвовъ, такъ какъ—сказалъ онъ,—сюда понаѣдетъ множество землемѣровъ и они потопчатъ поля.

Крестьяне вышли изъ избы Кинтури съ пылающими лицами. Въ сердцахъ ихъ зародилась горячая надежда.

Такъ всегда бываетъ съ людьми, когда имъ кажется, что они слышатъ шумъ крыльевъ свободы, и когда въ нихъ просыпается вѣра въ то, что страданія ихъ уже здѣсь на землѣ—не только за могилой,—превратятся въ счастье.

Всѣ повѣрили безъ колебанія коробейнику, хотя у Кинтури, быть можетъ, и были свои размышленія по поводу этого разговора.

Между тѣмъ слова коробейника перенеслись въ другую деревню,

а на пути они находили себѣ богатую пищу, подобно огню, стелящемуся по землѣ и находящему пищу въ сухомъ хворостѣ. Изъ другой деревни они перенеслись въ третью, гдѣ ихъ встрѣтило извѣстіе, что и тамъ слышали уже о томъ же. А въ четвертой деревнѣ, въ селѣ, слышали нѣчто подобное отъ жандарма, вооруженнаго саблей.

Вездѣ, на всѣхъ дорогахъ и во всѣхъ углахъ собирался народъ въ кучки и устраивалъ тайныя совѣщанія.

Но развѣ огонь можетъ насытиться однимъ мхомъ и хворостомъ? Нѣтъ! Вонъ вдали уже поднимаются языки пламени. Подобно бѣлкѣ, пламя перекидывается съ вѣтки на вѣтку, и раздается трескъ отъ горящихъ сосенъ. Какъ лѣсной пожаръ, распространяются слова по странѣ.

III.

Молодой баринъ.

Если бы вся земля была объята пламенемъ, если бы загорѣлись людскія сердца или если бы они совершенно остыли, если бы люди основали новыя государства, пчелы, жужжавшія въ фруктовомъ саду старой усадьбы Ваниккола, все равно ничего не знали бы объ этомъ. Онѣ жужжали тамъ сотни лѣтъ и будутъ жужжать сотни лѣтъ, подобно голубому небесному своду, который сотни лѣтъ простирается надъ ними, и цвѣтамъ, которые неизмѣнно каждую весну раскрываютъ для нихъ свои медовыя чашечки.

Однако въ этомъ году пчеламъ вовсе не было такъ хорошо, какъ онѣ бы этого желали—вовсе не такъ хорошо. Полевые цвѣты были уничтожены въ этомъ году въ самую лучшую пору цвѣтенія и вслѣдствіе этого въ саду появилось множество пчелъ изъ чужихъ ульевъ. Но этого мало. Досаднѣе всего было то, что хозяинъ Ваниккола снесъ старый домъ и на мѣсто него выстроилъ новый двухъэтажный, который обшили тесомъ, покрытымъ такимъ крѣпкимъ лакомъ, что по всему саду стоялъ отвратительнѣйшій запахъ. Этотъ запахъ до неузнаваемости измѣнилъ благоуханіе цвѣтовъ, и изъ-за этого у пчелъ произошло много недоразумѣній. Желтыя стружки повсюду валялись въ травѣ—и это также производило непріятное впечатлѣніе. Но прямо-таки немилосердно было сносить старый домъ и на мѣсто него возводить новый. Старый одноэтажный домъ, который когда-то былъ выкрашенъ въ красную краску, но отъ старости сталъ сѣрымъ и весь обросъ мохомъ, давалъ подъ своей разсохшейся обшивкой изъ вертикальныхъ досокъ хорошій пріютъ сотнямъ осиныхъ гнѣздъ

и прекрасную защиту отъ дождя милліонамъ пчелъ. И вотъ это-то старое уютное строеніе уничтожили и выстроили какую-то отвратительную, блестящую махину, которая могла только отталкивать всякое существо съ тонкимъ чувствомъ.

Хозяинъ имѣлъ намѣреніе выстроить домъ, какіе бываютъ въ большихъ господскихъ усадьбахъ, но когда дошли до второго этажа и вывели окна, то ему начало казаться, что на постройку идетъ слишкомъ много бревенъ, а потому надъ окнами второго этажа онъ вывелъ только два вѣнца. Крыша вслѣдствіе этого была точно нахлобучена на окна. Она напоминала шапку, натянутую на самыя уши, и сплетничала проѣзжавшимъ по большой дорогѣ о томъ, что хозяинъ какъ разъ хотѣлъ бы скрыть, а именно,—что усадьба была не господская. По всей вѣроятности, чтобы изгладить это впечатлѣніе, хозяинъ пристроилъ высокое, крытое крыльцо, которое немедленно было выкрашено въ синюю краску.

Но напрасно такъ возмущались пчелы и осы. Приходится иногда привыкать къ вещамъ похуже масляной краски и лака. А кромѣ того даже и въ доскахъ, покрытыхъ лакомъ, есть трещины и отверстія отъ сучковъ. Дождь выгарбливаетъ доски, а отъ солнца онѣ растрескиваются. Уже въ концѣ лѣта пчелы начали подлетать къ новому дому и разсматривать его. Онѣ летали, жужжа, вдоль стѣнъ, останавливались, потомъ опускались и снова поднимались или перелетали вдоль стѣны съ одного мѣста на другое. Солнце палило въ это лѣто въ концѣ августа съ такой же силой съ самаго утра, какъ и во время сѣнокоса.

Одна изъ пчелъ взлетѣла въ уровень съ окномъ втораго этажа. Она хотѣла уже было влетѣть въ окно, но ее испугала гардина, которая вслѣдствіе сквозняка вырвалась изъ окна наружу. Однако пчела, покружившись въ воздухѣ, сдѣлала новую попытку и, несмотря на развѣвающуюся гардину, она влетѣла въ комнату. Но отъ страха силы измѣнили ей, и она упала на письменный столъ. Крылья ея дрожали, но у нея не было силъ подняться и, въ то время, какъ заднія лапки ея безсильно волочились, она передними поползла, спотыкаясь, по гладкой бумагѣ. Пчела упала на бумагу какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли слова: *Невѣроятное положеніе вещей*, а ниже начиналась статья. Въ то время, какъ пчела съ трудомъ ползла по бумагѣ, трепеща крыльями, ее обхватилъ надушенный платокъ, и она была выброшена за окно. Затѣмъ молодой баринъ, жившій въ этой комнатѣ, снова усѣлся передъ бумагой.

Онъ взялся за «невѣроятное положеніе вещей» и, сдвинувъ брови, онъ еще разъ перечиталъ написанное, вставилъ нѣсколько силь

ныхъ словъ, затѣмъ еще нѣсколько еще болѣе сильныхъ и, раздумывая о продолженіи самаго бичующаго характера, онъ началъ грызть ручку пера. При этомъ его глаза пристально устремлялись то на одинъ предметъ, то на другой. Сперва онъ смотрѣлъ на скотный дворъ, находящійся за садомъ; потомъ онъ остановилъ свой взоръ на окнахъ каменнаго хлѣва, расположенныхъ другъ противъ друга въ противоположныхъ стѣнахъ; и черезъ эти окна, затканныя паутиной, онъ увидалъ темно-зеленый отлогій лужокъ съ волнующейся по вѣтру кровавой травой. Но взоръ его не долго останавливался на темно-зеленомъ лужкѣ; онъ снова весело вернулся черезъ окна хлѣва на скотный дворъ, оттуда въ садъ, изъ сада онъ поднялся во второй этажъ, проникъ въ окно и устремился черезъ черный зрачокъ въ самую глубину души. Молодой человѣкъ медленно опустилъ перо, и непривычныя складки между его бровями изгладились. На его лицѣ появилось выраженіе душевнаго покоя. Онъ оттолкнулъ отъ себя «Невѣроятное положеніе вещей», взялъ почтовую бумагу и началъ писать: «Дорогой отецъ!» и изъ-подъ его пера быстро выливалась одна строка за другой. Онъ подвернулъ одну ногу подъ себя и сѣлъ на нее. Въ своемъ увлеченіи онъ половиной тѣла почти лежалъ на столѣ. Мухи жужжали вокругъ него, потъ выступалъ у него на лбу, но онъ не обращалъ вниманія на жару. Отъ времени до времени онъ только вытиралъ лобъ и руки платкомъ и затѣмъ снова продолжалъ писать. Въ комнату забралось множество пчелъ. Одна все стукалась о потолокъ, другая безпомощно билась о стекло, третья носилась по комнатѣ, которая наполнилась безпрерывнымъ жужжаньемъ. Но молодой человѣкъ такъ углубился въ свое письмо, что ничего не слыхалъ и ничего не видалъ.

Онъ не слыхалъ даже, какъ растворилась дверь и какъ кто-то просунулъ въ нее голову и поздоровался съ нимъ.

Такъ какъ привѣтствіе осталось безъ отвѣта, то новоприбывшій перешагнулъ черезъ порогъ и вошелъ въ комнату. Онъ осмотрѣлся кругомъ и подошелъ къ письменному столу. Это былъ человѣкъ съ нѣсколько лысой головой и рыжеватыми жесткими усами. Но покрой его платья былъ такъ элегантенъ, а бѣлизна воротничка и рукавчиковъ такъ ослѣпительна, что жесткіе усы придавали его внѣшности еще болѣе изящества.

— Что ты пишешь, Эдуардъ?

— Ничего особеннаго. А ты откуда, Венделль? Да еще такъ рано?

Есть люди, которыхъ всегда всѣ называютъ по фамиліи, и даже самые близкіе знакомые никогда не поинтересуются узнать ихъ имя.

Такіе люди обыкновенно не любятъ говорить о своихъ семейныхъ и частныхъ дѣлахъ. Къ числу такихъ и принадлежалъ господинъ Венделль, молодой докторъ, извѣстный своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ.

Между тѣмъ по буквамъ J. V., вытравленнымъ на его рукѣ рядомъ съ синимъ якоремъ, легко можно было бы вспомнить его имя. Господинъ Вендель всегда старался скрывать эти буквы и стыдился ихъ, такъ какъ онѣ свидѣтельствовали о томъ времени, которое онъ хотѣлъ бы забыть: когда-то въ былыя времена онъ мечталъ сдѣлаться морякомъ. Разсказывали, что какая-то любовная исторія перевернула всю его жизнь и направила его по совершенно иному пути. По всей вѣроятности, эта несчастная любовь и наложила на его черты выраженіе пессимизма, которое совершенно не соотвѣтствовало значку на его рукѣ или, вѣрнѣе, этотъ значокъ рядомъ съ пессимизмомъ производитъ то же впечатлѣніе, что и жесткіе усы рядомъ съ бѣлоснѣжнымъ воротничкомъ: онъ дѣлалъ его еще изящнѣе.

— Я пріѣхалъ только для того, Эдуардъ, чтобы напомнить тебѣ, что тебѣ надо было бы съѣздить въ Раухалахти.

Эдуардъ сморщилъ лобъ и ничего не отвѣтилъ.

— Слышишь, Эдуардъ? Я пріѣхалъ за тобой, и мы поѣдемъ въ Раухалахти. Дальше откладывать посѣщенія нельзя, а то это становится страннымъ.

Отвѣтомъ было опять молчаніе.

Но повидимому Венделль находился въ томъ настроеніи духа, когда онъ, несмотря на всѣ препятствія, проводилъ свою волю. Никто не могъ долго противустоять его добродушной настойчивости.

Онъ подошелъ къ шкапу, выдвинулъ одинъ ящикъ съ бѣльемъ и, вынувъ два различныхъ воротничка, подошелъ съ ними къ письменному столу.

— Который изъ нихъ ты надѣнешь? Мнѣ кажется, что тебѣ больше идетъ стоячій, чѣмъ отложной воротничокъ. Или что ты самъ думаешь, Эдуардъ?

У Эдуарда было большое желаніе схватить товарища за шиворотъ и швырнуть его о стѣну или подмять его подъ ноги. Этотъ Венделль всегда являлся настоящимъ деспотомъ! И, чтобы хоть немного овладѣть собой, Эдуардъ отвернулся отъ Венделля,—онъ боялся въ эту минуту смотрѣть на большія уши товарища. Эти уши часто дѣйствовали на его нервы, а между тѣмъ они служили признакомъ музыкальныхъ способностей Венделля, который дѣйствительно игралъ на фортепіано.

Однако господинъ Венделль сдѣлалъ видъ, что совсѣмъ не замѣ-

чаетъ раздраженія Эдуарда. Онъ хорошо зналъ, что у послѣдняго бывали минуты, когда онъ терпѣть не могъ своего друга. Молча и не двигаясь съ мѣста онъ упрямо ждалъ, чтобы Эдуардъ ему отвѣтилъ. Тогда Эдуардъ, который отлично зналъ, что если Венделль пристанетъ, то отъ него не такъ-то легко отдѣлаешься, нетерпѣливо всталъ съ мѣста и сказалъ съ раздраженіемъ:

— Ну, поѣдемъ!—и потомъ онъ прибавилъ:—у меня кстати есть маленькое дѣло, которое надо тамъ устроить.

— Маленькое дѣло!—повторилъ Венделль.—Развѣ это маленькое дѣло—день рожденія твоей невѣсты?

Эдуардъ ушелъ въ смежную комнату, чтобы одѣться, и заперъ за собою дверь, какъ бы желая дать этимъ понять, что не хочетъ, чтобы Венделль шелъ за нимъ.

Слышно было, какъ онъ, сердито ворча, вынулъ изъ платяного шкапа свое визитное платье. Потомъ слышно было, какъ онъ налилъ въ тазъ воды и началъ мыться.

Оставшись въ одиночествѣ, Венделль хотѣлъ было сѣсть, но потомъ его взоръ упалъ на письменный столъ, гдѣ онъ сейчасъ же увидалъ бумагу со словами: «Невѣроятное положеніе вещей». Этой бумагой Эдуардъ закрылъ письмо, которое онъ писалъ отцу.

Господинъ Венделль не могъ удержаться отъ соблазна и, склонясь надъ письменнымъ столомъ, сталъ просматривать написанное на бумагѣ.

«Это вопіющая несправедливость, что когда есть земля въ избыткѣ, ее преднамѣренно не позволяютъ обрабатывать», читалъ онъ. «Надо предоставить людямъ полную свободу обрабатывать землю», читалъ онъ дальше. «Земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ», а ниже онъ прочелъ: «Всѣ мы паразиты»... «Повидимому, кому-то необходимо, чтобы были безземельные и голодающіе, которыхъ можно за нищенское вознагражденіе заставить работать на богатыхъ».

По мѣрѣ того, какъ господинъ Венделль читалъ, глаза его все расширялись. Но когда онъ съ любопытствомъ перевернулъ листокъ, то онъ не нашелъ продолженія. На мѣсто продолженія онъ сейчасъ же увидалъ письмо Эдуарда къ отцу.

Господинъ Венделль вытянулся, не желая больше читать, но потомъ, нервно кусая усы, онъ снова склонился надъ столомъ и началъ читать письмо:

«Я сажусь за письмо, дорогой отецъ, чтобы сообщить тебѣ, что мое пребываніе въ деревнѣ въ концѣ-концовъ дѣйствительно принесетъ мнѣ большую пользу. Нѣтъ, болѣе того, оно будетъ имѣть для

меня рѣшительное значеніе, хотя я раньше этого и не сознавалъ. Пребываніе въ деревнѣ теперь, когда я сталъ старше, производитъ на меня то же впечатлѣніе, какъ и въ дѣтствѣ, когда мы весною покидали городъ. Я и теперь еще по-старому могу приходить въ восторгъ отъ ручейковъ и отъ поля, поросшаго верескомъ; я и теперь брожу по лѣсамъ и горамъ. Здѣсь я не могу себѣ даже представить, что значитъ пьянство. Здѣсь я превращаюсь въ такого ребенка, что меня даже стѣсняютъ люди. А когда я вспоминаю, какимъ я былъ въ городѣ, то я прихожу въ такой ужасъ отъ самого себя, котораго навѣрное никто изъ васъ не испытывалъ по отношенію ко мнѣ. Природа замѣстила для меня покойныхъ Эллиду и маму. Если бы не было этихъ березъ, этого мха и этихъ сосновыхъ стволовъ, я чувствовалъ бы себя совершенно безпріютнымъ на землѣ, и тогда не было бы ни малѣйшей надежды на мое выздоровленіе.

«Однако это лѣто и это dolce far niente не могутъ длиться безконечно. Съ возвращеніемъ въ городъ мое положеніе все-таки оставалось бы безнадежнымъ, если бы мнѣ не пришлось сдѣлать важныхъ наблюденій. Не одиночество подѣйствовало на меня благотворно, какъ вы съ докторомъ надѣялись. Напротивъ, я соприкасаюсь здѣсь съ людьми и обстоятельствами, о которыхъ раньше не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Мы живемъ въ городѣ въ полномъ невѣдѣніи обо всемъ этомъ. На свѣтѣ такъ много страннаго и все въ немъ зиждется на несправедливости. И кто всему этому причиной, какъ не мы сами? Вотъ видишь ли, вѣдь все, собственно говоря, мы получаемъ изъ деревни, начиная съ хлѣба, который мы ѣдимъ. Да и люди всѣ происходятъ изъ деревни. А между тѣмъ никто и не подумаетъ о тѣхъ, кто пашетъ и сѣетъ. Только здѣсь въ деревнѣ у меня раскрылись глаза на то несчастное положеніе, которое занимаетъ громадная часть человѣчества, и та именно, которая и въ другомъ отношеніи несетъ наибольшее бремя. Всѣ вы, поддерживающіе государство, не злые люди, какъ и ты, папа, не злой. И все-таки здѣсь въ деревнѣ кажется, что всѣ мы, образованные, *преднамѣренно* обманываемъ и высасываемъ народъ и съ дьявольской хитростью устраиваемъ все къ нашей выгодѣ. Я не могу больше съ прежнимъ радостнымъ чувствомъ бродить по лѣсамъ. Но я разскажу тебѣ съ самаго начала, какъ со мной это случилось».

Въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ Эдуарда:

— Я надѣюсь, ты не читаешь моего письма?

Господинъ Венделль быстро поднялся изъ-за стола. Въ своемъ увлеченіи онъ недостаточно тихо перевернулъ листъ.

— Какъ можешь ты думать обо мнѣ нѣчто подобное!—крикнулъ онъ въ отвѣтъ.

Но въ слѣдующую минуту онъ уже опять сидѣлъ, согнувшись, надъ письмомъ.

«Весной, когда я только что переѣхалъ сюда, и когда кое-гдѣ еще виднѣлся снѣгъ, а въ другихъ мѣстахъ уже чернѣла земля, я пошелъ однажды вечеромъ гулять и дошелъ по начисто вырубленному лѣсу до торпа, расположеннаго необыкновенно живописно на склонѣ горы и окруженнаго каменной оградой. Не видя нигдѣ людей, я подошелъ ближе и вошелъ въ калитку, гдѣ мнѣ бросился въ глаза красно-желтый стволъ старой сосны, освѣщенной лучами заходящаго солнца. Въ это время изъ-за угла выскочила кучка дѣтей и бросилась отъ меня въ лѣсъ. Я пошелъ посмотрѣть, чѣмъ они занимались, и увидѣлъ на проталинѣ возлѣ сосны нѣсколько крошечныхъ сараевъ, выстроенныхъ изъ щепокъ и обнесенный прутиками, скотный дворъ, а во дворѣ нѣсколько маленькихъ зеленыхъ сосновыхъ шишекъ. Эти шишки повидимому должны были изображать изъ себя коровъ. Я вспомнилъ, что совсѣмъ такъ же мы бывало играли съ Эллидой, когда мама устраивала насъ, наконецъ, въ деревнѣ послѣ всѣхъ хлопотъ съ переѣздомъ, и когда намъ не надо было больше ходить по мощенымъ улицамъ. Какъ хорошо поняла бы Эллида этихъ дѣтей, которыя играли на голой землѣ, еще не совсѣмъ просохшей. Это такъ ясно, что всѣ люди одинаковы, что всѣ они одинаково тонко чувствуютъ, хотя мы и находимъ, что тѣ, другіе, «только мужики».

«Недавно я опять вспомнилъ этотъ торпъ и рѣшилъ пойти туда посмотрѣть на него въ лѣтней обстановкѣ на фонѣ распустившихся деревьевъ. Я пошелъ черезъ тотъ же срубленный лѣсъ; торпъ былъ такъ живописенъ, что трудно выразить это словами. Онъ былъ прекраснъ не въ обычномъ смыслѣ этого слова,—нѣтъ, это было нѣчто новое: онъ имѣлъ такой невинный и мирный видъ. На лужкѣ передъ домомъ пестрѣли только что распустившіеся цвѣты, а крыша дома совершенно скрывалась за вѣтвями плакучей березы. У меня былъ съ собой ящикъ съ красками, но изъ моего рисованія ничего не вышло. На дворѣ было много народу, и я сейчасъ же понялъ, что тамъ происходило нѣчто необычайное. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ. Въ избѣ сидѣлъ коронный фохтъ и двое полицейскихъ,—что за отвратительную форму они носятъ теперь,—и потомъ тамъ было еще нѣсколько толстыхъ крестьянъ. Всѣ повидимому чувствовали себя, какъ дома. Происходилъ аукціонъ, такъ какъ торпаръ оказался несостоятельнымъ. Домашняя утварь валялась на полу. Собравшіеся подумали, что и я пришелъ что-нибудь купить, и меня попросили войти.

Со мной всѣ старались быть очень любезны, но я все время смотрѣлъ только на дѣтей торпара. Они стояли въ дверяхъ, хотя и находились въ своемъ родномъ домѣ; среди нихъ находилась дѣвочка-подростокъ, которая горько плакала, когда продавали лошадь. Я до сихъ поръ не могу простить себѣ, что я не купилъ для нихъ этой лошади или не купилъ всего торпа, чтобы подарить имъ его. Строенія продавались отдѣльно, и ихъ купили различные хозяева. Мнѣ разсказали, что торпара выселяли изъ-за того, что онъ поссорился со своимъ хозяиномъ. Торпаръ старался дѣлать видъ, что поглощенъ дѣлами, но я хорошо видѣлъ, что онъ готовъ разбить себѣ голову о стѣну. Ты представь себѣ, люди говорили, что у него нѣтъ законныхъ бумагъ, и что торпъ переходилъ только по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому. Но развѣ это возможно, чтобы несчастный человѣкъ, родившійся на свѣтъ, не могъ удержать за собой то мѣсто, которое воздѣлано его предками и имъ самимъ и вокругъ котораго они вывели каменную ограду изъ собранныхъ на этомъ мѣстѣ камней. Подумай, если бы насъ вздумали выгонять такимъ образомъ. Развѣ это мѣсто не принадлежитъ ему и его дѣтямъ; вѣдь они знаютъ тамъ каждую тропинку, каждую ель, каждый камень. Развѣ человѣкъ имѣетъ право выгонять другого изъ его собственнаго дома, и развѣ можетъ это зависѣть отъ какой-то бумаги?»

Господинъ Венделль вскочилъ со своего мѣста, такъ какъ ему показалось, что Эдуардъ подошелъ къ двери.

— Я долженъ былъ отослать лошадь, которую взялъ въ Раухалахти, но я надѣюсь, что у твоего хозяина найдется какой-нибудь подходящій экипажъ?—крикнулъ онъ Эдуарду, какъ если бы онъ никогда и не думалъ читать какое-нибудь письмо.

— О, у него найдется все, что угодно. Я думаю даже, что у этого отвратительнаго созданія есть и коляска,—крикнулъ Эдуардъ въ отвѣтъ, и затѣмъ снова послышалось плесканье воды.

Услыша, что Эдуардъ еще продолжаетъ мыться, Венделль нашелъ возможнымъ хотя бы только просмотрѣть конецъ письма. И онъ прочелъ:

«Я нашелъ цѣль жизни, я хочу бороться за права притѣсненнаго класса. Изъ меня еще выйдетъ человѣкъ, милый папа. Вотъ увидишь. И это вовсе не минутное увлеченіе. Я хочу искупить все то прошлое, которымъ я доставилъ тебѣ столько горя. Скоро я еще напишу. Отвѣчай на это письмо».

Господинъ Венделль сдѣлался очень серьезенъ, когда онъ прочелъ письмо до конца.

Когда Эдуардъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты, чистый и элегантный, господинъ Венделль сказалъ:

— Если тебѣ дѣйствительно не хочется ѣхать сегодня, то...

— Нѣтъ, это хорошо! Сперва ты заставляешь меня одѣться, а потомъ позволяешь не ѣхать.

Черезъ нѣсколько времени оба товарища сидѣли въ удобномъ тарантасѣ.

Помолчавъ немного, господинъ Венделль сказалъ:

— Ты, кажется, немного обидѣлся?

— Я терпѣть не могу такихъ подозрительныхъ визитовъ лѣтомъ.

— Но, другъ мой, слыханное ли это дѣло, чтобы женихъ ѣхалъ въ такомъ настроеніи духа къ своей невѣстѣ, да которую онъ еще къ тому же не навѣщалъ цѣлый мѣсяцъ!

— Развѣ дѣйствительно такъ долго?—спросилъ Эдуардъ равнодушно.

Они проѣхали почти цѣлую милю въ глубокомъ молчаніи, послѣ чего Эдуардъ сказалъ, какъ бы продолжая прерванный разговоръ:

— У меня всегда такое чувство, точно вся эта исторія затѣяна моимъ отцомъ исключительно изъ-за *меня,* чтобы я, видишь ли ты, исправился и сдѣлался человѣкомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Нечего сказать, придумалъ! Но ты подумай, какъ безумно все это по отношенію къ Мартѣ!

— Если бы ты дѣйствительно былъ влюбленъ, то ты не судилъ бы себя такъ строго.

— Такъ ты, значитъ, думаешь, что я не влюбленъ?—спросилъ Эдуардъ, глядя на Венделля и удивляясь, почему тотъ покраснѣлъ.

— А ты самъ что думаешь объ этомъ?

Эдуардъ вздохнулъ и сказалъ послѣ долгаго размышленія:

— Что мнѣ отвѣтить на это? Собственно говоря, можно съ полной увѣренностью сказать, что я восхищаюсь ею, да, восхищаюсь безмѣрно! Но когда дѣло приняло серьезный оборотъ, то я почувствовалъ, особенно здѣсь въ деревнѣ, что въ моей любви къ ней есть что-то нехорошее, что-то не вполнѣ искреннее.

— Другими словами, ты не любишь ея больше.

— Я, право, не знаю, хочешь ли ты, чтобы я ее любилъ или нѣтъ?—сказалъ Эдуардъ нѣсколько нервно, и со страдальческой складкой между сморщенными бровями, онъ долго старался найти подходящій отвѣтъ.

— Не то, но, видишь ли, Марта любитъ во мнѣ не то существо, какое я есть на самомъ дѣлѣ, а нѣчто совершенно иное. Если бы она знала меня какъ слѣдуетъ, то она, можетъ быть, совсѣмъ не любила

бы меня. У насъ нѣтъ ничего общаго другъ съ другомъ. Тамъ ждутъ, чтобы я исправился. Они надѣются, что все устроится такъ, что я сдѣлаюсь хорошимъ землевладѣльцемъ. Между тѣмъ я совершенно не вѣрю въ ту жизнь, которой они живутъ, я не вѣрю во все ихъ Раухалахти. На что имъ, скажи на милость, такое громадное количество земли? Вотъ уже двѣ мили—и все только Раухалахти и Раухалахти!

Господинъ Венделль разсѣянно смотрѣлъ вокругъ себя, погрузясь въ глубокія мысли, и ничего не отвѣчалъ.

И разговоръ прекратился.

IV.

Раухалахти.

Широко раскинулись лѣса имѣнія Раухалахти и глубока и непроходима ихъ темная чаща. Мягкій мохъ этихъ лѣсовъ никогда не видѣлъ синевы небесъ, а старыя деревья, отдаленныя отъ водяныхъ путей сплавленія, валятся подъ напоромъ бури, и дятелъ обклевываетъ ихъ кору. Эти деревья сгнили и похоронили съ собой во мху старыя воспоминанья бранныхъ временъ, когда свободолюбивый народъ былъ загнанъ побѣдителемъ въ пустынные лѣса и обреченъ на погибель, тогда какъ покоренный народъ, прославлявшій побѣдителя, остался въ своихъ родныхъ мѣстахъ, покинувъ вѣру отцовъ, забывъ бога, лѣса и всѣхъ духовъ-покровителей, промѣнявъ свои руны на псалмы, своихъ пѣвцовъ на духовныхъ пастырей и принявъ насажденное мечомъ спасеніе души.

Съ тѣхъ поръ протекли вѣка, и воспоминанія старыхъ гніющихъ стволовъ исчезли вмѣстѣ съ ними. Правнуки побѣдителей уже успѣли забыть окровавленные мечи своихъ предковъ, а побѣжденные забыли, что когда-то были свободны. Какъ одни, такъ и другіе вѣрятъ теперь въ одного и того же бога, по святой волѣ котораго народы, населяющіе землю, подраздѣлились на два лагеря, на господъ и на слугъ. И эта вѣра принесла съ собой умиротвореніе. Расцвѣли законы и уставы, зазеленѣли широкія поля, появились церкви съ золотыми крестами, и покорный народъ, обнаживъ голову, преклоняетъ колѣна передъ священниками въ пестрыхъ одѣяніяхъ.

Нивы зазеленѣли, законы и уставы расцвѣли, но воспоминанія старыхъ временъ погребены во мху, въ непроходимой чащѣ лѣсовъ.

Развѣ духъ свободы старыхъ временъ не живетъ ужъ больше?

Одни лишь деревья шумятъ въ покинутой чащѣ лѣсовъ.

Уйдемъ оттуда, если ты хочешь видѣть радость, счастье и свѣтъ

свободы! Ты найдешь ихъ въ человѣческихъ сердцахъ. Покинемъ дикую пустыню и войдемъ въ прекрасное царство образованія!

Если ты пробродишь день или два дня, то въ концѣ-концовъ и самый непроходимый хвойный лѣсъ начнетъ рѣдѣть и настанетъ конецъ и самой обширной пустынѣ. Вотъ уже попадаются пни отъ срубленныхъ деревьевъ, вотъ уже встрѣчаются между елями стройныя березки, которыя тянутся къ небу за свѣтомъ и за воздухомъ; уже зелень черники уступаетъ мѣсто брусничнику, уже можно различить зимнія дороги, уже сквозь стволы деревьевъ тамъ и сямъ просвѣчиваютъ голубыя воды озеръ, уже почва понижается, образуя склоны, поросшіе ивнякомъ, уже встрѣчаются природныя поляны съ густолиственными рощицами, уже зимнія дороги встрѣчаются съ другими, поросшими травой, но въ которыхъ ясно обозначаются колеи отъ колесъ и слѣды лошадиныхъ копытъ. Дорога извивается между холмами, то появляясь на высокихъ мѣстахъ, то исчезая на склонахъ долинъ. Вонъ уже и человѣческое жилье, а вонъ тамъ на опушкѣ лѣса другое, вонъ третье, четвертое, а вотъ и цѣлая деревня, ютящаяся на склонѣ горы на мѣстѣ лѣсного пожарища. Избушки тѣснятся одна возлѣ другой, словно ласточкины гнѣзда на сѣрой стѣнѣ отвѣсной скалы. Почему люди поселились на такомъ неудобномъ мѣстѣ для жилья? Чего они боялись? Почему не выбрали они болѣе низкихъ мѣстъ? Почему коровы не пасутся на клеверныхъ поляхъ, а довольствуются кислицей, которую они щиплютъ вокругъ обгорѣвшихъ пней. Ужъ не съ барщины ли возвращается этотъ человѣкъ. Почему приходитъ онъ домой съ разбитыми членами и, не говоря ни слова, бросается на свою постель? Не для уплаты ли оброка собираетъ эта дѣвочка ягоды? Не для того же ли вяжетъ въ рощицѣ вѣники молодая дѣвушка, молчаливая и невеселая?

Но развѣ мы пошли отыскивать несправедливость въ положеніи людей относительно другъ друга. Развѣ мы хотѣли изслѣдовать, почему судьба такъ неравномѣрно распредѣлила свои дары? Нѣтъ. Мы пошли отыскивать священный огонь пѣсни и свободы, который никогда не можетъ совершенно потухнуть въ людскихъ сердцахъ. Гдѣ же горитъ этотъ огонь, гдѣ отражается его отблескъ?

На этомъ каменномъ хребтѣ нѣтъ мѣста духу свободы, въ этихъ деревняхъ теперь не время для слаганія рунъ.

А потому уйдемъ и отсюда, если ты надѣялся найти среди этихъ людей свѣтъ свободы и счастье. Прочь отъ этого сѣраго каменнаго хребта, гдѣ царитъ усталость, гдѣ нѣтъ времени для пѣсни, гдѣ мускулы, жилы, руки, ноги, всѣ мысли и заботы,—все напрягается

къ тому, чтобы уплатить оброкъ, какъ если бы человѣкъ обращался въ бездушную машину.

Но вотъ дороги опять встрѣчаются; тутъ пролегаетъ большая дорога, на которой уже нѣтъ колей отъ колесъ. Она усыпана пескомъ и окаймлена канавами; вдоль дороги идетъ рядъ телефонныхъ столбовъ, и она извивается по равнинѣ подъ веселую пѣсню проволокъ.

Уже начинаютъ попадаться клеверныя поля, принадлежащія къ большой усадьбѣ. Уже попадаются расчищенныя рощи, уже зеленѣютъ хлѣбныя поля, и чѣмъ ближе къ усадьбѣ, тѣмъ глубже становятся канавы, тѣмъ сочнѣе паровыя поля. Посмотри, вонъ тамъ въ извилинахъ залива виднѣется холмъ съ зеленѣющими липами; онъ возвышается въ самой глубинѣ залива среди изумрудныхъ полей и кудрявой листвы. Туда-то и ведутъ всѣ дороги. Тамъ вѣтеръ, стѣсненный горой, вѣетъ тише, тамъ подъ яркими лучами солнца выросли высокія деревья съ темной листвой, тамъ трава сочная и тростникъ на берегу выше,—тамъ подъ гигантскими липами и старыми кленами стоитъ бѣлая усадьба Раухалахти. Она вся бѣлая, но она отражаетъ на себѣ яркую зелень липъ и кажется тоже зеленой; обросшія мохомъ застрѣхи кажутся зелеными, грудки у ласточекъ, сидящихъ подъ крышей въ своихъ гнѣздахъ, тоже зеленыя, какъ и наличники у оконъ, стекла и гардины.

По лужайкѣ разгуливаютъ нарядные люди; они ходятъ и по парку, и по двору,—въ Раухалахти всегда много народу. Тамъ живутъ и свои, и чужіе, зятья и невѣстки, тести и шурины, двоюродные и троюродные братья и сестры, и ихъ друзья. Одни пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ, потомъ снова пріѣзжаютъ.

Одни пріѣзжаютъ на нѣсколько недѣль, другіе на нѣсколько дней, нѣкоторые заѣзжаютъ проѣздомъ. Дѣтьми кишитъ вездѣ, и вездѣ видны няньки съ бутылками съ молокомъ, съ пеленками и дѣтскими колясками. Нѣкоторыя дѣти играютъ въ пескѣ, другія на лугу, щебеча взапуски съ птицами. Старшіе гуляютъ группами, но всегда молодыя дѣвушки съ молодыми людьми. Они то играютъ въ крокетъ, то въ лаунъ-теннисъ, то отправляются на прогулку съ пѣснями и веселой болтовней; они держатся въ сторонѣ отъ старыхъ тетокъ съ ихъ головными болями, кофепитіемъ и разговорами о добромъ старомъ времени и о недостаткахъ современной молодежи. И всетаки всѣ эти люди принадлежатъ къ одному счастливому кругу, внутреннюю жизнь котораго согрѣваетъ общественная жизнь, а внѣшнюю—теплые солнечные дни, къ тому кругу, который счастливъ своей свободой, счастливъ своей беззаботностью, счастливые

уже только потому, что къ вящей зависти другихъ, непосвященныхъ, они могутъ считаться среди друзей владѣльцевъ Раухалахти.

Въ главномъ зданіи усадьбы на мягкихъ коврахъ въ равномѣрно покачивающемся креслѣ-качалкѣ, со старинной пѣнковой трубкой въ рукахъ, сидитъ самъ онъ, тотъ человѣкъ, который представляетъ изъ себя центръ всего: центръ для зимнихъ и лѣтнихъ дорогъ, центръ для необозримыхъ хлѣбныхъ полей, центръ для всѣхъ посѣвовъ и жатвъ, центръ для всѣхъ пожеланій добраго здоровья и долгой жизни. Этотъ человѣкъ, окруженный преданностью и любовью близкихъ и родныхъ, и есть совѣтникъ земледѣлія, добрый, благородный владѣлецъ Раухалахти.

Года успѣли уже щедро посыпать его голову и его бороду серебромъ. Онъ сидитъ по большей части въ креслѣ-качалкѣ, покуривая свою трубку. Онъ не ходитъ больше по своимъ землямъ, раздавая приказанія: теперь приходятъ къ нему за приказаніями. На всей его внѣшности лежитъ отпечатокъ легкаго утомленія, его сѣдые усы слегка пожелтѣли отъ куренія, а подъ глазами у него небольшіе мѣшки, свидѣтельствующіе о кротости. Если онъ и выходитъ иногда изъ дому, чтобы осмотрѣть свои земли, то онъ это дѣлаетъ не для того, чтобы провѣрить, какъ идутъ работы, а только для того, чтобы насладиться всѣмъ тѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя, насладиться полнымъ порядкомъ и тѣмъ, что все идетъ какъ бы само собой. Онъ можетъ смѣло посвящать свои дни изслѣдованію старыхъ историческихъ писемъ, которыя еще существуютъ въ Раухалахти: прадѣдовская коллекція старинныхъ писемъ,—это гордость Раухалахти. Много историческихъ лицъ, если и не находились въ прямомъ родствѣ съ владѣльцами Раухалахти, то во всякомъ случаѣ состояли въ близкой связи съ ними. За исключеніемъ писемъ многихъ героевъ финской войны, тамъ хранились собственноручныя письма Армфельта, Аминова и даже Густава III. Всѣ они были тщательно собраны въ пакеты и уложены въ папки, отдѣланныя кожей; самые драгоцѣнные документы лежали, развернутые, подъ стекломъ. Среди этихъ писемъ совѣтникъ земледѣлія чувствовалъ себя, какъ въ святилищѣ. Онъ зналъ всѣ письма по номерамъ и зналъ содержаніе каждаго изъ нихъ почти слово въ слово и, несмотря на это, онъ постоянно перечитывалъ ихъ собравшейся семьѣ, роднымъ или друзьямъ,—онъ читалъ серьезно и съ благоговѣніемъ, какъ если бы онъ исполнялъ какое-нибудь святое дѣло.

У совѣтника семеро дѣтей и множество внучатъ. Уже въ преклонномъ возрастѣ онъ вторично женился на особѣ, которая удивила всѣхъ тѣмъ, что, наперекоръ обычному явленію, она сумѣла устано-

вить хорошія отношенія съ дѣтьми мужа отъ его перваго брака. Она стала душой въ большомъ хозяйствѣ помѣстья Раухалахти, но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ уваженіемъ относилась къ правамъ дѣтей мужа, которыя считали Раухалахти своимъ домомъ. Она славилась также тѣмъ, что поддерживала добрыя отношенія съ самыми разнообразными людьми, она интересовалась всевозможными вопросами и съ живымъ интересомъ слѣдила за ходомъ мыслей своего собесѣдника. И при всемъ этомъ она не забывала о томъ, что происходитъ въ кухнѣ, какъ чувствуютъ себя маленькія дѣти, находящіяся на ея попеченіи, которыхъ надо укладывать спать, которыхъ пора кормить и которымъ надо идти гулять.

Если все это было прекрасно, то еще прекраснѣе были отношенія между супругами.

Насколько они оба были примѣрны,—она, какъ хозяйка дома, онъ какъ хозяинъ обширнаго имѣнія—настолько они были идеальной супружеской четой. Даже самые близкіе люди не могли рѣшить, чья воля была рѣшающей. Этого нельзя было выяснить даже при тщательномъ наблюденіи за ихъ дѣйствіями и словами. Обыкновенно они обмѣнивались другъ съ другомъ лишь нѣсколькими словами. Жена приходила и наклонялась къ мужу, сидящему въ креслѣ-качалкѣ, и шептала ему нѣсколько словъ на ухо. Послѣ этого они обмѣнивались взглядомъ и едва слышно произносили нѣсколько словъ. Если они бывали различныхъ взглядовъ, то посторонніе, присутствовавшіе при этой сценѣ, съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за выраженіемъ ихъ лицъ, стараясь подмѣтить малѣйшую досаду или хотя бы нетерпѣливое подергиваніе плечъ. Но мужъ только хлопалъ свою жену по рукѣ, а она говорила на это: «хорошо», и уходила. Кто знаетъ, какія важныя дѣла рѣшались такимъ образомъ! Никто не могъ бы сказать, перемѣнилъ ли мужъ свое рѣшеніе, узнавъ мнѣніе жены, или же жена уступила, узнавъ взглядъ мужа.

Иногда случалось, что бѣлыя двери, по обыкновенію закрытыя и находившіяся въ концѣ цѣлой амфилады залъ и гостиныхъ, оставались раскрытыми. Тогда гости, не имѣвшіе права доступа во внутреннія комнаты, могли издали заглянуть въ «святое-святыхъ». Предметы въ этой комнатѣ были видны неясно, такъ какъ гардины тамъ были всегда спущены и тамъ царилъ полумракъ, но въ этомъ полумракѣ сверкали золотые набалдашники на двухъ, рядомъ стоящихъ кроватяхъ. Виднѣлась также мраморная статуя Христа, который подъ пологомъ протягивалъ свои руки для благословенія.

Если это святое-святыхъ видѣло молодое существо, то его охватывало радостное чувство, и его мечта, его невоплощенный идеалъ

нѣжно шепталъ ему: брось безплодныя сомнѣнія, жизнь—это радость; цѣль жизни ясна и близка, и значеніе ея просто и естественно. То, что неясно обрисовывается тамъ, подъ пологомъ,—вѣрная житейская пристань, цѣль человѣческаго существованія. Внѣ домашняго очага и семейнаго счастья—лишь буря, отчаяніе и несчастье.

Нашли ли мы, наконецъ, то обширное и прохладное зданіе, которое возведено свободой и счастьемъ?

Слышишь ли ты звуки музыки, которая раздается въ залахъ этого золотого жилища? Слышишь ли ты мягкіе звуки флейты, нѣжные переливы скрипки и гармоничный акомпаниментъ фортепіано? Прислушайся также къ веселому гомону, царящему среди беззаботной молодежи; молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ встали въ кружокъ и приготовились танцовать.

Пусть необитаемые лѣса шумятъ въ своемъ одиночествѣ! Здѣсь мы нашли то, что искали. Здѣсь счастье, здѣсь та свобода, безъ которыхъ люди не могутъ дышать. Здѣсь живутъ дочери искусства и пѣсни, которыя превращаютъ негостепріимную землю въ жилище радости для людей.

V.

День рожденія.

Однако и у счастливыхъ владѣльцевъ Раухалахти были свои заботы.

У совѣтника земледѣлія было семь дочерей и ни одного сына. Кому передать имѣніе?

Всѣ дочери, кромѣ самой младшей, фрёкенъ Марты, были замужемъ. И всѣ онѣ были счастливы въ супружествѣ. Ихъ мужья, всѣ безъ исключенія, были значительными людьми или, по крайней мѣрѣ, подавали несомнѣнную надежду сдѣлаться таковыми въ ближайшемъ будущемъ. Двое изъ нихъ были военными, другіе двое чиновниками, одинъ—директоромъ банка и, наконецъ, послѣдній былъ приватъ-доцентомъ университета. Но никто изъ нихъ не былъ способенъ взять на себя управленіе Раухалахти.

А потому завѣтнымъ желаніемъ совѣтника земледѣлія было выдать свою младшую дочь, любимую Марту, за человѣка, который былъ бы въ состояніи взять на себя управленіе имѣніемъ.

Но желаніе это не осуществилось, что мы и увидимъ дальше.

У совѣтника былъ старый другъ, занимавшій высокій военный постъ въ Россіи и извѣстный своей храбростью, а также своей любезностью и своимъ необыкновенно громкимъ голосомъ—онъ всегда

кричалъ такъ, какъ если бы необходимо было перекричать бурю. Кромѣ того, онъ отличался своей полной безпомощностью во всемъ, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ военному дѣлу. Если, напримѣръ, приходилось касаться какого-нибудь вопроса изъ области чувствъ, то храбрый воинъ окончательно терялся. Глаза его дѣлались круглыми, и на лицѣ появлялось испуганное выраженіе. Къ его великому несчастью онъ остался въ жизни одинокимъ, такъ какъ его умная и добрая жена умерла рано, оставивъ на рукахъ своего безпомощнаго, шумливаго мужа ихъ единственнаго сына Эдуарда. Безпредѣльно любя своего сына, но не имѣя ни малѣйшаго понятія о воспитаніи дѣтей, отецъ не жалѣлъ денегъ, стараясь при помощи ихъ пополнить то, чего не хватало въ воспитаніи сына. Онъ пригласилъ къ сыну лучшихъ учителей какъ въ области науки, такъ и искусства. Кромѣ того, при сынѣ находился воспитатель, имѣвшій надзоръ за ученьемъ. И при всемъ этомъ оказалось, что въ воспитаніи сына какъ будто было что-то неправильное. Послѣ своего поступленія въ университетъ, молодой человѣкъ, повидимому, утратилъ всякое желаніе совершенствоваться въ наукахъ и началъ вести разгульную жизнь со своими товарищами. Его поведеніе съ каждымъ годомъ становилось все хуже, пока онъ не дошелъ, наконецъ, почти до полной гибели. Онъ не обращалъ больше ни малѣйшаго вниманія на приличія, бравировалъ своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій и безвозвратно погубилъ свою репутацію необузданнымъ поведеніемъ.

Отецъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы противодѣйствовать этому несчастію. Самъ онъ, конечно, не могъ вліять на сына; если даже онъ и напрягалъ для этого всѣ свои мысли, то онъ ничего не могъ придумать, кромѣ простого увѣщанія, состоявшаго изъ словъ: «Брось пить!» Его отеческіе совѣты не шли дальше этого. Въ своей безпомощности онъ обратился за совѣтомъ къ духовнымъ пастырямъ, которыхъ онъ еще помнилъ по старому знакомству. Онъ даже написалъ самому архіепископу, желая узнать его мнѣніе. Послѣдній отвѣтилъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ высказывалъ надежду, что Господь когда-нибудь приведетъ юношу на его, епископа, путь и рекомендовалъ пока назидательное чтеніе. Другіе совѣтовали заграничное путешествіе или вообще перемѣну мѣстожительства. Нашъ воинъ добросовѣстно слѣдовалъ всѣмъ совѣтамъ; онъ послалъ своему сыну книги духовнаго содержанія, устроилъ для него поѣздку за границу въ обществѣ хорошаго попутчика и всѣми силами старался уговорить его посѣтить архіепископа и лично познакомиться съ нимъ.

Но ни епископы, ни священники, ни книги духовнаго содержанія, ни заграничное путешествіе не имѣли никакого воздѣйствія.

Въ этого-то юношу, который, за исключеніемъ своего благороднаго имени, ничѣмъ не могъ похвастаться въ глазахъ свѣта, и была влюблена фрёкенъ Марта,—та самая Марта, которая была любимицей отца, любимицей управляющаго и всѣхъ слугъ, любимицей береговъ и воды, лѣсовъ, горъ, цвѣтовъ и всего, къ чему она только прикасалась, на чемъ останавливался ея взоръ.

Когда старый воинъ замѣтилъ отношенія между Мартой и своимъ сыномъ,—а не замѣтить этого было трудно, такъ какъ Марта постоянно краснѣла,—то онъ пришелъ въ восторгъ. Онъ совѣтовался относительно своего сына также и съ медицинскими свѣтилами, которыхъ онъ лично зналъ, и тѣ сказали ему, что женитьба могла бы повліять на его сына благотворно и успокоительно. Важное открытіе, что Марта любитъ Эдуарда и что Эдуардъ можетъ жениться на дочери его стараго друга, обрадовало его чрезвычайно. И онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ прокричать объ этомъ на весь свѣтъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было обрученіе молодой четы.

Старый воинъ былъ въ восторгѣ, но никакъ нельзя было сказать того же про совѣтника земледѣлія и про остальныхъ обитателей усадьбы.

Это обрученіе создало въ Раухалахти напряженную атмосферу. Оно составляло тайное горе совѣтника и его зятьевъ. Оно было предметомъ печалованій для всѣхъ тетокъ и всѣхъ знакомыхъ, считавшихъ себя въ числѣ близкихъ друзей владѣльцевъ Раухалахти. Никто не рѣшался говорить объ этомъ откровенно, но во всемъ, что говорилось, звучала извѣстная нотка, которая какъ бы служила отличительнымъ признакомъ того, насколько то или другое лицо принадлежитъ къ кругу друзей Раухалахти.

Если бы совѣтникъ не держалъ такъ крѣпко въ своихъ рукахъ бразды правленія, то навѣрное эти нѣмые, но краснорѣчивые взоры и осторожный шепотъ превратились бы въ откровенный ропотъ, который не прекратился бы до тѣхъ поръ, пока обрученіе не было бы расторгнуто.

Но совѣтникъ не ослаблялъ туго натянутыхъ браздовъ.

Воля Марты была для него закономъ, а слѣдовательно и для всѣхъ обитателей усадьбы.

Совѣтникъ ничѣмъ не показалъ, что онъ что-нибудь имѣетъ противъ выбора своей дочери или хоть сколько-нибудь недоволенъ этимъ, а соотвѣтственно этому относились къ обрученію Марты и остальные домочадцы.

Конечно, Марта не могла оставаться въ невѣдѣніи относительно скрытыхъ мыслей окружавшихъ ее людей. Стоило ей только, хотя бы

вскользь, съ похвалой отозваться о наружности какого-нибудь мужчины, какъ всѣ спѣшили наперерывъ выразить свое восхищеніе этимъ господиномъ: лучше, красивѣе, элегантнѣе его нѣтъ на всѣмъ свѣтѣ! Замѣчательно также было то усердіе, съ которымъ мачеха Марты, конечно, съ согласія самого совѣтника, начала устраивать всевозможныя празднества, на которыя приглашалось избранное молодое общество изъ столицы.

На одинъ изъ такихъ праздниковъ и теперь собралось общество въ Раухалахти. Мартѣ исполнилось двадцать лѣтъ.

За цѣлую недѣлю до этого въ усадьбѣ начались приготовленія. пекли, жарили, варили пиво. Задолго начали клеить фонарики, плести гирлянды и разучивать новые танцы и пѣсни.

Когда Марта, разбуженная выстрѣлами и пѣніемъ, вышла утромъ на веранду, всѣ колонны которой были сверху донизу увиты гирляндами изъ зелени и розъ, то ее встрѣтило множество гостей. Всѣ окружили ее, предлагая ей цвѣты и букеты.

Тетки, которыя цѣлую недѣлю писали пригласительныя письма и разсылали ихъ во всѣ стороны, какъ бы сговорясь, обратили ея вниманіе на большое собраніе гостей. «Вотъ видишь, Марта, какъ тебя любятъ, всѣ безъ особаго приглашенія вспомнили тебя въ этотъ день!» При этомъ взоры ихъ какъ будто прибавляли: «Посмотримъ, вспомнитъ ли этотъ день «тотъ господинъ»!»

Прошло полдня. Всѣ были увѣрены, что «тотъ господинъ» не пріѣдетъ больше, и дѣлали видъ, что возмущаются этимъ, тогда какъ въ глубинѣ души радовались. Каково же было ихъ удивленіе, когда ворота раскрылись, и въ нихъ въѣхалъ господинъ Венделль въ сопровожденіи Эдуарда.

Всѣ гости, сидѣвшіе на верандѣ, перегнулись черезъ перила; многіе произнесли имя Эдуарда со вздохомъ разочарованія. Въ это мгновеніе казалось, словно всѣ яства напрасно приготовлены, всѣ вѣнки и гирлянды напрасно сплетены, всѣ разноцвѣтные фонарики напрасно склеены и пригласительные билеты напрасно разосланы.

А что можно было подумать о господинѣ Венделлѣ? Чѣмъ объяснить, что онъ самъ привезъ сюда Эдуарда? Кто-то утромъ вспоминалъ про господина Венделля. Теперь было ясно, что онъ ѣздилъ за Эдуардомъ и напомнилъ ему о днѣ рожденія Марты. Какъ объяснить все это?

Такъ значитъ господинъ Венделль не считаетъ себя больше въ кругу близкихъ къ семьѣ совѣтника. Значитъ, онъ не раздѣляетъ ихъ чувствъ? А онъ до сихъ поръ былъ одинъ изъ тѣхъ, кто лучше, чѣмъ кто-либо другой, понималъ положеніе вещей въ семьѣ совѣт-

ника. Хотя онъ и не былъ родственникомъ, но его принимали въ этой семьѣ, какъ родного, и онъ подолгу гостилъ въ Раухалахти. И развѣ это не было бы къ выгодѣ господина Венделля, если бы Эдуардъ прозѣвалъ этотъ день и показалъ бы себя въ настоящемъ свѣтѣ? И, наконецъ, развѣ господинъ Венделль не былъ тѣмъ человѣкомъ, котораго Марта считала своимъ хорошимъ другомъ и который, какъ многіе надѣялись, когда-нибудь займетъ въ сердцѣ Марты мѣсто Эдуарда?

И этотъ-то самый господинъ Венделль,—стоило бы ему дать хорошую встрепку,—тащитъ сюда Эдуарда, точно всѣмъ на зло!

Эдуардъ выпрыгнулъ изъ экипажа, оставилъ Венделля, и, съ недовольнымъ лицомъ приподнявъ шляпу передъ гостями, пошелъ здороваться съ хозяевами.

Марта стояла между двумя подругами. Отъ волненія она сперва поблѣднѣла, а потомъ у нея на щекахъ выступили два красныхъ пятна, которыя рѣзко выдѣлялись на блѣдномъ лицѣ.

У жениха не было ни букета, ни единой розы для нея.

Въ ту минуту, когда Эдуардъ, стоя среди благоухающихъ цвѣтовъ, замѣтилъ свою оплошность и почувствовалъ на себѣ неодобрительные взгляды, онъ услыхалъ вдругъ позади себя голосъ Венделля:

— Послушай, Эдуардъ, возьми же вотъ это. Главное-то ты и забылъ!

И Венделль передалъ Эдуарду круглую картонку. Послѣдній открылъ ее и вынулъ изъ нея такой изящный и съ такимъ вкусомъ подобранный снопъ розъ, что у дамъ невольно вырвался крикъ восторга.

Откуда Венделль досталъ эти цвѣты, Эдуардъ не могъ понять. Онъ смутно помнилъ только, что когда они выѣзжали изъ Ваниккола, то Венделль поставилъ подъ сидѣнье какой-то ящикъ.

Фрёкенъ Марта была въ такомъ восторгѣ отъ цвѣтовъ, что глаза ея засіяли; красныя пятна разлились по щекамъ и превратились въ нѣжный румянецъ.

— Спасибо, Эдуардъ! Что за прелесть! Спасибо!—проговорила она, и на глазахъ у нея навернулись слезы; она должна была уйти изъ комнаты.

Всѣ поняли, что это были слезы радости.

Но Эдуарду показалось, что общество нашло благодарность Марты чрезмѣрной, и что оно осуждаетъ ее за то, что она такъ открыто показала, что попрежнему любитъ Эдуарда. Когда Марта ушла, всѣ начали превозносить ее и многіе повернули Эдуарду спину, какъ бы желая дать ему почувствовать его ничтожество по сравненію съ Мартой, этой обожаемой младшей дочерью помѣщика.

Эдуарда представили пожилымъ мужчинамъ, но тѣ поспѣшили снова занять свои удобныя мѣста на верандѣ и продолжали разговоръ, касавшійся политическаго состоянія страны. Вдругъ Эдуардъ выпрямился и сказалъ громко и рѣзко:

— Это прямо невѣроятно, какое громадное количество невоздѣланной земли находится въ этомъ имѣніи. Я смотрѣлъ, пока мы ѣхали сюда, такъ ей конца не было.

Всѣ обернулись къ Эдуарду. Молодые люди и дамы, которые хотѣли уйти, остановились, когда услыхали голосъ Эдуарда. Всѣ удивлялись способности Эдуарда заводить новый разговоръ. Его смѣлость въ этомъ отношеніи многимъ нравилась, въ другихъ она порождала надежду срѣзать его.

— Это значитъ,—сказалъ одинъ изъ зятьевъ, директоръ банка, съ коротко подстриженными свѣтлыми усами—это значитъ, что вы намекаете на лѣса Раухалахти?

Этотъ господинъ всегда обращался къ Эдуарду на *вы*, такъ какъ онъ не хотѣлъ признавать въ немъ жениха Марты.

— Я намекаю на такую землю, которую можно было бы обрабатывать, но которую въ этомъ имѣніи не обрабатываютъ и такимъ образомъ не даютъ возможности другимъ обрабатывать. Это несправедливо!

Эти слова произвели впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Всѣ переглянулись. Одинъ шутникъ состроилъ гримасу, причемъ нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ, стоявшихъ у дверей, фыркнули и съ шумомъ выбѣжали изъ комнаты.

Наступило долгое молчаніе.

Такъ какъ политическіе вопросы, составлявшіе тему для разговора до прибытія Эдуарда, были очень интересны, то директоръ банка, ни единымъ словомъ не отвѣчая Эдуарду и какъ бы желая этимъ уколоть его, продолжалъ совершенно спокойно излагать свой взглядъ на форму правленія въ 1772 году.

Онъ былъ юристомъ до мозга костей и страстнымъ защитникомъ основныхъ законовъ. Для всѣхъ обитателей Раухалахти онъ былъ авторитетомъ во всемъ, что касалось политики. Особенно краснорѣчивы и убѣдительны были тѣ доводы, которые онъ приводилъ, чтобы доказать, почему обѣщаніе Александра I, данное боргоскому сейму о сохраненіи основныхъ законовъ, должно оставаться въ силѣ и для всѣхъ послѣдующихъ правителей.

Однако, какъ ни интересны были жгучіе вопросы дня, любопытство общества было возбуждено и тѣмъ вопросомъ, который затронулъ Эдуардъ. Въ то время, какъ часть общества разсуждала о пас-

сивомъ сопротивленіи и о «Fria ord» *), другая часть потихоньку передвинулась къ Эдуарду и завела съ нимъ разговоръ о землевладѣніи.

Теперь разговоръ шелъ на двухъ различныхъ концахъ веранды. Какъ ни старался директоръ банка затмить своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ разговоръ въ противоположномъ углу, онъ скоро замѣтилъ, что его слушаютъ разсѣянно и все вниманіе удѣляютъ другому разговору. Кромѣ того онъ замѣтилъ, что вся молодежь, а также и дамы, собрались вокругъ Эдуарда,—это подѣйствовало на его нервы. Когда онъ замолчалъ на мгновеніе, чтобы перевести дыханіе, то между нимъ и его слушателями рѣзкимъ диссонансомъ ворвался голосъ Эдуарда.

— Неужели же нѣчто подобное можетъ зависѣть отъ какой-то бумаги? Торпъ принадлежалъ ихъ отцу, ихъ дѣду и даже ихъ прадѣду, и каждую пядь земли они обработали сами. Но вотъ появляется новый владѣлецъ земли, которому принадлежитъ и торпъ, и говоритъ: «Убирайся вонъ! У тебя нѣтъ никакихъ бумагъ, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, что тебѣ обѣщали другіе!» Да развѣ это не возмутительно!

— Это очень грустно,—замѣтилъ благочинный. Когда-то и онъ по просьбѣ отца Эдуарда старался привести блуднаго сына на путь истинный.—Это очень грустно, но съ другой стороны святость права собственности...

Эдуардъ не далъ ему договорить:

— Какое право имѣетъ человѣкъ на землю, которую обрабатываетъ другой? Это право узурпатора. Но по закону природы земля должна была бы принадлежать всѣмъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ.

— Дорогой другъ,—возразилъ на это благочинный,—это было бы противъ человѣческихъ законовъ и противъ порядка; это привело бы людей къ борьбѣ другъ съ другомъ и вернуло бы насъ къ тѣмъ временамъ, когда не было никакихъ общественныхъ законовъ, когда царила полная анархія.

— Позвольте вамъ сказать, что именно теперь царитъ открытая анархія, потому что то, что творится теперь, это беззаконіе, это узурпаторство, это грабежъ.

— Подождите,—остановилъ его благочинный, но ему такъ и не удалось ввернуть слово.

---

*) Запрещенная въ то время въ Финляндіи газета *Свободное Слово*. *Примѣч. переводч.*

— И я хорошо знаю,—продолжалъ Эдуардъ,—почему землю не позволяютъ обрабатывать. Это потому, что вы хотите, чтобы были бѣдные, которыхъ можно было бы заставить работать на васъ за нѣсколько пенни въ день. Вотъ въ чемъ вся штука!

Снова наступило молчаніе, во время котораго присутствовавшіе какъ бы взвѣшивали значеніе словъ, сказанныхъ Эдуардомъ.

Директоръ банка нашелся первый. Онъ всталъ и приготовился уйти съ веранды. Другіе послѣдовали его примѣру, и черезъ нѣсколько мгновеній всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Такимъ образомъ всѣ безъ предварительнаго соглашенія показали Эдуарду свое мнѣніе о немъ.

Эдуардъ принялъ вызывающую позу и со скрещенными на груди руками спокойно смотрѣлъ, какъ общество понемногу оставляло веранду. Онъ понялъ, что уходятъ, чтобы отдѣлаться отъ него.

Эдуардъ искалъ глазами только Марту.

Марта осталась стоять въ дверяхъ и смотрѣла прямо ему въ глаза. Она была блѣдна, и ея большіе испытующіе глаза выражали въ одно и то же время и удивленіе, и страхъ, какъ у ребенка, который слушаетъ страшную сказку.

Эдуарду показалось, что онъ читаетъ въ этихъ глазахъ свой приговоръ: «Такъ вотъ какой ты! Я думала увидать тебя покорнымъ и раскаивающимся, а ты только дерзокъ! Прощай!»

Какъ ни былъ Эдуардъ влюбленъ въ ея глаза, но ему казалось невозможнымъ измѣнить ради нихъ свои убѣжденія. Это значило бы обмануть и себя, и ее. А потому онъ отвернулся отъ Марты, гордо встряхнувъ головой и какъ бы отвѣчая ей такимъ же рѣшительнымъ: прощай!

Наконецъ, ушла и Марта. Остался одинъ совѣтникъ земледѣлія.

По всей вѣроятности, ушелъ бы и онъ, если бы не замѣтилъ выраженія глазъ Марты, и если бы онъ не придалъ этому выраженію совсѣмъ другое значеніе. Онъ понялъ, что Марта проситъ его не разрывать съ Эдуардомъ, а потому онъ рѣшилъ изъ любви къ дочери поговорить съ молодымъ человѣкомъ, чтобы заставить его послушаться голоса разсудка.

Совершенно неожиданно для себя Эдуардъ, который уже думалъ, что всѣ дружескія связи съ этой семьей порваны, вдругъ услыхалъ голосъ совѣтника, который заговорилъ съ нимъ ласково и дружелюбно, продолжая спокойно покачиваться въ своемъ креслѣ-качалкѣ.

— Я такъ хорошо знаю всѣ эти разговоры, дорогой Эдуардъ,— каждое слово мнѣ хорошо знакомо. И какъ это ни странно, но и я самъ когда-то задумывался надъ всѣми этими вопросами. Какъ хо-

рошо я помню то время, когда я только что вернулся изъ Мюнхена, гдѣ я слушалъ лекціи Риля. И еще теперь звучатъ въ моихъ ушахъ могучія слова великаго учителя, обращенныя къ намъ, его ученикамъ: «Обнажите сердце вашей родины, идите въ народъ, работайте, просвѣщайте, поднимайте, будите!» Проникнутый его великими идеями, горя желаніемъ принести пользу, я вернулся на родину. Я готовъ былъ отдать свою жизнь ради того, чтобы слѣдовать совѣту учителя. Но скоро, слишкомъ скоро я замѣтилъ, что все, чѣмъ я такъ увлекался, было по большей части лишь миражемъ. Оказалось, что многое въ дѣйствительной жизни было совсѣмъ иначе, чѣмъ это представилъ Риль, многое, многое. «Будь къ мужику справедливъ, но никогда не будь къ нему добръ»,—говоритъ пословица, и въ словахъ этихъ много правды.

— А землю вы имъ дали?—спросилъ Эдуардъ тѣмъ же тономъ, хотя ласковый голосъ совѣтника уже успѣлъ произвести на него извѣстное дѣйствіе.

— Я чувствовалъ себя въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится докторъ, который долго занимался приготовленіемъ укрѣпляющаго питья, и котораго отталкиваютъ тѣ, для кого онъ готовилъ это питье, въ тотъ моментъ, когда онъ подноситъ имъ его. И вотъ я очутился среди народа съ протянутой ложкой въ рукахъ, но никто не обращалъ вниманія на мое лѣкарство.

Эдуардъ хотѣлъ было еще разъ спросить, не состояло ли лѣкарство въ надѣленіи землей безземельныхъ, но онъ не хотѣлъ обидѣть совѣтника, намекавшаго своимъ сравненіемъ на школы, которыя онъ когда-то хотѣлъ устроить для простого народа. Совѣтникъ самъ вернулся къ его вопросу.

— Ты спрашивалъ, далъ ли я земли? Неужели ты думаешь, я не попыталъ и этого? Дай имъ только землю, и они высосутъ изъ нея всѣ соки, вырубятъ лѣсъ и продадутъ его. Или, можетъ быть, ты хотѣлъ, чтобы я отдалъ имъ землю даромъ? Раздѣлилъ бы Раухалахти на участки и отдалъ бы ихъ имъ? Это было бы вполнѣ по-христіански, это безспорно, но позволь мнѣ усомниться въ пользѣ такого мѣропріятія. Слѣдствіемъ этого было бы то, что торпары превратились бы въ мелкихъ землевладѣльцевъ. Но что же дальше? Эти землевладѣльцы въ свою очередь обзавелись бы торпарами, которыхъ они высасывали бы гораздо болѣе основательно, чѣмъ мы умѣемъ это дѣлать. Богатый мужикъ—есть ли что-нибудь болѣе отвратительное? Вотъ это настоящіе пауки!

Выраженіе тяжелаго разочарованія появилось на лицѣ Эдуарда, какъ если бы его вѣра поколебалась—его вѣра во все то, о чемъ пи-

салъ своему отцу и что одно лишь могло возбудить въ немъ желаніе къ моральному возрожденію.

Но онъ не хотѣлъ уступить сразу. Ему захотѣлось разсказать о сценѣ, свидѣтелемъ которой онъ былъ и которая дала извѣстное направленіе его мыслямъ. Онъ нарисовалъ картину изгнанія Кинтури изъ его торпа.

— Я никогда не забуду этого—это было тяжелое зрѣлище—коронный фохтъ и всевозможные полицейскіе сидѣли на скамьяхъ и громко разговаривали, дѣти плакали—вѣдь этотъ торпъ былъ для нихъ роднымъ домомъ, какъ и наши дома для насъ—подумайте, если бы и насъ выгнали такимъ образомъ изъ нашего собственнаго дома.

Совѣтникъ земледѣлія покачалъ головой.

— Знаешь, дорогой Эдуардъ, мнѣ кажется, что ты все это сильно преувеличиваешь. Конечно, я не хочу сказать, что народъ не умѣетъ чувствовать, но насколько я его знаю, онъ никогда не привязывается къ какому-нибудь опредѣленному мѣсту, напримѣръ, вслѣдствіе его красиваго мѣстоположенія. Напротивъ, крестьяне охотно перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, если они предвидятъ отъ этого матеріальную выгоду. Къ сожалѣнію, я замѣтилъ, что они истощаютъ свою собственную землю и потомъ зарятся на чужіе лѣса. Ты не знаешь народа, Эдуардъ, и прости мнѣ, не знаешь положенія вещей въ нашей странѣ.

Послѣ этихъ словъ совѣтника Эдуардъ почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Онъ глубоко вздохнулъ.

Теперь и совѣтникъ замѣтилъ тоскливое выраженіе на лицѣ Эдуарда, но это только обрадовало его, такъ какъ, по его мнѣнію, это было хорошимъ признакомъ и подавало надежду на перемѣну въ Эдуардѣ. А потому въ голосѣ его было нѣчто ободряющее, когда онъ сказалъ, весело вставая съ кресла:

— Но если тебя такъ интересуетъ крестьянскій вопросъ, то я могу рекомендовать тебѣ множество книгъ, которыя разсматриваютъ этотъ вопросъ всесторонне. Вся моя библіотека къ твоимъ услугамъ. Пойдемъ, я тебѣ покажу.

И онъ повелъ Эдуарда въ библіотеку, обширную комнату съ высокими окнами и стѣнами, заставленными книжными полками съ потолка до пола.

— Посмотри вотъ это и вотъ это?—сказалъ онъ, вынимая одинъ томъ за другимъ. Онъ разложилъ на столѣ передъ Эдуардомъ цѣлую кучу статистическихъ таблицъ. Это были тяжеловѣсныя разсужденія относительно безземельнаго населенія и главнымъ образомъ относи-

тельно торпаровъ. О каждой книгѣ онъ говорилъ нѣсколько поясни-тельныхъ словъ.

— Какъ видишь, много сдѣлано для того, чтобы выяснить этотъ вопросъ, но это не такъ легко сдѣлать, какъ кажется.

Эдуарду казалось, что онъ становился все меньше и меньше.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ оживленіи, съ которымъ говорилъ совѣт-никъ, Эдуардъ почувствовалъ преднамѣренность. Казалось, точно помѣщикъ раскидываетъ невидимыя сѣти, чтобы поймать въ нихъ Эдуарда.

А потому Эдуардъ почувствовалъ громадное облегченіе, когда нѣсколько гостей вошло въ библіотеку, и ему можно было уйти. Та-кимъ уничтоженнымъ онъ еще никогда не чувствовалъ себя.

Когда онъ проходилъ по большой залѣ, то мимо него пробѣжала кучка молодыхъ дѣвушекъ. Хлопая въ ладоши, перебивая другъ друга и крича, онѣ съ хохотомъ ворвались въ библіотеку, чтобы сообщить совѣтнику о новомъ планѣ относительно какой-то прогулки. Но вдругъ все стихло. Повидимому, съ ними заговорилъ совѣтникъ. И если Эдуардъ и не слышалъ, что онъ говорилъ, то онъ почувство-валъ, что совѣтникъ сказалъ нѣсколько словъ въ его защиту. Эду-ардъ поспѣшно вышелъ изъ залы.

Онъ прошелъ черезъ веранду, гдѣ уже снова успѣло собраться цѣлое общество мужчинъ. Онъ хотѣлъ было пройти въ садъ, но по-томъ свернулъ направо и подошелъ къ красной изгороди, которая отдѣляла дворъ отъ службъ и строеній, въ которыхъ жили работни-ки. Казалось, точно онъ хотѣлъ уже выйти въ ворота и незамѣтно покинуть усадьбу, но потомъ онъ замедлилъ шаги и остановился передъ изгородью. Облокотясь о перекладину и мрачно вздыхая, онъ смотрѣлъ передъ собой, нервно грызя травинку. По другую сторону изгороди по сухой раскаленной скалѣ разгуливала одинокая курица и клевала упавшія зерна. Она изрѣдка издавала грустные звуки, какъ бы тоскуя въ своемъ одиночествѣ. Безконечно назойливыми ка-зались вечерніе солнечные лучи, которые падали на выжженную тра-ву и на отполированную людскими ногами блестящую скалу.

Черезъ нѣсколько минутъ на лицѣ Эдуарда появилась ироничес-кая улыбка. Онъ отбросилъ травинку, обернулся и, протирая глаза, какъ для того, чтобы прогнать сонъ, онъ направился, посвистывая, къ дому.

Но это былъ уже совсѣмъ другой Эдуардъ.

Увидя на верандѣ молодыхъ дѣвушекъ, онъ остановился, пере-вязалъ галстукъ и провелъ рукой по волосамъ. Его глаза, которые

незадолго передъ тѣмъ выражали удрученное состояніе и дѣтскую грусть, были теперь полны задора.

Онъ вошелъ въ самую середину веселой ватаги и снова превратился въ самаго внимательнаго свѣтскаго молодого человѣка. Онъ былъ снова красивъ, въ его обращеніи съ дамами появилась очаровательная смѣлость, онъ пилъ ихъ здоровье и волновалъ ихъ молодое воображеніе своими идеями относительно свободной любви. Послѣ того, какъ онъ выпилъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, онъ громко высказалъ мысль, что обрученіе само по себѣ нѣчто неестественное и позорное, потому что оно ставитъ любовь и природу въ зависимость отъ доходовъ и положенія.

Это была тема для безконечныхъ споровъ!

Все общество отправлялось на прогулку, но каждую минуту всѣ останавливались и продолжали спорить. Прошло много времени, прежде чѣмъ усѣлись въ лодку, такъ и на пристани продолжались еще споры.

Изъ танцевъ, которые предполагались послѣ прогулки, также ничего не вышло, хотя молодые люди уже побороли первоначальную застѣнчивость и просили начать танцы. Уже дрозды запѣли свою вечернюю пѣсню въ вершинахъ осинъ, уже начало смеркаться, и пестрые фонарики засвѣтились среди деревьевъ парка и среди перилъ веранды, и музыка уже не разъ приглашала къ танцамъ. Дрозды пѣли, музыка играла, фонарики горѣли, но никого не было, кто бы видѣлъ и слышалъ все это. Стоялъ гулъ голосовъ, слышались остроумныя замѣчанія и въ воздухѣ звенѣли молодые голоса и разносились по землѣ. Кучка спорящихъ людей напоминала муравейникъ, въ который бросили горящій смоляной факелъ. Факеломъ былъ вопросъ о *свободной любви*.

Это Эдуардъ зажегъ смоляной факелъ, и его звонкій голосъ покрывалъ всѣ остальные голоса и разносился далеко кругомъ.

Онъ много выпилъ, и какъ его душевныя силы, такъ и физическая красота выступали во всемъ блескѣ.

— Говорите, что хотите,—послышался вдругъ молодой женскій голосъ, принадлежавшій дѣвушкѣ, извѣстной своими современными взглядами,—я согласна съ нимъ!—и молодая дѣвушка, говоря это, зажала уши, какъ бы не желая слушать никакихъ возраженій.

Это было сигналомъ, котораго только и ждали.

«И я также, и я также!»—закричали въ одинъ голосъ всѣ молодыя дѣвушки, хлопая въ ладоши.

Но Эдуардъ со своими идеями былъ далеко впереди нихъ. Онъ помолчалъ немного, какъ бы стараясь еще больше опьянить себя.

Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы кто-нибудь въ этомъ обществѣ могъ быть одного съ нимъ мнѣнія. И съ презрѣніемъ въ голосѣ онъ продолжалъ свои нападки.

— Вотъ какъ, вы становитесь на мою сторону!

И онъ обрушился на женщинъ безъ всякой пощады. Онъ глумился надъ этими нравственными молодыми дѣвушками въ легкихъ открытыхъ платьяхъ, единственной цѣлью которыхъ было заручиться обѣщаніемъ на христіанскій бракъ въ будущемъ. Но что касается до него, то онъ въ эту ловушку не попадетъ! Если его боятся брать такимъ, каковъ онъ есть, то и онъ ни къ кому не подойдетъ. Женщины для него не болѣе, какъ рыночный товаръ, выставляемый напоказъ благоденствующимъ мѣщанамъ. Онъ насмѣхался надъ всей современной культурой съ ея электричествомъ и усовершенствованными путями сообщенія. Наука для него—звукъ пустой, а надъ искусствами онъ смѣется. Онъ объявилъ, что за весь день онъ не слыхалъ въ этомъ большомъ Раухалахти ни одного исполненія, достойнаго искусства, хотя человѣкъ десять пытались изображать что-то на различныхъ инструментахъ. Онъ смѣялся надъ выраженіемъ чувствъ, которыя были заучены и всецѣло зависѣли отъ нотъ. Все подверглось его уничтожающей критикѣ—все было не болѣе, какъ подражаніе и пошлое мѣщанство.

Послѣ этой выходки многіе отошли отъ Эдуарда, недоумѣвая, какъ отнестись къ его дерзкимъ словамъ.

Двое зятьевъ совѣтника стояли въ дверяхъ и разговаривали другъ съ другомъ.

— Что за странное сочетаніе образованія и грубости!

Они старались припомнить родословную Эдуарда, но какъ со стороны его отца, такъ и со стороны матери они нашли только аристократовъ, которые были гораздо чистокровнѣе ихъ самихъ.

Марта сидѣла блѣдная и дрожащая между своими двумя сестрами. Послѣднія были возмущены поведеніемъ Эдуарда. Онѣ наклонились другъ къ другу передъ Мартой и совѣщались о томъ, что дѣлать. Одна изъ сестеръ шепнула Мартѣ на ухо, что по всей вѣроятности Эдуардъ хотѣлъ своими словами дать понять, что онъ открыто разрываетъ обрученіе съ Мартой. Марта отъ волненія не могла произнести ни слова; она также была почти увѣрена въ томъ, что Эдуардъ своими словами намекалъ именно на ихъ отношенія другъ къ другу.

Сестры чувствовали себя глубоко оскорбленными за Марту. Одна изъ нихъ сказала:

— На твоемъ мѣстѣ я встала бы и заявила бы въ присутствіи всѣхъ: «что касается до меня, то ты свободенъ»!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—сказала Марта, крѣпко сжимая руку сестры и ни на минуту не отрывая глазъ отъ Эдуарда.

Но теперь поблѣднѣла и вторая сестра, которая до сихъ поръ еще не вполнѣ была увѣрена относительно смысла словъ Эдуарда:

— Но вѣдь это совершенно ясно. Онъ хочетъ устроить скандалъ. Ты должна предупредить его. Лилли права: встань и брось ему перчатку въ лицо.

Къ двумъ зятьямъ, стоявшимъ въ дверяхъ, присоединились еще двое другихъ, которые говорили:

— Надо было бы дать ему выспаться, чтобы хмель прошелъ.

— Надо его просто выгнать. Уведи куда-нибудь Марту, чтобы она ничего не замѣтила,—посовѣтовалъ другой.

Вокругъ Эдуарда стало собираться тѣсное кольцо мужчинъ, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ выкрикивать свои сужденія.

Мартѣ дѣлали знаки, чтобы она ушла:

— Иди-ка сюда на минутку!

Теперь только Марта поняла, что происходило; она поднялась въ волненіи и спросила: «гдѣ господинъ Венделль?» — и бросилась вонъ изъ залы разыскивать его. Въ то время, какъ она бѣгала изъ комнаты въ комнату, она услыхала, что шумъ въ залѣ все увеличивается, и что опрокинули какую-то мебель. Марта едва держалась на ногахъ.

— Гдѣ господинъ Венделль?

И всѣ повторяли одно и то же: «что за несчастный день! Да гдѣ же, гдѣ господинъ Венделль»?

VI.

Господинъ Венделль.

По пріѣздѣ въ Раухалахти господинъ Венделль сейчасъ же отправился на берегъ залива къ сараю, гдѣ строили лодки. Тамъ управляющій заканчивалъ отдѣлку новой лодки, которую онъ самъ выстроилъ изъ осиноваго дерева.

На помостѣ среди стружекъ красиво выдѣлялась покрытая коричневымъ лакомъ изящная лодка съ мѣдными уключинами. Господинъ Венделль вколачивалъ въ одну изъ досокъ на носу гвоздики съ бронзовыми шляпками, которые уже образовали буквы: М. А.Р. Т....

Такую лодку, какую построилъ управляющій, не удалось бы построить и спеціалисту въ этомъ дѣлѣ. Никакой мастеръ не могъ бы найти болѣе ровныхъ досокъ, въ которыхъ совсѣмъ не было сучковъ, никто не пригналъ бы такъ тщательно гвозди, не выстрогалъ бы такъ

чисто доски. Старикъ работалъ всегда съ большими круглыми очками на носу и дѣлалъ самымъ тщательнымъ образомъ всевозможныя вычисленія и измѣренія.

Онъ началъ строить лодку уже съ ранней весны, но исполнялъ свою работу съ такой точностью и такъ добросовѣстно, что на это пошло много времени. Другая причина замедленія была та, что съ очками онъ могъ видѣть только на далекомъ разстояніи, а потому онъ долженъ былъ поминутно отходить отъ своей работы, чтобы судить о ней. Все это требовало времени. Но управляющій находилъ удовольствіе въ этой работѣ.

Всю эту возню съ постройкой лодки онъ затѣялъ только изъ-за того, что Марта сказала однажды въ присутствіи управляющаго: «Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы имѣть собственную, совсѣмъ свою собственную лодку!»

Эти слова упали на благодатную почву, такъ какъ управляющій любилъ младшую барышню больше, чѣмъ кого бы то ни было изъ многочисленныхъ обитателей усадьбы. Она выросла на его глазахъ. Когда она была маленькой дѣвочкой, то она часто приходила къ нему смотрѣть, какъ онъ работаетъ. Иногда она бѣгала и играла возлѣ него, а иногда садилась и задавала ему вопросы. Уже будучи старше, она сохраняла дѣтскую привычку и гуляла за руку со старикомъ. Она не подозрѣвала, какъ это согрѣвало сердце стараго управляющаго.

Господинъ Венделль и управляющій проработали уже три часа, но они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Венделль сказалъ только въ самомъ началѣ, когда онъ пришелъ на берегъ, что онъ привезъ въ усадьбу жениха Марты. Послѣ этого они работали въ глубокомъ молчаніи. Господинъ Венделль былъ въ дурномъ настроеніи духа. Онъ разучилъ къ дню рожденья Марты сочиненную имъ фантазію для фортепіано, озаглавленную «Скорбь души». Онъ хотѣлъ сыграть ее Мартѣ утромъ, какъ только она встанетъ. Но Марта была такъ нервно настроена и такъ взволнована неувѣренностью въ томъ, что Эдуардъ пріѣдетъ въ Раухалахти, что объ игрѣ и думать было нечего. Венделль бросился сломя голову въ Ваниккола за Эдуардомъ.

Прошло почти три часа въ глубокомъ молчаніи, когда управляющій сдвинулъ вдругъ очки на лобъ и сказалъ, отрывая глаза отъ работы:

— Гдѣ онъ собственно служитъ?

Господинъ Венделль очнулся отъ своихъ мыслей, посмотрѣлъ на часы и отвѣтилъ:

— Онъ еще нигдѣ не служитъ.

Черезъ нѣсколько минутъ управляющій опять сказалъ:

— Люди разсказываютъ про этого господина всякую всячину.

— Что люди разсказываютъ?— спросилъ господинъ Венделль, оживляясь. Но не успѣлъ онъ получить отвѣта на свой вопросъ, какъ оживленіе его уже прошло, и онъ прибавилъ со вздохомъ:

— Мало ли, что люди болтаютъ.

— Ну, конечно, конечно,—согласился управляющій,—мало ли, что болтаютъ.—И онъ такъ же вздохнулъ, какъ и господинъ Венделль.

Наступило опять долгое молчаніе.

Между тѣмъ начало смеркаться, такъ что трудно было различать предметы. Управляющій поднялся съ колѣнъ и вышелъ изъ-подъ лодки, гдѣ онъ работалъ. Онъ еще разъ подробно осмотрѣлъ всю лодку, нѣсколько разъ склонялъ голову то на одинъ бокъ, то на другой и, наконецъ, сказалъ съ особеннымъ удареніемъ:

— Теперь она готова.

Итакъ, лодка всетаки была готова въ день рожденія Марты. Управляющій сейчасъ же захлопоталъ о томъ, чтобы немедленно спустить лодку въ воду. Онъ пошелъ запрягать лошадь въ сани, на которыхъ предполагалось свезти лодку къ берегу, а господинъ Венделль взялъ на себя устроить такъ, чтобы Марта на минуту оставила гостей и пришла къ берегу посмотрѣть на спускъ лодки.

Но какъ разъ въ ту минуту, когда Венделль послѣ ухода управляющаго стоялъ и стряхивалъ со своего платья стружки, чтобы идти за Мартой, дверь растворилась, и въ сарай поспѣшно вошла Марта.

— Я бѣгала и искала тебя повсюду, какъ сумасшедшая. Пойдемъ скорѣе со мной, сію минуту.

— Что случилось?

— Не спрашивай, самъ увидишь; они хотятъ связать его и увезти, о, онъ такъ пьянъ, что не держится больше на ногахъ. Это ужасно!

Вначалѣ Венделль какъ будто не слушалъ, что ему говорила Марта; онъ стоялъ и проводилъ обѣими руками по своимъ жидкимъ волосамъ. Но минуту спустя онъ сталъ выспрашивать Марту о томъ, что произошло, и сейчасъ же былъ готовъ сдѣлать все, что бы она ни пожелала. Быстро побѣжалъ онъ къ усадьбѣ, оставляя позади себя Марту.

Когда Марта, измученная отъ волненія и страха, подошла, наконецъ, къ дому, то Венделля и Эдуарда уже больше не было въ Раухалахти.

Гости сейчасъ же начали разъѣзжаться.

Съ ледяной холодностью принимала Марта болѣе или менѣе замаскированныя соболѣзнованія гостей, почему соболѣзнованія эти были весьма немногосложны. Не говоря ни слова, прошла она мимо своихъ шуриновъ, и едва слышнымъ голосомъ пожелала спокойной ночи своимъ родителямъ. И опять разрывъ Марты съ женихомъ остался открытымъ вопросомъ, а его считали уже рѣшеннымъ.

Только когда Марта очутилась одна въ своей комнатѣ, она разразилась слезами. Но она плакала не отъ горя изъ-за того, что произошло. Въ этихъ слезахъ она находила нѣкоторое облегченіе, а кромѣ того она плакала изъ чувства благодарности къ Венделлю, который взялъ на себя и это непріятное дѣло и устроилъ все такъ деликатно, безъ лишняго шума. Такого друга, какого она имѣетъ въ немъ, навѣрное нѣтъ ни у кого больше на землѣ. Она знала такъ же, какъ дважды два—четыре, что Венделль, угадывая ея настроеніе, еще въ этотъ же вечеръ, по возвращеніи изъ Ваниккола, придетъ къ ней разсказать, какъ все произошло, какъ Эдуардъ успокоился и заснулъ на своей кровати, и какъ все снова будетъ хорошо. Она была въ этомъ увѣрена и ждала.

Надъ спокойнымъ заливомъ опустилась тихая ночь, фонари вокругъ усадьбы были погашены, денной шумъ и суета улеглись. Зеленыя лужайки опустѣли, развѣсистыя березы вокругъ усадьбы казались покинутыми и ихъ густыя вѣтви съ удивленіемъ озирались на опустѣвшіе газоны и дорожки.

На зеркальной поверхности залива не было ни малѣйшей ряби, глубокая ночная тишина не нарушалась ни единымъ звукомъ, лишь изъ темнаго тростника изрѣдка доносилось тихое плесканье воды—это плавали и ныряли дикія утки. На серединѣ залива отражались еще послѣдніе отблески вечерней зари и блѣдныя краски ночного небосклона. Недалеко отъ берега медленно скользила лодка и, наконецъ, совсѣмъ остановилась. Человѣкъ, сидѣвшій на кормѣ, вынулъ изъ воды весло, которымъ правилъ. На носу на днѣ лодки сидѣла дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ; она прижалась лбомъ къ рукѣ, которой опиралась о бортъ лодки.

Лодка была та самая, которую выстроилъ управляющій. На кормѣ сидѣлъ господинъ Венделль, на носу сидѣла Марта. Оба молчали—они только что окончили разговоръ.

Но вдругъ Марта подняла голову и сказала:

— Подумать, что и ты такъ говоришь—этого я никогда отъ тебя не ожидала! Какъ могъ ты мнѣ говорить нѣчто подобное!

— Марта, но вѣдь я желаю тебѣ только добра.

— Ты совсѣмъ такой же, какъ и другіе.

И Марта вытерла глаза единственнымъ сухимъ уголкомъ своего носового платка.

Когда слезы позволили ей говорить, она продолжала:

— Ты, повидимому, такъ глубоко вникаешь во все,—вотъ относительно брака ты говорилъ,—какъ это было?—что главное, это быть совершенно свободнымъ. Но, что изъ этого, если ты не можешь помочь другимъ? Вѣдь съ *нимъ* ты ни разу не говорилъ объ этомъ! ты такъ же равнодушно относишься къ этому, какъ и всѣ остальные, или, можетъ быть, ты также не хочешь, чтобы изъ этого что-нибудь вышло?

— Ты забываешь, что я привезъ его.

— Ты это сдѣлалъ, потому, что *я* просила тебя, а вовсе не ради *него*.

— Признаюсь откровенно, я думалъ, что ты бросишь его послѣ того, какъ ты видѣла своими глазами, какой онъ,—кромѣ того, я еще не разсказалъ тебѣ всего.

— И если бы ты разсказалъ мнѣ нѣчто въ десять разъ худшее, то и это ничуть не подѣйствовало бы на меня.

— Такой любви я не понимаю.

— Ты этого не понимаешь, потому что ты вообще не понимаешь *любви;* можетъ быть, ты никогда и не любилъ?

Голосъ Венделля дрожалъ, когда онъ сказалъ:

— Этого ты не можешь знать.

— Я сказала: *можетъ быть*.

Голосъ Венделля задрожалъ еще больше:

— Я любилъ и люблю и теперь.

Но Марта не слушала и сейчасъ же перебила его:

— Для меня не существуютъ тѣ, кто не любятъ его,—мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла! Если даже онъ,—да, если даже онъ украдетъ или убьетъ кого-нибудь—все равно, кого,—хотя бы моего родного отца,—то я и тогда не брошу его!

Сказавъ это, она выпрямилась и прибавила, сверкая глазами:

— И знаешь что—вѣдь онъ былъ правъ во всемъ, что онъ говорилъ: и относительно земли, и относительно обрученія. Ну, чего мы, собственно говоря, ждемъ? Вѣдь мы любимъ другъ друга, а кромѣ того, дѣло идетъ о его благополучіи! Ужъ не думаешь ли ты, что я такая удивительно хорошая? Ничуть не бывало! Ты знаешь, я могла бы, когда угодно, бросить эту жизнь и начать жить, какъ онъ,—да, я могла бы, пожалуй, сдѣлаться «такой женщиной»!

— Марта!

— Нѣтъ, именно такъ, именно такъ! И иногда мнѣ даже кажет-

ся, что въ этомъ нѣтъ ничего дурного, по крайней мѣрѣ, это было бы хорошо ради *него*.

Такъ какъ Венделль ничего не возразилъ на это, то Марта снова разразилась слезами.

Долго-долго царило глубокое молчаніе.

Между тѣмъ лодка тихо подплыла къ темному берегу.

Когда они проходили по песчаному берегу и шли мимо сарая, то они услыхали легкій шорохъ. Они оглянулись, но все было снова тихо и они ничего не могли различить въ темнотѣ. Между тѣмъ это былъ старый Виландеръ, управляющій, который спрятался за угломъ сарая, чтобы подслушать, что они скажутъ про его лодку, надъ которой онъ работалъ все лѣто. Но какъ старикъ ни напрягалъ свой слухъ, онъ такъ и не услыхалъ ни одной похвалы. Не сказавъ ни слова, онъ медленно направился тяжелыми шагами къ усадьбѣ.

Немного спустя въ окнѣ комнаты Венделля появился свѣтъ.

Онъ попрощался съ Мартой, такъ какъ уже давно было рѣшено, что онъ уѣдетъ сейчасъ же послѣ дня рожденія Марты. Лошадь была уже заказана къ утру.

Тяжело вздыхая, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей маленькой комнаткѣ. Онъ то садился, то сгибался надъ раскрытымъ чемоданомъ, бросалъ въ него какую-нибудь книгу, потомъ снова погружался въ тяжелое раздумье и затѣмъ клалъ въ чемоданъ рядомъ съ книгой манжеты или воротничокъ и опять задумывался. Ему было больно и непріятно собираться въ путь въ такомъ состояніи. Онъ былъ дѣйствительно влюбленъ и продолжалъ любить. И кого онъ любилъ, какъ не Марту.

Глаза господина Венделля лихорадочно горѣли.

Онъ не могъ примириться съ мыслью, что не увидится больше съ Мартой. Не могъ онъ также понять самого себя.

Что заставило его молчать? Почему не разсказалъ онъ того, что зналъ про Эдуарда? Не потому ли, что онъ боялся, что Марта подумаетъ, что онъ говоритъ дурно про Эдуарда, потому что самъ любитъ ее!... Потому что она подумаетъ, что я подумаю, что она подумаетъ!... Что за несчастье вѣчно анализировать свои побужденія! Это безысходное горе моей жизни! Да, именно: горе, погибель—это хорошо сказано, и я не возьму своихъ словъ обратно!

Что такое любовь?

Если бы я дѣйствительно любилъ Марту, развѣ я могъ бы допустить, чтобы она, очертя голову, бросилась въ пропасть?

Когда во время разговора съ ней у меня сжалось сердце и задрожали губы, я подумалъ: это означаетъ, что ты не долженъ раз-

сказывать. Но я былъ просто жалкимъ трусомъ, который не могъ совладать съ самимъ собой. Я долженъ былъ высказать все! Вѣдь я желаю ей только добра! Конечно, конечно, конечно! Но я это еще сдѣлаю! Я оставлю на этомъ столѣ письмо, въ которомъ я представлю этого человѣка такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ,—ничуть не лучше, ни на іоту!

И господинъ Венделль быстро зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Глаза его горѣли и все лицо пылало.

И изображу его, какъ самое отвратительное, самое жалкое существо! Какъ нечистое, противное созданіе! Я нарисую его чернымъ, совершенно чернымъ!

И онъ потрясъ надъ головою крѣпко сжатыми кулаками, какъ бы давая клятву. При этомъ на его рукахъ между надутыми жилами ясно выступили синія буквы G. V., напоминая о той профессіи, которой посвятилъ бы себя Венделль, если бы онъ не зналъ Марты и не проникся сознаніемъ важности науки.

Въ этомъ крайне возбужденномъ состояніи онъ сѣлъ за столъ, чтобы писать письмо.

Но даже и въ этомъ состояніи онъ не могъ остаться равнодушнымъ къ выбору бумаги и пера. Не могъ онъ также сѣсть за пыльный столъ, не испытывая непріятнаго чувства, что рукава могутъ запачкаться.

А потому онъ предварительно вытеръ столъ, положилъ передъ собою бумагу наискось, открылъ чернильницу и поднесъ перо къ свѣчкѣ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли на немъ волоска. Только послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ расположился писать. Однако онъ еще разъ поднялъ перо, приложилъ его ко лбу и задумался надъ началомъ письма. Вдругъ его широкія ноздри задрожали и глаза наполнились слезами. Онъ быстро опустилъ перо на бумагу и началъ писать.

«Я беру назадъ все, что я тебѣ говорилъ сегодня вечеромъ объ Эдуардѣ. Главнымъ образомъ я сожалѣю, что разсказалъ тебѣ о его выходкѣ, которая возбудила въ Гельсингфорсѣ такое негодованіе, а именно, что онъ въ три часа дня прогуливался съ размалеванной женщиной по Эспланадѣ. Я изобразилъ все совершенно иначе, нежели я это раньше понималъ, да и теперь понимаю. Я знаю, что онъ держалъ пари по поводу этого. Я сейчасъ, тогда же, когда мнѣ разсказали о его поступкѣ, понялъ, что съ его стороны это былъ вызовъ, брошенный мѣщанскому двуличію, въ которомъ живетъ нарядный, достаточный классъ, самодовольно фланирующій по Эспланадѣ. Я даже вижу въ его поступкѣ нѣчто мужественное, симпатичное,

свидѣтельствующее о широтѣ его натуры, нѣчто такое, что гораздо выше того, что присуще высшему цивилизованному животному. Разъ такія женщины нужны,—такъ вотъ онѣ, зачѣмъ имъ прятаться! Конечно, онъ устроилъ этотъ скандалъ въ пьяномъ видѣ. Но я даже и его пьянство ставлю ему въ заслугу. У него несравненно болѣе чувствительная натура, нежели у другихъ людей, а потому онъ и пьетъ. Онъ слишкомъ глубоко сознаетъ ту ложь, въ которой живетъ наше образованное общество, чтобы переносить ее въ трезвомъ состояніи. У него нѣтъ достаточно силъ, чтобы освободиться отъ унаслѣдованныхъ нами условностей, наполняющихъ жизнь, но онъ не въ состояніи также и примириться съ подобной жизнью и проникнуться желаньемъ жить. Вотъ это-то отвращеніе къ жизни онъ и заглушаетъ пьянствомъ. Какъ несравненно выше стоитъ онъ тѣхъ мѣщанскихъ мѣрокъ, по которымъ распредѣлена жизнь другихъ людей; самодовольные и трезвые, они взбираются по ступенямъ лжи и притворства, не подозрѣвая, что подъ ними одна лишь пустота.

«Я хочу разсказать тебѣ еще нѣчто, что доставитъ тебѣ утѣшеніе. Сегодня утромъ, когда я пріѣхалъ за нимъ въ Ваниккола, то совершенно случайно и безъ его вѣдома я заглянулъ въ самую глубину его души. Я увѣренъ, что ему необходимы только помощь и поддержка, и что все еще можетъ перемѣниться. Главное, надо устроить такъ, чтобы онъ самъ не замѣчалъ, что на него стараются вліять. Конечно, и я съ своей стороны постараюсь сдѣлать все, что возможно, и не только ради тебя, но также и ради него и, пожалуй, еще ради удовлетворенія моего любопытства, потому что онъ всегда очень меня интересовалъ.

«А теперь прощай, Марта! Когда ты будешь читать это письмо, то я уже буду далеко. Мое предполагаемое путешествіе черезъ Атлантическій океанъ теперь осуществляется».

Окончивъ письмо, онъ всталъ изъ-за стола,—это былъ прежній Венделль: со спокойными, размѣренными движеніями, съ изящными манерами, всегда изысканно одѣтый, какимъ его всегда видѣли окружающіе его люди. И инціалы S. V. поблѣднѣли и ихъ едва можно было различить по неяснымъ синимъ слѣдамъ. На лицѣ остался лишь спокойный и ровный румянецъ. Его жесткіе усы снова казались мягкими рядомъ съ бѣлоснѣжнымъ стоячимъ воротникомъ.

Одинокая свѣча догорѣла, и маленькая комнатка погрузилась во мракъ, который сейчасъ же слился съ темнымъ небосводомъ, на которомъ тихо мерцали звѣзды.

VII.

Подземныя силы.

Видѣлъ ли ты когда-нибудь обвалъ? Сосны, ели, камни, можжевельникъ нагромождены другъ на друга; высоко въ воздухѣ торчатъ голые корни, а верхушки засыпаны землей. Эта картина разрушенія представляетъ изъ себя мрачное зрѣлище.

Подпочвенная вода образуетъ понемногу пустоту подъ нижними слоями земли. Цѣлыми столѣтіями это пространство земли порастаетъ растительностью. Появляется трава и мохъ, цвѣтетъ вереск, можжевельникъ питается влагой изъ трещинъ въ камняхъ, столѣтняя сосна разрастается все шире и шире. Какъ сосна, такъ и ель, и можжевельникъ, не прислушиваясь къ своимъ корнямъ, цѣлыми столѣтіями шептали другъ другу, что основаніемъ для нихъ служитъ скала, которая несокрушима.

Но наступаетъ время, когда почва не можетъ больше сопротивляться таинственной силѣ разрушенія. Сначала скатывается одинъ камень, но онъ влечетъ за собой другіе. Это первый признакъ грозящей опасности. И вотъ вдругъ въ одно мгновеніе обваливается все: все, что выросло въ продолженіе сотенъ лѣтъ, рушится и летитъ внизъ со страшнымъ грохотомъ. Старыя сосны, гигантскія ели нагромождаются другъ на друга и ихъ темные узловатые корни съ силой выбрасываются изъ земли.

Не приходилось ли тебѣ встрѣчаться съ подробнымъ бѣдствіемъ и въ жизни людей?

Конечно, дѣло идетъ не о какой-нибудь жалкой избушкѣ на лѣсномъ пригоркѣ, построенной на основаніи устнаго договора; дѣло идетъ не о томъ, какъ ленсманъ и полицейскіе входятъ въ низкую лачугу, разсаживаются на лавкѣ и продаютъ съ молотка маленькое, нехитрое имущество—лошадь, пару коровъ и трехъ барановъ, какъ нѣсколько босоногихъ ребятишекъ выбрасываются на улицу, какъ отецъ и мать подъ старость идутъ наниматься въ господскія усадьбы.

Нѣтъ, дѣло идетъ о самой господской усадьбѣ, которую постигло великое бѣдствіе. Никто не подозрѣвалъ, что подземныя силы подкапываютъ почву подъ этой усадьбой, крѣпостной актъ которой былъ ясенъ и былъ составленъ по всѣмъ правиламъ и законамъ на вѣчныя времена и подкрѣпленъ присягой. Несчастье разразилось надъ усадьбой, надъ которой работали тысячи мозолистыхъ рабочихъ рукъ въ продолженіе столѣтій, то перестраивая ее, то расширяя; надъ которой трудились сотни торпаровъ; забывая свои собственныя бѣдныя лачуги, они рыли канавы, воздѣлывали поля, выкорчевывали пни на

лугахъ. Дѣло идетъ о той усадьбѣ, гдѣ жило счастье, гдѣ цвѣло искусство, гдѣ раздавались звуки скрипокъ, гдѣ молодежь пѣла и танцовала, гдѣ старые наслаждались отдыхомъ. И это-то жилище мира разрушилось, подобно песчаному холму, подъ которымъ понемногу образовалось пустое пространство.

Эта участь постигла усадьбу Раухалахти.

Надъ усадьбой разразился непредвидѣнный, ужасный ударъ!

Какъ и всегда раньше, когда на землю спускались осеннія сумерки, когда лѣсъ скрывался за завѣсой густого тумана и дворъ понемногу погружался во мракъ, какъ и всегда раньше, лампа распространяла свой спокойный свѣтъ въ кабинетѣ совѣтника земледѣлія. Эта комната, устланная толстыми коврами, казалась еще теплѣе и уютнѣе рядомъ съ холоднымъ туманомъ, разстилавшимся на дворѣ. Какъ и всегда раньше, совѣтникъ надѣлъ на заженную лампу абажуръ, и зеленый свѣтъ, какъ всегда, освѣтилъ его круглое, довольное лицо съ морщинками вокругъ глазъ, свидѣтельствующими о добродушіи. Какъ всегда, онъ усѣлся въ креслѣ-качалкѣ, въ этомъ старомъ креслѣ изъ краснаго дерева, въ которомъ сидѣли его прaотцы. Онъ раскрылъ книгу съ крупной печатью и широкими полями въ кожаномъ переплетѣ съ разрѣзнымъ ножикомъ между страницами въ видѣ закладки. Теперь, какъ и всегда раньше, жена посумничала съ нимъ въ его кабинетѣ. Когда лампа была зажжена, она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла, и подошла къ угловой полкѣ, чтобы набить табакомъ большую пѣнковую трубку. Эту трубку курилъ еще одинъ изъ предковъ совѣтника, герой финской войны, и онъ курилъ ее когда-то въ этой же самой комнатѣ. Она набила трубку, положила ее на столъ, поцѣловала своего мужа со спокойной улыбкой и пожелала ему спокойнаго вечера. Въ эту минуту вдругъ послышались шаги служанки въ залѣ; на порогѣ она встрѣтилась со своей хозяйкой и подала ей открытую бумагу.

— Это тебѣ, Рафаэль,—сказала жена, не разобравъ содержанія бумаги и передавая ее мужу.

Едва совѣтникъ взялъ въ руки бумагу и бросилъ на нее взглядъ, какъ въ глазахъ у него потемнѣло и по лицу его разлилась мертвенная блѣдность, которая какъ бы углубила морщины у угловъ рта.

Жена увидала это, и сердце ея сильно забилось, но она сохранила наружное спокойствіе и спросила:

— Что это такое, Рафаэль?

Совѣтникъ всталъ и отвернулся немного въ сторону. И теперь старая лампа освѣщала его лицо своимъ зеленымъ свѣтомъ, но теперь на этомъ лицѣ не было ни кровинки. Онъ постарался улыб-

нуться, чтобы успокоить жену, но губы не повиновались ему, и эта жалкая улыбка скорѣе выдала его, нежели скрыла его состояніе. Жена замѣтила, что бумага дрожитъ въ его обыкновенно твердыхъ рукахъ.

— Что это, Рафаэль?—воскликнула она, поблѣднѣвъ въ свою очередь.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала служанка и сказала испуганно:

— Двое вошли, а нѣсколько другихъ остались снаружи.

— Да кто же?—спросила пораженная совѣтница.

— Барыня, тамъ мужики и ленсманъ, и полицейскіе, одинъ офицеръ, онъ вошелъ, и солдаты.

— Рафаэль!—воскликнула барыня,—да вѣдь это обыскъ!—и она едва удержалась на ногахъ, такъ она была потрясена.

— Повидимому, это такъ,—сказалъ совѣтникъ, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобы выпрямиться и овладѣть собой. Долгая, спокойная жизнь, которую онъ прожилъ въ креслѣ-качалкѣ въ ароматной атмосферѣ домашняго свѣжеиспеченнаго хлѣба и подъ сѣнью закоптѣлыхъ гербовъ, разслабила его, и хотя его дворянская кровь сейчасъ же сказалась въ немъ, но тѣло его не могло такъ скоро послушаться его воли. Онъ хотѣлъ было выпить воды, но стаканъ такъ задрожалъ въ его рукѣ, что половина воды пролилось на полъ. Да вода и не могла возвратить силу его ногамъ; онъ долженъ былъ сѣсть; и онъ закрылъ лицо руками.

— Гдѣ у тебя «Fria ord»?

— На своемъ обычномъ мѣстѣ. Ради Бога, не говори никому, что я... что я такъ слабъ; проклятыя ноги!...

Онъ напрягъ свои силы до крайности, всталъ и, опираясь на спинку дивана, пошелъ, шатаясь, къ стѣнѣ, на которой висѣли револьверы.

— Я перестрѣляю всѣхъ!

— Успокойся, Рафаэль, умоляю тебя! Рафаэль, тебѣ дурно, сядь сюда.

— Я имъ покажу, къ кому они пришли! Я буду стрѣлять!

— Ты не понимаешь, что ты говоришь, Рафаэль! Рафаэль! Будь же благоразуменъ! Ты боленъ, я позову управляющаго.

И увидя, что мужъ, послѣ тщетныхъ усилій нащупать на стѣнѣ револьверъ, безсильно свалился на диванъ, жена рѣшилась на мгновеніе покинуть его и бросилась вонъ изъ комнаты за помощью.

Она побѣжала черезъ залъ и растворила дверь въ переднюю,—эта дверь въ болѣе холодное время года всегда была закрыта. Едва

она раскрыла дверь, какъ наткнулась въ темной передней на жандарма, который звенѣлъ длинной саблей съ ручкой въ мѣдной оправѣ. Нѣмымъ жестомъ онъ запретилъ ей выйти въ наружныя двери.

Въ первую минуту она не могла опомниться и не знала, что и думать.

— Они не позволяютъ мнѣ выходить, Рафаэль!—крикнула она взволнованно въ кабинетъ, и губы ея дрожали отъ гнѣва за нанесенное оскорбленіе.—Что все это значитъ, господинъ ленсманъ?—спросила она, обращаясь къ человѣку въ чиновничьемъ мундирѣ съ золотыми пуговицами, который вошелъ черезъ кухню въ столовую и теперь стоялъ такъ величественно въ большой залѣ Раухалахти.

Ленсманъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ, какъ бы желая сказать: печальная обязанность. Однако онъ не произнесъ ни слова. Даже въ эти непріятныя минуты онъ не могъ побороть въ себѣ чувства удовлетворенія отъ сознанія, что онъ теперь въ качествѣ довольно важной персоны стоитъ въ этой самой залѣ, гдѣ онъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ безъ всякаго мундира, застѣнчивый и незамѣтный, всего лишь въ качествѣ короннаго фохта, или почти какъ слуга совѣтника, сидѣлъ въ отдаленномъ углу залы у самыхъ дверей позади другихъ гостей и, стѣсняясь до боли, рѣшалъ мучительный вопросъ относительно того, можно ли разложить на колѣняхъ хлѣбъ въ виду того, что на блюдечко онъ налилъ чай, чтобы остудить его.

«Печальная обязанность», говорили вертикальныя морщины на его лбу, но въ носу онъ чувствовалъ нѣжное, едва замѣтное щекотаніе, гораздо болѣе пріятное, нежели то, которое производила въ его носу понюшка табаку.

— Моему мужу дурно, я должна позвать управляющаго. Скажите, чтобы этотъ человѣкъ сейчасъ же отперъ мнѣ двери!—сказала барыня.

Ленсманъ опять отвѣтилъ однимъ пожатіемъ плечъ и подошелъ къ незнакомому офицеру въ синемъ мундирѣ, передъ которымъ стоявшій въ передней жандармъ раскрылъ двери въ залъ.

Офицеръ пошелъ вмѣстѣ съ двумя статскими въ кабинетъ совѣтника. Ленсманъ показывалъ имъ дорогу.

Тогда совѣтница бросилась къ телефону въ столовой и позвонила.

Отвѣта нѣтъ.

Она опять звонитъ. Халло! Халло!

Отвѣта нѣтъ.

Два жандарма, оставленные караулить дверь, ведущую въ кухню,

засмѣялись, глядя на нее, и старались на непонятномъ ей языкѣ объяснить что-то.

Но она не понимала ихъ.

— Эхъ, барыня!—говоритъ, размахивая руками, одинъ жандармъ, черноглазый и смуглый обитатель степей, и онъ старается при помощи жестовъ объяснить ей что-то. Повидимому, ему жаль барыню. Онъ представляетъ, какъ будто онъ обѣими руками ломаетъ что-то и затѣмъ отбрасываетъ отъ себя. «Да, да»,—говоритъ онъ и опять какъ будто ломаетъ что-то и бросаетъ.

Въ то время, какъ барыня опять начинаетъ звонить, къ ней подбѣгаетъ служанка и говоритъ, что изъ кухоннаго окна видѣли, какъ какіе-то чужіе люди перерѣзали телефонную проволоку.

Барыня отбрасываетъ отъ себя телефонную трубку, какъ если бы это была змѣя. Она еще не хочетъ вѣрить, что всѣ двери передъ нею заперты, и она бѣгаетъ, какъ во время пожара, изъ залы въ переднюю, изъ передней въ кухню.

Но вдругъ она хватается за голову и бросается въ залъ, чтобы оттуда пройти въ кабинетъ мужа. Но передъ дверьми кабинета стоитъ ленсманъ, который снова пожимаетъ плечами и объявляетъ, что ему поручено смотрѣть за тѣмъ, чтобы обыску никто не мѣшалъ.

— Развѣ я не въ моемъ собственномъ домѣ? Какое право имѣете вы входить сюда безъ моего вѣдома?—крикнула совѣтница задыхающимся голосомъ. И она продолжала почти съ бѣшенствомъ: «Развѣ вы не понимаете, что это мой, *мой* домъ! И что *вы* мѣшаете *мнѣ* въ моемъ собственномъ домѣ! За кого вы себя считаете—вы, *Пекка Хентунень*?

— Я чиновникъ!

— Ага, чиновникъ! А кто снялъ тебя съ козелъ и отдалъ въ школу? И школу какой страны ты посѣщалъ? Отвѣчай! Ты не отвѣчаешь? Тебѣ стыдно, жалкое созданіе! Ты долженъ былъ бы сгорѣть со стыда! Сейчасъ раскрыть дверь!

Это приказаніе, сопровождаемое повелительно вытянутой рукой, подѣйствовало на ленсмана, и онъ осторожно пріотворилъ дверь въ кабинетъ совѣтника. Потомъ онъ раскрылъ ее совсѣмъ, но не позволилъ совѣтницѣ войти въ кабинетъ.

Она увидала потрясающее зрѣлище.

Всѣ ящики письменнаго стола были выдвинуты и ихъ содержимое было разбросано по полу въ страшномъ безпорядкѣ. Въ раскрытомъ шкапу также всѣ ящики были выдвинуты, и даже тотъ, въ которомъ хранились историческія письма предковъ Раухалахти. Покрышка на диванѣ была разодрана. Передъ книжными полками, за-

нимавшими всю стѣну, стояло двое людей, которые безъ всякаго милосердія швыряли на полъ книги цѣлыми охапками. Замѣтки, касающіяся безземельныхъ крестьянъ, сельское хозяйство и исторія—все смѣшалось въ какомъ-то хаосѣ. Нѣкоторыя книги передавались приземистому офицеру, который сидѣлъ, окруженный со всѣхъ сторонъ книгами, и съ очками на носу спокойно и съ видимой привычкой къ этой работѣ перелистывалъ книги. При этомъ, вслѣдствіе его близорукости, почти каждый листъ задѣвалъ его за носъ.

Среди этой картины разрушенія стоитъ старый, сѣдой владѣлецъ Раухалахти. Блѣдный и неподвижный, какъ мраморное изваяніе, онъ опирается обѣими руками о столъ.

Ленсманъ замѣтилъ, что совѣтница вслѣдствіе чрезмѣрнаго душевнаго напряженія опустилась въ полномъ изнеможеніи на диванъ. У нея не было больше силъ сопротивляться или спорить и, не говоря ни слова, она только смотрѣла застывшимъ взглядомъ въ кабинетъ. Ленсманъ подошелъ къ ней, какъ бы желая объясниться.

— Поймите же, вѣдь я давалъ присягу при поступленіи на службу; что же я могу сдѣлать?

Совѣтница не шевельнулась, она даже не повернула головы.

Ленсманъ продолжалъ:

— Вы на это, конечно, скажете: уходи въ отставку. Но это легко сказать. Вѣдь у меня семья, жена, дѣти. Откуда мнѣ достать кусокъ хлѣба?

Такъ какъ совѣтница продолжала молчать, то онъ прибавилъ:

— Вѣрьте, для меня этотъ обыскъ такъ же отвратителенъ, какъ и для васъ. Да и не я его затѣялъ. Совѣтникъ окруженъ врагами. И они гораздо больше, чѣмъ онъ думаетъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросила совѣтница рѣзко.

— Вы окружены врагами. Ваши собственные торпары.

— Вы лжете!—закричала совѣтница, вскакивая съ мѣста, но она сейчасъ же снова опустилась на диванъ въ полномъ изнеможеніи.

— Ваши собственные торпары, сударыня. Они написали доносъ и удостовѣряли, что совѣтникъ грозилъ выгнать тѣхъ торпаровъ, сыновья которыхъ пойдутъ на призывъ. Вотъ какіе они! Я хорошо знаю этихъ негодяевъ.

— Это неправда! Это возмутительная ложь! Они не могли этого сдѣлать. Быть можетъ, мой мужъ обращался со своими служащими строго, но онъ никогда не былъ къ нимъ несправедливъ. У кого изъ нихъ могло бы хватить духу на такую низость, какъ эта!

— Знаете, что я вамъ скажу? Вы не знаете крестьянъ. Имъ не надо никакой причины. Между ними распространился слухъ, что они

получатъ собственную землю, лишь бы выгнать господъ. Вотъ, отчего все происходитъ. Обѣщайте крестьянину землю, и онъ пойдетъ на все, и обманетъ кого угодно. Вотъ какіе они, я хорошо ихъ знаю. Все дѣло въ кускѣ хлѣба!

— Рафаэль! Рафаэль!—крикнула совѣтница въ кабинетъ. Она была внѣ себя и крѣпко прижимала руки къ сердцу, какъ бы моля о помощи.

Совѣтникъ оглядѣлся кругомъ и, увидя свою жену, протянулъ къ ней руки.

— Рафаэль, онъ говоритъ, что на насъ донесли наши торпары.

Совѣтникъ приподнялъ было голову, но сейчасъ же безсильно опустилъ ее.

— Къ сожалѣнію, это, кажется, правда. Вотъ этотъ сказалъ то же самое—онъ говоритъ по-нѣмецки.

— Ахъ, Рафаэль, чѣмъ все это кончится! Ты будешь изгнанъ. Рафаэль, Рафаэль, все кончено!

— Изгнанъ! Пусть я буду изгнанъ, но подумать, что мои собственные торпары—этому я никогда не повѣрилъ бы,—мои собственные люди—это самое ужасное изъ всего! Эта мысль сводитъ меня съ ума.

Онъ подошелъ къ совѣтницѣ и она притянула его рядомъ съ собой на диванъ. И забывая все то ужасное, что происходило вокругъ нея, она нѣжно обвила шею старика своими руками.

Ленсманъ не сдвинулся съ своего мѣста и съ тупымъ любопытствомъ смотрѣлъ, вытаращивъ глаза, на этого надломленнаго человѣка, на владѣльца Раухалахти. Онъ никакъ не могъ понять, что именно *это* было «самое ужасное изъ всего». Онъ опомнился только, когда замѣтилъ, что совѣтникъ, который ждалъ, чтобы онъ ушелъ, пристально смотрѣлъ на него изъ-подъ своихъ густыхъ бровей. Онъ невольно вздрогнулъ, но въ то же мгновеніе спохватился, что такая слабость въ его положеніи неумѣстна, и, собравъ послѣдніе остатки самообладанія, онъ повернулся и съ большимъ достоинствомъ перешагнулъ черезъ порогъ кабинета.

Потребовалось цѣлыхъ долгихъ четыре часа для того, чтобы пересмотрѣть всѣ книги въ кабинетѣ. Послѣ этого начался обыскъ въ большой библіотекѣ.

Свѣчи почти догорѣли и стало уже свѣтать, когда, наконецъ, окончился обыскъ. Ни одна комната не избѣгла разгрома. Все было перевернуто вверхъ дномъ. Была разломана даже шкатулка, въ которой хранились письма совѣтницы—воспоминанія того времени, когда она была дѣвушкой и невѣстой. Тусклое пламя свѣчей трепетало отъ

движенія воздуха въ настежь раскрытыхъ комнатахъ, освѣщенныхъ сѣрымъ разсвѣтомъ.

Прежде чѣмъ покинуть усадьбу, всѣ, производившіе обыскъ, собрались въ залѣ, и офицеръ при помощи ломанаго нѣмецкаго языка какъ бы попрощался съ совѣтникомъ и его женой, которые стояли бокъ о бокъ другъ съ другомъ. Онъ сказалъ, что при обыскѣ дѣйствительно было найдено много такого, что служило тяжелой уликой и вполнѣ подтверждало справедливость доноса. Доносъ, какъ извѣстно совѣтнику, обвиняетъ его въ государственной измѣнѣ, и наказаніе изгнаніемъ за такое преступленіе, по словамъ офицера, было бы почти помилованіемъ. Однако, какъ свое личное мнѣніе, офицеръ выразилъ надежду, что все это дѣло можно было бы еще и совсѣмъ затушить, если бы совѣтникъ согласился дать обѣщаніе подлежащимъ властямъ въ томъ, что впредь призывъ на этомъ мѣстѣ будетъ происходить безъ всякой помѣхи. Такой поворотъ дѣла, по его мнѣнію, былъ бы весьма желателенъ для обѣихъ сторонъ, и онъ въ этомъ случаѣ предлагаетъ свои личныя услуги.

Нѣсколько мгновеній совѣтникъ молчалъ и передъ его внутреннимъ взоромъ прошли былые счастливые годы.

Нѣсколько мгновеній его жена стояла съ крѣпко прижатыми къ сердцу руками и ея взоръ переходилъ по разгромленному дому, изъ комнаты въ комнату, и остановился на послѣдней. Тамъ видна была надъ разрытыми постелями статуя Христа съ вытянутыми для благословенія руками.

Одно мгновеніе у обоихъ мелькнула мысль: одинъ лишь нѣмой кивокъ въ знакъ согласія этимъ чужимъ людямъ, которые ждутъ—и все снова будетъ по-старому. Множество прилежныхъ рукъ поставитъ снова все на свое старое мѣсто, приведетъ все въ порядокъ и все приметъ свой прежній видъ, и утреннее солнце, появляющееся изъза старой липы на дворѣ, не найдетъ ни малѣйшихъ признаковъ ночного разгрома. Все Раухалахти проснется, чтобы начать свою обычную жизнь; тяжелый ударъ, разразившійся надъ мирнымъ домашнимъ очагомъ, начнетъ понемногу забываться, рана заживетъ.

— Рафаэль!—сказала жена дрожащимъ голосомъ и облокотилась о руку мужа.

Но чувства совѣтника уже пришли въ равновѣсіе. Его голосъ былъ твердъ, слова ясны и взоръ спокоенъ. Крѣпкимъ и несокрушимымъ, какъ старый дубъ, стоялъ онъ передъ этимъ чужимъ человѣкомъ. Тѣ нѣсколько словъ, которыя онъ сказалъ въ отвѣтъ, были произнесены спокойно и съ достоинствомъ:

— Не знаю, есть ли въ вашей странѣ дворянство. Въ нашей

странѣ оно есть. И оно еще никогда не гнуло спины передъ несправедливостью.

Сказавъ это, онъ поднялъ голову жены, чтобы посмотрѣть ей прямо въ глаза, и прочелъ сквозь застилавшія ихъ прозрачныя слезы: такъ, Рафаэль, такъ, именно такъ!

— Ну да, ну да,—сказалъ офицеръ, какъ бы желая дать понять, что этого и надо было ожидать, и, холодно поклонившись, онъ вышелъ.

Остальные не понимали по-нѣмецки, но они поняли всетаки, что тутъ дѣло шло не о какихъ-нибудь переговорахъ изъ-за куска хлѣба. Смущенные и неловкія, они столпились въ дверяхъ и, толкая другъ друга, торопливо вышли за своимъ начальникомъ и исчезли въ сумракѣ ранняго утра.

Два дня спустя пришелъ приказъ объ изгнаніи.

На обитателей Раухалахти посыпались письма и телеграммы.

Съѣхались родственники, чтобы выразить свое участіе. Поднялась страшная возня и хлопоты, всѣ торопились и все перепуталось.

По мѣрѣ того какъ приближался день отъѣзда, вопросъ о передачѣ управленія имѣніемъ и о веденіи всѣхъ дѣлъ вообще представлялся все болѣе и болѣе труднымъ.

Совѣтникъ совершенно пересталъ спать по ночамъ, и будущее представлялось ему все мрачнѣе и безотраднѣе. Хотя онъ въ рѣшительную минуту и сохранилъ самообладаніе, да и послѣ того, какъ пришла бумага объ изгнаніи, ему удавалось сохранить передъ окружающими его людьми свой гордый видъ, имъ всетаки овладѣлъ упадокъ духа. Когда онъ оставался наединѣ съ своей женой и ему не надо было сдерживать себя, его охватывало такое нервое возбужденіе, что онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству. Тогда онъ въ тоскѣ ходилъ по своей комнатѣ и бился головой о стѣны.

Такъ всегда бываетъ съ человѣкомъ, когда его изгоняютъ изъ насиженнаго гнѣзда. Все начинаетъ рушиться вокругъ него, мысли меркнутъ, онъ не видитъ ничему ни начала, ни конца; онъ перестаетъ понимать, зачѣмъ свѣтитъ солнце. Когда человѣкъ лежитъ на смертномъ одрѣ, то онъ не ропщетъ, хотя и знаетъ, что глаза его никогда не увидятъ больше родного дома. Но когда его живымъ отрываютъ отъ родныхъ мѣстъ, отъ тропинокъ, по которымъ онъ ходилъ ребенкомъ, отъ луговъ, которые покрывались цвѣтами на его глазахъ—этого онъ не можетъ перенести, это выше его силъ. Съ нимъ дѣлается то же самое, что и со старой сосной при обвалѣ; верхушка зарывается въ землю, а черные корни, которые сотни лѣтъ впивалась въ почву, вырываются изъ нея.

VIII.

Дѣяніе ангеловъ.

Гдѣ бываютъ ангелы въ то время, когда все гибнетъ, все рушится и разлагается на свои составныя части?

Развѣ ангелы не боги древнихъ временъ, которые приняли отъ Создателя повелѣніе снова соединить раздѣленное на двѣ части человѣчество?

Такъ гдѣ же бываютъ боги во времена раздоровъ и бѣдствій?

О, горе, что въ рукахъ у нихъ нѣтъ мечей!

О, горе, что они лишь говорятъ съ людьми голосомъ тихимъ, какъ утреннее дуновеніе!

Велики города, населенные людьми, и они полны суеты и шума. Голосовъ ангеловъ тамъ нельзя разслышать, и разъединенные люди лишь собираются тамъ, но не соединяются. Тамъ побѣдители катаются въ коляскахъ, тогда какъ побѣжденные ходятъ пѣшкомъ, склонившись къ землѣ подъ тяжестью ноши. Тамъ побѣдители живутъ во дворцахъ, а побѣжденные ютятся въ подвалахъ. Тамъ люди живутъ подъ одной крышей и ничего не знаютъ другъ о другѣ; они не сидятъ за однимъ столомъ; они не протягиваютъ другъ другу руку въ знакъ благодарности, несмотря на то, что одни стелятъ каждый день другимъ постели; стираютъ и гладятъ на нихъ бѣлье, метутъ и прибираютъ за ними комнаты и безъ устали работаютъ съ утра до вечера, тогда какъ другіе никогда даже и не задумаются надъ тѣмъ, что это за люди живутъ бокъ-о-бокъ съ ними, какая мать баюкала ихъ на своихъ рукахъ, въ какомъ домѣ они выросли, что ихъ встрѣтило въ жизни. Они знаютъ ихъ только по имени, которымъ и называютъ ихъ, когда отдаютъ имъ свои приказанія.

Такъ неужели же ангеламъ не удалось гдѣ-нибудь на широкомъ свѣтѣ, хотя бы за чертой города, соединить побѣдителей съ побѣжденными?

На окраинѣ города стоитъ старый домъ, сѣрый и запущенный. Онъ стоитъ немного въ сторонѣ отъ другихъ строеній и выдвигается на улицу, портя такимъ образомъ прямую линію остальныхъ домовъ. Это неправильное положеніе дома побудило ближайшихъ сосѣдей требовать, чтобы этотъ домъ, какъ только это будетъ возможно, былъ сравненъ съ землей, что и рѣшили сдѣлать блюстители порядка, а также и отцы города. Но арендный контрактъ такъ хорошо составленъ, что даже самые ловкіе толкователи законовъ не были въ состояніи выгнать обитателей изъ этого дома. Пока стоитъ городъ, пока побѣдители катаются въ коляскахъ и живутъ во дворцахъ, пока по-

бѣжденные одѣваются въ лохмотья и живутъ въ подвальныхъ норахъ, до тѣхъ поръ и этотъ домъ будетъ стоять невредимымъ. И если даже люди сравняютъ его съ землей, то онъ снова возродится изъ своихъ развалинъ, потому что онъ построенъ на незыблемомъ основаніи арендnаго контракта.

Посмотри, какъ занимается морозное зимнее утро, какъ царица утра цѣлыми снопами разсыпаетъ золотые лучи по широкому небосводу, какъ веселыя феи лѣсовъ и воздушныя дѣвы, покинувъ на время мирные лѣса и безпредѣльное воздушное пространство, толпятся, рѣзвясь и играя, вокругъ сѣраго дома на окраинѣ города.

Это единственное мѣсто на всей широкой землѣ и единственное во всемъ большомъ городѣ, гдѣ дѣти побѣдителей и дѣти побѣжденныхъ соединяются вмѣстѣ.

Этотъ домъ не дворецъ побѣдителя и не жалкая лачуга побѣжденнаго. Онъ безвкусно разукрашенъ внутри съ видимой претензіей на сходство съ дворцомъ. Но все въ немъ поддѣльно: и шелкъ на драпировкахъ, и бархатъ на креслахъ, и позолота на высокой кровати. Поддѣленъ и румянецъ на щекахъ молодой женщины, которая спитъ на мягкой постели; и этотъ румянецъ при утреннемъ свѣтѣ не скрываетъ блѣдности лица.

Было время, когда на этихъ щекахъ игралъ естественный румянецъ. Это было, когда она маленькой дѣвочкой, выросшей въ торпѣ, собирала своими ручками ягоды на лѣсныхъ пригоркахъ и когда въ ея невинные глаза заглядывали лѣсные духи. Настало время, когда въ торпѣ для нея нехватало больше хлѣба и когда ее, совсѣмъ молоденькой, послали въ широкій свѣтъ. Когда насталъ часъ разлуки съ домомъ, она обхватила свою мать такъ крѣпко, что нельзя было ее оторвать отъ нея. Отецъ плакалъ, но онъ всетаки старался оторвать ее отъ матери. Но едва ему удалось это, какъ она бросилась къ нему самому на шею и еще крѣпче обвила его руками. Только соединенными усиліями удалось отцу и матери оторвать ее и усадить въ сани. Сперва она поступила на службу къ булочнику, потомъ получила мѣсто въ городѣ, а тамъ она забыла и ягоды на пригоркахъ, и лѣсныхъ духовъ.

Но кто этотъ пьяный человѣкъ, который спитъ рядомъ съ ней, положивъ свою голову къ ней на плечо? Черты его лица тонки и вся его внѣшность носитъ отпечатокъ благородства; онъ прекраснѣйшее и любимое дитя дворцовъ и онъ заблудился, слѣдуя за ангелами, и тропинка привела его къ дѣвушкѣ изъ торпа. Было время, когда и въ его глаза заглядывали лѣсные духи; это было, когда онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ одинъ жаркій лѣтній день и грызъ ручку

пера, переворачивая мысленно весь свѣтъ; когда онъ разрушилъ всѣ преграды, освободилъ изъ рабства народъ и далъ ему для обработыванія обширныя лѣса и земли. Тогда ангелъ заглядывалъ ему прямо въ глаза. Ангелъ долженъ былъ бы дать ему мудрость змѣя и кротость голубя, какъ всѣмъ тѣмъ, кто слушаетъ голосъ боговъ.

О, почему у ангеловъ въ рукахъ нѣтъ мечей! О, почему они лишь говорятъ съ людьми голосомъ тихимъ, какъ утреннее дуновеніе!

IX.

Мудръ, какъ змѣй, и кротокъ, какъ голубь.

— Такъ вотъ гдѣ я тебя нахожу, Эдуардъ! Средь бѣла дня въ обществѣ женщинъ и бутылокъ!

— А ты кто?

— Кто *я*? Труднѣе было бы узнать *тебя*: безсмысленные глаза, всклокоченные волосы, платье въ табакѣ! Который день ты проводишь здѣсь?

— Ты Вен-делль!

— И что у тебя за чудный басъ! Великолѣпно!

— Послушай, Венделль, ты славный малый, но не вздумай угощать меня проповѣдями! Вотъ видишь, и епископъ, и архіепископъ напрасно прибѣгали къ этому средству. Ну, а ты-то что изъ себя представляешь?

— Маленькая проповѣдь тебѣ не повредила бы, но, къ сожалѣнію, у меня теперь на это нѣтъ времени. У меня къ тебѣ совсѣмъ другое дѣло. Твое здоровье!

— Ну, въ такомъ случаѣ отыщи себѣ самъ подходящее мѣсто и садись. А, ты боишься поставить куда-нибудь цилиндръ, даже на фортепіано, такъ оставь его на головѣ! Повидимому, тебѣ трудно начать, Венделль. Дай я сдѣлаю это за тебя: Эдуардъ, ты знаешь, что въ Раухалахти теперь нѣтъ хозяина, и что...

— Хорошо, хорошо, но ты ошибаешься... Неужели ты дѣйствительно не знаешь до сихъ поръ, что я самъ люблю Марту? А, наконецъ-то клюнуло? Понимаешь ли ты теперь, что у меня, собственно, никогда не было особаго желанія вытащить тебя изъ тины. По правдѣ сказать, меня это и теперь не очень-то интересуетъ. Ну, вотъ, теперь ты знаешь все!

— Венделль, голубчикъ, ты влюбленъ въ Марту! Вотъ этого я никогда не подозрѣвалъ, бѣднята ты...

— Теперь, когда между вами все кончено, по крайней мѣрѣ, съ твоей стороны, или какъ?

— Венделль, не говори объ этомъ.

— Ну, хорошо. Теперь, когда между вами все кончено и когда необходимо, чтобы Раухалахти управлялъ мужчина,—ты, конечно, понимаешь, что Мартѣ не по силамъ долго справляться съ большимъ имѣніемъ, хотя сама она и увѣряетъ въ противномъ.

— Она увѣряетъ, что справится?

— Ну, конечно. «Дайте мнѣ попытаться,—говоритъ она,—хотя бы одинъ годъ!» Но не прерывай меня! Такъ вотъ, разъ всѣ родственники поощряютъ меня къ этому, по крайней мѣрѣ, никто меня не отговаривалъ, то я и рѣшилъ посвататься къ ней.

— А-а-а...

— А что? Это тебя непріятно удивляетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я всегда желалъ, чтобы Марта нашла себѣ хорошаго мужа.

— Это радуетъ меня. Итакъ, я рѣшилъ посвататься къ Мартѣ, но... тутъ мѣшаетъ большое «но». Вотъ видишь ли, если я приму Раухалахти, то это поведетъ за собой нѣкоторыя затрудненія: я долженъ буду взять большую сумму денегъ подъ залогъ имѣнія, чтобы выдѣлить часть наслѣдства зятьямъ.

— Я помогу тебѣ. Ты получишь отъ меня столько, сколько тебѣ нужно, тогда тебѣ совсѣмъ не надо закладывать имѣнія.

— По правдѣ сказать, я въ глубинѣ души на это и разсчитывалъ. Давай твою руку! Спасибо!

— Итакъ, Венделль, ты сдѣлаешься хозяиномъ Раухалахти, будешь курить трубку и сидѣть въ креслѣ-качалкѣ, какъ старый совѣтникъ!

— Да, если всѣ мои предположенія оправдаются, то я сдѣлаюсь хозяиномъ Раухалахти. Но дѣло обстоитъ такъ, что надо торопиться. Дѣло въ томъ, что Мартѣ *нельзя* позволить самостоятельно управлять имѣніемъ цѣлый годъ, какъ она этого хочетъ. Она погубитъ все имѣніе. Представь себѣ, что это за дѣвушка! Она вбила себѣ въ голову, что все имѣніе въ видѣ небольшихъ участковъ должно понемногу перейти въ собственность торпаровъ и другихъ безземельныхъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, слыханное ли это дѣло? Кто ей это посовѣтовалъ или гдѣ она вычитала что-либо подобное, я такъ и не узналъ. «Земельная собственность,—говоритъ она,—страшная несправедливость».

— Какъ, какъ, повтори-ка!

— Вотъ видишь ли, оказывается, что владѣть землей страшно несправедливо.

— Да ты не понимаешь! Она подразумѣваетъ владѣніе чрезмѣрнымъ количествомъ земли, которая обработывается наемными руками, вотъ что она подразумѣваетъ.

— Ну, есть ли въ этомъ смыслъ? Но она только и знаетъ, что твердитъ: «земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ», «мы паразиты, притѣснители народа», «народъ надо освободить». Короче сказать, она совсѣмъ потеряла голову и готова на какое угодно безуміе, лишь бы ей дали время и позволили дѣйствовать самостоятельно. Отецъ находится вполнѣ подъ ея вліяніемъ, она пишетъ ему, и онъ согласенъ на все, чего она только ни пожелаетъ. Хочешь знать, что онъ пишетъ ей изъ Норвегіи? Вотъ послушай: «Намъ живется очень хорошо въ свободной»,—впрочемъ, начало къ дѣлу не относится.

— Читай все.

— «Намъ живется очень хорошо въ свободной Норвегіи,—да, такъ хорошо, что если бы мнѣ сказали: ты можешь возвратиться на родину, то я, право, не знаю, что я сдѣлалъ бы. Это вовсе не означаетъ, что я уже забылъ свою дорогую родину, нѣтъ, дѣло въ томъ, что для меня уже не существуетъ больше моего собственнаго дома. Что однажды порвалось въ моемъ сердцѣ, то не можетъ больше зажить. Но съ этимъ я уже примирился, и это меня больше не угнетаетъ. Что касается твоихъ плановъ относительно Раухалахти, мое милое дитя, то все зависитъ отъ того, насколько тебѣ удастся выдѣлить твоихъ сонаслѣдниковъ при условіи, что ты раздѣлишь Раухалахти на маленькіе участки и продашь ихъ подъ долгосрочную расплату безземельнымъ крестьянамъ. Однако я вовсе не хочу тебя разочаровывать и отъ всего сердца надѣюсь, что представится какая-нибудь возможность осуществить твое завѣтное желаніе. Надо тебѣ сказать, что теперь и я смотрю на свѣтъ иными глазами. Прежде я не сознавалъ той пустоты, на которой всѣ мы строимъ нашу жизнь. Теперь я сознаю это. Многое должно было бы быть совсѣмъ иначе, все должно было бы измѣниться въ самомъ корнѣ, съ этимъ я согласенъ. Но я не могу себѣ представить себя въ роли преобразователя,—для этого я слишкомъ старъ. Но ты, моя милая дѣвочка, ты такъ полна жаждой дѣятельности, и твой будущій мужъ—я тебѣ его желаю, какъ и раньше». Ты не думаешь, Эдуардъ, что онъ намекаетъ на меня? Итакъ: «ты и твой будущій мужъ»—и такъ далѣе—«вы можете осуществить то, что вы находите справедливымъ и благороднымъ. Для этого я желаю вамъ много силъ и долгой жизни». Ну, что

ты скажешь? Дѣвочка совсѣмъ вскружила голову старику своими глупостями.

— Оселъ! Ты настоящій оселъ, Венделль!

— Это почему?

— Человѣкъ проявляетъ умъ, а ты называешь это глупостью. Ну, скажи, пожалуйста: станетъ ли свѣтъ лучше отъ того, что ты въ свою очередь сядешь въ кресло-качалку въ Раухалахти и начнешь сосать свою трубку? Развѣ мы не приходили съ тобой сто разъ къ заключенію, что жизнь—какою она теперь является—безуміе, что наше искусство — не искусство, культура—не культура? И вотъ является человѣкъ, который проникся всѣмъ этимъ, и хочетъ освободить народъ, чтобы хоть сколько-нибудь дать смысла жизни, а ты говоришь: глупости! Въ тебѣ есть всетаки много мѣщанскаго, бѣдняга Венделль!

— Не стѣсняйся, продолжай,—я принимаю все.

— А Марта, я это теперь вижу, всетаки такая дѣвушка, что никто изъ васъ, зятьевъ, по уму не годится ей и въ подметки.

— Вотъ какъ ты *теперь* разсуждаешь!

— Вы должны были бы помочь ей и всѣми силами поддержать ее въ ея стремленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, вы могли бы радоваться, что между вами есть хоть *одна* ясная голова.

— Развѣ ужъ она такъ умна? Въ такомъ случаѣ, она какое-то высшее существо, потому что умъ не наиболѣе преобладающее качество въ ней. Обращалъ ли ты когда-нибудь какъ слѣдуетъ вниманіе на ея глаза?

— Не говори о ея внѣшности! Нѣтъ, Венделль: красивыхъ и хорошихъ дѣвушекъ встрѣчаешь на каждомъ шагу, да и богатыхъ помѣщичьихъ дочекъ найти не трудно, но чтобы кто-нибудь изъ нихъ сказалъ: «мы паразиты»—вотъ это нѣчто особенное! Хотя она и ребенокъ, но она головой выше всѣхъ. Я скажу тебѣ, Венделль, что эта дѣвушка—алмазъ среди булыжниковъ,—да, эта самая Марта, у которой ты цѣнишь лишь одну внѣшнюю красоту, эта Марта, говорю я, эта самая Марта...

— Да не кричи же ея имени въ такомъ мѣстѣ.

— Въ какомъ мѣстѣ?

— Въ такомъ, какъ это. Или ты забылъ, гдѣ мы находимся? Осмотрись кругомъ!... Ну, ну, полно, Эдуардъ, не принимай этого такъ близко къ сердцу. Да что съ тобой? Подожди, куда ты идешь? Эдуардъ, послушай! Эдуардъ, подожди, я иду съ тобой!

Но Эдуардъ уже исчезъ.

Венделль долго сидѣлъ неподвижно и мысленно слѣдилъ взоромъ

и слухомъ за Эдуардомъ, какъ часовщикъ, которому удалось снова привести въ движеніе сломанный механизмъ.

Потомъ онъ поднялъ голову и, не видя никого въ комнатѣ, сѣлъ за фортепіано, съ цилиндромъ на головѣ.

Дисканты были страшно разстроены, но зато басы были въ хорошемъ состояніи.

Та фантазія, которую Венделль сочинилъ ко дню рожденія Марты и которая должна была изображать «Скорбь души», не требовала дискантовъ. Теперь онъ началъ играть эту фантазію—и онъ игралъ ее не только съ тѣмъ вдохновеніемъ, съ которымъ игралъ бы въ день рожденія Марты, но съ несравненно бо̀льшимъ увлеченіемъ и экспрессіей. Да и пальцы его еще никогда не обладали такой бѣглостью, какъ теперь. Онъ говорилъ Мартѣ свое послѣднее прости. А потому игра его была проникнута скорбью, глубокой скорбью. Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ игралъ, все явственнѣе слышалось—и наконецъ взяло перевѣсъ—другое чувство, болѣе высокое, нежели скорбь. Оно разрасталось все шире и шире и понемногу совершенно измѣнило характеръ фантазіи, и, наконецъ, вдохновенные звуки такъ ясно передали то мгновеніе, когда душа, освобожденная отъ оковъ, возносится на недосягаемую вышину.

Венделль очнулся отъ своего вдохновенія только тогда, когда въ комнату вошла горничная. Она отворила окно, въ которое ворвался чистый морозный воздухъ, и начала подбирать съ пола осколки стекла. Венделль поднялся изъ-за фортепіано, вытеръ рукавомъ пальто свой цилиндръ, счистилъ щеткой пепелъ съ платья, одернулъ на себѣ сюртукъ и поправилъ воротничокъ, послѣ чего онъ пошелъ домой приготовляться къ путешествію черезъ Атлантическій океанъ.

X.

Смерть Кинтури.

Но вотъ настала пора, когда изгнанникамъ можно было вернуться на родину, когда родныя гавани раскрыли свои объятія для нихъ, когда берега отчизны забѣлѣли отъ множества платковъ, которыми имъ махали въ знакъ привѣтствія, когда двери ихъ родныхъ домовъ разукрасились гирляндами изъ цвѣтовъ и зелени, а крыши расцвѣтились развѣвающимися флагами въ честь возвращенія хозяевъ.

Изгнанные изъ своихъ имѣній помѣщики получили обратно свои лѣса и поля. Одна лишь семья Кинтури не получила обратно своего клочка земли.

Да, для Кинтури и не было смысла возвращаться на старое мѣ-

сто: его избы уже больше не существовало, той избы, вокругъ которой его праотцы выложили каменную ограду, гдѣ онъ самъ въ первый разъ увидалъ свѣтъ, гдѣ онъ выросъ, куда ввелъ свою молодую жену и гдѣ онъ прислушивался къ лепету своихъ дѣтей. Поля, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе воздѣлывали Кинтури, были присоединены къ большимъ землямъ имѣнія Ваниккола. Однако каменная ограда осталась на своемъ мѣстѣ, тропинки еще не вездѣ заросли травой, сосна со своими кривыми вѣтвями все еще шумитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были ворота, но отъ избы не осталось и слѣда, и земля, на которой она стояла, вспахана подъ пашню. Бревна изъ подъ старой избы сожгли въ ригѣ, а изъ пристройки, которую сдѣлалъ Кинтури, сложили свиной хлѣвъ на скотномъ дворѣ въ Ваниккола.

Хозяинъ Ваниккола, который сдѣлался, наконецъ, членомъ сейма, требовалъ, какъ и всѣ другіе члены, самымъ рѣшительнымъ образомъ возвращенія изгнанныхъ изъ страны и возстановленія основныхъ законовъ. Онъ такъ невѣроятно разжирѣлъ, что, не говоря уже о томъ, что онъ совсѣмъ не помѣщался больше въ креслѣ-качалкѣ, самая большая газета не могла его закрыть, когда онъ сидѣлъ и читалъ ее. И чѣмъ больше онъ жирѣлъ, тѣмъ онъ глубже вѣрилъ въ то, что существуетъ громадная разница между тѣми, кто владѣетъ землей, и тѣми, кто ее обрабатываетъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тотъ, кто владѣетъ землей, не долженъ ее обрабатывать, а тотъ, кто обрабатываетъ землю, не долженъ ею владѣть. Было бы такъ же трудно заставить его отказаться отъ этого убѣжденія, какъ заставить его похудѣть. Кинтури стало противно смотрѣть ему въ глаза, и онъ поселился съ Мари въ другой деревнѣ, въ одной старой, заброшенной избушкѣ на краю дороги. Но тамъ онъ скоро убѣдился, что и другіе хозяева не лучше его стараго хозяина; и его ненависть, которую онъ питалъ къ хозяину Ваниккола, смягчилась настолько, что онъ приходилъ иногда въ Ваниккола наниматься на работу. Его смягчило также и то, что распространился слухъ, будто его старый хозяинъ совсѣмъ подпалъ подъ вліяніе своихъ барышень-дочекъ, и запилъ,—особенно послѣ своего возвращенія съ сейма. Кинтури было жалко его и онъ подумалъ: навѣрное онъ раскаивается въ своихъ поступкахъ.

Кинтури работалъ понемногу то тутъ, то тамъ, не отказываясь ни отъ какого труда, за который ему платили: кто живетъ тѣмъ, что продаетъ свой трудъ, не выбираетъ хозяевъ. Случилось однажды, что онъ попалъ на работу и въ Раухалахти, гдѣ онъ долженъ былъ оштукатурить снаружи каменный фундаментъ стараго телячьяго хлѣва.

Старикъ работалъ, согнувшись, и замазывалъ щели; иногда онъ прерывалъ свою работу и устремлялъ въ одну точку неподвижный взоръ, ворча себѣ что-то подъ носъ. Заслышавъ чьи-нибудь шаги, онъ отбрасывалъ свои мысли и принимался за работу съ дѣловитымъ видомъ, чтобы не подумали, что онъ лѣнится.

Онъ еще не успѣлъ окончить штукатурной работы, какъ его послали въ огородъ полоть клубнику и обрывать оставшіеся съ осени усы.

Здѣсь онъ встрѣтилъ и узналъ молодого барина, который когда-то жилъ въ Ваниккола, и про котораго говорили, что онъ будетъ хозяиномъ Раухалахти. Съ сіяющими отъ восторга глазами молодой баринъ сталъ разсказывать Кинтури,—можетъ быть, онъ говорилъ слишкомъ быстро,—что право собственности на землю скоро совершенно измѣнится, что невоздѣланная земля будетъ обложена налогомъ, и что землевладѣльцы вслѣдствіе этого будутъ принуждены уступить свою землю тѣмъ, кто желаетъ обрабатывать ее. Кинтури сознавалъ хорошую сторону этихъ плановъ, но что касается до ихъ осуществленія, то онъ былъ равнодушенъ къ этому, потому что у *него* не было земли, которая подлежала бы налогу.

Изъ уваженія къ молодымъ господамъ Кинтури всегда старался въ ихъ присутствіи казаться веселымъ и бодрымъ, а иногда онъ такъ шутилъ и смѣялся, что обѣими руками теръ себѣ глаза. Но молодые господа хорошо видѣли, что Кинтури не по себѣ.

— Развѣ вы не скучаете по дѣтямъ, Кинтури?—спросила его однажды Марта.

При этихъ словахъ Кинтури быстро отвернулся; онъ нагнулся надъ грядкой, чтобы хорошенько разобрать, изъ какого кустика клубники идетъ длинный усъ. Но Марта успѣла замѣтить, что лицо его покраснѣло, точно кирпичъ. Разница въ томъ, какъ онъ относился ко всѣмъ господамъ вообще и въ частности къ Мартѣ и Эдуарду—состояла въ томъ, что онъ передъ послѣдними не представлялся глупымъ и непонимающимъ, какимъ онъ всегда притворялся передъ другими господами. Но не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы онъ даже передъ этими молодыми господами обнаружилъ свои чувства. Что онъ не могъ спасти дома для своихъ дѣтей, не могъ оставить имъ никакого наслѣдства, и что даже самый младшій долженъ былъ идти служить—это было его больнымъ мѣстомъ, горемъ его жизни. Прикосновеніе къ этой ранѣ было для него невыносимо.

«Ужъ не обидѣлся ли онъ? Почему онъ не отвѣчаетъ?»—подумала Марта.

Въ эту минуту Кинтури открылъ, откуда шелъ длинный усъ.

— Развѣ есть время по нимъ скучать?—сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ и взглянулъ на Марту своими круглыми глазами, и онъ готовъ былъ снова шутить. —Да и нашему мальчику Якову живется недурно.

— Вотъ какъ,—отвѣтила Марта, немного стыдясь, что она не знаетъ, который изъ дѣтей Кинтури Яковъ.

Кинтури разсказалъ ей, что Якова взялъ въ мальчики лавочникъ. Онъ спросилъ, не замѣтила ли его барышня въ лавкѣ.

— Онъ тамъ летаетъ точно стрѣла между кладовой и лавкой. Это и есть нашъ Яковъ.

И онъ разсказалъ ей и про остальныхъ дѣтей, про каждаго отдѣльно, украшая свои слова шутками и прибаутками.

Тѣмъ же нѣсколько шутливымъ тономъ онъ отклонилъ предложеніе господъ выбрать по своему усмотрѣнію любой участокъ земли въ Раухалахти. Они не могли ничѣмъ оказать ему помощи и имъ не оставалось ничего другого, какъ только отдать ему поденную плату за его работу. Было ясно, что Кинтури не хотѣлъ казаться нуждающимся въ какой-либо матеріальной помощи. Сердца же своего онъ не открывалъ никому.

Нѣсколько времени спустя Кинтури началъ сильно кашлять. Онъ быстро окончилъ свою штукатурную работу и ушелъ изъ Раухалахти.

Недѣли черезъ двѣ послѣ его ухода въ Раухалахти пришла женщина и спросила, гдѣ Кинтури. Это была Мари.

Никто не могъ сказать ей, куда онъ ушелъ. Знали только, что онъ пошелъ искать работы.

Тогда жена стала подозрѣвать, что случилось что-то недоброе. Кинтури никогда раньше не исчезалъ на такой долгій срокъ. Онъ всегда черезъ короткіе промежутки времени являлся домой, чтобы посмотрѣть, все ли тамъ благополучно, и чтобы оставить женѣ денегъ. И вотъ Мари отправилась въ поиски за нимъ. Она ходила изъ деревни въ деревню, изъ одного мѣста въ другое; она избѣгала весь приходъ, пока не нашла его, наконецъ, въ одной отдаленной деревнѣ въ маленькой каморкѣ, гдѣ онъ лежалъ больной. Одинъ крестьянинъ сжалился надъ нимъ и позволилъ ему занять эту каморку на время болѣзни. Здѣсь Кинтури лежалъ уже цѣлую недѣлю безъ всякаго ухода. Онъ былъ такъ плохъ, что не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы его перевезти домой. Члены его такъ одеревенѣли, что Мари съ большимъ трудомъ удалось надѣть на него чистую рубашку, которую она, къ счастью, захватила съ собой. Она достала для него также чистое одѣяло; затѣмъ, повернувъ его на спину, она разло-

жила его руки вдоль тѣла. Послѣ этого она сняла паутину съ угловъ, вытерла полъ мокрой тряпкой и посыпала его рубленнымъ можжевельникомъ. Сдѣлавъ все это, она стала осматриваться кругомъ, желая найти какую-нибудь работу, чтобы скоротать время, но въ этой чужой комнатѣ не было ни самопрялки и ничего другого, чѣмъ она могла бы занять свои руки, которыя не привыкли оставаться въ бездѣйствіи. Единственное, что ей было хорошо знакомо въ этой комнатѣ, было лицо Кинтури, и она остановила свой взоръ на немъ. Но ей было слишкомъ тяжело смотрѣть на его изможденныя черты и она перевела глаза на его руки, лежавшія поверхъ одѣяла, и она долго разсматривала ихъ. Подъ бѣлыми рукавами рубашки ясно обозначались выпуклые мускулы его рукъ, изгибъ которыхъ былъ такъ хорошо знакомъ Мари; эти руки, казалось, готовы были въ каждую минуту мощнымъ движеніемъ ухватиться за что-нибудь. Потомъ Мари перевела свой взглядъ на кисти его рукъ, и она удивилась, что никогда раньше не обращала на нихъ вниманія. Сколько силы было въ надутыхъ, узловатыхъ жилахъ? Много, много работъ исполнили эти руки, много заступовъ иступили онѣ, много рукоятокъ онѣ перемѣнили. Кожа на рукахъ была коричневая, грубая и заскорузлая; ладони были въ мозоляхъ, а пальцы были крючковатые, какъ бы созданные для того, чтобы браться за плугъ. Глядя на эти крючковатые пальцы, Мари въ первый разъ почувствовала горькую обиду за то, что такія сильныя руки должны были за послѣдніе годы исполнять всякую мелкую работу. И только теперь она поняла упорное молчаніе и суровость Кинтури, длившіяся цѣлые годы,—только теперь она поняла все, и она заплакала, тихо покачиваясь взадъ и впередъ на краю кровати.

Мучимый кашлемъ и лихорадкой, Кинтури могъ сказать только, что онъ умираетъ, и при этомъ онъ указалъ на кошелекъ, въ которомъ Мари нашла маленькій ключикъ и три марки шестнадцать пенни. Ключикъ былъ отъ углового шкапа Кинтури, въ которомъ, какъ сказалъ Кинтури, онъ припряталъ для Мари маленькія сбереженія. Съ большимъ трудомъ отдавъ эти распоряженія, онъ велѣлъ Мари сварить кофе.

Мари хорошо знала, что Кинтури, въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился, не будетъ пить кофе, но она поняла, что онъ только желалъ, чтобы она сама выпила кофе. Для Кинтури и теперь, какъ бывало раньше, кофе былъ предметомъ хвастовства. Если бы было возможно достать, гдѣ-нибудь бѣлаго хлѣба, то онъ навѣрное пожелалъ бы и имъ угостить Мари. Мари сварила кофе и, горько плача, выпила у него на глазахъ четыре чашки. Кинтури отъ вре-

мени до времени, мигая глазами, смотрѣлъ на нее, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли она исполняетъ его послѣднее желаніе. Но когда Мари кончила пить кофе, онъ закрылъ глаза и больше ужъ ихъ не открывалъ.

Его дыханіе было прерывисто и неровно: то онъ вздыхалъ глубоко и рѣдко, то дыханіе совсѣмъ прерывалось, то онъ дышалъ коротко и часто, какъ если бы ему не хватало воздуха. Но вдругъ кашель прекратился, жаръ оставилъ его тѣло и на его лицо легла смертельная блѣдность. Теперь Мари поняла, что смерть дѣйствительно приближается. Она давно уже отвыкла отъ надежды на помощь доктора. Одинъ изъ ея дѣтей умеръ, когда она везла его къ доктору, а другой умеръ, потому что она не имѣла средствъ пригласить доктора на домъ. Остальныхъ дѣтей она вылѣчивала сама своими домашними средствами. Но здѣсь у нея не было подъ рукой никакихъ средствъ, а между тѣмъ она надѣялась, что если только нашлась бы возможность согрѣть тѣло Кинтури, то онъ былъ бы спасенъ. И вотъ въ своемъ отчаяніи она не нашла никакого иного способа, какъ, заперевъ дверь, раздѣться и лечь въ постель къ Кинтури, крѣпко прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ. Стараясь согрѣть его, она проводила руками по его тѣлу и при этомъ хорошо знакомыя очертанія его тѣла и въ особенности глубокая впадина подъ ложечкой напомнили ей то время, когда они еще не стали чужими другъ для друга, и она горько заплакала. Потомъ она приложила ухо къ его груди и услышала біеніе его сердца, и это вызвало у нея новый потокъ слезъ.

Кинтури не проснулся больше и не открылъ больше глазъ, но, согрѣтый объятіями Мари, онъ увидалъ сонъ. Онъ увидалъ во снѣ небеса. Ему казалось, что онъ смотритъ внизъ на землю.

Какъ и раньше бывало, къ его радости, царствіе небесное представилось ему не въ видѣ большого торжественнаго зала со множествомъ народа, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя неловко среди «чистой» публики, среди господъ и тому подобныхъ людей. Онъ увидалъ во снѣ, что гуляетъ передъ вратами царствія небеснаго; вдругъ врата немного пріотворились, и его глазамъ представилась картина самой чистой, самой дѣвственной природы съ изумрудными лугами, на которыхъ паслись телята, и лучи солнца съ высоты небесъ ложились яркими полосами на ихъ спины. Потомъ онъ увидалъ другой сонъ: ему казалось, что онъ идетъ со всѣми своими дѣтьми, чтобы показать имъ землю для обработки. Здѣсь все было ясно: не надо ни малѣйшаго клочка бумаги, ничего похожаго на контрактъ. О, какъ у него стало радостно на душѣ и какой благодарностью наполнилось

его сердце! Теперь онъ снова соберетъ вокругъ себя разсѣянныхъ по бѣлу-свѣту дѣтей, онъ будетъ снова любоваться на сильныя и такія милыя для него движенія Иды, онъ снова будетъ водить за ручку своего маленькаго Якова! И онъ дастъ своимъ дѣтямъ большую плодородную землю и скажетъ имъ: «Вся земля, которую вы сами обрабатываете, принадлежитъ вамъ». И дѣти будутъ расти и женятся, и потомство ихъ будетъ множиться изъ рода въ родъ. Самъ онъ будетъ только сверху смотрѣть на нихъ и руководить ими и будетъ имъ еще ближе, чѣмъ прежде у себя дома въ лѣсу.

Сны чередуются одинъ за другимъ, и передъ нимъ проходятъ новыя видѣнія.

И вотъ онъ снова стоитъ передъ вратами царствія небеснаго, и что же, онъ слышитъ голосъ Божій, который спрашиваетъ ангеловъ:

— Достоинъ ли Кинтури войти въ царствіе небесное?

Ангелы отвѣчаютъ:

— Достоинъ! Ибо въ земной жизни онъ былъ лишенъ своихъ полей, своего скота, своего дома и своихъ дѣтей. И сверхъ того, онъ научился работать на тѣхъ и служить тѣмъ, кто отнимали у него все это.

Кинтури плачетъ, и изъ его сердца исчезаютъ послѣдніе остатки злобы противъ «господъ».

Но и этотъ сонъ прерывается, и онъ на мгновеніе приходитъ въ себя отъ боли, причиняемой ему дыханіемъ.

Послѣдній сонъ снова уноситъ его къ земнымъ страданіямъ. Ему кажется, что онъ слышитъ, какъ мышь грызетъ желѣзный прутъ мышеловки. Онъ видитъ за прутьями черныя глазки мыши, которые глядятъ на него съ невыразимымъ ужасомъ. «Все погибло—никогда я больше не увижу своихъ дѣтенышей!»—думаетъ Кинтури, который въ бреду принимаетъ себя самого за мышь и испытываетъ весь ужасъ положенія мыши, попавшей въ мышеловку. Кинтури пересталъ дышать, открылъ глаза и безсознательно осмотрѣлся вокругъ себя; тихая дрожь прошла по его тѣлу.

Но вотъ раздался ласковый голосъ, который сказалъ ему:

— Будь спокоенъ, въ послѣдній часъ *Я* открою мышеловку и дамъ тебѣ свободу!

О, какое блаженство! Такъ значитъ нашлось всетаки существо, которое, наконецъ, поняло, что никакія крохи и ничто другое не поможетъ,—поможетъ лишь возвращеніе свободы!

И правда—вотъ онъ выходитъ изъ мышеловки, вотъ онъ слышитъ приближающійся шумъ крыльевъ свободы, уже раскрываются

голубыя врата царствія небеснаго... И Кинтури смотритъ внизъ и видитъ мать-землю и всѣхъ ея дѣтей въ такомъ лучезарномъ свѣтѣ, какого еще никто не видалъ изъ живыхъ существъ. Но на порогѣ въ царствіе небесное онъ чувствуетъ всетаки сладкую истому, какъ послѣ долгаго рабочаго дня, и онъ говоритъ:

— Скоро я приду къ вамъ, но если можно, то я сперва отдохну немного...

— Дайте Кинтури отдохнуть!—раздался у вратъ царствія небеснаго голосъ, громкій и ясный.

И съ блаженной улыбкой на устахъ Кинтури испускаетъ глубокій вздохъ и закрываетъ глаза.

Мари ждетъ и думаетъ, что онъ проснется и снова начнетъ дышать. Но онъ не дышитъ больше. И сердце его перестало биться. Мари не можетъ больше теплотой своего тѣла помѣшать Кинтури остывать.

Перев. **М. Благовѣщенская.**

З И М А.

Вотъ какъ везли меня со станціи.

Заставили влѣзть въ доху и посадили въ сани, а ноги сунули въ мѣховой мѣшокъ, который затянули у колѣнъ ремешками: этакъ можно поѣхать и къ полюсу!

Кругомъ толпятся ямщики, усаживаютъ тѣхъ, которые сошли на этой станціи. Они въ бараньихъ шапкахъ и подпоясанныхъ тулупахъ, тяжелые: сыны снѣга, жители сугробовъ.

Но великолѣпны у нихъ сани: съ разводами, съ ковровыми крыльями, и задки ковровые.

Есть въ этихъ саняхъ что-то чудесно-древнее и стильное. Какіе-то варяжскіе корабли! И созданы эти грудастыя и емкія суда и мелкія суденышки для плаванія по голубымъ снѣгамъ.

И вотъ поплыли по ухабамъ.

Ямщикъ привсталъ у передка, и въ его огромной рукавицѣ длиннѣйшій кнутъ, точно змѣя, которая къ концу все тоньше.

Плывемъ парой, гусемъ, по узенькимъ слѣдамъ, въ безбрежности.

Впереди бѣжитъ лопоухая лошадка, безъ дуги и безъ оглоблей, на однѣхъ веревкахъ,—и отъ этого наивная, и какъ будто голая, даже на лошадь не похожая.

На поворотахъ она не сразу понимаетъ, куда ей сунуться; и тычется нелѣпо въ сторону. Болтаются ея веревки, а лошадь задняя, гремучая, со своими бубенцами, на нее наѣзжаетъ. Долго дергаютъ переднюю возжами, глухо шлепаютъ по бокамъ ея, какъ въ пустой мѣшокъ, кнутомъ, и съ трудомъ снова выправляютъ.

И опять бѣгутъ коняги, съ младенчества кормленныя соломой, а видъ имѣющія старушечій: плохо справляются съ рысцой ихъ набухлые суставы, и прыгаютъ онѣ овечьими прыжками.

Стелются, стелются кругомъ бѣлые просторы. Спокойные, они уходятъ къ синимъ горизонтамъ.

По временамъ деревни. Заснѣженныя избушки, сердито ощетинившіяся на вьюги, на долгую зиму. Тряпье виситъ на частоколѣ, жесткое и мерзлое. Избы окутаны соломой противъ стужи, и изъ-за этихъ желтенькихъ споповъ глубоко выглядываютъ ихъ оконца. Въ этотъ тихій нехолодный день онѣ все еще не довѣряютъ и смотрятъ обиженно и гнѣвно.

А изъ-подъ заборовъ выскакиваютъ и злобно бѣгутъ на насъ съ нащетинившимися загривками псы, и въ голодномъ лаѣ этихъ сторожей деревни ненависть къ проѣзжимъ и особенная ненависть къ господскому житью, которое ѣдетъ мимо...

Плывемъ долго. А къ вечеру уютный и помѣщичій въѣздъ въ усадьбу. И на крыльцѣ привѣтственные голоса, которые звучатъ уютно и тепло въ сумракахъ снѣговъ.

Въ эту ночь сплю великолѣпно. И, одинъ разъ проснувшись, вижу въ чернотѣ мутно-сѣрое пятно окна, отъ котораго что-то струится чуть морозное и легкое. Слышу тепло натопленной печки и тишину. И благодарный за то, что я не въ городѣ, счастливый, снова засыпаю.

Утромъ выхожу изъ бѣленькаго помѣщичьяго флигеля со снѣжными заносами на ступеняхъ. Какъ ослѣпительно блеститъ кругомъ солнечная и бѣлая чистота! А зима студеными струйками мнѣ рѣжетъ ноздри.

Я тяжелъ и грузенъ въ своихъ валенкахъ и въ шубѣ, которую мнѣ здѣсь дали. И мои ноги, неповоротливыя, тяжело борются съ бѣлыми нагроможденіями, которыя скрипятъ вязко.

А вотъ мужикъ Семенъ,—всю зиму онъ сторожитъ здѣсь домъ,—онъ тоже неповоротливъ въ своихъ валенахъ и въ зипунѣ. Зима сковала ему члены; что-то въ немъ онѣмѣвшее, глухое. И самъ я въ каждомъ движеніи своемъ чувствую, что зима и холодъ сурово оковываютъ меня неподвижностью и гонятъ обратно, сидѣть въ теплѣ, въ берлогу.

У конюшни выпускаютъ лошадей. Къ низенькимъ дверямъ выходятъ огромные и мохноногіе жеребцы и дымятся отъ своихъ парныхъ, навозныхъ стойлъ.

Упруго вздрагиваютъ гладкой шерстью ихъ жирныя, по зимнему, застоявшіяся спины. А ихъ ноздри навстрѣчу холоду расширились, и уши настораживаются.

Размашисто шагаютъ, глубоко вдавливаясь въ снѣгъ, и пыхтятъ, какъ паровозы. Какіе-то живые, теплые котлы.

А потомъ, чувствуя, что надо оживить это тепло въ своихъ тѣлахъ, которое въ нихъ стынетъ, бросаются о снѣгъ и, гребя въ воз-

духѣ крюками своихъ ногъ, тяжело стараются запрокинуться на спину. И снова вскакиваютъ, и мчатся большими кругами въ снѣгахъ, ослѣпленные бѣлизной и блескомъ, и ржутъ въ счастьѣ, въ горячемъ подъемѣ жизни. Иду за ворота.

Аллея длинная, широкая, помѣщичья. Слѣды полозьевъ на снѣгу весело блестятъ, какъ наутюженные. Зима бѣлая, и на ней, отъ солнца, золотистая глазурь.

Повсюду это золото. Оно на стволахъ березъ, а ихъ длинные плакучіе волосы золотые.

Въ сторонѣ лѣсокъ, и на немъ золото коричневатое. Елки, чудныя, сами на себя не похожія, въ бѣлыхъ варежкахъ, а на ихъ иглахъ золото темно-зеленое.

Только тѣни голубыя, и отъ золотистаго сверканія кругомъ онѣ такія четкія и нѣжныя, какъ стекло прозрачныя.

Къ горизонту круглые бугры, отчетливо отрѣзанные другъ отъ друга щетинистыми коймами перелѣсковъ. И на нихъ далекія и свѣтлыя, кругловатыя улыбки. А за кускомъ поляны, на бѣломъ косогорѣ—село, и маленькой звѣздой блеститъ на церкви луковичка.

Сверкающая опрятность!

Она закрыла разнообразіе лѣта; она въ немъ не нуждается: гордая, богатая въ однообразіи своемъ.

Съ полянъ, я вижу, она ползетъ вглубь лѣса, охватываетъ тамъ подножье каждаго ствола, и каждый кустъ на ней рѣзко вычерчивается каждой своей рогатой вѣточкой. Она подкрадывается къ человѣческому жилью, осаживается на крышахъ и крылечкахъ, на оконныхъ выступахъ, вездѣ, гдѣ можетъ. Она побѣдная и царственная.

Снова возвращаюсь къ флигелю. Въ этотъ солнечный и бодрый день онъ бодрѣе смотритъ слуховымъ окошкомъ въ своемъ куполѣ, и его старыя думы веселѣе. Между его колоннъ, сквозь старое дерево и штукатурку, пробилось его тепло. Онъ живетъ, онъ дышитъ. И бѣлый паръ слегка окуталъ его грезой. Тяжелый лоскутъ снѣга бѣлымъ языкомъ повисъ на его крышѣ, а острыя ледышки висятъ алмазныя и длинныя.

Утромъ принесли дрова топить печи. Они глухо ухнули, когда ихъ опустили объ полъ.

Дрова розовыя, со снѣгомъ. А потомъ, когда печи затопили, то по всему дому щёлканье, громкое и звонкое; горятъ въ огнѣ съ этими дровами зима и снѣгъ.

Чай пью въ залѣ. Она свѣтленькая, съ тяжелымъ зеркаломъ въ

простѣнкѣ. Кресла старыя, краснаго дерева, съ примятыми сидѣніями. На каминѣ ржавый канделябръ. А на стѣнѣ, въ багетной рамкѣ съ широкими полями, видъ на Рейнѣ.

Въ передней—сѣдла и нагайки, и виситъ снопъ длинноусой ржи.

А въ открытую дверь кабинета видна въ углѣ коллекція тростей и чубуковъ.

Тихо. Видъ на Рейнѣ грезитъ о Германіи и разномъ другомъ заграничномъ. А чубуки вспоминаютъ дни, когда изъ нихъ курили.

И ходятъ по комнатамъ безцѣльныя и вздыхающія души тѣхъ, которые то собирали эти чубуки и трости, то скакали на этихъ сѣдлахъ на охоты, то ѣздили по заграницамъ и покупали виды Рейна.

Обрывки жизни мечтательные и отвлеченные, точно тѣ, которые сидѣли здѣсь «на землѣ», не жили, а грезили.

А гдѣ-то въ концѣ коридора, у чернаго входа, дверь на блокѣ поетъ и жалуется. И всякій разъ, когда она такъ заскрипитъ, что-то щемитъ въ сердцѣ. И зима, порывисто вздохнувъ, вступаетъ въ домъ, властная и строгая, сѣдая, съ своею тишиной, съ своею старостью.

Тогда какъ будто слышнѣе вздохи въ воздухѣ, который густъ въ этихъ комнатахъ, гдѣ бродятъ души; и жизнь, которая волочитъ за собою прошлое длиннымъ сѣрымъ шлейфомъ и не можетъ успокоить мертвецовъ своихъ подъ могильными камнями, становится вдругъ тяжкой, грустной. И почему-то хочется пожалѣть себя...

Опять выхожу на березовую аллею. Но сегодня зима неожиданная и новая, что-то случилось за ночь. Зима вся въ инеяхъ. А солнца нѣтъ.

Все кругомъ пушистое, и самъ воздухъ мягко-шершавый, перистый.

А въ моихъ березахъ что-то сказочное: онѣ, какъ страусовыя перья, или пушистые кораллы.

На одной изъ нихъ двѣ галки, нахохлившіяся и пухлыя. Всякій разъ, когда онѣ тамъ пошевелятся, съ вѣтвей тихо падаютъ пушинки стеклянными и жесткими, сухими кристаллами.

И вся эта бѣлая огромность сдѣлана изъ этихъ крошечныхъ стеклянныхъ и пушистыхъ звѣздочекъ.

А лѣсокъ стоитъ жемчужный. Галки перекликаются: что-то кричатъ тѣмъ, которыя въ селѣ.

Потомъ взлетаютъ съ шумомъ, и долго слѣдятъ за мной, куда я поверну, за каждымъ моимъ шагомъ, и садятся дальше. Имъ хочется, чтобы я предпринялъ что-нибудь для нихъ опасное: чтобы было на что кричать и хлопать крыльями... Это онѣ отъ однообразія зимы, отъ заледенѣлыхъ пустынь ея.

Но ихъ голоса звучатъ негромко въ этихъ бѣлыхъ мѣхахъ, и тонутъ въ нихъ коротко и глухо. И отъ этого надъ головой точно нѣтъ неба.

Только къ вечеру пробивается сквозь перистыя пелены солнце.

Оно выкатывается выцвѣтшее, блеклое, и свѣтится безсильно. Слегка окрашиваются отъ него поляны и бугры длинными, лѣниво-желтыми отсвѣтами. Но солнце скоро прячется виноватое, или больное.

И тогда зима стынетъ, голубѣетъ. Холоднѣй широкія поляны. Все гуще вечерніе закутанные лѣса.

Сизыми копнами стоятъ домики на косогорѣ, амбары, риги; а въ окнахъ щурятся теплымъ золотомъ огни.

Ночь идетъ; ночь долгая и зимняя. Она глухимъ кольцомъ сдвигаетъ мохнатыя дали. И смотритъ жилье человѣка тревожно-строгими оконцами въ темную жуть и нежить.

Но и въ этой ночи что-то для меня спокойное. Я чувствую здѣсь глужбе и яснѣй, чѣмъ въ городѣ... Эти муки города! Здѣсь отовсюду звучитъ ко мнѣ одно глубокое и ласковое слово: миръ, миръ

Ужъ поздно. Тепло въ свѣтленькой залѣ. Спокойно-ясно горитъ лампа. И поетъ стародавнія, все тѣ же, что вездѣ и всюду, свои пѣсни самоваръ.

Поскрипываютъ полы. И опять кто-то ходитъ. Но я ужъ свыкся съ *ними*... Хотѣлъ бы ихъ спросить, о чемъ грустятъ они? И если бы вдругъ мнѣ привидѣлось что-нибудь «такое», то я повѣрилъ бы и не испугался. Потому что тихо и пѣвуче въ душѣ моей.

И въ этихъ комнатахъ моя душа мягко и задумчиво *старѣетъ*.

А за окномъ вдругъ, какъ видѣнье, всталъ бѣлый садъ.

Вѣрно, мѣсяцъ пробился въ небѣ и стоитъ надъ крышей.

Раскидистые тополя поднялись высокой и плетеной изумительной оградой.

Въ этотъ тихій часъ бѣленькій домикъ, навѣрное, смотритъ въ лунный свѣтъ совсѣмъ заколдованнымъ...

На снѣгу, на тополяхъ блѣдные и тихіе алмазы.

Петръ Кожевниковъ.

Возрожденье.

Снова радость объемлетъ воспрянувшій духъ,
Слышны въ немъ отголоски свирѣли,
Будто въ полѣ раненько играетъ пастухъ
Подъ шатромъ зеленѣющей ели.
Все, что спало въ груди, словно ожило вновь,
Золотою мечтой окрыляя,
И опять и восторгъ, и цвѣты, и любовь
Возродилися, мысль опьяняя.
Сдернутъ съ музы забытой печальный покровъ,
Льются пѣсни строфой огневою,
И, звуча перезвономъ хрустальныхъ ручьевъ,
Блещутъ риѳмы былой красотою.
Все смѣшалось въ счастливый, блестящій хаосъ,
Перепутались яркія краски...
Снова—жизнь обѣщаетъ путь лилій и розъ,
И любовь, и волшебныя сказки.

Татьяна Грейеръ.

О подставѣ наслѣдника (субституціи) *).

VI. Общегерманское право.

По общегерманскому гражданскому уложенію возможно такое назначеніе наслѣдника, по которому онъ становится наслѣдникомъ только послѣ того, какъ другой будетъ наслѣдникомъ.—Правило, существенно отличающее новое германское право отъ римскаго. Въ такомъ случаѣ наслѣдованія можетъ встрѣтиться надобность, напримѣръ, тогда, когда наслѣдодатель не желаетъ, положимъ, устранить своихъ дѣтей отъ наслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ на нѣкоторое время предоставить выгоды отъ наслѣдства другому, напримѣръ, супругу, считая вмѣстѣ съ тѣмъ неудобнымъ подвергать этого послѣдняго ограниченіямъ, связаннымъ съ правомъ пользованія. Равно къ подставѣ наслѣдника наслѣдодатель можетъ прибѣгнуть вслѣдствіе опасенія, что ближайшій наслѣдникъ не сохранитъ унаслѣдованнаго имущества.

Подстава наслѣдника можетъ возникнуть и независимо отъ прямо выраженной воли наслѣдодателя. Такъ, если наслѣдодатель распорядился, чтобы наслѣдникъ оставался таковымъ только до извѣстнаго времени или до наступленія извѣстнаго событія, не опредѣляя, кому затѣмъ должно достаться наслѣдство, то подставными наслѣдниками признаются тѣ, которые были бы его законными наслѣдниками, если бы онъ умеръ при наступленіи вышеуказаннаго срока или событія (§ 2104). Равно, если наслѣдодатель постановилъ, чтобы назначенный имъ наслѣдникъ получилъ наслѣдство только по наступленіи извѣстнаго времени или событія, не опредѣляя, кто долженъ быть наслѣдникомъ до этого, то наслѣдниками признаются его наслѣдники по закону (§ 2105).

Особенно важный случай подставного наслѣдованія представляется тогда, когда наслѣдство, согласно волѣ завѣщателя, должно перейти къ лицу, которое можетъ быть зачато послѣ открытія наслѣдства. Такое лицо, хотя вообще наслѣдникомъ не можетъ быть назначено, считается подставнымъ наслѣдникомъ и соотвѣтственно этому, если бы даже такое лицо

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1906 г.

было названо наслѣдодателемъ прямымъ наслѣдникомъ (Erbe), считается назначеннымъ подставнымъ наслѣдникомъ (§§ 1923 и 2101).

Но какъ быть, если такое предположеніе очевидно не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ завѣщателя. Приводится такой примѣръ. Завѣщатель, устраняя всякую мысль о возможности предварительнаго наслѣдованія по закону, завѣщаетъ свое имущество старшему сыну своего переселившагося въ Америку брата отъ предстоящаго брака послѣдняго съ N. Въ такомъ видѣ назначеніе наслѣдника не допустимо по уложенію. Но болѣе сообразно съ волей завѣщателя будетъ, не признавая назначеннаго главнымъ наслѣдникомъ, признать, по крайней мѣрѣ, подставнымъ, чѣмъ совсѣмъ отвергнуть завѣщаніе (§ 2101).

Назначеніе лица подставнымъ наслѣдникомъ при сомнѣніи считается вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніемъ его и замѣстителемъ (Ersatzerbe). Такой замѣститель назначается на случай смерти, нежеланія или невозможности унаслѣдовать завѣщанное и т. п., т.-е. обыкновенная субституція подразумѣвается. Если возникаетъ сомнѣніе, назначено ли лицо замѣстителемъ или подставнымъ наслѣдникомъ, сомнѣніе разрѣшается въ пользу перваго (§ 2102).

Подстава наслѣдника заключена въ опредѣленныя границы. Нельзя безконечно связывать оборотность имущества. Однакоже германское уложеніе даетъ въ этомъ отношеніи больше свободы, нежели французское: по французскому закону субституція дозволена одинъ разъ, что предполагалось установить и въ германскомъ уложеніи, но потомъ это было отвергнуто, и по нѣмецкому кодексу случаи субституціи не ограничены, но сдѣлано ограниченіе во времени. А именно: назначеніе подставного наслѣдника признается недѣйствительнымъ, если прошло тридцать лѣтъ со времени открытія наслѣдства и если въ теченіе этого времени оно не открылось для подставного наслѣдника. Но изъ этого постановленія сдѣланы два исключенія:

1) Если наслѣдодатель ставитъ субституцію въ зависимость отъ какого-нибудь событія, связаннаго съ лицомъ, къ которому относится это событіе, и если это лицо находится въ живыхъ во время открытія наслѣдства, тогда тридцатилѣтній срокъ не обязателенъ. Напримѣръ, завѣщаніе гласитъ: оставшееся послѣ меня имущество должно прежде всего поступить въ пользу общины мѣста моего рожденія, которая обязана моему племяннику *A* уплачивать пожизненную ренту 1,500 м. Но когда онъ женится, все имущество переходитъ къ нему какъ къ подставному наслѣднику. Если бы племянникъ вступилъ въ бракъ и по истеченіи тридцати лѣтъ со времени открытія наслѣдства, завѣщательное распоряженіе будетъ дѣйствительнымъ.

2) Подстава наслѣдника допускается безъ вышеуказаннаго ограниченія, если подставной наслѣдникъ есть ожидаемый (могущій родиться) братъ или сестра главнаго или подставного наслѣдника. Напримѣръ, такое распоряженіе: наслѣдство мое должно прежде всего достаться *A*, а послѣ

смерти его дѣтямъ *B* въ равныхъ частяхъ, и, именно, такъ, что допущенныя къ наслѣдованію въ моментъ смерти *A* дѣти должны послѣ родившимся своимъ братьямъ и сестрамъ выдать соотвѣтственныя доли (§ 2109).

Опредѣленіе момента открытія наслѣдства для подставного наслѣдника зависитъ, въ законныхъ границахъ, отъ воли наслѣдодателя. Если такого опредѣленія нѣтъ, то открытіе наступаетъ со смертью главнаго наслѣдника. Но если назначенный главнымъ наслѣдникомъ признается наслѣдникомъ подставнымъ потому, что онъ не былъ еще зачатъ во время открытія наслѣдства, то это послѣднее для подставного наслѣдника имѣетъ мѣсто со дня его рожденія (§§ 2106, 2108, 1923).

Если подставной наслѣдникъ умираетъ до открытія ему наслѣдства, но послѣ открытія наслѣдства (главному наслѣднику), то право его переходитъ къ его наслѣдникамъ, кромѣ слѣдующихъ случаевъ: 1) если завѣщатель распорядился иначе, 2) если лицо подставного наслѣдника опредѣляется по времени открытія ему наслѣдства, 3) если подставной наслѣдникъ назначенъ подъ отлагательнымъ условіемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ остается въ силѣ правило, что условно назначенный при сомнѣніи долженъ пережить наступленіе условія (§§ 2108 и 2074).

Законъ, озабочиваясь объ интересахъ законнаго потомства завѣщателя, даетъ въ связи съ вышеизложеннымъ слѣдующее постановленіе. Если завѣщатель подставилъ наслѣдника такому своему нисходящему, у котораго при составленіи завѣщанія не было потомства или о существованіи потомства завѣщатель тогда не зналъ, то признается, что подставной наслѣдникъ назначенъ на случай, если нисходящій умретъ безъ потомства (§ 2107).

Въ составъ наслѣдства подставного наслѣдника входитъ то, что главный наслѣдникъ пріобрѣлъ на основаніи принадлежащаго по наслѣдству права или какъ возмѣщеніе за истребленіе, поврежденіе или лишеніе наслѣдственнаго предмета или по сдѣлкѣ на средства наслѣдства, если пріобрѣтенное не принадлежитъ ему какъ доходъ.

Въ составъ наслѣдства также входитъ и то, что главный наслѣдникъ присоединитъ къ инвентарю наслѣдственной поземельной недвижимости.

При сомнѣніи подставному наслѣднику принадлежитъ также право на ту наслѣдственную долю, которую главный наслѣдникъ пріобрѣтаетъ вслѣдствіе отпаденія сонаслѣдника (§§ 2111, 2110).

Юридическая природа подстановки наслѣдника.

Съ открытіемъ наслѣдства для подставного наслѣдника, главный наслѣдникъ перестаетъ быть таковымъ самъ собою, и наслѣдство пріобрѣтаетъ подставной наслѣдникъ (§ 2139). Это постановленіе противорѣчитъ основному положенію общаго права, но находится въ согласіи съ партикулярными нѣмецкими законодательствами (прусскимъ—Landr. I, 12 §§ 53, 466, саксонск. §§ 2005, 2503 и сл.) и оправдывается тѣмъ, что только такимъ

образомъ можетъ быть осуществлена воля завѣщателя. Вообще съ открытіемъ наслѣдства подставной наслѣдникъ пріобрѣтаетъ уже твердое право на субституцію.

Юридическое положеніе главнаго наслѣдника до открытія подставного наслѣдованія.

Такъ какъ назначенный наслѣдникомъ есть прежде всего наслѣдникъ, то до открытія наслѣдства наслѣднику подставному, онъ занимаетъ такое положеніе, какое онъ занималъ бы, если бы не было подставного наслѣдника. Поэтому онъ является собственникомъ наслѣдственныхъ вещей и въ прочемъ, имѣетъ права и несетъ обязанности, какъ и всякій наслѣдникъ. Но для обезпеченія правъ подставного наслѣдника онъ долженъ однако же подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ. Нѣмецкія законодательства (прусское L. R. I, 12, § 466, саксонское улож. § 2515) примѣняютъ здѣсь постановленія объ узуфруктѣ, ставя главнаго наслѣдника по отношенію къ подставному какъ пользовладѣтеля (узуфруктуарія) по отношенію къ собственнику. Но общегерманское уложеніе не примкнуло къ этому взгляду. Отправная точка зрѣнія его та, что хотя подставному наслѣднику и должно быть сохранено ко времени открытія для него наслѣдство завѣщанное безъ умаленія, но, съ другой стороны, отъ тѣхъ ограниченій, которыя влечетъ за собою подставное наслѣдованіе, не должна страдать обезпеченность оборота и правильный порядокъ управленія.

Въ силу этого даются слѣдующія постановленія.

1. Главный наслѣдникъ обязанъ по требованію подставного представить опись всѣхъ принадлежащихъ къ наслѣдству предметовъ, а равно и впослѣдствіи сообщать ему свѣдѣнія о состояніи наслѣдства, если такое требованіе можетъ быть оправдано (§§ 2121, 2127).

2. Онъ долженъ надлежаще управлять наслѣдственнымъ имуществомъ и прилагать такую мѣру заботливости, какую онъ прилагаетъ при веденіи своихъ собственныхъ дѣлъ. За всякій предметъ изъ наслѣдства, употребленный въ свою пользу, онъ отвѣчаетъ. Онъ имѣетъ право на плоды, извлеченные имъ за время владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несетъ и обыкновенныя издержки для поддержанія унаслѣдованнаго имущества (§§ 2119, 2120, 2124—2126, 2130—2134).

3. Онъ подлежитъ въ силу закона слѣдующимъ ограниченіямъ въ правѣ распоряженія: относительно распоряженія принадлежащими къ составу наслѣдства поземельными участками или правами на такіе участки и относительно безмезднаго распоряженія наслѣдственными предметами вообще (исключаются даренія, вызываемыя исполненіемъ нравственной обязанности или приличіемъ); всѣ такіи распоряженія недѣйствительны, если они влекутъ за собою уничтоженіе или умаленіе правъ подставного наслѣдника (§ 2113).

Если къ составу (активу) наслѣдства принадлежитъ ипотечный долгъ вотчинный (Grundschuld) или рентный (Rentenschuld), то главный наслѣд-

никъ не только имѣетъ право потребовать его отъ должника, но и взыскать, но для этого должно быть согласіе подставного наслѣдника или деньги должны быть положены на храненіе на имя обоихъ наслѣдниковъ (§ 2114). Но не требуется такого согласія, если распоряженіе главнаго наслѣдника касается претензіи наслѣдственнаго кредитора или такой претензіи на какой-либо наслѣдственный предметъ, которая была бы дѣйствительна и противъ подставного наслѣдника, если бы ему открылось наслѣдство (§ 2115).

Если въ составъ наслѣдства входитъ лѣсъ или рудникъ или другое сооруженіе для разработки нѣдръ земли, то подставной наслѣдникъ, а равно и главный могутъ требовать, чтобы мѣра пользованія и способъ эксплоатаціи были установлены соотвѣтственно хозяйственному плану (§ 2123).

Если образъ дѣйствія главнаго наслѣдника или неблагопріятное имущественное положеніе его вызываютъ опасеніе значительнаго умаленія правъ подставного наслѣдника, то послѣдній можетъ потребовать отъ перваго обезпеченія, а если оно не будетъ дано, учрежденія управленія подъ судебнымъ надзоромъ, вслѣдствіе чего главный наслѣдникъ лишается права распоряженія наслѣдственными предметами (§§ 2128, 2129, 1052).

Прямой наслѣдникъ обязанъ нести всѣ необходимыя издержки по сохраненію имущества (§ 2124).

Озабочиваясь, чтобы управленіе наслѣдственнымъ имуществомъ происходило въ границахъ, указанныхъ закономъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаются мѣры, дабы не было препятствій для надлежащаго управленія наслѣдствомъ. Поэтому, если для такого управленія и въ особенности для уплаты наслѣдственныхъ долговъ необходимъ такой распорядительный актъ, который не можетъ имѣть силы для подставного наслѣдника безъ его согласія, то такое согласіе должно быть имъ дано главному наслѣднику (§ 2120).

Изложенныя права и обязанности главнаго наслѣдника могутъ быть измѣнены по волѣ наслѣдодателя. Наслѣдодатель можетъ назначить душеприказчика, съ тѣмъ, чтобы онъ до открытія наслѣдства подставному наслѣднику исполнялъ его обязанности и пользовался его правами (§ 2222), устраняя, такимъ образомъ, вполнѣ главнаго наслѣдника отъ управленія завѣщаннымъ имуществомъ (§ 2209) или, наоборотъ, предоставляя главному наслѣднику болѣе свободы въ распоряженіи имуществомъ (§ 2136). Однако же наслѣдодатель не можетъ предоставить такому наслѣднику права безмезднаго отчужденія унаслѣдованнаго (§ 2113), такъ какъ это не соотвѣтствовало бы идеѣ подставного наслѣдованія, согласно которой наслѣдство должно быть по возможности сберегаемо для подставного наслѣдника. Въ виду этого соображенія узаконяется, чтобы наслѣдство было обезпечено отъ притязаній кредиторовъ главнаго наслѣдника (§ 2115). Равно наслѣдодатель не можетъ освободить главнаго наслѣдника отъ обязанности по требованію подставного представить ему опись наслѣдственнаго имущества и опредѣлить ихъ стоимость черезъ свѣдущихъ людей (§§ 2121, 2122).

Наслѣдодатель можетъ назначить подставному наслѣднику только то, что при открытіи ему наслѣдства останется въ наличности, или вообще предоставить главному наслѣднику свободно распоряжаться завѣщаннымъ. Но и въ этихъ случаяхъ, если такой наслѣдникъ отчудилъ что-либо изъ наслѣдства безмездно или уменьшилъ наслѣдственную массу съ цѣлью причинить вредъ подставному наслѣднику, то онъ обязанъ вознаградить за причиненный вредъ (§§ 2137, 2138).

Съ наступленіемъ подставного наслѣдованія главный наслѣдникъ перестаетъ быть наслѣдникомъ, наслѣдство переходитъ къ подставному въ силу закона. Поэтому подставной наслѣдникъ не нуждается въ согласіи главнаго наслѣдника для внесенія его въ вотчинную книгу какъ собственника недвижимости, для взысканія по наслѣдственнымъ долгамъ и т. п. (§ 2139).

Подставной наслѣдникъ можетъ отречься отъ открывшагося ему наслѣдства. Въ такомъ случаѣ наслѣдство остается въ пользу главнаго наслѣдника, если подставному наслѣднику не назначенъ замѣститель или завѣщатель не сдѣлалъ другого распоряженія (§ 2142).

По открытіи наслѣдства подставному наслѣднику главный наслѣдникъ обязанъ выдать его въ томъ состояніи, въ какомъ оно должно быть при правильномъ управленіи имъ (§ 2130). Неся обыкновенныя издержки по сохраненію наслѣдственнаго имущества, главный наслѣдникъ имѣетъ право покрыть средствами изъ наслѣдства другія затраты, сдѣланныя имъ для поддержанія этого имущества. Равно онъ долженъ быть вознагражденъ за полезныя затраты и за чрезвычайныя издержки; онъ имѣетъ право отдѣлить сооруженіе, которымъ онъ снабдилъ имущество, принадлежащее къ наслѣдству (§§ 2124—2126).

Слѣдуя примѣру прусскаго (L. R. I, 16, 481) и саксонскаго (§ 2520), законодательствъ общегерманское уложеніе постановляетъ, что съ открытіемъ подставного наслѣдованія признаются не погашенными тѣ правоотношенія, которыя были погашены при открытіи наслѣдства прямому наслѣднику вслѣдствіе совпаденія права съ обязанностью или права съ обремененіемъ (§ 2143).

Съ открытіемъ подставного наслѣдованія, прекращается отвѣтственность главнаго наслѣдника по его наслѣдственнымъ обязательствамъ. Однако же онъ отвѣчаетъ за нихъ и по открытіи этого наслѣдства, поскольку не отвѣчаетъ по этимъ обязательствамъ подставной наслѣдникъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, отказы, которые ложатся на одного только главнаго наслѣдника. Главный наслѣдникъ можетъ, если онъ не отвѣчаетъ неограниченно, отказаться отъ платежа наслѣдственныхъ обязательствъ сверхъ унаслѣдованнаго.

Подставной наслѣдникъ отвѣчаетъ передъ наслѣдственными кредиторами лишь въ мѣру полученнаго. Составленный главнымъ наслѣдникомъ инвентарь идетъ и ему въ прокъ. Ему принадлежитъ и самостоятельное право на составленіе инвентаря (§§ 2145, 1990, 1991, 1978, 1975 и сл.).

VII. Французское право.

Фидеикомиссарная субституція, позаимствованная французами изъ римскаго права, получила у нихъ большое развитіе. Она служила средствомъ сохраненія въ родѣ собственности и тѣмъ поддерживала блескъ аристократіи. Она больше примѣнялась на югѣ Франціи, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ къ ней относились менѣе сочувственно и гдѣ кутюмами многихъ провинцій завѣщательная субституція была совсѣмъ запрещена.

Субституція допускалась не только для многихъ лицъ, призывавшихся къ наслѣдованію однихъ послѣ другихъ, но для цѣлаго ряда поколѣній и часто даже до безконечности, образуя, такимъ образомъ, новый порядокъ наслѣдованія, въ которомъ воля лица замѣняла законъ, или кутюмы. Этотъ порядокъ наслѣдованія порождалъ массу споровъ и исковъ и въ интересахъ семей, которыхъ разоряли судебные процессы, необходимо было ограничить предѣлы установленія субституцій. Къ такимъ мѣрамъ и прибѣгали, не дозволяя назначенія субституціи далѣе четырехъ или только двухъ степеней послѣ наслѣдника. Но какъ институтъ этотъ вкоренился въ нравахъ, видно изъ того, что рядомъ съ этимъ продолжали сохраняться и субституціи постоянныя. Однако тотъ вредъ, который причиняла фидеикоммиссарная субституція, устраняя имущество изъ оборота и стѣсняя кредитъ, дѣлалъ ее все менѣе и менѣе популярной. Сначала стѣсняли ее, требуя публичности и занесенія въ реестръ, а потомъ она была и совсѣмъ отмѣнена декретами конвента 25 августа и 14 ноября 1792 г. Были попытки возстановить субституціи подъ именемъ маіоратовъ, но малоуспѣшныя. Закономъ 12 мая 1835 г. воспрещено было и учрежденіе маіоратовъ на будущее время. Такимъ образомъ фидеикоммиссарная субституція во Франціи прекратилась *). Согласно этому французскій кодексъ въ ст. 896 гласитъ: субституціи запрещены, поэтому всякое распоряженіе, налагающее обязательство на наслѣдника сберечь завѣщанное ему и передать другому, признается недѣйствительнымъ даже въ отношеніи наслѣдника, т.-е. полностью. Итальянскій кодексъ тоже запрещаетъ фидеикоммиссарную субституцію, но, въ отличіе отъ французскаго кодекса, не поражаетъ недѣйствительностью всего распоряженія на случай смерти: наслѣдникъ сохраняетъ все назначенное въ свою пользу безъ выполненія обязанности, установленной въ завѣщаніи, сохранить и передать другому (ст. 899, 900). Но зато не знаетъ исключеній, допускаемыхъ французскимъ законодательствомъ.

Изъ этого запрещенія французское законодательство разрѣшаетъ два исключенія: 1) родители имѣютъ право предоставить подлежащее ихъ свободному распоряженію имущество все или въ части одному или нѣсколькимъ изъ своихъ дѣтей съ обязательствомъ наслѣдника передать это имущество своимъ дѣтямъ, уже родившимся или имѣющимъ родиться, т.-е. не

*) *Paul Viollet:* „Précis de l'Histoire du droit civil". Paris, 1886, pp. 757—761.

далѣе первой степени родства по нисходящей линіи (ст. 1048); 2) бездѣтные могутъ сдѣлать такое же распоряженіе относительно свободнаго своего имущества въ пользу одного или нѣсколькихъ своихъ братьевъ или сестеръ, съ обязательствомъ передачи полученнаго своимъ дѣтямъ, родившимся или имѣющимъ родиться, только не дальше первой степени родства, начиная отъ братьевъ или сестеръ (ст. 1049).

Почему сдѣланы эти исключенія, несмотря на осужденіе старой практики, допускавшей субституцію. Потому, говорятъ, что эта практика создавала особый порядокъ наслѣдованія въ пользу старшихъ дѣтей и во вредъ всѣмъ другимъ дѣтямъ, между тѣмъ какъ субституція, дозволенная отцамъ и матерямъ, братьямъ и сестрамъ, стремится удержать естественный порядокъ. Если отецъ или братъ передаетъ свое имущество съ обязательствомъ сберечь его для дѣтей получившаго, то онъ это дѣлаетъ изъ опасенія, чтобы послѣдній не растратилъ его на безумные расходы, бросаясь въ разорительныя спекуляціи. Но эту заботу законъ не простираетъ дальше первыхъ степеней, т.-е. внуковъ наслѣдодателя или племянниковъ, находя, что продолжить дальше исключеніе значило бы на долго подвергнуть неизвѣстности собственность, стѣснять оборотъ и способствовать появленію субституцій въ духѣ аристократическомъ, противномъ направленію, усвоенному кодексомъ.

Дабы избѣжать аристократическихъ стремленій стараго режима, поставлено и другое условіе дозволенной субституціи—она простирается на *всѣхъ* дѣтей уже родившихся или имѣющихъ родиться. Такимъ образомъ устраняется какъ право первородства, такъ и предпочтеніе мужского пола женскому.

Кромѣ того, спеціальное условіе, установленное для братьевъ и сестеръ, назначающихъ субституціи—это бездѣтность ихъ. На чемъ основывается такое ограниченіе? На томъ, что субституція допускается въ виду того соображенія, что важно удержать во второмъ поколѣніи имущества, къ унаслѣдованію которыхъ призываетъ наслѣдника законъ, но которыя этотъ наслѣдникъ можетъ растратить. Но разъ есть дѣти у наслѣдодателя-брата, этотъ мотивъ отпадаетъ, потому что въ такомъ случаѣ имущество не переходитъ ни къ брату, ни къ племянникамъ, а слѣдовательно и не можетъ быть для нихъ сохранено путемъ субституціи. Слѣдовательно, принципъ тотъ, что субституція имѣетъ мѣсто только тогда, когда, въ силу закона, братъ и его дѣти призываются къ наслѣдованію.

Наконецъ, послѣднее условіе — субституціи мыслимы только относительно имущества, подлежащаго свободному завѣщательному распоряженію: несвободное имущество (la réserve) не можетъ быть обременяемо субституціей.

Законъ предписываетъ извѣстныя мѣры предосторожности для огражденія интересовъ подставного наслѣдника.

Къ нимъ относится прежде всего назначеніе опекуна, который наблюдаетъ за исполненіемъ завѣщательнаго распоряженія, за сохраненіемъ наслѣдникомъ въ цѣлости завѣщаннаго. Если завѣщатель не позаботился

самъ о назначеніи опекуна, въ такомъ случаѣ объ этомъ долженъ хлопотать передъ семейнымъ совѣтомъ самъ наслѣдникъ подъ угрозой, при неисполненіи этого, лишенія наслѣдственныхъ правъ, предоставленныхъ ему завѣщаніемъ (ст. 1055—1057).

Вторая охранительная мѣра — составленіе описи всему завѣщанному имуществу. Это лежитъ прежде всего на обязанности наслѣдника, если онъ этого не выполнитъ, то обязанность переходитъ на опекуна, а если къ описи не приступятъ ни тотъ, ни другой, то это долженъ сдѣлать подставной наслѣдникъ, а если онъ малолѣтній, то опись производится по требованію прокурорской власти (ст. 1058—1061).

Третья охранительная мѣра—это обязанность, лежащая на наслѣдникѣ продать путемъ публичной продажи всѣ движимости и вещи, указанныя въ завѣщательномъ распоряженіи, съ цѣлью предотвратить такимъ образомъ обезцѣненіе вещей отъ времени и пользованія ими.

Изъ этого постановленія сдѣланы два исключенія:

1. Не подлежатъ продажѣ вещи, поименованныя въ распоряженіи завѣщателя, обязывающаго передать ихъ въ томъ состояніи, въ которомъ онѣ будутъ находиться во время передачи. Эта льгота можетъ быть сдѣлана или въ интересахъ подставного наслѣдника, если, напримѣръ, идетъ рѣчь о коллекціи книгъ или предметовъ искусства, или въ интересахъ перваго наслѣдника, если завѣщатель желаетъ, напримѣръ, сохранить ему пользованіе мебелью, которая составляетъ обстановку дома.

2. Скотъ и инструменты (хозяйственные), необходимые для эксплоатаціи земли, считаются входящими въ составъ завѣщанной поземельной собственности, какъ ея принадлежность. Наслѣдникъ обязанъ только оцѣнить эти предметы, чтобы потомъ возвратить другіе такой же стоимости (ст. 1063, 1064).

Наконецъ, четвертая охранительная мѣра заключается въ томъ, что деньги, вырученныя отъ продажи движимости, заключающіяся въ полученіяхъ отъ должниковъ, а равно наличныя деньги и доходъ отъ имуществъ составляющія, во избѣжаніе растраты ихъ, должны быть въ указанный закономъ срокъ или помѣщены согласно распоряженію завѣщателя, а если этого не сдѣлано, то обращены на покупку недвижимости или привилегированнаго долга на недвижимость (ст. 1065—1068).

Кодексъ предписываетъ извѣстныя мѣры, которыя гарантировали бы интересы постороннихъ лицъ. Наслѣдникъ можетъ скрыть, что онъ связанъ субституціей, отчего могутъ пострадать интересы третьихъ пріобрѣтателей и гипотекарныхъ кредиторовъ. Въ виду этого узаконяется публичность субституцій, которая заключается въ записи въ ипотечное бюро актовъ, содержащихъ въ себѣ назначеніе субституціи (вообще же публичность для завѣщаній не обязательна), а равно въ записи суммъ, привилегированно обезпеченныхъ на недвижимости. При несоблюденіи этого постановленія субституція считается недѣйствительной и третьи лица осуществляютъ свои права такъ, какъ бы ея не было (ст. 1069—1074).

Въ заключеніе слѣдуетъ опредѣлить общее юридическое положеніе какъ наслѣдника главнаго, такъ и подставного.

Можно ли считать собственникомъ главнаго наслѣдника? Вообще признаютъ его собственникомъ подъ резолютнымъ условіемъ. Если бы это было такъ, то съ открытіемъ субституціи назначеніе главнаго наслѣдника теряло бы свою силу такъ, какъ бы его совсѣмъ не было. Но это невозможно допустить, потому что субституція объемлетъ собою два дарственныя распоряженія, которыя производятъ свое дѣйствіе послѣдовательно; если есть два дарственныя распоряженія, есть двѣ смѣны собственности, слѣдовательно, два собственника. Право наслѣдника нѣсколько своеобразной природы: онъ собственникъ, но онъ долженъ сохранить имущество для другого, подставного наслѣдника. Какъ собственникъ онъ можетъ совершать всѣ распорядительные акты; если подстава (субституція) не состоится, всѣ акты останутся въ силѣ; если состоится, будутъ лишены значенія. Тѣмъ болѣе, онъ можетъ заключать акты, относящіеся къ управленію, какъ договоры аренды и найма, но не дальше времени осуществленія подставы.

Какъ собственникъ, наслѣдникъ можетъ вчинать иски и отвѣчать по искамъ; онъ, слѣдовательно, можетъ требовать платежа долговъ, а равно принимать платежи отъ должниковъ.

Таковы его права. Что касается обязанностей, то главная его олязанность—выдать, съ наступленіемъ субституціи, завѣщанное подставному наслѣднику; поэтому если онъ завѣщанное отчудилъ или обременилъ вещными тягостями, то эти дѣйствія его считаются недѣйствительными. Исключеніе сдѣлано только для законной ипотеки жены; эта ипотека сохраняется, въ томъ смыслѣ, что жена наслѣдника (grevé) имѣетъ вспомогательное средство взысканія, на случай недостаточности другихъ имуществъ (но только относительно денежныхъ капиталовъ приданаго и при условіи, что завѣщатель объ этомъ прямо указалъ въ завѣщаніи).

Изъ главной обязанности главнаго наслѣдника—сохранить имущество для наслѣдника подставного, вытекаютъ и другія обязанности. Чтобы сохранить, надо пользоваться и управлять какъ свойственно хорошему хозяину. Онъ долженъ поддерживать имущество въ надлежащемъ состояніи, дѣлать всѣ необходимыя починки, даже и большія (grosses réparations), чѣмъ онъ отличается отъ пользовладѣтеля, который обязанъ производить только обыкновенный ремонтъ (réparations d'entretien). Но если онъ улучшаетъ имущество, то, въ свою очередь, онъ имѣетъ право на вознагражденіе за эту увеличенную стоимость.

Въ чемъ заключается право подставного наслѣдника до открытія субституціи? Онъ располагаетъ правомъ, потому что кодексъ предписываетъ охранительныя мѣры въ интересѣ этого наслѣдника; но право это имѣетъ условный характеръ въ томъ смыслѣ, что оно открывается только со смертью главнаго наслѣдника, слѣдовательно, необходимо, чтобы подставной наслѣд-

никъ существовалъ въ это время; если онъ умретъ раньше главнаго, субституція не имѣетъ силы.

Когда открывается субституція? Во-первыхъ, со смертью главнаго наслѣдника. Такова основная мысль субституціи: подставной наслѣдникъ входитъ въ права, когда сходитъ со сцены главный наслѣдникъ. Во-вторыхъ, съ истеченіемъ срока и съ наступленіемъ условія. И то, и другое можетъ быть установлено завѣщателемъ. Въ-третьихъ, когда главный наслѣдникъ лишается предоставленнаго ему права. Таковъ одинъ только случай, когда наслѣдникъ не озаботился назначеніемъ опекуна. Въ-четвертыхъ, вслѣдствіе отказа главнаго наслѣдника. Въ-пятыхъ, вслѣдствіе неблагодарности наслѣдника, онъ можетъ быть лишенъ принадлежащаго ему права и тогда вступаетъ въ права подставной наслѣдникъ.

Со времени открытія субституціи подставной наслѣдникъ пріобрѣтаетъ завѣщанныя права ipso jure. Если главный наслѣдникъ отчудилъ завѣщанныя имущества или обременилъ ихъ вещными тягостями, эти акты теряютъ силу. Въ случаѣ отчужденія, имущество можетъ быть потребовано отъ новаго пріобрѣтателя; другія вещныя права могутъ признаны судомъ не имѣющими силы.

Здѣсь можетъ возникнуть слѣдующее затрудненіе. Подставной наслѣдникъ есть въ то же время сынъ или дочь главнаго наслѣдника, а слѣдовательно и наслѣдникъ послѣдняго. Поэтому онъ наслѣдуетъ и въ обязательствахъ своего отца. Имѣетъ ли онъ право при такихъ условіяхъ вытребовать отчужденное отъ пріобрѣтателя. Затрудненіе можетъ быть разрѣшено такъ. Если подставной наслѣдникъ отказывается отъ наслѣдства послѣ главнаго, онъ не считается наслѣдникомъ этого послѣдняго и значитъ не участвуетъ въ его обязательствѣ, а въ такомъ случаѣ онъ сохраняетъ за собою право обратнаго требованія отчужденнаго имущества; если же онъ приметъ наслѣдство безъ оговорокъ, онъ отвѣчаетъ за долги наслѣдодателя и уже не можетъ возражать противъ правъ новаго пріобрѣтателя. Но если онъ приметъ наслѣдство по описи (Sous bénéfice d'inventaire), тогда онъ отвѣчаетъ за обязательства наслѣдодателя лишь въ мѣру полученнаго и можетъ потребовать отчужденное, но съ вознагражденіемъ въ суммѣ не свыше унаслѣдованнаго *).

Что касается обыкновенной подставы наслѣдника (Substitution vulgaire), то она, какъ видно изъ ст. 898 (распоряженіе, которымъ третье лицо призывается получить даръ, наслѣдство или легатъ въ томъ случаѣ, когда одаренный, наслѣдникъ или легатарій, не получитъ подареннаго, завѣщаннаго или отказаннаго, то это распоряженіе не считается субституціей **) и будетъ дозволено) не воспрещается.

---

*) Субституція можетъ быть установлена не только посредствомъ завѣщанія, но и посредствомъ даренія. Мы говоримъ вездѣ о завѣщаніи и завѣщателѣ, примѣнительно къ нашему законодательству. Laurent. Cours élémentaire de droit civil. T. 2, pp. 293—303, 290—291.

**) Т.-е. запрещенной, фидеикоммиссарной.

VIII. Англійское право.

Подъ подназначеннымъ имѣніемъ (estate tail) разумѣется имѣніе, данное извѣстному лицу и его нисходящимъ (the heirs of his body) такимъ образомъ, что оно переходитъ послѣдовательно отъ перваго получившаго къ его дѣтямъ, внукамъ и дальнѣйшимъ нисходящимъ до безконечности, безъ права передачи произвольно кому-нибудь изъ восходящихъ или боковыхъ родственниковъ. Такое имѣніе называется estate tail или estate in fee tail, отрѣзанное или отрубное помѣстье, потому что, въ отличіе отъ простыхъ помѣстьевъ, оно сохраняется для одного только класса наслѣдниковъ, съ исключеніемъ другихъ.

Существуетъ нѣсколько видовъ такихъ подставляемыхъ помѣстьевъ, смотря по частнымъ ихъ особенностямъ и протяженію подстановки: 1) обыкновенное подставное (субституированное) помѣстье, когда всѣ законные нисходящіе, связаннаго этой субституціей, призываются къ наслѣдованію въ нормальномъ порядкѣ, безъ всякихъ ограниченій или исключеній. 2) Особое помѣстье, которое можетъ быть получено только опредѣленными законными нисходящими, съ исключеніемъ другихъ, напримѣръ, подстава сдѣлана въ пользу *А* и дѣтей или нисходящихъ отъ брака его съ *Б*. 3) Помѣстье мужское (tail male) или женское (tail female), смотря по тому, идетъ ли оно только къ нисходящимъ мужского или женскаго пола.

Въ настоящее время болѣе всего употребительны субституціи помѣстьевъ общихъ и мужскихъ.

Учрежденіе fee tail интересуетъ, съ одной стороны, тѣхъ изъ наслѣдниковъ одареннаго, кодорые ему подставлены, съ другой—дарителя и его преемниковъ, имѣющихъ не только выговоренныя права на услуги и доходы, пока существуетъ субституція, но также и право получить имѣніе обратно, если не окажется назначенныхъ наслѣдниковъ, въ пользу которыхъ установлена субституція.

Такъ какъ отчужденіе имущества владѣющимъ имъ могло приносить вредъ этимъ обоимъ классамъ лицъ, то только постепенно было предоставлено ему это право. Такъ, относительно наслѣдниковъ еще со времени Генриха II допускалось, что тотъ, кто получилъ землю для себя и для своихъ наслѣдниковъ, могъ лишить ее своихъ боковыхъ родственниковъ, но не нисходящихъ, развѣ въ части и въ исключительныхъ случаяхъ, наприм., чтобы надѣлить дочь приданымъ или ad pias causas. Впослѣдствіи въ актъ объ учрежденіи субституціи вносили оговорку, по которой имущество давалось не только данному лицу и его наслѣдникамъ, но также всякому, кому онъ захочетъ подарить или передать. Наконецъ, право отчужденія помѣстьевъ стало общимъ правомъ, хотя и не безъ борьбы противъ этого со стороны аристократіи.

Во всѣхъ семьяхъ, гдѣ *estates* сохраняются отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлаются каждый разъ черезъ нѣсколько лѣтъ спеціальныя распоря-

женія по этому поводу. Такъ, въ случаѣ брака даютъ имущество мужу, но исключительно въ пожизненное владѣніе (life estate); женѣ, имѣющей право въ теченіе брака на извѣстную сумму для своихъ личныхъ потребностей—пожизненную ренту (*rent charge* или *annuity*). Въ то же время въ актѣ постановляется, что старшій сынъ, который родится отъ этого брака, получитъ это самое помѣстье (in tail) съ условіемъ выполнить всѣ повинности, которыми оно будетъ обременено, въ пользу вдовы или въ пользу младшихъ братьевъ и сестеръ. Если старшій сынъ умретъ безпотомно, имущество переходитъ съ такимъ же титуломъ къ слѣдующему сыну, за нимъ къ слѣдующему и т. д., при недостаткѣ сыновей—къ дочерямъ.

Въ такомъ связанномъ положеніи имущество находится, пока одно изъ тѣхъ лицъ, которому оно досталось *in tail*, достигнетъ двадцати лѣтъ съ годомъ, т.-е. возраста, когда оно способно съ согласія отца, имѣющаго право пожизненнаго владѣнія недвижимостью, уничтожить субституцію относительно всѣхъ такъ называемыхъ *remainderman*, т.-е. имѣющихъ право ожиданія получить имущество. Собственность оказывается такимъ образомъ свободной и можно учредить новое наслѣдственное помѣстье (estate) въ пользу слѣдующаго поколѣнія, обезпечивая такимъ образомъ, что помѣстье не выйдетъ изъ семьи.

Когда владѣлецъ помѣстья впадаетъ въ несостоятельность, банкротство уничтожаетъ субституцію въ пользу кредиторовъ въ той мѣрѣ, въ какой это зависѣло бы отъ самого несостоятельнаго ее уничтожить и имущество идетъ на удовлетвореніе долговъ также, какъ будто рѣчь идетъ о простомъ имуществѣ. При жизни должника кредиторы могутъ (посредствомъ особаго судебнаго приказа—*elegit*) пользоваться отъ своего имени всѣми правами, которыя принадлежатъ должнику на имущество. Но послѣ его смерти его потомство не связано его договорами, касающимися собственности, если оно категорически не приняло на себя этой обязанности.

Владѣлецъ наслѣдственнаго имущества имѣетъ на него весьма широкія права пользованія, которыя онъ можетъ осуществлять, не имѣя нужды начинать съ уничтоженія субституціи. Онъ можетъ рубить строевой лѣсъ для собственной надобности, эксплоатировать минеральныя богатства и т. п. Онъ можетъ даже заключать наемные контракты, хотя бы и стѣсняющіе его наслѣдниковъ, съ условіемъ только, чтобы они не простирались долѣе 21 года со дня заключенія контракта.

Вообще *estate tail* учреждается посредствомъ завѣщанія или брачнымъ контрактомъ; но онъ можетъ быть учрежденъ также и посредствомъ всякаго друго акта *).

IX. Русское право.

Наши духовныя грамоты съ древнѣйшихъ временъ отличались, сравнительно съ римскимъ тестаментомъ, значительнымъ разнообразіемъ своего

*) *Prof. E. Lehr*: „Éléments de droit civil anglais“, 163—176.

содержанія. Въ нихъ мы находимъ не только указаніе на наслѣдниковъ, но и другія предсмертныя распоряженія. Относительно наслѣдниковъ бывали случаи и, повидимому, нерѣдкіе, что одно и то же имущество одному лицу назначается въ пожизненное владѣніе, а другому—въ собственность *). Нерѣдко также имущество завѣщалось подъ условіемъ **).

Въ числѣ такихъ условныхъ назначеній, а иногда и въ соединеніи съ условіемъ въ настоящемъ смыслѣ, мы встрѣчаемъ примѣры назначенія наслѣдниковъ съ подставой въ разныхъ видахъ. Правда, что примѣры такихъ назначеній мы встрѣчаемъ и въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ, что какъ бы указываетъ на то, что они имѣли спеціальный характеръ—передачу не частной собственности, а удѣла. Но, во-первыхъ, подставныхъ наслѣдниковъ, какъ сейчасъ увидимъ, мы встрѣчаемъ и въ духовныхъ грамотахъ частныхъ лицъ, а во-вторыхъ, несомнѣнно, что и въ распоряженіяхъ удѣлами примѣнялись князьями частноправныя точки зрѣнія и са-

---

*) „А что исъ тыхъ волостий за Княгинью за Марьею, тѣ волости *до ея живота и села;* а *по ее животъ*, тѣ волости и села *сыну моему* Князю Дмитрью".

„...а по животѣ моее Княгини тѣ волости и села и треть тамги дастся сыну моему Князю Дмитрию и Князю Ивану".

Духовная грамота Великаго Князя Іоанна Іоанновича (I-ая) 1356 г. Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ч. I. № 25.

То же распоряженіе повторяется во II духовной грамотѣ того же великаго князя 1356 г., № 26.

А размыслитъ Богъ о Княгинѣ моей, *по ее животъ*, мытъ и тамга дѣтямъ моимъ. Дух. Грамота Князя Володиміра Андреевича 1410 г., № 40.

А тѣ волости и села Княгинѣ моей *до ее живота*. Дух. Грам. В. К. Василія Димитріевича 1424 г., № 42. Ср. еще духовная грам. № 39.

**) А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Борису Воръкову, *аже имѣть сыну* моему, которому *служити*, село будетъ за нимъ; не имѣть ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть. Дух. Грам. В. К. Ивана Даниловича Калиты (II-ая). 1328 г., № 22.

А что есмь пожаловалъ Бояръ своихъ... *доколѣ служатъ* мнѣ и моимъ дѣтемъ и ихъ дѣти, и учнутъ служити моему сыну и ихъ дѣти, ино то имъ есть, а не имутъ служити моему сыну, ино ихъ отчина моему сыну. Дух. Грамота Кн. Бориса Васильевича Волоцкаго 1477 г., № 105.

А Бояромъ и дѣтемъ Боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василья не отъѣхати никому никудѣ; а *кто отъѣдетъ* и *земля* ихъ *сыну моему*.

А *отъѣдетъ* Князь Ѳедоръ (Бѣльскій) къ кому-нибудь и та его вотчина Лухъ и съ тѣми волостьми сыну моему Василью. Дух. Грам. В. К. Іоанна Васильевича 1504 г., № 144.

А жена моя оже *всѣдитъ* въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, или *пойдетъ замужъ* ино ей надѣлка десять рублей. Акты Юридическіе 409 XIV и XV в. Духовныя Новгородцевъ и Двинянъ. I.

А на Низу села въ Заостровьи, Варханцевъ конецъ, меншимъ дѣтемъ съ матерью, а *пойдетъ замужъ*, ино ей не дати участокъ ничего и участка ей въ землѣ нѣтъ. 409, X.

А *пойдетъ жена замужъ*, ино та деревня дѣтемъ моимъ всѣмъ, на подѣлъ. Дух. Грам. Акинфіева, нач. XVI в., 14.

мыя распоряженія идутъ въ перемежку—объ волостяхъ, селахъ и разнаго рода домашнемъ скарбѣ. Только постепенно великіе князья проникались, раздавая удѣлы своимъ дѣтямъ, соображеніями государственнаго интереса.

Сначала приведемъ распоряженія этого рода, взятыя изъ духовныхъ грамотъ частныхъ лицъ,— духовныхъ новгородцевъ и двинянъ XIV и XV вв.

Нѣкто Остафій въ рукописаніи своемъ «приказываетъ свой животъ» (движимость) своей матери и сыну Ѳедору (малолѣтнему) свою вотчину и дѣдину, а вотчину и дѣдину на Волоти и проч. съ братомъ Григорьемъ пополамъ. Если же послѣ смерти завѣщателя родится сынъ, тогда все имущество обоимъ сыновьямъ пополамъ, если дочь—старшій братъ долженъ надѣлить ее приданымъ. Пока малолѣтній сынъ Ѳедоръ придетъ въ возрастъ, хозяйствомъ завѣдываетъ братъ Григорій и доходы отдаетъ наслѣдникамъ—матери и сыну. Если бы же дѣти умерли, тогда половина всего имущества должна поступить брату Григорію, а другая половина на поминовеніе души родителей завѣщателя и его самого *).

Здѣсь мы видимъ назначеніе подставного наслѣдника (брата Григорія) на случай смерти первоначальныхъ наслѣдниковъ—сыновей завѣщателя и судя по ходу рѣчи завѣщанія—назначеніе, послѣ вступленія уже въ наслѣдство первоначальныхъ наслѣдниковъ, т.-е. мы имѣемъ дѣло съ фидеикоммиссарной субституціей.

Завѣщатель Петръ Молечкинъ пишетъ духовную, «идучи на Великаго Князя службу въ Нижней Новъгородъ» и распредѣливши значительную часть имущества по церквамъ и монастырямъ «по родительскихъ душахъ и по своей души», остальное завѣщаетъ своимъ родственникамъ—зятьямъ, сестрамъ и племяннику. При этомъ назначаетъ имъ подставного наслѣдника: «да благословляю свою зятью и свои сестры вотчиными своими землями» (слѣдуетъ перечисленіе лицъ и деревень).

---

*) Вота относящіяся сюда мѣста духовной:

А приказываю животъ свой госпожѣ своей матери Оптоньи и сынови своему Ѳедору, отцыну свою и дѣдину, землю и воду, по отца своего рукописанью и по володѣнью. А что отцына моя и дѣдина на Волоти, земля и вода, и пожни, и лѣса, въ Ходини и въ Дроздинѣ... мнѣ съ братомъ своимъ, съ Григорьемъ наполъ, а моя половина сыну моему чиста... А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, или пойдетъ замужъ, ино ей надѣлка десять рублей; а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть. А будетъ у моей жены сынъ, ино моимъ дѣтямъ животъ мой и села мои и челядь моя наполъ; или будетъ дчи, ино выдаетъ ю братъ Ѳедоръ по силѣ; а доколѣ сынъ мой Ѳедоръ подростетъ, а дотолѣ ѣздитъ по моимъ селамъ братъ мой Григорій, въ мое мѣсто, и людьми моими володѣетъ, а хлѣбъ и куны и даръ, а то идетъ матери моей и сыну моему Ѳедору. Или Богъ умыслитъ о дѣтяхъ моихъ, ино брату Григорью половина въ животѣ моемъ, въ землѣ и въ водѣ; а другую половину живота моего, въ землѣ и въ водѣ, ты братъ Григорей испродай да вниши во вседневніи службы отца моего и матерь мою и мене, а остаткомъ и ты по насъ помяни. Акты Юрид. 409 XIV и XV вв. Дух. Грам. Новгородцевъ и Двинянъ. I.

«...А послѣ меня родитца у моей жены сынъ, ино отчина моя вся сыну моему... а родитца у моей жены дочь, ино дать ей восемъдесятъ рублевъ изъ моего живота».

Здѣсь рожденіе сына является резолютивнымъ условіемъ прекращенія наслѣдственныхъ правъ прежде назначенныхъ наслѣдниковъ и перехода этихъ правъ ко второму подставному наслѣднику *).

Монастырскій слуга Лука Михайловъ Сахаровъ пишетъ изустную духовную память, сначала указывая, кому что отдать и на комъ что взять, затѣмъ дѣтей своихъ—дочерей отъ первой жены, «благословляетъ» разнаго рода домашними вещами. А за симъ такъ распоряжается: «а иные всѣ мои станки, дворъ и хоромы, хлѣбъ и платье, и всякой животъ (движимость) и домовой всякой обиходъ, все чернѡ и бѣлѡ женѣ моей (второй) Иринѣ, съ первыми моими дѣтми (—) дочерми первой моей жены и съ другими моими дѣтми, съ сыномъ моимъ Иваномъ, что съ ней Ириной прижитъ, все имъ вмѣстѣ, повытно, поровну. А будетъ судбами Божіими лучитца первой моей жены дочеремъ моимъ отъ жизни сея преставитись, и станки мои всѣ (а оставшееся наслѣдство) сыну моему Ивану, а будетъ ему сыну моему Ивану лучитца смерть, а онѣ дочери мои останутца, и станки мои дочеремъ моимъ. А будетъ изволитъ жена моя, послѣ моего живота, замужъ итти, и ей кромѣ своего приданаго платья, что у ней съ собой принесено, до иныхъ станковъ моихъ ни до чего дѣла нѣтъ, все сыну моему Ивану или дочеремъ, кто у нихъ въ жизнь сію останетца» **).

Завѣщается по этой духовной имущество второй женѣ и дѣтямъ завѣщателя—дочерямъ отъ первой жены и сыну отъ второй, всѣмъ поровну. Въ случаѣ смерти дочерей—подставляется наслѣдникомъ сынъ, въ случаѣ смерти сына—дочери.

Право жены на наслѣдство прекращается съ выходомъ замужъ. И здѣсь, повидимому, подстава предполагаетъ предварительное вступленіе въ наслѣдство первыхъ наслѣдниковъ. Слѣдовательно, имѣетъ мѣсто субституція фидеикоммиссарная.

Ѳедоръ Акиньфіевъ «благословляетъ» дѣтей своихъ деревнями, землями и пожнями». Кромѣ того «да благословилъ сына своего Матѳея, и съ матерью, деревнею Ѳоминьскою... а пойдетъ жена моя замужъ, ино та деревня дѣтемъ моимъ, всѣмъ на подѣлъ» ***).

Здѣсь условное назначеніе наслѣдницей жены, если не выйдетъ замужъ. На случай наступленія условія подназначаются наслѣдники ей—дѣти.

Переходимъ къ духовнымъ князей.

В. К. Димитрій Іоановичъ въ своей духовной приказываетъ отчину свою Москву дѣтямъ своимъ: князьямъ—Василію, Юрію, Андрею, Петру

---

*) А. Ю. 1525 г., № 418.

**) А. Ю. Духовная монастырскаго слуги Луки Сахарова 1671 г., апрѣль, № 427.

***) А. Ю. № 414. Начала XVI в. Духовная Ѳедора Акинфіева.

и при этомъ распоряжается: «а по грѣхомъ котораго сына моего Богъ отъиметъ и княгиня моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ... а по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Князя Василья, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему Княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя Княгиня» *). Здѣсь мы видимъ тоже подставу наслѣдниковъ: послѣ дѣтей назначаются наслѣдниками ихъ братья, только дѣлежъ между сонаслѣдниками производитъ мать ихъ.

Подобное же распоряженіе мы находимъ въ духовной грамотѣ князя Георгія Дмитріевича Галицкаго: «Приказываю дѣтемъ своимъ Василью, Дмитрею и Дмитрею меншему вотчину свою въ Москвѣ, свой Жеребей... А по грѣхомъ котораго васъ Богъ отыметъ, а не останется после его дѣтей; ино того удѣлъ тѣмъ, которыи останутся живы» **). Въ отличіе отъ предыдущей духовной здѣсь удѣлъ поступаетъ въ наслѣдство прямо, безъ посредства дѣлежа между сонаслѣдниками, какъ въ предыдущей грамотѣ.

Въ своей духовной грамотѣ великій князь Василій Димитріевичъ «даетъ рядъ» своему сыну князю Ивану и своей княгинѣ. Дѣлая назначенія этой послѣдней изъ разныхъ селъ, въ томъ числѣ завѣщая ей то, что останется и послѣ его матери (а отведетъ Богъ матерь мою, ино по матери моие животѣ Песочна моей же княгинѣ) дѣлаетъ такое распоряженіе: «А што села княгининские пошлые, то ее и есть; а вѣдаетъ тѣ села пошлые княгининские дотоле княгиня моя, доколѣ дастъ Богъ женится сынъ мой, а потомъ она дастъ тѣ села сына моего княгинѣ, своей сносѣ, которые были издавна за княгинями» ***).

Въ этой грамотѣ подставляется наслѣдница вдовѣ завѣщателя—ея сноха, но время передачи опредѣляется не временемъ смерти перваго наслѣдника, какъ обыкновенно, а наступленіемъ опредѣленнаго событія,—вступленія въ бракъ сына завѣщателя.

Духовная грамота князя Володимера Андреевича. Въ этой грамотѣ князь даетъ рядъ сыновьямъ и княгинѣ женѣ своей и при этомъ дѣлаетъ, въ числѣ прочихъ, такое распоряженіе. «А по грѣхомъ отъиметъ Богъ сына котораго изъ сыновъ моихъ, а останется его жена, а не пойдетъ за мужъ, и сноха моя съ своими дѣтьми сидитъ въ мужа своего удѣле до своего живота, а размыслитъ Богъ о сносѣ моей, и тотъ удѣлъ сыну ее, а моему внуку; а не будетъ сына, а останется дчи и дѣти мои вси брата своего дчерь выдадутъ за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся вси ровно» ****).

Въ этой грамотѣ устанавливается такой порядокъ наслѣдованія. На-

---

*) Дух. Грам. В. К. Димитрія Іоанновича (II-ая) 1389 г. Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ, № 34.

**) Дух. Гр. Князя Георгія (Юрья) Дмитріевича Галицкаго писана около 1434 г. Собр. Г. Г. и Д., № 31.

***) Д. Г. В. к. Василія Димитріевича (1-я) 1406 г., № 39.

****) Д. Г. Князя Володиміра Андреевича, 1410 г., № 40.

слѣдниками назначаются сыновья завѣщателя; а послѣ смерти кого-либо изъ нихъ, ихъ удѣлы поступаютъ въ пожизненное владѣніе ихъ женъ подъ условіемъ невыхода замужъ; послѣ смерти которой-либо изъ снохъ наслѣдуетъ сынъ ея, а внукъ наслѣдователя, а если внука не будетъ, а останется внучка, то сыновья завѣщателя должны ее, свою племянницу, выдать замужъ, а сами упаслѣдуютъ удѣлъ ея отца, подѣлившись поровну. Итакъ, здѣсь главнымъ наслѣдникомъ подставляются либо ихъ потомки (сыновья), либо боковые братья, въ промежуткѣ вставляется пожизненное владѣніе вдовъ.

Въ духовной грамотѣ вел. кн. Іоанна Васильевича читаемъ: «А котораго моего сына не станетъ, а не останется у него ни сына, ни внука; ино его удѣлъ весь въ Московской землѣ и въ Тферской землѣ, что есми ему ни далъ, то все сыну моему Василью» *).

Въ этой духовной завѣщатель подставляетъ своимъ наслѣдникамъ, на случай безпотомной смерти ихъ, старшаго своего сына, а брата наслѣдниковъ.

Итакъ, духовныя несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что нашему юридическому быту извѣстна была подстава наслѣдниковъ, даже и въ видѣ такъ называемой фидеикоммиссарной субстанціи, хотя законодательные памятники, какъ времени вышеприведенныхъ духовныхъ, такъ и позднѣйшаго, объ этомъ умалчиваютъ, но они умалчиваютъ о многомъ, касающемся гражданскихъ отношеній. Обычай восполнялъ и замѣнялъ законъ. А просторъ обычаю, при слабости законодательства, былъ большой. Даже о вліяніи византійскаго права, не взирая на ближайшее участіе въ дѣлахъ этого рода духовенства, трудно сказать что-либо опредѣленное.

Что касается литовско-русскаго завѣщанія, то, повидимому, оно отличалось бо̀льшей свободой въ распоряженіи имуществомъ, нежели общерусское: къ наслѣдованію допускались и посторонніе—не родственники (на что только псковская судная грамота даетъ неясное указаніе въ ст. 15: «не сторонніи люди» **). А это могло способствовать и допущенію подставъ въ наслѣдованіи. Къ тому же литовское право открывало возможность вліянія римскаго права, въ видѣ дополнительнаго источника права: «если бы чего-нибудь въ этомъ статутѣ не доставало, тогда судъ, склоняясь къ близшей справедливости, долженъ отправлять (свои обязанности) и судить по своей совѣсти и по примѣру другихъ правъ христіанскихъ» (лит. ст. разд. 4, арт. 14); а такимъ примѣромъ было прежде всего право римское, какъ въ коронѣ, такъ и въ Литвѣ ***).

Исторія права послѣдующаго времени не даетъ намъ данныхъ для пря-

*) С. Г. Г. 1504 г. (144).

**) „А оу котораго оумрѣшаго, а будетъ отецъ, или мать, іли сынь, или брать, или сестра, или кто ближняго племени, а животомъ владѣетъ, а только не сторонніи людие, ино имъ волно искати безъ заклада и безъ записи оумрѣшаго, а на нихъ волножъ искати".

***) *Th. Ostrowski*: „Prawo Cywilne Narodu Polskiego", t. I, ed. 2, стр. 3 и 3.

мыхъ заключеній о томъ, насколько допускаема была подстава наслѣдниковъ. Да и вообще законодательное завѣщательное право было весьма скудно. Это надо сказать не только о Судебникахъ, но и объ Уложеніи. Но если мы не имѣемъ постановленій, опредѣляющихъ подставу, то не имѣемъ и запрещеній ея. Одно историческое явленіе, а именно постепенное стѣсненіе распоряжаться завѣщательнымъ порядкомъ родовыми имуществами, закончившееся полнымъ запрещеніемъ указомъ 19 іюня 1679 г., не могло не отражаться на свободѣ подставъ относительно родовыхъ имуществъ, и, наоборотъ, неоднократно подтверждавшееся право свободнаго распоряженія имуществами благопріобрѣтенными естественно открывало возможность дѣлать разныя сочетанія завѣщательныхъ распоряженій, а въ томъ числѣ и подставъ наслѣдниковъ въ этихъ имуществахъ.

Въ практикѣ возникали случаи подставныхъ назначеній и въ сомнительныхъ случаяхъ восходили до высшихъ учрежденій. Такъ въ 1804 г. разсматривалось въ судебныхъ учрежденіяхъ дѣло о духовномъ завѣщаніи помѣщицы Опочининой, которымъ она завѣщала свое благопріобрѣтенное имѣніе внукамъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ихъ смерти доходы съ завѣщаннаго имѣнія поступали въ пользу ихъ матери (дочери завѣщательницы), а послѣ ея смерти въ пользу ея мужа (отца внуковъ). Высочайшимъ указомъ завѣщаніе это было утверждено, согласно дворянской грамотѣ (по которой: благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или *завѣщать*, или въ приданое, или на прожитокъ отдать, или передать, или продать кому заблагоразсудитъ) и въ заключеніи было повелѣно: чтобы впредь каждый, располагая благопріобрѣтенными имѣніями по произволу, могъ отдавать, дарить и завѣщать ихъ на такихъ условіяхъ объ образѣ пользованія и управленія, какія за благо признаетъ, лишь бы условія сіи общимъ государственнымъ законамъ не были противны *).

Такимъ образомъ, этимъ завѣщаніемъ устанавливались легаты послѣдовательно въ пользу двухъ лицъ и притомъ послѣ смерти первыхъ наслѣдниковъ, распоряженіе, которое позднѣйшимъ правомъ, какъ увидимъ, не могло быть оставлено въ силѣ.

Послѣ этого въ практикѣ возникали вопросы, которые въ прежнее время въ духовныхъ грамотахъ не возбуждали сомнѣній, а именно: можетъ ли завѣщатель, назначивъ имѣніе въ собственность одному лицу, на случай смерти его, подставить ему наслѣдника.

Въ 1814 г. доходило до разсмотрѣнія государственнаго совѣта слѣдующее завѣщаніе гр. Буксгевдена. Завѣщательное распоряженіе заключалось въ слѣдующемъ: 1) Младшій сынъ завѣщателя вступитъ въ полное распоряженіе и владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ лишь тогда, когда женится и будетъ имѣть дѣтей, а до тѣхъ поръ имѣніемъ должно управлять назначенное завѣщателемъ лицо. 2) Оба сына и законные ихъ наслѣдники

*) *К. П. Побѣдоносцевъ*: „Курсъ гражд. права“, ч. II, изд. 3, стр. 562—563.

до третьяго колѣна не имѣютъ права ни продавать, ни закладывать завѣщанное имѣніе, а право это будетъ принадлежать лишь правнукамъ ихъ. 3) Если по смерти сыновей жены ихъ останутся бездѣтны, то оставшимся наслѣдникамъ заплатить каждой изъ нихъ по 50 тыс. руб. ассигнац. Сенатъ нашелъ, что всѣ эти распоряженія противозаконны. То же подтвердилъ и государственный совѣтъ.

1-й п. этого завѣщанія, очевидно, былъ отвергнутъ по недопустимости такого рода условій,—условіемъ полученія завѣщаннаго поставлена женитьба наслѣдника. 2-й п. потому, что ограничивалъ право собственности у послѣдующихъ собственниковъ. 3-й п., стѣснялся легатами послѣдующихъ за первымъ наслѣдниковъ. (Мотивы совѣта намъ неизвѣстны. Свѣдѣнія о завѣщаніи гр. Букгсевдена почерпнуты нами изъ «Курса гражд. права» К. П. Побѣдоносцева) *).

22 мая 1827 г. разсматривался вопросъ о завѣщаніи Олсуфьевой, которая завѣщала благопріобрѣтенное имѣніе братьямъ своимъ Делединскимъ, съ тѣмъ, чтобы по кончинѣ ихъ оно поступило опять въ распоряженіе завѣщательницѣ. Такое распоряженіе было признано незаконнымъ, ибо по смерти Делединскихъ права ихъ на имѣніе, обратившееся въ родовое, естественно переходятъ къ ихъ наслѣдникамъ.

Въ 1839 г. возникло извѣстное дѣло о завѣщаніи бригадирши Лопухиной, которымъ, устранивъ отъ наслѣдства сыновей, завѣщала благопріобрѣтенное имѣніе двумъ дочерямъ въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ и наслѣдниковъ ихъ, съ тѣмъ, чтобы дочери ея, раздѣливъ по смерти ея имѣніе, состояли другъ послѣ друга исключительно наслѣдницами съ своими нисходящими, а буде таковыхъ не будетъ, то имѣніе отдано было бы въ казенное вѣдомство. Государственный совѣтъ, который разсматривалъ это дѣло, нашелъ, что по силѣ законовъ: «владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія располагаетъ имъ *свободно* и *неограниченно*, можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу, и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника на *время жизни его* къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы, наприм., денежныя выдачи и т. п.; но по смерти сего лица, когда завѣщанное ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, оное ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода, произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ». На семъ основаніи повелѣно признать недѣйствительнымъ распоряженіе Лопухиной о порядкѣ наслѣдованія, послѣ смерти дочерей ея, имѣніемъ, которое она имъ завѣщала и которое, поступивъ въ ихъ владѣніе и обратясь уже въ имѣніе родовое, не подлежало болѣе дѣйствію завѣщанія» **).

Вчитаемся въ это мнѣніе государственнаго совѣта, послужившее какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ нашемъ завѣщательномъ правѣ. Здѣсь прежде

*) Стр. 563, 596.

**) *Неволинъ*: „Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ". Полн. собр. соч., т. IV, стр. 27 и 28.

всего подтверждается исторически-выработавшееся и закрѣпленное жалованной грамотой дворянству и Городовымъ Положеніемъ полноправіе собственниковъ благопріобрѣтенныхъ имѣній. Право такихъ собственниковъ государственный совѣтъ низываетъ «свободнымъ», произвольнымъ» и «неограниченнымъ». Эта завѣщательная свобода ставится въ связь съ свободой дарственныхъ актовъ и сдѣлано это не случайно, потому что во время, предшествовавшее изданію Свода Законовъ, въ нашемъ законодательствѣ замѣтно было стремленіе къ сближенію этихъ обоихъ видовъ дарственныхъ актовъ и перенесеніе на завѣщаніе свойствъ даренія.

Несомнѣнно, что такое сближеніе сохраняетъ и нашъ дѣйствующій законъ. Это отразилось и на системѣ Свода Законовъ гражданскихъ: о дареніи съ его подвидами (пожалованіемъ, выдѣломъ и приданымъ) идетъ рѣчь въ одномъ и томъ же раздѣлѣ (первомъ) 3-ей книги, между тѣмъ какъ пріобрѣтеніе имуществъ наслѣдствомъ по закону обособлено въ отдѣльномъ раздѣлѣ (второмъ). А дарить благопріобрѣтенное имущество можетъ «владѣлецъ не только свободно по своему произволу», но и на такихъ «условіяхъ объ образѣ пользованія и управленія даримымъ имуществомъ, какія даритель за благо признаетъ, лишь бы такія условія не были противны общимъ законамъ (ст. 967 и 975).

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое же право должно быть предоставлено и завѣщателю благопріобрѣтенныхъ имуществъ, и дѣйствительно, ст. 1067 говоритъ: всѣ имущества благопріобрѣтенныя могутъ быть завѣщаемы *неограниченно*. Поэтому завѣщатель «въ предѣлахъ закона» можетъ обставлять свое завѣщаніе условіями, можетъ условно завѣщевать, какъ можетъ условно дарить («по собственному произволу»). А къ числу такихъ допустимыхъ условій должна быть отнесена и подстава наслѣдника на случай, если назначенный наслѣдникъ не станетъ наслѣдникомъ (все равно по волѣ своей или независимо отъ воли). Этихъ соображеній вполнѣ достаточно для допустимости, съ точки зрѣнія нашего закона, обыкновенной подставы наслѣдника (substitutio vulgaris) при отсутствіи прямого запрещенія такой подставы. Впрочемъ, по этому поводу въ послѣднее время не замѣчается разногласія какъ въ литературѣ юридической, такъ и въ судебной практикѣ, хотя и не всегда съ одинаковой мотивировкой. Такое же согласіе наблюдается и въ другомъ отношеніи, относительно недопустимости субституціи фиденкоммиссарной. Эта недопустимость выводится исключительно изъ указа по дѣлу Лопухиной. Но даетъ ли дѣйствительно этотъ указъ вполнѣ ясное и точное разрѣшеніе этого вопроса, и именно въ такомъ категорическомъ смыслѣ. Обратимся къ содержанію указа. Указъ состоялся по частному дѣлу, и государственный совѣтъ высказывалъ свое мнѣніе, очевидно, отправляясь отъ обстоятельствъ этого дѣла. А дѣло касалось завѣщательнаго распоряженія, состоявшагося хотя и относительно благопріобрѣтеннаго имѣнія, но въ пользу такихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ пріобрѣтенное ими имущество становится родовымъ. Вотъ это-то обстоятельство и есть исходный пунктъ и коренная причина тѣхъ

запрещеній, который создаетъ указъ 1839 г.: «Когда завѣщанное имѣніе обращается въ разрядъ имѣній *наслѣдственныхъ*, оное ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ». Слѣдовательно и наоборотъ: когда завѣщанное имѣніе «не обращается въ разрядъ наслѣдственныхъ», а остается и у наслѣдника благопріобрѣтеннымъ, оно какъ въ порядкѣ управленія, такъ и въ порядкѣ дальнѣйшаго перехода можетъ подлежать произволу перваго вотчинника, т.-е. онъ можетъ въ такомъ имѣніи подставить первому наслѣднику послѣдующаго. Единственный же случай, когда завѣщанное имущество становится родовымъ у получившаго его по завѣщанію, представляютъ имущества, дошедшія отъ перваго ихъ пріобрѣтателя, хотя и по духовному завѣщанію, но къ такому родственному лицу, которое имѣло бы по закону право наслѣдованія (ст. 399, п. 2).

Правда, что нѣкоторые изъ нашихъ юристовъ, занимавшіеся разсматриваемымъ вопросомъ, стараются дать слову «наслѣдственное» особый смыслъ. Такъ Сбитневъ говоритъ: «Хотя слово «наслѣдственное» и «родовое» суть понятія тождественныя, но въ настоящемъ случаѣ законъ, назвавши такія имѣнія наслѣдственными, не имѣетъ въ виду сдѣлать ихъ родовыми, а желаетъ выразить ограниченіе пространства времени, которое можетъ быть объято завѣщаніемъ, слѣдовательно, смотря по тому, завѣщано ли имѣніе наслѣднику по закону или чужеродцу, т.-е. становясь родовымъ или благопріобрѣтеннымъ (397 ст., 2 п.), имѣніе входитъ въ разрядъ наслѣдственныхъ или такихъ, которыя въ дальнѣйшемъ переходѣ своемъ подвергаются, или наслѣдству по закону и (или) наслѣдству по завѣщанію» *).

Трудно согласиться съ этимъ, не совсѣмъ вразумительнымъ и искусственнымъ толкованіемъ слова «наслѣдственное».

Если понятія «наслѣдственное и родовое» тождественныя (что не подлежитъ сомнѣнію: нашъ законъ, по историческому происхожденію, различаетъ имущества либо родовыя, либо благопріобрѣтенныя и третьей категоріи—наслѣдственныя—не знаетъ), то указъ, называя имѣніе наслѣдственнымъ, хотѣлъ именно отмѣтить этимъ его родовой характеръ и такимъ образомъ подчинить его тѣмъ ограниченіямъ, которыя созданы для этого вида имуществъ, т.-е. устранить возможность завѣщательныхъ по отношенію къ нимъ распоряженій. Что же касается того, что законъ, назвавши «наслѣдственными» благопріобрѣтенныя имущества, завѣщанныя дочерямъ, «не имѣлъ въ виду сдѣлать этихъ имуществъ родовыми», то соображеніе это неосновательное: не могъ этого «не имѣть въ виду законъ», разъ по закону такого рода имущества (т.-е. перешедшія по завѣщанію къ родственнику, имѣющему право законнаго наслѣдованія) считаются родовыми.

Также неудовлетворительно и другое объясненіе термина наслѣдствен-

*) „О духовныхъ завѣщаніяхъ". *Журн. Мин. Юст.* 1861 г., т. II, стр. 206.

ный. «Очевидно,—говоритъ г. Моисеенко,—что здѣсь подъ выраженіемъ *наслѣдственный* устанавливается предѣлъ власти первоначальнаго собственника не только въ имѣніяхъ родовыхъ, но и въ благопріобрѣтенныхъ; иначе это выраженіе противорѣчило бы смыслу ограниченія «лишь на время жизни» (прим. къ ст. 1011 и ст. 1086)». Но что значитъ «устанавливается предѣлъ власти первоначальнаго собственника». Развѣ власть какого бы то ни было собственника простирается за предѣлы его жизни и развѣ мертвые имѣютъ какія бы то ни было права? Поэтому и дальнѣйшее разсужденіе автора: «Выраженіе наслѣдственный должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что имѣніе по смерти первоначальнаго собственника подлежитъ уже не его произволу, а наслѣдованію по закону или по завѣщанію послѣдняго собственника»,—ничего не разъясняетъ.

«Что слово *наслѣдственный*,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—нельзя понимать въ смыслѣ *родовой*, видно изъ того, что имущества, переходящія по духовному завѣщанію, не всегда обращаются въ родовыя, а только въ случаѣ, указанномъ во 2 п. 399 ст., X. т., 1 ч., во всякомъ другомъ случаѣ они будутъ имуществами благопріобрѣтенными» *).

Но дѣло бригадирши Лопухиной именно и касалось этого *перваго* случая и по отношенію къ нему завѣщанное имущество дѣйствительно становилось наслѣдственнымъ или родовымъ. Такъ сказано и въ указѣ 18 ноября 1839 г., а засимъ и въ примѣч. къ ст. 1011: «На семъ основаніи повелѣно признать недѣйствительнымъ распоряженіе Лопухиной о порядкѣ наслѣдованія, по смерти дочерей ея, имѣніемъ, которое она имъ завѣщала и которое, поступивъ въ ихъ владѣніе и обратясь уже въ имѣніе родовое, не подлежало болѣе дѣйствію завѣщанія.

Указывается также на то, что государственный совѣтъ, высказавши свое мнѣніе по дѣлу бригадирши Лопухиной, приведенное въ примѣч. къ ст. 1011, разсуждалъ, «что при строгомъ только соблюденіи сего порядка, коренныя наши постановленія о наслѣдіи могутъ сохранять свое значеніе и свою силу, и дѣйствительность; въ противномъ же случаѣ разнообразныя, нерѣдко необдуманныя желанія и намѣренія частныхъ лицъ замѣнили бы единообразное и постоянное дѣйствіе закона. Независимо отъ сего, допущеніе произвольныхъ условій въ порядкѣ наслѣдованія дало бы завѣщателю власть учреждать маіоратства безъ Высочайшаго разрѣшенія» **).

Думаемъ, что подъ «коренными нашими постановленіями о наслѣдіи», государственный совѣтъ разумѣлъ именно постановленія о родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществахъ, ибо съ этимъ дѣленіемъ имуществъ связано самое различіе въ порядкѣ наслѣдованія: законнымъ и завѣщательномъ, а въ первомъ—различіе при наслѣдованіи въ боковой и восходящей линіяхъ, и при наслѣдованіи супруговъ. Что же касается учрежде-

---

*) *Н. Моисеенко*: „О субституціи въ завѣщаніи по русскому положительному праву.—Ученыя записки Казанскаго университета". 1874 г. (LXI), стр. 775.

**) *К. П. Побѣдоносцевъ*, стр. 564.

нія маіоратовъ, то между подставой наслѣдника, хотя бы и фидеикоммиссарной, и маіоратомъ есть значительная разница. При субституціи назначается одинъ или послѣдующій замѣститель прежде назначеннаго наслѣдника; при маіоратѣ опредѣляется навсегда (только по исключенію на время) юридическая судьба опредѣленнаго размѣра недвижимости, изданіемъ для него спеціальнаго учредительнаго акта.

Итакъ, полагаемъ, что государственный совѣтъ вовсе не задавался цѣлью воспретить у насъ рѣшительно и безусловно возможность назначенія въ завѣщаніи послѣдующихъ наслѣдниковъ раньше назначеннымъ. Онъ хотѣлъ только сохранить въ неприкосновенности старый законъ, что родовое имущество должно идти въ родъ по разъ предначертанному для него порядку. Пока имущество сохраняетъ характеръ благопріобрѣтеннаго, оно свободно: собственникъ его можетъ имъ распоряжаться не только при жизни, но и на случай смерти по своему усмотрѣнію, но разъ стало оно родовымъ, прижизненная безмездная его передача и посмертный переходъ лежатъ внѣ воли собственника. Въ эти границы заключено и право подставлять наслѣдника наслѣднику: въ благопріобрѣтенныхъ имуществахъ, по скольку при послѣдующихъ наслѣдственныхъ передачахъ они сохраняютъ свойство благопріобрѣтенности, оно свободно, т.-е. при завѣщаніи чужеродцу или родственнику, не имѣющему по закону права наслѣдованія; напротивъ, въ родовыхъ имуществахъ, если бы относительно ихъ было составлено духовное завѣщаніе (въ пользу лицъ, имѣющихъ права наслѣдованія по закону), оно не допускается.

Однако же и въ тѣхъ случаяхъ, когда подстава наслѣдника не допускается, возможны ограничительныя распоряженія, стѣсняющія перваго наслѣдника; такъ, онъ можетъ быть обремененъ легатами въ пользу третьихъ лицъ (денежныя и другія выдачи, прим. къ ст. 1011 и ст. 1086), равно завѣщанное ему имущество въ собственность можетъ быть завѣщано вмѣстѣ съ тѣмъ другому въ срочное и даже пожизненное владѣніе. Не будетъ противорѣчить нашимъ законамъ даже и послѣдовательное назначеніе нѣсколькимъ лицамъ срочнаго владѣнія, лишь бы эта срочность не продолжалась за предѣлы жизни назначеннаго наслѣдника. Законъ нашъ, предоставляя завѣщательную свободу относительно благопріобрѣтенныхъ имуществъ, eo ipso даетъ возможность завѣщателю всячески комбинировать свои распоряженія. Владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имущества, говоритъ законъ,—располагаетъ имъ свободно и неограниченно, и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника, на время жизни его, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій (прим. къ ст. 1011), а такое распоряженіе можетъ заключаться и въ томъ, что наслѣдникъ долженъ терпѣть предоставленное третьему лицу или третьимъ лицамъ одному за другимъ право пользованія въ завѣщанномъ имуществѣ. Скажутъ, что въ такомъ случаѣ права наслѣдника равняются нулю: нѣтъ, не равняются нулю,—онъ можетъ пользоваться извѣстнымъ кредитомъ подъ обезпеченіе имѣнія, можетъ пользоваться цензовыми правами, наконецъ,

продать его, а на случай смерти передать кому пожелаетъ, если это имущество не будетъ у него родовымъ, а если оно станетъ родовымъ, оно перейдетъ къ его потомству или ближайшимъ родственникамъ, въ чемъ тоже будетъ заключаться его интересъ.

Изъ исторіи нашихъ духовныхъ грамотъ мы видимъ, что указъ 1839 года, толкуемый въ томъ смыслѣ, что имъ воспрещается фидеикоммиссарная подстава наслѣдника, является яснымъ и слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ съ нашимъ прошлымъ. Чтобы объяснить это, указываютъ (Гриневичъ) на иностранное заимствованіе. «Въ 1839 г. память о графѣ Сперанскомъ была еще свѣжа, мнѣнія, имъ проводимыя, въ большинствѣ случаевъ почитались правильными. Самъ же Сперанскій, какъ всякому извѣстно, былъ поклонникъ системы заимствованій въ области права». То же мы читаемъ и у К. П. Побѣдоносцева: запрещеніе, содержащееся въ прим. къ 1011 ст., явно заимствовано изъ иностраннаго учрежденія субституціи *).

Соображеніе перваго автора нѣсколько странно. Изъ того, что Сперанскій былъ сторонникомъ заимствованій въ области права (если даже допустить доказанность этого положенія въ такой категорической формѣ) и что въ 1839 г. (въ ноябрѣ) память о Сперанскомъ была свѣжа» (Сперанскій скончался 11 февраля 1839 г.), едва ли логически слѣдуетъ, что составленное послѣ смерти его мнѣніе государственнаго совѣта было заимствовано изъ французскаго права, которому сочувствовалъ графъ Сперанскій **).

Второй авторъ свое предположеніе совсѣмъ не подкрѣпляетъ.

На самомъ дѣлѣ не только не было заимствованія изъ чужого права, но вовсе не было и нѣтъ того въ указѣ 1839 г., что въ немъ находятъ.

Любопытно, что тотъ же авторъ (К. П. Побѣдоносцевъ), который говоритъ о заимствованіи постановленій указа изъ чужого права, въ то же время считаетъ эти постановленія закономъ, еще раньше, до Лопухинскаго указа, существовавшимъ ***). Это разнорѣчіе—лучшее доказательство, что указъ этотъ не былъ надлежаще понятъ.

---

*) *Побѣдоносцевъ*, стр. 564.

**) *А. Гриневичъ:* „О субститутѣ или подназначеніи наслѣдника по русскому праву". *Юридическій Вѣстникъ*, 1867—1868 г., кн. IV, стр. 20—21.

***) Правило, содержащееся въ прим. къ 1011 ст. зак. гражд., есть ли новый законъ, и слѣдуетъ ли примѣнять его къ завѣщательнымъ распоряженіямъ, состоявшимся до изд. в. у. мн. гос. сов. 1839 г.? Надлежитъ, кажется, признать, что постановленія 1011 ст. есть не что иное, какъ толкованіе или разъясненіе права, которое законодатель признавалъ и въ то время существовавшимъ. Но разумѣлось оно различно, и потому судебная практика прежняго времени допускала опредѣленіе дальнѣйшаго порядка наслѣдства волею завѣщателя.

„Если въ 1834 г. завѣщаніе Ивана Ананьевскаго было примѣнено Сенатомъ къ тому дѣлу, то въ 1847 г. по смерти Петра, за силою Высочайшаго указа 18 ноября 1839 г., послѣдовавшаго *въ разъясненіи* прежнихъ узаконеній, имущество его должно поступить къ ближайшимъ наслѣдникамъ по закону". Побѣдоносцевъ, стр. 567, 568.

Въ 1861 г. Сенатъ (по дѣлу Олонкина) призналъ, между прочимъ, что правило Лопухинскаго указа, изданное въ 1839 г., не есть новое, но составляетъ *подтвержде-*

Это толкованіе указа 18 ноября 1839 г., которое усвоено было юристами-теоретиками и судебной практикой не только безъ достаточнаго основанія порвало связь новаго права со старымъ, но и стало въ коллизію съ нашимъ *обычнымъ правомъ*.

Въ этомъ правѣ завѣщатели, нерѣдко назначая наслѣдниковъ, предусматриваютъ дальнѣйшій переходъ имуществъ по смерти наслѣдниковъ (т.-е. устанавливаютъ фидеикоммиссарную субституцію). Таковыхъ завѣщаній встрѣчается не мало. Такъ, въ одномъ изъ нихъ завѣщатель, назначая своею наслѣдницею одну изъ дочерей и предоставляя ей послѣ своей смерти раздѣлиться съ другою дочерью пополамъ, добавилъ, что часть, приходящаяся на долю наслѣдницы, по смерти ея, должна поступить къ ея дочерямъ. Въ другомъ завѣщаніи находимъ слѣдующее распоряженіе: «а въ случаѣ *А* (наслѣдникъ) помретъ, чтобы перешло сказанное нажитіе мое внукамъ, дѣтямъ *А*».

На основаніи одного завѣщанія завѣщанное мужу имущество послѣ смерти его должно перейти къ сыну завѣщательницы отъ перваго брака. Къ числу подобныхъ завѣщаній можно отнести также слѣдующія: завѣщательница дѣлаетъ распоряженіе, чтобы въ случаѣ смерти сына отказанная ему часть имущества перешла къ ея единоутробной сестрѣ и мужу; завѣщатель распоряжается, чтобы по смерти сына (наслѣдника) имущество перешло къ его, наслѣдника, сыновьямъ и *далѣе, прямолинейнымъ наслѣдникамъ въ мужескомъ колѣнѣ;* если же Богу угодно будетъ лишить ихъ сихъ наслѣдниковъ и останутся всѣ дѣти въ женской линіи, то всѣ внуки мои, отъ наслѣдника, должны раздѣлиться всѣмъ имѣніемъ по ровной части.

Такимъ образомъ здѣсь предусмотрѣнъ цѣлый рядъ наслѣдниковъ—мужескаго пола, а не только случай смерти назначаемаго наслѣдника. Далѣе, завѣщатель установляетъ переходъ имущества, послѣ смерти дочери безъ потомства, къ сыновьямъ своимъ.

Дозволяется также въ завѣщаніи назначать наслѣдниковъ на случай смерти одного изъ нихъ; такія завѣщанія принимаются въ волостныхъ правленіяхъ къ засвидѣтельствованію *).

Такимъ образомъ, обычное крестьянское право сохранило преемственную связь съ духовными грамотами старой Руси.

Изъ нашей судебной практики, посколько она отражается въ обнародованныхъ рѣшеніяхъ правительствующаго сената, видно, что съ привившимся въ ней воззрѣніемъ о недозволенности у насъ фидеикоммиссарной подставы наслѣдниковъ, русскіе люди не склонны примириться и въ духовныхъ завѣщаніяхъ весьма часты назначенія наслѣдниковъ съ подставой этого рода.

ніе и изъясненіе прежнихъ законовъ и потому должно быть примѣняемо къ завѣщанію, составленному въ 1811 г. Побѣдоносцевъ: „Курсъ гражданскаго права“, т. II, изд. III, стр. 567—596.

*) *Пахманъ*: „Обычное гражданское право въ Россіи“, т. II, стр. 324, 325.

Такимъ образомъ, между закономъ и жизнью оказывается расколъ.

Посмотримъ теперь, насколько пошелъ навстрѣчу этой потребности проектъ гражданскаго уложенія.

Составители проекта рѣшили остаться на почвѣ дѣйствующаго законодательства и такимъ образомъ пренебрегли какъ исторіей, такъ и правосознаніемъ народа. Почему? «руководствуясь главнымъ образомъ соображеніями политико-экономическаго характера».

Посмотримъ, какъ развиваютъ эти соображенія авторы проекта. «Подчиненіе судьбы завѣщаемаго имущества волѣ завѣщателя на неопредѣленное время послѣ его смерти не вызывается вовсе личными интересами завѣщателя; оно также не имѣетъ отношенія къ ближайшимъ интересамъ его семьи, разъ долговременность такого распоряженія превышаетъ время жизни его наслѣдниковъ».

Съ соображеніями этими рѣшительно нельзя согласиться. Во-первыхъ, «подчиненіе судьбы завѣщаемаго имущества волѣ завѣщателя на *неопредѣленное время* послѣ его смерти» не есть непремѣнная принадлежность субституціи: законодательства, какъ мы видѣли, обыкновенно указываютъ такой предѣлъ. Во-вторыхъ, установленіе субституціи вызывается весьма часто личными интересами: завѣщается имущество близкому лицу съ желаніемъ, чтобы это лицо не только получило завѣщанное, но и сохранило для своихъ дѣтей. Въ-третьихъ, чаще всего фидеикоммиссарная подстава наслѣдника вызывается именно интересами семьи. Отецъ имѣетъ сына, склоннаго къ расточительности. Онъ не надѣется, что сынъ сбережетъ наслѣдство и передастъ своимъ дѣтямъ. Но ему не хотѣлось бы лишить сына преимуществъ собственника предъ пожизненнымъ владѣльцемъ. Завѣщатель сохраняетъ право собственности за сыномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждаетъ возможность отчужденія, назначеніемъ субституціи въ пользу внуковъ.

Затѣмъ составители указываютъ на неудобства, возникающія при подставѣ наслѣдниковъ. «Юридическая конструкція отношеній между первымъ наслѣдникомъ и его поднаслѣдникомъ представляетъ много спорнаго и трудно опредѣляется закономъ. Порядокъ удовлетворенія вѣрителей того и другого затрудняется весьма значительнымъ образомъ. Для отчужденія имущества или иныхъ распоряженій перваго наслѣдника требуется не всегда удобно осуществимое согласіе его преемниковъ. Отсюда вытекаютъ неизбѣжное затрудненіе кредита для собственника и всѣ связанныя съ этимъ ограниченіемъ хозяйственныя неурядицы». Всѣ эти затрудненія не непреоборимы. Вездѣ съ ними считаются, гдѣ допускается подстава наслѣдника, и общегерманское уложеніе представляетъ въ этомъ случаѣ примѣры весьма обстоятельной нормировки всѣхъ связанныхъ съ субституціей отношеній.

«Къ этимъ общимъ соображеніямъ присоединяются основанія, тѣсно связанныя съ задачами экономической политики. Государственная власть имѣетъ основаніе смотрѣть на утверждаемый ею порядокъ законнаго на-

слѣдованія, какъ на цѣлесообразное соціальное средство, могущее играть значительную роль въ его рукахъ, сообразно тѣмъ послѣдствіямъ, которыя имѣетъ та или иная система наслѣдованія въ связи съ народными потребностями и съ цѣлями законодательной политики».

Высказавши эти соображенія, составители однако же не посвятили русскихъ гражданъ, какія «соціальныя» задачи преслѣдуютъ они въ созданной ими «системѣ наслѣдованія», какъ они понимаютъ «народныя потребности» и «цѣли законодательной политики».

Извѣстно, напримѣръ, что отмѣна фидеикоммиссарной субституціи во Франціи вызвана была намѣреніемъ парализовать стремленіе французской аристократіи сосредоточить поземельную собственность въ рукахъ старшихъ членовъ аристократическихъ родовъ (въ ущербъ благосостоянія младшихъ) и тѣмъ поддержать аристократическія фамиліи. У насъ подобныхъ стремленій не было; напротивъ петровскій маіоратъ встрѣтилъ полное несочувствіе въ обществѣ и былъ отмѣненъ, наши духовныя грамоты подставляли наслѣдниковъ по чувству семейной привязанности; это же стремленіе заставляетъ и теперь вписывать въ духовныя завѣщанія распоряженія подобнаго рода, безпощадно уничтожаемыя судами.

Что же касается сосредоточенія земельныхъ имуществъ въ рукахъ старшихъ сыновей, то среди нашего дворянства не наблюдается не только этого, но и вообще стремленія сохранить эти имущества въ родѣ. Правительство, чтобы хоть сколько-нибудь воспрепятствовать переходу дворянскихъ имуществъ въ другія руки, издало законъ о временно заповѣдныхъ имѣніяхъ, не давшій одинаково желанныхъ результатовъ.

Если составители въ своемъ проектѣ руководствовались, какъ они говорятъ, главнымъ образомъ политико-экономическими соображеніями, то не казалось ли имъ, что собственникъ, стѣсненный въ свободѣ распорядиться нажитымъ имъ состояніемъ въ пользу лицъ близкихъ ему, будетъ лишенъ въ значительной степени побужденія накоплять средства и такимъ образомъ способствовать увеличенію народнаго богатства.

Изложенное показываетъ, что право завѣщателя подставлять наслѣдниковъ другимъ наслѣдникамъ связано съ мѣрой завѣщательной свободы. Такое право признается прежде всего въ видѣ подставы наслѣдника на тотъ случай, если прежде назначенный не сможетъ или не захочетъ быть наслѣдникомъ. Въ болѣе сильной степени эта свобода проявляется, когда завѣщатель предопредѣляетъ, кто долженъ быть преемникомъ наслѣдника, осуществившаго свое наслѣдственное право. Въ Римѣ и въ Аѳинахъ такія распоряженія возникли на почвѣ довѣрительнаго порученія, даннаго завѣщателемъ наслѣднику, сохранить переданное для другого, и только потомъ уже была усвоена мысль о преемственной наслѣдственности нѣсколькихъ лицъ согласно волѣ завѣщателя. (Тогда уже и названіе перестало соотвѣтствовать существу института).

Законодательства новой Европы, позаимствовавъ оба вида подставы

(и такъ называемую дѣтскую субституцію) изъ римскаго права, одни больше, другія меньше видоизмѣняли ее и приспособляли для цѣлей, ими самими себѣ начертанныхъ. Нѣкоторыя, руководясь этими соображеніями, и совсѣмъ обошлись безъ этого института.

Наше право въ вопросѣ о подставѣ наслѣдниковъ развивалось не на почвѣ заимствованій изъ права чужеземнаго, а на почвѣ естественной потребности завѣщателя опредѣлять, кому и въ какомъ порядкѣ должно перейти его достояніе.

Обычай вырабатывалъ такой порядокъ, въ связи съ той свободой, которой располагалъ завѣщатель относительно распоряженія своимъ имуществомъ. Когда эта свобода стала уменьшаться, что касается родовой собственности, то стало ограничиваться и право завѣщательной подставы наслѣдниковъ въ этой собственности. Къ сожалѣнію, судебная практика не поняла сюда относящагося закона, изданнаго въ прошломъ столѣтіи, и распространила запретъ дальше положеннаго ему предѣла, удалившись такимъ образомъ отъ исторіи и пренебрегши потребностями юридическаго быта.

А. Загоровскій.

Характерныя черты демократическаго правосудія.

Германія готовится къ пересмотру и реформѣ своего уголовнаго суда. Для этого и по этому поводу, какъ водится, опубликовывается масса офиціальныхъ и неофиціальныхъ матеріаловъ, издаются въ большомъ изобиліи книги и брошюры, пишутся и сочиняются многочисленные проекты и предложенія. Одному изъ германскихъ судей—Адольфу Гартману въ этихъ же видахъ пришла въ голову счастливая мысль освѣжить всѣ вопросы, связанные съ этимъ теченіемъ мыслей, наблюденіями надъ живыми формами явленій той же области въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Онъ задался для этого общимъ вопросомъ о томъ, что̀ стало съ началами англійскаго и вообще европейскаго права подъ вліяніемъ совершенно новыхъ, молодыхъ условій Америки, какими преобразованіями на нихъ сказались своеобразныя американскія условія и народныя воззрѣнія? Вопросъ этотъ, болѣе кратко говоря, свелся для него къ тому: что можетъ Америка повѣдать міру новаго въ сферѣ уголовнаго правосудія? Для этого изслѣдованія онъ въ мартѣ 1904 г. отправился на мѣсто и посвятилъ годъ съ лишнимъ ознакомленію съ исторіею, теоріею и практикою сѣверо-американскихъ судовъ въ самыхъ различныхъ и наиболѣе характерныхъ ихъ видахъ. Результатомъ этого ознакомленія явилась книга, опубликованная имъ недавно подъ заглавіемъ: «Die Strafrechtspflege in Amerika. Mit Ausführungen zur Deutschen Strafprocessreform» *). Книга эта очень интересна и поучительна. Результаты изслѣдованій и наблюденій автора оказываются настолько глубоко и всесторонне охватывающими данную область явленій, что за ними должно, помимо практическаго ихъ значенія, признать весьма серьезную отвлеченную, чисто научную цѣну. Авторъ чрезвычайно удачно сумѣлъ отдѣльныя отрывистыя черты судебныхъ и тюремныхъ порядковъ Америки связать и довести до ихъ историческихъ и политическихъ корней, и у него получилась, никѣмъ еще такъ полно не изображенная, картина уголовнаго правосудія, творимаго по требованіямъ и подъ эгидою демократическаго духа народа и страны.

*) „Уголовное правосудіе въ Америкѣ. Съ заключеніями для реформы германскаго уголовнаго процесса“.

Наблюдатель американской жизни — говоритъ Гартманъ—испытываетъ нерѣдко такое ощущеніе, какъ бы человѣчество въ Америкѣ еще само находится постоянно въ изумленіи отъ гигантскаго, своеобразнаго эксперимента, какимъ представляется свободное американское сожительство людей, въ изумленіи, къ которому постоянно примѣшивается чувство какого-то опасенія. Ближайшее же знакомство съ этой жизнью, по его убѣжденію, показываетъ съ несомнѣнностью, что этотъ опытъ исторіи оказался вполнѣ удачнымъ. Перенесенный же въ эту жизнь европейскій правопорядокъ претерпѣлъ на американской почвѣ перерожденіе до глубины своихъ корней, и мы можемъ тамъ наблюдать самый ходъ правовыхъ новообразованій въ особенно грандіозномъ масштабѣ. Строй уголовнаго процесса чувствительнѣе всего на себѣ это отражаетъ. Онъ цѣликомъ сложился по требованіямъ демократическаго режима. Возбуждаемый имъ къ себѣ интересъ тѣмъ болѣе великъ, что настоящій демократическій уголовный процессъ Европѣ незнакомъ, ибо Европа у себя не имѣетъ образца настоящей демократіи. Въ примѣръ не можетъ идти тутъ Швейцарія, ибо она со всѣми двадцатью пятью своими кантонами слишкомъ мала, чтобы противостоять культурнымъ вліяніямъ окружающихъ ея странъ; да она сама сильно проникнута аристократическими учрежденіями и воззрѣніями былого; старинная аристократія и патриціи городовъ понынѣ тамъ имѣютъ значительное вліяніе. Какой-нибудь одинъ штатъ, какъ Иллинойсъ, далеко не наибольшій изъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, болѣе чѣмъ втрое превосходитъ всю Швейцарію и имѣетъ въ полтора раза болѣе жителей. Прочія европейскія демократіи имѣли всегда преходящій характеръ и пока не дали еще ни одного самобытнаго образца.

Конечно, условія общежитія въ Соединенныхъ Штатахъ слагались совершенно своеобразно. Въ ихъ сторону повторилось переселеніе народовъ, но совсѣмъ въ новомъ видѣ. Если взять самую главную массу переселенцевъ, которые прибыли туда за послѣднія два столѣтія и стали заселять пустынныя до того земли на западъ отъ незначительной территоріи сравнительно стараго поселенія, то вѣдь она состояла изъ людей, которые имѣли уже такія знанія, какъ то, что такое книгопечатаніе, и такія потребности, какъ ежедневная пресса. Тамъ, куда эти люди перекочевывали, они не заставали никакой культуры, а, напротивъ, встрѣчали полную дикость и первобытность. Имъ приходилось возсоздавать условія общественнаго сожительства наново, но сразу такія, которыя удовлетворяли бы сравнительно высокимъ культурнымъ запросамъ. Пріобрѣтенія новѣйшей цивилизаціи, возбуждающее вліяніе страны и достоинства самаго духа въ этомъ народѣ оказались могущественнѣе опасностей, которыя заключались въ страшной дикости этихъ мѣстъ; и потому послѣ нѣкоторой огрубѣлости въ теченіе первыхъ десятилѣтій повсюду зашевелились въ переселенческихъ массахъ съ полной силой унаслѣдованныя высшія требованія цивилизаціи. Надъ всѣмъ этимъ, притомъ, продолжалъ витать пуританскій духъ первыхъ піонеровъ переселенія. Въ политической и правовой сферѣ это ска-

залось рецепціею основъ и духа англійскаго права, какъ наиболѣе соотвѣтствующихъ и свободолюбивымъ требованіямъ, и свободнымъ условіямъ этой новой жизни: она вѣдь покоилась не на завоеваніи территорій и порабощеніи туземцевъ, какъ дѣло происходило со всѣми новыми поселеніями въ европейскихъ странахъ, а исключительно на личной энергіи пришлецовъ, одерживавшихъ побѣды лишь въ единоборствѣ съ природой, искавшихъ не власти, а приложенія своего труда, и жаждавшихъ простора для индивидуальныхъ качествъ человѣка внѣ оковъ традиціонныхъ вѣрованій и режимовъ. Какъ извѣстно, территорія Соединенныхъ Штатовъ была во владѣніи и во власти не однихъ выходцевъ изъ Англіи. Она знаетъ времена голландскаго, испанскаго и французскаго владычества. Однако, всѣ они уступили первенство владычеству англійскаго духа и правопорядка. Явленіе это приписывается бо́льшимъ колонизаторскимъ талантамъ англосаксонской расы. Гартманъ же считаетъ тутъ главной причиною большую пригодность самихъ этихъ порядковъ для удовлетворенія требованій новой жизни эмигрантовъ. Вѣдь духъ англійскаго права возобладалъ надъ всѣмъ, не взирая на то, что во время освободительнаго отъ англійскаго владычества движенія американцы ставили прямой своей задачею отречься отъ англійскихъ законовъ. Реакція эта была настолько упорна, что Виргинія на генеральномъ собраніи въ маѣ 1776 г. формально объявила отмѣну у себя дѣйствія всѣхъ законовъ, изданныхъ послѣ четвертаго года царствованія Якова I, такъ какъ съ этого времени въ Виргиніи уже существовало народное представительство, а его одобренію или его санкціи эти законы въ свое время не подвергались. Хотя, такимъ образомъ, формально оказывалось явное противодѣйствіе силѣ англійскихъ законовъ на американской территоріи,—противодѣйствіе, доводившее новаторовъ до желанія переставить на полтора столѣтія назадъ часы исторіи, тѣмъ не менѣе господствующее значеніе за ихъ духомъ и направленіемъ обезпечивалось существомъ вещей.

Они претерпѣли перерожденіе, но не въ силу сознательно къ этому направленныхъ стараній, а по требованіямъ новыхъ и совершенствующихся условій общежитія. Условія эти совершенствовались быстрымъ темпомъ и, какъ замѣчаетъ Гартманъ, Америка въ сто лѣтъ продѣлала тотъ процессъ развитія, на который Европа употребила не менѣе тысячи. Но она начала этотъ процессъ развитія гражданственности съ матеріала, болѣе для этого благодарнаго: нельзя вѣдь и сравнить въ этомъ отношеніи культуро-способность хотя бы самыхъ грубыхъ эммигрантовъ съ какими-нибудь первобытными тевтонами, бриттами и проч., надъ которыми творилась первоначальная культурная работа европейской цивилизаціи. Поэтому и самыя формы, которыя принимала американская гражданственность, сразу заключали въ себѣ черты высшаго общественнаго типа. Однако, заселенія новыхъ мѣстностей производились, какъ извѣстно, не только мирными охотниками и землепашцами, но и бандами авантюристовъ, которые устремлялись въ поиски за золотомъ. Послѣдній видъ поселеній происходилъ не разъ

на памяти нынѣ еще живущихъ поколѣній. Но и на нихъ можно, съ особенной даже наглядностью, прослѣдить, какимъ путемъ и на какихъ началахъ заводился въ этихъ краяхъ общественный порядокъ при условіяхъ наименѣе благопріятныхъ въ смыслѣ первоначальнаго созидательнаго матеріала. Картину этого даетъ Гартманъ въ видѣ исторіи охраннаго комитета въ мѣстности нынѣшняго штата Монтана.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія туда стали стекаться искатели золота. Около нихъ постепенно осѣли городскими поселеніями трактирщики, ремесленники, торговцы; а затѣмъ появились представители и высшихъ профессій: врачи, адвокаты, пасторы. Вскорѣ оказался выбранный поселенцами шерифъ, который, повидимому, долженъ былъ исполнять всѣ функціи общественной власти, такъ какъ никакихъ другихъ представителей ея не существовало. Дѣла золотоискателей шли очень успѣшно. Но золото возбуждаетъ страсти. Преступленія стали возрастать съ каждымъ днемъ. Такъ какъ желѣзной дороги еще не было, надо было кладь и товары возить верхами или въ повозкахъ по дурнымъ дорогамъ, на которыхъ стали хозяйничать разбойническія шайки. Тогда организовался союзъ извѣстнаго числа энергическихъ дѣятелей, образовавшихъ изъ себя добровольческій комитетъ стражниковъ (Vigilantes Committee), самоотверженно занявшихся борьбою съ этимъ зломъ. Это происходило въ 1863 г. Своей настойчивостью и энергіею имъ удалось постепенно, но не безъ тяжкихъ испытаній, установить безопасность въ краѣ. Для этого имъ пришлось перевѣшать до пятидесяти изъ разбойниковъ и въ числѣ ихъ самого шерифа. Мирныя условія существованія ими были въ концѣ-концовъ водворены. Этотъ охранный комитетъ продолжительное время оставался единственною публичною властью въ Монтанѣ, пока эта территорія не получила организацію отъ центральной власти изъ Вашингтона. Въ торжественномъ засѣданіи главы комитета передали свою власть прибывшему губернатору, который при этомъ выразилъ надежду на ихъ содѣйствіе и въ будущемъ.

Совершенно аналогично теперешній штатъ Теннесси получилъ свою политическую организацію какъ наслѣдіе образованнаго первоначально на его территоріи добровольческаго комитета подъ названіемъ Watauga Association. Ту же исторію по отношенію къ другимъ нововозникавшимъ штатамъ обстоятельно излагаетъ теперешній президентъ Рузвельтъ въ своемъ сочиненіи *Winning of the West* (Завоеваніе Запада).

Съ этой исторіею любопытно сопоставить черты общественныхъ группировокъ и нравовъ въ старой Англіи. Для этого мы воспользуемся сочиненіемъ Пайка: «Исторія преступленія въ Англіи». Это тоже единственное въ своемъ родѣ изслѣдованіе, дающее цѣлую исторію культуры и цивилизаціи страны какъ иллюстрацію уголовной ея исторіи. Преступленіе, по взгляду Пайка, есть плодъ первобытной дикости; превращеніе первичнаго человѣка въ гражданина есть тотъ медленный и трудный путь, которымъ онъ эмансипируется отъ своихъ дикихъ наклонностей, а обще-

житіе отъ тѣхъ проявленій своекорыстія и грубости, которыя составляютъ источникъ преступности вообще. Людскіе звѣри должны вымирать съ культурою, говоритъ онъ; но процессъ перерожденія происходитъ медленно: поколѣнія становятся одно другому на плечи *).

Картина общественной жизни тѣхъ временъ изображена Пайкомъ слѣдующими чертами, характеризующими прежній бытъ жителей Англіи.

Каждый человѣкъ, который имѣлъ силу, былъ самъ по себѣ закономъ. Изъ городовъ одни были сильные, другіе слабые, и что считалось правильнымъ для первыхъ, не было правильнымъ для вторыхъ. Существовали государственные законы, но государство не имѣло силы приводить ихъ въ исполненіе, а государственное правосудіе въ видѣ короля и совѣта мужей при немъ не давало большей гарантіи, чѣмъ можетъ быть налицо среди борьбы партій. Партійность, дружинное начало было въ сущности единственною связью, державшею людей вмѣстѣ, единственнымъ чувствомъ, предупреждавшимъ общество отъ состоянія постоянной войны всѣхъ противъ каждаго. О правосудіи и судахъ въ тѣ времена можно говорить только за отсутствіемъ другого термина, такъ какъ суда, который провѣрялъ бы доказательства, совсѣмъ не существовало. Обвинитель со своей партіею являлся предъ извѣстнымъ собраніемъ; если обвиняемый имѣлъ свою, достаточно сильную, партію, являлся и онъ, и былъ спасаемъ своими пріятелями. Даже при ордаліяхъ поддерживалось состязаніе партій той и другой стороны. Гильдейская связь, поземельная связь, семейная связь были въ извѣстномъ смыслѣ узами объединенія, но de facto они представляли собою еще больше элементы раздора. Справедливость въ отвлеченномъ смыслѣ была незнакомой идеею; единственно признаваемая при спорахъ обязанность состояла въ томъ, чтобы оставаться вѣрнымъ своему союзу, каковъ бы ни былъ этотъ союзъ. Семья была врагомъ семьи, гильдія гильдіи, помѣстье помѣстья. Каждый изъ этихъ союзовъ обладалъ нѣкотораго рода коллективной свободою, но не предоставлялъ никакой свободы своимъ сочленамъ. Противорѣчіе царило въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, и когда люди соединялись, чтобы защититься отъ какой-либо изъ формъ средневѣковой тираніи, они должны были жертвовать послѣдними остатками индивидуальной свободы. Этотъ духъ партійности проникалъ и весь строй судебной расправы. Институтъ очистительной присяги въ немъ коренится. Первоначальныя формы суда, отъ которыхъ выводится современный судъ присяжныхъ, также на немъ держались. Присяжные первоначально были не судьями, постановлявшими приговоръ на основаніи изслѣдованія дѣла, а коммиссіею лицъ, которыя должны были знать или предполагались знающими обвиняемаго и на этомъ основаніи произносившіе надъ нимъ приговоръ. Освобожденіе отъ партійности самое трудное

*) *A History of Crime in England* illustrating the changes of the laws in the progress of civilisation. Written from the public records and other contemporary evidence by *Luke Owen Pike*. I, p. 421; II p. 111, 155

дѣло культуры и происходитъ исподволь, лишь вѣками дѣлая замѣтные шаги къ прогрессу. Какъ долго, напр., вдова не имѣла возможности преслѣдовать убійцъ своего мужа, такъ какъ безъ мужа она не имѣла своей партіи; а когда у убійцъ таковая была, то попытка преслѣдовать ихъ оканчивалась для нея лишь взысканіемъ съ нея же за недоказанное обвиненіе. Долго духъ партійности въявь проникаетъ юрисдикцію присяжныхъ и тщетными остаются усилія противодѣйствовать этому при составленіи списка присяжныхъ. Наслѣдственное варварство побуждало каждаго смотрѣть на своего сосѣда, какъ на своего врага; отбирать у другихъ то, чего они не умѣли удержать, исключать другихъ отъ преимуществъ, которыя онъ сумѣлъ установить для себя и своей клики. Изъ акта объ обязанностяхъ жителей для сохраненія мира, изданнаго въ 1233 г., видно, какая еще первобытная дикость нравовъ и какая необезпеченность ни личности, ни имущества царила тогда въ жизни городовъ. Правила эти были такія, какія должно бы издать, если бы надо было изъ сожитія волковъ образовывать гражданъ города. Удивительно ли, что была надобность въ такихъ правилахъ, когда, какъ показываютъ судебные анналы, видные жители Лондона въ эти времена еще не стѣснялись заниматься ночнымъ грабежомъ и дѣлать набѣги на жилища мирныхъ обывателей *).

Что же касается деревенскихъ нравовъ, то, по Пайку, насильственный захватъ земли характеризуетъ ихъ полнѣе всего; а это—явленіе, играющее выдающуюся роль въ исторіи преступленія. Земля съ самаго начала доставалась народамъ не иначе, какъ путемъ захвата. Изъ этого выработалось понятіе, что для титула владѣнія имѣніемъ необходимо во что бы то ни стало фактическое въ него вступленіе. Отсюда и датируетъ насильственное вторженіе позднѣйшихъ временъ, которое тщетно стремились искоренить многіе отдѣльные законы Англіи и которое никогда бы не было искоренено, если бы не пришла на помощь власть болѣе сильная, чѣмъ законодательство,—культура. Судебные протоколы изобилуютъ дѣлами о насильственномъ вторженіи въ имѣнія еще въ XIV вѣкѣ. Въ сущности вторженія эти, совершавшіяся подъ предлогомъ нарушеннаго права, были форменнымъ разбоемъ и грабежомъ, цѣликомъ гнѣздившимся въ традиціяхъ междоусобицы первичныхъ временъ. Да въ спискѣ дѣлъ за двѣнадцатый годъ царствованія Вильгельма III (1700 г.) еще имѣется одиннадцать случаевъ насильственнаго захвата земель. Полтораста лѣтъ раньше удивлялись бы столь малому количеству ихъ; полтораста лѣтъ спустя желаніе добиться своего права на имѣніе въ Англіи путемъ насильственнаго вторженія могло бы придти въ голову только сумасшедшему. Насильственное вторженіе исчезло въ теченіе первой половины XVIII столѣтія и никогда уже въ прежней формѣ не оживало. Это, говоритъ Пайкъ, пожалуй, самый высшій тріумфъ закона и порядка надъ насиліемъ и захватами, какой можно отмѣтить въ чемъ бы то ни было въ исторіи цивилизаціи:

*) Ibid. I, p. 88, 291, 127, 184, 218, 141, 386.

это чуть ли не лучшая иллюстрація той побѣды, которую одержала цивилизація надъ дикими привычками и дикими пріемами *). Такимъ образомъ можно сказать, что подъ символическими обрядностями, которыми обставленъ теперь судебный вводъ во владѣніе, кроются окаменѣлости весьма трагическихъ явленій продолжительнаго прошлаго.

И вообще Пайкъ констатируетъ, что уваженіе къ закону и любовь къ порядку не были еще характеристическою чертою англичанъ даже въ то время, когда Тюдоры были смѣнены Стюартами (Іаковъ I, съ 1603 по 1625 г.) и еще менѣе, конечно, когда Тюдоры смѣняли своихъ предшественниковъ-Плантагенетовъ (Генрихъ VII, съ 1485 по 1509 г.). Сопротивленіе силою исполненію рѣшенія было самымъ обычнымъ явленіемъ при Генрихѣ VII; шерифы и пристава несли службу, которая была сопряжена со смертельною опасностью еще при Елизаветѣ. Схватиться за оружіе, какое было подъ руками, за мечъ, за лукъ, стрѣлы, дубинку, чтобы освободить арестуемаго или для возвращенія имущества, отобраннаго въ исполненіе судебнаго рѣшенія, почиталось извѣстными классами населенія (такъ наз. благородными) за заслугу еще при восшествіи на престолъ Генриха VII, за дѣяніе, вполнѣ простительное еще при восшествіи Іакова I **). Наконецъ, на отдѣльныхъ видахъ преступленій Пайкъ показываетъ въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія, каковы были испытанія, выдержанныя задачами культуры, пока она превратила обитателей Британіи въ теперешнихъ англичанъ; такъ, расправа ножомъ почитается теперь un-English, а въ оно время она была самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ Англіи; протестъ противъ пусканія въ ходъ при дракѣ ножей начался не ранѣе XVII столѣтія; обманы, надувательства, мошенничества всѣхъ видовъ и сортовъ въ торговлѣ и промыслахъ практикуются до самыхъ позднѣйшихъ эпохъ; контрабанда—самое выдающееся преступленіе Англіи еще во второй половинѣ XVIII столѣтія; кромѣ клятвопреступленія, которое было глубоко вкоренившимся (еще съ института очистительной присяги) преступленіемъ Англіи, никакое преступленіе, по его словамъ, не казалось въ то время болѣе національнымъ ***).

Вмѣстѣ взятое, все это показываетъ, что американская жизнь, рецепируя англійское право и англійскія учрежденія, получила ихъ въ зрѣломъ видѣ послѣ продолжительнаго и мучительнаго процесса исторической ихъ выработки. Американцы не вырабатывать ихъ наново должны были, а лишь усваивать, приноравливая къ новымъ требованіямъ и эманципируя отъ послѣдовъ ихъ младенческаго періода въ европейскихъ условіяхъ. Этотъ процессъ усвоенія, конечно, также имѣетъ свои историческіе фазисы; но смѣна ихъ происходила, начиная съ соотвѣтствующихъ фазисовъ европейской исторіи болѣе поздняго періода, и совершалась въ несрав-

*) Ibid. I, p. 81, 248; II, p. 259, 476, 510.

**) Ibid. II, p. 11.

***) Ibid. I, p. 62, 503; II, p. 139, 241; I, p. 142, 371. 385; II, p. 238, 294; I, p. 220; II, p. 15, 131, 777, 400.

ненно болѣе скоромъ темпѣ, если и напоминая въ извѣстной части исторію Европы, то, такъ сказать, не по полному курсу ея, а лишь въ конспектѣ. Къ уясненію этого можетъ служить параллель съ современной американской литературой, богато выросшей на образцахъ и подъ вліяніемъ англійской, не переживая тѣхъ условій, когда создавались народный эпосъ и другія первичныя ея формы въ самой Англіи.

Эмигрантъ, покидавшій Европу, искалъ освобожденія своей личности отъ политическаго и религіознаго гнета; а, прибывъ въ Америку, нуждался въ тѣхъ многообразныхъ формахъ содружества съ себѣ подобными, которыя могли бы удовлетворять не только первичнымъ требованіямъ общественнаго сожительства, но и болѣе развитымъ культурнымъ запросамъ. Поэтому въ правовомъ и политическомъ смыслѣ ему нужна была обстановка, совмѣщающая въ себѣ наиболѣе полную индивидуальную свободу съ наиболѣе широко поставленною независимостью общественной дѣятельности и иниціативы. Этому лучше всего соотвѣтствовали начала англійскаго права, взятыя независимо отъ историческихъ и международныхъ условій существованія Англіи въ Европѣ. Это и дало въ результатѣ демократическій строй Америки, строй свободнаго политическаго общежитія наиболѣе совершенный, какой человѣчеству пока удалось создать.

I.

Въ дѣлѣ правосудія и его организаціи демократическое начало обнаруживается въ значительной самодѣятельности, которую проявляетъ общество въ борьбѣ съ преступленіемъ. Борьба эта и признается задачею не столько отдѣльнаго органа власти, сколько самого общества, долженствующаго не только, такъ сказать, оплачивать эту должность, а служить ей собственной энергіею и иниціативою. Прокуратуры въ европейскомъ смыслѣ въ Америкѣ не водится. Атторней, воплощающій въ себѣ обвинительное начало процесса, можетъ начать преслѣдованіе за преступленіе не иначе, какъ по жалобѣ частнаго лица, хотя бы это и не былъ потерпѣвшій, по требованію судьи или жюри присяжныхъ. Существуютъ зато многочисленные частные союзы и корпораціи, давніе и вновь возникающіе, за которыми признается право на возбужденіе уголовныхъ преслѣдованій; таковы, общества для преслѣдованія жестокихъ родителей и мужей, для преслѣдованія азартныхъ игръ и шулерства, для преслѣдованія сводничества и т. п. О дѣятельности этихъ обществъ можетъ дать понятіе, напримѣръ, такой фактъ, что, такъ называемое, *Gerry Society*, общество защиты дѣтей противъ жестокаго обращенія, дѣйствующее въ предѣлахъ одной лишь части, старой, гор. Нью-Йорка, расходуетъ въ годъ свыше 200,000 р., изъ коихъ треть даетъ ему городское управленіе, а остальныя средства составляются изъ частныхъ источниковъ. Всѣ эти общества осуществляютъ свою обвинительную функцію чрезъ особыхъ представителей, называемыхъ *officer of the peace*—характерное названіе: задача ихъ

не столько въ изобличеніи виновныхъ, сколько въ служеніи дѣлу умиротворенія. Какъ широко практикуется начало приватныхъ средствъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ европейская точка зрѣнія ищетъ спасительнаго заступничества отъ однихъ только органовъ публичной власти, можно иллюстрировать еще лучше такими примѣрами. Въ Америкѣ нѣтъ судопроизводственныхъ законовъ о правѣ бѣдности, т.-е. законовъ, освобождающихъ неимущихъ отъ судебныхъ пошлинъ и другихъ процессуальныхъ расходовъ *); но есть благотворительныя общества, которыя берутъ на себя судебную защиту бѣдняковъ; одно такое общество Нью-Йорка *(Legal Aid Society)*, напримѣръ, оказало судебное заступничество за одинъ 1903 г. болѣе чѣмъ восемнадцати тысячамъ кліентовъ, израсходовавъ на это свыше 100,000 руб. Еще болѣе частно-правовой характеръ имѣютъ слѣдующіе виды явленій, казалось бы, исключительно публично правовой сферы: такъ какъ надъ опекунами общественныя учрежденія не могутъ проявлять достаточно реальнаго надзора за ихъ распоряженіями имуществомъ малолѣтнихъ и это часто ведетъ къ невознаградимымъ потерямъ для послѣднихъ, то существуютъ особыя общества, которыя за извѣстную премію принимаютъ на себя гарантію за цѣлость имущества; фактически тогда надзоръ за дѣйствіями опекуновъ переходитъ къ этимъ обществамъ **); такъ какъ безспорность границъ и земельныхъ участковъ, а равно правомѣрность ихъ переходовъ изъ рукъ въ руки въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Нью-Йоркъ или Чикаго, составляютъ вопросъ чрезвычайной важности, то существуютъ особыя общества, которыя занимаются изслѣдованіями по исторіи каждаго участка и за извѣстную премію гарантируютъ новому пріобрѣтателю усадьбы неоспоримость его владѣнія.

Но въ такомъ случаѣ, при столь явномъ отсутствіи гарантіи отъ безнаказанности преступленій, которую европейская точка зрѣнія привыкла связывать съ наличностью централизованной въ представителяхъ публичной власти репрессіи, какъ же обстоятъ дѣла въ Америкѣ, каково дѣйствіе того аппарата, который долженъ охранять общежитіе отъ преступныхъ посягательствъ и вести съ ними уголовную борьбу? На это служатъ отвѣтомъ любопытныя статистическія данныя, собранныя Гартманомъ. Изъ сопоставленія ихъ явствуетъ, напримѣръ, что годично въ районѣ Нью-Йорка, равномъ Берлину, или Чикаго, равномъ Гамбургу, возбуждается гораздо меньшее количество уголовныхъ преслѣдованій, чѣмъ въ послѣднихъ; что въ цѣломъ штатѣ Огайо, равномъ по населенію Саксоніи, возбуждается ихъ не болѣе одной четвертой части того, что въ Саксоніи. Преступность, какъ оказывается, въ Америкѣ сравнительно съ европейской уменьшается. Къ американской юстиціи менѣе всего подходитъ обычное

*) Въ Англіи такой законъ имѣется тоже только съ 1902 г.

**) Опекунскія дѣла въ этомъ отношеніи сильно хромаютъ и въ Англіи. Законъ (The Public Trustee Bill), измѣняющій эти порядки къ лучшему и долженствующій установить правительственную отвѣтственность за дѣйствія опекуна, внесенъ въ теперешнюю сессію парламента. См. Журн. мин. юст., 1906 г., V кн., стр. 418.

въ Европѣ уподобленіе слѣдственной процедуры паутинѣ, «гдѣ вязнетъ маленькая муха, а муха сильная всегда пройдетъ».

Но, какъ извѣстно, тяжкіе виды преступности подъ вліяніемъ культуры повсюду вымираютъ. По сопоставленіи, напримѣръ, данныхъ о численности населенія и количествѣ дѣлъ объ убійствахъ, Пайкъ приходитъ къ выводу, что рискъ и опасность пасть отъ руки убійцы теперь въ Англіи въ 37 разъ меньше, чѣмъ были пятьсотъ лѣтъ назадъ *). Въ Англіи же и вообще преступность идетъ сравнительно съ другими странами Европы на убыль. Такъ что въ этомъ явленіи американской жизни не приходится видѣть особенно характеристической черты именно демократическаго ея строя. Насчетъ этого строя Гартманъ и ставитъ не это. На его счетъ онъ ставитъ защитительную тенденцію, проникающую весь американскій уголовный процессъ во всѣхъ его фазисахъ и проходящую красною нитью по ея исторіи. Но и эта черта уголовнаго процесса присуща также современному англійскому суду; но только современному; это тенденція, пріобрѣтенная имъ въ позднѣйшее время; предшествовало же продолжительно совершенно иное, можно сказать, діаметрально противоположное отношеніе къ обвиняемому. По этому поводу Пайкъ говоритъ: кто внимательно изучитъ протоколы по дѣламъ о политическихъ и общихъ преступленіяхъ въ началѣ XVIII столѣтія въ сравненіи съ протоколами начала XIX столѣтія не можетъ не обратить вниманія на чрезвычайно существенную перемѣну, происшедшую въ процессѣ: старинныя стремленія запугать обвиняемаго бранью, раздающеюся изъ-за судейскаго стола, истолковывать все противъ него и лишать его, елико возможно, всякихъ объясненій, замѣняются покровительствомъ, неизмѣнно ему оказываемымъ, желаніемъ, наоборотъ, оцѣнивать все для него благопріятнымъ образомъ и даже наклонностью отыскивать во что бы то ни стало сомнѣнія, которыя должны быть истолкованы въ его пользу **). Характерно, между прочимъ, то, что отступленія отъ нормальнаго процесса въ этомъ отношеніи практиковались больше и дольше всего и въ Англіи по политическимъ процессамъ ***). Защитительная же тенденція американскаго процесса, какъ естественный протестъ противъ политическаго и церковнаго произвола, отъ котораго эмигранты спасались за океанъ, по утвержденію Гартмана, составляетъ замѣтную его черту съ самаго начала. Съ самаго же начала, говоритъ онъ, карательные пріемы Америки проникнуты духомъ широко примѣняе-

*) Ibid. II, p. 470.—Съ точки зрѣнія примѣняемыхъ по суду наказаній эти успѣхи культуры могутъ еще быть иллюстрированы такими цифрами: при королевѣ Елизаветѣ вѣшали по судебнымъ приговорамъ до 800 человѣкъ въ годъ; если бы въ такой же пропорціи къ численности населенія вѣшать теперь, то пришлось бы по 10,400 человѣкъ въ годъ; тогда какъ за все царствованіе королевы Викторіи казнили въ среднемъ по 17 человѣкъ въ годъ. *A. Sutherland:* „The Origin and Growth of the Moral Instinct", v. II, p. 208.

**) Ibid. II, p. 323.

***) См. статью *Е. Кулишера*: „Психологія свидѣтельскихъ показаній" въ *Вѣстникѣ Права* за 1904 г., IX, стр. 225.

мой милости. Это обнаруживалось даже при условіяхъ грубой и изобиловавшей насиліями первоначальной колонизаціонной жизни, какъ только формировался какой бы то ни было, хотя бы еще самый элементарный, правопорядокъ. Воззрѣнія первыхъ піонеровъ и ихъ общинъ давали тонъ и направленіе публичной жизни новыхъ штатовъ. Духъ такихъ общинъ побудилъ Мичиганъ, объявленный штатомъ въ 1837 г., тотчасъ же превозгласить у себя отмѣну смертной казни. Въ то время, помимо недолговѣчныхъ попытокъ къ этому въ концѣ XVIII вѣка въ Австріи и въ Тосканѣ, ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не была еще отмѣнена смертная казнь. Въ связи съ наклонностью къ милости находится и наклонность къ исключенію изъ цѣлей наказанія возмездія самого по себѣ. Эта тенденція проникала уже, подъ вліяніемъ квакерскаго духа, начатки, такъ называемой, пенсильванской системы, основа коей—одиночное заключеніе разсчитано на то, чтобы не воздаяніе чинить преступнику, а вызвать въ немъ раскаяніе. На подобныхъ началахъ выработалась вся современная карательная система Америки съ такими преобладающими въ ней тенденціями, какъ широко практикуемое сокращеніе сроковъ наказанія, какъ замѣна принудительнаго режима условіями свободнаго и покровительствуемаго труда. Нельзя не признать, говоритъ далѣе Гартманъ, что въ гуманитарномъ направленіи современнаго уголовнаго права Европы большею частью содержатся, не всегда ясно сознаваемые, но несомнѣнные отголоски именно этого американскаго духа.

Гартманъ находитъ, что судъ, творимый именемъ народа, долженъ тѣмъ самымъ воспитывать болѣе гуманное отношеніе къ обвиняемому, нежели судъ, творимый именемъ отдѣльнаго повелителя или главы. Въ послѣднемъ случаѣ налицо невольное противоположеніе преступника чему-то выше, отдѣльно отъ него стоящему, которое съ нимъ не можетъ имѣть ничего общаго, которое для него недосягаемо и которое поэтому можетъ къ нему въ лучшемъ случаѣ снизойти, но которое нормально должно по отношенію къ нему блюсти свою строгость, суровость и недосягаемость. Тогда какъ судъ, творимый именемъ народа, въ себѣ носитъ сознаніе своей общности съ личностью преступника какъ гражданина, равнаго другимъ гражданамъ, и, не содержа вышесказаннаго противоположенія, такой судъ скорѣе склоненъ смотрѣть на преступившаго законы общежитія какъ на субъекта, которому ничто человѣческое не чуждо, а на его дѣяніе, какъ на порожденіе не его только злой воли, но и условій обстановки и среды; вина индивидуальная становится сколкомъ вины всего общества, вины коллективной, а кара за нее, ослабѣвая въ своей суровости, даетъ все больше и больше мѣста элементамъ заступничества. Плодами такого рода воспитанія массъ, по Гартману, и надо считать ту гуманность и снисходительность, которыя бросаются въ глаза въ Америкѣ всякому, теперь знакомящемуся съ тамошними уголовными судами или тюрьмами. Все общественное мнѣніе проявляетъ тамъ тотъ же духъ. И въ газетахъ отражается эта тенденція, если сравнить ихъ отчеты объ обнаруженныхъ пре-

ступленіяхъ и судебныхъ процессахъ съ такими же отчетами, хотя бы нѣмецкой прессы; въ нихъ тонъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ иной, все изложеніе иное, хотя бы дѣло касалось и тяжкаго дѣянія: если имѣются только подозрѣнія, легко допускаются сомнѣнія въ винѣ; если нѣтъ мѣста этимъ сомнѣніямъ, то видно тотчасъ же стремленіе выискать основаніе къ снисхожденію въ прошломъ виновника или въ особыхъ обстоятельствахъ случая.

Человѣкъ, какъ единица, цѣнится выше въ этихъ условіяхъ и съ нимъ обращаются бережнѣе. Тутъ играетъ извѣстную роль и различіе въ экономическихъ факторахъ. Америка изобилуетъ природными богатствами, и, если испытываетъ нужду, то не въ нихъ, а пока только въ населеніи. Человѣкъ, говоритъ по этому поводу Гартманъ, расточителенъ въ Америкѣ при обращеніи съ природными богатствами и сдержанъ при обращеніи съ себѣ подобными; тогда какъ въ переполненной Европѣ человѣкъ всячески себя сдерживаетъ въ обращеніи съ дарами природы и, можно сказать, расточителенъ, когда вопросъ идетъ объ экономіи людьми. Наконецъ, извѣстную долю указаннаго направленія должно отнести на счетъ оптимизма, присущаго вообще американцамъ, который констатируется всѣми изслѣдователями ихъ культуры и ставится въ связь съ колонизаціоннымъ прошлымъ и настоящимъ страны: колонистомъ вѣдь можетъ стать только тотъ, кто вѣритъ въ предстоящее ему лучшее будущее. Оптимизмъ поэтому, можно сказать, предопредѣленъ для Америки. Къ такому заключенію приходитъ, напримѣръ, въ своихъ недавно опубликованныхъ наблюденіяхъ надъ американцами историкъ Карлъ Лампрехтъ *). Однако, чтобы у колониста сохранился его оптимистическій пылъ и не перешелъ подъ вліяніемъ встрѣтившихъ его въ новыхъ условіяхъ разочарованій въ пессимизмъ, требуется, чтобы надежды его на лучшее будущее сбывались, чтобы совершонный имъ шагъ не вызывалъ въ немъ раскаянія. Этого послѣдняго переселившееся за океанъ человѣчество и отнюдь не испытываетъ. Сохраненіемъ же и развитіемъ лучшихъ сторонъ человѣческаго духа американское населеніе обязано демократическому строю своихъ политическихъ и общественныхъ учрежденій, столь удачно комбинирующихъ пользу общую съ самой широкой индивидуальной свободой и личной иниціативой.

Для иллюстраціи того, что именно въ этомъ отношеніи даетъ непосредственно истый демократическій строй, Гартманъ дѣлаетъ сопоставленіе дѣятельности судовъ отдѣльныхъ штатовъ съ дѣятельностью въ нихъ же судовъ федеративныхъ. Послѣдніе вѣдаютъ только нѣкоторую категорію уголовныхъ дѣлъ общегосударственнаго значенія, какъ-то: нарушеніе законовъ о почтѣ, о монетѣ, о контрабандѣ и т. п. Федеративные судьи не выбираются, а назначаются изъ Вашингтона; точно также какъ назначаются и атторнеи этихъ судовъ. И оказывается, что въ этихъ судахъ,

*) См. его *Americana*. Reiseeindrücke und Betrachtungen. Geschichtliche Gesamtansicht. Freiburg im Breisgau. 1906, s. 109.

также какъ и въ особыхъ мѣстахъ заключенія, которыя устраиваются центральнымъ правительствомъ, царитъ духъ несравненно болѣе суровый, порядки гораздо менѣе подвижные и режимъ, въ общемъ напоминающій европейскій бюрократизмъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи и слѣдующій фактъ. Столица Вашингтонъ пользуется особаго рода экстерриторіальностью: она не принадлежитъ ни къ какому штату и управляется не выборными властями, а магистратомъ, назначаемымъ президентомъ республики. И оказывается, что это замѣтно сказывается бюрократическимъ духомъ всего управленія; число же уголовныхъ преслѣдованій, возбуждаемыхъ носителями власти, здѣсь въ два, въ три и даже въ пять разъ больше, нежели въ другихъ городахъ съ такимъ же по численности населеніемъ.

Съ другой стороны, необходимо обратить вниманіе на тѣ особыя условія или, точнѣе, на отсутствіе этихъ условій, благодаря которому американскому общежитію удалось осуществить въ самомъ чистомъ видѣ истинно демократическій строй и духъ отношеній. А именно. Въ ней не имѣлъ мѣста: ни военный режимъ, которому такую дань платила и платитъ Европа, ни династическіе споры и соревнованія, стоившія столько напрасной крови. Объ огромной роли, какую то и другое играло поддерживаніемъ дикихъ наклонностей и упражненіемъ жестокихъ чувствъ въ исторіи преступленія, говоритъ неоднократно въ своемъ изслѣдованіи Пайкъ *). Онъ исторически доказываетъ, что главнымъ элементомъ преступныхъ наклонностей въ массахъ всегда были и есть военныя надобности и привычки. Изо всѣхъ факторовъ преступности, говоритъ онъ, ни одинъ такъ не нагляденъ, какъ война, ибо наличность ея неизмѣнно влечетъ за собою усиленіе преступности, а отсутствіе также неизмѣнно сопровождается повсюду ослабленіемъ преступности **). Исторія же Англіи, какъ и всей Европы, есть до послѣдняго столѣтія почти сплошное военное положеніе съ незначительными перерывами, которые составляли не болѣе, какъ краткое перемиріе. Тогда какъ исторія Америки не представляетъ ничего подобнаго и совсѣмъ не грѣшна никакими династическими счетами или происками.

Всѣмъ этимъ же причинамъ расцвѣта демократическаго духа Америка обязана, по Гартману, и гуманитарнымъ, защитительнымъ строемъ уголовнаго процесса, какимъ она отличается.—Къ характеристическимъ въ этомъ отношеніи подробностямъ ея уголовнаго процесса мы и переходимъ теперь, сдѣлавъ здѣсь еще одно только общее указаніе, что къ выводу о преобладающей защитительной тенденціи въ уголовномъ процессѣ Америки приходитъ также и другой большой знатокъ американской жизни и культуры, профессоръ гарвардскаго университета Гуго Мюнстербергъ. Въ этомъ отношеніи онъ проводитъ такую параллель: нѣмецъ сосредоточиваетъ свое правосознаніе на томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ виновный не избѣгъ законной кары; американецъ, напротивъ, сосредоточиваетъ свое правосо-

*) Ibid., II, p. 113, 273, 328, 334, 372, 531, 593, 680.
**) Ibid., II, p. 340.

знаніе на томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ невинный не понесъ наказанія *). Мюнстербергъ, при этомъ, также приводитъ эту тенденцію уголовнаго процесса въ связь съ демократическимъ духомъ народа и страны.

II.

При переводѣ англійскихъ процессуальныхъ порядковъ на американскія условія Большое жюри присяжныхъ не только сохранило функціи, которыя ему первоначально принадлежали въ Англіи, но ихъ расширило и преумножило. Въ Англіи Большое жюри, возникшее изъ обыскныхъ людей, которыхъ въ оно время представители короны или церкви опрашивали о разныхъ мѣстныхъ нуждахъ и, между прочимъ, о преступленіяхъ, постепенно перешло въ институтъ, функціонирующій преимущественно какъ органъ преданія суду, иногда лишь берущій на себя инициативу возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Оно дѣйствуетъ негласно, безъ вызова обвиняемаго и его свидѣтелей, опрашиваетъ обвинителя и иногда его свидѣтелей и ограничивается рѣшеніемъ вопроса о годности или негодности обвинительнаго акта для направленія его суду обыкновеннаго Малаго жюри присяжныхъ. Въ Америкѣ же, согласно съ общимъ характеромъ народовластія, Большое жюри не только осуществляетъ обвинительныя функціи въ качествѣ представителя общины, но проявляетъ значительно разностороннѣе ея контролирующую власть. Оно часто само назначаетъ разслѣдованія по разнымъ возбуждающимъ общественное вниманіе происшествіямъ; такъ, наприм., въ 1904 году въ С.-Луи Большое жюри потребовало провѣрки списка избирателей, относительно котораго циркулировали разные темные слухи, и высказало свое сужденіе относительно нѣкоторыхъ сомнительныхъ пунктовъ, касающихся ихъ составленія. Въ законахъ штата Теннесси прямо выражено, что Большое жюри, будучи обязаннымъ изслѣдовать всѣ уголовныя дѣянія своего округа, имѣетъ право производить ревизію устройству и управленію мѣстъ заключенія, провѣрять наличность общинной кассы и залоговъ, вносимыхъ должностными лицами, изслѣдовать случаи какихъ бы то ни было препятствій или безпорядковъ на общественныхъ дорогахъ и проч.; при этомъ оно имѣетъ право приглашать и допрашивать подъ присягою свидѣтелей, какихъ найдетъ нужнымъ; ему принадлежитъ, какъ послѣ приведеннаго само собою разумѣется, право назначать слѣдствіе по поводу каждаго дошедшаго до него извѣстія о преступленіи или проступкѣ, если оно признаетъ это извѣстіе заслуживающимъ довѣрія. Въ американской жизни Большое жюри, по словамъ Гартмана, занимаетъ до извѣстной степени центральное мѣсто. Точно такъ, какъ при внѣшнихъ безпорядкахъ шерифъ становится центромъ, организующимъ гражданскую самооборону, Большое жюри во всякое время можетъ стать центромъ, около котораго группируются жалобы и недовольства, вызванныя безпорядками правового характера.

*) „Die Amerikaner“ von Hugo Münsterberg. Berlin, 1904, II, s. 250 и слѣд.

Что касается Малаго жюри, т.-е. суда съ присяжными, то характеристическимъ отличіемъ Америки въ этомъ отношеніи является переносъ центра тяжести процесса не только по вопросамъ факта, но и по вопросамъ права, съ судьи на коллегію присяжныхъ. Во многихъ штатахъ присяжнымъ принадлежитъ право указанія на видъ подлежащаго примѣненію наказанія. Такъ, въ штатѣ Луизіанѣ, Калифорніи, Иллинойсѣ и др., присяжнымъ предоставляется право по дѣламъ, грозящимъ примѣненіемъ смертной казни, гдѣ она еще сохранилась, прибавить къ обвинительному вердикту оговорку «безъ примѣненія смертной казни» (guilty, without capital punishment). Если же это право разсматривать только какъ перешедшее къ присяжнымъ право помилованія, то цѣлый рядъ другихъ опредѣленій такого же характера указываетъ именно на тенденцію расширить компетенцію присяжныхъ на вопросы права; такъ, наприм., въ штатѣ Миссури присяжные опредѣляютъ продолжительность заключенія, которому долженъ подлежать обвиненный, и даже видъ заключенія, если по закону ихъ имѣется нѣсколько. Гдѣ введены приговоры безъ опредѣленія судомъ самаго срока заключенія, о примѣненіи этого вида приговора предоставляется сказать свое слово присяжнымъ. Да въ процессуальномъ уставѣ штата Иллинойсъ 1903 г. въ § 431 прямо выражено, что присяжные въ уголовныхъ дѣлахъ являются судьями факта и права («Juries in all criminal cases shall be judges of the law and the fact»). Отсюда вытекаетъ и то, что напутственное слово предсѣдательствующаго судьи теряетъ тотъ подавляющій авторитетъ, который ему свойствененъ въ англійскомъ судѣ. Гартманъ отмѣчаетъ, что это теченіе усилилось съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда демократизація общественнаго строя стала осуществляться особенно настойчиво. Въ англійскомъ судѣ напутствіе судьи присяжнымъ всегда устное; въ Америкѣ стали заводить правила о чтеніи напутствія въ письменномъ изложеніи; такой порядокъ легко сводитъ напутствіе къ чтенію шаблоннаго разъясненія по печатному тексту. Бываетъ и такъ, какъ въ Делаварѣ, гдѣ въ дѣлахъ, въ которыхъ сидитъ по нѣсколько судей (наприм., объ умышленномъ убійствѣ), присяжнымъ даютъ подъ-рядъ напутствіе каждый изъ судей, и напутствія эти поэтому нерѣдко разнорѣчивы.

Вопросъ о положеніи и роли судей въ странѣ разрѣшается прежде всего по тому признаку, избираемы ли они населеніемъ, или назначаются какою-нибудь центральной властью. Англія—страна назначаемыхъ судей по преимуществу. Америка же олицетворяетъ собою противоположный типъ. Въ этомъ пунктѣ наглядно выражается контрастъ политическаго строя той и другой страны. Въ первоначальныхъ штатахъ судьи были назначаемы. Но когда стали организовываться новые штаты, то получилъ преобладаніе противоположный принципъ. Это началось со штата Индіаны въ 1816 г. и затѣмъ повторилось при образованіи штата Миссисипи въ 1832 г., штата Мичиганъ въ 1835 г., штата Іова въ 1846 г., штата Калифорніи въ 1849 г. и т. д. Самая форма избранія видоизмѣнялась: то избраніе происходило въ представительныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ, то непосредственно

населеніемъ каждой мѣстности. Измѣнялись и сроки, на которые избраніе совершалось: то оно было пожизненно, то въ предѣлахъ тѣхъ сроковъ, на которые избираются остальныя должностныя лица (большею частью на четырехлѣтіе). Избраніе непосредственное и срочное получаетъ все большее и большее преобладаніе. Къ нему перешло уже и большинство старыхъ штатовъ. Это тенденція несомнѣнно въ связи съ все возрастающею демократизаціею всего строя управленія.

Представляется умѣстнымъ здѣсь же указать на высокое положеніе, занимаемое въ народномъ мнѣніи должностью судьи, и на фактическое соотвѣтствіе американскихъ судей этимъ требованіямъ, констатируемое столь авторитетнымъ знатокомъ американской политической и общественной жизни, какъ Джемсъ Брайсъ, который, должно при этомъ замѣтить, принципіальный противникъ избирательнаго начала въ примѣненіи къ судейской должности *). «Кто разъ былъ судьею, всегда останется судьею» («once a judge, always a judge»), говорятъ американцы и потому титулуютъ такъ каждаго бывшаго судью, занимается ли онъ послѣ того адвокатурою или другой профессіею, охотно поддерживая его кандидатуру на всякую общественную должность.

Про выборное начало въ отношеніи судей Гартманъ, между прочимъ, дѣлаетъ такое общее заключеніе: выборъ судей народомъ, воззрѣніе, что община есть настоящій источникъ и носитель правопорядка, и вліятельное положеніе присяжныхъ въ уголовномъ процессѣ—все это находится въ живой связи одно съ другимъ; все это выросло на одной и той же общественной почвѣ; каждый изъ этихъ моментовъ подкрѣпляетъ остальные, будучи одновременно и причиной и слѣдствіемъ ихъ.

Въ отношеніи судейскихъ функцій въ Америкѣ и ихъ взаимоотношенія съ адвокатурою весьма интересныя сужденія принадлежатъ также Мюнстербергу, который признаетъ въ этомъ случаѣ величайшее значеніе за юстиціею, творимою, по англо-американскому образцу, не по предписаніямъ писанаго кодекса, а по обычному праву и прецедентамъ, что, относясь главнымъ образомъ къ гражданскому праву, не можетъ остаться безъ вліянія и въ области, чаще кодифицированнаго, уголовнаго права и процесса.

«Нѣмецкій судья,—говоритъ онъ,—имѣетъ передъ собою готовыя правовыя нормы и является ихъ слугою; американскій судья создаетъ право и является его господиномъ. Но когда рѣшеніе судьи связано съ прецедентами, то участь сторонъ въ процессѣ зависитъ отъ того, въ состояніи ли они указать на прецеденты, говорящіе въ ихъ пользу. Тяжущіеся, конечно, этого сами не могутъ; въ этомъ задача адвокатуры. Этимъ открывается для адвоката поприще дѣятельности, гораздо болѣе вліятельное, чѣмъ, напримѣръ, у нѣмецкаго адвоката. Онъ долженъ заняться не только особенностями одного даннаго случая, а установленіемъ связи между единичными

*) „The American Commonwealth", ed. 1899, v. II, p. 634.

особенностями этого случая со всѣмъ историческимъ прошлымъ. Этимъ призваніе адвоката пріобрѣтаетъ внутреннее значеніе, котораго нѣмецкій адвокатъ вообще не знаетъ и которое неизбѣжно во многихъ случаяхъ превосходитъ значеніе самого судьи, такъ какъ судья вынужденъ придерживаться прецедентовъ, которые указываются адвокатами каждой изъ сторонъ. Но судьи избираются по преимуществу изъ адвокатовъ и, слѣдовательно, сами того убѣжденія, что истинное право содержится въ прошлыхъ рѣшеніяхъ и что новыя рѣшенія, постановляемыя судомъ, только тогда цѣнны, когда они внушаютъ къ себѣ по своему существу уваженіе представителей адвокатуры. Поэтому адвокаты и судьи образуютъ нѣчто единое. Они сообща представляютъ исторически сложившееся и ежедневно образующееся правосознаніе, которое изъ этого постоянно живого источника съ несравненною свѣжестью и непосредственностью проникаетъ въ массы» *).

Судья въ Америкѣ функціонируетъ не только какъ власть, воздающая за совершонное преступное дѣяніе, но и какъ власть, предупреждающая насиліе и своеволіе. Если судьѣ заявляютъ объ угрозахъ или похвальбѣ, произносимыхъ кѣмъ-либо въ его округѣ, онъ имѣетъ право вызвать это лицо, произвесть разслѣдованіе по этому поводу и, если признаетъ это нужнымъ, потребовать обезпеченіе отъ этого лица въ томъ, что оно не приведетъ своей угрозы въ исполненіе; обезпеченіе это можетъ состоять въ денежномъ залогѣ, въ благонадежномъ поручительствѣ, а иногда и до представленія этихъ гарантій въ лишеніи свободы. Въ этихъ случаяхъ судья дѣйствуетъ, какъ хранитель мира—*Conservator of the Peace*, въ роли, съ которою въ значительной степени связано уваженіе, внушаемое населенію этой должностью.

У каждаго читателя, однако, когда онъ встрѣчаетъ изображеніе, подобное вышеприведенному, идеализующее судебный строй и порядки Америки, непремѣнно рождается вопросъ, какъ же все это примирить съ явленіями дикой саморасправы и жестокости, извѣстными подъ названіемъ линчеванія и столь сравнительно часто отмѣчаемыми въ хроникѣ американской жизни? На этихъ явленіяхъ останавливается, конечно, въ своей книгѣ и Гартманъ. Онъ, понятно, не берется ихъ оправдывать, но въ объясненіе ихъ вноситъ довольно интересную и новую точку зрѣнія. Онъ говоритъ, что судить объ этихъ явленіяхъ надо, прежде всего, примѣняясь къ нѣкоторымъ условіямъ американской жизни характера исключительнаго. Къ разряду ихъ относится пресловутый негритянскій вопросъ, вызываемый расовымъ антагонизмомъ и рабовладѣльческимъ наслѣдіемъ. Что же касается народной саморасправы, чинимой надъ неграми (объекта-

*) „Die Amerikaner“, I, s. 178. Интересно тутъ привести и мнѣніе русскаго ученаго о политической цѣнности правосудія, творимаго на основаніи судебнаго прецедента: „Наибольшую силу за судебными прецедентами признаютъ государства самыя свободныя: нѣкогда—республика римская, теперь Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки“, говоритъ проф. Г. Демченко въ своемъ изслѣдованіи „Судебный прецедентъ“. Варшава, 1903 г., стр. 184.

ми линчеванія служатъ по преимуществу чернокожіе), то съ политической точки зрѣнія надо въ этомъ видѣть общинный самосудъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т.-е. осуществленіе общиною своего коренного права чинить судъ и расправу надъ преступниками, того права, которое она вообще делегируетъ своимъ избранникамъ-судьямъ и шерифамъ, и которое она въ этихъ случаяхъ или на такой случай возвращаетъ себѣ обратно. Тутъ происходитъ не возмущеніе народа противъ властей предержащихъ, какъ надо бы разсматривать линчеваніе съ точки зрѣнія и въ обстановкѣ европейской, а какъ бы судебная расправа правильнаго носителя судебной власти, но безъ обычныхъ посредниковъ ея: община судитъ виновника возмутившаго ее дѣянія сама, безъ участія облеченныхъ ею же для этого органовъ власти. Надо при этомъ имѣть въ виду, что случаи линчеванія бываютъ обыкновенно не тогда, когда есть сомнѣніе въ виновникѣ дѣянія, а только тогда, когда дѣяніе и его несомнѣнный виновникъ вызываютъ у толпы требованіе примѣрнаго наказанія тутъ же на мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ,—говоритъ Гартманъ,—сказывается взглядъ американцевъ, въ ихъ отношеніяхъ къ неграмъ, на судъ присяжныхъ, какъ, въ извѣстномъ смыслѣ, на судъ пэровъ для бѣлыхъ, какъ на благородное судилище, гарантіями коего недостойны пользоваться чернокожіе ихъ сограждане, тѣ въ особенности, которые въявь обнаружили свои низменные животные инстинкты (линчеваніе обыкновенно вызывается насиліемъ негра надъ бѣлой женщиной).

Тѣмъ не менѣе, конечно, линчеваніе остается позорнымъ пятномъ современной Америки, пережиткомъ старыхъ традицій, которымъ давно бы пора отойти въ безвозвратное прошлое. Вмѣсто того мы видимъ, что линчеваніе настолько еще тамъ привлекательно для многихъ, что желѣзныя дороги не стѣсняются объявлять о спеціальныхъ поѣздахъ въ мѣста, гдѣ по слухамъ по какому-нибудь изъ соотвѣтствующихъ случаевъ оно ожидается. Это, впрочемъ, одна изъ тѣхъ принадлежностей рабовладѣльческаго наслѣдія, которыя и во многихъ другихъ отношеніяхъ не даютъ о себѣ забыть Америкѣ, будучи серьезными путами для безпрепятственнаго дальнѣйшаго слѣдованія по пути прогресса культурнаго и политическаго. Гартманъ не разъ въ своемъ изслѣдованіи обращаетъ вниманіе на то, что выдающіяся и привлекательныя черты американской жизни и судебнаго строя обнаруживаются пока только въ штатахъ давнихъ и новѣйшихъ, а отнюдь не въ южныхъ, бывшихъ ареной рабовладѣнія и заключающихъ въ себѣ понынѣ главную массу чернокожихъ потомковъ, лишь четыре десятилѣтія тому назадъ отмѣненнаго, а до того столѣтіями въ нихъ сосредоточивавшагося рабства.

Вообще должно имѣть въ виду, что при американскихъ условіяхъ политическихъ, историческихъ и этнографическихъ при столь большомъ разнообразіи въ составѣ населенія и времени вступленія отдѣльныхъ мѣстностей въ общій политическій союзъ, при совершенномъ отсутствіи какого-нибудь одного централизующаго начала, которое могло бы сразу за-

водить и насаждать повсемѣстно одни порядки, отмѣняя прежніе, а при наличности, наоборотъ, совершенно иного начала, по которому каждая часть союза развивается самостоятельно и политически независимо одна отъ другой, нельзя и думать, что та часть развитія и совершенства, до которой дошелъ одинъ изъ штатовъ, есть доказательство такой же степени, достигнутой остальными. Ничуть не бывало. Во многихъ мѣстахъ сохраняются еще разные печальные пережитки стараго. Напримѣръ, въ миніатюрномъ штатѣ Делаварѣ лишь въ прошломъ году отмѣненъ позорный столбъ, у котораго выставлялись нѣкоторые изъ преступниковъ. Есть и понынѣ случаи примѣненія карательныхъ мѣръ, которыя никакому раціональному взгляду не соотвѣтствуютъ; наприм., въ штатѣ Вайомингъ въ 1905 г. введенъ законъ, облагающій особой карой даваніе «на чай» или «на водку». Но это, конечно, отдѣльныя частности, которыя не должны затемнять вида основныхъ теченій жизни и новаго ихъ направленія. Заслуга Гартмана и состоитъ въ томъ, что онъ съ большимъ умѣніемъ разобрался въ разнорѣчивыхъ фактахъ современной американской жизни, отдѣливъ въ нихъ основное отъ придаточнаго, постоянное отъ временнаго, и установивъ истинное теченіе идей и стремленій въ занимающей насъ области.

III.

Защитительная тенденція уголовнаго процесса Америки можетъ быть отмѣчена съ самаго начала уже на томъ, что ,во-первыхъ, защитникъ допускается и всегда допускался къ участію въ дѣлѣ со стороны обвиняемаго во всѣ моменты слѣдствія, и что, во-вторыхъ, при разбирательствѣ на судѣ по требованію обвиняемаго ему дается защитникъ по назначенію. Англійскій же процессъ очень долго придерживался взгляда, что защитникомъ подсудимаго самъ судья («the judge is the counsel of the prisoner») и что поэтому ему не нужно никакого особаго заступника, а до 1903 г. не зналъ совсѣмъ никакого назначенія судомъ защитника неимущему подсудимому. Роль и положеніе защитника, какъ равноправнаго съ обвинителемъ органа суда, опредѣляется тѣмъ общимъ положеніемъ, которое по американскому и позднѣйшему англійскому процессу самъ обвиняемый занимаетъ въ изслѣдованіи дѣла; а именно, обвиняемый не считается не только формально, но и по всеобщему убѣжденію обязаннымъ содѣйствовать выясненію дѣла; противъ него предъявлено обвиненіе, и обвинителю, такъ же, какъ истцу въ гражданскомъ процессѣ, надлежитъ доказывать свое требованіе передъ судомъ; обвиняемый это тотъ же отвѣтчикъ и онъ ни въ чемъ не обязанъ помогать направляемымъ противъ него судебнымъ дѣйствіямъ. Американскій судья дѣйствительно считаетъ, что отрицаніе обвиняемымъ своей вины ничего не доказываетъ, тогда какъ нѣмецкій судья, какъ говоритъ Гартманъ, исходитъ изъ положенія, что «обвиняемый долженъ бы прежде всего стараться выяснить дѣло». Послѣдняя точка

зрѣнія есть отправная точка инквизиціоннаго воззрѣнія, по которой правительственная или судебная власть имѣетъ право на истину, къ открытію которой ей обязаны содѣйствовать всѣ и въ томъ числѣ даже тотъ, противъ котораго она направляетъ свои дѣйствія; тогда какъ американская точка зрѣнія считаетъ обвиняемаго прежде всего носителемъ правъ гражданина, а отнюдь не такимъ объектомъ, котораго неприкосновенностью можно пренебрегать хотя бы и въ видахъ открытія истины. Обвинитель есть власть, на него нападающая, а защитникъ—орудіе, его обороняющее; исходъ процесса зависитъ отъ результатовъ ихъ борьбы между собою на судѣ; обвиняемый въ правѣ ограничиться ролью нѣмого свидѣтеля этой борьбы; отъ него американскій судья ничего не ждетъ, а защитника отнюдь онъ не разсматриваетъ, какъ одну общую съ обвиняемымъ сторону,—защитникъ для него третье въ процессѣ лицо, функціонирующее на равныхъ правахъ съ обвинителемъ, какъ его противовѣсъ въ процессѣ. Строй и ходъ американскаго уголовнаго процесса исключаетъ всякій признакъ господства въ немъ правительственной власти или какого-либо органа ея,—тогда какъ на европейскомъ континентѣ главенство прокуратуры—не исчезающая понынѣ характерная черта всего уголовнаго разбирательства. По американскому воззрѣнію ни передъ какими требованіями уголовнаго правосудія не должны поступаться гарантіи свободы и равенства гражданъ. Европейская точка зрѣнія, напримѣръ, мирится съ тѣмъ, что ради «раскрытія истины» человѣкъ можетъ находиться нескончаемое время подъ слѣдствіемъ, пока обвинительная власть не исчерпаетъ всѣхъ дѣйствительныхъ или даже только мнимыхъ для этого средствъ. А по американскимъ политическимъ понятіямъ обвиняемый въ какомъ бы ни было преступленіи имѣетъ право, прежде всего, на скорый судъ. Объ этомъ внесена особая оговорка въ союзную конституцію 1789 г. касательно всѣхъ союзныхъ судовъ, прямо это гласящая: «The accused shall enjoy the right to a speedy trial». То же самое повторяется въ органическихъ законахъ большинства отдѣльныхъ штатовъ. Это общее положеніе получило дальнѣйшее развитіе въ такомъ видѣ, что, наприм., калифорнскій процессуальный уставъ вмѣняетъ суду въ обязанность прекратить уголовное преслѣдованіе, если обвинитель не внесетъ его въ засѣданіе въ теченіе 60 дней со времени возбужденія. По уставу штата Иллинойсъ такимъ пресѣкательнымъ срокомъ назначается четыре мѣсяца, причемъ во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ судъ можетъ продлить обвинителю этотъ срокъ не болѣе одного раза и не долѣе, какъ на 70 дней. Такимъ образомъ, вышеприведенная добавка къ конституціи объясняется не только мнительностью освободительнаго движенія того времени, пуще всего боявшагося тираническихъ проявленій власти по европейскому образцу, а демократическимъ требованіемъ гарантій для истинной свободы. И дѣйствительно, что̀ даютъ въ этомъ смыслѣ за гарантію европейскіе кодексы даже самаго прогрессивнаго типа, когда ни одинъ гражданинъ въ виду отсутствія ограниченій для продолжительности предварительнаго слѣдствія ими

не гарантированъ отъ того, чтобы его не могъ судебный слѣдователь сгноить въ тюрьмѣ по тѣмъ или другимъ подозрѣніямъ, могущимъ оказаться въ концѣ-концовъ даже и лишенными основанія! На континентѣ Европы, когда говорятъ о необходимости ускоренія процесса, то, главнымъ образомъ, процесса гражданскаго по денежнымъ претензіямъ, а если уголовнаго, то въ видахъ быстроты репрессіи, а отнюдь не съ точки зрѣнія политической гарантіи для гражданъ. Европейская практика, уступая требованіямъ жизни, дѣлаетъ различіе въ движеніи дѣлъ, подраздѣляя ихъ, смотря по тому, на свободѣ ли или нѣтъ обвиняемый, на «арестантскія» и «не арестантскія»; но эта канцелярская гуманность, регулируемая не закономъ, а циркулярами, конечно, не можетъ быть поставлена въ параллель съ конституціонными гарантіями гражданской свободы.

Продолжительные процессы бываютъ и въ Америкѣ; бываютъ и такіе, по которымъ обвиняемые находятся годами подъ стражей; но это только по причинѣ новыхъ и новыхъ сроковъ, которые судъ назначаетъ обвиняемому *по его ходатайству* для предоставленія ему всѣхъ средствъ оправдаться. «Тогда какъ,—говоритъ по этому поводу Гартманъ,—инквизиціонный процессъ ставитъ во главѣ вопросъ объ обнаруженіи преступленія, американскій процессъ представляется какъ бы задающимъ себѣ прежде всего вопросъ о томъ, какъ помочь обвиняемому». Правильность этого замѣчанія подтверждается въ особенности тѣмъ, наприм., что американскій уголовный процессъ усвоилъ себѣ институтъ такъ назыв. *new trial*, который существуетъ въ англійскомъ *гражданскомъ* процессѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что судья, при участіи котораго состоялся приговоръ присяжныхъ, или высшій судъ можетъ назначить по просьбѣ обвиняемаго, если признаютъ уважительными его доводы къ тому, новое разбирательство этого дѣла передъ другимъ составомъ присяжныхъ. Само собою разумѣется, что это возможно только въ случаѣ обвинительнаго приговора.

Бываютъ случаи, когда и обвинитель получаетъ право на возбужденіе вновь дѣла; но это только при такъ называемыхъ mistrials, т.-е. когда присяжные не приходятъ къ требуемому единогласію и значитъ никакого приговора по дѣлу не произносится. Тогда разрѣшается обвинителю домогаться разсмотрѣнія того же обвиненія передъ другимъ составомъ присяжныхъ. Хотя никакой законъ не ограничиваетъ числа такихъ возобновленій дѣла при повторившемся mistrial, т.-е. когда опять присяжные не пришли къ единогласію, на практикѣ болѣе двухъ разъ обвинители о правѣ возобновленія дѣла на этомъ основаніи не пытаются ходатайствовать.

Защитительная тенденція весьма явственна на слѣдующей подробности процессуальныхъ правилъ. Хотя обвинитель ограниченъ въ срокѣ, въ теченіе котораго онъ долженъ представить свой обвинительный матеріалъ на разсмотрѣніе суда, тѣмъ не менѣе отъ него требуется, чтобы его свидѣтели непремѣнно были налицо; чтеніе ихъ показаній, отобранныхъ въ другомъ мѣстѣ, не допускается; тогда какъ обвиняемый имѣетъ право

пользоваться при извѣстныхъ обстоятельствахъ и письменными показаніями своихъ свидѣтелей.

Демократизація процесса въ сравненіи съ англійскимъ выражается въ томъ еще, что по конституціи многихъ штатовъ каждый гражданинъ имѣетъ право не только по преступленіямъ, но и при обвиненіи въ проступкѣ требовать разбирательства дѣла при участіи присяжныхъ; въ этихъ случаяхъ по дѣламъ о полицейскихъ правонарушеніяхъ фигурируетъ особое жюри въ составѣ лишь пяти человѣкъ. Затѣмъ, та же тенденція заключается въ правилѣ, что каждый изъ соучастниковъ преступленія имѣетъ право требовать, чтобы о немъ дѣло разсматривалось отдѣльнымъ составомъ присяжныхъ; въ этомъ правилѣ явственно сказывается, насколько доминирующимъ надъ всѣми остальными соображеніями въ уголовномъ процессѣ является стремленіе оградить интересы и права обвиняемаго, какъ гражданина; такъ что, сколь затруднительно отъ этого ни было бы положеніе обвиненія, коль скоро обвиняемому кажется, что отъ совмѣстнаго разсмотрѣнія дѣла о немъ съ другими обвиняемыми нарушается или перебивается вниманіе присяжныхъ къ вопросу объ его винѣ, на полноту коего при постановленіи ими вердикта онъ въ правѣ претендовать, дѣло о немъ должно быть выдѣлено въ особое производство. Интересы полноты картины учиненнаго нѣсколькими соучастниками преступленія, ради которыхъ существуетъ въ европейскихъ кодексахъ правило о совмѣстномъ судѣ надъ всѣми участниками дѣянія (такъ назыв., нераздѣльность процесса), здѣсь уступаютъ политическому требованію равнаго и одинаковаго для всѣхъ безъ различія суда. Въ Англіи нельзя только соединять дѣлъ по совокупности преступленій, а нужно отдѣльное производство по каждому отдѣльному обвиненію; а здѣсь каждый обвиняемый даже по одному и тому же съ другими обвиненію въ правѣ требовать отдѣльнаго надъ собою суда. Само собою, далѣе, разумѣется, что обвиняемый въ Америкѣ въ правѣ требовать публичнаго разсмотрѣнія своего дѣла рѣшительно всякаго безъ какихъ бы то ни было исключеній. Американцы считаютъ,—говоритъ по этому поводу Гартманъ,—что истинные интересы государства никогда несовмѣстимы съ тайнымъ производствомъ суда.

При выборѣ состава присяжныхъ стороны чрезвычайно широко пользуются правомъ отвода, и безъ объясненія причинъ, и по причинамъ, легко получающимъ одобреніе судьи *). Съ этимъ находится въ связи явленіе, особо характеризующее чисто состязательный принципъ американскаго процесса, что иногда составъ присутствія ограничивается, за недостаточностью подходящихъ лицъ по списку, одиннадцатью или даже только десятью присяжными, вмѣсто двѣнадцати, если объ этомъ состоится соглашеніе между сторонами. Соглашенію принадлежитъ еще большая роль въ такъ-называемыхъ компромиссахъ обвиняемаго съ судьею и обвинителемъ. Субъектъ,

*) Подробности объ этомъ и о ходѣ самаго разбирательства см. мою статью „О судебныхъ порядкахъ и адвокатурѣ въ Соединенныхъ Штатахъ“ (изъ личныхъ впечатлѣній), *Русская Мысль*, 1902 г., кн. VIII, стр. 72.

наприм., обвиняемый въ кражѣ со взломомъ, признаетъ себя виновнымъ, но только въ простой кражѣ, или обвиняемый въ убійствѣ признаетъ себя виновнымъ, но лишь въ нанесеніи побоевъ или раны. Тогда производство на этомъ оканчивается и судья приговариваетъ виновнаго къ наказанію по установленному его признаніемъ дѣянію. Англійскій судъ также можетъ при сознаніи обвиняемаго въ менѣе тяжкомъ, чѣмъ ему приписываемое, дѣяніи приступить безъ дальнѣйшаго разбирательства къ постановленію приговора о наказаніи; но на практикѣ судьи тамъ на это идутъ только тогда, когда разница въ наказаніи отъ этого получается незначительная. Американскіе же судьи очень часто соглашаются на этотъ компромиссъ при явной даже выгодѣ отъ этого для обвиняемаго, такъ какъ преобладающая у нихъ тенденція, пользующаяся популярностью и среди населенія, что дѣло борьбы съ преступленіемъ чрезъ наказанія не столько въ томъ, чтобы отягощать участь виновнаго, сколько въ томъ, чтобы только не оставлять преступныхъ дѣяній безнаказанными. Сходство началъ уголовнаго процесса Америки съ ея гражданскимъ процессомъ, сказывающееся на многихъ другихъ подробностяхъ, на этомъ примѣрѣ рѣшающаго значенія, придаваемаго соглашенію сторонъ предпочтительно предъ соображеніями о суверенитетѣ карающей власти государства и тому подобными суровыми принципами, особенно наглядно.

Своеобразную роль въ англо-американскомъ процессѣ играетъ вопросъ о показаніи на судѣ самого обвиняемаго. На смѣну системѣ пытокъ въ новѣйшую эпоху, какъ извѣстно, выработалось повсюду правило о томъ, что обвиняемый не можетъ быть принужденъ къ дачѣ показаній и имѣетъ право ограничиться заявленіемъ, что онъ не признаетъ себя виновнымъ. Правило это учредители американскаго союза сочли настолько существеннымъ правомъ гражданина, что внесли его въ свою конституцію въ видѣ положенія: никто не можетъ ни въ одномъ уголовномъ дѣлѣ быть принужденъ къ дачѣ показанія противъ самого себя (No person shall be compelled in any criminal case to be a witness against himself). Почему было сочтено нужнымъ такъ ригорично превозгласить это правило, будетъ понятно, если принять во вниманіе тѣ пріемы, къ которымъ старый европейскій режимъ прибѣгалъ въ этомъ отношеніи, чтобы добиться по дѣлу прежде всего показанія самого обвиняемаго. Относительно Англіи мы, по Пайку, узнаемъ объ этомъ слѣдующее.

Когда произошла отмѣна ордалій, то выработалась другая мѣра для побужденія обвиняемыхъ къ дачѣ показанія, а именно: тѣхъ, которые, будучи призваны на судъ, безмолствовали, подвергали заключенію въ помѣщеніи не болѣе обыкновенной клѣтки и не давали ѣсть. Это называлось «prison forte et dure», установленное особымъ статутомъ Эдуарда I (въ концѣ XIII ст.). Черезъ сто лѣтъ, при Генрихѣ IV (въ концѣ XIV стол.) «prison forte de dure» измѣнена была въ «peine forte de dure», въ особый видъ пытки путемъ прессованія, которая примѣнялась къ обвиняемымъ, отказывавшимся отъ отвѣтовъ на допросѣ. До примѣненія ея

обвиняемый былъ трижды предупреждаемъ о томъ, что ему грозитъ за его молчаніе, и ему давалось нѣсколько часовъ на размышленіе. Если и послѣ того онъ продолжалъ отказываться отъ дачи показанія, надъ нимъ произносился приговоръ, буквально гласившій слѣдующее: «Вы будете отведены назадъ въ тюрьму, откуда васъ привели, и будете помѣщены въ яму, куда не проникаетъ свѣтъ: будете тамъ голый, съ повязкою на бедрѣ, положены спиною на голый полъ; на ваше тѣло будетъ положенъ желѣзный грузъ, какой оно только сможетъ вынести, и еще большій; вы не получите никакого питанія, кромѣ трехъ кусочковъ черстваго хлѣба въ первый день, трехъ капель вонючей воды изъ ближайшей къ тюрьмѣ лужи на второй день, и затѣмъ опять трехъ кусочковъ черстваго хлѣба на третій день, трехъ капель воды на четвертый, и въ такой очереди далѣе, день за днемъ, пока вы не умрете *).

Примѣненіе особыхъ наказаній къ обвиняемому за «непослушаніе» практиковалось очень долго въ Европѣ даже послѣ формальной отмѣны пытокъ. Пережитокъ этого содержится еще въ настоящее время въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ, которое въ числѣ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе, признаетъ и то «чѣмъ болѣе виновный при слѣдствіи и судѣ оказывалъ неискренности и упорства въ запирательствѣ» (ст. 129). Нечего и говорить о томъ, какъ широко примѣнялось требованіе отъ обвиняемаго «искренняго признанія и покаянія» при слѣдствіяхъ по политическимъ дѣламъ. Вотъ почему отцы американской конституціи, у которыхъ безпрестанно носились въ душѣ опасенія, какъ бы въ ихъ новомъ отечествѣ не повторились акты европейской тиранніи и произвола властей, нашли нужнымъ оградить въ хартіи свободы особымъ параграфомъ права обвиняемаго какъ гражданина.

Такимъ образомъ ясно, что освобожденіе обвиняемаго отъ активнаго участія въ разслѣдованіи дѣла собственными показаніями происхожденія чисто политическаго. Оно составляетъ по происхожденію гарантію для обвиняемаго, а не ограниченіе его въ правахъ. Фактически же оно превратилось въ это послѣднее, въ ограниченіе его въ правахъ. Англо-американскій процессъ не знаетъ другихъ показаній, какъ показанія, данныя подъ присягой; судьи же отказывали обвиняемому въ приводѣ его къ присягѣ, такъ какъ присяга обязываетъ къ откровенности, а откровенность несовмѣстима, если не имѣется объ этомъ какого-нибудь особаго закона, съ правомъ умолчанія объ однихъ обстоятельствахъ и раскрытія только тѣхъ, какія желаетъ показывающій. Такимъ образомъ привилегія обвиняемаго превратилась въ privilegium odiosum для него, а процессъ, самое слѣдствіе, вопреки общей тенденціи къ постановкѣ его на возможно болѣе свободныхъ началахъ для собиранія и оцѣнки по внутреннему убѣжденію всѣхъ возможныхъ видовъ доказательствъ, оказался лишеннымъ одного изъ источниковъ установленія истины, какимъ не можетъ же не быть

*) Ibid., I, p. 210, 387.

признано и показаніе самого обвиняемаго. Ограждепіе свободы обвиняемаго впало въ коллизію съ требованіями свободы процессуальнаго изслѣдованія дѣла. Сверхъ того, въ столь строго проводимомъ отрицательномъ отношеніи къ обвиняемому, какъ источнику правды, нельзя не чувствовать умаленія достоинствъ обвиняемаго, какъ гражданина. Поэтому должна была естественно появиться реакція противъ этого отношенія къ показанію обвиняемаго на судѣ. Кампанію въ этомъ смыслѣ открылъ еще въ концѣ XVIII ст. Бентамъ. Успѣхъ ея въ Англіи сперва, и то не скоро, ограничился сферою гражданскаго процесса, гдѣ показаніе самихъ тяжущихся трактовалось такъ же, какъ показаніе обвиняемаго въ уголовномъ процессѣ. Законы, по которымъ разрѣшено было въ Англіи присяжное показаніе самой стороны въ гражданскомъ процессѣ или противной стороны по ея требованію, явились лишь въ 1847 и 1854 гг. Почти одновременно появились такіе же законы штата Иллинойсъ (1845 г.) и Коннектикута (1849 г.). Пропаганда въ пользу этой реформы въ уголовномъ процессѣ требовала еще больше времени и встрѣчала дольше принципіальныя возраженія. Но тутъ уже Америка значительно опередила Англію. Законъ объ этомъ для всѣхъ союзныхъ судовъ прошелъ въ конгрессѣ 16 марта 1878 г.; а въ Англіи лишь двадцать лѣтъ спустя—въ судопроизводственномъ законѣ Criminal Evidence Act 1898 г. Такъ что пріоритетъ въ демократическомъ развитіи новой идеи здѣсь явственно принадлежитъ американскому народу. Полемика относительно значенія этой реформы еще далеко не успокоилась; pro и contra ея имѣютъ еще своихъ фанатическихъ защитниковъ и въ литературѣ, и среди судебныхъ дѣятелей на практикѣ. Любопытна, наприм., корреспонденція въ видѣ «Письма изъ Лондона», подписаннаго *Barrister*, въ № 40 газеты *Право* за 1899 г., посвященная оцѣнкѣ съ этой стороны Evidence Act'а 1898 г. По мнѣнію ея автора, эта реформа несогласна съ цѣлями раціональной криминалистики. Онъ думаетъ, что она должна даже дурно отразиться на участи обвиняемаго, такъ какъ къ показанію его присяжные никогда не могутъ относиться съ такимъ довѣріемъ, какъ къ другимъ показаніямъ, а къ молчанію его теперь невольно будутъ относиться гораздо подозрительнѣе, такъ какъ оно не обязательное, какъ прежде, а добровольное; людямъ же очень свойственно думать, что невинный человѣкъ не можетъ хранить молчаніе, когда надъ нимъ тяготѣетъ несправедливое обвиненіе. Однако, авторъ корреспонденціи признаетъ, что и въ Англіи «почти вся пресса привѣтствовала законъ 1898 г., какъ новое проявленіе гуманности въ криминалистикѣ, какъ прогрессъ либерализма въ уголовной процедурѣ». Насъ собственно съ этой стороны больше всего интересуетъ эта реформа и то, что при такой своей тенденціи она добилась успѣха ранѣе въ Америкѣ, чѣмъ въ своемъ отечествѣ, гдѣ мысль о ней давно зародилась; по существу же, съ точки зрѣнія европейскаго континентальнаго права, мы готовы сказать, что эта реформа, пожалуй, не заслуживаетъ, ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.—По данному поводу еще умѣстно будетъ для характерис-

тики того, какъ демократизируются гражданскіе законы Англіи при переносѣ ихъ въ Америку, указать на то, что, наприм., англійскій законъ о личномъ задержаніи за долги, и понынѣ весьма суровый, выработался въ Америкѣ въ законъ, по которому несостоятельный къ платежу долга, какъ бы велика сумма его ни была, не можетъ за это быть содержимъ въ заключеніи болѣе 30 дней; или что англійскій законъ о единонаслѣдіи (майоратѣ) въ Америкѣ отмѣненъ при самомъ превозглашеніи независимости и замѣненъ равноправіемъ всѣхъ дѣтей мужского, какъ и женскаго пола, при наслѣдованіи въ имуществѣ родителей.

Разсмотрѣвъ многозначительныя проявленія защитительной тенденціи американскаго уголовнаго процесса по отношенію къ обвиняемому до и во время суда, намъ нужно теперь остановиться на признакахъ той же тенденціи въ послѣдующихъ фазисахъ процесса, а именно, когда обвиняемый превращается въ обвиненнаго, т.-е. когда послѣдуетъ надъ нимъ обвинительный вердиктъ присяжныхъ.

Въ этомъ случаѣ американскій судья имѣетъ право все же отпустить обвиняемаго вслѣдствіе формальныхъ недостатковъ, усмотрѣнныхъ имъ въ постановкѣ обвиненія, или же по отсутствію состава преступленія въ юридическомъ отношеніи. Такъ что судья имѣетъ право не постановлять своего приговора тотчасъ послѣ произнесенія присяжными обвинительнаго вердикта; а въ нѣкоторыхъ штатахъ существуетъ законъ объ обязанности выжидать въ теченіе извѣстнаго срока, не будетъ ли со стороны защиты возраженій формальнаго свойства противъ примѣненія наказанія. Практика такихъ формальныхъ поводовъ для пріостановленія обвинительнаго вердикта и для отмѣны наказанія, по утвержденію Гартмана, ушла въ Америкѣ гораздо дальше, нежели въ Англіи и, конечно, въ сторону благопріятную для обвиняемаго, такъ какъ отмѣна приговора или назначеніе новаго разбирательства существуетъ только въ случаѣ обвинительнаго приговора; оправдательный приговоръ ни въ какомъ случаѣ кассаціи не подлежитъ. Характерную особенность новаго разсмотрѣнія дѣла составляетъ въ Америкѣ то, что оно происходитъ подъ предсѣдательствомъ того же судьи; это нѣчто совершенно несовмѣстимое съ европейской точки зрѣнія на кассацію, такъ какъ здѣсь существуетъ прочно вкоренившаяся презумпція, что тотъ же судья, хотя бы по причинамъ чисто психическимъ, не можетъ вновь засѣдать по тому же дѣлу, будучи склоннымъ непремѣнно поддерживать разъ проявленную уже въ дѣлѣ тенденцію. Американцы считаютъ своихъ судей стоящими выше этихъ погрѣшностей самолюбія; но во всякомъ случаѣ, такъ какъ новое разбирательство происходитъ только потому, что судьею усмотрѣно въ состоявшемся приговорѣ что-нибудь, идущее вразрѣзъ съ правами обвиняемаго, они считаютъ, что при прежнемъ судьѣ дѣло будетъ идти въ желательномъ направленіи, т.-е. болѣе въ интересахъ обвиняемаго, нежели обвиненія. Поэтому Гартманъ и въ этой подробности американскаго процесса правильно усматриваетъ еще одно изъ проявленій защитительной его конструкціи. Въ этомъ

смыслѣ онъ тутъ же указываетъ на то, что практика американскихъ судовъ менѣе всего стремится къ сокращенію сроковъ для обвиняемаго на обжалованіе обвинительнаго приговора. Въ Европѣ, говоритъ онъ, срокъ для слѣдствія неограниченъ, а для вступленія состоявшагося приговора, хотя бы и обвинительнаго, въ окончательную силу, очень коротокъ. Въ этомъ отношеніи европейскій взглядъ какъ разъ перенесъ безъ надобности требованія гражданскаго правосудія на уголовное. Американцы же эти сроки для обвиняемаго чрезвычайно расширяютъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ онъ по закону годичный. Сверхъ того, судьи весьма легко возстановляютъ обвиняемому пропущенный срокъ.

Что касается оправдательнаго приговора, то, какъ уже было указываемо, для него не существуетъ никакихъ способовъ отмѣны. Пересмотръ оправдательнаго вердикта былъ бы для американца нарушеніемъ его политическихъ правъ, ибо въ одномъ изъ дополнительныхъ пунктовъ къ союзной конституціи сказано, что «никто не можетъ, ни жизнью, ни единымъ членомъ, быть дважды подвергнутъ опасностямъ судебнаго разбирательства за одно и то же дѣяніе» (nor shall any person be subject for the same offence to be twice put in jeopardy of life or limb). Опасностью судебное разбирательство можетъ быть для обвиняемаго только въ смыслѣ риска быть обвиненнымъ; поэтому правило это о недопустимости суда за то же дѣяніе болѣе одного раза практикою разумѣется только въ томъ смыслѣ, что оправданный обвиняемый не можетъ быть подвергнутъ риску новаго разбирательства; но для обвиненнаго новое разбирательство есть только новый шансъ на оправданіе и потому, какъ мы выше видѣли, оно допускается американскими судами очень либерально по многоразличнымъ поводамъ. Бывали въ отдѣльныхъ штатахъ попытки ввести законъ о возможности въ исключительныхъ случаяхъ пересмотра оправдательнаго приговора по требованію обвинителя; но и тамъ, гдѣ это осуществилось, такая отмѣна имѣетъ только значеніе для сборника прецедентовъ; практически же для даннаго обвиняемаго въ этомъ не заключается никакой опасности, такъ какъ его вторично послѣ отмѣны оправдательнаго приговора судить не станутъ. Такъ что эта отмѣна приговора по ходатайству обвинителя имѣетъ одинъ лишь отвлеченный, теоретическій характеръ. Гартманъ почему-то называетъ такой процессуальный порядокъ Европѣ незнакомымъ, тогда какъ § 409 французскаго устава уголовнаго производства также устанавливаетъ, какъ общее правило, что кассаціонное производство, возникающее по протесту прокурора противъ оправдательнаго приговора, чѣмъ бы оно ни кончилось, ни въ чемъ не можетъ вредить оправданному обвиняемому, т.-е. при отмѣнѣ оправдательнаго приговора имѣетъ только такой же отвлеченный, теоретическій характеръ для предупрежденія тѣхъ или другихъ признанныхъ за существенныя нарушеній закона въ другихъ случаяхъ.

Заслуживаетъ упоминанія то, что Гартманъ, перечисливъ и подробно разсмотрѣвъ построеніе и практику американскаго суда присяжныхъ и при-

ведя въ связь всѣ его особенности съ политическими и культурными особенностями страны, высказывается, однако, въ концѣ-концовъ въ отношеніи предстоящей уголовной реформы въ Германіи за сохраненіе и въ ней суда присяжныхъ; тогда какъ официальный проектъ, хотя и допускающій въ принципѣ широкое участіе общественнаго элемента въ уголовномъ судѣ, находитъ по единогласному, при томъ, мнѣнію его составителей, что для Германіи оно должно имѣть исключительно форму суда шеффенскаго, т.-е. съ сословными представителями, функціонирующими совмѣстно съ коронными судьями, а отнюдь не въ видѣ демократически составляемой и самостоятельной коллегіи присяжныхъ.

IV.

Уже было указано, какъ широко американскій судья пользуется правомъ, не произнося своего приговора послѣ обвинительнаго вердикта присяжныхъ, затѣмъ назначать, по ходатайству защиты, новое разбирательство (new trial). Этотъ порядокъ послужилъ началомъ къ нарожденію новаго института уголовнаго права,—отсрочки наказанія, по которому примѣненіе слѣдующаго за признанное дѣяніе наказанія откладывается на извѣстное время, по истеченіи котораго, при доказанной въ теченіе его добропорядочности поведенія обвиненнаго, онъ можетъ и совсѣмъ быть освобожденъ отъ наказанія. Этотъ институтъ породилъ и родственный ему институтъ—условнаго осужденія, по которому приговоръ о наказаніи судьею постановляется, но съ условіемъ, что если обвиненный въ теченіе извѣстнаго срока не учинитъ никакого другого преступленія, приговоръ этотъ остается безъ исполненія, т.-е. ему прощается первое дѣяніе. Институты эти, въ особенности послѣдній, получили уже широкое распространеніе по свѣту; происхожденіе же ихъ американское. Они представляютъ собою несомнѣнное усовершенствованіе въ карательной системѣ, усовершенствованіе гуманитарнаго направленія, которое знаменуетъ особенно рельефно отреченіе этой системы отъ принципа возмездія во что бы то ни стало и переходъ ея къ принципу цѣлесообразности, допускающему примѣненіе наказанія только какъ крайности, когда другіе способы воздѣйствія на провинившагося оказались безуспѣшными. Такая роль уголовнаго судьи должна была выработаться въ Америкѣ скорѣе всего, въ виду того, что судья тамъ не только карающая и воздающая власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хранитель мира. При отсрочкѣ наказанія судьи тамъ, дѣйствительно, часто требуютъ отъ обвиненнаго поручительства въ поведеніи. Отсрочка наказанія и условное осужденіе отнюдь не должны быть разсматриваемы какъ осуществленіе признаваемаго за судьею права помилованія. Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи американцы, наоборотъ, проявляютъ тенденцію къ тому, чтобы это право по возможности сокращать и во всякомъ случаѣ ограничивать у представителей единоличной власти. Прежде имъ обширно пользовались губернаторы отдѣльныхъ штатовъ и мэры от-

дѣльныхъ городовъ. Теперь же рѣшеніе вопросовъ о помилованіи поставлено въ зависимость отъ согласія особаго коллегіальнаго учрежденія (Board of Pardon). Вообще же этотъ институтъ, какъ въ существѣ своемъ педемократичный, ибо онъ, хотя только въ извѣстныхъ случаяхъ, но ставитъ усмотрѣніе выше судебнаго приговора, въ Америкѣ находится въ стадіи вымиранія. Тамъ вѣдь не имѣется жертвъ режима, для которыхъ требуются амнистіи; для всѣхъ же остальныхъ случаевъ, кромѣ весьма рѣдкаго — инымъ путемъ неисправимой судебной ошибки, есть средства, гораздо болѣе раціональныя и болѣе правильно индивидуализуемыя, для оказанія чрезвычайной помощи осужденнымъ и заключеннымъ. Въ случаяхъ же, когда нужно предупредить примѣненіе смертной казни, какъ было уже указано, самимъ присяжнымъ принадлежитъ право на это, для чего они къ обвинительному вердикту присовокупляютъ особую оговорку «guilty, without capital punishment».

Что касается условнаго осужденія, то, не взирая на сравнительную новизну этого института, онъ получилъ уже весьма большое распространеніе не только въ ширь, но и въ глубь. Дѣло въ томъ, что первоначально примѣненіе условнаго осужденія допускалось только въ случаяхъ незначительныхъ сравнительно поступковъ и незначительнаго сравнительно наказанія, какъ-то: денежнаго штрафа или краткосрочнаго лишенія свободы. Жизнь же скоро показала, что не только число поступковъ, за которые его оказывается цѣлесообразнымъ примѣнять, все больше и больше, но что и самый характеръ поступковъ, гдѣ его слѣдуетъ примѣнять, должно видоизмѣнить.

Въ штатѣ Нью-Йоркъ въ 1893 г. былъ изданъ законъ, по которому условное осужденіе примѣнимо лишь къ дѣяніямъ, влекущимъ за собою не болѣе десяти лѣтъ заключенія; а закономъ 1903 г. оно распространено и на тягчайшія преступленія, за исключеніемъ только тѣхъ, за которыя слѣдуетъ смертная казнь или пожизненное заключеніе. За Нью-Йоркомъ въ этомъ отношеніи послѣдовало нѣсколько другихъ штатовъ. За Америкой же слѣдуетъ Европа и при томъ съ достойной особаго вниманія быстротой. Напримѣръ, во Франціи законъ объ условномъ осужденіи введенъ въ 1891 г., а въ 1901 г. его авторъ, сенаторъ Беранже, уже вноситъ законопроектъ о расширеніи дѣйствія этого закона, какъ вполнѣ оправдавшаго возлагавшіяся на него надежды по сокращенію надобности въ чрезмѣрномъ примѣненіи репрессивныхъ мѣръ. По поводу этого института, даннаго человѣчеству уголовной практикой американской жизни, должно сказать, что онъ представляетъ собою знаменіе глубокаго переворота, происшедшаго во взглядѣ на преступника и права общества на расправу съ нимъ. Переворотъ этотъ можно иллюстрировать сопоставленіемъ съ видоизмѣненіями, происшедшими во взглядахъ на военнаго врага. Что дѣлали въ разныя эпохи съ внѣшними врагами? Сперва убивали; затѣмъ, превращали въ рабство; затѣмъ, наконецъ, стали заключать миръ на извѣстныхъ условіяхъ. Въ томъ же родѣ перемѣны происходятъ въ обра-

щеніи съ внутреннимъ врагомъ—съ преступниками: сперва ихъ убивали (кровавая месть); потомъ перешли къ уголовному рабству (заключеніе), теперь вводятъ условное осужденіе, т.-е. заключеніе съ осужденнымъ на извѣстныхъ условіяхъ мира.

Условное осужденіе есть мѣра судебная, такъ какъ, примѣняя его, судья отпускаетъ обвиненнаго имъ субъекта безъ примѣненія къ нему соотвѣтствующаго наказанія. Отпускъ же обвиненнаго ранѣе отбытія имъ всего наказанія, къ которому онъ былъ судомъ приговоренъ, практиковался еще раньше, но какъ мѣра, примѣняемая не судомъ, а тюремной администраціей. Это оказалось средствомъ весьма цѣлесообразнымъ для воздѣйствія на заключенныхъ въ исправительномъ духѣ. Институтъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ досрочнаго освобожденія, производимаго на слово заключеннаго (release on parole), что онъ обязуется къ добронравному поведенію на свободѣ, иначе подвергается снова заключенію, получилъ повсюду популярность въ пенитенціарномъ дѣлѣ сравнительно давно. Но въ Америкѣ изъ него выросъ совершенно новый институтъ, составляющій, такъ сказать, послѣднее слово современнаго уголовнаго правосудія. А именно: постановленіе судами приговоровъ о наказаніи *съ неопредѣленнымъ срокомъ* (indeterminate sentence). Въ силу такого приговора размѣръ и продолжительность заключенія опредѣляется тюремною администраціею. Съ этой стороны это было бы тѣмъ же досрочнымъ освобожденіемъ. Но тутъ это связано съ отбытіемъ самаго наказанія въ исправительныхъ заведеніяхъ новаго типа, получившаго названіе реформаторій. Это заведенія, устраиваемыя въ видахъ перевоспитанія взрослыхъ субъектовъ на началахъ, примѣнявшихся обыкновенно лишь къ малолѣткамъ. Сюда приговариваютъ обвиняемыхъ средняго возраста отъ 16 до 30 лѣтъ, того возраста, который считается критическимъ для карьеры, такъ называемыхъ, привычныхъ преступниковъ: кто выйдетъ изъ этого возраста, не сдѣлавшись таковымъ, тотъ, по наблюденіямъ компетентныхъ лицъ, уже имъ не дѣлается. Для перевоспитанія попадающихъ въ эти заведенія примѣняются самые разнообразные пріемы физическаго, умственнаго и нравственнаго вліянія.

На помощь тутъ призвана медицина, педагогія, школа, литература и работа ремесленная, профессіональная и всякая иная. Игры и забавы играютъ такую же роль, какъ и серьезныя занятія. Музыка занимаетъ мѣсто столь же видное, какъ и физическій трудъ. Главный же стимулъ, которымъ побуждаютъ заключеннаго къ выполненію требованій исправительнаго режима, состоитъ въ томъ, какъ это фигурально опредѣлялъ основатель первой реформаторіи (въ Эльмайрѣ) Броквэй, что «заключенному даютъ въ собственныя руки ключъ отъ его кельи», т.-е. скорѣйшій выходъ на свободу находится въ зависимости отъ повседневныхъ усилій заключеннаго. А это основано на томъ, что каждый заключенный долженъ окупать свое содержаніе. Все, что онъ получаетъ въ заведеніи—платье, пища и даже лѣкарства, ему дается за плату, опредѣляемую особой так-

сой; но зато и все, что, такъ сказать, отъ него берется, какъ-то: работы въ мастерскихъ, школьныя занятія и даже военныя упражненія, ему также оплачиваются по особой таксѣ. Каждый заключенный на этомъ основаніи имѣетъ свой особый счетъ, въ который ежедневно записывается, что онъ имѣетъ и что долженъ. Его прилежаніе, работы, успѣхи ежедневно ему считаются въ особую сумму; а дурное поведеніе влечетъ за собою обремененіе счета штрафами, налагаемыми администраціею. Результаты ежемѣсячнаго баланса по этому счету опредѣляютъ дальнѣйшую участь каждаго. Для отпуска на свободу балансъ долженъ представлять такую сумму въ пользу заключеннаго, на которую онъ въ состояніи доѣхать до избраннаго мѣста и просуществовать тамъ нѣкоторое время въ ожиданіи заработка. Отпускъ на свободу сперва пробный на шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ уже окончательный, если поведеніе отпущеннаго не обманетъ надеждъ тюремной администраціи. Такса составлена такъ, что черезъ годъ каждый можетъ быть уже отпущенъ на слово, а, значитъ, черезъ восемнадцать мѣсяцевъ и на полную свободу, хотя бы дѣяніе, за которое онъ попалъ въ реформаторію, влекло за собой по закону заключеніе въ двадцать лѣтъ *). Тотъ же Броквэй задачу реформаторій опредѣляетъ противоположеніемъ ея прежнимъ системамъ уголовной расправы такъ: «тогда какъ Старый Свѣтъ, карая, имѣетъ, между прочимъ, въ виду исправлять, мы въ Новомъ Свѣтѣ должны исправлять, имѣя, между прочимъ, въ виду покарать. Когда обвиненный поступилъ въ исправительное заведеніе, у насъ прошедшее его забывается и имѣется въ виду только его будущее».

Режимъ американскихъ тюремъ вообще, а не только такихъ заведеній какъ усовершенствованныя во всѣхъ отношеніяхъ реформаторіи, отличается болѣе духомъ участія, нежели кары. Индивидуальныя надобности заключеннаго пользуются гораздо большимъ вниманіемъ, нежели требованія, такъ называемой, спасительной строгости. Гартманъ обращаетъ вниманіе европейскихъ тюремныхъ администраторовъ на то, напр., что въ американскихъ тюрьмахъ запретъ на табакъ изъ регламентовъ окончательно исчезъ и свобода куренія, даваемая заключеннымъ, навѣрно предупреждаетъ значительную часть той ихъ нервности, на которую постоянно слышатся жалобы въ европейскихъ мѣстахъ заключенія. Въ Америкѣ и заключенный не чувствуетъ себя отверженнымъ; между нимъ и обществомъ, отъ котораго онъ отлученъ, не образуется, какъ въ Европѣ, непроходимой пропасти, и поэтому онъ болѣе просто и нормально возвращается потомъ въ него обратно. Сплошь и рядомъ заключенные состоятъ членами тѣхъ многочисленныхъ обществъ попеченія объ нихъ и патроната надъ освобожденными, которыми изобилуетъ Америка. Въ особенности же Гартманъ останавливается на устройствѣ американскихъ тюремъ для женщинъ. Женщина-преступница, какъ извѣстно, въ Америкѣ составляетъ еще мень-

*) Подробности объ этомъ см. мою статью „Исправительныя заведенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ". *Вѣстникъ Европы*, 1902 г., февраль.

шій относительно процентъ, нежели въ Европѣ. Но и тѣ изъ нихъ, которыя на себя навлекаютъ уголовныя кары, отбываютъ ихъ, по свидѣтельству Гартмана, въ заведеніяхъ, напоминающихъ скорѣе пріюты и убѣжища филантропическихъ обществъ. Наибольшаго же расцвѣта гуманитарныя идеи Америки, какъ и слѣдовало ожидать, достигаютъ въ области борьбы съ дѣтской преступностью.

Что касается исправительныхъ заведеній въ тѣсномъ смыслѣ слова, то въ этомъ отношеніи Америка ранѣе другихъ странъ стала въ контингентѣ преступниковъ выдѣлять малолѣтокъ и подростковъ, создавая для нихъ особыя помѣщенія и колоніи, а числомъ и разнообразіемъ этихъ учрежденій она въ настоящее время превосходитъ остальныя страны вмѣстѣ взятыя. При склонности къ постояннымъ нововведеніямъ и реформамъ въ воспитательномъ дѣлѣ вообще, столь свойственной американцамъ, эта спеціальная отрасль педагогіи не могла не привлечь къ себѣ ихъ спеціальнаго вниманія съ натуральными для Америки въ этомъ случаѣ послѣдствіями, т.-е. оригинальности въ пріемахъ и самостоятельной общественной и личной дѣятельности. Такимъ-то образомъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія возникла по иниціативѣ мистера Джорджа близъ города Итаки республика юнцовъ для безпризорныхъ и обездоленныхъ дѣтей, созданная на началахъ свободнаго управленія и устройства своихъ дѣлъ самими дѣтьми по образцу истой республики съ выборными представителями для двухъ палатъ, съ собственнымъ судомъ присяжныхъ, съ собственной монетной системой, съ собственными хозяйственными предпріятіями и проч.; словомъ «управленіе дѣтей изъ дѣтей для дѣтей» *).

Реформаторскія попытки въ этой области, проникая все глубже и глубже въ сущность общественной бѣды, знаменуемой дѣтской преступностью, привели американцевъ къ сознанію, что пересозданію подлежатъ не только обстановка и устройство учрежденій, куда попадаютъ сбившіяся съ пути дѣти послѣ суда надъ ними, но и самая система судопроизводственныхъ правилъ, по которымъ надлежитъ производить надъ ними этотъ судъ. Результатомъ этого явились, такъ называемые, Дѣтскіе суды (Childrens, Juvenile Courts), представляющіе собою истинную новинку въ этой области, привлекающую теперь вниманіе радѣтелей интересовъ общества и «малыхъ сихъ» во всемъ свѣтѣ.

Началась эта реформа, какъ всегда въ Америкѣ, съ отдѣльныхъ практическихъ попытокъ по указаніямъ реальной жизни. Прежде всего, напр., обнаружились неудобства разсмотрѣнія въ судахъ дѣлъ о малолѣтнихъ на ряду и въ перемежку съ дѣлами о взрослыхъ преступникахъ. Поэтому судьи стали для этихъ дѣлъ назначать особые дни въ недѣлѣ или особыя сессіи. Затѣмъ, выясненіе дѣйствительной обстановки случая и дѣянія, доходившаго до разсмотрѣнія суда, нельзя было, конечно, ожидать отъ самого судимаго дитяти. Это повлекло за собою привлеченіе къ участію

*) Подробности см. въ вышеуказанной статьѣ „Исправительныя заведенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ“.

въ процессѣ участковыхъ попечителей (probation officers), которые вообще вѣдаютъ дѣлами надзора надъ безпріютными или подвергающимися дурному обращенію дѣтьми. Оказалось, далѣе, что всѣ такія же особенности носятъ не только дѣла, въ которыхъ дѣти фигурируютъ въ качествѣ обвиняемыхъ, но и большинство дѣлъ, въ которыхъ дѣти являются потерпѣвшими; такъ что и эти послѣднія дѣла требуютъ особыхъ пріемовъ разслѣдованія и особой обстановки суда. Для всего этого роль судьи не только какъ органа, примѣняющаго карательныя статьи закона, но и какъ хранителя общественнаго мира, оказалась больше пригодною въ послѣднемъ качествѣ. Такимъ генезисомъ, съ обычною опять-таки у американцевъ быстротою, запросы реальной жизни получили новое воплощеніе въ формѣ дѣтскихъ судовъ. Суды эти имѣютъ особый составъ присяжныхъ, руководитъ засѣданіемъ обыкновенно тотъ изъ коллегіи судей, который спеціализировалъ себя на изученіи этой области жизни (большихъ городовъ, въ особенности); пріемы слѣдствія имѣютъ характеръ наивозможно простой съ участіемъ въ разспросахъ, въ бесѣдѣ, въ доставленіи матеріала самихъ дѣтей, ихъ родителей, участковыхъ попечителей и просто добрыхъ людей, пожелавшихъ принять на пользу общую въ этомъ участіе. Разбирательство всегда производится публично. Результатъ же разбирательства состоитъ отнюдь не въ опредѣленіи мѣры карательнаго взысканія, а въ опредѣленіи того вида особаго попеченія, которому подлежитъ провинившееся дитя: отдачей его либо въ семью, либо въ школу, либо въ пріютъ и т. п.; наказанія, если этимъ судомъ произносятся, то только по отношенію къ лицамъ, которыя своимъ небреженіемъ, дурнымъ обращеніемъ или преступнымъ образомъ дѣйствій поставили дитя или подростка (до 16 лѣтъ) въ положеніе, вызвавшее вмѣшательство суда. Такимъ положеніемъ является не непремѣнно какой-нибудь зловредный проступокъ дитяти, а и простое тунеядство его, праздношатаніе, посѣщеніе трактирныхъ или иныхъ неподходящихъ для его возраста заведеній или увеселеній. Законъ Штата Иллинойсъ, посвященный этому, гласитъ въ § 21 слѣдующее: «Настоящій законъ подлежитъ свободному толкованію, дабы была достигнута конечная цѣль его, состоящая въ томъ, чтобы попеченіе и надзоръ надъ дѣтьми и обращеніемъ съ дѣтьми по возможности приближались къ попеченію, надзору и руководству, которое дитя должно имѣть отъ родителей, и дабы дитя во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ это можетъ быть надлежаще исполнено, было помѣщено въ лучшую семью и путемъ узаконенія или другимъ способомъ стало дѣйствительнымъ членомъ этой семьи».

Первый законъ о дѣтскихъ судахъ изданъ былъ въ штатѣ Иллинойсъ 1 іюля 1899 г. Затѣмъ примѣру этого штата послѣдовали скоро многіе другіе, благо Америка во всѣхъ такихъ нововведеніяхъ не связана, какъ Европа, рутиной и традиціями, а вольна свободно и легко заводить у себя новые порядки и учрежденія, которые свою пригодность и цѣлесообразность могутъ оправдать на дѣлѣ безъ зацѣпокъ и тренія «объ установившійся порядокъ вещей» и тому подобныя препятствія. Въ настоящее

время такого рода суды введены уже въ одиннадцати штатахъ. Результаты ихъ дѣятельности въ цифрахъ выражаются слѣдующимъ образомъ. Въ штатѣ Иллинойсъ, напр., за первый годъ существованія такого суда, имъ было разобрано 2,260 дѣлъ, 1,095 дѣтей освобождено при этомъ на слово, а 1,175 отправлены въ школу; въ слѣдующемъ году 1,089 дѣтей были условно освобождены и только 195 (10%) предстали во второй разъ предъ судомъ; среднимъ возрастомъ былъ 13-тилѣтній для мальчиковъ и 14-тилѣтній для дѣвочекъ; причинами необходимости установленія опеки служили по преимуществу отсутствіе семейнаго воспитанія, полная безпризорность, пьянство или смерть одного или обоихъ родителей, главный же жизненный итогъ дѣятельности этого суда состоитъ въ томъ, что вмѣсто 50%, которые прежде въ этомъ округѣ составляли подростки среди осуждаемыхъ за преступленія, число ихъ сразу понизилось до 1% *).

«Общая совокупность дѣятельности дѣтскихъ судовъ,—говоритъ Гартманъ,—выражаетъ съ особой силой защитительную тенденцію американской юстиціи и близко съ ней связанное сознаніе общественной коллективной вины. Ихъ дѣятельностью общество какъ бы отчитывается въ коллективной своей винѣ передъ бездомными и несчастными дѣтьми. Въ этихъ судахъ особенно также сказывается американскій оптимизмъ, жизнедѣятельность и никогда не прекращающаяся вѣра въ лучшія свойства человѣческой натуры. Такимъ-то образомъ въ этомъ учрежденіи, какъ въ одномъ фокусѣ, сосредоточиваются свѣтлые лучи всего американскаго правопорядка».

На этомъ мы и покончимъ изложеніе особенностей американской уголовной юстиціи, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ характерными чертами истинно демократическаго правосудія. Если же къ этому присовокупить еще одно наблюденіе Гартмана, а именно, что американскіе суды при одинаковой вѣскости уликъ скорѣе оправдываютъ обвиняемаго, нежели, напр., нѣмецкіе, а также тотъ фактъ, о которомъ ему свидѣтельствовали многіе судебные дѣятели, что въ Америкѣ обнаруживается относительное сокращеніе числа гражданскихъ процессовъ и судебныхъ споровъ, то нельзя, въ заключеніе, не придти къ тому выводу, что демократическій строй Америки даетъ въ результатѣ человѣчеству не только общепризнанное увеличеніе матеріальнаго благополучія гражданъ, а еще и, не такъ легко констатируемый, но несравненно болѣе цѣнный, моральный вкладъ въ культурную сокровищницу: человѣкъ тамъ становится добрѣе.

А. С. Гольденвейзеръ.

---

*) См. *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1905 г. Кн. II, стр. 193.—Съ другой стороны, какъ курьезъ, нелишенный особаго смысла, стоитъ отмѣтить слѣдующій фактъ. Высшій судъ штата Пенсильванія призналъ учрежденіе Дѣтскихъ судовъ противнымъ конституціи, такъ какъ создаваемые ими для юношества привилегіи якобы нарушаютъ истинное равенство всѣхъ предъ закономъ. Объ этомъ фактѣ сообщаетъ I. Baernreither въ своей недавно вышедшей книгѣ „Jugendfürsorge und Strafrecht in den Vereinigten Staaten von Amerika“.

Пангерманизмъ и возможность его осуществленія *).

(*Georges Weil:* «Le Pangermanisme en Autriche». Préface de M. *Anatole Leroy-Beaulieu.*)

Наступалъ 1885 г., важный потому, что въ этомъ году происходили новые выборы, и избирательная борьба должна была быть самой ожесточенной. Нѣмецкіе націоналисты сгруппировались въ новую группу «Deutscher Club», состоящую изъ 50 членовъ, которые должны были войти цѣликомъ въ палату депутатовъ. Такая группа, конечно, имѣла реальное значеніе. Всѣ члены ея были объединены національной нѣмецкой идеей, но они не рѣшались еще открыто проповѣдывать присоединеніе къ Германіи. Программа ихъ очень любопытна. Въ общихъ чертахъ они были сторонниками государственнаго соціализма, заимствуя эту идею, вѣроятно, у Германіи. Они желали предоставить первенство въ рейхсратѣ нѣмцамъ, для чего придумали слѣдующую оригинальную реформу: пораженные сплоченностью и реальной силой польскихъ депутатовъ, они предложили предоставить Польшѣ совершенно особенное положеніе въ государствѣ, надѣясь такимъ образомъ устранить изъ рейхсрата польскихъ депутатовъ, создать нѣмецкое большинство и низвергнуть министерство Тааффе. Они были, конечно, убѣжденными сторонниками австро-нѣмецкаго соглашенія и стояли за подчиненіе церкви государству; въ общемъ нѣмцы-націоналисты въ 1885 г. составляли партію, склонную къ государственному соціализму, партію пруссофильскую и слегка антиклерикальную. Большинство нѣмцевъ-націоналистовъ, создавая «Deutscher Club», продолжали оставаться членами большой партіи «Нѣмецкихъ либераловъ» (Deutsch-Liberale), насчитывающей 132 представителя, что составляло очень значительную группу нѣмецкой оппозиціи.

Выборамъ предшествовала отчаянная избирательная кампанія. Главныя разногласія сводились къ вопросу: «нѣмецъ или не нѣмецъ». Горячія рѣчи были произнесены 17 и 18 октября депутатами Карнери и Кнотцомъ **). Нѣмецкая партія видитъ палладіумъ спасенія въ раздѣленіи Бо-

---

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1906 г.

**) *Gustav Kohn*, op. cit., p. 178.

геміи на двѣ самостоятельныя части, въ пользу чего Пленеръ открываетъ продолжительную и энергичную кампанію. Сказанныя имъ блестящія рѣчи (17 и 18 января 1886 г.) остаются безрезультатными, и предложеніе его отклонено. Богемія попрежнему остается яблокомъ раздора. Нѣмцы Богеміи подаютъ петицію съ 1.700,000 подписей, въ которой протестуютъ противъ указовъ 1880 года. Петиція отвергнута рейхсратомъ, и министръ юстиціи Празакъ издаетъ 23 сентября 1886 г. указъ, дополняющій указы 1880 г.

Однако нѣмцы не складываютъ оружія. 22 декабря неутомимый Пленеръ представляетъ богемскому сейму новый проектъ раздѣленія Богеміи на двѣ части. Въ отвѣтъ на это предложеніе сеймъ перешелъ къ порядку дня. Нѣмцы отвѣтили, покинувъ залу засѣданія. Это было открытымъ разрывомъ между чехами и нѣмцами. Съ этого момента девизъ нѣмецкой партіи звучитъ не только какъ призывъ къ борьбѣ, но и какъ крикъ отчаянія: «lieber Deutsch sterben, als Tschechisch verderben» (лучше умереть нѣмцемъ, чѣмъ сгнить чехомъ).

Нѣмцы рѣшаются защищать съ отчаянными усиліями то положеніе, которое они нѣкогда занимали въ Цислейтаніи. Странное впечатлѣніе производитъ министерство Тааффе. Событія смѣняютъ другъ друга и снова возобновляются, вызывая снова и снова энергичную борьбу. Пленеръ возобновляетъ предложеніе Гербста о раздѣленіи Богеміи, Шаршмидъ возобновляетъ предложеніе Вурмбрандта о признаніи нѣмецкаго языка офиціальнымъ языкомъ Цислейтаніи. Новыя предложенія терпятъ участь своихъ прототиповъ, и борьба возобновляется, сопровождаясь протестами, жалобами и требованіями.

Кажется, какъ будто всѣ чехи и нѣмцы совершенно потеряли изъ виду интересы страны, занятые исключительно борьбой за свои національные интересы.

Новый 1887 г. вноситъ новое важное событіе—расколъ въ нѣмецкой партіи. Сражаясь бокъ о бокъ противъ министерства, австрійскіе нѣмцы забывали существенныя различія, которыя рано или поздно должны были выступить на сцену и раздѣлить ихъ. Нѣмцы-либералы были прежде всего хорошими австрійцами и вскорѣ ясно увидѣли, что ихъ политическіе соратники, забывая объ Австріи, готовы броситься въ объятія Германіи. Имъ на руку былъ острый кризисъ, переживаемый Австріей, и они не стремились привести страну къ умиротворенію. Это противорѣчіе сказалось въ парламентскихъ дебатахъ по поводу Богеміи въ маѣ 1887 года. Очень интересна рѣчь, произнесенная Гербстомъ: «Чувство солидарности нѣмцевъ Австріи,—говорилъ Гербстъ,—не должно быть безразлично для государства... *И вотъ почему интересы Австріи требуютъ, чтобы нѣмцы въ Австріи оставались тѣсно сплоченными, чтобы они тяготѣли къ Вѣнѣ, разсматриваемой, какъ центръ тяжести Австріи; и вотъ почему интересы Австріи требуютъ, чтобы ей не навязывали тотъ путь, по которому ей становится все труднѣе и труднѣе слѣ-*

довать» *). Эта точка зрѣнія нѣмца-либерала, искренняго и вѣрнаго своей родинѣ австрійца. Противоположная точка зрѣнія ярко выражена въ рѣчи депутата Кнотца (5 мая 1887 г.): «Когда я разсматриваю безнадежное состояніе этой болотистой страны по берегамъ Дуная, этого государства, раненаго на смерть, меня успокаиваетъ фраза, которую я недавно прочелъ,— фраза, произнесенная бывшимъ посланникомъ Саксоніи при вѣнскомъ дворѣ, графомъ Вицтумомъ, въ бурный 1848 годъ по поводу Австріи, которую одна остроумная и вліятельная женщина назвала «маленькимъ Францисканцемъ» (Franciscaner!), маленькой курительной свѣчкой (das Räucher Kerschen). Вотъ какова была фраза графа Витцума: одна мысль меня поддерживаетъ,—*въ тотъ день, когда этотъ маленькій сожженный францисканецъ* (dieses ausgebrannte Franciscaner!)—*австрійское государство, долженъ будетъ разсыпаться, его пепелъ послужитъ удобреніемъ для германской почвы»* **).

Въ этотъ знаменательный 1887 г. настроеніе умовъ въ двухъ нѣмецкихъ фракціяхъ было совершенно различно. Съ одной стороны, нѣмцы-либералы съ грустью видятъ кризисъ, переживаемый Австріей, съ другой стороны, пангерманисты видятъ въ этомъ кризисѣ облегченіе ихъ задачи. Интересна также рѣчь депутата Штурма, полная меланхоліи и пессимизма, въ которой онъ призываетъ вниманіе всѣхъ на печальный ходъ событій. Онъ предсказываетъ, что графъ Тааффе, глубоко задѣвъ нѣмцевъ и не вполнѣ удовлетворивъ славянъ, лишенный поддержки тѣхъ и другихъ, принужденъ будетъ искать со стороны нѣмцевъ симпатіи, за которую послѣдніе заставятъ заплатить слишкомъ дорогой цѣной.

Эти рѣчи служатъ яркимъ показателемъ настроенія умовъ. Вейль приводитъ въ доказательство раскола и реальные факты. Помимо различія между нѣмцами-либералами и нѣмцами-націоналистами, среди самихъ нѣмцевъ-націоналистовъ выдѣляется подгруппа, принявшая названіе «Deutsch-Nationale Vereinigung» (союзъ нѣмецкихъ націоналистовъ). Во главѣ этой группы стоитъ Штейнвендеръ. Группа эта состоитъ изъ элементовъ болѣе крайнихъ и находитъ большинство «Deutscher Club» слишкомъ умѣреннымъ. Хотя они не носятъ еще названія пангерманистовъ, но это названіе, какъ говоритъ Вейль, больше всего къ нимъ подходитъ.

Расколъ между нѣмецкими партіями становится все острѣе и, наконецъ, завершается въ 1888 г. 6 ноября члены «Deutsch Nationale Vereinigung» соединяются съ тѣми нѣмцами-либералами, которые давно предвидѣли опасность отъ доведенной до крайности нѣмецкой національной идеи и составили группу нѣмцевъ-австрійцевъ (Deutsch-Oesterreichischer Club).

Такъ образуется новая группа, объединенная нѣмецкой лѣвой партіей «Vereinigte Deutsche Linke».

---

*) *Gustav Kohn*, op. cit., p. 145—146.

**) *Gustav Kohn*, op. cit., p. 179—180.

Итакъ, къ концу 1888 г. нѣмецкая партія въ палатѣ депутатовъ состоитъ изъ слѣдующихъ группъ: 1) Vereinigte Deutsche Linke (составившаяся изъ прежней партіи нѣмцевъ-либераловъ, членовъ «Deutsch-Oesterreichischer Club» и умѣренной фракціи «Deutscher Club»)—всего 112 человѣкъ; 2) Deutsch Nationale Vereinigung съ Штейнвендеромъ во главѣ—16 человѣкъ; 3) крайняя группа Шенерера—«Schenerer Fraction», всего 5 человѣкъ. Всѣ вмѣстѣ составили въ палатѣ депутатовъ нѣмецкую оппозицію, насчитывающую 133 члена изъ 353 депутатовъ общаго числа. Самая серьезная изъ указанныхъ партій была, несомнѣнно, «Deutsch Nationale Vereinigung», такъ какъ партія Шенерера, по выраженію Вейля, была замѣчательна только скандалами и насиліями, достойными развѣ толпы инсургентовъ. Кромѣ того, партія Шенерера временно лишалась своего главы. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ Ж. Вейль: «Когда газета *Neues Wiener Tagblatt* осмѣлилась помѣстить на своихъ столбцахъ ложное извѣстіе о смерти императора Вильгельма I, Шенереръ увидѣлъ въ этомъ фактѣ личное оскорбленіе. Съ привычной ему мягкостью апостолъ пангерманизма въ Австріи насильно вломился въ помѣщеніе, занимаемое редакціей газеты *Tagblatt*, гдѣ произвелъ энергичную демонстрацію, сопровождаемую насиліемъ. Результатомъ былъ процессъ, который окончился очень печально для пылкаго поборника Вильгельма I. Его небольшое вооруженное нашествіе на редакцію газеты *Tagblatt* стоило ему 4 мѣсяцевъ тюрьмы, потери званія кавалера и депутатскаго полномочія (5 мая 1888 г.). Онъ могъ теперь воспользоваться кратковременнымъ отдыхомъ вдали отъ парламента и политической дѣятельности въ замкѣ Розенау, куда онъ удалился. Здѣсь онъ могъ предаться размышленіямъ о тѣхъ неудобствахъ, которыя случаются, когда желаютъ убѣдить людей въ своихъ мнѣніяхъ, проповѣдуя ихъ ударами палки. Казалось даже, что на нѣкоторое время Шенереръ отказался отъ участія въ политикѣ. Но, къ несчастію для Австріи, будущее показываетъ, что это удаленіе не было окончательнымъ, и мы вскорѣ встрѣтимъ имя знаменитаго агитатора, окруженное ореоломъ шума и скандаловъ, которые являются для него наиболѣе пріятной свитой! Члены его партіи становятся все болѣе и болѣе охотниками до шумныхъ манифестацій на улицахъ. Такъ, наприм., когда императоръ Вильгельмъ II посѣтилъ Вѣну въ сентябрѣ 1888 года, банды антисемитовъ-шенереріанцевъ (такъ какъ этого удивительнаго творца орудій раздора можно признать почти безспорно основателемъ антисемитизма въ Австріи) сочли приличнымъ привѣтствовать молодого германскаго монарха, какъ «своего императора», что, конечно, не могло не вызвать нѣкотораго скандала» (стр. 163).

Чтобы яснѣе представить себѣ настроеніе умовъ въ Австріи въ годы 1889—1891, разсмотримъ, каково было положеніе въ ландтагахъ Цислейтаніи *). Въ нижней Австріи нѣмцы-націоналисты, которые насчитывали

*) *Julius Petzelt*, op. cit., p. 186—188.

въ 1886 г. изъ общаго числа 68 членовъ 6 своихъ представителей, теперь сохранили только 4 мѣста изъ 72; шенереріанцы, имѣвшіе въ 1883 г. 9 мѣстъ изъ 68, сохранили только 2 изъ 72. Такимъ образомъ, въ этой провинціи нѣмцы-націоналисты и шенереріанцы потеряли значительное число мѣстъ. Въ верхней Австріи, правда, въ 1883 г. изъ 50 членовъ ландтага не было ни одного нѣмца-націоналиста, въ теченіе 1889—1891 гг. появился одинъ. Въ Штиріи было 16 нѣмцевъ-націоналистовъ изъ 63, что сохранилось и въ 1889—1890 гг. Въ Каринтіи въ 1883 г. не было ни одного нѣмца-націоналиста, въ теченіе 1889—1890 гг. появилось 3 изъ общаго числа 37. Въ Богеміи въ 1883 году была группа изъ 36 нѣмцевъ-націоналистовъ, составлявшихъ самую яростную оппозицію, въ теченіе 1889—1891 гг. они потеряли одно мѣсто. Въ Моравіи за этотъ же періодъ времени внезапно появилось 9 нѣмцевъ-націоналистовъ на 100 депутатовъ. Наконецъ, въ Силезіи, гдѣ въ 1883 году было 3 нѣмца-націоналиста изъ общаго числа 31 членовъ, они получили за 1889—1891 гг. еще два мѣста. Замѣчательно то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ избирательная борьба велась особенно упорно, въ Богеміи и нижней Австріи, партія нѣмцевъ-націоналистовъ принуждена была отступить. Если мы возьмемъ общія цифры, то получатся слѣдующія данныя. Общее количество нѣмцевъ-націоналистовъ въ 1883 году было 70 изъ 591, а въ 1889 году 75 изъ 595, т.-е. нѣмцы-націоналисты составляли 12,6% общаго числа членовъ. Мы извиняемся передъ читателемъ за то, что такъ долго задержали вниманіе на этихъ скучныхъ статистическихъ данныхъ, но они даютъ ясную и точную картину того положенія, которое занимала нѣмецкая національная партія въ 1891 г., къ концу министерства Тааффе.

Достоинъ замѣчанія и тотъ фактъ, что Deutscher Schulverein, отвергнувшій покровительство Берлина и работавшій, однако, надъ дѣломъ германизаціи Австріи, въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія (1880—1890 гг.), открылъ 1,029 мѣстныхъ группъ и 65 учрежденій. По мнѣнію Вейля, это ясно доказываетъ, что нѣмцы, оставшіеся австрійцами прежде всего, лучше служили дѣлу германизаціи, чѣмъ всѣ громкія фразы и акты насилій пангерманистовъ.

Въ это время въ Богеміи произошла крупная перемѣна. Образовалась новая партія—младочеховъ, которые обвиняли старочеховъ въ недостаткѣ энергіи, въ слишкомъ большой умѣренности въ борьбѣ за свои права. Тутъ-то и произошло событіе совершенно невѣроятное—старочехи вошли въ союзъ съ нѣмцами, испугавшись слишкомъ большого рвенія со стороны младочеховъ. Результатомъ было возвращеніе въ богемскій сеймъ нѣмцевъ, занявшихъ теперь въ немъ очень видное положеніе.

Вейль спѣшитъ подчеркнуть дальновидность богемскихъ нѣмцевъ, вошедшихъ въ союзъ съ недавними врагами, и ставитъ это на видъ нѣмцамъ-націоналистамъ, всегда отличавшимся непримиримостью.

Разсмотрѣвъ положеніе нѣмцевъ-націоналистовъ въ провинціяхъ, остается разсмотрѣть положеніе нѣмецкихъ партій въ вѣнскомъ рейхсратѣ.

Нѣмцы-либералы (Deutsch-Liberale) составляютъ сплоченную лѣвую нѣмецкую партію. Въ 1885 г. они имѣли 132 мѣста, въ 1888 г.—112, въ 1891 г.—только 105, но все же они составляютъ крупную сплоченную группу, съ такими ораторами во главѣ, какъ Пленеръ и Хлумецкій. Программа этой партіи является предметомъ спора и толкуется различно. Нѣкоторые писатели, какъ, наприм., Л. Сентипери *), резюмируютъ ее формулой: «пангерманизмъ, прогрессъ и свобода». Вейль говоритъ, что слово «пангерманизмъ» правильнѣе замѣнить словомъ «германизація», такъ какъ ими никогда не руководила идея пангерманизма, какъ ее понимаютъ въ наши дни. Правильнѣе, по мнѣнію Вейля, резюмировать ихъ программу формулой: «политическое преобладаніе въ Австріи нѣмецкаго элемента, прогрессивнаго и либеральнаго».

Рядомъ съ этой партіей стоитъ группа изъ 21 человѣка нѣмцевъ-націоналистовъ (Deutsch-National) съ Штейнвендеромъ во главѣ. Эта группа считаетъ себя прежде всего нѣмецкой. Фракція шенереріанцевъ занимаетъ крайнее крыло этой партіи, составляя, по выраженію Вейля, «авангардъ національной германской арміи». Каковы вожди этой партіи?

Господствующее положеніе занимаетъ, несомнѣнно, Шенереръ, но «великій проповѣдникъ пангерманизма» не вышелъ еще изъ своего убѣжища, и звѣзда его закатилась только на время. Официально главой партіи является Штейнвендеръ, человѣкъ совершенно неспособный къ роли агитатора, лидера оппозиціи, человѣкъ мирный и умѣренный. Выдающимися членами партіи были: Барейтеръ и Гокъ, антисемитъ и интимный другъ Шенерера; затѣмъ Берманъ, депутатъ нѣмцевъ-націоналистовъ изъ Штиріи, и Розеръ; въ этой же группѣ былъ Кайзеръ, который вскорѣ перейдетъ въ клерикальную группу, и Люгеръ, который теперь окончательно порвалъ съ партіей пангерманистовъ и сталъ открытымъ врагомъ Шенерера. Въ 1891 г. Люгеръ является депутатомъ изъ Маргаретта (Вѣна) и составляетъ уже свою группу христіанскихъ соціалистовъ (антисемитовъ). Въ прессѣ идея пангерманизма поддерживается, правда, довольно робко газетой *Deutsche Zeitung*, органъ маленькой пруссофильской фракціи нѣмцевъ-либераловъ, и съ особенной яростью органомъ самого Шенерера *Unverfaelschte Deutsche Worte* (истинно-нѣмецкія слова). Таково было положеніе національной нѣмецкой партіи въ Австріи около 1891—92 гг.

1893 г. ознаменованъ необычайнымъ событіемъ, котораго никто не ожидалъ: это была отставка Тааффе. Министерство, просуществовавшее 14 лѣтъ, выдержавшее упорную борьбу съ нѣмецкой оппозиціей, пало по вопросу не національному, а политическому. Съ 12 августа 1889 г., съ момента своего вступленія въ министерство, Тааффе опирался на большинство палаты, но онъ понималъ, что это министерское большинство начинаетъ утомляться и терять активность. Тааффе понялъ необходимость

*) *L. Sentipéry*: „L'Europe politique en 1812, gouvernement, parlement, presse". T. II. Paris, 1903—1904, p. 298.

создать новое большинство, одушевленное какой-либо новой идеей, которую могло бы поддержать рѣшительно и энергично. Съ свойственной ему смѣлостью Тааффе рѣшился на почти революціонную мѣру—коренную реформу избирательной системы—введеніе почти всеобщаго избирательнаго права. Тааффе потерпѣлъ пораженіе и вышелъ въ отставку 28 октября 1893 года.

Отставка графа Тааффе вызвала чувство живѣйшаго удовольствія со стороны австрійскихъ нѣмцевъ; они готовы были пойти на соглашеніе, результатомъ чего и явилось министерство концентраціи съ Виндишгрецомъ во главѣ (ноябрь 1893 г.). Оно опиралось на лѣвую нѣмецкую и на поляковъ. По выраженію Вейля, «это министерство, угождающее и нашимъ и вашимъ, ни рыба, ни мясо, ни нѣмецкое, ни чешское прожило или, вѣрнѣе, протянуло, съ грѣхомъ пополамъ свое существованіе... такъ долго, что никакой серьезный вопросъ относительно національностей не могъ быть рѣшенъ. Наконецъ, какъ и можно было ожидать, большинство, на которомъ оно балансировало, раздѣлилось на-двое по вопросу о гимназіи въ Силли, и въ 1895 г. министерство Виндишгреца исчезло, удививъ міръ только однимъ: продолжительностью своего существованія» (стр. 175—176).

Не останавливаясь на переходномъ министерствѣ Кильмансегга, мы сосредоточимъ наше вниманіе на министерствѣ графа Бадени, призваннаго въ октябрѣ 1895 г. Бадени составилъ министерство безъ опредѣленнаго характера, которое не опиралось ни на какую политическую партію. Это министерство не могло, конечно, вызвать никакого энтузіазма, но и никакой опредѣленной оппозиціи. Однако съ этого момента начинается новый поворотъ во внутренней политикѣ Австріи.

Но прежде всего намъ слѣдуетъ еще немного проскучать надъ статистическими данными, показывающими, каковы были по своему составу провинціальные ландтаги Цислейтаніи. Въ сеймѣ Нижней Австріи число шенереріанцевъ остается прежнее (2), число нѣмцевъ-націоналистовъ (Deutsch-Nationale) достигаетъ 10 членовъ изъ 72 общаго числа, что показываетъ, конечно, значительный успѣхъ этой партіи. Въ Верхней Австріи вмѣсто одного нѣмца-націоналиста мы находимъ двухъ изъ общаго числа 50 членовъ; въ Штиріи вмѣсто 16 изъ 63 теперь ихъ 18. Въ Каринтіи вмѣсто 3 ихъ теперь внушительное большинство: 24 изъ 37. Въ Богеміи произошло раздѣленіе: умѣренные члены Deutsch-Nationale примкнули къ партіи Deutsch-Liberale, болѣе же крайніе въ своихъ національно-нѣмецкихъ стремленіяхъ составили свою группу Deutsch-Radicale. Поэтому въ 1896 г. мы не находимъ въ богемскомъ сеймѣ группы нѣмцевъ-націоналистовъ, а во главѣ оппозиціи стоятъ 12 членовъ партіи Deutsch-Radicale изъ 242 членовъ сейма. При томъ эта партія, отличающаяся крайней рѣзкостью и непримиримостью, рѣшила совсѣмъ не принимать участія въ засѣданіяхъ. Въ Моравіи вмѣсто 9 нѣмцевъ-націоналистовъ изъ 100 членовъ, въ 1896 г. ихъ всего 4; въ Силезіи вмѣсто 5 изъ общаго числа 31, теперь ихъ 8. Выключивъ Богемію, гдѣ произошла перемѣна въ составѣ партій, мы ви-

димъ повсюду, кромѣ Моравіи, успѣхъ нѣмцевъ-націоналистовъ; въ Каринтіи они составляютъ даже большинство собранія. Въ общемъ, вмѣсто 75 членовъ изъ общаго числа 595, составлявшихъ 12,6%, въ 1896 г. нѣмцы-націоналисты имѣютъ 80 членовъ, что составляетъ уже 13,4%. Провинціальные ландтаги служатъ лучшими показателями настроенія въ странѣ, но намъ слѣдуетъ обратиться къ рейхсрату, гдѣ дебатируются и рѣшаются всѣ важнѣйшія дѣла.

На первую очередь министерствомъ Бадени былъ выдвинутъ вопросъ объ избирательной реформѣ, и 18 февраля 1896 года Бадени внесъ свой проектъ, который получилъ названіе «закона Бадени». Бадени предложилъ ввести всеобщее избирательное право, но въ очень странной и робкой формѣ: къ четыремъ куріямъ для общей подачи голосовъ прибавили пятую, что увеличило число членовъ рейхсрата на 72, но перевѣсъ аристократіи въ парламентѣ остался прежній *). Нѣмцы-націоналисты, понимая, что всеобщее избирательное право выгодно для крайнихъ партій, къ которымъ они себя причисляли, поддержали законъ.

Выборы, происшедшіе въ мартѣ 1897 г., ознаменовались прежде всего полнымъ пораженіемъ нѣмецкихъ либераловъ, которые потеряли 30 мѣстъ, захваченныхъ крайними партіями—нѣмцами-націоналистами и христіанами-соціалистами. Нѣмцы-націоналисты получили 47 мѣстъ вмѣсто прежнихъ 21; но эта партія не составляла уже однородной сплоченной группы. Одно крыло ея приблизилось къ нѣмцамъ-либераламъ (Deutsche-Liberale), другое же отличалось крайнимъ направленіемъ и было руководимо Шенереромъ, который снова появился на политической сценѣ и занялъ мѣсто на скамьѣ депутатовъ, въ сопровожденіи «своихъ лейтенантовъ», какъ называетъ Вейль депутатовъ: Вольфа и Иро. Группа Шенерера, составлявшая часть національной нѣмецкой партіи, отличалась однако отъ нихъ, такъ какъ въ вопросахъ чисто политическихъ большинство нѣмцевъ-націоналистовъ вотируетъ съ нѣмцами-прогрессистами и либералами.

Едва собралась новая палата депутатовъ, какъ на политическомъ горизонтѣ разразилась страшная гроза. Бадени издалъ 5 апрѣля 1897 г. указы въ направленіи чисто федералистическомъ. Въ нихъ устанавливалось равноправіе чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ Богеміи и Моравіи, а требовалось знаніе обоихъ языковъ отъ чиновниковъ. Отвѣтомъ на это распоряженіе было страшное неистовство нѣмцевъ, «furor teutonicus», по выраженію Ауербаха **).

Волненіе не ограничилось рейхсратомъ и разлилось по всей странѣ. 2 мая 1897 г. въ Теплицѣ собрался конгрессъ «Teplitzer Parteitag». При открытіи его депутатъ Сигмундъ, мэръ Теплица, произнесъ полную глу-

*) Члены рейхсрата выбирались 4-мя куріями, т.-е. 4-мя разрядами избирателей: крупныхъ землевладѣльцевъ, торговыхъ палатъ, горожанъ и крестьянъ. Въ настоящее время въ Австріи снова пересматривается избирательный законъ (рѣшается вопросъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права).

**) *Bertrand Auerbach*, op. cit., стр. 156.

бокаго отчаянія рѣчь, изъ которой Вейль приводитъ слѣдующія характерныя слова: «Или мы перестали быть свѣжей и цвѣтущей вѣтвью нашей великой братской націи, нѣмецкой націи, которая живетъ по ту сторону горъ, образующихъ границу?» (Глубое волненіе въ собраніи) *).

Но еще болѣе выражаетъ общее настроеніе конгрессъ въ Дрезденѣ, собравшійся въ маѣ 1897 года подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ самого Шенерера, ассистируемаго своими лейтенантами; этотъ конгрессъ очень поощряли прусскіе депутаты и даже знаменитый историкъ Моммзенъ. Съ этого момента, по словамъ Вейля, часто австрійскіе нѣмцы обращаются къ Германіи и работаютъ энергично «въ пользу прусскаго короля». Вейль спѣшитъ прибавить: «слава Богу, часъ еще не пробилъ, когда большинство нѣмцевъ совершитъ это безумство и нужно горячо надѣяться, что онъ никогда не пробьетъ» (стр. 185).

Начинается эпоха собраній, дебатовъ, горячихъ рѣчей. Характерна рѣчь депутата Грабмайра, произнесенная на собраніи въ Меранѣ **). По мнѣнію Вейля, это лучшее изложеніе нѣмецкаго національнаго вопроса въ литературѣ.

Въ рейхсратѣ нѣмецкія національныя партіи прибѣгли къ послѣднему оружію—къ тактикѣ обструкціи, и засѣданія парламента были на время отсрочены. Баденн разсчитывалъ, что эта мѣра приведетъ къ успокоенію, но никакого успокоенія въ странѣ не обнаружилось. Парламентъ не засѣдалъ, но въ странѣ кипѣли страсти, собирались митинги, устраивались засѣданія, произносились зажигательныя рѣчи, велись бурные дебаты. Послѣ конгресса въ Теплицѣ, собрался конгрессъ или «Volkstag» въ Рейхенбергѣ, потомъ въ Эверѣ и Клагенфуртѣ. Когда рейхсратъ возобновилъ свои засѣданія, обструкція тоже возобновилась и притомъ съ удвоенной силой. Эта тактика исходила не только отъ крайнихъ партій, каковы пангерманисты, но и отъ нѣмецкихъ прогрессистовъ. Лидеръ партіи «Deutsche Fortschrittspartei»—Функе произнесъ рѣчь, которая продолжалась 6 часовъ и напечатана подъ выразительнымъ заглавіемъ: «Борьба языковъ въ Богеміи. Обструкціонная рѣчь, произнесенная въ австрійской палатѣ депутатовъ въ засѣданіи 8 ноября 1897 г., напечатанная въ пользу общества покровительства нѣмецкой національности, «нѣмецкаго сторожевого поста» въ Лейтмерицѣ» ***).

Возбужденіе достигло высшихъ предѣловъ. Шумъ и скандалы въ палатѣ сдѣлались обычными спутниками дебатовъ. Особенно отличались пангерманисты, съ Шенереромъ и Вольфомъ во главѣ. Сцены, разыгрывавшіяся въ палатѣ, дошли, наконецъ, до того, что полиція вынуждена была переступить порогъ рейхсрата. Но вмѣшательство полиціи только раздуло огонь.

---

*) Die Sprache-Verordnungen von 5-ten april 1897. Prag, 1897, p. 10.

**) *D-r C. von Grabmayr:* „Die Sprachen-Verordnungen und die politische Lage". Innsbruck, 1897.

***) *Der Sprachenkampf in Boehmen:* „Obstructionsrede gehalten in der Sitzung des Oesterreichischen Abgeordneten Hauses" vom 8-ten november, 1907, herausgegeben zu Gunsten des nationalen Schutzvereines, „Deutsche Wacht" in Leitmeritz.

Буря была перенесена на улицу, въ городѣ началось открытое возмущеніе, разгорѣлся бунтъ, почти что революція. Императоръ Францъ-Іосифъ поспѣшилъ согласиться на отставку графа Бадени, испугавшагося шума, вызваннаго его политикой, и не способнаго ни на какую энергичную борьбу.

Черезъ два дня послѣ паденія министерства Бадени, 30 ноября 1897 г., министромъ становится баронъ Гаучъ фонъ-Франкентурмъ, который постарался хотя на время водворить порядокъ, издавъ (24 февраля 1898 г.) указы, смягчавшіе и умѣрявшіе указы Бадени. Богемія по языку была раздѣлена на три части: нѣмецкую, чешскую и смѣшанную, и знаніе обоихъ языковъ требовалось только въ смѣшанной части. Постановленія Гауча, какъ всякая полумѣра, никого не удовлетворили: чехи протестовали противъ раздѣла единаго королевства Богеміи, нѣмцы желали опираться на законъ, не довольствуясь временными постановленіями Гауча. Но такъ какъ порядокъ былъ возстановленъ, то наступило время перейти снова къ активной политикѣ, и мѣсто Гауча занялъ 5 марта 1898 г. графъ Тунъ-Гогенштейнъ.

Тунъ мечталъ о политикѣ соглашенія между чехами и нѣмцами, доказательствомъ чего служилъ самый составъ его министерства. Въ него входили: Бернрейтеръ—изъ партіи крупныхъ нѣмецкихъ собственниковъ и Кайзль—изъ партіи младочеховъ.

Но обратимся теперь къ той партіи, которая стоитъ въ центрѣ нашего вниманія, бросимъ взглядъ на то, что дѣлалось въ это время въ партіи пангерманистовъ. Едва были изданы указы Гауча, какъ Шенереръ выступилъ съ новымъ предложеніемъ: онъ возобновилъ предложеніе Вурмбранда въ 1884 г. и Шаршмида въ 1886 г., предложеніе, состоявшее въ томъ, чтобы нѣмецкій языкъ былъ признанъ единственнымъ государственнымъ языкомъ повсюду, за исключеніемъ Далмаціи, Галиціи и Буковины. Лидеръ пангерманизма предложилъ этотъ новый законъ палатѣ, чтобы онъ могъ быть принятымъ $^2/_3$ голосовъ при наличности $^3/_4$ членовъ палаты.

Цѣлью Шенерара было возобновленіе тактики обструкціи. Было совершенно ясно, что по такому вопросу никогда нельзя собрать больше $^2/_3$ голосовъ. Шенереръ желалъ только добиться новаго скандала, вывести шумъ и смятеніе на улицу, т.-е. вернуть, по выраженію Вейля, «благословенныя времена министерства Бадени». Мало этого. Шенереръ со свойственной ему неистощимой и неудержимой изобрѣтательностью предложилъ новую мѣру: преданіе суду министерства Гауча. Но Шенереръ ошибся въ разсчетѣ: гроза миновала, остальныя нѣмецкія партіи не поддержали его черезчуръ смѣлую затѣю. Поэтому не только партія «Deutsche Fortschrittspartei», но и «Deutsche Volkspartei» (нѣмецкая народная партія) отказались поддержать предложеніе Шенерера. При этомъ нѣмецкая прогрессивная партія для избранія делегаціи *) вошла въ союзъ съ младочехами съ тѣмъ, чтобы совершенно устранить радикаловъ Шенерера.

*) Делегаціи составляются отъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ для рѣшенія общеимперскихъ дѣлъ.

Полный разочарованія, негодующій на этотъ ужасный компромиссъ нѣмцевъ-націоналистовъ съ ихъ заклятыми врагами, Шенереръ объявляетъ на собраніи въ Боденбахѣ открытую войну лѣвымъ нѣмецкимъ партіямъ. На засѣданіи палаты 30 марта 1899 г. Шенереръ разразился такой бурей негодованія противъ лѣвой нѣмецкой, что вызвалъ восторженные аплодисменты радикаловъ и нѣсколько ироническія одобренія со скамей правой клерикальной и чешской группъ. Но прошло то время, когда бурныя рѣчи Шенерера производили слишкомъ сильное впечатлѣніе и не вызывали рѣзкихъ возраженій. Стоитъ прочесть энергичные отвѣты депутатовъ Гросса и Кайзера и даже офиціальнаго главы нѣмецкой національной партіи, Штейнвендера, чтобы согласиться съ нижеслѣдующими словами Вейля: «Великій агитаторъ, который заставилъ называть себя своими сторонниками скромнымъ именемъ «лучшаго человѣка въ странѣ» (der beste Mann im Lande), не всегда одерживалъ верхъ» (стр. 194). Расколъ среди нѣмецкихъ партій усиливается. 27 апрѣля 1898 г. возобновился споръ объ языкахъ. Было внесено 9 предложеній, изъ которыхъ 5 стояли за уничтоженіе указовъ и за рѣшеніе вопроса посредствомъ опредѣленнаго закона. Между умѣренной нѣмецкой партіей и группой Шенерера происходитъ полный разрывъ, результатомъ чего является новая классификація нѣмецкихъ партій въ палатѣ.

Партіи эти слѣдующія: 1) Deutsche Fortschrittspartei» (нѣмецкая прогрессивная партія) съ девизомъ «Nur Oesterreicher» (только австрійцы), 2) «Deutsche Volkspartei» (народная нѣмецкая партія) съ девизомъ «Auch Deutsche» (также нѣмцы), 3) наконецъ, партія Шенерера «Deutsch-Radicale» (нѣмецкая радикальная) съ девизомъ «Nur Deutsche» (только нѣмцы) *).

Министерство Туна не выполнило своего намѣренія: не добилось соглашенія между чехами и нѣмцами. Въ этомъ значительная доля вины падаетъ, конечно, на пангерманистовъ. И въ сентябрѣ 1899 года графъ Тунъ вышелъ въ отставку.

Истинной причиной его паденія была, по мнѣнію Вейля, невозможность составить большинство для предстоящихъ выборовъ австрійской делегаціи, благодаря отказу въ поддержкѣ партіи крупныхъ собственниковъ, вѣрныхъ конституціи («Verfassungstreuer Grossgrundbesitz»). Такова была настоящая причина, но, по замѣчанію Вейля, пангерманисты приписали причину ухода графа Туна себѣ и громко торжествовали побѣду.

2 октября 1899 г. первымъ министромъ былъ призванъ графъ Клари, который отмѣнилъ постановленія Гауча, чѣмъ хотѣлъ уничтожить оппозицію нѣмцевъ. Но онъ вызвалъ столь же ожесточенную и столь же опасную оппозицію со стороны чеховъ. Чтобы привести къ какому-нибудь результату засѣданія палаты, слѣдовало прибѣгнуть къ знаменитому 14 §. Но графъ Клари, конституціоналистъ въ душѣ, не желалъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и предпочелъ выйти въ отставку 21 декабря 1899 г.

---

*) *Hugo Schuchardt; Lettre a M***:* „Tchèques et Allemands". Paris, 1898, p. 18.

Его смѣнило переходное министерство Виттека, которое просуществовало всего 29 дней и уступило свое мѣсто министерству Кербера.

Что же дѣлали пангерманисты въ то время, когда одно министерство смѣнялось другимъ? Они были очень недовольны министерствомъ графа Клари, которое лишило ихъ возможности быть руководителями обструкціонной тактики, скандаловъ и шума въ палатѣ. Парламентская дѣятельность не могла теперь удовлетворять бурныхъ послѣдователей Шенерера, и они обратили всю свою энергію на покровительство протестантизма въ Австріи.

«Откуда внезапно появилось это рвеніе къ евангелической проповѣди, которое воспламенило святымъ воодушевленіемъ австрійскихъ пангерманистовъ?—спрашиваетъ Вейль.—Это движеніе обращенія къ протестантизму, извѣстное подъ именемъ «Los von Rom Bewegung» (движеніе въ пользу отдѣленія отъ Рима) носило въ Австріи гораздо болѣе политическій, чѣмъ религіозный характеръ». Руководители пангерманизма хорошо сознавали, что одна изъ причинъ нежеланія Германіи включить въ ея составъ Австрію былъ, именно, католицизмъ австрійскихъ нѣмцевъ. Включеніе Австріи создало бы въ Германіи очень значительное католическое населеніе, которое могло бы стать опаснымъ впослѣдствіи. Пангерманисты мечтали поэтому обратить австрійскихъ нѣмцевъ въ протестантизмъ и этимъ привлечь къ нимъ симпатію Пруссіи, которой, какъ они сами сознавали, очень не доставало.

Каково же значеніе этого новаго движенія и каковы его шансы на успѣхъ? Вотъ вопросы, которые слѣдуетъ разрѣшить. Вейль заранѣе обѣщаетъ быть безпристрастнымъ и руководиться только данными, сообщаемыми самими пангерманистами. Вейль пользуется полу-офиціальной брошюрой пангерманистовъ, авторомъ которой является пасторъ Браунлихъ *). Это человѣкъ очень свѣдущій и притомъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ сторонниковъ движенія; поэтому его брошюра хорошо передаетъ взгляды партіи.

Въ Богеміи главой движенія «Los von Rom Bewegung» является депутатъ Иро, представитель Эгера. Когда происходили новые выборы, его кандидатура вызвала ожесточенную борьбу. Его называли «протестантомъ и апостоломъ вѣроотступничества», но, несмотря на всѣ усилія его противниковъ, Иро былъ вновь избранъ 598 голосами противъ 461. И побѣда его объясняется именно торжествомъ принципа «Los von Rom». 29 декабря 1899 г. журналъ, издаваемый Вольфомъ, помѣстилъ статью, въ которой громко торжествовалъ побѣду Иро.

Насколько движеніе носило болѣе политическій, чѣмъ религіозный характеръ, насколько въ немъ идея пангерманизма преобладала надъ идеей

---

*) *Das Fortschreiten der „Los von Rom Bewegung“ in Oesterreich-Böhmen. Berichte über den Fortgang der „Los von Rom Bewegung“.* Herausgegeben von Pfarrer Lic. P. Bräunlich, Heft. 5. München, 1900.

протестантизма, ясно показываетъ письмо одного жителя Кабрица, гдѣ онъ говоритъ: «Каждый значительный городъ германской имперіи долженъ былъ бы взять подъ свое особенное покровительство каждый юридическій округъ Австріи» *).

Еще любопытнѣе письмо одного жителя Турна, города, который можетъ быть названъ очагомъ движенія, такъ какъ въ немъ въ 1899 г. въ протестантизмъ было обращено 577 человѣкъ. Въ іюлѣ 1899 г. руководители движенія въ Турнѣ получили отъ Германіи даръ въ количествѣ—2,000 марокъ. Вскорѣ послѣ этого и было написано приводимое Браунлихомъ письмо, изъ котораго заимствуемъ слѣдующія знаменательныя строки: «Нѣмецкія сердца должны быть соединены, каково бы ни было размѣщеніе пограничныхъ столбовъ» **).

Но взглянемъ на то, что говорится не частными лицами, а всей евангелической корпораціей въ Кабрицѣ. 28 ноября 1899 г. евангелическая община издаетъ офиціальное обращеніе къ Германіи: «Мы не можемъ вести дѣло, которое мы начали, безъ помощи нашихъ нѣмецкихъ братьевъ, нашихъ евангелическихъ единовѣрцевъ» ***). Ясно, говоритъ Вейль, что и здѣсь политическая идея предшествуетъ религіозной, такъ какъ германскіе нѣмцы раньше названы братьями и затѣмъ уже единовѣрцами.

Въ приведенныхъ цитатахъ достаточно ясно выступаетъ истинная точка зрѣнія проповѣдниковъ «Los von Rom» ****). Цифры, проводимыя Браунлихомъ, доставлены ему самимъ Шенереромъ. Съ 15 января 1899 г. по 31 марта 1900 годъ о своемъ обращеніи въ протестантизмъ заявили: 5,519 человѣкъ, распредѣленныхъ между 188 мѣстностями Богеміи, 2,124 человѣка—между 31 мѣстностями Нижней Австріи, 1,328 чел.—между 39 мѣстн. Штиріи, 364—между 36 мѣстн. Моравіи, 101—между 8 мѣстностями Зальцбурга, 99—между 12 мѣстностями Каринтіи, 158—между 12 мѣстн. Верхней Австріи, 78—между 7 мѣстн. Тироля, 23 изъ 7 мѣстн. Силезіи, затѣмъ еще 123 обращенныхъ изъ разныхъ мѣстностей. Общая цифра составляетъ 9,987 обращенныхъ за 14 мѣсяцевъ въ 367 различныхъ мѣстностяхъ *****). Браунлихъ говоритъ, что все это данныя, сообщаемыя Шенереромъ, а могло быть еще много обращенныхъ, о которыхъ послѣдній ничего не зналъ. Вейль признаетъ этотъ доводъ мало вѣроятнымъ, такъ какъ едва ли пангерманисты умолчали бы о такомъ отрадномъ для нихъ фактѣ; или же остальные новообращенные были таковыми по мотивамъ религіознымъ, а не политическимъ.

Какъ бы то ни было, но и приведенныя цифры сами по себѣ внушительны. Замѣчательно то, что большая половина новообращенныхъ при-

---

*) *P. Bräunlich*, op. cit., p. 32.

**) Idem., p. 50.

***) Idem., p. 35—36.

****) Для болѣе детальнаго знакомства книги *René Henry*: „Question d'Autriche-Hongrie et Question d'Orient". Paris, Plon., 1900, p. 107—115.

*****) *P. Bräunlich*, op. cit., p. 70.

ходится на Богемію. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Богемія была главнымъ очагомъ развитія пангерманизма, что, именно, въ Богеміи религіозные вопросы находили всегда наиболѣе благопріятную почву и встрѣчали наиболѣе горячій интересъ. Менѣе всего протестантовъ мы находимъ въ Тиролѣ и Силезіи. Вейль прибавляетъ, что если пангерманисты желаютъ обратить въ протестантизмъ всѣ 9.200,000 австрійскихъ нѣмцевъ, то имъ нужно для этого не менѣе 11 вѣковъ упорной борьбы. При этомъ Вейль считаетъ подозрительными цифры, приводимыя Шенереромъ, но пользуется ими, не желая быть заподозрѣннымъ въ партійности.

Это движеніе пангерманизма, явно анти-католическое, должно было быть встрѣчено враждебно со стороны правительства, такъ какъ императоръ Францъ-Іосифъ—очень ревностный католикъ, а эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, наслѣдникъ престола, состоитъ даже президентомъ австрійской ассоціаціи католическихъ школъ. Эрцгерцогъ «настаиваетъ на патріотической активности этой ассоціаціи, предназначенной для *борьбы съ движеніемъ «Los von Rom»,—движеніемъ, порывающимъ съ Австріей, которому нельзя противопоставить достаточно преградъ*» (стр. 210). Вейль признаетъ достоинства этой рѣчи: энергію и ясное толкованіе смысла движенія, какъ измѣну австрійской династіи, но «нельзя», говоритъ онъ, «отрицать всю неконституціонность такого пріема и опасность, сопряженную съ возвращеніемъ Австріи къ ультра-клерикальной политикѣ».

Таково развитіе движенія «Los von Rom Bewegung» и его результаты. Обратимся теперь опять къ политикѣ Австріи, съ которой мы разстались на министерствѣ Виттека.

20 января 1900 г. на постъ перваго министра былъ призванъ Керберъ. Продолжительность этого министерства ясно доказываетъ его политическую умѣлость и достоинство. Керберъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ политики соглашенія,—только такая политика могла, по его мнѣнію, водворить порядокъ въ странѣ. Это была попытка законнаго соглашенія. Поэтому новый министръ организовалъ собранія для соглашенія, и не только нѣмцы, но даже чехи приняли въ нихъ участіе. Одна только группа «Deutsch-Radicale» съ Шенереромъ и Вольфомъ во главѣ отвѣтила категорическимъ отказомъ. Вольфъ сказалъ при этомъ, что всякая попытка соглашенія можетъ только повредить нѣмецкому національному дѣлу, такъ какъ самый фактъ сношеній и дебатовъ съ другими національностями есть уже признаніе за ними права на обсужденіе, котораго энергичный пангерманистъ, конечно, не признавалъ за ними.

Конференціи для выработки соглашенія открылись 5 февраля 1900 г. безъ нѣмцевъ-радикаловъ. Соглашеніе не удалось, и конференціи потерпѣли полное пораженіе. Вейль признаетъ, что подобное соглашеніе было едва ли вообще достижимо, а если и достижимо, то, конечно, ненадолго; но все же значительную долю отвѣтственности слѣдуетъ, по его мнѣнію,

взвалить на пангерманистовъ, которые не пожелали внести хотя бы немного порядка и умиротворенія въ страну.

Неудача, которую потерпѣла эта попытка къ соглашенію, только ухудшила положеніе, и въ палатѣ депутатовъ начались такія сцены, какія едва ли можетъ представить себѣ самое пылкое воображеніе.

Засѣданія открылись 8 іюня 1900 г., а 8 сентября палата узнала, что Керберъ рѣшился на экстренную мѣру: распустить палату и назначить новые выборы въ странѣ. Рѣшаясь на это, Керберъ думалъ, что новые выборы приведутъ къ нѣкоторому успокоенію, такъ какъ новая палата не можетъ быть хуже прежней. Но будущее не оправдало надеждъ Кербера.

Выборы произошли въ январѣ 1901 г.; такъ началось для Австріи новое столѣтіе. Мы не будемъ подробно входить въ ихъ изученіе, мы остановимся только на успѣхахъ партіи пангерманистовъ, или, вѣрнѣе, всей партіи нѣмцевъ-націоналистовъ. Самымъ замѣчательнымъ фактомъ является необычайный успѣхъ партіи шенереріанцевъ.

Въ прежней палатѣ, избранной въ 1897 г., шенереріанцы имѣли только 5 мѣстъ, вѣрнѣе въ ней было 8 мѣстъ нѣмцевъ-радикаловъ. Выборы 1901 г. привели къ тому, что партія «Deutsch-Radicale» получила 21 мѣсто. Всѣ эти депутаты были представителями сѣвера Богеміи, нѣмецкихъ округовъ, ближе всего лежащихъ къ Германской границѣ. Программа партіи вполнѣ откровенно была напечатана въ органѣ Шенерера *Unverfaelschte Deutsche Worte*. Особенно выразительны слѣдующія строки: «Мы желаемъ полнаго соединенія съ Германской имперіей всѣхъ австрійскихъ провинцій, которыя нѣкогда составляли часть германской конфедераціи» (стр. 215).

Признавая вполнѣ громадный успѣхъ партіи Шенерера, надо помнить, однако, что 21 депутатъ изъ 425 членовъ палаты не составляютъ еще такой громадной группы, которая могла бы вліять на политику, и въ этомъ отношеніи опасность съ ихъ стороны для палаты еще очень не велика. Кромѣ того, успѣхъ пангерманистовъ въ Богеміи, откуда были избраны всѣ 21 депутата, показываетъ, что въ остальныхъ провинціяхъ Цислейтаніи пангерманизмъ не имѣлъ достаточнаго числа адептовъ. Можетъ быть также изъ группы «Deutsch-Radicale» не всѣ 21 человѣкъ были сторонниками программы Шенерера.

Большой успѣхъ на выборахъ 1901 г. выпалъ на долю группы «Deutsche Volkspartei»—нѣмецкой народной партіи. Они получили 9 новыхъ мѣстъ; число представителей этой партіи въ палатѣ—51 (вмѣсто прежнихъ 42). Такимъ образомъ эта группа по своей численности заняла 3 мѣсто въ палатѣ, тогда какъ прежде она занимала 5.

Въ общемъ, выборы 1901 г. привели къ торжеству болѣе крайнихъ партій, самыхъ непримиримыхъ въ своихъ національныхъ тенденціяхъ. И какъ только открылись засѣданія новой палаты, попрежнему стали разыгрываться скандалы. Такъ, напримѣръ, когда по обычаю старшій по лѣ-

тамъ изъ всѣхъ присутствующихъ, который предсѣдательствовалъ въ собраніи, закончилъ свою рѣчь предложеніемъ возгласить тройное «ура» въ честь императора (какъ это всегда дѣлалось), члены группы Шенерера встали и покинули залу засѣданій при страшномъ волненіи всего собранія.

Само собой ясно, что въ такой палатѣ немыслимо было никакое соглашеніе. И, дѣйствительно, при первой же попыткѣ сближенія между прогрессистами и популистами съ одной стороны и пангерманистами съ другой, послѣдніе предъявили слишкомъ большія требованія, какъ, напримѣръ, исключеніе всѣхъ евреевъ, которыхъ много входило въ партію «Fortschrittspartei». Это открытое выраженіе антисемитизма оттолкнуло нѣмецкія либеральныя партіи, и всякое соглашеніе стало невозможнымъ.

Кромѣ того, «Deutsch-Radicale» протестовали противъ разрѣшенія, даннаго чехамъ, составлять свои интерпелляціи на чешскомъ языкѣ. Чтобы уладить дѣло, предсѣдатель собранія, Веттеръ фонъ-деръ-Лили, предложилъ, чтобы чехи составляли свои интерпелляціи на чешскомъ языкѣ съ переводомъ на нѣмецкій, чтобы онѣ печатались въ протоколахъ только на нѣмецкомъ языкѣ, а въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ помѣщался бы оригинальный текстъ. Но нѣмецкіе радикалы не соглашались на такую уступку, желая только одного—насиловать всѣхъ остальныхъ 404 членовъ палаты депутатовъ.

Наконецъ, въ средѣ самой партіи пангерманистовъ произошелъ скандалъ. Послѣ того, какъ въ прессѣ были обнаружены нѣкоторыя частныя дѣла Вольфа, бросающія тѣнь на его нравственность (и притомъ его бывшими друзьями),—Вольфъ удалился отъ дѣятельности. Между нимъ и его бывшимъ другомъ, Шенереромъ, произошла открытая борьба, въ которой оба противника не брезгали никакими средствами, откапывая разныя старыя исторіи, бросая другъ другу въ лицо самыя некрасивыя обвиненія. Шенереръ пользовался поддержкой «Altdeutsche Vereinigung» и своимъ журналомъ *Unverfaelschte Deutsche Worte*, Вольфъ—поддержкой группъ «Ostdeutsche Vereinigung» и журналомъ *Ostdeutsche Rundschau*. Вся партія теперь раскололась надвое. Вѣна поддерживала Шенерера, Прага—Вольфа. Но при всемъ томъ, какъ только нужно было поднять шумъ и произвести скандалъ, партіи пангерманистовъ снова объединяются. Таковъ былъ знаменитый скандалъ, разыгравшійся въ палатѣ депутатовъ 18 марта 1902 г.

Шенереръ произнесъ длинную рѣчь на тему о необходимости введенія нѣмецкаго языка, какъ государственнаго языка въ Цислейтаніи. При этомъ онъ сталъ защищать своего товарища Эйзенкольба, котораго предсѣдатель призвалъ къ порядку за нѣкоторыя слова, сказанныя по адресу Гогенцоллерновъ,—слова, несовмѣстимыя съ австрійскимъ патріотизмомъ. Шенереръ воспользовался брошенной искрой и въ глубоко негодующихъ выраженіяхъ сталъ возражать противъ такого призванія къ порядку; свою рѣчь онъ закончилъ восклицаніемъ: «Hoch und Heil den Hohenzollern!» («Да здравствуютъ и благоденствуютъ Гогенцоллерны!»). На одну минуту вся зала замерла въ изумленіи.

Тотчасъ же со всѣхъ сторонъ послышались громкіе протесты, а пангерманисты стали выражать неистовыя одобренія своему вождю и оратору. Шумъ поднялся невообразимый. Пангерманисты стоя кричали: «Да здравствуютъ Гогенцоллерны!»; но ихъ покрывали негодующіе протесты всего собранія. Президентъ тщетно старался призвать залу къ порядку. Волненія и шумъ все усиливались, и пангерманисты продолжали неистово кричать: «Да здравствуютъ Гогенцоллерны!». Какъ только шумъ началъ немного стихать, на ораторскую трибуну стали всходить одинъ за другимъ члены различныхъ партій, чехи и нѣмцы, начиная отъ младочеховъ и кончая нѣмцами-католиками, выражая въ своихъ бурныхъ рѣчахъ горячій протестъ противъ такого антипатріотизма. Засѣданіе закончилось патріотической манифестаціей.

Послѣ этого пангерманисты ничѣмъ особеннымъ себя не заявляли. Керберъ попрежнему преслѣдовалъ свою политику соглашенія и попрежнему терпѣлъ неудачи. Въ декабрѣ 1902 г. пангерманисты опять отказались участвовать въ конфедераціяхъ между нѣмцами и младочехами. Палата была распущена до 1903 г., а Керберъ, отчаявшись въ успѣхѣ своей политики соглашенія, подалъ въ отставку 25 іюня 1903 г.

Но въ это время начались затрудненія въ Венгріи по военному вопросу, и императоръ, не желая лишиться энергичнаго и умѣлаго политика, не согласился на отставку Кербера. Керберъ уступилъ и остался у власти.

Съ этихъ поръ австрійская политика сосредоточивается на венгерскомъ кризисѣ, и событія въ Цислейтаніи отошли на задній планъ.

Наша задача окончена: мы разсмотрѣли исторически развитіе идеи пангерманизма до нашихъ дней. Теперь остается разсмотрѣть шансы успѣха этого движенія внутри австрійской монархіи и ту поддержку, которую можетъ ему оказать Европа. Только разсмотрѣвъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и взвѣсивъ все то, что говоритъ за и противъ, мы сможемъ сдѣлать соотвѣтствующія заключенія.

IV.

Разсмотрѣвъ исторически всю эволюцію пангерманизма отъ его зарожденія и первыхъ робкихъ шаговъ до бурнаго натиска въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, намъ слѣдуетъ разобраться въ томъ, какъ создавалось и развивалось это движеніе въ различныхъ провинціяхъ Австріи, т.-е. собственно Цислейтаніи. Не забудемъ при этомъ, что Австрія, этотъ конгломератъ различныхъ національностей, въ сущности не представляетъ изъ себя цѣльнаго, сплоченнаго государства; это скорѣе собраніе отдѣльныхъ государствъ, отличающихся своими мѣстными условіями, своимъ особеннымъ, рѣзко выраженнымъ характеромъ, и только связанныхъ въ единое, но далеко не гармоничное цѣлое правительствомъ Габсбурговъ. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между собственно Австріей (нижней и верхней), безу-

словно нѣмецкой, съ одной стороны, и чисто славянскими провинціями, вродѣ Моравіи, Галиціи и Буковины—съ другой? Что общаго между бурной, вѣчно кипящей въ борьбѣ Богеміей и точно застывшими въ своемъ statu quo—Зальцбургомъ и Тиролемъ?

Центромъ движенія, очагомъ, изъ котораго были разнесены пылающія головни по всей странѣ, является древнее королевство чеховъ, окруженная горами Богемія, вѣчный камень раздора между чехами и нѣмцами.

«Здѣсь, въ этой громадной провинціи,—говоритъ Вейль,—національная борьба является результатомъ вѣковой ненависти, обагренной кровью расъ, подкрѣпленной столь памятными историческими воспоминаніями, сокрытой въ самыхъ нѣдрахъ богемской земли. Здѣсь мы стоимъ у дверей германской имперіи, почти что у дверей Россіи. Тѣнь германскаго орла витаетъ надъ вѣчно протестующей древней Богеміей, русскій медвѣдь также протягиваетъ свою лапу, ласкающую и вмѣстѣ съ тѣмъ заманивающую, алчно смотря на своихъ угнетенныхъ братьевъ-славянъ. Проходили десятки лѣтъ, проходили вѣка, а чехи и нѣмцы все смотрѣли другъ на друга не какъ на австрійскихъ гражданъ, а только какъ на членовъ двухъ расъ, находящихся въ смертельной враждѣ—славянской расы и расы германской, двухъ большихъ массъ, которыя сталкиваются на громадномъ протяженіи границъ—представителей славизма и германизма, борющихся за господство въ этомъ громадномъ замкнутомъ пространствѣ, которое представляетъ изъ себя современный міръ» (стр. 227—228).

Все это создало историческую почву, очень благопріятную для развитія пангерманизма. Партія пангерманистовъ, благодаря своему крайнему характеру, могла найти особенно много сторонниковъ именно среди нѣмцевъ Богеміи, которые давно взывали къ Берлину, прося у Германіи покровительства. Ихъ энергія, ихъ стремительность встрѣтила такой же горячій, страстный отпоръ со стороны чеховъ. Благодаря этому, избирательная борьба была упорна, и на сторону пангерманистовъ перешли всѣ тѣ нѣмцы Богеміи, которые вовсе не желали присоединенія къ Германіи, но боялись славянскихъ тенденцій и готовы были пойти на компромиссъ ради осуществленія политики античешской.

Но была и другая причина, сдѣлавшая Богемію главнымъ центромъ развитія пангерманизма. Богемія—страна, гдѣ не разъ разыгрывалась религіозная борьба, гдѣ народъ относился къ религіознымъ вопросамъ съ живымъ интересомъ и горячимъ энтузіазмомъ. Страна Гусса и Жишки не могла не отозваться, когда снова былъ выдвинутъ религіозный вопросъ, когда по всей странѣ раздался кличъ: «Los von Rom!» Маска религіозности, такъ ловко накинутая на себя пангерманистами, открыла этимъ послѣднимъ широкій путь по всей Богеміи.

Наконецъ, была еще одна причина: Богемія съ ея крупнымъ славянскимъ населеніемъ всегда казалась главнымъ препятствіемъ для осуществленія идеи великой Германіи; понятно, поэтому, стремленіе пангерманистовъ сбросить съ пути это препятствіе, разрушить, снести, если нужно,

чешское королевство, для того, чтобы воздвигнуть на его развалинахъ «грандіозный колоссъ самой великой Германіи».

Вейль выражаетъ однако надежду, что не всегда Богемія будетъ такой благопріятной почвой для развитія идеи пангерманизма. Стоитъ найти такое положеніе, которое удовлетворило бы и чеховъ, и нѣмцевъ, и пангерманисты потеряютъ свою силу тотчасъ же, когда въ Богеміи водворится миръ и тишина.

Все, что говорилось о Богеміи, относится въ большей или меньшей степени и къ остальнымъ славянскимъ провинціямъ Цислейтаніи.

Интересно понять, какимъ же образомъ пангерманизмъ могъ найти благопріятную почву въ верхней и нижней Австріи, чисто-нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи, гдѣ всѣ условія діаметрально противоположны условіямъ, существующимъ въ славянскихъ провинціяхъ. Дѣло въ томъ, что эти провинціи издавна являлись центромъ оппозиціи, которая проявлялась особенно рѣзко по отношенію къ чехофильскимъ министерствамъ; понятно, что это обстоятельство содѣйствовало увеличенію партіи пангерманистовъ, стоявшихъ въ оппозиціонномъ лагерѣ по отношенію къ правительству. Но когда пангерманисты стали держаться обструкціонной политики по отношенію ко всякимъ министерствамъ, что подрывало въ корнѣ австрійскій парламентаризмъ, тогда нѣмцы нижней и верхней Австріи отпали отъ нихъ.

Вторая причина, содѣйствовавшая успѣху пангерманизма въ верхней и нижней Австріи,—развитіе антисемитизма. Такъ какъ группа антисемитовъ съ Люгеромъ во главѣ стала держаться направленія ультра-клерикальнаго (христіански-соціалистическаго), то всѣ тѣ, кто были антисемитами и вмѣстѣ съ тѣмъ антиклерикалами, примкнули къ пангерманистамъ.

Итакъ, здѣсь пангерманизмъ лишенъ своей первопачальной основы—идеи національной, здѣсь онъ является политическимъ движеніемъ, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ духу оппозиціи и антисемитизму, соединенному съ антиклерикализмомъ населенія.

Какъ долго это движеніе пангерманизма будетъ поддерживаться, будетъ ли пангерманизмъ развиваться или заглохнетъ въ этихъ провинціяхъ—это вопросы будущаго, на которые и Вейль не даетъ опредѣленнаго отвѣта.

Остаются провинціи Зальцбургъ и Тироль. Казалось бы, что здѣсь условія ближе къ тѣмъ, какія мы видѣли въ нижней и верхней Австріи, чѣмъ къ условіямъ полуславянскихъ провинцій Австріи. Дѣйствительно, въ Зальцбургѣ нѣтъ и не можетъ быть никакой національной борьбы, въ Тиролѣ также ея нѣтъ, такъ какъ нѣмцы и итальянцы имѣютъ свои совершенно отдѣльныя области и не враждуютъ другъ съ другомъ. Въ этихъ двухъ провинціяхъ существуютъ два условія, которыя служатъ могущественнымъ препятствіемъ для развитія пангерманизма. Во-первыхъ, это—старинная, вассальная преданность этихъ провинцій дому Габсбурговъ, какъ своимъ законнымъ правителямъ, своимъ феодальнымъ господамъ; во-вторыхъ, ревностный католицизмъ, горячая преданность своей родной

религіи. Національное чувство въ этихъ провинціяхъ сказывается только въ любви къ родинѣ, которой они готовы служить, никогда не желая ея распаденія, униженія и присоединенія къ чужому государству.

Подводя итоги, мы видимъ, что пангерманизмъ, зародившійся на почвѣ національной идеи, вылившійся въ форму національнаго чувства, постепенно выродился, пріобрѣтая все болѣе характеръ оппозиціи, характеръ шумной борьбы и насилій. «Едва ли,—говоритъ Вейль,—захвативъ въ свои руки даже большинство населенія, пангерманисты сумѣли бы вести опредѣленную разумную политику, эти любители скандаловъ, привыкшіе ловить рыбу въ мутной водѣ». Насколько въ этихъ словахъ сказалась безпристрастность Вейля, о которой онъ столько разъ говорилъ,—мы предоставляемъ судить читателю. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе вопроса о томъ, что сумѣли и чего не сумѣли бы пангерманисты, относится къ области предсказаній и не можетъ быть признано научнымъ. Очень интересно было бы разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ вліяютъ и могутъ вліять на дальнѣйшее развитіе интересующаго насъ движенія экономическіе факторы, но для рѣшенія этого вопроса Вейль не даетъ никакихъ данныхъ, разсматривая вопросъ только съ точки зрѣнія исторической, философской и политической *).

Несомнѣнно, что далеко не всѣ провинціи Австріи представятъ благопріятную почву, на которой можетъ расти и развиваться движеніе пангерманизма, что даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ оно пользуется извѣстнымъ успѣхомъ, далеко не все населеніе можетъ примкнуть къ нему. Осуществленіе мечты пангерманизма привело бы къ распаденію монархіи Габсбурговъ, къ уничтоженію Австріи, какъ государства, чего, конечно, не могутъ и не должны желать ни сами австрійцы, ни вся Европа, если она дорожитъ сохраненіемъ своего политическаго равновѣсія.

Теперь мы попросимъ читателя перенестись на время въ Европу и при бѣгломъ обзорѣ европейскихъ государствъ найти отвѣтъ на интересующій всѣхъ вопросъ: какое значеніе для Европы можетъ имѣть осуществленіе завѣтной мечты пангерманистовъ?

Включеніе Австріи въ составъ Германской имперіи измѣнитъ, конечно, не только карту Европы, но и политическое равновѣсіе, такъ тщательно поддерживаемое. Въ самомъ дѣлѣ, осуществленіе этой мечты создало бы въ Европѣ огромное, колоссальное государство, новую священно-германскую имперію, которая растянулась бы на громадномъ пространствѣ отъ холоднаго Сѣвернаго моря до голубыхъ водъ Средиземнаго. Этому колоссу былъ бы открытъ путь для новыхъ нашествій и новыхъ завоеваній на Западъ къ берегамъ Атлантики, и на югъ, въ страны древняго міра—Италію и Грецію, и на востокъ къ давно желанной приманкѣ—святой Софіи! Тріумфальное шествіе батальоновъ этого колосса не знало бы пре-

*) Экономическая сторона вопроса хорошо разработана въ сочиненіи *Rene Henry*, op. cit., p. 96—104 и 133—135.

дѣловъ, германскій орелъ широко развернулъ бы свои могучія крылья, и «кто знаетъ,—говоритъ Вейль,—не сдѣлалась ли бы новая священно-германская имперія властительницей всей Европы, властительницей земли и моря, и даже, можетъ быть, всего міра?» (стр. 247).

Не увлекаясь такими грандіозными, далекими и, пожалуй даже, фантастическими перспективами, мы должны посмотрѣть прямо въ лицо опасности, которая появилась бы отъ созданія такого могущественнаго государства для всѣхъ европейскихъ странъ.

На первую очередь долженъ быть поставленъ вопросъ о самой Германіи. Казалось бы, что объединеніе всѣхъ нѣмцевъ подъ однимъ скипетромъ и созданіе новой великой Германіи можетъ быть самой завѣтной цѣлью, центромъ стремленій самой Германіи. На основаніи этого предположенія принято признавать Германію участницей, если не вдохновительницей австрійскаго пангерманизма. Много говорилось и говорится до сихъ поръ объ интригахъ нѣмецкаго двора, о секретныхъ порученіяхъ въ Австріи, объ особыхъ германскихъ агентахъ, задача которыхъ раздувать движеніе пангерманизма, всѣми способами содѣйствовать его успѣху.

Первымъ фактомъ, который считается доказательствомъ вмѣшательства Берлина въ дѣла Австріи, являются знаменитыя свиданія лѣтомъ 1871 г., на которыхъ подготовляется перемѣна австрійской политики, паденіе министерства Гогенварта съ его чехофильскими тенденціями. Но какъ было уже указано, именно чехофильская политика создавала въ Австріи нѣмецкую оппозицію, и тѣмъ самымъ подготовляла благопріятную почву для развитія пангерманизма. Не могла же Германія поощрять развитіе пангерманизма, содѣйствуя паденію министерства Гогенварта, т.-е. содѣйствуя факту, который могъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ противоположныя послѣдствія. Скорѣе можно думать, если признавать участіе Германіи въ отставкѣ Гогенварта, что для Германіи было желательно успокоить австрійскихъ нѣмцевъ въ ихъ національныхъ стремленіяхъ и отвратить ихъ отъ желанія включить Австрію въ составъ Германіи.

Второй фактъ, на который принято ссылаться для доказательства участія Германіи въ политикѣ Австріи, это дѣло оккупаціи Босніи и Герцеговины, которое совершилось подъ вліяніемъ и даже подъ давленіемъ германскаго правительства. Цѣлью Германіи, какъ говорятъ, было облегченіе побѣдоноснаго шествія Германіи на востокъ и желаніе боснійскимъ вопросомъ отвлечь вниманіе Австріи отъ западной и сѣверо-западной ея частей, которыя могли бы быть включены въ составъ Германіи. Это, несомнѣнно, очень вѣроятная теорія, и содержитъ долю истины въ томъ, что касается интересовъ Германіи: въ захватѣ Босніи и Герцеговины, какъ крупнаго шага въ движеніи германской расы на востокъ. Но что касается интересовъ пангерманизма, то едва ли можно признать таковымъ захватъ Босніи; стоитъ припомнить рѣчи депутатовъ пангерманистовъ по этому вопросу и слова самого Шенерера.

Третій фактъ, служащій доказательствомъ замысловъ Германіи—боль-

шое собраніе пангерманистовъ въ Дрезденѣ въ 1897 г. и всѣ манифестаціи по отношенію къ пангерманистамъ, въ которыхъ принималъ участіе самъ великій Моммзенъ. Эти манифестаціи, исходящія отъ нѣмцевъ Германіи, имѣли, несомнѣнно, большое нравственное значеніе для развитія пангерманизма, но это не было какимъ-нибудь рѣшительнымъ, опредѣленнымъ актомъ со стороны германскаго правительства, которое ничѣмъ не выразило своего сочувствія или поддержки.

Наконецъ, надо расмотрѣть еще вопросъ объ отмѣнѣ постановленій Гауча, произведенной графомъ Клари 14 октября 1899 г. Говорили, что австрійскій императоръ совершилъ это подъ давленіемъ своего смѣлаго германскаго союзника... Но, во-первыхъ, это давленіе совершенно не доказано и, во-вторыхъ, если оно и было, то нисколько не является поддержкой пангерманизма.

Остается обвиненіе Германіи въ тайныхъ интригахъ, секретныхъ порученіяхъ, посылкѣ агентовъ, которыя Вейль называетъ «потайной кухней шпіонства интригъ». Но всѣ эти обвиненія очень трудно подкрѣпить основательнымъ фундаментомъ серьезныхъ доказательствъ.

Теперь можно снова обратиться къ рѣшенію вопроса о томъ, въ чемъ заключается истинный интересъ Германіи, дѣйствительно ли осуществленіе мечты пангерманистовъ представляетъ для Германіи такой крупный шагъ впередъ. Эта мечта о созданіи новой Священно-Германской имперіи величава и заманчива; но есть и обратная сторона медали. Правда, германскій колоссъ былъ бы громаденъ по своимъ размѣрамъ, но слишкомъ разнороденъ по своему составу. Сколько враждебныхъ народностей, сколько различныхъ по своему политическому характеру государствъ было бы включено въ единую Германію? А если помнить уроки исторіи, то придется признать, что такое включеніе повлекло бы за собой, какъ показываетъ примѣръ самой Австріи,—столько новыхъ конфликтовъ, столько противорѣчивыхъ интересовъ, что, содѣйствуя могуществу имперіи внѣшнимъ образомъ, включеніе Австріи повредило бы этому могуществу внутренне, несомнѣнно ослабивъ германскую имперію. Наконецъ, что сталось бы съ преобладаніемъ Пруссіи, если бы въ составъ Германіи вошла ея старая соперница, Австрія? Какимъ образомъ столицей могъ бы оставаться Берлинъ, если бы его конкуренткой была Вѣна? Берлинъ или Вѣна, Шпрее или Дунай,—вотъ диллема, каторую было бы трудно разрѣшить. Можетъ быть, для новой великой Германіи пришлось бы создать и новый политическій центръ гдѣ-нибудь въ южной Германіи—Саксоніи или Баваріи; но это, конечно, привело бы къ потерѣ Пруссіей ея преобладанія. Между тѣмъ германскій императоръ, по словамъ Вейля, не можетъ забыть, что онъ «прежде всего прусскій король». Это очень хорошо понималъ и не разъ высказывалъ Бисмаркъ, самый прозорливый государственный человѣкъ въ Германіи. И желѣзный канцлеръ высказывался противъ включенія Австріи въ составъ Германіи. Осуществится ли мечта пангерманистовъ—покажетъ будущее. Но если когда-нибудь новая Священно-Германская имперія будетъ создана,

то ей придется поставить себѣ и новую всеобъемлющую цѣль—движеніе на востокъ.

Будущая судьба Австріи также тѣсно связана съ будущей судьбой Италіи. Въ Италіи иногда надѣются, что если совершится присоединеніе Австріи къ Германіи, то нейтралитетъ Италіи будетъ купленъ цѣной присоединенія къ ней итальянскихъ провинцій Австріи—«Italia irredente»,—вѣчный предметъ мечтаній Италіи. Но причины военныя и экономическія приводятъ къ тому, что Австрія не желаетъ уступить ни пяди своей территоріи, населенной итальянцами, и эти же причины останутся въ силѣ и для Германіи, включившей Австрію въ свой составъ. Но если бы даже Германія и отдала Италіи Тріестъ, то Италія была бы окружена Германской имперіей, которая, какъ болѣе могущественный сосѣдъ, не преминула бы вернуть отданное; «императорскій штандартъ развивался бы вскорѣ надъ Тріестомъ и надъ военнымъ портомъ Пола, и Германія, утвердившись на Адріатикѣ, утвердилась бы вскорѣ и на Средиземномъ морѣ» (стр. 258). Кромѣ того, Италіи былъ бы отрѣзанъ путь на востокъ, гдѣ она мечтаетъ играть видную роль, и гдѣ Германія явилась бы слишкомъ опасной соперницей. Изъ всего этого видно, что «Italia irredente» осталась бы для Италіи и при Гогенцоллернахъ такой же неосуществимой, безплодной мечтой, какъ и при Габсбургахъ.

Въ тотъ день, когда Гогенцоллерны утвердили бы свое могущество надъ колоссальной германской имперіи, Италіи осталось бы держаться одной изъ двухъ возможныхъ политикъ: или стать незначительной державой, вполнѣ зависимой отъ своей могущественной сосѣдки, «вассалкой, тѣлохранительницей, почти рабой Германіи», или же просить союза и покровительства со стороны Франціи. Но и Франція не могла бы защитить Италію отъ грозной руки германскаго гиганта. Такимъ образомъ, Италіи нужно понимать, что, при всей вѣковой ее ненависти къ Австріи, съ исчезновеніемъ этой послѣдней и ея политическая роль будетъ кончена.

Казалось бы, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ въ разрѣшеніи вопроса о пангерманизмѣ меньше всего заинтересована Англія. Ея островное положеніе, ея торговое и морское могущество, ея устойчивое положеніе въ европейской политикѣ, казалось, ставятъ ее внѣ конкуренціи имперіи Гогенцоллерновъ. Но не нужно забывать, что ея экономическіе интересы сталкиваются и въ настоящее время съ интересами Германіи. Не нужно забывать, что разъ Германія станетъ твердой ногой у Средиземнаго моря, что ея торговыми портами будутъ Гамбургъ и Тріестъ, а военными—Киль и Пола,—Англія не сможетъ сохранить своего значенія на Средиземномъ морѣ. Мало этого; когда нѣмецкія войска овладѣютъ Дунаемъ, станутъ у воротъ Константинополя, восточной политикѣ Англіи будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

На Востокѣ возрастающее могущество имперіи Гогенцоллерновъ встрѣтитъ еще болѣе заинтересованнаго, а потому и болѣе грознаго врага,—Россію.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли Россія потерпѣть созданіе великой германской державы, которое противорѣчитъ всѣмъ ея интересамъ,—военнымъ, экономическимъ и нравственнымъ. Если бы Германія и Россія даже рѣшили примирить свои интересы, раздѣливъ между собой Австрію, какъ нѣкогда раздѣлили Польшу, то этотъ планъ оказался бы неосуществимымъ. Во-первыхъ, такіе раздѣлы, противорѣчащіе нравственному чувству, противорѣчащіе всему ходу исторіи, въ наше время уже немыслимы, а во-вторыхъ, если бы даже произошла подобная попытка, то камнемъ преткновенія явилась бы все та же старая, долготерпѣливая Богемія. Германія не могла бы осуществить созданіе единой имперіи, включивъ Австрію и выключивъ Богемію, а присоединеніе Богеміи не потерпѣла бы Россія.

Въ этой статьѣ не мѣсто останавливаться на вопросѣ о панславизмѣ, но всѣмъ извѣстно, что вопросъ этотъ близко касается вопроса о пангерманизмѣ. Нельзя отрицать того общаго національнаго чувства, которое соединяетъ всѣхъ славянъ, нельзя отрицать, что мелкія славянскія народности ищутъ въ своихъ русскихъ братьяхъ естественныхъ защитниковъ и покровителей. Австрійскіе славяне и особенно богемскіе чехи не потерпятъ ига Гогенцоллерновъ, и надежды ихъ невольно обратятся къ Россіи.

Если бы «Германія» пангерманистовъ осуществилась бы, то ея интересы столкнулись бы съ интересами Россіи и въ восточномъ вопросѣ у воротъ Константинополя, граница этихъ колоссовъ стала бы громадной, и отчаянная борьба за первенство разыгралась бы со всей энергіей и рѣшительностью борьбы не на жизнь, а на смерть на поляхъ Венгріи. Невозможно стало бы и самостоятельное существованіе этой маленькой Венгріи, которую раздавилъ бы одинъ изъ двухъ колоссовъ: Германія или Россія.

Наконецъ, и это самое существенное, Россія была бы отрѣзана отъ западной Европы: между ними непроницаемой стѣной воздвиглась бы Германія, «окованная желѣзомъ, ощетинившаяся штыками». Русскій флотъ былъ бы запертъ германскимъ флотомъ, не находя выхода ни въ Сѣверное, ни въ Средиземное море. Въ результатѣ Россія была бы отброшена къ Азіи, выключена изъ состава могущественныхъ европейскихъ державъ. Самъ собой напрашивается выводъ: Россія никогда не допуститъ такого униженія, ея прямые интересы, ея національное чувство возмутится противъ осуществленія мечты пангерманистовъ, хотя бы для этого пришлось разразиться отчаянной европейской войнѣ, такой войнѣ, какой не видѣла еще Европа.

Остается Франція. На первый взглядъ можетъ показаться, что идея пангерманизма, обращая взгляды Германіи на Востокъ, отвратитъ ихъ, такимъ образомъ, отъ Франціи. Но морское могущество Германіи, торговое и военное подорвутъ въ корнѣ морское могущество Франціи и отрѣжетъ ей путь на Востокъ и Дальній Востокъ.

Не надо забывать о союзѣ Франціи и Россіи. Только благодаря франко-

русскому соглашенію Франція вышла изъ состоянія одиночества, къ которому привели ея печальныя событія 1870 г., только благодаря Россіи она достигла снова того нравственнаго положенія, которое она занимаетъ теперь въ Европѣ. И простое чувство лойяльности вовлекло бы Францію въ возможную между Германіей и Россіей войну. И могла ли, наконецъ, Франція остаться равнодушной зрительницей вопіющаго факта поглощенія славянскихъ и итальянскихъ народностей разрастающейся могучей Германіей. И насколько бы увеличилась для самой Франціи опасность отъ Германіи, обратившейся въ страшнаго властелина, осуществляющаго свою мечту и девизъ—«Drang nach Osten!»

Но за послѣдніе годы создалась особая теорія: Германія купитъ нейтралитетъ Франціи, отдавъ ей Эльзасъ-Лотарингію или, во всякомъ случаѣ, Лотарингію. Тутъ задѣвается чувствительная струна Франціи. Эта отдача невозможна уже потому, что только послѣ пріобрѣтенія Эльзасъ-Лотарингіи Германія стала единой и могущественной имперіей. Недаромъ же на пріобрѣтеніе этихъ провинцій было потрачено столько силъ, столько затрачено энергіи, чтобы все это теперь оказалось излишнимъ при осуществленіи идеи великой Германіи. Наконецъ, если бы Германія на это и рѣшилась, то лишь временно, чтобы при первой же возможности вернуть себѣ Эльзасъ-Лотарингію обратно какимъ бы то ни было путемъ.

Съ какихъ точекъ зрѣнія ни разсматривая интересы Европы,—съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія, экономическихъ интересовъ, съ точки зрѣнія національностей, наконецъ, съ точки зрѣнія сохраненія мира и спокойствія,—эти интересы протестуютъ противъ созданія великой Германіи, этого «безформеннаго чудовища», способнаго поглотить Европу. Осуществленіе этой мечты, пріобрѣтеніе такого мірового господства создало бы на своемъ пути, какъ это всегда бывало въ исторіи, «рѣки крови и горы труповъ». Вся Европа поэтому можетъ и должна желать, по мнѣнію Вейля, одного—чтобы завѣтная мечта пангерманистовъ никогда не достигла своего осуществленія.

Подводя итоги всему, что было изложено въ настоящей статьѣ, мы можемъ задать себѣ вопросъ: чего же, дѣйствительно, можно ожидать въ будущемъ? Будетъ ли Европа охвачена страшнымъ пожаромъ войны, въ которой рѣшится участь многихъ государствъ, будетъ ли создана громадная новая Священно-Германская имперія, войдетъ ли Австрія въ ея составъ, или же распадется на части? Все это вопросы будущаго, которые, конечно, не могутъ быть рѣшены никакимъ научнымъ способомъ; но интересно познакомиться съ взглядами Вейля, съ его общими выводами, сдѣланными на основаніи детальнаго и добросовѣстнаго изученія вопроса о пангерманизмѣ. Вейль говоритъ, что успѣхъ идеи пангерманиза очень сомнителенъ и едва ли близокъ къ осуществленію. Многіе такъ вѣрятъ въ его рѣшеніе въ ближайшемъ будущемъ, что уже дѣлятъ Австрію на части. Обращаясь къ исторіи, Вейль доказываетъ, что не въ первый разъ

происходятъ такіе скороспѣлые, преждевременные дѣлежи, основанные на ложныхъ пророчествахъ. Достаточно вспомнить, какъ давно дѣлятъ на части оттоманскую имперію, которая, однако, вполнѣ благополучно существуетъ, несмотря на предрекаемую близкую гибель. Затѣмъ «Китай замѣнилъ Турцію на операціонномъ столѣ»,—говоритъ Вейль,—и притомъ съ такимъ же успѣхомъ. Теперь очередь дошла до Австріи, которой предсказываютъ распаденіе послѣ смерти Франца-Іосифа, говоря, что единство Австро-Венгріи сохраняется только въ особѣ ея императора. Надо надѣяться, по мнѣнію Вейля, что раздѣлъ Австріи на бумагѣ подвергнется въ дѣйствительности той же участи, что и раздѣлы Турціи и Китая.

Нельзя отрицать, что императоръ Францъ-Іосифъ самой своей личностью является связующимъ звеномъ пестраго, нестройнаго цѣлаго, называемаго Австро-Венгерской монархіей. Онъ пользуется большой популярностью среди населенія, заслуживъ уваженіе и преданность своихъ подданныхъ своею добротой и вызывая симпатіи къ себѣ народа трагическими семейными условіями. Много значитъ его изумительное знаніе всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ языковъ, на которыхъ объясняется разноплеменное населеніе его имперіи. Всѣхъ этихъ данныхъ нѣтъ у его наслѣдника, эрцгерцога Франца-Фердинанда, который не пользуется никакими симпатіями со стороны населенія.

Но въ Австро-Венгерской имперіи еще живо чувство глубокаго уваженія къ особѣ императора, такъ какъ для Австріи императоръ представляетъ изъ себя личность символистическую, воплощеніе единства имперіи. Его наслѣдника будутъ привѣтствовать, какъ представителя всѣхъ этихъ разнообразныхъ народностей и государствъ.

Разумѣется, нельзя утверждать, и Вейль не берется за это, что австро-венгерская имперія навсегда останется такой, какова она теперь. Быть можетъ, вмѣсто дуалистической монархіи Австро-Венгріи станетъ тріалистическая Австро-Венгро-Богемія. Можетъ быть, она обратится въ федеральное государство, состоящее изъ автономныхъ штатовъ—все это вопросы, которые разрѣшитъ будущее.

Конечно, положеніе Австро-Венгріи очень затруднительно, постоянная борьба національностей ослабляетъ ея силу, конституція и учрежденія, созданныя въ прежнія времена, далеко не соотвѣтствуютъ современному положенію и современнымъ потребностямъ. Однимъ словомъ, политическій горизонтъ Австро-Венгріи омраченъ тучами, готовыми разразиться страшной грозой. Но тутъ нужна умѣлая, энергичная политика, нужны реформы,—и старая имперія Габсбурговъ можетъ устоять въ прежнемъ своемъ, правда, не вполнѣ устойчивомъ, но все же несомнѣнномъ равновѣсіи.

Если бы пангерманизмъ, развиваясь все больше и больше, завоевывая все большее число адептовъ, и захватилъ бы даже всю Австрію, то этой мечтѣ не дала бы осуществиться вся Европа. Если внѣевропейская русско-японская война, локализированная на Дальнемъ Востокѣ, взволновала и

потрясла общества и правительства Европы, то какія опасенія должна вызвать общеевропейская война, которая должна разгорѣться при малѣйшей попыткѣ Германіи присоединить къ себѣ Австрію. Такая война потрясла бы старую почву Европы и надолго остановила бы и даже смела всякій экономическій и культурный прогрессъ.

Надо надѣяться,—говоритъ Вейль,—что не къ войнѣ ведетъ насъ XX вѣкъ, что пангерманизмъ не представляетъ изъ себя настолько серьезнаго движенія, которое могло бы такъ вліять на судьбу всѣхъ европейскихъ державъ.

Отдавая должное добросовѣстности и обилію матеріала, съ которымъ Вейль такъ подробно изучилъ движеніе пангерманизма, нельзя, однако, отрицать нѣсколько пристрастнаго отношенія автора къ изучаемому явленію. Отъ историка можно и должно требовать объективнаго изложенія событій, но въ оцѣнкѣ ихъ и въ особенности въ выводахъ, относящихся къ будущему, историкъ едва ли можетъ не быть субъективнымъ.

Въ стремленіи автора дискредитировать описываемое движеніе нельзя не видѣть вполнѣ понятной, со стороны французскаго ученаго, создавшейся исторически ненависти къ германизму. Кромѣ того, Вейль, какъ уже было указано, изучаетъ вопросъ съ точки зрѣнія исторической, психологической и политической; вполнѣ отсутствуетъ экономическая точка зрѣнія, выдвигаемая современными историками на первый планъ, такъ какъ она выдвинута въ наше время самой жизнью. Это, конечно, пробѣлъ въ такомъ спеціальномъ трудѣ, каково изслѣдованіе Вейля. Но не будемъ вдаваться въ критику его взглядовъ, не будемъ рѣшать и вопроса о томъ, идетъ или не идетъ Европа къ войнѣ, осуществимъ или нѣтъ идеалъ пангерманистовъ и хороши или дурны были бы послѣдствія такого осуществленія.

Не беря на себя смѣлости приподымать завѣсу, скрывающую отъ нашихъ взглядовъ будущее, и пользуясь только тѣми уроками, которые даетъ намъ историческое прошлое, мы можемъ высказать только одно соображеніе: вся политика Австріи, какъ и политика всякаго другого государства, должна быть направлена къ одной цѣли: создать такую форму правленія, которая не будетъ идти вразрѣзъ съ національными интересами входящихъ въ ея составъ народностей, создать такіе законы, которые, не стѣсняя ничьей свободы, не насилуя, не угнетая никакую національность и никакой классъ, создадутъ благопріятную почву для мирнаго развитія, экономическаго и культурнаго процвѣтанія всѣхъ.

О. Рудченко.

А. П. Чеховъ.

(Матеріалы для біографіи.)

Почти два года назадъ я закончилъ и сдалъ въ печать свою статью объ А. П. Чеховѣ *). Мнѣ казалось, что я написалъ объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ все, что могъ. Думалось также, что революція заслонила собою интересъ общества ко всѣмъ людямъ, дѣятельность которыхъ не имѣетъ тѣсной связи съ текущими событіями. Но обѣ эти мысли оказались ошибочными. За два года пришло на память многое объ А. П. Чеховѣ, не записанное на бумагу. Ясно также стало, что революція не можетъ заслонить имени писателя, который думалъ о благѣ человѣчества не менѣе, чѣмъ дѣятели нынѣшнихъ прогрессивныхъ политическихъ партій.

И мнѣ кажется, я не въ правѣ не подѣлиться съ читающей публикой тѣмъ, что знаю о жизни и словахъ А. П., а также нѣсколькими его письмами, любезно предоставленными въ мое распоряженіе академикомъ А. Ѳ. Кони. И то и другое, во всякомъ случаѣ, имѣетъ цѣнность для будущаго біографа Чехова.

Антонъ Павловичъ неоднократно журилъ меня за то, что я говорю о произведеніяхъ художественной литературы, о мерзости всякаго насилія, о возможности лучшаго будущаго,—съ людьми, или глубоко невѣжественными, или тѣми, вся дѣятельность которыхъ давно потеряла личную инициативу и стала похожей не на поступки живого существа, имѣющаго совѣсть, сердце и волю, а на работу какого-нибудь стального или деревяннаго инструмента. Я возражалъ по этому поводу, что если такіе люди слѣпы, то ихъ нужно сдѣлать зрячими, если холодность сердецъ дѣлаетъ ихъ похожими на звѣрей, то нужно попытаться вернуть имъ образъ человѣческій. Отлично помню отвѣтъ Чехова по этому поводу. Онъ тряхнулъ головою и сказалъ:

— Нѣтъ ужъ... Все это будетъ безполезно и безцѣльно. Съ ними нужно поступать вотъ такъ, какъ поступали Моисей и Ааронъ съ іудеями. Они водили ихъ по пустынѣ до тѣхъ поръ, пока не перемерли всѣ старики и только ихъ дѣти увидѣли землю Ханаанскую.

---

*) *Журналъ для всѣхъ*, 1905 г., № 7.

Однажды мы разговаривали о литературныхъ неудачникахъ, о тѣхъ страданіяхъ графомановъ, которые такъ удивительно хорошо нарисованы Чеховымъ въ его разсказѣ «Весной». Антонъ Павловичъ отнесся скептически къ возможности существованія писателей съ талантомъ, которые однако никогда не могли, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, развернуть этого таланта передъ людьми. Онъ говорилъ:

— Годъ, два могутъ мѣшать обстоятельства, но затѣмъ уже становится ясно, что въ человѣкѣ ничего нѣтъ. Вотъ если у птицы есть крылья, то рано или поздно онѣ вырастутъ, и она полетитъ... Да...

Въ Ялтѣ мнѣ случилось гостить у г-жи Т—вой, у которой бывали и находили самый радушный пріемъ всѣ писатели и поэты,—и большіе и маленькіе, и талантливые и бездарные. Какъ-то пришелъ туда поэтъ Ляпуновъ. Совсѣмъ еще юноша на видъ, крестьянинъ и самоучка, онъ сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ своимъ стихотвореніемъ, которое прочелъ наизусть. Если не ошибаюсь, оно называлось «Сапожникъ» и было напечатано въ *Русской Мысли*. Ляпуновъ былъ боленъ горловой чахоткой и почти не имѣлъ средствъ къ жизни. Л. Н. Толстой, М. Горькій и г-жа Т—ва помогали Ляпунову и словомъ и дѣломъ. Антонъ Павловичъ не былъ знакомъ съ Ляпуновымъ, но живо интересовался его здоровьемъ.

Взволнованный прочитаннымъ стихотвореніемъ и драматизмомъ положенія поэта, я разсказалъ Чехову все, что передумалъ и перечувствовалъ въ этотъ вечеръ, во время чтенія Ляпунова. Выслушавъ меня, Антонъ Павловичъ сказалъ:

— Да мнѣ о немъ говорили... Видите ли, Ляпуновъ отличный, чудесный поэтъ, но онъ не можетъ оставить серьезнаго слѣда въ литературѣ, потому что форма, въ которую онъ облекаетъ свои стихи, создана не имъ, а его предшественниками: Кольцовымъ, Некрасовымъ. А вотъ, напримѣръ, К. Д. Бальмонтъ, стихотворенія котораго многимъ очень не нравятся, онъ все-таки огромный поэтъ, потому что онъ создалъ свое, совсѣмъ новое... У поэтовъ же, не создавшихъ своего стиля, или у переводчиковъ, всегда бываетъ особенно симпатична скромность... Въ Москвѣ у меня есть такой другъ, фамилія его N. Такъ вотъ этотъ N по профессіи портной и вывѣску имѣетъ. Иногда онъ пишетъ очень недурные стихи и печатаетъ ихъ, а потомъ опять шьетъ жилеты и штаны.

Антонъ Павловичъ помолчалъ и добавилъ:

— Если мое здоровье не будетъ хуже, я непремѣнно напишу біографію N. Непремѣнно напишу...

Когда вышло полное собраніе сочиненій Чехова, изданное А. Ф. Марксомъ, я прочелъ разсказъ «Гусевъ» и поразился, какъ на нѣсколькихъ страницахъ авторъ сумѣлъ развернуть такую потрясающую драму, затронувъ попутно глубочайшіе, почти міровые вопросы. Я также удивился, почему этотъ разсказъ не попался мнѣ на глаза раньше, хотя я всегда слѣдилъ за каждой его строкой.

Осенью 1903 года я спросилъ Антона Павловича, гдѣ былъ напечатанъ «Гусевъ»?

— Въ *Новомъ Времени*,—отвѣтилъ онъ и добавилъ,—если имѣете возможность, никогда не работайте въ газетахъ, испортите себѣ слогъ. Я печатался тамъ изъ нужды, тогда еще въ *Новомъ Времени* можно было писать, а теперь оно отвратительно,—люди стыдъ потеряли...

Чеховъ замолчалъ. Болѣзнь дѣлала свое дѣло. Въ этотъ день было жарко. Онъ сидѣлъ на верандѣ, въ одномъ пиджакѣ, съ дорожной маленькой шапочкой на головѣ, въ плетеномъ креслѣ съ высокой спинкой. Возлѣ него была Ольга Леонардовна.

Я смотрѣлъ на лица этого удивительнаго человѣка и его жены и потомъ сказалъ:

— Сейчасъ оба вы такіе, какъ на карточкѣ, снятой въ Аксеновѣ *).

— Это потому, что Антонъ въ той самой шапочкѣ,—сказала Ольга Леонардовна.

Чеховъ щурился на далеко искрившееся море и, должно быть, все еще подъ вліяніемъ воспоминаній о «Гусевѣ», задумчиво произнесъ:

— А тяжело умирать въ морѣ...

Кто хочетъ совершенно ясно представить себѣ, какое лицо было у Чехова въ это время, пусть вглядится въ портретъ писателя, сдѣланный углемъ, художникомъ Пановымъ, въ Ялтѣ. Онъ былъ напечатанъ въ годъ смерти Антона Павловича въ *Живописномъ Обозрѣніи*, издававшемся И. Н. Потапенко. Къ сожалѣнію, мнѣ совсѣмъ не приходилось встрѣчать въ продажѣ снимка съ этого портрета

Чеховъ терпѣть не могъ всякихъ партійныхъ ярлыковъ. Очень недавно литераторъ Е. передалъ мнѣ о своемъ весьма характерномъ разговорѣ съ Антономъ Павловичемъ по этому поводу.

Говорили о *Журналѣ для всѣхъ*, который Чеховъ считалъ идеальнымъ какъ по цѣнѣ, такъ и по содержанію и въ которомъ охотно печаталъ свои послѣдніе разсказы.

— Чудесный журналъ, отличный журналъ. Непремѣнно выпишите его себѣ и читайте.

— Для меня не совсѣмъ ясно его направленіе,—возразилъ собесѣдникъ.

— Какъ направленіе?

— Да вотъ какое оно?...

— Хорошее направленіе, чудесное направленіе, вотъ выпишите и читайте. Это особенный журналъ.

Такъ г. Е. и не могъ добиться отъ Антона Павловича формулировки направленія этого журнала.

Чеховъ не придавалъ ровно никакого значенія кличкѣ. Онъ требовалъ отъ всякаго печатнаго органа прежде всего художественно-вѣрнаго изображенія дѣйствительности и признавалъ только проповѣдь любви къ тяжелой

*) Въ Уфимской губ., на кумысѣ.

долѣ человѣчества; все же узкое, утрированное, проповѣдующее симпатіи къ извѣстному кругу людей и ненависть къ остальнымъ было ему не по душѣ. Это замѣтили всѣ знавшіе его близко. Да и самъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Полонскому совершенно ясно говоритъ: «фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и *абсолютнѣйшая свобода* *), свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ».

Быть же художникомъ, по мнѣнію Чехова, совсѣмъ не значило равнодушно смотрѣть на бѣдствія человѣчества. До какой степени болѣло его сердце при видѣ горя, какъ нельзя лучше характеризуетъ его нижеслѣдующее письмо къ А. Ѳ. Кони:

---

26 января 1894 г.

Милостивый государь
Анатолій Ѳедоровичъ!

Я не спѣшилъ отвѣчать на ваше письмо, потому что уѣзжаю изъ Петербурга не раньше субботы. Я жалѣю, что не побывалъ у г-жи Нарышкиной, но мнѣ кажется, лучше отложить визитъ къ ней до выхода въ свѣтъ моей книжки, когда я свободнѣе буду обращаться среди матеріала, который имѣю. Мое короткое сахалинское прошлое представляется мнѣ такимъ громаднымъ, что, когда я хочу говорить о немъ, то не знаю, съ чего начать, и мнѣ всякій разъ кажется, что я говорю не то, что нужно.

Положеніе сахалинскихъ дѣтей и подростковъ я постараюсь описать подробно. Оно необычайно. Я видѣлъ голодныхъ дѣтей, видѣлъ тринадцатилѣтнихъ содержанокъ, пятнадцатилѣтнихъ беременныхъ. Проституціей начинаютъ заниматься дѣвочки съ 12 лѣтъ, иногда до наступленія менструаціи. Церковь и школа существуютъ только на бумагѣ, воспитываютъ же дѣтей среда и каторжная обстановка. Между прочимъ у меня записанъ разговоръ съ однимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Я дѣлалъ перепись въ селеніи Верхнемъ Армуданѣ; поселенцы всѣ поголовно нищіе и слывутъ за отчаянныхъ игроковъ въ штоссъ. Вхожу въ одну избу: хозяевъ пѣтъ дома; на скамьѣ сидитъ мальчикъ бѣловолосый, сутулый, босой; о чемъ то призадумался. Начинаемъ разговоръ:

Я. Какъ по отчеству величаютъ твоего отца?

Онъ. Не знаю.

Я. Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

Онъ. Онъ у меня не настоящій отецъ.

Я. Какъ такъ не настоящій?

Онъ. Онъ у мамки сожитель.

---

*) Курсивъ нашъ.

Я. Твоя мать замужняя или вдова?

Онъ. Вдова. Она за мужа пришла.

Я. Что значитъ за мужа?

Онъ. Убила.

Я. Ты своего отца помнишь?

Онъ. Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Карѣ родила.

Со мной на амурскомъ пароходѣ ѣхалъ на Сахалинъ арестантъ въ ножныхъ кандалахъ, убившій свою жену. При немъ находилась дочь, дѣвочка лѣтъ шести, сиротка. Я замѣтилъ, когда отецъ съ верхней палубы спускался внизъ, гдѣ былъ ватеръ-клозетъ, за нимъ шли конвойный и дочь; пока тотъ сидѣлъ въ ват.-клозетѣ, солдатъ съ ружьемъ и дѣвочка стояли у двери. Когда арестантъ, возвращаясь назадъ, взбирался вверхъ по лѣстницѣ, за нимъ карабкалась дѣвочка и держалась за его кандалы. Ночью дѣвочка спала въ одной кучѣ съ арестантами и солдатами. Помнится, былъ я на Сахалинѣ на похоронахъ. Хоронили жену поселенца, уѣхавшаго въ Николаевскъ. Около вырытой могилы стояли четыре каторжныхъ носильщика — ex officio, я и казначей въ качествѣ Гамлета и Горація, бродившихъ по кладбищу, черкесъ-жилецъ покойницы—отъ нечего дѣлать, и баба каторжная; эта была тутъ изъ жалости, привела двухъ дѣтей покойницы, одного грудного и другого—Алешку, мальчика лѣтъ четырехъ въ бабьей кофтѣ и въ синихъ штанахъ съ яркими латками на колѣняхъ. Холодно, сыро, въ могилѣ вода, каторжные смѣются. Видно море. Алешка съ любопытствомъ смотритъ въ могилу; хочетъ вытереть озябшій носъ, но мѣшаютъ длинные рукава кофты. Когда закапываютъ могилу, я его спрашиваю: Алешка, гдѣ мать? Онъ машетъ рукой, какъ проигравшійся помѣщикъ, смѣется и говоритъ:

Закопали!

Каторжные смѣются; черкесъ обращается къ намъ и спрашиваетъ, куда ему дѣвать дѣтей, онъ не обязанъ ихъ кормить.

Инфекціонныхъ болѣзней я не встрѣчалъ на Сахалинѣ, врожденнаго сифилиса очень мало, но видѣлъ я слѣпыхъ дѣтей, грязныхъ, покрытыхъ сыпями—все такія болѣзни, которыя свидѣтельствуютъ о забросѣ. Рѣшать дѣтскаго вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно дѣлать. Но мнѣ кажется, что благотворительностью и остатками отъ тюремныхъ и иныхъ суммъ тутъ ничего не подѣлаешь; по моему, ставить важное въ зависимость отъ благотворительности, которая въ Россіи носитъ случайный характеръ, и отъ остатковъ, которыхъ не бываетъ—вредно. Я предпочелъ бы государственное казначейство.

Мой московскій адресъ: Малая Дмитровка, д. Фиргангъ.

Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за радушіе и за обѣщаніе побывать у меня, и пребыть искренно уважающимъ и преданнымъ А. Чеховымъ.

Свои личныя страданія Чеховъ всегда усиленно скрывалъ. Они прорвались, пожалуй, только единственный разъ въ жизни, когда холодная пѣтербургская публика, привыкшая къ пьесамъ, построеннымъ по извѣстному

шаблону, не поняла «Чайки». Вотъ какъ самъ Антонъ Павловичъ передаетъ свои ощущенія въ этотъ вечеръ:

---

11 ноября 1897 г. Лопасня, Московской губ.

Многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ!

Вы не можете себѣ представить, какъ обрадовало меня ваше письмо. Я видѣлъ изъ зрительной залы только два первыхъ акта своей пьесы, потомъ сидѣлъ за кулисами и все время чувствовалъ, что «Чайка» проваливается. Послѣ спектакля, ночью и на другой день, меня увѣряли, что я вывелъ однихъ идіотовъ, что пьеса моя въ сценическомъ отношеніи неуклюжа, что она неумна, непонятна, даже безсмысленна и пр. и пр. Можете вообразить мое положеніе—это былъ провалъ, какой мнѣ даже не снился! Мнѣ было совѣстно, досадно, и я уѣхалъ изъ Петербурга полный всякихъ сомнѣній. Я думалъ, что если я написалъ и поставилъ пьесу, изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я утерялъ всякую чуткость и что, значитъ, моя машинка испортилась въ конецъ. Когда я былъ уже дома, мнѣ писали изъ Петербурга, что 2-е и 3-е представленія имѣли успѣхъ; пришло нѣсколько писемъ, съ подписями и анонимныхъ, въ которыхъ хвалили пьесу и бранили рецензентовъ, я читалъ съ удовольствіемъ, но все же мнѣ было совѣстно и досадно, и сама собою лѣзла въ голову мысль, что если добрые люди находятъ нужнымъ утѣшать меня, то значитъ дѣла мои плохи. Но ваше письмо подѣйствовало на меня самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я васъ знаю уже давно, глубоко уважаю васъ и вѣрю вамъ больше, чѣмъ всѣмъ критикамъ, взятымъ вмѣстѣ—вы это чувствовали, когда писали ваше письмо, и оттого оно такъ прекрасно и убѣдительно. Я теперь покоенъ и вспоминаю о пьесѣ и спектаклѣ уже безъ отвращенія. Коммисаржевская чудесная актриса. На одной изъ репетицій многіе, глядя на нее, плакали и говорили, что въ настоящее время въ Россіи это лучшая актриса, на спектаклѣ же и она поддалась общему настроенію, «враждебному моей «Чайкѣ», и какъ будто оробѣла, спала съ голоса. Наша пресса относится къ ней холодно, не по заслугамъ, и мнѣ ее жаль. Позвольте поблагодарить васъ за письмо отъ всей души. Вѣрьте, что чувства, побуждавшія васъ написать мнѣ его, я цѣню дороже, чѣмъ могу выразить это на словахъ, а участія, которое вы въ концѣ вашего письма называете «ненужнымъ», я никогда, никогда не забуду, что бы ни произошло.

Искренно васъ уважающій и преданный
А. Чеховъ.

Несомнѣнный интересъ представляютъ и слѣдующія три письма, которыя помѣщаю цѣликомъ:

22 ноября 1900 г.

Многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ!

Позвольте мнѣ обезпокоить васъ большой просьбой. Сегодня я получилъ письмо отъ члена таганрогской управы съ просьбой выслать въ та-

ганрогскую городскую библіотеку вашъ портретъ. Я состою попечителемъ этой библіотеки (я уроженецъ Таганрога) и знаю, что въ библіотекѣ имѣются всѣ ваши сочиненія и что васъ очень любятъ въ моемъ родномъ городѣ и уважаютъ уже давно. Прошу васъ, не откажите выслать мнѣ фотографію съ вашей подписью на лицевой сторонѣ, этимъ вы порадуете и очень обяжете и горожанъ, и меня.

Мой адресъ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шешкова, А. П. Чехову. Пробуду въ Москвѣ до вторника.

Позвольте пожелать вамъ всего хорошаго и пребыть искренно Васъ уважающимъ и преданнымъ

А. Чеховъ.

---

6 мая 1901 г. Ялта.

Многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ!

Сегодня я получилъ отъ поэта И. А. Бунина книгу стиховъ съ просьбой послать ее на пушкинскую премію. Будьте добры, научите меня, какъ это сдѣлать, по какому адресу послать. Самъ я когда-то получилъ премію, но книжекъ своихъ не посылалъ.

Простите пожалуйста, что безпокою васъ такими пустяками. Я нездоровъ и рѣшилъ, что выздоровѣю не скоро. Во вторникъ тѣмъ не менѣе уѣду въ Москву.

Желаю вамъ всего хорошаго и надѣюсь, что вы уже выздоровѣли.

Искренно преданный и уважающій

А. Чеховъ.

---

12 іюня 1901 г. Аксеново, Уфимской губ.

Въ самомъ дѣлѣ, многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, ваша фотографія, которую я только что получилъ, очень похожа, это одна изъ удачнѣйшихъ. Сердечное вамъ спасибо и за фотографію, и за поздравленіе съ женитьбой, и вообще за то, что вспомнили и прислали письмо. Здѣсь на кумысѣ скука ужасающая, газеты все старыя вродѣ прошлогоднихъ, публика неинтересная, кругомъ башкиры и, если бы не природа, не рыбная ловля и не письма, то я, вѣроятно, бѣжалъ бы отсюда. Въ послѣднее время въ Ялтѣ я сильно покашливалъ и, вѣроятно, лихорадилъ. Въ Москвѣ докторъ Щуровскій,—очень хорошій врачъ, нашелъ у меня значительныя ухудшенія; прежде у меня было притупленіе только въ верхушкахъ легкихъ, теперь же оно спереди ниже ключицы, а сзади захватываетъ верхнюю половину лопатки. Это немножко смутило меня, я поскорѣе женился и поѣхалъ на кумысъ. Теперь мнѣ хорошо, прибавился на 8 фунтовъ, только не знаю отчего, отъ кумыса или отъ женитьбы. Кашель почти прекратился.

Ольга шлетъ вамъ привѣтъ и сердечно благодаритъ. Въ будущемъ году, пожалуйста, посмотрите ее въ «Чайкѣ» (которая пойдетъ въ Петербургѣ), тамъ она очень хороша, какъ мнѣ кажется.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и всего хорошаго.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

Въ лѣченіи болѣзни Антона Павловича игралъ большую роль режимъ. Доктора предписывали ему возможно полное спокойствіе, а родные всѣми силами старались это спокойствіе осуществить. Казалось бы въ такомъ мѣстѣ, какъ с. Аксеново Уфимской губерніи, только что повѣнчавшись съ любимой женщиной, можно и должно было забыть все, не касавшееся его лично.

Но жить только для себя и думать только о себѣ Чеховъ совсѣмъ не умѣлъ. Въ 1901 году въ Севастополѣ разыгралась тяжелая драма. Молодой, горячій мичманъ И. нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ лейтенанту Р. Состоялась дуэль, но не совсѣмъ обыкновенная. Выстрѣлъ лейтенанта Р. раздался до условленнаго счета «три» Мичманъ И., смертельно раненый въ печень, повернулся кругомъ, выпустилъ свой зарядъ въ воздухъ, опустился на землю и произнесъ: «готовъ». Лейтенантъ Р. сказалъ: «я выстрѣлилъ нечаянно, слаба собачка». Въ 8 часовъ вечера мичманъ И. скончался.

Возникъ страшный вопросъ, дѣйствительно ли лейтенантъ Р. выстрѣлилъ «нечаянно», до счета три. А потомъ уже лѣтомъ состоялся судъ, при закрытыхъ дверяхъ, но съ допущеніемъ въ залъ представителей печати.

Чеховъ въ это время былъ въ Аксеновѣ. Онъ зналъ убитаго мичмана И., еще мальчикомъ, зналъ его мать, и все это дѣло, повидимому, его очень интересовало и волновало.

Въ письмѣ ко мнѣ отъ 14 іюня 1901 года онъ пишетъ:

— Многоуважаемый Борисъ Александровичъ! Вашихъ два письма (одно открытое) я получилъ въ Аксеновѣ, Уфимской губ., гдѣ я теперь на кумысѣ. Итакъ, мой адресъ: Аксеново, Уфимской губ. Сердечно благодарю васъ за письма и за обѣщаніе выслать дѣло о дуэли. Судя по отрывкамъ, которые доходятъ до меня, это дѣло очень интересное, и если вы будете добры, вышлите мнѣ его, то окажете мнѣ этимъ не малую услугу. Здѣсь скучновато, но дѣлать нечего надо пить кумысъ, котораго я выпиваю уже по четыре бутылки. Со мной здѣсь моя жена. Желаю вамъ всего хорошаго, жму руку. Пишете ли теперь что-нибудь? *Посредникъ* вообще отличается медлительностью и не скоро присылаетъ отвѣты. Напишите по адресу: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой переулокъ, д. Осипова, Ив. Ив. Горбунову. Онъ завѣдуетъ *Посредникомъ*,—прекраснѣйшій человѣкъ. Будьте здоровы.

А. Чеховъ.

Два слова изъ этого письма: «прекраснѣйшій человѣкъ», заставили меня задуматься. Я никогда не слыхалъ, чтобы Чеховъ дурно отзывался о литераторахъ или писателяхъ. Помню, при мнѣ кто-то нехорошо сказалъ объ І. І. Ясинскомъ.

Присутствовавшій здѣсь Чеховъ задумчиво и спокойно произнесъ:

— На него много клеветали...

Я неоднократно слыхалъ вотъ о какихъ случаяхъ:

Въ Ялту пріѣзжаетъ лѣчиться отъ чахотки какой-нибудь совсѣмъ неизвѣстный и, главное, совсѣмъ не знакомый Чехову журналистъ. Черезъ нѣсколько дней этотъ журналистъ вдругъ получаетъ обыкновенное письмо, съ обыкновенной семикопеечной маркой, вскрываетъ его и видитъ сторублевку, неизвѣстно кѣмъ присланную... Только нѣкоторые люди знали, что авторомъ этихъ «анонимовъ» былъ Чеховъ.

Во Владивостокѣ во время войны я получилъ отъ него два большихъ, хорошихъ письма *), въ нихъ чувствовалось такъ много желанія разогнать мою тоску.

Эти письма писалъ мнѣ, здоровому и молодому, Антонъ Павловичъ, который, какъ докторъ, уже зналъ, что дни его самого сочтены.

И нѣтъ у меня больше словъ, чтобы выразить свою любовь къ этому художнику и человѣку необыкновенной чуткости...

Да и не у одного меня...

Бор. Лазаревскій.

---

*) Выдержки изъ нихъ напечатаны во 2-мъ томѣ моихъ разсказовъ.

Новый научный органъ для международнаго и союзнаго права.

Подъ этимъ заглавіемъ *) съ марта текущаго года сталъ выходить въ Бреславлѣ новый журналъ подъ редакціею проф. Колера, и при постоянномъ участіи многихъ извѣстныхъ юристовъ: Le Fur (въ Саен), Meili (Zürich), Rehm (Strassburg), Streit (Athen) и др. Цѣль, которую ставитъ себѣ этотъ журналъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія: «мы желаемъ, — говоритъ Колеръ во вступительной замѣткѣ, — содѣйствовать развитію международнаго права и въ особенности работать надъ вопросами, относящимися къ союзамъ государствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Германія вступила въ качествѣ столь могущественнаго фактора въ международное общеніе, вопросы международнаго права выдвинулись и для насъ на первый планъ. Сознаніе, что право господствуетъ не только во внутренне-государственныхъ, но и въ междугосударственныхъ отношеніяхъ, что юридическій порядокъ долженъ утверждаться какъ на территоріи отдѣльныхъ народовъ, такъ и обнимать собою всю землю, — это сознаніе должно насъ вести къ мысли, что и взаимныя сношенія государствъ слѣдуетъ подчинять нормамъ права, призваннымъ управлять всею дѣятельностью государствъ (Tun und Lassen der Staaten). Великая идея нашего времени, что ни одно государство не можетъ себя считать исключительнымъ творцомъ права, но каждое государство должно признавать въ другомъ равноправнаго себѣ участника въ процессѣ образованія права, ведетъ съ необходимостью къ юридической организаціи междугосударственныхъ отношеній, и всѣ правительства должны постоянно чувствовать лежащую на нихъ отвѣтственность передъ правомъ и правовымъ порядкомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ разсѣялось представленіе о всемірномъ государствѣ, на сцену всемірной исторіи должна была выступить идея о юридическомъ общеніи государствъ, которая, едва заявляемая прежде, нынѣ получила такую первенствующую силу.

Нашею задачею, поэтому, представляется изученіе явленій международной жизни какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ, а равно

*) Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht herausgegeben von Prof. Iosef Kohler.

высказывать и научно обосновывать тѣ юридическія нормы, которыя развиваются въ жизни народовъ. Государство, сдѣлавшее такъ много для укрѣпленія идеи мира, какъ Германія, должно въ числѣ первыхъ стать на защиту тѣхъ принциповъ права, осуществленіе которыхъ болѣе всего обезпечиваютъ народамъ миръ, спокойствіе и порядокъ.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы должны работать и надъ дальнѣйшимъ развитіемъ права и заботиться о томъ, чтобы органы международнаго мира—правильно созываемыя конференціи, соглашенія и третейскіе суды—получили самыя широкія признанія и выработку.

Въ дальнѣйшемъ редакція упоминаетъ о значеніи долговыхъ обязательствъ въ сношеніяхъ государствъ, о распространеніи идей союзнаго государства и о новыхъ болѣе свободныхъ связяхъ колоній съ ихъ метрополіями и обѣщаетъ всѣмъ этимъ явленіямъ политической жизни серьезное вниманіе на страницахъ своего изданія. Кромѣ того, редакція предполагаетъ заняться также и вопросами частнаго международнаго права, для котораго, правда, существуетъ въ Германіи прекрасный спеціальный журналъ.

Но это, добавляетъ она, не лишаетъ насъ возможности разсматривать междугосударственное гражданское право съ точки зрѣнія международнаго права, ибо первое по всѣмъ своимъ конечнымъ цѣлямъ должно быть продуктомъ международнымъ и всякое регулированіе его нормами отдѣльнаго государства имѣетъ лишь временное значеніе, доколѣ относящіеся къ нему вопросы не получатъ, въ силу международныхъ соглашеній, однообразной формы.

Подлежащій разсмотрѣнію матеріалъ долженъ обрабатываться какъ юридически-конструктивно, такъ и исторически, ибо исторія и выработанныя понятія, таковы оба исходные пункты всякой научной работы. Этимъ отличаются наука отъ практической дѣятельности, а юридическое изслѣдованіе отъ политики.

Сообразно съ международнымъ характеромъ новаго органа на его столбцахъ будутъ появляться работы не только на нѣмецкомъ языкѣ, но и на французскомъ и на англійскомъ. Дружба и миръ могутъ утвердиться среди народовъ на почвѣ международнаго права; ихъ сила и единство—проявиться подъ сѣнью союзнаго права. Служить обоимъ этимъ предметамъ и призванъ новый журналъ.

Изданіе его, по столь широкой программѣ, восполнитъ существенный пробѣлъ въ научной литературѣ Германіи. Въ ней существуютъ и давно многія извѣстныя періодическія изданія для государственныхъ наукъ, публичнаго права, науки права, частнаго международнаго права и т. д., но собственно для международнаго права въ ней не было до этого времени ничего подобнаго прекраснымъ спеціальнымъ изданіямъ Франціи (Revue générale de droit international public) и Бельгіи (Revue de droit international et de législation comparée). А между тѣмъ въ Германіи изученіе международнаго права стоитъ на гораздо низшемъ уровнѣ сравнительно съ другими отраслями правовѣдѣнія и послѣ смерти такихъ корифеевъ науки, какъ Гефтеръ, Блюнчли и Гольцендорфъ, она, въ настоящее время, не

имѣетъ ни одного выдающагося интернаціоналиста. Въ практической жизни Германія, вопреки хвалебному о ней отзыву редакціи, относилась до послѣдняго времени враждебно ко многимъ прогрессивнымъ идеямъ международнаго права: объ обязательномъ третейскомъ судѣ, объ уменьшеніи вооруженій, о неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ, о принципѣ національности и т. д.

Не менѣе удачною должна быть признана мысль редакціи о присоединеніи къ международному праву разработки и вопросовъ союзнаго права въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. не только государственнаго (Bundesstaatsrecht), но и международнаго.

Помимо спеціальнаго интереса для Германіи, какъ союзной имперіи, именно этой политической формы, она за послѣднія десятилѣтія получила громадное и все возрастающее значеніе для всего культурнаго міра. Въ ней, безспорно, лежитъ тотъ мостъ, который переведетъ человѣчество отъ національныхъ государствъ къ организаціямъ международнымъ, а затѣмъ и міровой.

Въ первой книжкѣ новаго журнала помѣщено нѣсколько интересныхъ статей и документовъ.

Прежде всего работа самого редактора Колера *) о новой федераціи семи штатовъ Австраліи**) (Южнаго Валлиса, Викторіи, Южной Австраліи, Тасманіи, Квинслендъ, Западной Австраліи и Новой Зеландіи), вступившей въ силу съ 1 января 1901 г. Она собственно не является союзнымъ государствомъ, но совершенно своеобразнымъ политическимъ строеніемъ: члены ея лишены суверенитета, особенно въ области международныхъ отношеній, гдѣ ихъ представителемъ выступаетъ ихъ метрополія. Они остаются провинціями, но обладаютъ такими широкими правами во внутренней своей жизни, что, въ отличіе отъ обыкновенныхъ провинцій, Колеръ предлагаетъ ихъ называть «областными государствами» (Provinzstaaten). Они пользуются самою широкою автономіею, но не административною только, а и политическою (не только Selbstverwaltung, а и Eigenregierung).

То, что ихъ наиболѣе отличаетъ отъ обыкновенныхъ провинцій,—говоритъ авторъ,—заключается въ томъ, что они, въ качествѣ юридическихъ лицъ, располагаютъ широкимъ, собственнымъ правомъ управленія. Это право они осуществляютъ не какъ органы высшаго цѣлаго, но во имя собственныхъ правомочій къ властвованію (selbständige Herrschaftsbefugnisse). Въ этомъ отношеніи они не зависятъ отъ метрополіи, которая не въ состояніи вмѣшиваться въ дѣла ихъ управленія или ограничивать и стѣснять новыми законами ихъ правительственныя права (Regierungsrechte).

Въ отдѣльныхъ Штатахъ Австраліи проведена система двухъ палатъ: нижняя (Legislative Council) избирается населеніемъ и верхняя (Legislative

*) Das Commonwealth von Australien und seine rechtliche Stellung.

**) Commonwealth of Australia.

Assembly), члены которой частью назначаются, частью также выбираются *). Въ нѣкоторыхъ штатахъ женщинамъ предоставлено выборное право наравнѣ съ мужчинами. Исполнительная власть вручается губернатору (Governov) и кабинету министровъ (Executive Council), которые должны принадлежать къ большинству въ палатахъ.

Такъ какъ въ Австраліи почти отсутствуетъ мѣстное самоуправленіе, то дѣла послѣдняго также лежатъ на палатахъ. Связь этихъ штатовъ съ метрополіею поддерживается посредствомъ остроумно придуманной комбинаціи—монархической уніи (Monarchieunion), въ силу которой монархъ метрополіи признается въ то же время и монархомъ этихъ областныхъ государствъ (хотя и дѣйствующимъ чрезъ ихъ губернаторовъ). А такъ какъ по англійскому праву самъ монархъ въ сильной степени зависитъ отъ своего парламента, то этимъ путемъ установляется фактически зависимость австралійскихъ штатовъ отъ имперскаго парламента (въ Лондонѣ), зависимость не прямая, но косвенная, въ лицѣ монарха Великобританіи. Послѣдній пользуется правомъ утверждать законы въ теченіе двухъ лѣтъ, а если они получили санкцію генералъ-губернатора, въ теченіе года, при чемъ монархъ можетъ и отмѣнить такой уже утвержденный законъ. Кромѣ этой законодательной связи, существуетъ еще связь судебная, выражающаяся въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ (когда рѣчь идетъ не о чисто внутреннихъ дѣлахъ федераціи) допускается апелляція въ англійскій тайный совѣтъ (Privy Council) на рѣшеніе верховнаго суда. Въ Австраліи, какъ и въ Америкѣ, существуютъ кромѣ мѣстныхъ судовъ, суды союза съ верховнымъ судомъ для всей страны (High Court of Australia). При всей зависимости штатовъ отъ центральнаго союзнаго правительства, они имѣютъ, однако, собственныя права по управленію (Eigenregierungsrechte), которыя отнюдь не дозволяютъ ставить ихъ на одну ногу съ обыкновенными провинціями (въ административномъ значеніи этого слова).

Слѣдующая статья на французскомъ языкѣ принадлежитъ Лёфюръ и представляетъ начало изслѣдованія о государствѣ, суверенитетѣ и правѣ **). Авторъ отвергаетъ представленіе о государствѣ, какъ о личности нравственной или юридической, а равно какъ о живомъ организмѣ, настоящемъ существѣ (être réel), подобномъ человѣку или животному. Для него единственнымъ субъектомъ права является человѣкъ; никакая же фикція не можетъ обладать ни правами, ни обязательствами.

Альбрехтъ даетъ интересный очеркъ государственнаго строя острова Самоса ***) на основаніи султанскихъ фирмановъ 1832 и 1849 гг., тексты которыхъ приводятся въ нѣмецкомъ переводѣ. На подобіе Босніи, Болгаріи и Египта, Самосъ ****) составляетъ вассальное государство, зависящее

*) Сенатъ федераціи состоитъ изъ 36 членовъ, нижняя ея палата изъ 75. Законодательный періодъ 3-лѣтній.

**) *Le Fur*: „L'Etat, la Souveraineté et le Droit“.

***) *Albrecht*: „Grundzüge des Staatsrechtes der Insel Samos“.

****) Жителей на немъ 53,424 чел.

отъ Турціи, но стоящее подъ покровительствомъ трехъ великихъ державъ: Франціи, Англіи и Россіи. Названные фирманы, изданные съ ихъ согласія, не могутъ быть измѣнены односторонне султаномъ.

Самосъ управляется княземъ, но тѣмъ не менѣе, по словамъ автора, является республикой,—мнѣніе едва ли вѣрное. Зависимость его отъ Порты выражается въ слѣдующемъ: 1) въ правѣ султана назначать князя по своему усмотрѣнію, но изъ православныхъ; 2) во взиманіи ежегодной дани въ размѣрѣ 400 тыс. піастровъ (72 тыс. марокъ); 3) въ содержаніи на островѣ гарнизона (250 чел.); 4) въ требованіи отъ депутатовъ присяги вѣрности; 5) въ назначеніи при князѣ особаго турецкаго чиновника по гражданскимъ дѣламъ; 6) въ требованіи отъ мѣстнаго правительства соблюденія извѣстныхъ правилъ относительно иностранцевъ. Во всѣхъ остальныхъ, внутреннихъ дѣлахъ Самосъ совершенно независимъ отъ Турціи, что особенно сказывается въ томъ, что мусульманамъ не дозволено владѣть на островѣ недвижимымъ имуществомъ. Князь состоитъ предсѣдателемъ правительствующаго при немъ совѣта. Онъ не обязанъ жить постоянно на островѣ, а на время своего отсутствія назначаетъ замѣстителя, который вступаетъ въ его функціи и также долженъ быть православнымъ.

Небольшую замѣтку написалъ Ремъ о подданныхъ, какъ субъектахъ международныхъ обязанностей *). По его мнѣнію, отдѣльныя лица не суть еще субъекты международныхъ правъ (какъ полагаетъ Кауфманъ, это пока принадлежитъ только государствамъ), но они суть, однако, члены международнаго общенія (Mitglieder der Völkerrechtsgemeinschaft) и, какъ таковые,—субъекты международныхъ обязанностей. Тутъ, однако, возникаетъ вопросъ: могутъ ли лица быть облечены обязанностями и не обладать соотвѣтствующими правами? Примѣненіе своей теоріи Ремъ видитъ въ противодѣйствіи нарушеніямъ блокады и подвозу военной контрабанды нейтральными на частяхъ морей, не принадлежащихъ воюющимъ; этою же теоріею объясняется преслѣдованіе пиратовъ, вышедшихъ изъ цивилизованныхъ государствъ, но уже не принадлежащихъ ни одному изъ нихъ.

Совершенно спеціальный характеръ носитъ послѣдняя изъ помѣщенныхъ статей Губера: «Къ ученію о территоріальномъ верховенствѣ надъ пограничными рѣками» **) (неокончена). Авторъ разсматриваетъ подробно на основаніи законовъ, договоровъ и судебной практики положеніе верхняго Рейна въ кантонахъ Шафгаузенѣ и Цюрихѣ на протяженіи отъ Urwerf до Nohl.

За статьями идетъ второй отдѣлъ: источники права. Тутъ особенно интересны: Карлштатскія конвенціи, заключенныя 26 октября 1905 года между Швеціею и Норвегіею по расторженіи ихъ уніи. Числомъ пять, онѣ касаются: обязательнаго третейскаго суда; нейтрализаціи опредѣленной по-

---

*) *Rehm*: „Untertanen als Subjekte völkerrechtlicher Pflichten".

**) *Huber:* „Ein Beitrag zur Lehre von der Gebietshoheit an Grenzflüssen".

граничной полосы (zone neutre); права кочующихъ лопарей на пастбища для ихъ оленей; транзитной торговли; пользованія общими озерами и водами.

Въ третейской конвенціи оба государства обязываются предоставлять постоянному суду въ Гаагѣ рѣшеніе такихъ споровъ между ними, которые не будутъ улажены непосредственными дипломатическими переговорами и не будутъ касаться независимости, цѣлости и жизненныхъ интересовъ обоихъ государствъ. Въ случаяхъ, однако, несогласія между правительствами относительно характера споровъ, дѣлающихъ ихъ неподсудными обязательному третейскому суду,—эти пререканія рѣшаются Гаагскимъ судомъ. Это—очень важное постановленіе, которое слѣдовало бы вводить во всѣ третейскія конвенціи, заключаемыя по подобію англо-французскаго договора 1904 г., въ которомъ оно, къ сожалѣнію, отсутствуетъ. Настоящая конвенція примѣняется и къ спорамъ, возникшимъ изъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто до ея заключенія, но она не прилагается къ несогласіямъ относительно толкованія или примѣненія конвенцій о спеціальномъ третейскомъ разбирательствѣ, слѣдовательно и договоровъ, заключенныхъ по поводу расторженія ихъ уніи. При отсутствіи между сторонами спеціальнаго соглашенія дѣйствуютъ, относительно назначенія судей и третейскаго производства, соотвѣтствующія правила конвенціи 29 іюля 1899 г. Третейскіе судьи не должны быть подданными сторонъ, ни имѣть постояннаго мѣстожительства на ихъ территоріи, а равно быть совершенно незаинтересованными въ вопросахъ третейскаго разбирательства. Настоящая конвенція заключается на десять лѣтъ, послѣ чего она продолжается снова на такой же періодъ, если ни одно изъ государствъ не заявитъ о своемъ намѣреніи отъ нея отказаться, по крайней мѣрѣ, за два года до истеченія указаннаго десятилѣтняго срока.

Нейтрализуемая полоса опредѣляется въ конвенціи съ большою точностію. Она простирается на твердую землю и острова (îles, ilots et récifs), но не на прилегающія части моря. Нейтрализація этой полосы должна быть полная. Въ ея предѣлахъ не допускаются никакія военныя дѣйствія и она не должна служить для таковыхъ базою. Также на ней не должны пребывать сухопутно-морскія военныя силы, кромѣ такого числа ихъ, которое потребуется для поддержанія общественнаго спокойствія, или для оказанія помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Существующія укрѣпленія разоружаются; нѣкоторыя остаются въ ихъ теперешнемъ состояніи, но не могутъ быть вновь и болѣе укрѣпляемы дальнѣйшими сооруженіями *). За выполненіемъ мѣръ, намѣченныхъ въ настоящемъ договорѣ, надзираетъ коммиссія изъ трехъ иностранныхъ офицеровъ (ни норвежцевъ и ни шведовъ). Оба государства назначаютъ по одному изъ нихъ, а третье лицо избирается либо этими обоими офицерами, либо—въ случаѣ ихъ разногласія—президентомъ союзнаго совѣта Швейцаріи. Споры относительно толкованія или примѣненія какъ этой, такъ и остальныхъ Карлштатскихъ

*) Это три пункта съ норвежской стороны: Fredrikssten и форты: Gylden löve и Overbjerget.

конвенцій,—если они не были улажены,—дипломатически рѣшаются третейскимъ судомъ, составленнымъ изъ трехъ членовъ по тому же принципу, какъ сейчасъ приведенная нами международная коммиссія офицеровъ. Судьи не должны быть подданными обоихъ государствъ, ни имѣть въ нихъ мѣстожительства или какого-либо интереса въ вопросахъ, составляющихъ предметъ третейскаго разбирательства. Относительно этихъ судовъ отмѣтимъ еще двѣ особенности: третій ихъ членъ можетъ быть назначенъ кромѣ президентомъ швейцарскаго союзнаго совѣта, еще «добавочно, способомъ, предусмотрѣннымъ въ двухъ послѣднихъ параграфахъ ст. 32 Гаагской конвенціи 29 іюля 1899 г. Суды эти разсматриваютъ споры, не только вытекающіе изъ данныхъ конвенцій, но и изъ нормъ обычнаго права, изстари примѣнявшихся обоими государствами *). Это любопытный примѣръ естественнаго расширенія ихъ компетенціи съ договорнаго права на обычное.

Карлштатскія конвенціи замѣчательны въ томъ отношеніи, что послѣ прекращенія (мирнаго, а не насильственнаго) политической связи Норвегіи съ Швеціею **) онѣ тотчасъ же положили основаніе связи между ними юридической, которая, устраняя насилія, сдѣлаетъ общеніе и дружбу между ними болѣе прочными и культурными.

За этими конвенціями слѣдуютъ: сообщеніе по колоніальному праву, о сельской полиціи на Явѣ (докт. Bohatta); судебныя рѣшенія: преемство государствъ по долговымъ обязательствамъ: на англійскомъ языкѣ рѣшеніе King's Bench Division (High Court of Justice) и рѣшеніе высшаго англійскаго апелляціоннаго суда по одному дѣлу, касающемуся положенія акціонерныхъ обществъ за границей. Литературное обозрѣніе,—очень краткое, но сообщающее свѣдѣнія объ одномъ англійскомъ сочиненіи по русско-японской войнѣ ***) и о первомъ годѣ новаго французскаго обозрѣнія ****), которое между прочимъ ставитъ себѣ цѣлью постоянно слѣдить за положеніемъ рабочаго вопроса въ сферѣ международно-правовой,—что доселѣ не составляло предмета постояннаго вниманія публицистовъ. По серьезности и научному интересу этого перваго выпуска новаго журнала можно ему только пожелать успѣха и распространенія въ широкихъ кругахъ населенія и за границами его отечества.

Гр. Л. Камаровскій.

---

*) Des dispositions dans la matière en vigueur en tout temps entre les deux Etats какъ говоритъ конвенція о правахъ на пастьбу лопарей.

**) Объ этомъ см. статью *бар. Нольде*: „Начало и конецъ шведско-норвежской уніи“ („Журн. мин. юст.“ 1906 г., февраль и мартъ).

***) *Smith and Sibley.* International Law as interpreted during the Russo-Japanese war. 1905. Авторы останавливаются на объявленіи войны, положеніи частныхъ лицъ на непріятельской территоріи и на разныхъ вопросахъ, затрогивающихъ нейтральныхъ, о военной контрабандѣ, блокадѣ, заложеніи минъ, безпроволочномъ телеграфѣ, о пребываніи военныхъ судовъ воюющихъ въ нейтральныхъ водахъ и портахъ и т. д. Сочиненіе это, по мнѣнію референта, слабо съ методологической точки зрѣнія.

****) Revue de droit international et de droit pénal international выходитъ подъ редакціею Darras.

Альберъ Сорель.

Статья академика **А. Вандаля.**

(Переводъ съ французскаго.)

---

30 іюня скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ историковъ—Альберъ Сорель. Его имя должно быть хорошо знакомо русской читающей публикѣ, такъ какъ первые четыре тома его классическаго труда «Европа и французская революція» и его изящные этюды о Монтескье и г-жѣ Сталь имѣются въ русскомъ переводѣ *).

Выдающійся историкъ-объективистъ Сорель былъ въ то же время историкомъ-психологомъ, историкомъ-художникомъ; въ этомъ отношеніи онъ, какъ справедливо указываетъ Габріель Моно **), занимаетъ мѣсто на ряду съ Огюстеномъ Тьерри, Тьеромъ, Минье, Мишле, Ренаномъ и Тэномъ. Первыми произведеніями Сореля были романы «Grande Falaisie» и «Docteur Egra», и этотъ родъ творчества оставилъ замѣтный слѣдъ на его историческихъ произведеніяхъ. Красивое и изящное изложеніе, мѣткія и блестящія характеристики, желаніе возсоздать эпоху въ мельчайшихъ деталяхъ—все это мы находимъ въ трудахъ знаменитаго историка.

Главные труды Сореля посвящены дипломатической исторіи; онъ много и плодотворно работалъ въ этой области и создалъ цѣлую школу. Его классическая «L'Europe et la révolution française» является выдающимся образцомъ «научной» дипломатической исторіи. Извѣстная книга Зибеля, написанная на аналогичную тему, совершенно теряется при сравненіи съ великолѣпнымъ трудомъ французскаго ученаго. Первый томъ «Европы и французской революціи» посвященъ блестящему изображенію дипломатіи «стараго порядка»; Сорель здѣсь же указываетъ, что на всей внѣшней политикѣ республики и имперіи лежитъ значительный отпечатокъ старыхъ дипломатическихъ традицій, старыхъ переживаній. Дальнѣйшіе томы (II—VIII) трактуютъ о международныхъ отношеніяхъ Европы во время великой революціи и первой имперіи. Здѣсь мы находимъ рядъ цѣн-

---

*) „Европа и французская революція" вышла въ переводѣ подъ редакціей проф. Карѣева; „Монтескье" имѣется въ двухъ переводахъ (одинъ подъ редакціей проф. Виноградова, другой подъ редакціей проф. Карѣева).

**) „Revue Historique" septembre-octobre. 1906, p. 81 (некрологъ Сореля).

ныхъ и важныхъ фактовъ, часто основанныхъ на свѣжихъ первоисточникахъ, тонкія и изящныя характеристики политическихъ дѣятелей, широкую общую картину эпохи—и все это изложено прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Конечно, не во всемъ Сорель, какъ историкъ, вполнѣ безупреченъ; такъ, онъ совершенно не считается съ соціально-экономическими отношеніями. Кромѣ того, объективизмъ не вполнѣ выдержанъ въ VIII томѣ. Во всякомъ случаѣ, его капитальная работа еще долго будетъ считаться однимъ изъ основныхъ трудовъ по исторіи французской революціи *).

Кромѣ этой основной «работы жизни» перу Сореля принадлежитъ двухтомная «Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande», нѣкоторые отдѣлы въ «Histoire Générale» Лависса и Рамбо, интересный трудъ «Question d'Orient au XVII» и блестящая параллельная характеристика «Bonaparte et Hoche en 1793». Отдавая главное время историко-дипломатическимъ работамъ, Альберъ Сорель успѣлъ написать цѣлый рядъ остроумныхъ этюдовъ по исторіи литературы; большинство изъ нихъ вошло въ изданные имъ сборники: «Essais de critique et d'histoire», «Lectures historiques», «Nouveaux essais d'histoire et de critique», «Etudes de littérature et d'histoire».

Въ статьѣ, переводъ которой предлагается вниманію читателей, дается яркая характеристика личности почившаго ученаго, его культурной и научной дѣятельности. Эта статья **) принадлежитъ перу одного изъ ближайшихъ учениковъ и сотоварищей по каѳедрѣ—Альбера Вандаля; многое въ ней представляется слишкомъ восторженнымъ и субъективнымъ. Но во всякомъ случаѣ въ ней достаточно полно обрисовывается крупная фигура выдающагося французскаго историка.

И. Бороздинъ.

Онъ былъ нашимъ учителемъ. Онъ былъ учителемъ въ полномъ смыслѣ слова; онъ былъ имъ, какъ по образцовой постановкѣ научнаго мышленія, по авторитетности своего сужденія, такъ и по ученому значенію и широкому вліянію своихъ идей; онъ былъ имъ, потому что онъ основалъ школу. Съ этой точки зрѣнія особенно мы хотѣли бы въ немногихъ словахъ его оцѣнить и воздать должное его памяти.

До него изученіе дипломатической исторіи не существовало во Франціи. Этотъ отдѣлъ исторіи почти совсѣмъ не былъ изучаемъ. Дипломатической исторіи посвящались значительные, но немногочисленные труды; она служила предметомъ работъ спеціальныхъ и уже устарѣвшихъ, добросовѣстныхъ и узкихъ, которыя ограничивались формой довольно сухого разсказа о переговорахъ и комментаріемъ къ договорамъ. Нѣкоторые историки отводили ей почетное мѣсто; другіе же ее искажали и видоизмѣ-

*) Разбору названнаго труда Сореля посвящена небольшая статья профессора П. Г. Виноградова (*Русская Мысль*, 1887 г., кн. IX) и замѣтки С. Ѳ. Фортунатова (*Научное Слово*, 1904 г., кн. I и 1905 г., кн. III).

**) Помѣщена въ *Annales des sciences politiques*, за іюль 1906.

няли произвольно. Авторы, обладающіе большимъ талантомъ, пользовались ею, какъ матеріаломъ, для политическихъ или историческихъ поэмъ и для блестящихъ софизмовъ. Источники этой исторіи были почти недоступны; согласно традиціи, они хранились въ неприкосновенности въ глубинѣ архивовъ, гдѣ рѣдкіе привилегированные изслѣдователи были скорѣе терпимы, чѣмъ желательны. Въ общемъ образованіи, въ факультетахъ, въ лицеяхъ господствовало нѣсколько извѣстныхъ идей, нѣсколько спорныхъ банальныхъ представленій; такъ, наприм., продолжительность и выгода борьбы съ австрійскимъ домомъ. Я вспоминаю, что въ началѣ 1870 г., когда герцогъ де-Брольи опубликовалъ свои первые этюды о «Secret du roi», когда этотъ выдающійся историкъ рѣшился высказать, что борьба съ Австріей, будучи ранѣе необходимой, стала анахронизмомъ и что правленіе столь обезславленнаго Людовика XV хорошо сдѣлало, прекративъ ее, я былъ пораженъ этой оцѣнкой, совершенно противорѣчащей тому, съ чѣмъ меня знакомили въ лицеѣ; однакожъ она меня натолкнула на размышленія и раскрыла моему юному уму новыя перспективы. Послѣ событій 1870 года, усиленно только доказавшихъ, къ какой пропасти приводятъ во внѣшней политикѣ невѣжество и предразсудокъ, основатели свободной школы политическихъ наукъ рѣшили отвести широкое мѣсто международной исторіи и посвятить ей одну изъ главныхъ каѳедръ.

Въ задачу курса входило не только изучать основы этой исторіи, прослѣдить ее въ прошлыхъ вѣкахъ, но и изложить ее въ ея эволюціонномъ и революціонномъ развитіи, считаясь съ фактами какъ недавними, такъ и современными. Съ основаніемъ полагали, что всецѣло слѣдовало пересоздать въ этой части воспитаніе общественной мысли, находящейся подъ властью ложныхъ представленій. Изучать съ чисто исторической точки зрѣнія событія вчерашняго дня и какія событія: вводить знаніе и истину въ живой современный интересъ—было смѣлымъ предпріятіемъ. Здѣсь было необходимо соединеніе смѣлости и осторожности, рѣдкая независимость мысли. Альберъ Сорель долженъ былъ выполнить эту задачу. Его первый курсъ открылъ школу политическихъ наукъ.

Выборъ былъ превосходенъ. Прежде всего Сорель былъ молодъ. Онъ обладалъ силой и крѣпостью своего возраста; стремленіе къ широкимъ горизонтамъ, вѣра въ отечество и пылъ его вѣры вселяли въ него надежду. Онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ онъ имѣлъ соприкосновеніе съ людьми и дѣлами, онъ на практикѣ знакомился съ дѣлами; онъ былъ знатокомъ партій. Въ то же время онъ никогда не принадлежалъ къ партіи. Его умъ былъ открытъ для широкихъ порывовъ, освоивался со всѣми формами интеллектуальной и литературной жизни. Характерно, что онъ началъ съ романа. Пробуя свои силы на произведеніяхъ фантазіи и непосредственнаго наблюденія, онъ показалъ существенную особенность своей натуры, художественное чутье, умѣніе выставить людей, характеры, событія, мѣстоположенія въ ихъ бытовой и реальной обстановкѣ. По перемѣнѣ своего рода литературныхъ занятій, онъ сумѣлъ

оживить исторію, искусно составить правдивыя картины, одушевить сцены, вызвать дѣйствующихъ лицъ; однимъ словомъ, быть интереснымъ, что есть единственное средство покорить и удержать аудиторію.

Курсъ удался вполнѣ. Онъ былъ очень часто посѣщаемъ, сталъ знаменитъ и извѣстенъ. Въ числѣ непрерывнаго ряда учениковъ вы видите людей, которые сами пережили великія событія, участвовали въ исторіи. Однажды Сорель разбиралъ предварительные переговоры 1870 года, какъ вошелъ въ залъ Бенедетти. Для профессора положеніе было трудное и испытаніе тягостное. Онъ такъ вышелъ изъ этого положенія, что Бенедетти не ушелъ, не засвидѣтельствовавъ своего почтенія, какъ къ знанію и правдивости, такъ и таланту историка.

Чтобы проповѣдывать свои идеи, Сорель тщательно и основательно ихъ вырабатывалъ. Онѣ ширились и въ то же время съ точностью опредѣлялись, становились доктринами. Вокругъ центра его дѣятельности, около этихъ лекцій, которыя онъ передѣлывалъ ежегодно и часто варьировалъ, его изслѣдованія, его изысканія развивались послѣдовательно, приводили въ концѣ-концовъ къ извѣстнымъ выводамъ: въ немъ происходила громадная кристаллизація знаній и размышленій. Такимъ образомъ собирались всѣ матеріалы большой книги. Первоначальная часть курса, основная часть, періодъ революціи и имперіи приняли въ изложеніи Сореля окончательную форму со всѣми подробностями, какія она представляла. Такимъ-то образомъ изъ устнаго труда создался письменный трудъ и какой трудъ! Наиболѣе блестящій синтезъ, какой только могъ создать въ послѣднее время человѣческій трудъ.

Вышедшій изъ многочисленныхъ и широкихъ приготовленій трудъ подвигался впередъ движеніемъ легкимъ, могучимъ и правильнымъ, какъ сила природы. Жизнь Сореля слилась съ его трудомъ. Человѣкъ и трудъ, профессоръ и писатель развивались одновременно, подобно великому нерасторжимому существу, полному жизненности. Его сравнивали съ однимъ изъ дубовъ нормандскихъ лѣсовъ. Его стволъ становится могучимъ и его верхушка покрывается плодовитой зеленью, которая каждую весну возраждается. Вѣтви его разрастаются, переплетаются во всѣ стороны, не нарушая гармоніи цѣлаго. Восхищаются этимъ прекраснымъ твореніемъ, открываютъ тысячи изящныхъ деталей. Большое дерево защищаетъ цѣлый міръ цвѣтовъ и плодовъ. Люди собираются подъ его вѣтвями, отторгаются отъ всего земного и предаются духовному созерцанію при соприкосновеніи съ нимъ, слушаютъ его голосъ и заимствуютъ кое-что изъ его мощи.

Авторитетъ Сореля росъ постепенно. Онъ былъ не изъ тѣхъ, кто захватываетъ и вымогаетъ славу; онъ овладѣлъ ею безъ всякаго приступа; она пришла къ нему, какъ естественная награда. Онъ вошелъ въ славу въ полной зрѣлости лѣтъ и таланта. Мы его видимъ въ ней такимъ же, какимъ мы его всегда знали—улыбающимся и спокойнымъ.

Успѣхъ его произведеній въ публикѣ состоялся опредѣленно и глубоко. Ни одинъ успѣхъ не имѣлъ такъ мало дѣла ни съ партіей, ни съ модой, ни съ

пристрастіемъ. Всеобщее одобреніе было единодушно, обдуманно, свободно отъ всякаго вліянія политики и школы, такъ какъ никакая партія не имѣла права считать Сореля своимъ, потому что онъ принадлежалъ всей Франціи.

Между всѣми людьми, интересующимися наукой и любящими мыслить, вошло въ привычку періодически читать эти большіе томы, которые въ первый разъ вполнѣ показывали великаго «феномена» нашей исторіи, которые излагали революцію и «императора» и въ которыхъ драма событій, обусловливаемая фатальной судьбой первыхъ причинъ и направляемая неумолимой логикой страстей, достигла античной красоты.

Эти томы были введены во всѣхъ серьезныхъ библіотекахъ: они перечитывались, обдумывались, изучались болѣе, чѣмъ шумно восхвалялись. Трудъ Сореля сталъ классическимъ, прежде нежели стать знаменитымъ. Затѣмъ, когда онъ кончился, замѣтили, что большой пробѣлъ образовался во французской мысли. Широкая, единогласно вырвавшаяся похвала была взрывомъ всеобщаго восторга. Что касается меня, я былъ глубоко тронутъ, когда я слышалъ въ эти дни, какъ люди разной среды, разныхъ направленій, знавшихъ о моей дружбѣ съ Сорелемъ и о ранѣ моего сердца, не только говорили о немъ въ самыхъ трогательныхъ, нѣжныхъ выраженіяхъ, но старались съ перваго раза выказать мнѣ, какое вліяніе имѣли на нихъ какъ его личность, такъ и его произведенія.

Если и были повсюду профессора, почитатели—его истинные ученики, то они всѣ формулировались въ школѣ и вокругъ школы. Между его старыми учениками, лучшіе—стали его друзьями, а нѣкоторые изъ нихъ—сотрудниками. Если ихъ стремленіе направлялось къ историческимъ изслѣдованіямъ, онъ становился для нихъ руководителемъ занятій; онъ ободрялъ, поощрялъ ихъ опыты съ истинной добротой, потому что его сердце было подобно уму. Тѣ, кого поприще удаляло отъ него, не забывали его. Сколько изъ нихъ, въ часы сомнѣній, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, прибѣгали къ его опытности.

Они его находили любезнымъ и простымъ, съ протянутой рукой, открытымъ лицомъ, съ этой доброй улыбкой, которой ужъ мы больше не увидимъ. Полное равновѣсіе, которое онъ умѣлъ установить между своими дарованіями, его существенно здоровый умъ внушали полный отдыхъ и довѣріе. При видѣ его чувствовали себя въ присутствіи сильнаго и умнаго человѣка, съ которымъ любили совѣтоваться.

Онъ выказывалъ иногда поразительную проницательность. Позволю себѣ сослаться на одинъ личный случай. Издавъ нѣсколько работъ по XVIII вѣку, я однажды бесѣдовалъ съ Сорелемъ о моихъ будущихъ ученыхъ планахъ. Онъ мнѣ сказалъ откровенно: «Приступите теперь къ періоду Первой имперіи». Я ему противопоставилъ бѣглое и довольно обычное возраженіе: Тьеръ въ своихъ двадцати томахъ все сказалъ объ этой эпохѣ и исчерпалъ сюжетъ. Сорель доказалъ мнѣ мое заблужденіе очень тщательно и рѣшительно. Онъ прибавилъ: «Повѣрьте мнѣ, займитесь этимъ періодомъ и будьте увѣрены, что онъ войдетъ въ моду; онъ займетъ мѣ-

сто». Это происходило до появленія мемуаровъ Марбо, до эпопеи Саran d'Ache, до возрожденія наполеоновской легенды. Я послѣдовалъ совѣту и лучшаго никогда не получалъ. Спустя немного времени, алчность публики къ изслѣдованію работъ, относящихся къ императорскому періоду, приливъ этихъ работъ, ихъ слава вполнѣ подтвердили это предвидѣніе.

Писатели всѣхъ видовъ творчества,—поэты, романисты, дѣятели театра и прессы находили въ лицѣ Сореля весьма надежнаго судью, настоящаго цѣнителя. Онъ имѣлъ личныхъ друзей какъ среди настоящихъ литераторовъ, такъ и среди начинающихъ. Онъ былъ близокъ молодежи свѣжестью своего ума, горячностью своихъ восторговъ, своей манерой понимать ихъ энтузіазмъ, своей страстной любовью къ искусству. Этотъ ученый, этотъ политикъ былъ литераторомъ и художникомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, великимъ художникомъ истины, и мнѣ не разъ случалось подмѣчать въ немъ сожалѣніе, что онъ долженъ былъ подчинить строгости исторіи даръ воображенія и поэзіи, который онъ чувствовалъ въ себѣ. По окончаніи своего славнаго труда онъ находилъ удовольствіе въ мечтѣ—написать чисто художественное произведеніе. Но въ то же время онъ хотѣлъ оставаться профессоромъ школы и усердно выполнялъ тамъ свои обязанности, такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ способъ непосредственнаго воздѣйствія на молодежь, средство по мѣрѣ своихъ силъ приготовить и улучшить будущее Франціи.

Онъ страстно любилъ свою страну. Онъ не только прославилъ и возвеличилъ Францію славою своего таланта, онъ ей служилъ непосредственно, практически, образовывая цѣлыя поколѣнія усердныхъ дѣятелей и ученыхъ дипломатовъ. Теперь во многихъ изъ нашихъ общественныхъ поприщъ съ болью констатируютъ уклонъ общаго уровня. На поприщѣ иностранныхъ дѣлъ—явленіе обратное. Можно объѣхать различныя государства Европы и свѣта, посѣтить главныя столицы и почти съ увѣренностью можно сказать, что среди членовъ нашихъ миссій находятся люди, полные традицій, свободные отъ рутины, болѣе открытаго и любознательнаго ума, чѣмъ ихъ предшественники, интересующіеся страной, гдѣ они живутъ и умѣющіе также, въ осложненіяхъ международной политики, ясно распознавать интересы Франціи. Они всѣ почти прошли черезъ школу и слѣдовали ученію Сореля. Я не скажу, чтобы они помнили всѣ детали нашего преподаванія, они сохранили, конечно, духъ. Альберъ Сорель олицетворялъ вполнѣ этотъ духъ, когда онъ изъ исторіи разомъ дѣлалъ урокъ патріотизма пылкаго и сознательнаго, живого и здравомыслящаго. Традиція, которую онъ намъ завѣщалъ, будетъ непоколебимо сохранена. Намъ нечего повторять его ученіе и мы не задаемся цѣлью снова его напоминать. Нашъ долгъ слѣдовать по начертанному имъ пути и идти по нему свободно, доблестно, съ сердцемъ, полнымъ его образомъ, съ совѣстью, озаренной его примѣромъ. Подобно ему, мы постараемся воспитывать хорошихъ и доблестныхъ французовъ.

Ю. Б.

Первый арестъ. Знакомство съ г. Зубатовымъ.

(Изъ воспоминаній и переписки *).)

I.

Въ концѣ іюня 1884 г., утромъ, я усердно занимался за своимъ письменнымъ столомъ. Послышался тихій шопотъ и шорохъ. Оглядываюсь: жандармы и полицейскіе, прошедшіе чернымъ ходомъ. Вождемъ отряда оказался помощникъ (тогда) начальника охраннаго отдѣленія, г. Бердяевъ. Мнѣ предъявляется телеграмма директора департамента государственной полиціи (Плеве): «Произведите обыскъ у извѣстнаго Гольцева, арестуйте его и немедленно отправьте въ Петербургъ».

Обыскъ произвели (кончили его, въ моемъ присутствіи, на другой день) и отвезли меня въ каретѣ въ тверскую часть, а тамъ отвели въ грязную камеру, въ которой, очевидно, перебывало много молодежи: масляная стѣна у кровати вся была исцарапана надписями. Нѣкоторыя изъ нихъ остались у меня въ памяти. Барышня (фамилію забылъ) писала: «Поскорѣй бы конецъ. Завтра свобода или Сибирь». Студентъ помѣстилъ грустное четверостишіе:

„Поживешь—пропадешь,
Не оставишь слѣда.
Вся-то жизнь наша—грошъ,
Да и то не всегда“ и т. д.

Я легъ, не раздѣваясь, на скверную постель. Спать совсѣмъ не дали безчисленныя блохи.

На другой день меня возили къ начальнику охраннаго отдѣленія (Скондракову). Онъ былъ очень вѣжливъ и любезенъ, въ разговорѣ сообщилъ мнѣ, что разъ посѣтилъ меня въ квартирѣ, переряженный дьякономъ. На мой вопросъ, по какому поводу я арестованъ, Скондраковъ отвѣтилъ, что это ему неизвѣстно, что дѣло, очевидно, петербургское. Затѣмъ меня отвезли въ Петербургъ и помѣстили въ домъ предварительнаго заключенія. Режимъ этого дома извѣстенъ.

*) *Русская Мысль*, октябрь 1906 г.

Начались допросы въ охранномъ отдѣленіи (ихъ было немного). Оказалось, что я привлеченъ по совершенно неизвѣстному мнѣ дѣлу извѣстнаго писателя, нынѣ покойнаго, Станюковича. Привлеченъ былъ также Шелгуновъ и нѣкоторыя другія лица, большею частью мнѣ незнакомыя. Меня обвиняли въ передачѣ денегъ отъ Станюковича г. Л. Тихомирову,—тогда террористу, нынѣ одному изъ истинно-русскихъ людей,—и въ сношеніяхъ съ революціонерами. Послѣднее обвиненіе предъявлено было въ такой неопредѣленной формѣ, что лишено было всякаго значенія.

Я имѣлъ возможность доказать, что денегъ Тихомирову-Кольцову (его литературный псевдонимъ) я не передавалъ: въ отмѣну прежняго порученія Станюковичъ просилъ отдать ихъ другому лицу, которое явится съ его карточкою, что̀ я и сдѣлалъ.

Въ концѣ послѣдняго допроса полковникъ Жолкевичъ показалъ мнѣ арестованную у Станюковича толстую записную книжку и далъ прочесть отмѣтку на одной изъ ея страницъ: такого-то числа послано Гольцеву для передачи Кольцову сто рублей. Показалъ мнѣ Жолкевичъ и перехваченное письмо Станюковича къ одному изъ вождей террористовъ, за границу (фамилію его Жолкевичъ не назвалъ). Въ письмѣ было предложено присылать статьи въ *Дѣло* и прибавлено, что ихъ, черезъ меня, можно будетъ пристраивать и въ *Русской Мысли*. Мнѣ объ этомъ ничего не было извѣстно.

Допросы кончились въ серединѣ іюля. И потянулись долгіе, томительные дни. Мнѣ разрѣшено было брать изъ библіотекъ историческія книги, и въ домѣ предварительнаго заключенія я собралъ много матеріала для напечатанной потомъ книги *Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.* Но читать и выписывать было неудобно: окно помѣщалось далеко и высоко.

Прошелъ іюль, прошелъ весь августъ. Меня безпокоила участь семьи, оставшейся безъ средствъ, и неизвѣстность, чѣмъ же это кончится. Испортилось нѣсколько здоровье.

Наступилъ дождливый, темный сентябрь. Въ каменныхъ и желѣзныхъ маленькихъ камерахъ дома предварительнаго заключенія въ такіе дни особенно плохо. Кончился и сентябрь. Въ первыхъ числахъ октября (кажется четвертаго) является вѣстникъ избавленія. Забираютъ мои вещи и везутъ меня въ домъ градоначальника, въ охранное отдѣленіе. Но куда оттуда?

Мнѣ объявили, что я освобождаюсь подъ гласный надзоръ полиціи, и предложили избрать городъ, кромѣ столицъ и университетскихъ. Я избралъ Тверь. Тамъ были у меня дружескія связи (я былъ въ то время тверскимъ губернскимъ гласнымъ).

Изъ охраннаго отдѣленія отправился къ жившей въ Петербургѣ родственницѣ, и вечеромъ ѣхалъ въ Москву (мнѣ разрѣшили заѣхать на одинъ день домой повидаться съ дѣтьми).

Поселился я въ Твери во флигелѣ у извѣстнаго общественнаго дѣятеля М. И. Петрункевича. Явился къ губернатору, А. Н. Сомову, который зналъ меня, какъ гласнаго, и принялъ очень привѣтливо.

Началъ заниматься, кое-что писать. Въ ноябрѣ подалъ прошеніе о разрѣшеніи на недѣлю, для устройства дѣлъ, поѣздки въ Москву. Отвѣта долго не было.

Приближался день открытія губернскаго земскаго собранія (11 декабря). Гласные съѣзжались. Десятаго вечеромъ у Петрункевича было назначено частное совѣщаніе.

Днемъ ко мнѣ является курьеръ отъ губернатора. Иду. Добродушный Аѳанасій Николаевичъ встрѣчаетъ меня утѣшительнымъ извѣстіемъ: поѣздка въ Москву мнѣ разрѣшена. Я благодарю, и прибавилъ, что черезъ нѣсколько дней, смотря по ходу занятій въ земскомъ собраніи, воспользуюсь разрѣшеніемъ.

— Что вы, что вы,—съ испугомъ говоритъ губернаторъ,—бумага требуетъ, чтобы вы уѣхали изъ Твери сегодня, до земскаго собранія. Есть ночной поѣздъ. Въ Москвѣ вы можете пробыть до первыхъ чиселъ января, но одиннадцатаго должны быть здѣсь (напомню, что двѣнадцатаго—татьянинъ день).

Побесѣдовали мы съ земцами, поужинали у Петрункевича, а съ ужина я отправился на вокзалъ. Такъ кончилась моя земская дѣятельность.

Въ Москвѣ я засталъ разладъ въ редакціи *Русской Мысли:* изъ журнала вытѣсняли Юрьева. Въ февралѣ это и совершилось. Но о дѣлахъ *Русской Мысли* я, быть можетъ, разскажу отдѣльно, а теперь возвращаюсь къ послѣдствіямъ моего перваго ареста.

По возвращеніи въ Москву я поспѣшилъ побывать у профессора Сергѣя Алексѣевича Усова (онъ давно уже скончался), который тепло относился ко мнѣ, а въ мое невольное отсутствіе изъ дому ему многимъ обязана была моя семья.

Усовъ между прочимъ спросилъ меня, совсѣмъ ли я вернулся въ Москву, и когда узналъ, что только до одиннадцатаго января, то замѣтилъ, что это вѣдь меня совсѣмъ не устроиваетъ, что мнѣ съ семьей не на что будетъ существовать. Я, прибавилъ Усовъ, переговорю съ Мейномъ, правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора (князя Долгорукова). Усовъ и Мейнъ (тоже покойный) были товарищами.

Мейнъ меня зналъ: я участвовалъ въ составленіи его московскихъ фельетоновъ. Онъ въ свою очередь переговорилъ обо мнѣ съ тогдашнимъ оберъ-полицеймейстеромъ, А. А. Козловымъ. Онъ здравствуетъ, но по своему служебному положенію находится *внѣ предѣловъ досягаемости*, и поэтому съ моей стороны не будетъ нескромностью сказать, что онъ, послѣ непродолжительной бесѣды со мной, устроилъ дѣло такимъ образомъ: распорядился, чтобы московская полиція наблюдала за мной, но меня не безпокоила. Такъ я и остался.

Весною вызываютъ меня въ охранное отдѣленіе и объявляютъ, что по высочайшему повелѣнію дѣло прекращено въ административномъ порядкѣ и мнѣ вмѣнено въ наказаніе предварительное одиночное заключеніе.

— Но что же вмѣнено мнѣ въ преступленіе?—спрашиваю я.

Объ этомъ охранному отдѣленію ничего неизвѣстно, но я отданъ кромѣ того на три года подъ гласный надзоръ полиціи, съ воспрещеніемъ выѣзда изъ мѣста жительства, *то-есть изъ Москвы*. При этомъ мнѣ былъ врученъ соотвѣтствующій видъ на жительство.

II.

Въ сентябрьской книгѣ журнала *Былое* напечатаны воспоминанія покойнаго Гоца о г. Зубатовѣ. И я его зналъ. Очень давно это было, въ 1886 г., если мнѣ не измѣняетъ память.

Лѣтомъ я жилъ съ семьей на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, на Выселкахъ. Дача была двухъэтажная, большая, и въ ней помѣщалось много учащейся молодежи. Къ концу лѣта нѣкоторые студенты и барышни познакомились съ нами, брали книги. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву студенты-петровцы обратились ко мнѣ съ просьбою давать имъ книги и зимою. У нихъ есть пріятель, Сергѣй Васильевичъ Зубатовъ, онъ будетъ заходить ко мнѣ за книгами, а оставлять ихъ въ библіотекѣ Михиной, противъ Страстного монастыря (у Гоца Михина названа невѣстою г. Зубатова, мнѣ сказали, что она его сестра).

Явился ко мнѣ г. Зубатовъ и произвелъ пріятное впечатлѣніе. Онъ бралъ книги, возвращалъ ихъ, получалъ другія. Иногда онъ оставался на короткое время и высказывалъ печальныя мысли о современномъ положеніи вещей. Я утѣшалъ его...

Однажды г. Зубатовъ проситъ у меня первый томъ *Капитала* въ русскомъ переводѣ (онъ былъ тогда запрещенъ). Я отвѣтилъ, что неохотно даю эту книгу, боясь ея пропажи, и предложилъ нѣмецкій подлинникъ, но нѣмецкаго языка не знали *товарищи* г. Зубатова. Далъ я Маркса. Черезъ нѣсколько дней—просьба разрѣшить разбить томъ на три части и переплесть ихъ отдѣльно: первыя главы *Капитала* читать трудно; если ихъ прочесть и передать другой группѣ, дѣло пойдетъ скорѣе. Я согласился, и такъ переплетенный первый томъ *Капитала* у меня хранится до настоящаго времени. Потомъ г. Зубатовъ переписалъ мои книги (и это, кажется, уцѣлѣло): мы, основательно говорилъ онъ, часто просимъ книгъ, которыхъ у васъ нѣтъ, и не знаемъ, что у васъ есть другія, очень интересныя. Переписывать мою маленькую библіотеку я разрѣшилъ въ свое отсутствіе.

— Мы слышали,—говоритъ въ другой разъ г. Зубатовъ,—что у М. М. Ковалевскаго обширная библіотека. Не дадите ли мнѣ рекомендательнаго письма къ нему?

— Да, у Ковалевскаго очень цѣнная библіотека, но главнымъ обра-

зомъ изъ книгъ на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ того, я крѣпко держусь правила такихъ рекомендацій не давать. Составьте мнѣ списокъ нужныхъ вамъ книгъ, и, если онѣ есть у Ковалевскаго, я попрошу ихъ для себя, на свой рискъ.

Разговоръ болѣе не возобновлялся.

Наступило лѣто. Занимаюсь я одинъ въ редакціи *Русской Мысли*. Меня спрашиваетъ неизвѣстная дама. Прошу въ кабинетъ. Она быстро входитъ и запираетъ за собою дверь. Смотрю съ недоумѣніемъ.

— Я должна передать вамъ письмо изъ тюрьмы,—говоритъ неизвѣстная,—но вы дайте слово, что немедленно по прочтеніи его уничтожите.

— Даю слово, я сейчасъ сожгу его,—и я зажегъ свѣчу.

Дама вынула изъ корсажа крошечный конвертъ и подала мнѣ. Письмо было отъ одной изъ знакомыхъ на Выселкахъ, изъ тюрьмы, и заключало въ себѣ обвиненіе г. Зубатова въ предательствѣ. Пишущая просила отъ имени товарищей прощенія за то, что они, быть можетъ, подвели и меня. Просила также предупредить, кого возможно, отъ этого господина, что̀ я и постарался, конечно, исполнить. Письмо было сожжено.

Недѣли черезъ двѣ или три послѣ этого ко мнѣ на квартиру,—я собирался уже идти въ редакцію и стоялъ у стола,—является г. Зубатовъ, передаетъ мнѣ книги, сообщаетъ, что двѣ изъ нихъ арестованы при обыскѣ. Я молчу. Тогда, запинаясь, г. Зубатовъ начинаетъ говорить, что я распространяю про него слухи, будто онъ шпіонъ и провокаторъ. Я отвѣчаю, что это не слухъ, а *фактъ*, переданный мнѣ изъ тюрьмы. Тогда г. Зубатовъ торопливо удаляется, прибавляя, что это несправедливо, что я скоро долженъ буду убѣдиться въ этомъ.

Больше мы не видались. Дальнѣйшая карьера г. Зубатова извѣстна.

В. Гольцевъ.

Новыя славянскія теченія.

Идея общеславянской солидарности, идея объединенія всѣхъ славянскихъ племенъ въ одно культурное цѣлое, проникнутое и одухотворенное общей всеславянской идеей, переходитъ въ настоящее время въ новый фазисъ развитія.

На смѣну выродившемуся славянофильству, на смѣну поблекшему и потерявшему всѣ краски панславизму приходитъ новое теченіе, которое черпаетъ свою вѣру и духовную мощь не изъ загрязненныхъ источниковъ славянофильства, не изъ реакціонныхъ настроеній панславизма. Это теченіе зиждется на вѣрѣ въ ростъ культуры и прогресса въ славянствѣ, оно связываетъ себя не съ прошлымъ, а съ будущимъ, не съ реакціей, а съ прогрессомъ.

И потому оно безвозвратно распрощалось и съ славянофильскими утопіями и съ панславистскими вожделѣніями.

Славянофильство временъ Аксакова, Кирѣевскаго, Хомякова стремилось связать себя съ передовыми теченіями современнаго ему общества. Идея земщины и, какъ ея завершеніе, Земскій соборъ—вотъ что въ былое время влекло сердца къ славянофильству и выдвигало его на общественно-политическую авансцену.

Но Аксаковъ и Хомяковъ сошли со сцены. И дорогая ихъ сердцу идея попала въ грязныя руки. Они опошлили и осквернили ее.

Туманно-мистическая славянофильская утопія превратилась въ реакціонно-политическую, чуждую даже тѣни утопизма доктрину. Православіе, самодержавіе и народность,—вотъ что осталось отъ Аксаковской мечты. Славянофильство стало духовнымъ оружіемъ русской реакціи, а ставъ таковымъ, оно тотчасъ потеряло все свое общественное значеніе. Парадный костюмъ для торжественныхъ выходовъ, при помощи котораго реакція думаетъ оправдать себя, доказать свой raison d'être, это все, что въ настоящее время осталось отъ славянофильства. Славянофильство умерло и уже оно не воскреснетъ.

Идея панславизма не является подобно славянофильству самобытно-русской теоріей. Напротивъ, въ средѣ русскаго общества панславизмъ ни-

когда не пользовался популярностью. Передовая русская журналистика, прогрессивныя общественныя теченія всегда относились къ панславистскимъ теоріямъ холодно и даже враждебно.

Если панславизмъ и находилъ себѣ въ Россіи поддержку, то она исходила изъ офиціальныхъ правительственныхъ сферъ или со страницъ газетъ, всецѣло проникнутыхъ «видами правительства». Дальше поддержки нововременскихъ публицистовъ, да *Гражданина* вкупѣ съ *Московскими Вѣдомостями* дѣло не шло. Симпатіи со стороны русскихъ правительственныхъ сферъ къ панславизму объясняются, конечно, не преданностью чистой идеѣ всеславянства. Источникъ этихъ симпатій находится всецѣло въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ соображеніяхъ внѣшней политики.

Но если на русской почвѣ панславизму не удалось пустить корни, то за предѣлами Россіи ему удалось найти для себя благодатную почву. Носителями отвергнутой передовою Россіей панславистской идеи явились чехи.

Возрожденіе и затѣмъ быстрый ростъ національной идеи среди чеховъ, ихъ отчаянная борьба на протяженіи всей исторіи съ аггрессивной политикой нѣмцевъ, рѣшительный отпоръ германизаторскимъ стремленіямъ, оказанный чехами съ конца прошлаго столѣтія, наконецъ, угроза мадьяризаціи съ юга—все это при изолированномъ положеніи чешскихъ провинцій, при неувѣренности ихъ еще молодого національнаго движенія заставляло чешскую національную мысль съ лихорадочной поспѣшностью искать себѣ всюду возможныхъ союзниковъ. Но гдѣ было ихъ найти? Бокъ-о-бокъ съ ними ихъ заклятые враги, австрійскіе нѣмцы; на югѣ—Венгрія, а на сѣверо-западѣ сверкаютъ германскіе штыки, на которые такъ жаждутъ опереться въ борьбѣ съ чехами австрійскіе нѣмцы. Германія это—вѣчная угроза для національной самобытности чеховъ, и недаромъ Вольфъ и Шенереръ умѣютъ при случаѣ пугнуть чеховъ призракомъ прусской каски. И вотъ, взоръ чешскаго патріота поневолѣ обращается въ сторону славянства. Идеѣ нѣмецкой солидарности онъ противопоставляетъ идею солидарности всѣхъ славянъ, идею панславизма.

Но на кого изъ славянъ могутъ опереться чехи? Единственная политическая сила въ средѣ славянскаго племени—Россія. Отсюда естественный выводъ, что Россія должна взять на себя гегемонію въ славянскомъ мірѣ, должна стать объединяющимъ центромъ для славянства.

Правда, Россія была олицетвореніемъ грубой силы, національнаго гнета, политическаго безправія, въ Россіи вмѣсто силы права царило право силы; но панславизму нужна была своя Мекка, а онъ могъ ее найти только на берегахъ Невы. Петербургъ, какъ противовѣсъ Вѣнѣ и Берлину, русскій штыкъ и казацкая нагайка, какъ противовѣсъ австрійской дипломатіи и германскому бронированному кулаку. Таковъ былъ основной политическій тезисъ панславизма.

Но панславизмъ забылъ, что послѣ русскихъ поляки наиболѣе многочисленная славянская нація, нація съ богатой, самобытной культурой, съ

тонко развитымъ національнымъ чувствомъ, которое никогда не примирится съ національнымъ порабощеніемъ, хотя бы поработителемъ былъ и родственный славянскій народъ.

Если чешскіе панслависты, стоя вдали, могли окутывать самодержавную Россію розовымъ флеромъ и закрывать глаза на ея темныя стороны, то поляки, которые ощущали въ теченіе многихъ лѣтъ самымъ непосредственнымъ образомъ всю тяжесть самодержавнаго строя,—поляки никогда не могли увлечься панславистской мечтой.

Поляки были враждебны панславизму, русское общество относилось къ нему холодно и пренебрежительно, и только среди австрійскихъ славянъ панславизмъ находилъ своихъ адептовъ.

Но и въ этой средѣ панславизму вскорѣ былъ нанесенъ тяжелый ударъ.

Разразилась война между Россіей и Японіей. Эта война вскрыла передъ лицомъ всего міра всѣ темныя стороны самодержавнаго режима. Она подписала этому режиму смертный приговоръ. Панславизмъ, связавшій всѣ свои чаянія и упованія съ призрачнымъ могуществомъ самодержавнаго колосса, потерялъ подъ собой почву. Разгромъ бюрократической Россіи на поляхъ Манчжуріи вызвалъ рѣзкій кризисъ въ панславизмѣ. Когда переживаемый Россіей переходный моментъ завершится воплощеніемъ въ жизнь идеи права и свободы и когда Россія окончательно пріобщится къ семьѣ культурно-правовыхъ европейскихъ государствъ, панславизмъ въ его подлинномъ видѣ безвозвратно сойдетъ съ политической сцены, оставшись, можетъ быть, лишь въ головахъ немногихъ упрямыхъ чудаковъ, доживающихъ свой вѣкъ и не желающихъ разставаться со своимъ собственнымъ дѣтищемъ.

Итакъ, славянофильство уже перешло въ небытіе, одряхлѣвшій панславизмъ уже постигаетъ участь славянофильства. Значитъ ли это, что со смертью панславизма умретъ и идея всеславянства? Нисколько. Она должна воскреснуть, но только въ новомъ, обновленномъ и болѣе чистомъ видѣ. Она должна отбросить всѣ реакціонныя примѣси панславизма, она должна связать свою судьбу съ идеей политическаго обновленія Россіи. Только на почвѣ свободной Россіи можетъ расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ лишенная всякихъ примѣсей политиканства, проникнутая высокимъ идеализмомъ,—чистая идея всеславянства.

Панславизмъ былъ утопіей, ибо полякъ не могъ протянуть руку русскому, пока Россія была для него олицетвореніемъ гнета и насилія; русское общество не могло отдаться идеѣ славянскаго братства, пока у него на родинѣ шла братоубійственная война. Иное дѣло въ свободной Россіи.

Въ новой Россіи съ ея огромной политической силой всѣ славянскія племена отъ поляковъ до чеховъ и болгаръ могутъ найти оплотъ противъ покушеній на ихъ національную культуру, откуда бы эти покушенія ни исходили. Передъ Россіей предстанетъ колоссальная задача объединить весь востокъ Европы подъ сѣнью славянскаго союза, основаннаго не на на-

силіи и порабощеніи, а на духовно-культурной общности. Въ этомъ культурномъ союзѣ національныя особенности отдѣльныхъ племенъ получатъ полный просторъ для дальнѣйшаго саморазвитія, въ результатѣ котораго создастся одно гармоническое цѣлое.

Такова задача, которую желѣзная логика развертывающагося передъ нашими глазами историческаго процесса ставитъ на очередь дня.

Что въ настоящее время въ славянствѣ происходитъ поворотъ именно въ сторону указанной нами тенденціи, мы постараемся доказать ниже уже съ фактическимъ матеріаломъ въ рукахъ.

Въ этомъ отношеніи для насъ имѣетъ особенно важное значеніе позиція, на которой стоятъ поляки. Поляки до сихъ поръ не склонны были воспринимать идею общности всѣхъ славянъ.

Причины этого, какъ мы указывали выше, лежали въ условіяхъ политической жизни Польши, а вовсе не въ органической неспособности со стороны поляковъ воспринять всеславянскую идею.

Тѣмъ не менѣе антагонизмъ поляковъ къ Россіи выставлялся противниками, какъ наиболѣе сильный доводъ противъ «всеславянскихъ утопій».

И вотъ въ настоящее время польское общественное мнѣніе начинаетъ все болѣе склоняться въ сторону славянскаго единенія.

Однимъ изъ весьма существенныхъ факторовъ, толкающихъ поляковъ на указанный путь, является германизаторская политика, такъ широко проводимая Пруссіей въ предѣлахъ ея польскихъ провинцій. Корреспонденціи польскихъ газетъ изъ Познани изобилуютъ фактами безпощадной борьбы со всѣмъ польскимъ. Ареной для германизаціи прусское правительство избрало народную школу. Учителя-нѣмцы преслѣдуютъ польскій языкъ, польскихъ дѣтей противъ желанія родителей обучаютъ по-нѣмецки священной исторіи, заставляютъ даже читать молитвы по-нѣмецки. На этой почвѣ разыгрываются безконечныя исторіи. «Дѣтей, отказывающихся отвѣчать на урокахъ закона Божьяго по-нѣмецки, сажаютъ въ карцеръ, лишаютъ наградъ, оставляютъ на лишній годъ въ школѣ и даже не останавливаются передъ широкимъ примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній. Корреспондентъ петербургскаго *Края* въ № 38 такъ описываетъ положеніе въ Познани: «Жестокая «воспитательная» система дѣйствуетъ съ удвоеннымъ усердіемъ, свиститъ хлыстъ прусскаго учителя и по окончаніи уроковъ школьные залы переполняются маленькими арестантами... Сплошь и рядомъ маленькіе бунтовщики, прекрасно сознавая послѣдствія, не хотятъ ссылаться на запрещеніе со стороны родителей, считая честью пострадать «за собственныя убѣжденія». По свидѣтельству того же корреспондента нѣмецкая пресса, и не только явно шовинистическая, рука объ руку съ правительствомъ участвуетъ въ травлѣ поляковъ. Нѣмецкій католическій центръ, еще недавно выступавшій въ рейхстагѣ въ согласіи съ польскимъ «коло», теперь тоже обращается противъ поляковъ. *Katolische Rundschau*, органъ «католическаго восточнаго союза», не только требуетъ преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ священной исторіи, но высказывается даже за

изгнаніе польскаго языка изъ церковнаго богослуженія и въ концѣ концовъ уничтоженіе польской прессы и запрещеніе польскаго языка на политическихъ собраніяхъ».

Въ связи съ все усиливающимся германизаторскимъ режимомъ въ Познани, польское общественное мнѣніе не на шутку встревожено позиціей, занятой Вильгельмомъ II по вопросу объ автономіи русской Польши.

Во 2 нумерѣ варшавской газеты *Sztandar* мы находимъ заимствованную изъ парижскаго *Journal* корреспонденцію извѣстнаго политика Александра Улара по поводу свиданія Вильгельма II съ австрійскимъ императоромъ.

«Главнымъ предметомъ совѣщанія было настоящее положеніе Россіи.

Инициатива, повидимому, принадлежала Вильгельму II, который заинтересованъ въ томъ, чтобы по сосѣдству съ нимъ не образовалось сильное конституціонное государство, которое, вмѣстѣ съ французской республикой, явилось бы угрозой милитаристическому режиму Германіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Польша въ такомъ случаѣ получитъ весьма широкое самоуправленіе.

Тогда въ части Польши, остающейся подъ скипетромъ Пруссіи, возникло бы сильное стремленіе къ объединенію съ примирившимся съ Россіей Царствомъ Польскимъ.

Какимъ образомъ въ виду этого предохранить Германію отъ серьезныхъ волненій въ ея восточныхъ провинціяхъ?

По убѣжденію Вильгельма II существуетъ лишь одно средство. Необходимо предпринять шаги съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ проведеніе автономіи въ русской Польшѣ.

Наилучшимъ средствомъ является поддержка существующаго въ Россіи режима, а если бы это оказалось невозможнымъ, остается подавленіе автономной Польши».

Какъ видимъ, польское общество имѣетъ всѣ основанія видѣть въ лицѣ Германіи серьезную угрозу національной культурѣ своего народа даже и за предѣлами Пруссіи.

Не считающаяся ни съ какими правовыми нормами германизація въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи, вѣроятность аггрессивной политики со стороны Германской имперіи по отношенію къ Царству Польскому — все это заставляетъ польское общество искать союзниковъ, при поддержкѣ которыхъ оно могло бы оказать отпоръ настоящей и будущей политикѣ Германіи.

И естественно, что польская мысль обращается въ сторону родственнаго славянскаго племени. Союзъ всѣхъ славянъ подъ эгидой свободной Россіи—таковъ въ ближайшемъ будущемъ политическій лозунгъ поляковъ, лозунгъ, продиктованный не капризомъ, не утопической фантазіей, а суровымъ и холоднымъ, а потому неизбѣжнымъ, политическимъ разсчетомъ.

Издающійся въ Краковѣ журналъ *Swiat Slawianski* явился глашатаемъ славянской политики такого рода еще до начала русско-японской войны.

Въ настоящее время *Kraj* въ передовицѣ «Поворотъ въ славянствѣ» въ № 39 рѣшительно становится на ту же точку зрѣнія. Авторъ передовицы г. И. Мзура цитируетъ любопытную словенскую брошюру о программѣ славянской политики. Словенскій авторъ намѣчаетъ «программу, въ которой должна воплотиться славянская идея, для того, чтобы южные и восточные славянскіе народы не подпали національному вырожденію подъ натискомъ нѣмцевъ... Авторъ полагаетъ, что, во всемъ славянствѣ существуютъ лишь два народа, «обладающіе гарантіей самобытнаго существованія: русскіе и поляки».

«Первые сильны численностью, вторые—культурой и выработаннымъ политическимъ чутьемъ».

«Всякая славянская политика, направленная противъ Россіи, была бы самоубійствомъ, но, равнымъ образомъ, самоубійствомъ является руссификація Польши. Ибо она ведетъ къ уничтоженію естественной плотины, которую польское національное самосознаніе и цивилизація образуютъ въ противовѣсъ германскому натиску».

Поэтому первымъ тезисомъ политики, исходящей изъ славянской идеи, является самая широкая автономія Царства Польскаго, «дающая Россіи гарантію внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности». Такой шагъ «открылъ бы двери всеславянской политикѣ, осуществляемой въ крупныхъ размѣрахъ». Такая политика, по мнѣнію автора, означала бы конецъ германизаторскихъ стремленій какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи. Въ концѣ брошюры для пропаганды славянской идеи въ духѣ охраны національныхъ правъ и справедливости авторъ рекомендуетъ созданіе еженедѣльнаго журнала, который бы выпускался одновременно въ нѣсколькихъ параллельныхъ изданіяхъ на разныхъ славянскихъ языкахъ.

Kraj, цитируя съ сочувствіемъ брошюру, прибавляетъ въ заключеніе отъ себя:

«Славянская идея, туманная и безформенная у ея первыхъ глашатаевъ, уродливо исковерканная воинствующимъ панславизмомъ, различными благотворительными обществами и поклонниками грубой силы, просыпается къ новой жизни подъ знаменами свободы и справедливости. Пускай же въ такомъ видѣ она сохраняется и здравствуетъ!»

Мы видимъ такимъ образомъ, что на страницахъ польской журналистики мысль объ общеславянской солидарности дѣлаетъ быстрые успѣхи. Когда завершится процессъ политическаго преобразованія и русскій народъ добровольно возстановитъ автономію Польши,—тогда славянская идея съ газетныхъ листовъ перейдетъ въ плоть и кровь обоихъ родственныхъ народовъ и воплотится въ жизнь, ставъ реальнымъ политическимъ фактомъ.

Что идея эта является не искусственно привитой, не искусственно муссированной журналистикой или нѣкоторыми политическими группами, видно изъ того, что и среди чеховъ она завоевываетъ все больше сторонниковъ.

Въ подтвержденіе этого намъ достаточно сослаться на анкету, произве-

денную редакціей пражскаго журнала *Maj* на тему: возможна ли совмѣстная акція австрійскихъ славянъ?

Maj слѣдующимъ образомъ характеризуетъ добытые анкетой результаты:

«Благодаря ей выступаетъ на первый планъ, въ видѣ ближайшей задачи славянства: сорганизовать силы на основѣ нашей собственной народной идеи, создать для насъ *собственную организацію*, при помощи которой мы окажемся въ состояніи выяснить наши совмѣстные національные интересы и путемъ совмѣстной акціи разрѣшить поставленную передъ нами великую задачу».

Swiat Slawianski (1906 г., № 20, стр. 94) въ такихъ словахъ говоритъ о результатахъ анкеты:

«Время признать, что разногласія въ общественно-гражданскихъ воззрѣніяхъ не стоятъ поперекъ пути, когда рѣчь идетъ о народныхъ интересахъ славянъ и они насъ не могутъ раздѣлять, если мы сохранимъ... простой здравый смыслъ. Мы съ величайшей радостью привѣтствуемъ эти результаты анкеты... Результаты анкеты констатируютъ, что *чешская мысль сдѣлала шагъ, и при томъ крупный, въ сторону мысли польской*».

Вотъ факты, ярко свидѣтельствующіе, что идея всеславянства растетъ и ширится въ указанномъ нами направленіи и становится все популярнѣе среди рѣшительно всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ славянскихъ націй, и близокъ день, когда въ своемъ новомъ и чистомъ видѣ она станетъ общимъ достояніемъ славянства.

М. С.

Третій конгрессъ „Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ“ въ Копенгагенѣ *).

(7—12 августа 1906 г.)

„Въ единеніи—сила“.

I.

Общее значеніе конгресса.—Отношеніе къ нему публики и прессы.—Вліяніе международныхъ встрѣчъ на расширеніе умственнаго горизонта.

7 августа н. ст. въ Копенгагенѣ состоялось открытіе 3-го конгресса Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ. Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого союза. Въ 1902 году «Національная Ассоціація Избирательныхъ Правъ Женщинъ» въ Америкѣ рѣшила объединить всѣ существующія аналогичныя національныя общества. Съ этой цѣлью въ февралѣ 1902 г. состоялся въ Вашингтонѣ митингъ, на который были приглашены делегаты существующихъ національныхъ обществъ избирательныхъ правъ женщинъ. Явились делегатки, присланныя изъ Канады, Германіи, Великобританіи, Норвегіи, Швеціи и Соединенныхъ Штатовъ. Австралія, не имѣя національнаго общества, прислала делегатку отъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ обществъ. Организаторы обратились также съ приглашеніемъ къ женщинамъ, сочувствующимъ освободительному движенію. Въ результатѣ явились делегатки изъ Россіи, Чили и Турціи. На конгрессѣ были представлены и прочитаны доклады, обсуждены главныя основы будущаго союза.

Съ цѣлью дать каждой вступающей въ союзъ ассоціаціи возможность обсудить проектъ конституціи, на вашингтонскомъ конгрессѣ была учреждена лишь временная международная организація женскихъ избирательныхъ правъ, съ временнымъ комитетомъ во главѣ. Г-жа Сусанна Антони, знаменитая піонерка женской эмансипаціи въ Америкѣ, была избрана первой предсѣдательницей; д-ръ Анита Аугсбургъ — вицепредсѣдательницей, г-жа Чапманъ Кэтъ — секретаремъ. Второй конгрессъ «Международнаго

*) Рефератъ, читанный 22 октября 1906 г. въ Москвѣ, въ Лит. Худ. Кружкѣ.

Союза» состоялся въ 1904 г. въ Берлинѣ, гдѣ организація союза была окончательно установлена и конституція утверждена собраніемъ делегатокъ. Къ первоначальному ядру союза присоединились здѣсь Голландія и Данія.

На конгрессахъ Международнаго Союза была принята и утверждена слѣд. декларація основныхъ принциповъ:

1) Мужчины и женщины равно свободны и независимы по рожденію; равно надѣлены разумомъ и способностями и имѣютъ равное право на свободное ихъ развитіе.

2) Естественное соотношеніе половъ есть взаимодѣйствіе и кооперація, и ограниченіе правъ и свободы одного пола неизбѣжно наноситъ ущербъ другому полу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему человѣчеству.

3) Во всѣхъ странахъ—тѣ законы, обычаи и вѣрованія, которые содѣйствовали закрѣпощенію женщинъ, ставили преграды ихъ образованію и препятствовали развитію ихъ прирожденныхъ способностей,—основаны на ложныхъ понятіяхъ и породили искусственное и неправильное соотношеніе между полами въ современномъ обществѣ.

4) Самоуправленіе въ семьѣ и государствѣ есть неотъемлимое право каждаго совершеннолѣтняго нормально развитого лица, и отказъ въ немъ женщинамъ вызвалъ по отношенію къ нимъ соціальную, юридическую и экономическую несправедливость и усугубилъ во всемъ мірѣ существующее экономическое неустройство.

5) Правительство, которое предписываетъ женщинамъ - гражданкамъ законы и взимаетъ съ нихъ налоги, не предоставляя имъ права согласія или отказа, которымъ пользуются мужчины-граждане,—производитъ надъ ними насиліе, недопустимое въ государствѣ, основанномъ на справедливыхъ законахъ.

6) Всеобщее голосованіе есть единственное законное и вѣрное средство защиты правъ на «жизнь, свободу и счастье», признанныхъ американской декларацією независимости, и затѣмъ всѣми цивилизованными націями—неотъемлимымъ правомъ человѣческой личности. Поэтому во всѣхъ представительныхъ государствахъ женщины должны быть облечены всѣми политическими правами и привилегіями избирателей.

Третій конгрессъ Международнаго Союза состоялся, какъ извѣстно, въ Копенгагенѣ 7—12 августа н. стиля. Мѣстная прогрессивная газета *Politiken*, привѣтствуя это событіе, коснулась его значенія въ глазахъ современниковъ и потомковъ: для насъ это фактъ знаменательный, крупный шагъ впередъ. Но черезъ какія-нибудь 50 лѣтъ культурное общество съ трудомъ представитъ себѣ, что сотнямъ женщинъ приходилось устраивать конгрессы, собираться, тратить время и силы, чтобъ доказывать справедливость своихъ требованій, выяснять необходимость свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ...

Газета права. Всѣ эти истины черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, станутъ труизмами. Всѣ уродливыя уклоненія отъ нормальнаго строя жизни исчезнутъ; и потомки, читая исторію женскаго движенія,

отнесутся къ тѣмъ, кто отстаивалъ привилегіи мужского пола, такъ, какъ мы теперь относимся къ рабовладѣльцамъ и крѣпостникамъ предшествовавшихъ столѣтій.—Но время просвѣтлѣнія для человѣчества еще не настало. Въ наши дни господства отрицательныхъ сторонъ жизни—тьма преобладаетъ надъ свѣтомъ. Не сила права, а право силы царитъ надъ міромъ; и еще большой вопросъ—далеко ли мы ушли отъ средневѣковаго кулачнаго права...

Конгрессъ «Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ» промелькнулъ свѣтлымъ лучомъ среди общаго мрака. Тотъ, кто былъ на конгрессѣ и принялъ въ немъ участіе не внѣшнимъ образомъ, а умомъ и сердцемъ, тотъ, несомнѣнно, почерпнулъ изъ него силы для дальнѣйшей работы въ той же сферѣ. Кто утомился, слѣдуя по усѣянному терніями пути общественнаго дѣятеля,—тотъ нравственно отдохнетъ и воспрянетъ духомъ при воспоминаніи о тѣхъ удивительныхъ женщинахъ, беззавѣтно преданныхъ идеѣ, бодрыхъ, сильныхъ и смѣлыхъ, съ которыми насъ сблизилъ конгрессъ. Передо мной сейчасъ встаетъ въ воспоминаніи нѣсколько такихъ свѣтлыхъ образовъ; впереди всѣхъ—делегатки Америки—главнаго очага женскаго движенія: предсѣдательница союза г-жа Чапманъ Кэтъ, секретарь—г-жа Эвери, предсѣдательница Американскаго Національнаго Союза д-ръ Шоу и др. Быть можетъ, нѣкоторые скептики возразятъ, что тѣ самоотверженныя и богато-одаренныя женщины, о которыхъ я говорю, и на конгрессѣ составляли исключеніе; что большинство, какъ почти во всякомъ собраніи, не особенно отличались своими свойствами отъ людей толпы. Тѣмъ не менѣе, въ эту минуту всѣ, даже самые заурядныя, забыли свои мелкіе, будничные интересы; всѣ соединились, слились вмѣстѣ во имя одной великой идеи; и это общее стремленіе осуществить ее невольно всѣхъ дѣлало лучше, выше.—Если сближеніе съ людьми высшаго полета нравственно ободрило многихъ піонеровъ женскаго движенія, то знакомство съ представителями другихъ націй не менѣе сильно повліяло и на умственный ихъ горизонтъ. Передъ нами открывались новые взгляды, понятія, новый строй жизни. При этомъ, какъ справедливо замѣтила предсѣдательница Международнаго Союза, эта встрѣча съ представителями другихъ націй побуждала насъ болѣе скромно относиться къ самимъ себѣ и болѣе цѣнить другихъ, ибо каждая страна дала нѣчто, чего не было у другихъ, каждая внесла свой опытъ, плодъ своей работы въ общую сокровищницу знаній.

Нельзя не отмѣтить еще одну важную заслугу конгресса. Онъ явился прекраснымъ средствомъ пропаганды въ различныхъ слояхъ общества. Въ теченіе недѣли вниманіе города поневолѣ было привлечено съѣхавшимся конгрессомъ. О немъ говорила вся мѣстная пресса, и многіе изъ извѣстныхъ мѣстныхъ жителей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ конгрессу; о немъ напоминали группы конгрессистокъ съ красными значками, появлявшіяся на улицахъ въ перерывахъ между засѣданіями.

Въ смыслѣ пропаганды, не малую роль сыграли также экскурсіи и

торжественные пріемы, устроенные въ честь конгресса. Являясь знакомъ вниманія со стороны администраціи города и старинныхъ мѣстныхъ обывателей, празднества эти привлекали вниманіе толпы и придавали конгрессу характеръ интернаціональнаго торжества. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ отношеніи наши хозяйки-датчанки проявили величайшее гостепріимство. Все было заранѣе предугадано и предусмотрѣно. Задолго до открытія конгресса такъ называемый комитетъ развлеченій, съ г-жей Мюллеръ во главѣ, обдумалъ и приготовилъ рядъ празднествъ. Была устроена экскурсія въ красивое мѣстечко Маріэнлюстъ близъ Копенгагена; причемъ конгрессистокъ встрѣчали и провожали пушечной пальбой. Былъ устроенъ ужинъ отъ «Датской Ассоціаціи женскихъ избирательныхъ правъ», и нѣсколько вечеровъ въ частныхъ домахъ. Но, быть можетъ, всего внушительнѣе въ смыслѣ пропаганды былъ пріемъ конгресса въ городской думѣ. Иниціатива въ данномъ случаѣ исходила уже не отъ датчанокъ, нашихъ сочленовъ по Международному Союзу, а отъ городского управленія, пожелавшаго въ лицѣ главныхъ своихъ представителей выразить свое сочувствіе и уваженіе собравшемуся въ Копенгагенѣ женскому конгрессу. Въ этомъ смыслѣ нельзя было не оцѣнить всѣхъ деталей, сопровождавшихъ пріемъ конгресса. 8 августа все великолѣпное зданіе думы было предоставлено для осмотра гостей. Благодаря отсутствію общепонятнаго языка, рѣчи нашихъ хозяевъ, мэра и другихъ членовъ городского управленія отличались краткостью; но въ нихъ было сказано какъ разъ то, что мы желали услышать: наши хозяева высказали пожеланіе и надежду вскорѣ увидѣть женщинъ въ составѣ городского управленія.—Передъ зданіемъ думы, на площади, играла въ честь конгресса военная музыка; и собравшаяся огромная толпа съ любопытствомъ смотрѣла на непривычное зрѣлище: празднество, устроенное думой въ честь собравшихся изъ всѣхъ странъ женщинъ-конгрессистокъ.

Но не одни торжества и экскурсіи привлекали къ конгрессу вниманіе мѣстныхъ жителей. Наиболѣе интеллигентные усердно посѣщали засѣданія конгресса; и на вечернихъ собраніяхъ, въ часы, когда трудовой людъ освобождается отъ занятій, въ залѣ собраній часто не оставалось ни одного свободнаго мѣста.

Съѣздъ женскаго политическаго союза явился фактомъ небывалымъ въ исторіи Даніи. Однимъ изъ его важныхъ результатовъ было возбужденіе сочувствія къ нему всей мѣстной прессы. Раньше даже органы радикальной печати замалчивали женскій вопросъ, относились къ нему съ свойственнымъ пренебреженіемъ: теперь всѣ газеты и журналы, консервативные и прогрессивные, отмѣтили конгрессъ какъ событіе, достойное общаго вниманія. Всѣ собранія конгресса усердно посѣщались редакторами и корреспондентами. Ежедневно вездѣ появлялись замѣтки о конгрессѣ и отчеты засѣданій. При этомъ нельзя не отмѣтить, что представители печати отнеслись къ своей задачѣ не поверхностно, а серьезно: интервьюировали иностранныхъ делегатокъ, просили разъясненій, старались вникнуть въ суть вопросовъ.

Итакъ, вотъ первый реальный результатъ конгресса международнаго женскаго союза: онъ явился могущественнымъ орудіемъ пропаганды, онъ привлекъ вниманіе публики и прессы.

Въ то же время, по отношенію къ съѣхавшимся делегаткамъ, онъ явился стимуломъ къ дальнѣйшей дѣятельности и заложилъ основы прочной связи между представительницами разныхъ націй и разныхъ странъ.

II.

Доклады конгресса Международнаго Союза. — Общія черты въ положеніи женскаго вопроса и отличительныя его особенности въ разныхъ странахъ.—Доклады отъ странъ, гдѣ женщины политически безправны, и отъ тѣхъ, гдѣ они полноправны. — Доклады С.-А. Штатовъ, Канады, Великобританіи, Германіи, Италіи, Венгріи, Голландіи, Даніи, Норвегіи и Швеціи.

Несмотря на различіе условій, въ которыхъ развивались общества и союзы равноправія женщинъ, въ исторіи ихъ выступаетъ нѣсколько общихъ чертъ. Вездѣ они возникали подъ вліяніемъ, съ одной стороны, пробужденія самосознанія въ индивидуальной личности, съ другой — подъ давленіемъ экономическихъ условій. И вездѣ это пробужденіе женской личности встрѣчало отпоръ со стороны захватившихъ въ свои руки власть мужчинъ. Правда, въ послѣднемъ отношеніи исторія женскаго движенія представляетъ на первый взглядъ большое разнообразіе: въ разныхъ странахъ тѣ или другія партіи различно относились къ вопросу о женскихъ правахъ. Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ движеніемъ, мы видимъ, что подъ этимъ внѣшнимъ разнообразіемъ скрываются сходныя, однородныя черты. Почти всегда мужчины благосклонно относятся къ политической равноправности женщинъ тамъ, гдѣ сами они ограничены въ политическихъ правахъ и для достиженія ихъ нуждаются въ поддержкѣ женщинъ. Быть можетъ, это обстоятельство объясняетъ тотъ характерный фактъ, на который обратила въ своей рѣчи вниманіе предсѣдательница Международнаго Союза, г-жа Чапманъ Кэтъ. «Отмѣтимъ»,—сказала она,—и тотъ любопытный фактъ, что въ единственныхъ республикахъ Европы, во Франціи и Швейцаріи, вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ менѣе подвинулся впередъ, чѣмъ въ какой-либо изъ сѣверныхъ монархій. Въ этихъ двухъ странахъ мужчины давно пользуются преимуществами самоуправленія безъ тѣхъ ограниченій, которыя налагаетъ часто монархія. Почему же мужчины въ этихъ республикахъ не распространили избирательныхъ правъ на женщинъ, и почему женщины не объединились здѣсь, чтобы потребовать себѣ правъ? На этотъ вопросъ отвѣтитъ лѣтописецъ женскаго движенія. Въ связи съ этимъ, отмѣтимъ, что либеральныя и прогрессивныя колоніи монархической Англіи, Австралія и Новая Зеландія, стали впереди всего міра въ дѣлѣ освобожденія женщины; и весьма вѣроятно, что даже сама Англія получитъ всеобщее избирательное право безъ различія пола гораздо раньше, чѣмъ Соединенные Американскіе Штаты, первые формулировавшіе требованіе самоуправленія для всѣхъ. «Въ этомъ»,—замѣтила предсѣдательница,—«заклю-

чается поучительный урокъ для всѣхъ насъ; а именно, что самое благопріятное время для предъявленія требованія равноправности—тогда, когда сами мужчины еще не достигли всѣхъ политическихъ правъ».

Предѣлы краткаго реферата не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на исторіи различныхъ женскихъ политическихъ союзовъ, приславшихъ делегаціи на конгрессъ. Присутствовали делегатки отъ восьми раньше соединившихся странъ (Американскіе Соединенные Штаты, Англія, Голландія, Данія, Норвегія, Швеція, Германія и Австралія); делегатки отъ четырехъ странъ, изъявившихъ желаніе примкнуть къ Союзу и принятыхъ въ первый же день конгресса: Россія, Италія, Канада и Венгрія. Кромѣ того, явились делегатки отъ Финляндіи, Исландіи, Кубы, Франціи и Швейцаріи.

Всѣ эти страны по отношенію къ женскому движенію могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: 1) страны, гдѣ движеніе это еще въ первой своей стадіи, гдѣ оно не охватило еще широкіе слои или находится въ зачаточномъ состояніи: Франція, Швейцарія, Исландія, Куба; 2) страны, гдѣ женскія общества сплотились, широко развернули свою дѣятельность и поставили требованіе для женщинъ политическихъ правъ въ первомъ ряду демократическихъ реформъ, и 3) страны, гдѣ женщины получили полныя права гражданства и гдѣ имъ предстоитъ лишь изгладить въ законахъ нѣкоторыя привилегіи мужчинъ—наслѣдіе стараго строя. Къ таковымъ принадлежатъ лишь Финляндія, Новая Зеландія и Австралія. Относительно двухъ первыхъ категорій замѣтимъ, что границы между ними довольно трудно провести, такъ какъ онѣ подвержены постояннымъ, быстрымъ колебаніямъ. Женскій вопросъ тонкими нитями связанъ съ массой другихъ вопросовъ; и эволюція его замедляется или быстро двигается впередъ въ зависимости отъ сложныхъ условій соціальной и политической жизни.

Остановимся вкратцѣ на докладахъ, характеризующихъ всѣ три категоріи. Наименѣе значенія представляютъ тѣ страны, гдѣ женское движеніе не приняло опредѣленной формы или находится въ первомъ періодѣ развитія. Къ таковымъ принадлежитъ Куба, гдѣ женщины не имѣютъ никакихъ политическихъ правъ и никогда не стремились обладать ими. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ образованію женщины пользуются одинаковыми правами; и университетъ въ Гаваннѣ открытъ для нихъ наравнѣ съ мужчинами. Законъ не воспрещаетъ женщинамъ занимать какія-либо должности; но препятствіемъ является, въ данномъ случаѣ, общественное мнѣніе и предразсудки. Оплата труда, конторскаго и педагогическаго, та же здѣсь для женщинъ, какъ и для мужчинъ.

Въ Швейцаріи женскій вопросъ обсуждается и въ значительной степени поддерживается всѣми прогрессивными ассоціаціями, мужскими и женскими, отчасти и прессой. Тѣмъ не менѣе, движеніе не оформилось въ національной организаціи. При этомъ главное препятствіе заключается въ раздѣленіи Швейцаріи на 22 независимыхъ кантона, причемъ каждый держится самостоятельнаго направленія во всѣхъ политическихъ вопросахъ. Въ виду этого, сторонники женскаго движенія рѣшили прежде всего организовать

независимыя группы въ различныхъ кантонахъ и уже затѣмъ соединить ихъ въ одинъ національный союзъ. Говоря о препятствіяхъ на пути къ достиженію политическаго равноправія для женщинъ въ Швейцаріи, докладчица, какъ одно изъ главныхъ, отмѣтила осуществленіе по отношенію къ мужчинамъ всѣхъ требованій демократической республики: мужчины обладаютъ всѣми политическими правами (политическій референдумъ, право народной инициативы въ законодательствѣ и т. д.). Вслѣдствіе этого въ Швейцаріи не возникало поводовъ для обсужденія и пересмотра конституціи. А благодаря высокой степени общаго экономическаго благосостоянія, сами швейцарки мало сознаютъ то зло для нихъ самихъ и для страны, которое является слѣдствіемъ политическаго безправія женщинъ.

Во Франціи до сихъ поръ нѣтъ никакого національнаго общества для борьбы за равноправіе женщинъ. Есть цѣлый рядъ обществъ, работающихъ какъ въ разныхъ спеціальныхъ сферахъ женскаго вопроса (Groupe du Jury Féministe, La Loge maçonique, La Loge du droit de l'Education etc.), такъ и для достиженія политическихъ правъ (La Ligue des droits des Femmes «Le Suffrage des Femmes» etc.).

Любопытныя черты борьбы за равноправіе представляетъ Исландія—четвертая изъ странъ, приславшихъ делегатку на конгрессъ, но не примкнувшихъ пока къ Международному Союзу. Представительницей Исландіи явилась г-жа Асмундсонъ, редакторъ женской газеты *Kvennaesladid*. Судя по ея интересному докладу, женщины въ Исландіи до половины XIX вѣка имѣли доступъ лишь въ начальныя школы; были отстранены отъ всякихъ занятій и должностей, кромѣ домашняго хозяйства; и обойдены закономъ о наслѣдствѣ (между прочимъ сестры получали вдвое меньше, чѣмъ братья). Но съ половины XIX вѣка альтингъ (парламентъ) проводитъ рядъ мѣръ, улучшающихъ экономическое положеніе женщинъ. Прежде всего, въ 1850 г. былъ утвержденъ законъ, уравнивающій женщинъ въ правахъ наслѣдства. Инициатива этихъ преобразованій всецѣло принадлежала мужчинамъ. Съ этого времени въ женщинахъ пробуждается самосознаніе; и первое, что привлекло ихъ вниманіе, былъ вопросъ образованія. Женщины поняли, что при отсутствіи знаній и умственнаго развитія, онѣ никогда не достигнутъ равенства. Въ 1884 году группа женщинъ въ городѣ Рейкіавикъ основала первую среднеучебную школу для дѣвочекъ. Въ настоящее время въ Исландіи имѣется три такихъ школы. Тѣмъ не менѣе, положеніе женщинъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ было крайне тяжелое. Начальныя школы для дѣвочекъ не пользовались субсидіей отъ правительства, какъ аналогичныя школы для мальчиковъ. Женщины не допускались въ высшія учебныя заведенія. Учительницы получали вдвое меньше жалованья, чѣмъ учителя. Дочери часто были принуждены отправлять въ домѣ отца обязанности прислуги, въ то время какъ всѣ средства шли на образованіе ихъ братьевъ. Такое ненормальное положеніе вещей вызвало протестъ женщинъ и лучшихъ изъ мужчинъ. Въ 1882 году альтингъ утвердилъ законъ, предоставляющій совершеннолѣтнимъ (25 лѣтъ) женщинамъ, незамужнимъ и вдовамъ, имѣю-

щимъ собственность или живущимъ своимъ трудомъ—право голоса при выборахъ городской думы и уѣздныхъ совѣтовъ. Немного позднѣе женщины были допущены къ слушанію лекцій на медицинскомъ факультетѣ и къ экзамену на доктора. Въ 1895 году былъ основанъ «Исландскій женскій союзъ», главной цѣлью котораго является достиженіе для женщинъ политическихъ правъ. Первымъ шагомъ союза было представленіе въ альтингъ петиціи объ избирательныхъ правахъ женщинъ и о правѣ замужнихъ женщинъ располагать своей собственностью. Петиція эта, подписанная 3,000 женщинъ, не удостоилась вниманія. Тѣмъ не менѣе, она имѣла свое значеніе. Благодаря основанію двухъ женскихъ газетъ, вопросъ о женскихъ правахъ сталъ предметомъ постоянныхъ обсужденій. Редакторъ одной изъ газетъ, членъ парламента Скули Торводсэнъ въ 1899 г. провелъ въ парламентѣ билль, предоставляющій замужнимъ женщинамъ право располагать своей собственностью и своимъ заработкомъ. Въ 1902 году онъ же провелъ законъ о пассивныхъ избирательныхъ правахъ незамужнихъ женщинъ и вдовъ въ земствѣ и городскомъ самоуправленіи. По словамъ г-жи Асмундсонъ, главнымъ препятствіемъ для кооперации женщинъ въ Исландіи являются большія разстоянія при рѣдкомъ населеніи страны. Она считаетъ, что организація національнаго женскаго союза болѣе всего могла бы способствовать достиженію равноправія женщинъ.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ странамъ, гдѣ женщины сплотились въ національныя организаціи для борьбы за свои права. Первое мѣсто принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ женщины уже долгіе годы ведутъ энергичную борьбу за равноправіе. Обстоятельный прекрасный докладъ отъ Соединенныхъ Штатовъ, составленный г-жей Шоу, былъ прочитанъ г-жей Антони *).

Начало женскаго движенія въ Америкѣ неразрывно связано съ именемъ знаменитой общественной дѣятельницы, г-жи Сусанны Антони, скончавшейся въ мартѣ 1906 г. 86 лѣтъ отъ роду. Около половины XIX вѣка, когда г-жа Антони вступила въ общественную дѣятельность, положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ было самое унизительное. Женщины не имѣли никакихъ правъ, были вполнѣ подчинены власти сначала отца, а затѣмъ мужа. Всѣ области труда, кромѣ домашняго хозяйства, фабричной работы и преподаванія въ начальныхъ школахъ—были для нихъ закрыты. Г-жа Антони смѣло выступила на защиту женскихъ правъ. Молодой дѣвушкой она рѣшила посвятить этой цѣли всѣ свои силы, всю жизнь. Она объѣздила страну (въ то время пути сообщенія были самыя примитивныя), вездѣ организуя митинги, объясняя несправедливость законовъ по отношенію къ женщинамъ и требуя ихъ реформы. Въ теченіе своей долгой жизни г-жа Антони лишь однажды отвлеклась отъ главной своей цѣли. Это было въ 60-хъ годахъ во время борьбы за уничтоженіе рабства. Въ 1863 г. г-жа Антони организовала «Женскую Національную Лигу», которая собрала 400,000 петицій, требующихъ унич-

*) Племянницей г-жи Сусанны Антони.

тоженія рабства. Петиціи эти были посланы въ Конгрессъ и вызвали включеніе въ національную конституцію поправки, навсегда уничтожившей рабство въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ. Имя г-жи Антони съ благоговѣніемъ произносится не только въ Америкѣ, но и во многихъ другихъ странахъ—всѣми, кто имѣлъ счастіе знать эту удивительную женщину. Женщины даже такихъ странъ, какъ Австралія, Норвегія, считаютъ, что онѣ болѣе всего обязаны г-жѣ Антони тѣмъ, что ими достигнуто въ области политическихъ правъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ женщины, благодаря изумительной ея энергіи и неустанной пропагандѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ, въ настоящее время достигли многаго. Въ четырехъ штатахъ женщины, какъ извѣстно, вполнѣ уравнены въ политическихъ правахъ съ мужчинами; въ половинѣ остальныхъ онѣ получили лишь часть этихъ правъ. Почти всѣ области труда открыты для нихъ. Среднія и высшія учебныя заведенія доступны для женщинъ наравнѣ съ мужчинами.

Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству докладчицы, общее положеніе женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ далеко не идеальное. Болѣе того: имъ, быть можетъ, труднѣе добиться равноправія, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Дѣло въ томъ, что для проведенія реформы въ Соединенныхъ Штатахъ приходится обращаться къ 46 парламентамъ, т.-е. фактически ко всѣмъ мужчинамъ; и при этихъ условіяхъ надо удивляться, что реформа проведена въ четырехъ штатахъ. Въ послѣднее время женщины, агитировавшія въ штатѣ Орегонъ, встрѣтили самый надменный отпоръ. Одни говорили, что побѣда надъ сторонницами равноправія есть побѣда семейнаго очага надъ безпокойными женщинами. Другіе, не отрицая, что требованія женщинъ справедливы, говорили, что «время для реформы еще не настало». Начало американской «Національной Ассоціаціи Женскихъ избирательныхъ правъ» («The National American women suffrage association») относится къ 1848 году. Въ настоящее время въ составъ ея входятъ: 1) общества отдѣльныхъ штатовъ, 2) національныя общества, 3) пожизненные члены, 4) члены соревнователи. Къ Н. А. примыкаютъ 33 общества отдѣльныхъ штатовъ. Хотя уставы ихъ не вполнѣ совпадаютъ, но, въ общемъ, они всѣ согласованы съ главными основами Н. А. Національныя общества, преслѣдующія одинаковыя цѣли съ Н. А., могутъ къ ней примыкать. Въ настоящее время въ Н. А. есть два національныхъ общества: «Общество Друзей» и «Лига Студентокъ» (учащихся и кончившихъ образованіе). Пожизненные члены и члены соревнователи могутъ присутствовать на всѣхъ собраніяхъ Ассоціаціи безъ права голоса. Общества отдѣльныхъ штатовъ и національныя общества уплачиваютъ за каждаго члена по 10 центовъ въ годъ. Пожизненные члены вносятъ единовременно 50 долларовъ, а члены-соревнователи платятъ одинъ долларъ въ годъ. Если афильированное общество не уплачиваетъ къ концу года своего взноса, оно выключается изъ Нац. Ассоціаціи. Если взносъ уплачивается позднѣе, оно сохраняетъ свою принадлежность къ Н. А., но безъ права голоса на ближайшемъ годичномъ конвентѣ (общемъ собраніи). Должност-

ныя лица—предсѣдательница, вице-предсѣдательница, два секретаря и кассиръ ежегодно избираются національнымъ конвентомъ, который собирается обыкновенно въ февралѣ, въ теченіе той недѣли, на которую выпадаетъ день рожденія г-жи Сусанны Антони. Конвентъ есть представительная организація, состоящая изъ должностныхъ лицъ, предсѣдательницъ національныхъ комитетовъ и обществъ отдѣльныхъ штатовъ, одного члена исполнительнаго комитета и одной делегатки отъ каждыхъ ста членовъ, за которыхъ штатъ уплатилъ взносъ въ національную ассоціацію. Дѣятельность Н. А. подраздѣляется на: 1) агитацію, 2) организацію и 3) законодательство. Агитація состоитъ главнымъ образомъ въ работѣ печати, которой завѣдуетъ національный предсѣдатель (Chairman); черезъ посредство его, больше чѣмъ въ 5,000 газетъ и еженедѣльниковъ доставляются статьи по женскому движенію. Кромѣ того, нѣсколько сотъ газетъ и журналовъ принимаютъ статьи и замѣтки отъ должностныхъ лицъ Ассоціаціи. При центральномъ правленіи издается національный органъ «Прогрессъ». Многіе штаты имѣютъ свои отдѣльные журналы. Литературный комитетъ Н. А. составляетъ спеціальные листки по каждому фазису женскаго движенія. За послѣдніе шесть мѣсяцевъ Нац. Ассоціаціей было выпущено больше милліона такихъ листковъ. Для цѣлей пропаганды организованъ также штатъ лекторовъ. На общихъ собраніяхъ всѣхъ значительныхъ организацій страны Н. А. стремится провести резолюціи въ пользу доставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. За послѣдній годъ такія резолюціи были проведены въ 400 организаціяхъ, стоящихъ внѣ женскаго движенія. Во многихъ коллежахъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ Н. А. выдаетъ награды за сочиненія и рѣчи о женскихъ правахъ и старается побуждать студентокъ устраивать пренія на эту тему. Относительно организаціи, національные организаторы, совмѣстно съ обществами мѣстными и отдѣльныхъ штатовъ, учреждаютъ мѣстныя общества; послѣднія присоединяются къ соотвѣтствующимъ обществамъ штатовъ, которыя, въ свою очередь, присоединяются къ Н. А. Такъ образуется непрерывная цѣпь, начиная отъ отдѣльнаго лица и кончая Національной Ассоціаціей.

Въ Н. А. Соединенныхъ Штатовъ насчитывается около 20,000 членовъ. По отношенію къ законодательству, при открытіи первой сессіи каждаго Національнаго Конгресса Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Н. А. обращается въ комитеты сената и палаты представителей, призывая правительство внести въ національную конституцію поправку, предоставляющую женщинамъ избирательныя права. Кромѣ того, нѣкоторыя общества отдѣльныхъ штатовъ ежегодно представляютъ петиціи въ законодательныя учрежденія своихъ штатовъ о предоставленіи на утвержденіе избирателей поправки къ конституціи штатовъ, дающей женщинамъ всѣ избирательныя права. Въ другихъ штатахъ общества стараются добиться муниципальнаго и школьнаго права голоса, также права голоса по вопросу о налогахъ.

Все сложное дѣло агитаціи въ Соединенныхъ Штатахъ требуетъ огромныхъ денежныхъ расходовъ. Въ одномъ Орегонѣ Н. А. истратила недавно

на агитаціонную кампанію 17,000 дол. (около 34,000 р.). Обычный ежегодный расходъ Н. А. равняется приблизительно 10,000 дол. «Въ нашей хваленой странѣ свободы»,—сказала въ заключеніе делегатка Соединенныхъ Штатовъ, г-жа Антони,—«мы далеко не живемъ соотвѣтственно нашимъ идеаламъ. И мы не можетъ не возмущаться при мысли о громадной затратѣ времени, силъ и денегъ, которая требуется для пріобрѣтенія свободы—той свободы, которой мы такъ гордимся». Съ этими словами совпадаетъ свидѣтельство знаменитой американской проповѣдницы и общественной дѣятельницы, г-жи Шоу. «Мы дочери республики»,—сказала она,—«обращаемся къ вамъ, дочерямъ монархій, за вдохновеніемъ. Не думайте, что мы приходимъ къ вамъ какъ свободныя женщины: мы не свободны... Когда-нибудь настанетъ день, когда и мы достигнемъ побѣды,—будемъ стоять рядомъ съ вами на вершинѣ горы. Многія изъ васъ рѣшили не покладать оружія, пока всѣ женщины не будутъ свободны. Мы радуемся вашимъ успѣхамъ,—радуемся, что вы раньше насъ достигнете побѣды».

Нѣсколько интересныхъ чертъ женскаго движенія сообщила делегатка Канады, г-жа Денисонъ. Въ Канадѣ за послѣдніе два года работа «Ассоціаціи Женскихъ Избирательныхъ Правъ» («Dominion Women's Enfranchisement Association») имѣетъ характеръ образовательный; причемъ ассоціація обращаетъ особенное вниманіе на пропаганду среди молодежи. Муниципальное право голоса почти единственное политическое право, которымъ пользуются женщины Канады; и то оно принадлежитъ только незамужнимъ и вдовамъ. Недавно депутація женщинъ была принята новымъ премьеръ-министромъ г. Уитней. Въ депутаціи приняли участіе вліятельные дѣятели—городской голова города Торонто, канцлеръ одного изъ университетовъ, инспекторъ народныхъ школъ и т. д. Ораторы депутаціи въ краткихъ, сильныхъ рѣчахъ развили главные аргументы въ пользу равноправія женщинъ. Премьеръ-министръ, отвѣчая имъ, призналъ, что требованія женщинъ справедливы; что гражданскія права—прирожденныя права всѣхъ и каждаго. Но вслѣдъ за этимъ онъ объявилъ, что положеніе женщинъ не имъ опредѣлено, и никакимъ другимъ государственнымъ дѣятелемъ: женщина входитъ въ божественныя предначертанія и положеніе ея опредѣлено Создателемъ. Онъ же и его товарищи сдѣлаютъ то немного, что въ ихъ власти: они постараются поближе ознакомиться съ Его предначертаніями. «Многіе изъ насъ,—замѣтила делегатка,—«впали тогда въ отчаяніе. Опытъ научилъ насъ, что, когда отдѣльныя лица стараются избѣгнуть личной отвѣтственности, и возложить ее на Всевышняго, тогда дѣло безнадежно».

Г-жа Денисонъ сообщила между прочимъ характерный инцидентъ, не такъ давно происшедшій въ г. Сентъ-Джонсѣ и показывающій, какъ толкуется на практикѣ законъ. Нѣкая г-жа Френчъ блестяще сдала экзаменъ въ городской высшей школѣ (Law School). Но когда она обратилась въ Верховный Судъ за разрѣшеніемъ заниматься юридической дѣятельностью, она полу-

чила отказъ на томъ основаніи, что право это по закону принадлежитъ только «лицамъ», женщины же къ таковымъ не принадлежатъ: лицами являются только мужчины. Инцидентъ этотъ вызвалъ въ странѣ взрывъ негодованія. Въ газеты посыпались протесты, причемъ авторъ одного письма заявлялъ, что если женщины—не лица, то онѣ не обязаны повиноваться законамъ. Вскорѣ послѣ этого одна дѣвушка, Кэтъ Смитъ, была арестована за нарушеніе общественной тишины. Когда на слѣдующій день ее привели въ участокъ, Кэтъ Смитъ объявила, что она невиновна: будучи женщиной, а не лицомъ», она закону не подлежитъ. Судья спросилъ: посовѣтовалъ ли ей кто-нибудь прибѣгнуть къ такого рода защитѣ? Подсудимая отвѣтила «нѣтъ», но она прочла это въ газетахъ. Судья справился съ закономъ и прочелъ пунктъ, гдѣ сказано, что всякое *лицо* застигнутое въ пьяномъ видѣ подлежитъ тюремному заключенію или штрафу,—и отпустилъ Кэтъ Смитъ. Этотъ практическій урокъ побудилъ законодательную палату провести актъ—законъ, опредѣляющій женщинъ какъ лицъ. Благодаря этому г-жа Френчъ случайно получила возможность быть юристомъ.

Переходимъ къ Великобританіи, докладъ которой былъ прочитанъ делегаткой г-жей Рэйдъ. Въ Великобританіи «Національный союзъ обществъ для предоставленія женщинамъ избирательнаго права» ставилъ два условія для присоединяющихся къ нему обществъ: 1) Единственная цѣль общества—достиженіе для женщинъ парламентскихъ правъ на тѣхъ же основахъ, на которыхъ пользуются ими мужчины. 2) Общество должно стоять внѣ партій.

Комитетъ Національнаго Союза собирается разъ въ мѣсяцъ въ Лондонѣ и три раза въ годъ въ провинціальныхъ городахъ. Большія общества избирательныхъ правъ присылаютъ на эти митинги по три делегатки; небольшія—по одной. Послѣ 1897 года, благодаря южно-африканской войнѣ, отвлекшей вниманіе парламента отъ внутренней политики, вопросъ о женскихъ правахъ мало подвинулся впередъ. Комитетъ членовъ парламента, сочувствующихъ равноправію женщинъ, совѣщается съ представительницами Н. С. передъ открытіемъ каждой сессіи парламента, чтобъ обсудить наилучшія средства для проведенія билля или резолюціи. Съ 1902 года фабричныя работницы принимаютъ живое участіе въ борьбѣ за избирательныя права женщинъ и посылаютъ петиціи въ парламентъ. Особенно настоятельно требуютъ правъ сѣверные женскіе трэдъ-юніоны и «Женская кооперативная гильдія». Въ 1903 году, послѣ своего общаго собранія, Н. С. постановилъ учредить во всѣхъ графствахъ и уѣздахъ внѣпартійные комитеты женскихъ избирательныхъ правъ. Задачи комитета главнымъ образомъ слѣдующія: 1) комитетъ долженъ стараться вліять на мѣстныя партійныя ассоціаціи и побуждать ихъ выбирать кандидатовъ, сочувствующихъ избирательнымъ правамъ женщинъ, и брать публичное обѣщаніе съ каждаго члена парламента или кандидата всѣхъ партій, что онъ будетъ поддерживать женскія права; 2) комитетъ долженъ поддержи-

вать сношенія со всѣми партійными организаціями и имѣть во всѣхъ этихъ организаціяхъ одного или двухъ членовъ — мужчинъ или женщинъ безразлично; 3) комитетъ постарается заручиться сочувствіемъ мѣстной прессы и черезъ нее воздѣйствовать на общественное мнѣніе.

Результатомъ двухлѣтней работы было основаніе 113 новыхъ комитетовъ. Въ 1905 г. Н. С. организовалъ замѣчательную демонстрацію для пропаганды женскихъ правъ — митингъ, въ которомъ приняли участіе 90 членовъ парламента, представляющихъ всѣ партіи. Въ теченіе послѣднихъ общихъ выборовъ въ январѣ 1906 г. Н. С. сдѣлалъ попытку узнать взгляды всѣхъ парламентскихъ кандидатовъ. 410 объявили себя въ пользу предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ, — въ томъ или иномъ объемѣ, 30 членовъ высказались противъ женщинъ, 24 не пришли ни къ какому опредѣленному рѣшенію, 92 не дали отвѣта. Выборы дали парламенту большинство, обязавшееся содѣйствовать предоставленію женщинамъ парламентскихъ избирательныхъ правъ.

Докладъ отъ Германіи представила д-ръ Анита Аугсбургъ, делегатка «Deutsches Verband für Frauenstimrecht». Законодательное положеніе женщинъ весьма различно въ различныхъ государствахъ имперіи. Въ Пруссіи и Баваріи женщинамъ воспрещается соединяться въ политическія организаціи; поэтому Ассоціація принуждена принимать членами не только мѣстныя организація, но и отдѣльныхъ лицъ. Практическая работа Ассоціаціи, кромѣ пропаганды, состоитъ, во-первыхъ, въ расширеніи политическихъ правъ женщинъ и, во-вторыхъ, въ возбужденіи среди женщинъ политическихъ интересовъ и стремленія получить права; также въ пользованіи правами тамъ, гдѣ они достигнуты.

Женщины имѣютъ муниципальное право голоса во многихъ мѣстностяхъ Германіи. Такъ какъ право голоса въ большинствѣ случаевъ вытекаетъ изъ обладанія земельной собственностью, то женщины въ деревнѣ имѣютъ больше правъ, чѣмъ въ городахъ. При этомъ въ однѣхъ мѣстностяхъ онѣ могутъ подавать голосъ лично, въ другихъ—передавать свой голосъ мужчинамъ. Но случается иногда, что женщины (какъ было, напримѣръ, въ Мюнхенѣ) идутъ къ избирательнымъ урнамъ сами даже тамъ, гдѣ законъ повелѣваетъ имъ передавать свой голосъ мужчинамъ; и комитетъ допускаетъ ихъ къ урнамъ. Съ другой стороны, случается, что тамъ, гдѣ законъ предоставляетъ женщинамъ непосредственное право голоса, нѣкоторыя муниципальныя администраціи препятствуютъ имъ примѣнять это право. Въ Гамбургѣ, гдѣ, между прочимъ, бывали такіе случаи, одна изъ женщинъ, лишенныхъ права голоса, никогда, со времени приговора, не уплачивала налога; а другая покинула городъ и перевела все свое состояніе въ другую мѣстность.

Въ Баваріи въ прошломъ году состоялся пересмотръ конституціи королевства. Всеобщее избирательное право было предоставлено мужчинамъ (такъ же какъ въ Reichstags Wahlrecht), но не женщинамъ. «Ассоціація для избирательныхъ правъ женщинъ» представила въ парламентъ петицію,

съ требованіемъ избирательныхъ правъ для всѣхъ безъ различія пола. За эту петицію высказались въ парламентѣ: половина либераловъ, всѣ соціалисты и одна четверть клерикаловъ. Но такъ какъ послѣдняя партія имѣла абсолютное большинство, предложеніе было отвергнуто остальными тремя четвертями клерикаловъ. Въ настоящее время ассоціація начинаетъ особаго рода агитаціонную кампанію въ Пруссіи. Здѣсь по основному закону (Allgemeine Landrecht) всѣ лица имѣютъ равныя права, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣленно исключены закономъ. Этотъ основной законъ, повидимому, преданъ былъ забвенію, пока женщины не стали изучать право. Ассоціація поощряетъ своихъ членовъ въ требованіи судомъ тѣхъ правъ, которыя предоставлены имъ закономъ, и уплачиваетъ расходы, сопряженные съ веденіемъ процесса. Для начала ассоціація настаиваетъ на предоставленіи женщинамъ лишь одного муниципальнаго права голоса, такъ какъ требованіе парламентскихъ правъ голоса многихъ могло бы привести въ ужасъ.

Въ Италіи—по свидѣтельству делегатки итальянскаго «Comita Nazionale per il voto alla Donna», проф. Терезы Лабріола, — женское движеніе сдѣлало за послѣднее время значительный шагъ впередъ. Итальянское общество относится къ нему съ интересомъ. Двѣ анкеты были недавно организованы, одна Комитетомъ, другая Миланскимъ Союзомъ «Unione Femminile». Выяснилось, что соціалисты и либералы сочувственно относятся къ равноправію женщинъ. Агитація въ пользу предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ опирается на прямой законъ, не исключающій женщинъ изъ числа полноправныхъ гражданъ. На этомъ основаніи нѣкая г-жа Сакки, недавно потребовала, чтобъ имя ея было внесено въ избирательные списки; и мѣстный избирательный комитетъ изъявилъ на это свое согласіе. За либеральное истолкованіе закона стоятъ теперь многіе профессора и выдающіеся депутаты. Требованіе женщинами политическихъ правъ поддерживается членами всѣхъ политическихъ партій. Новая католическая партія — демократовъ-христіанъ, — издала манифестъ въ пользу женскихъ правъ.

Делегатка Венгріи, г-жа Швиммеръ, передала въ своемъ докладѣ нѣсколько оригинальныхъ чертъ женскаго движенія въ этой странѣ. Въ Венгріи оно представлено обществомъ «Feministak Egyesülete». Въ началѣ настоящаго вѣка въ Венгріи поднялся вопросъ о радикальной реформѣ избирательныхъ правъ. Многіе мужчины и женщины рѣшили воспользоваться этимъ для проведенія всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола. Вскорѣ послѣ этого членъ парламента, принадлежащій къ крайней оппозиціи, Людвигъ Хенталлеръ объявилъ, что партія его будетъ всецѣло стоять за предоставленіе женщинамъ парламентскихъ избирательныхъ правъ. Лидеръ партіи, Францъ Кошутъ открыто выступилъ защитникомъ этой реформы. Одновременно въ Будапештѣ была основана женская ассоціація, рѣшившаяся воспользоваться партіей Независимыхъ и ковать желѣзо—пока горячо. Но ихъ ожидало большое разочарованіе. Въ по-

литикѣ обѣщаніе и исполненіе—двѣ разныя вещи; и это вскорѣ познали довѣрчивые члены Феминистской Ассоціаціи. Партія Независимыхъ, вступивъ въ тактическихъ дѣйствіяхъ въ союзъ со всѣми другими оппозиціонными партіями, съ легкимъ сердцемъ отказалась отъ тѣхъ избирательныхъ реформъ, на которыя не соглашались другія партіи. И требованія женщинъ были отброшены. Въ концѣ іюля 1905 года правительство объявило свое намѣреніе провести законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Декларація эта вызвала невообразимый хаосъ. Всѣмъ пришлось теперь выказаться въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Парламентскія партіи единодушно выступили противъ всеобщаго избирательнаго права. Такъ называемые либералы — также. Партія соціалъ-демократовъ подняла лихорадочную агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Но когда фабричныя работницы, по совѣту женщинъ средняго класса, обратились къ своей партіи для включенія женщинъ въ число будущихъ полноправныхъ гражданъ,—оказалось, что соціалъ-демократы стояли за права женщинъ лишь на бумагѣ.

Въ августѣ 1905 года лѣвыя партіи основали Лигу для введенія всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ безъ исключеній. Много было произнесено рѣчей, гдѣ раздавались громкія слова о человѣческихъ правахъ, о свободѣ, равенствѣ, о народѣ, націи и пр. и пр. Женщины многаго ожидали отъ этой лиги, и масса поспѣшила присоединиться къ ней. Но надежды ихъ сразу были разбиты. Когда Феминистская Ассоціація пожелала послать женщину-оратора на первый публичный митингъ Лиги, чтобъ предъявить требованіе для женщинъ политическихъ правъ, — она встрѣтила категорическій отказъ. Лига открыто и сухо объявила, что подъ словомъ «народъ, нація, человѣчество» она разумѣетъ только мужчинъ. Лига не можетъ подвергать риску свою миссію, принимая на себя защиту утопій... «Ассоціація Феминистокъ» продолжала борьбу за права. 17 декабря она организовала громадный публичный митингъ, въ которомъ приняли участіе женщины всѣхъ профессій и классовъ. За этимъ послѣдовало нѣсколько мѣсяцевъ вынужденнаго бездѣйствія. Въ апрѣлѣ произошло измѣненіе политическихъ условій, неожиданно были объявлены выборы. Ф. А. немедленно подняла агитацію. Она распространила тысячи плакатовъ съ надписью «Избирательное право, чтобъ быть всеобщимъ, должно включать женщинъ». Она обратилась также ко всѣмъ парламентскимъ кандидатамъ, убѣждая ихъ включить избирательныя права женщинъ въ свою программу. Въ то же время Ф. А. предложила своимъ сторонникамъ оказать имъ помощь въ подготовительной избирательной кампаніи. На этотъ разъ дѣятельность ея увѣнчалась успѣхомъ: многіе кандидаты включили въ свою программу политическія права женщинъ. А въ Будапештѣ изъ девяти избранныхъ кандидатовъ пять объявили себя сторонниками женскихъ правъ. «Работу эту мы будемъ продолжать, пока добьемся побѣды»,— такъ закончила свой интересный докладъ делегатка отъ Венгріи.

Делегатка отъ голландской «Vereeniging voor Vrouwenkiesrecht» указала характерную черту въ дѣятельности этой «Ассоціаціи Избирательныхъ Правъ

Женщинъ». Стремясь объединить всѣхъ женщинъ, она придерживается въ политическихъ вопросахъ строгаго нейтралитета. Ассоціація проявила оживленную дѣятельность въ 1905 году во время выборовъ. Былъ организованъ отдѣльный комитетъ для пропаганды, причемъ, по словамъ делегатки, ихъ небольшая армія была ввѣрена руководству одного вождя-капитана и раздѣлена на группы по два-три человѣка. Каждая группа обязалась быть на всѣхъ митингахъ, куда пошлетъ ее капитанъ. Одинъ изъ членовъ группы долженъ былъ обратиться къ кандидату въ парламентъ съ запросомъ относительно его взглядовъ на избирательныя права женщинъ; другія два сопровождавшихъ его лица помогали ему. Всѣ имѣли значокъ изъ бѣлой ленты съ надписью «избирательныя права женщинамъ». Значокъ этотъ часто открывалъ членамъ комитета доступъ туда, куда другихъ не допускали. Кромѣ того, члены комитета обходили избирателей. Для обезпеченія себѣ хорошаго пріема, они заранѣе разсылали циркулярныя письма всѣмъ главамъ семействъ. Послѣдніе предупреждались относительно предстоящаго визита членовъ комитета. При этомъ, въ случаѣ нежеланія принять ихъ, предлагалось выставить на окнѣ прилагаемую небольшую карточку, на которой было напечатано: «не принимаю визитовъ въ связи съ предстоящими выборами».

Въ 1909 году предполагается пересмотръ голландской конституціи. Въ виду этого, правительство учредило Комитетъ для составленія доклада; и Ассоціація, съ своей стороны, немедленно организовала свой комитетъ по вопросу о женскихъ правахъ. Докладъ комитета былъ одобренъ авторитетными юристами. Въ немъ предъявлялось требованіе, чтобъ женщинамъ предоставлено было право голоса на тѣхъ же самыхъ основахъ, какъ и мужчинамъ.

Докладъ Даніи былъ прочитанъ делегаткой женской ассоціаціи («Danske Kvindeforeningers Valgretsforbund»), г-жей Норлундъ. Въ Даніи женщины пользуются весьма немногими правами. Съ 1904 года онѣ могутъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ приходскихъ дѣлахъ. Съ 1905 года онѣ получили доступъ въ совѣты попечительства надъ безпризорными дѣтьми. Вдовы съ дѣтьми могутъ быть членами школьныхъ совѣтовъ.

Вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ выдвинулся въ Даніи съ 1888 г. Въ 1899 г. была основана «Ассоціація для Избирательныхъ Правъ Женщинъ», состоящая теперь изъ 14 разныхъ союзовъ. Каждый имѣетъ свой особый уставъ и особыя цѣли, но всѣ принимаютъ участіе (черезъ посредство двухъ делегатокъ отъ каждаго союза) въ работѣ «Danske Kvin-Valgr.». Ассоціація неоднократно представляла петиціи въ верхнюю и нижнюю палаты, и во время выборовъ женщины обращаются къ кандидатамъ съ запросомъ, будутъ ли они содѣйствовать предоставленію женщинамъ политическихъ правъ. Большинство отвѣчаетъ утвердительно, но съ оговоркой, что время для такой реформы еще не настало.

Делегаткой отъ Норвегіи явилась почтенная представительница женскаго союза (Landskvindestemmeretsforeningen), г-жа Квамъ. Въ ясной,

сжатой формѣ, г-жа Квамъ представила главные этапы женскаго движенія въ Норвегіи. Начало его относится къ 1833 году, когда стуртингъ предложилъ ввести билль, дающій женщинамъ муниципальныя избирательныя права. Въ 1854 году женщины были уравнены съ мужчинами въ правахъ наслѣдства. Въ 1894 году онѣ получили право голоса по вопросу о водочномъ производствѣ. Въ 1885 году г-жа Крогъ основала въ Христіаніи «Женскій Союзъ Избирательныхъ Правъ», а въ 1898 году для той же цѣли была организована Національная Ассоціація. Оба общества стоятъ на стражѣ интересовъ женщинъ. Когда въ 1901 году члены стуртинга предложили ввести всеобщее муниципально-приходское голосованіе, позабывъ при этомъ о существованіи женщинъ, Н. А. немедленно предъявила свои требованія и протестовала противъ какого-либо расширенія избирательныхъ правъ, не включающаго женщинъ. 25 мая 1901 года женщины, платящія налогъ, получили муниципальныя приходскія права; при этомъ Н. А. приложила старанія, чтобы побудить женщинъ воспользоваться своими правами. Въ результатѣ: 48,402 женщины приняли участіе въ выборахъ; 98—были избраны членами муниципальныхъ совѣтовъ; 160—кандидатками. Въ историческій моментъ 1905 года Н. А. организовала голосованіе женщинъ по вопросу объ отдѣленіи Норвегіи отъ Швеціи. Въ результатѣ 300,000 женщинъ, т.-е. почти все взрослое женское населеніе, высказалось за расторженіе уніи, т.-е. за свободу Норвегіи. 13 августа депутація женщинъ представила адресъ президенту стуртинга. Комитетъ и секціи Н. А. приняли дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи. Въ настоящее время избирательныя корпораціи сочувственно отнеслись къ призыву Н. А. включить въ ихъ программы избирательныя права женщинъ. За женщинъ стоятъ либералы и соціалисты, также многіе члены другихъ партій. Вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ будетъ, вѣроятно, возбужденъ въ предстоящей сессіи стуртинга, и Н. А. надѣется на благопріятное разрѣшеніе вопроса.

Симпатичная делегатка Шведскаго Женскаго Общества Избирательныхъ правъ («Landforeningen för Kvinnans Politisca Rösträtt»), г-жа Уитлокъ дала яркую картину женскаго движенія въ этой странѣ. Движеніе для пріобрѣтенія политическихъ правъ возникло недавно и развилось необыкновенно быстро. Причина такого прогресса заключается въ томъ, что шведскія женщины давно ведутъ борьбу,—упорную, но не фанатическую,—за уравненіе съ мужчинами въ образованіи и въ общественной работѣ; и требованіе избирательныхъ правъ является естественнымъ результатомъ предъявленія требованія гражданскаго равноправія. Съ самаго начала движеніе захватило всѣ классы, отъ фабричныхъ работницъ до дамъ высшаго общества включительно. Оно свободно отъ вліянія какой-либо политической, соціальной или религіозной партіи. Въ правленіяхъ различныхъ женскихъ обществъ избирательныхъ правъ есть консерваторы и радикалы, либералы и члены рабочей партіи: всѣ женщины ревностно ведутъ совмѣстную работу, зная, что по достиженію цѣли дороги ихъ разойдутся. Различныя

женскія общества избирательныхъ правъ часто являются центромъ мѣстной соціальной работы. Они открываютъ клубы для рабочихъ,—кулинарныя школы и проч.; читаютъ лекціи, устраиваютъ митинги, приглашая аудиторію принимать участіе въ преніяхъ, воспитывая такимъ образомъ общественное мнѣніе. Члены «Союза» работаютъ среди бѣдныхъ, участвуютъ въ «Школьныхъ Совѣтахъ» и примѣняютъ свое муниципальное право голоса, которымъ шведскія женщины пользуются съ 1862 года. Какъ результатъ этой дѣятельности, въ общественномъ мнѣніи замѣчается огромный прогрессъ по отношенію къ женскому вопросу. Когда въ 1884 году членъ нижней палаты г. Боргъ внесъ билль, предоставляющій женщинамъ активныя и пассивныя избирательныя права,—билль этотъ былъ встрѣченъ смѣхомъ какъ въ парламентѣ, такъ и въ прессѣ. Когда въ 1902 г. г. Линдгагенъ (нынѣ городской голова Стокгольма) предложилъ въ Нижней палатѣ разслѣдовать вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ,—предложеніе его уже встрѣтило гораздо болѣе сочувствія. Въ томъ же 1902 году было основано «Стокгольмское Общество Избирательныхъ Правъ Женщинъ». Аналогичныя общества вскорѣ возникли въ странѣ: въ концѣ 1904 г. ихъ было 35, а въ маѣ настоящаго года число этихъ обществъ возросло до 63. Въ 1905 году на политическую авансцену выступилъ либеральный, энергичный кабинетъ. Можно было надѣяться, что онъ проведетъ реформу и включитъ женщинъ въ предстоящій законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Не менѣе тридцати петицій были представлены женщинами въ кабинетъ. Но послѣдній отказался включить женщинъ въ проектъ закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ изъ страха затормозить разрѣшеніе этого вопроса.

Либеральный кабинетъ вышелъ въ отставку въ маѣ 1906 г., передавъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ консервативному кабинету. Для воздѣйствія на общественное мнѣніе Женское Общество Избирательныхъ Правъ организовало массовую петицію. Подписи лицъ, высказывающихся за женскія права, ежемѣсячно появляются въ печати. До сихъ поръ ихъ имѣется 82,522 и, вѣроятно, удастся собрать болѣе 100,000 подписей. Шведское Женское Общество твердо надѣется, что вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ будетъ вскорѣ успѣшно разрѣшенъ въ Швеціи.

III.

Сочувствіе и интересъ, проявленные конгрессомъ къ освободительному движенію Россіи. — Докладъ о Союзѣ Равноправія Женщинъ и рѣчи русскихъ делегатокъ.— Сочувственное отношеніе конгресса къ Финляндіи. — Докладъ финляндской делегатки.—„Привѣтъ“ женщинъ Австраліи.—Резолюціи конгресса.—Заключеніе.

Переходя къ докладамъ остальныхъ трехъ странъ, нельзя не остановиться на исключительномъ отношеніи конгресса къ Россіи. Отношеніе это можетъ быть характеризовано тремя опредѣленіями: громадный интересъ, горячее сочувствіе и изумленіе передъ силой и быстротой освободитель-

наго движенія. Къ этому можно прибавить впечатлѣніе особой загадочности, какую представляетъ для иностранцевъ необъятная страна наша, недоступная имъ по языку, непонятная по ходу ея исторіи. Благодаря этому своеобразному положенію, Россія сразу выдѣлилась на конгрессѣ изъ всѣхъ остальныхъ странъ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія конгресса предсѣдательница Международнаго Союза, списываясь съ представительницами С. Р. Ж. подчеркивала особый интересъ, вызываемый Россіей, и общее желаніе возможно ближе ознакомиться съ главными чертами женскаго движенія въ этой странѣ. Это отношеніе подтвердилось на конгрессѣ. Въ первый же день, при открытіи его, предсѣдательница, привѣтствуя делегаціи четырехъ новыхъ присоединяющихся странъ, предложила предоставить для доклада отъ Россіи 15 лишнихъ минутъ, т.-е. почти вдвое больше времени, чѣмъ остальнымъ странамъ; и собраніе приняло предложеніе единогласно. Делегатка отъ Россіи очертила исторію возникновенія и дѣятельности «Союза Равноправія Женщинъ», въ связи съ освободительнымъ движеніемъ Россіи. Вначалѣ, характеризуя женское движеніе въ Россіи, докладчица указала на особую черту, отличающую его по сравненію съ аналогичнымъ явленіемъ въ Западной Европѣ и Америкѣ: женщина въ Россіи была всегда болѣе или менѣе равна мужчинѣ, равна по отсутствію правъ. Вмѣстѣ съ нимъ страдала она отъ произвола и безправія, и цѣной безконечныхъ жертвъ вмѣстѣ пробивала путь къ свободѣ. Отстаивая интересы народа, русская женщина часто жертвовала всѣмъ, что придаетъ цѣну жизни: семейными связями, свободой, иногда собственной жизнью. Эти своеобразныя историческія условія объясняютъ отчасти отношеніе къ женскому вопросу всей юной, обновленной Россіи: всѣ значительныя прогрессивныя партіи признали женщину полноправной гражданкой и внесли въ свою программу равенство всѣхъ передъ закономъ, безъ различія пола. Докладчица далѣе описала возникновеніе Союза Равноправія Женщинъ и четыре эпохи его дѣятельности: 1) Періодъ организаціи отъ конца февраля 1905 г. до перваго делегатскаго собранія С. Р. Ж. 8—11 мая. 2) Періодъ пропаганды въ земствѣ и въ «Союзѣ-союзовъ», отъ 1-го делегатскаго собранія С. Р. Ж. до 2-го делегатскаго собранія 7—11 октября 1905 г. 3) Періодъ пропаганды женскаго вопроса въ политическихъ партіяхъ и въ разныхъ общественныхъ группахъ, отъ 2-го делегатскаго собранія, приблизительно, до февраля 1906 г. 4) Періодъ отъ февраля до 9 іюля,—участіе въ предвыборной агитаціи и пропаганда женскаго вопроса въ Государственной Думѣ.

Охарактеризовавъ различные періоды дѣятельности Союза, докладчица остановилась на агитаціи его среди крестьянскаго населенія. Можно было ожидать, что крестьянка, необразованная и полуграмотная, всего пассивнѣе отнесется къ новымъ прогрессивнымъ идеямъ. Дѣйствительность не оправдала этихъ опасеній. Почти вездѣ, гдѣ раздалось новое слово,—слово свободы и равенства, крестьянки отзывались горячо, часто страстно. При этомъ и здѣсь большую роль въ женскомъ движеніи сыграла указанная

выше особенность въ положеніи русской женщины: она всегда шла рука объ руку съ мужчиной, почти равная ему въ общемъ безправіи. И теперь, при обновленіи всего строя жизни, реформа, отбрасывающая интересы и благо цѣлой половины населенія, представлялась жестокой и нелѣпой. Этотъ взглядъ крестьянокъ ярко выразился въ цѣломъ рядѣ ихъ петицій въ Государственную Думу, между прочимъ, въ извѣстномъ письмѣ тверскихъ крестьянокъ *). По отношенію къ крестьянамъ и ихъ взглядамъ на права женщины, и здѣсь также предсказанія скептиковъ были разбиты дѣйствительностью. Поскольку настроеніе передового крестьянства выразилось въ Крестьянскомъ Союзѣ, большинство, на учредительномъ съѣздѣ К. С. (въ октябрѣ 1905 года), рѣшительно стали за правду и справедливость. И здѣсь вопросъ о правахъ женщинъ, въ противоположность интеллигентнымъ сферамъ, ставился и разрѣшался прямо и просто. На учредительномъ съѣздѣ Крест. Союза представители крестьянъ говорили: «Разъ мы, крестьяне, добиваясь земли, не исключаемъ изъ пользованія ею и женщинъ, нѣтъ смысла лишать ихъ политическихъ правъ». Одинъ изъ делегатовъ при этомъ указалъ, что распространеніе на женщинъ политическихъ правъ увеличитъ силу крестьянства, создастъ для него вторую армію. Практическимъ аргументомъ выставлялось и то соображеніе, что крестьянки всегда возставали противъ алкоголизма и войны,—этихъ двухъ главныхъ враговъ народа.

Особое вниманіе было удѣлено въ докладѣ 4-му, позднѣйшему періоду жизни Союза Равноправія Женщинъ. Дѣятельность его сосредоточилась вокругъ нашего перваго парламента. Союзъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ происходило по отношенію къ женскому вопросу. Въ Думѣ, съ самаго начала, первое мѣсто, по численности и вліянію, заняла партія народной свободы. Партія эта внесла въ свою программу полное уравненіе женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Тѣмъ не менѣе, не всѣ члены ея были расположены практически поддерживать реформу. Многіе, рѣшительно ставъ на сторону женскихъ правъ, сдѣлали это по врожденному благородству и чувству чести, но были мало подготовлены для проведенія реформы: по собственному признанію, многіе изъ нихъ никогда раньше не задумывались серьезно надъ женскимъ вопросомъ,—имѣли о немъ самое смутное представленіе. И первымъ ихъ шагомъ было привлеченіе самихъ женщинъ къ совмѣстной работѣ въ этой области. Вторая по вліянію и числу партія въ Думѣ, трудовая, въ лицѣ своихъ лидеровъ рѣшительно высказалась за уравненіе женщинъ въ правахъ съ мужчинами; но это была партія еще юная и мало опытная въ политическихъ дѣлахъ. Наконецъ, крайняя лѣвая въ Государственной Думѣ, также признавшая полное равноправіе женщинъ, была весьма малочисленна. Въ Государственной Думѣ

---

*) Письмо это было принято на конгрессѣ съ энтузіазмомъ. Оно уже появилось въ иностранной печати на англійскомъ, нѣмецкомъ, датскомъ, норвежскомъ и друг. языкахъ.

были и другія партіи: демократическихъ реформъ, 17 октября, крайняя правая и безпартійные. Всѣ эти партіи или вовсе не поднимали вопроса о женскихъ правахъ, или же высказывались противъ нихъ. При этомъ трогательное единеніе, въ смыслѣ враждебнаго отношенія къ равноправію женщинъ, обнаружилось между нѣкоторыми представителями высшей интеллигенціи съ одной стороны и полуграмотной деревней—съ другой. Такъ, проф. Ковалевскій, лидеръ партіи *демократическихъ* (!) реформъ, взялъ на себя неблагодарную задачу отстаивать въ печати образовательный цензъ по отношенію къ женщинамъ. Около того же времени, 6 іюня, на ту же тему говорилъ крестьянинъ Кругликовъ, цинично заявившій, что «женскому полу правовъ нельзя давать! Мужчина завсегда долженъ быть старше». Аргументы проф. Ковалевскаго и крестьянина Кругликова были различны; но выводы обоихъ сводились къ тому, что реформа преждевременна. Делегатка коснулась далѣе дѣятельности агитаціоннаго кружка Союза Р. Ж., его сношеній съ образовавшейся въ Думѣ подкоммиссіей по вопросу о равноправіи женщинъ и организаціи юридической коммиссіи. Эта коммиссія, учрежденная членами Союза Равноправія Женщинъ, пересмотрѣла весь сводъ законовъ, выдѣлила всѣ касающіеся женщинъ законы и собрала ихъ воедино. Дѣятельность агитаціоннаго кружка, пропаганда его въ Думѣ, обѣщала привести къ желанному результату. Но мечтамъ друзей свободы не суждено было осуществиться въ ближайшемъ будущемъ: 9 іюля утромъ появился указъ о роспускѣ Государственной Думы...

Докладчица изобразила въ заключеніе положеніе Россіи, лишенной народнаго представительства. «Грубая сила»,—сказала она,—«восторжествовала надъ культурнымъ прогрессомъ... Тернистъ лежащій передъ нами путь; но терніи не должны останавливать насъ. Мы должны помнить, что страданія неразлучны съ борьбой за правду; что свобода покупается лишь дорогой цѣной... Мы, члены Всерос. Союза Равноправія женщинъ, бодро и смѣло пойдемъ впередъ, на защиту униженныхъ и оскорбленныхъ, за правду и свободу». Пріемъ, оказанный докладу отъ Союза Равноправія Женщинъ, еще разъ подчеркнулъ горячее сочувствіе къ освободительному движенію Россіи прогрессивныхъ элементовъ Западной Европы и Америки *). Вотъ что говоритъ по этому поводу въ своемъ докладѣ (помѣщенномъ въ американскомъ журналѣ *The Woman's Journal*) предсѣдательница М. С. г-жа Чапманъ Кэтъ. «Быть можетъ, самый горячій привѣтъ конгресса былъ обращенъ къ новому Союзу Равноправія Женщинъ въ Россіи, такъ какъ здѣсь женщины выступили при несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ странахъ... Русская делегатка дала картину изумительнаго мужества и рѣшительности русскихъ женщинъ. Конгрессъ слушалъ

*) Весьма сочувственныя замѣтки, въ связи съ докладомъ отъ Россіи, появились какъ въ иностранной, такъ и въ мѣстной прессѣ: въ газетѣ *Politiken*, назвавшей, между прочимъ, докладъ „историческимъ документомъ, съ которымъ будутъ знакомиться всѣ, интересующіяся женскимъ движеніемъ въ Россіи“; въ *Urd.*, въ *Berlingske Tidende*, въ *Journal des Femmes* и т. д.

съ глубокимъ вниманіемъ, не шелохнувшись, и по окончаніи доклада всѣ встали, горячо апплодируя и махая платками. Замѣтно было, что многіе были тронуты до слезъ; и это еще краснорѣчивѣе говорило объ общей симпатіи къ русскимъ женщинамъ и къ ихъ мужественной борьбѣ».

Цѣннымъ дополненіемъ къ картинѣ женскаго движенія въ Россіи явились рѣчи другихъ русскихъ делегатокъ. Г-жа Гончарова, въ обстоятельномъ рефератѣ, передала о положеніи женскаго труда въ Россіи, причемъ привела новѣйшія статистическія данныя. Г-жа Волькенштейнъ, привѣтствуя конгрессъ отъ лица Союза Равноправія Женщинъ, указала на необходимость демократизаціи женскаго движенія. Г-жа Клирикова сообщила о послѣднемъ періодѣ дѣятельности Союза Равноправія Женщинъ—агитаціи его въ Государственной Думѣ. Г-жа Кальмановичъ остановилась на общемъ положеніи женщины въ Россіи и ея роли въ освободительномъ движеніи. «Общественныя и государственныя дѣла»,—замѣтила она,—«такъ же близко касаются женщинъ, какъ и мужчинъ... Если женщины хотятъ исполнить свой долгъ матерей и воспитательницъ, онѣ обязаны измѣнить существующій строй жизни... И мужчинамъ нечего опасаться вмѣшательства женщинъ въ общественныя дѣла, ибо дѣла эти не могутъ идти хуже, чѣмъ они шли до сихъ поръ». Въ заключеніе делегатка указала, что преобладаніе мужчинъ основывалось, главнымъ образомъ, на физической силѣ; но теперь настало время, когда на первый планъ выдвигается не грубая сила, а сила умственная и нравственная». Рефераты и рѣчи русскихъ делегатокъ возбудили живой интересъ въ конгрессѣ, вызвали обмѣнъ мыслей и привлекли вниманіе прессы.

Отдѣльное мѣсто занялъ на конгрессѣ докладъ отъ «Грузинскаго Союза Равноправія Женщинъ», присоединившагося на автономныхъ началахъ къ Всерос. Союзу Равноправія Женщинъ. Въ докладѣ этомъ были представлены разныя стадіи въ положеніи грузинскихъ женщинъ съ древнѣйшихъ временъ. Свободныя въ эпоху независимости Грузіи, женщины-грузинки въ концѣ XVIII вѣка сдѣлались рабынями русскаго деспотизма. Великая русская революція пробудила ихъ. Теперь онѣ идутъ рука объ руку съ своими русскими сестрами, готовыя все перенести и выстрадать ради свободы. Мужчины въ Грузіи всецѣло признали равноправіе женщинъ, которыя съ самаго начала стали въ первые ряды освободительнаго движенія.

Говоря о проявившемся на конгрессѣ отношеніи къ Россіи, нельзя не отмѣтить горячую рѣчь германской делегатки, г-жи Гейманъ. Она остановилась на потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Европѣ сообщеніями о репрессіяхъ русскаго правительства. «То немногое»,—сказала г-жа Гейманъ,—«что проникаетъ къ намъ сквозь строй русской цензуры, леденитъ кровь описаніемъ всѣхъ ужасовъ грабежа, насилій и истязаній, которымъ подвергаются въ Россіи мужчины, женщины и даже дѣти... До насъ доносятся мольбы о помощи со стороны тѣхъ, кто борется и страдаетъ за свободу народа. Какой же отвѣтъ, какая помощь дана имъ? Цивилизованная Европа отвѣтила тѣмъ, что помогла рыцарямъ безправія за-

ключить новые займы и тѣмъ поддержала старый бюрократическій строй. И слѣдствіемъ этого былъ роспускъ Государственной Думы и послѣдовавшая затѣмъ реакція. Г-жа Гейманъ заключила свою пламенную рѣчь призывомъ къ женщинамъ всѣхъ странъ всячески противодѣйствовать дальнѣйшимъ займамъ русскаго правительства, дальнѣйшей поддержкѣ врагамъ свободы.

Совсѣмъ особое положеніе заняла на конгрессѣ наша сосѣдка, стойкая, энергичная и теперь благоденствующая Финляндія. Благодаря недавно введенному здѣсь всеобщему избирательному праву безъ различія пола, финляндки достигли, однѣ изъ первыхъ, той конечной цѣли, къ которой стремится вся наша борющаяся за свободу и равноправіе армія. И побѣда финляндскихъ женщинъ вызвала общую радость и ликованіе. Отношеніе къ нимъ конгресса выразилось въ прекрасной привѣтственной рѣчи г-жи Чапманъ Кэтъ. «Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ»,—сказала предсѣдательница,—«являются такимъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ прогресса, что самыя безпокойныя и честолюбивыя изъ насъ могутъ быть довольны; но случилось нѣчто еще бо́льшее. Мы были подобно отряду, медленно, съ трудомъ взбирающемуся на крутую, скалистую гору. Мы глядѣли вверхъ и, казалось, неопредѣленныя пространства времени и труда отдѣляли насъ отъ вершины. Мы не падали духомъ... Мы знали, что достигнемъ цѣли, но мы знали также, что нѣтъ другого пути къ ней, кромѣ этого терпѣливаго, поступательнаго движенія, шагъ за шагомъ. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, мы увидѣли на вершинѣ другой отрядъ. Какъ поднялся онъ туда? Онъ ни съ неба не спустился, ни взобрался по трудному, долгому пути. А между тѣмъ, надъ всѣми нами возвышаются нынѣ женщины Финляндіи. На каждой изъ нихъ—вѣнецъ верховной власти самоуправляющейся гражданки. Два года назадъ женщинамъ этимъ не позволили бы организовать общество женскихъ избирательныхъ правъ. Годъ тому назадъ онѣ организовали Комитетъ Избирательныхъ правъ женщинъ, который, проработавъ менѣе года, достигъ своей цѣли... Говоря метафорически, крикъ радости пронесся по всѣмъ обществамъ женскихъ избирательныхъ правъ,—во всемъ мірѣ. Ни одна женщина Финляндіи не можетъ испытывать болѣе радости, чѣмъ мы. Женщинамъ всѣхъ другихъ странъ мы сказали: «Дайте намъ помочь вамъ»; женщинамъ Финляндіи мы должны сказать: «Придите намъ на помощь». Побѣда досталась вамъ легче, чѣмъ возможно было ожидать. Не забудьте пробирающагося къ верху отряда. Если же онѣ спросятъ: «Какъ намъ помочь вамъ?» Мы отвѣтимъ: «Воспользуйтесь вашими избирательными правами достойнымъ образомъ; настаивайте на честности и благородствѣ въ политикѣ; отбрасывайте личности и мелочи, и всегда держитесь высшаго идеала; докажите, что политика не деморализуетъ семью, но что семья облагораживаетъ политику; что мать разумнѣе исполнитъ свои обязанности, если она—свободная гражданка»...

Докладъ отъ финляндскаго «Союза Женскихъ Правъ» («Finsk Kvinnosaks-

förbund») представила извѣстная дѣятельница женскаго движенія г-жа Фуруельмъ. Она въ яркихъ чертахъ изобразила ходъ женскаго движенія въ Финляндіи и одержанную имъ конечную побѣду. «Женскій Союзъ» былъ основанъ въ 1892 году. Онъ работалъ дѣятельно въ разныхъ направленіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, успѣхъ его былъ такъ сказать платоническій. Требованія женщинъ имѣли succès d'estime, ибо они были основаны на неопровержимыхъ логическихъ доводахъ. Но правительство не проводитъ реформъ, опирающихся на одну логику: правительство и палата представителей уступаютъ лишь давленію сильнаго общественнаго мнѣнія. И это вполнѣ оправдалось на примѣрѣ Финляндіи...

Въ 1899 г. мечъ, висѣвшій надъ Финляндіей, упалъ на нее: конституція была раздавлена, національная автономія подвергнута опасности. За этимъ послѣдовалъ періодъ порабощенія. Каждый день приносилъ новыя невзгоды, о которыхъ,—замѣтила делегатка—«никто здѣсь, за исключеніемъ нашихъ русскихъ сестеръ, не можетъ имѣть представленія. Только онѣ и мы знаемъ, что значитъ жить подъ непрестанной угрозой. «Я признаю»,—сказала делегатка,—«что Россія кровью своей заплатила великую дань, и страданія ея, быть можетъ, еще сильнѣе. Но Финляндіи приходилось, кромѣ того, переживать позоръ чужеземнаго ига. Нашъ языкъ, наша религія, наши обычаи—все, что для насъ священно, было подъ угрозой врага. Подобно боевому клику, по всей странѣ раздался лозунгъ пассивнаго сопротивленія противъ всякой незаконной мѣры. Сотни и тысячи женщинъ, которыя, быть можетъ, ранѣе никогда и не думали о правахъ—вѣрнѣе, о своемъ безправіи,—вступили въ ряды оппозиціи. И мужчины съ энтузіазмомъ приняли помощь женщинъ. По всей странѣ распространилась тайная организація, въ которой женщины приняли дѣятельное участіе. Особая женская организація собирала фонды для политическихъ цѣлей; и женщины изъ высшаго общества тайно перевозили газету, подъ названіемъ *Свободное Слово*, которая издавалась въ Швеціи финляндскими патріотами, изгнанными русскимъ правительствомъ.

Въ октябрѣ 1905 г. въ исторіи Финляндіи перевернулась новая страница. Великая національная забастовка возвратила ей утраченное самоуправленіе вмѣстѣ съ реформой устарѣлаго представительства. На очередь было поставлено введеніе всеобщаго избирательнаго права. И такъ какъ женщины доказали свою способность къ самопожертвованію и къ коопераціи въ политической борьбѣ, то всѣ мужчины сочли естественнымъ, чтобы въ часъ побѣды и женщины получили свою долю возвращенной свободы. 28 мая 1906 года всеобщее избирательное право безъ различія пола было единогласно принято финляндскимъ сеймомъ.

Блестящей иллюстраціей къ картинѣ мірового женскаго движенія явилось «Посланіе отъ женщинъ Австраліи» («National Australian Women's Political Union»), составленное г-жей Гольдштейнъ. Въ Австраліи избирательныя права женщинъ являются уже не академическимъ вопросомъ: права эти вездѣ (кромѣ штата Викторіи) примѣнялись здѣсь въ теченіе

цѣлаго ряда лѣтъ, и дали одни лишь благіе результаты, что подтверждается цѣлымъ рядомъ гуманныхъ мѣръ и законовъ, введенныхъ подъ вліяніемъ женщинъ *).

Факты эти побѣдоносно опровергаютъ всѣ возраженія и опасенія враговъ равноправія женщинъ.

Мы привели главныя характерныя черты представленныхъ на конгрессѣ М. С. докладовъ отъ семнадцати странъ. Почти вездѣ женщины пробуждаются къ самосознанію; почти вездѣ онѣ ясно поняли, что мириться съ общественно-политическимъ безправіемъ — значитъ обречь себя на роль пассивнаго зрителя въ великой драмѣ жизни. Для скорѣйшаго исполненія своей задачи, —для «достиженія вершины», какъ образно выразилась предсѣдательница М. С., конгрессъ рѣшилъ вновь собраться весной въ 1908 г. Голландія, изъявившая желаніе принять у себя делегатокъ, была намѣчена мѣстомъ 4 конгресса «Международнаго Союза Избирательныхъ Правъ Женщинъ». Для поддержанія взаимныхъ сношеній и выясненія общихъ всѣхъ интересующихъ вопросовъ, рѣшено издавать краткій ежемѣсячный бюллетень—свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ женскаго движенія во всѣхъ входящихъ въ М. С. странахъ.

Конгрессъ М. С. далъ яркое изображеніе прошлаго—историческій очеркъ женскаго движенія; подвелъ его итоги; намѣтилъ планъ дѣйствій для будущаго. Передъ участниками его возстала грандіозная картина всемірнаго движенія во имя правды и справедливости—во имя равенства всѣхъ передъ закономъ. Общая цѣль сблизила разбросанныхъ по свѣту поборниковъ равноправія, дала имъ взаимную моральную поддержку. Въ единеніи—сила. И многія, покидая конгрессъ, унесли съ собой ту твердую увѣренность въ побѣдѣ, которая вылилась въ послѣднихъ словахъ великой поборницы женскаго движенія, г-жи Антони: «Неудача невозможна» (Failure is impossible).

Н. Мировичъ.

---

*) Мы не останавливаемся на перечисленіи этихъ реформъ, такъ какъ „Посланіе женщинъ Австраліи“ было нами приведено въ послѣднемъ № *Русской Мысли*

Журнальное обозрѣніе.

Одна изъ характерныхъ особенностей переживаемаго нами момента,—замѣчаетъ г. Пѣшехоновъ въ сентябрьской книгѣ *Русскаго Богатства*,—заключается въ томъ, что всѣ важнѣйшія партіи и организаціи, ведущія освободительную борьбу, не въ состояніи сейчасъ предложить съ достаточной увѣренностью сколько-нибудь опредѣленныхъ тактическихъ плановъ. Этимъ и объясняется, конечно, наступившее въ борьбѣ затишье. Что же дальше?—не въ смыслѣ задачъ, а въ смыслѣ дѣйствій—вотъ вопросъ, который неотступно стоитъ передъ всѣми.

Лѣвыя партіи рѣшили принять участіе въ избирательной кампаніи и въ будущей Государственной Думѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Дума, попрежнему, остается для нихъ однимъ изъ второстепенныхъ, неважныхъ моментовъ революціонной борьбы, долженствующихъ быть пріуроченными для задачъ и цѣлей исключительно этой борьбы. Рѣшитъ дѣло, по ихъ мнѣнію, организованное общее выступленіе, подготовлять которое въ будущемъ и воздерживаться отъ котораго въ настоящемъ и составляетъ главную задачу соціалъ-демократической партіи.

Но вопросы тактики, какъ мы уже неоднократно писали, по нашему мнѣнію, исключительно или, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшей степени суть вопросы переживаемаго историческаго момента. Конечно, каждая партія очерчиваетъ тотъ общій кругъ, за который не должна выходить ея тактика, сообразно ея общему пониманію историческаго развитія. Но переносить всю тяжесть тактики, пріурочивать ея удары къ неопредѣленному будущему, въ которомъ мы не можетъ учесть заранѣе реальное соотношеніе силъ—это, значитъ, совершить крупную теоретическую и практическую ошибку, въ оправданіе печальной дѣйствительности рисовать радужныя и заманчивыя перспективы.

По мнѣнію многихъ въ настоящее время к.-д. партія не даетъ отвѣта въ своей тактикѣ, не отмѣчаетъ одной самой важной для современнаго положенія черты: организаціи реакціи и ея готовности покончить со второй Государственной Думой по примѣру первой. «Мы не знаемъ,—пишетъ г. Ник—скій въ октябрьской книгѣ *Современнаго Міра* («Вопросы теку-

щей жизни»),—что скажутъ кадеты избирателямъ, все вниманіе которыхъ на вторыхъ выборахъ сосредоточится на одномъ центральномъ пунктѣ: какъ развязать узелъ, завязанный борьбою первой Думы со старой властью за права народнаго представительства?»

Вся дѣятельность партіи к.-д. отвѣчаетъ на эти вопросы. Воспитывать народное сознаніе въ томъ направленіи, чтобы конституціонныя гарантіи стали для народныхъ массъ тѣмъ воздухомъ, безъ котораго нельзя прожить ни одной минуты—вотъ всегдашняя и основная задача партіи. Слабость укрѣпленія въ народныхъ массахъ этой сознательной позиціи лишаетъ тактическіе планы всѣхъ партій практической возможности ихъ осуществленія; при укорененіи же подобнаго сознанія тѣ или иные рѣшительные тактическіе лозунги прозвучатъ, какъ боевой кличъ, по всей странѣ. Переоцѣнка силъ, киданіе лозунговъ въ неорганизованную среду, способны только создавать опасныя и тяжелыя, порою быть можетъ психологически неизбѣжныя ошибки. Возможный роспускъ второй Думы и тяжелая реакція смущаютъ г. Ник—скаго, и онъ кидаетъ упрекъ кадетамъ въ томъ, что они безсильны будутъ устранить эту реакцію. Но вѣдь реакція свирѣпствуетъ и теперь, и пусть г. Ник—скій съ увѣренностью укажетъ намъ тѣ общественныя группы, которыя въ настоящемъ противопоставляютъ ей что-либо иное, кромѣ громкаго голоса возмущеннаго общественнаго мнѣнія. Что же касается до будущаго, то здѣсь мы позволимъ себѣ привести довольно длинную цитату изъ статьи самого же г. Ник—скаго: «Между прошлымъ и настоящимъ уже легла глубокая черта,—пишетъ онъ.—Абсолютизмъ опирался на себя, на свои силы, на свое божественное право. Онъ никогда не аппелировалъ къ народу. Онъ надѣялся на свою полицію, на свою армію. Всякое народное движеніе казалось ему дерзкою и вредною игрою «ограниченнаго ума подданныхъ и подавлялось имъ съ твердостью глубокаго убѣжденія. Извѣстно, что Николай I запретилъ не только порицать, но и восхвалять правительство. Таковы были вѣра въ свое право и увѣренность въ своей силѣ. Абсолютизмъ никогда не сомнѣвался въ томъ, что онъ самъ подавитъ всякое оппозиціонное или революціонное движеніе. Плеве думалъ и говорилъ, что развитіе революціи обусловливается исключительно плохой организаціей русской полиціи. Эта вѣра въ себя сообщила старому порядку увѣренность въ завтрашнемъ днѣ и позволяла ему съ неуклонною послѣдовательностью придерживаться разъ навсегда установленной политической линіи.

Нынѣшнее правительство не можетъ надѣяться только на себя и свои силы. Оно достаточно опытно, чтобы правильно оцѣнить рѣшающее значеніе народныхъ массъ въ политической жизни. Оно слишкомъ много пережило, чтобы возлагать свои надежды только на полицію и армію. Оно знаетъ, что для того, чтобы быть сильной, власть должна опираться на сочувствіе широкихъ слоевъ народа. Оно каждый день получаетъ неопровержимыя свидѣтельства справедливости этихъ политическихъ аксіомъ.

Обладая могущественнымъ государственнымъ аппаратомъ, видя относи-

тельную слабость своихъ организованныхъ противниковъ, не разбирая средствъ въ ожесточенной борьбѣ, старая власть, тѣмъ не менѣе, оказывается безусловно безсильной возстановить нормальное теченіе государственной и общественной жизни, несмотря на болѣе чѣмъ энергичныя усилія. Въ противоположность абсолютизму, она вынуждена сознать и признать, что ея собственныя средства недостаточны, что ей необходима опора внѣ ея, въ народныхъ массахъ».

Старая власть не имѣетъ ни людей, ни силъ для управленія страной своими старыми средствами, ибо современное управленіе есть не что иное, какъ «политическая анархія феодально-полицейскаго организма, разлагающагося въ обстановкѣ соціальной анархіи сравнительно развитого капиталистическаго общества», по справедливому выраженію г. Ивановича, въ его интересной статьѣ «Анархизмъ въ Россіи и борьба съ нимъ» (*Современный Міръ*, октябрь).

Какъ слѣдствіе анархіи, сѣемой правительствомъ, и изъ нѣдръ общества вырастаетъ практическій анархизмъ, пишетъ г. Ивановичъ. Дѣятельность анархистовъ стала чрезвычайно широкой и энергичной. Каждый день приноситъ намъ все новыя извѣстія изъ разныхъ мѣстъ о томъ, что «и у насъ появились анархисты», каждый номеръ газетъ полонъ извѣстій о десяткахъ грабежей, убійствъ и т. п. насилій, носящихъ несомнѣнный анархистскій отпечатокъ. По той смѣлости и неутомимости, которыя проявляютъ анархисты, сразу видно, что они ощущаютъ почву подъ ногами, что они сознаютъ свой ростъ и свою силу. Анархисты обзаводятся даже нелегальными газетами, которыя должны обогатить ихъ движеніе «теоріей». Правительственныя преслѣдованія не уменьшаютъ размѣровъ этого явленія; наоборотъ, эти преслѣдованія только накаляютъ атмосферу, въ которой работаютъ анархисты, нервируютъ послѣднихъ и все общество, ожесточаютъ и обостряютъ формы анархистской дѣятельности. Виновники воровскихъ вымогательствъ, подчасъ чисто жульническихъ продѣлокъ, становятся въ своемъ сознаніи и въ сознаніи довольно широкихъ массъ чуть ли не дѣятелями освободительной борьбы, героями, погибшими во имя высокой, хотя и неизвѣстно какой идеи. Извѣстная смѣлость, ловкость, готовность на все,—всѣ эти качества дѣйствуютъ сильно, прямо гипнотизирующе на массы, подготовленныя всей соціально-политической дѣйствительностью къ тому, чтобы стать на путь практическаго анархизма.

Авторъ статьи задается далѣе вопросомъ, откуда же взялись эти массы, и какъ указанныя общія условія вліяютъ на нихъ въ благопріятномъ для роста анархистскаго движенія смыслѣ, и отвѣчаетъ на него, опираясь на фактическія наблюденія надъ составомъ анархистскихъ группъ, надъ ходомъ ихъ образованія и дальнѣйшаго развитія.

«Анархисты не живутъ оторванно отъ всей рабочей массы,—пишетъ г. Ивановичъ.—Между ними и ею существуетъ довольно тѣсное общеніе, какъ бы далека ни была практика анархистскихъ покушеній отъ практики массоваго рабочаго движенія. Объясняется это тѣмъ, что именно изъ мас-

сы организованныхъ рабочихъ и выходятъ многіе элементы, входящіе въ анархистскія группы. Такимъ образомъ среди анархистовъ мы находимъ однихъ, которые опустились до практическаго анархизма, другихъ, которые до него поднялись. Первые, т.-е. сознательные рабочіе, бывшіе члены революціонныхъ организацій, пришли къ анархизму сверху».

Наиболѣе горячіе, тѣснимые ужасными, ни съ чѣмъ несравнимыми лишеніями, они не могутъ примириться послѣ захватывающаго простора конца 1905 года съ полнымъ торжествомъ реакціи. «Наступившая мрачная пора перепутываетъ всѣ мысли и чувства дикаго рабочаго. Въ умѣ своемъ, въ сознаніи онъ не имѣетъ опоры противъ силъ, вышибающихъ его изъ колеи, въ душѣ борются и клокочутъ тысячи жгучихъ чувствъ. Вокругъ—огромное, небывалое разореніе рабочихъ, страшная, опустошающая работа грандіозной, невиданной безработицы. Необычайныя страданія рабочаго класса подымаютъ въ душѣ рабочаго тѣмъ большую бурю, что онъ самъ голодаетъ и терпитъ жестокія лишенія, какъ никогда раньше, лишенный поддержки разгромленной организаціи». И вотъ, измученный физическими и нравственными пытками, онъ переходитъ къ анархистамъ, навѣвающимъ ему золотые сны о прямомъ и скоромъ переходѣ въ свѣтлое царство анархіи,—сны, затемняющіе въ немъ всѣ слѣды политическаго смысла. Политическая и соціальная анархія—вотъ почва, на которой выросли пышные цвѣты русскаго анархизма.

«Сверху изъ рядовъ сознательнаго пролетаріата рекрутируются только вожаки, идеологи, иниціаторы анархистскихъ отрядовъ. Главныя же массы ихъ идутъ снизу, изъ тѣхъ городскихъ элементовъ, которыхъ соціально-политическая стихія загнала на самое дно капиталистическаго строя, загнала безнадежно, навсегда. Отчаянныя конвульсіи тяжелой Россійской революціи, обостренной небывалымъ экономическимъ кризисомъ, рождаютъ все новыя и новыя, дошедшія до положенія люмпенпролетаріата массы, доведенныя въ своей нищетѣ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ человѣческаго существованія. При общемъ взглядѣ на положеніе страны получается такое впечатлѣніе, будто вся масса нищеты и разоренія, рожденная и накопленная десятилѣтіями внутренней политики, хлынула только теперь, въ разгаръ революціи, наружу и заняла всю страну. Фактически же вскрылось только то огромное экономическое гноище, которымъ мучилась и мучится Россія десятки лѣтъ... Въ станѣ анархистовъ собралась пестрая толпа всякаго сорта «бывшихъ» людей. Всѣхъ ихъ пригнало сюда разбушевавшееся море народной нищеты и кровавыхъ насилій, но каждый приходилъ сюда съ особыми цѣлями, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми фантастическими.

Въ атмосферѣ, среди которой выросъ анархизмъ, эти послѣднія не могли, конечно, получить преобладаніе и, такимъ образомъ, практическій анархизмъ въ Россіи постигла еще болѣе позорная участь, чѣмъ его западно-европейскихъ братьевъ: онъ сталъ безнадежно вязнуть въ грязно-кровавой трясинѣ, отражая въ другой плоскости стихію разлагающагося

политическаго строя. Въ этой своей грязно-полицейской формѣ онъ сталъ играть несомнѣнно реакціонную роль. Впитывая, какъ губка, всѣ деклассированные и развращенные элементы города, онъ оказываетъ разлагающее вліяніе на сдавленныя тисками реакціи и голода рабочія массы, увлекая какъ разъ наиболѣе энергичныя единицы на путь вымогательства. На югѣ Россіи и на западѣ рабочимъ организаціямъ приходится напрячь всѣ силы въ борьбѣ съ развращающимъ вліяніемъ «экспропріаторовъ».

Въ концѣ концовъ всѣ эти анархистическія похожденія только на руку реакціи, всѣмъ тѣмъ элементамъ ея, которые стремятся залить рабочее движеніе кровью и грязью, во имя пущей острастки держать населеніе въ ужасѣ и смятеніи».

Въ концѣ статьи авторъ задается вопросомъ, имѣетъ ли анархизмъ въ Россіи будущность; онъ полагаетъ, что современная экспропріаторская его форма должна несомнѣнно исчезнуть при упроченіи настоящей конституціи; другія же его формы, въ видѣ хотя бы полнаго отрицанія политической борьбы, синдикализма и т. д., будутъ несомнѣнно имѣть мѣсто, потому что буржуазная конституція и долгая и упорная борьба на ея почвѣ не удовлетворитъ многія горячія головы. Но при свободѣ общественной жизни такой анархизмъ уже не будетъ опасенъ...

Въ октябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщена интересная статья г. Левенстима «Графъ А. К. Толстой, его жизнь и произведенія», посвященная характеристикѣ личности поэта и оцѣнкѣ его богатой, разносторонней работы; по обилію біографическаго матеріала, по его тонкой и умѣлой обработкѣ критическій очеркъ г. Левенстима долженъ привлечь вниманіе какъ спеціалистовъ, такъ и широкой публики.

Описаніе дѣтства Толстого, его служба и вѣчное стремленіе уйти отъ нея, побудившее его обратиться къ государю съ письмомъ, полнымъ искренности и благородства, его нѣжная и трогательная любовь къ гр. Софьѣ Андреевнѣ, ставшей впослѣдствіи его женой, тяготѣніе къ прекрасному и тонкое пониманіе природы—все это сливается въ одинъ цѣльный и чистый образъ. Нѣтъ лжи ни передъ обществомъ, ни передъ друзьями, ни передъ самимъ собою. Чтобы опредѣлить его политическія убѣжденія, замѣчаетъ авторъ статьи, необходимо изучить его шедевры и сопоставить ихъ съ письмами, а не судить по полемическимъ стихотвореніямъ, которыя написаны для осмѣянія противника. И въ самомъ дѣлѣ, въ его полемическихъ стихахъ слышится болѣе голосъ оскорбленнаго эстетика, чѣмъ политическаго дѣятеля. Авторъ приводитъ одну ситирическую пьеску А. Толстого, затерявшуюся въ пыли старыхъ журналовъ. Отъ вопроса о насильственномъ обрусеніи окраинъ—всего одинъ шагъ къ общему вопросу о политическихъ убѣжденіяхъ графа А. К. Толстого. Вотъ цѣликомъ это стихотвореніе:

Единство

Друзья! ура единство!
Сплотимъ святую Русь!

Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ сказалъ, что, дескать,
Терпѣть ихъ—это грѣхъ,
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ славяне,
Но есть и вотяки,
Башкиры и армяне
И даже калмыки.

Есть также и грузины
(Конвоя цвѣтъ и честь),
И латыши, и фины,
И шведы также есть.

Недавно и ташкентцы
Живутъ у насъ въ плѣну,
Признаться-ль?—есть и нѣмцы,
Но это entre-nous.

Страшись съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепну:
У насъ есть и поляки,
Но также entre-nous?

И многими иными
Обиленъ нашъ запасъ.
Какъ жаль, что между нами
Араповъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкаской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердіемъ столь смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлинилъ бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
Осанна! Аксіосъ!

Ѳ. Арн.

Какъ извѣстно, разсказъ Виктора Муйжеля «Аренда», напечатанный въ VIII и IX книгахъ *Русскаго Богатства*, обратилъ на себя вниманіе администраціи, которая увидѣла въ немъ нѣчто вредное и опасное для основъ, впрочемъ, и безъ того достаточно потрясенныхъ. Произведеніе г. Муйжеля, очевидно, потому оказалось непріятнымъ для властей, что авторъ описываетъ удручающее столкновеніе помѣщика и крестьянъ, казаковъ и деревенскаго населенія. Если бы полицейскіе читатели г. Муйжеля обладали нѣкоторой долей эстетическаго пониманія, они могли бы замѣтить, что, при

всей яркости и силѣ отдѣльныхъ картинъ, разсказъ написанъ какъ-то слишкомъ обстоятельно, грузно, растянуто, что факты и настроенія, публицистика и психологія сплетены здѣсь въ одну тяжелую узловатую ткань, что вообще кошмаръ современной русской дѣйствительности ослабляетъ и дѣлаетъ тщетными усилія беллетристики. За жизнью не угонишься, и всякая выдумка будетъ тусклѣе ея собственнаго кроваваго блеска. Но администрація занята не художественной критикой, и она ополчилась на автора не за выдумку, а за правду. Зачѣмъ разсказывать, что помѣщикъ Лаптевъ все поднималъ арендную плату за землю, которая все изсякала, становилась малороднѣе, тощѣе и что отсюда съ желѣзной необходимостью вытекли постой казаковъ и кровь, и ужасъ, и тоска? Пріятно ли сытымъ и властнымъ читать, какъ мужикъ Абрамъ голодалъ со всей своей огромной семьей, и дѣти отъ голода и холода кричали, болѣли, умирали? Но г. Муйжель безпощаденъ. И вотъ онъ рисуетъ ужасную сцену, какъ озвѣрѣвшій казакъ насилуетъ шестнадцатилѣтнюю Фишу, молчаливую и нѣжную, и ея тонкія, слабыя руки, «какъ эластичныя стальныя пружины», тщетно силятся оттолкнуть отъ себя тяжелое тѣло человѣческаго животнаго; напрасно думала она, что спасетъ, укроетъ ее стоявшая у колодца молоденькая яблонька, вся бѣлая, «скромная и радостная днемъ, будившая во всякомъ... отблескъ трогательной нѣжности и любви». Или онъ изображаетъ страшную драку мужиковъ съ казаками.

...Мужики думали, что казаки устроили погромъ, и защищались, озлобленные безпомощностью и беззащитностью, освирѣпѣлые отъ всего того, что выносили они со дня прихода казаковъ. Все давнишнее, медленно, капля по каплѣ, копившееся недовольство, вся тяжесть голодной и безправной жизни вспыхнула теперь неукротимой злобой, и, чувствуя, что теперь имъ терять нечего, что нѣтъ уже ничего такого, чего бы у нихъ не могли отбить, что жизнь ихъ пришла къ тому предѣлу, когда самый страхъ перешелъ стадію ужаса и растаялъ въ чувствѣ полной безнадежности и тупого равнодушія,—они свирѣпо, какъ загнанный и затравленный звѣрь, мстили безпощадной дракой, вооружались, кто чѣмъ могъ, не защищаясь отъ ударовъ, а стараясь только какъ можно больше и безпощаднѣе нанести ихъ.

Мрачно выразителенъ старый крестьянинъ Феклистовъ, дѣдъ Фишы, со своей путающейся, страстной и гнѣвной рѣчью, въ которой «странно сплетались проклятія и изреченія Соломона, угрозы и жалобы, тексты и ругательства». И когда уже кончился ночной ужасъ, во тьмѣ происшедшее дикое побоище, и уже утро встало надъ деревней, «яркое, солнечное и молчаливое, какъ будто оно не хотѣло и боялось вѣрить тому, что было ночью», долго еще гудѣлъ его зычный голосъ, крикъ вопіющаго въ пустынѣ, въ томительной пустынѣ русской жизни. Феклистовъ казакамъ, драгунамъ и всѣмъ насильникамъ выговаривалъ, что они поступаютъ «не по Божьи»; но возмущенный, оскорбленный за сына, за внучку, за все крестьянство, онъ и самъ ступилъ на дорогу насилія и изъ стараго ружья застрѣлилъ трусливаго помѣщика Лаптева, навлекшаго на деревню всѣ эти бѣды, всю эту муку, и это молчаливое горе опозоренной Фишы, которая лежитъ съ закрытыми глазами и брови которой «застыли въ нѣмомъ и

тайномъ удивленіи». Что же было дѣлать старику? Куда же дальше идти? Вѣдь «дальше ничего не было. Не было ничего, къ чему привыкъ человѣкъ: не было солнца, земли, неба, людей, звуковъ, красокъ».

Все, что таилось въ прожитой запутанной и сложной жизни, медленно проползало въ темнотѣ и странно путалось съ нею, и моментами чудилось, будто эта темнота протянулась надъ всей жизнью зловѣщей и печальной тѣнью. И вся жизнь вдругъ представилась такъ, какъ будто кто-то горькій и безнадежный развернулъ длинный запутанный свитокъ: было худо, потомъ хуже, потомъ еще хуже—и скорбь росла, ширилась и давила безмѣрной тяжестью.

Въ общемъ, разсказъ г. Муйжеля, свидѣтельствующій о серьезной способности автора къ психологическому наблюденію, исполненный внутренней и внѣшней выразительности, производитъ очень сильное впечатлѣніе. Понятно, отчего цензура хотѣла стереть его съ лица многострадальной русской земли...

I книга журнала *Современный Міръ*, замѣнившаго собою *Міръ Божій*, открывается разсказомъ г. М. Первухина «На дачѣ». Авторъ уже не впервые съ успѣхомъ выходитъ на литературное поле, какъ чуткій и умѣлый изобразитель человѣческаго страданія, выступающаго на фонѣ пошлости. Тривіальный человѣческій разговоръ, угнетающій діалогъ жизни, г. Первухинъ подслушиваетъ и вплетаетъ въ него какой-нибудь вопль души чистой, души обиженной. На этотъ разъ въ обстановкѣ банальнѣйшей дачи, гдѣ въ кривое зеркало съ какими-то пятнами и полосами, «словно изъѣденное оспою», смотрятся жалкіе, умственно и нравственно убогіе люди,—въ обстановкѣ глупости и мелочности разыгрывается драма горничной Маши: ее соблазнили, ее потомъ бросили, какъ тряпку, ей некуда было идти, и она отравилась, когда прошло лѣто, когда наступила осень, и «капли дождя падали на рѣдкую, рѣдкую листву чахлыхъ дачныхъ садовъ, на мокрыя крыши, на головни и пепелъ сгорѣвшей ротонды, на полотно убѣгающей вдаль желѣзной дороги». А ротонда сгорѣла потому, что и все дѣйствіе разсказа вообще происходитъ въ ту пору, когда Россія объята пламенемъ, когда горятъ не только дачныя ротонды, но и болѣе солидныя, вѣковыя строенія. На дачу доносятся звуки марсельезы, звуки революціи.

Въ разсказѣ г. Первухина нѣтъ сконцентрированнаго дѣйствія, есть много эскизнаго, но всѣ наброски автора сдѣланы очень удачно.

Въ той же книгѣ г. Ковальскій разсказываетъ о «Полуночномъ солнцѣ»,—разсказываетъ со свойственной ему звонкостью и красочностью, которая нерѣдко показывается читателю чрезмѣрной. Впрочемъ, безспорно, что иные образы г. Ковальскаго, иныя описанія красивы—во всякомъ случаѣ, внѣшней словесной красотой.

И зазвенѣли стройно гитары, и запѣли двѣ віолончели, скрытыя въ глубинѣ молодыхъ женскихъ грудей... Мотивъ пѣсенки былъ молодой и веселый, и слова ея, звуки гитаръ, голоса невѣдомыхъ віолончелей легко кружились въ воздухѣ, будто

касаясь свѣтовыхъ струнъ и приводя въ движеніе міріады пылинокъ, кружились и отходили другъ отъ друга и снова сходились, покачиваясь въ граціозномъ танцѣ. Словно невидимые духи плясали на ярко-зеленомъ лугу, на берегу журчащаго и прыгающаго средь камней ручья, въ косыхъ лучахъ солнца, и сильныя мужскія руки одного сплетались съ гибкими и мягкими руками другой, и развѣвались темно-золотыя косы, и притоптывали обнаженныя, крѣпкія ноги...

И опять запѣли два женскихъ голоса, и загудѣли гитары медленными, угрюмыми звуками. Теперь уже пѣніе было другое, далекое и чуждое веселому, плещущемуся на камняхъ ручью и золотымъ косамъ, но близкое и родное длиннымъ трубамъ органа, близкое волнамъ, мѣрно взбѣгающимъ одна за другой на ровную песчаную отмель. Ясно, это была молитва, родившаяся подъ тяжелыми и темными сводами готическаго собора, и много звучало въ ней тоскливаго гудѣнія и покорныхъ моленій, много смиренія и невыплаканной скорби. И звуки казались густыми и печальными, какъ фіолетъ, и не кружились они и не рѣяли въ граціозномъ танцѣ, а шли тѣсными рядами, шли въ даль, склоненные и посыпанные пепломъ, лишь изрѣдка посылая небу громкія звенящія стенанья. И молодыя, прозрачныя ноты смиренно шли за низкими, за важными, какъ бы поднимаясь тихо по струнамъ свѣта.

По существу авторъ разсказываетъ о томъ, какъ пьяная компанія мужчинъ послѣ пира въ каютъ-кампаніи перваго класса захотѣла довершить свой праздникъ въ кругу женщинъ, тѣмъ болѣе что и разговоры ихъ вертѣлись «вокругъ да около щекочущей, какъ терпкіе колосяные усики, темы,—вокругъ женщинъ». И капитанъ согласился свести компанію на берегъ Норвегіи, освѣщенный полярнымъ солнцемъ, и всѣ отправились въ одно кафе, гдѣ были двѣ снисходительныя къ туристамъ дѣвушки. Именно онѣ-то и пѣли, онѣ-то и были двѣ живыя віолончели, о которыхъ говоритъ авторъ. Дѣвушки и на этотъ разъ оказались снисходительными, но старшая изъ нихъ, Кассандра, являла въ то же время образъ трагической страдалицы, не вѣрящей въ Бога и своими странными и строгими глазами смотрящей вдаль къ полуночному солнцу. Она не вѣрила въ Христа, потому что ей казалось не Божьимъ дѣломъ допускать, чтобы дѣвушки продавали себя мужчинамъ и продавали себя въ то время, когда въ сосѣдней комнатѣ покоится трупъ отца. Да, пьяные собутыльники узнали, что въ кафе, куда ихъ привлекли Кассандра и Мина, была привлечена и смерть: отецъ обѣихъ дѣвушекъ, портовый грузчикъ, свалившійся въ трюмъ, лежалъ мертвый, и «безкровное, страшно похудѣвшее, утомленное лицо мертвеца, рабочія руки, скорбные углы рта тихо говорили про долгую, трудовую жизнь, про долгую, мучительную болѣзнь, про ту жуткую минуту, когда между жизнью и смертью страданіе хотѣло уйти изъ тѣла и дать ему покой, но не могло и только тихо всплыло на поверхность стараго лица». Когда мужчины уходили изъ дома страсти и смерти, была солнечная ночь, и съ церковной башенки раздалось двѣнадцать ударовъ колокола, которые «падали на камни острова, словно чугунные, пустые шары». Городъ спалъ, и окна домовъ смотрѣли наружу, «незрячими глазами». А изъ гавани выдвигалась норвежская шхуна и «медленно, словно отъ натуги, розовѣли ея паруса и, чудилось, несла она къ полуночному, усталому солнцу длинный, черный гробъ».

Много красокъ и оттѣнковъ, «лазурныхъ шелковъ», лучей солнца, похожихъ на «мощныя свѣтовыя струны»,—много ихъ въ разсказѣ г. Ковальскаго, и они въ сочетаніи съ «чернымъ гробомъ» человѣческаго страданія образуютъ необычное цѣлое.

Въ живыхъ, но не вполнѣ выдержанныхъ очеркахъ г. Н. Никандрова «Больные» читателя вводятъ въ морской госпиталь. Проходятъ матросы, грубые, дикіе, стоящіе почти на границѣ паденія; они тоже, какъ и герои г. Ковальскаго, жаждутъ женщинъ и тѣшатъ свое воображеніе скверными разговорами. Но вотъ въ ихъ среду является нѣкто Андрей Швецъ, повидимому, христіанинъ-раціоналистъ, и говоритъ имъ слова любви, всепрощенія, непротивленія. Имъ чужды эти ласковыя и возвышенныя слова о спасеніи души; но никто изъ нихъ не возражаетъ. И только одинъ Хмара исповѣдуетъ и высказываетъ совсѣмъ другую вѣру. Онъ стоитъ не за любовь, а за злобу. Онъ говоритъ, что не нужна теперь любовь, что надо всю накопившуюся вѣками злобу излить на врага и надо показать народу, гдѣ его настоящій врагъ. Теперь злобу изливаютъ на «жида», на «штунду»: учитель жизни, по Хмарѣ, долженъ пробудить и направить по вѣрной дорогѣ таящуюся въ сердцахъ злобу. Самъ Хмара кончилъ тѣмъ, что отобралъ у караульнаго револьверъ и бѣжалъ. Куда!? Очевидно, туда, гдѣ можно дать просторъ стихійной злобѣ, гдѣ можно и должно «корчевать» жизнь, чтобы потомъ, только потомъ бросить въ нее сѣмена любви, которыми богатъ Андрей Швецъ. Когда узнали о побѣгѣ Хмары, море гудѣло, «словно разъяренный народъ надвигался откуда-то издалека неудержимо-огромной, слѣпой волной».

Просыпающееся море рычитъ мощно, грозно и предостерегающе-сдержанно, и кажется, что предъутренній ропотъ его уже слышитъ вся земля, слышитъ и въ страхѣ прислушивается къ каждому всплеску его, словно стараясь разобрать, о чемъ такъ зловѣще и такъ настойчиво твердитъ оно каменнымъ берегамъ, крѣпко сковавшимъ его.

А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Годовщина 17 октября.—Сравненіе прошлаго года съ нынѣшнимъ.—Судъ надъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ.—Письмо бывшаго директора департамента полиціи Лопухина къ премьеръ-министру Столыпину. — Статистика репрессій и преступленій революціоннаго характера. — Разъясненіе касательно примѣненія военно-полевыхъ судовъ.—Вооруженный грабежъ въ Петербургѣ. — Университетскія дѣла. — Земскія дѣла.—Новые законы: о старообрядцахъ, о равноправности крестьянъ, о залогѣ надѣльныхъ земель, о пониженіи платежей крестьянскому банку—Циркуляры и сенатскія разъясненія объ избирательномъ законѣ.—Политическія партіи и ихъ подготовка къ выборамъ.

«Свобода не дается ни быстро, ни дешево». Такъ говоритъ Костомаровъ, разсказывая о Куликовской битвѣ и послѣдовавшемъ черезъ два года послѣ нея нашествіи Тохтамыша. «Русь признала снова внезапно сверженное иго. Но память объ этой побѣдѣ напечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Съ этой памятью Русь возрастала и дождалась лучшихъ временъ». Намъ эти слова по какой-то ассоціаціи идей вспомнились нынче, 17 октября, въ годовщину извѣстнаго манифеста. Въ прошломъ году въ этотъ день мы праздновали побѣду объединившейся и самостоятельно выступившей сознательной части русскаго народа и ждали, что эта побѣда принесетъ за собой свободу и умиротвореніе. Оказалось однако, что одной побѣды для этого было мало, что слѣдъ ея скоро закрылся слѣдами новаго нашествія, новыхъ бѣдствій. Освободительныя силы оказались не достаточными для того, чтобы сполна удержать за собой занятую позицію и обезпечить себя отъ новыхъ нашествій. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы эта первая побѣда русскаго народа должна была считаться не имѣющею значенія. Несмотря на всѣ послѣдующія несчастія, которыя ему пришлось пережить, отъ нея осталось яркое и славное воспоминаніе, прочно залегшее въ народной душѣ и ставшее тѣмъ этапомъ, начиная съ котораго все бывшее раньше есть уже überwundenes Standpunkt, а дальнѣйшее освободительное движеніе, если бы одно даже пріостановилось, начнется уже съ него. То радостное чувство, которымъ въ теченіе короткаго времени послѣ 17 октября прошлаго года было охвачено русское общество, теперь исчезло и едва ли даже можетъ когда-нибудь возобновиться съ такой свѣжестью въ

средѣ этого общества, какъ не могутъ возобновиться юношескія впечатлѣнія и надежды у человѣка, искушеннаго горькимъ опытомъ жизни. Но на мѣсто его явилось сознаніе, что побѣда возможна, но что прочные результаты ея могутъ быть достигнуты лишь путемъ упорной борьбы и не ослабѣвающихъ усилій и цѣною потоковъ крови и слезъ. Но и для самой борьбы важна увѣренность, что вскрытіе исторической рѣки уже совершилось и что за нимъ неизбѣжно должна послѣдовать весна, какъ бы долго еще ни продолжали чередоваться дни слякоти съ днями суровыхъ заморозковъ. Какъ разъ въ юбилейные октябрьскіе дни въ нынѣшнемъ году происходилъ судъ надъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, наглядно показавшій разницу, происшедшую въ общественномъ сознаніи въ теченіе этого года. Въ то время и общество, и правительство склонны были переоцѣнивать реальную силу тѣхъ элементовъ, которые наиболѣе явственно выступали въ ходѣ освободительнаго движенія. Результатъ всякаго движенія, конечно, зависитъ отчасти отъ массы дѣйствующихъ элементовъ, отчасти отъ величины ихъ энергіи. Энергія прошлогодняго октябрьскаго момента была очень велика, поэтому она импонировала, несмотря на сравнительную незначительность непосредственно дѣйствовавшихъ массъ. Поэтому и совѣтъ рабочихъ депутатовъ, игравшій, какъ извѣстно, одну изъ первенствующихъ ролей въ освободительномъ движеніи, являлся въ то время какъ бы нѣкотораго рода народнымъ правительствомъ, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Даже офиціальное правительство въ значительной мѣрѣ раздѣляло тогда этотъ взглядъ, входя въ переговоры съ совѣтомъ. Члены совѣта были тогда для него авторитетными представителями общества; теперь, черезъ годъ, они стали въ глазахъ правительства преступниками, стоящими внѣ общества. Напротивъ, сами подсудимые все время стояли на той точкѣ зрѣнія, что они были никакъ не заговорщиками или бунтовщиками, а вполнѣ явными представителями власти, естественнымъ ходомъ вещей получившими ее отъ общества. Разборъ дѣла о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ начался въ петербургской судебной палатѣ съ сословными представителями еще 18 сентября, при исключительной обстановкѣ: вокругъ зданія суда и въ самомъ зданіи было размѣщено множество войска, полиціи, жандармовъ и чиновниковъ охраннаго отдѣленія. Публикѣ отведено было всего тридцать мѣстъ, и на тѣ пускали по билетамъ. Изъ 52 подсудимыхъ явилось только 30. Не явились и многіе свидѣтели (около 100 изъ 350). Изъ обвиняемыхъ одинъ Теръ-Мекртіанцъ за это время былъ казненъ въ Кронштадтѣ; изъ свидѣтелей многіе оказались въ ссылкѣ. Послѣ трехдневнаго перерыва, вызваннаго заявленіемъ защитниковъ о предоставленіи имъ права отвода одного изъ судей члена городской думы, Тройницкаго, слушаніе дѣла возобновилось 22-го. Отводъ оставленъ безъ уваженія. Начался допросъ подсудимыхъ. Извѣстно, что еще при первомъ разборѣ дѣла 20 іюня подсудимые заявили, что, не считая судъ компетентнымъ, они участвуютъ въ процессѣ только въ цѣляхъ политическихъ. На этотъ разъ бывшій членъ

совѣта, Злыдневъ, заявилъ отъ имени своихъ товарищей, что «отношеніе всѣхъ подсудимыхъ къ суду остается такимъ же, какимъ оно было 20 іюня». Затѣмъ былъ оглашенъ обвинительный актъ. Никто изъ подсудимыхъ не призналъ себя виновнымъ, но всѣ заявили, что принадлежатъ къ соціально-демократической партіи и не видятъ въ дѣятельности совѣта никакого преступленія. Бывшій предсѣдатель совѣта Хрусталевъ-Носарь изложилъ всю исторію совѣта. «Цѣль подсудимыхъ,—сказалъ онъ,—дать отчетъ своимъ избирателямъ, цѣль суда—другая. Совѣтъ существовалъ пятьдесятъ дней съ 13 октября до 3 декабря. Его создали сами рабочіе и то оппозиціонное настроеніе, которое охватило тогда всю Россію». Разсказавъ о похоронахъ жертвъ 18 октября, о переговорахъ совѣта съ гр. Витте, объ устройствѣ стачечнаго фонда, ораторъ подробно остановился на подготовкѣ вооруженной силы. По его словамъ вооруженіе рабочихъ имѣло въ виду исключительно самооборону, такъ какъ повсюду начались черносотенные погромы и такой же ожидался и въ Петербургѣ; вооруженіе это состояло изъ нѣсколькихъ сотъ револьверовъ, и для всякаго ясно, что съ такими средствами начинать вооруженное возстаніе противъ правительства было нельзя. Они и были направлены на собственную защиту, также какъ и сформировавшаяся тогда рабочая милиція. Далѣе Хрусталевъ упомянулъ о попыткѣ совѣта захватнымъ путемъ ввести восьмичасовой рабочій день, и о трехдневной забастовкѣ, въ видѣ протеста противъ преданія военному суду кронштадтскихъ матросовъ. Ноябрьскую забастовку, поскольку въ ней участвовали рабочіе, онъ считаетъ удачной. Около этого времени совѣтъ вступилъ въ близкія сношенія съ провинціальными организаціями такого же характера. Когда возникла почтово-телеграфная забастовка, то совѣтъ принялъ на себя руководительство ею, такъ какъ онъ пользовался довѣріемъ. Силу и значеніе его поддерживало общее недовольство, накопившееся какъ у рабочихъ, такъ и во всемъ обществѣ. Исполнительный комитетъ совѣта былъ заваленъ работой, такъ какъ онъ былъ и примирительной камерой между хозяевами, и учрежденіемъ для взаимопомощи рабочимъ. Увеличиваясь въ числѣ членовъ, совѣтъ подъ конецъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ пятисотъ человѣкъ, такъ что онъ сдѣлался какъ бы рабочимъ парламентомъ, который велъ переговоры съ министрами: Витте, Редигеромъ, Бирилевымъ, распространялъ открыто свои воззванія, устраивалъ профессіональные союзы, велъ дѣятельную пропаганду, въ томъ числѣ и въ арміи. Засѣданія совѣта происходили съ вѣдома градоначальника. Но въ концѣ ноября, когда правительство, опираясь на сорганизованные имъ контръ-революціонные элементы, сочло себя достаточно сильнымъ, оно уничтожило совѣтъ. Другой историческій очеркъ дѣятельности совѣта сдѣланъ былъ бывшимъ его членомъ Сверчковымъ. Имъ пополняется картина, нарисованная Хрусталевымъ. Разсказъ Сверчкова начинается съ 20 ноября, т.-е. съ того момента, когда противъ совѣта выступили черносотенцы. Въ то время совѣтъ былъ дѣйствительно вторымъ правительствомъ; въ него обращались по самымъ раз-

нообразнымъ дѣламъ и самые различные люди: рабочіе, крестьяне, солдаты, союзы профессіональные и политическіе, мирно настроенные и желавшіе вооруженнаго возстанія. Почта доставляла по адресу совѣта письма; было доставлено даже письмо, адресованное просто «въ рабочее правленіе». Правительство знало все, что дѣлалось въ совѣтѣ, и считалось съ нимъ. Авторитетъ совѣта между рабочими былъ такъ великъ, что по его рѣшенію рабочіе типографіи Сойкина отпечатали даже черносотенную прокламацію, которую они раньше отказались печатать. Совѣтъ былъ совершенно солидаренъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Правительство знало общее настроеніе рабочихъ массъ и долго колебалось явно выступить противъ совѣта. Но оно не могло не объявить ему войны, такъ какъ онъ мѣшалъ реакціоннымъ стремленіямъ правительства, желавшаго уничтожить обѣщанія, данныя въ манифестѣ 17 октября. Когда былъ арестованъ Хрусталевъ-Носарь, то почти на всѣхъ заводахъ принимались резолюціи о вооруженномъ возстаніи. Въ концѣ своей рѣчи Сверчковъ сказалъ: «десять мѣсяцевъ мы вынужденно молчали, но теперь передъ судомъ мы развертываемъ картину славныхъ октябрьскихъ дней, участниками которыхъ мы имѣли честь быть». При полной откровенности подсудимыхъ, показанія свидѣтелей по этому дѣлу не могли имѣть большого значенія. Большая часть полицейскихъ свидѣтелей отвѣчали на вопросы очень сдержанно, но изъ показаніи ихъ все же можно съ несомнѣнностью вывести, что дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ не только не была тайной для правительства, но въ теченіе нѣкотораго времени даже какъ бы признавалась имъ. Знала о ней и фабричная администрація и въ большинствѣ случаевъ была очень довольна, что ей приходилось имѣть дѣло съ организованными рабочими. Изъ нѣкоторыхъ показаній выяснилось, что при предварительномъ дознаніи были случаи насилій и вымогательствъ для полученія отъ свидѣтелей показаній, какія были желательны полиціи. Малограмотнымъ свидѣтелямъ иногда давались для подписи показанія, которыхъ они вовсе не давали. Изъ болѣе интересныхъ эпизодовъ можно упомянуть о показаніи свидѣтеля Ганейзера, разсказавшаго исторію союза защиты свободнаго слова. Дѣло было такъ, что въ помѣщеніи редакціи *Новаго Времени* собрались представители петербургскихъ изданій и согласились между собой игнорировать цензуру и не посылать на просмотръ цензора слѣдующій за выходомъ газеты нумеръ. Всѣ газеты приняли участіе въ этомъ союзѣ, и представители *Новаго Времени* Меншиковъ, Столыпинъ и Гольдштейнъ были даже впереди другихъ во всѣхъ крайнихъ резолюціяхъ. Но когда надо было напечатать извѣстный манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ, то *Новое Время* отказалось исполнить общее постановленіе, вышло изъ союза, и самый союзъ распался, такъ какъ только общее единство дѣйствій могло гарантировать его отъ притязаній администраціи. Интересенъ также разсказъ свидѣтеля Венцковскаго о депутаціи, отправленной отъ общественныхъ организацій къ предсѣдателю совѣта министровъ гр. Витте, который

принялъ ее очень радушно, долго бесѣдовалъ съ нею на общія темы и неоднократно высказывалъ о необходимости для него поддержки общественныхъ организацій. Далѣе свидѣтель сообщилъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи къ совѣту рабочихъ депутатовъ союза инженеровъ. Большинство послѣдняго относилось къ совѣту съ большимъ уваженіемъ и принимало дѣятельное участіе въ поддержаніи октябрьской политической забастовки. Между отдѣльными заводскими организаціями и совѣтомъ былъ устроенъ опредѣленный порядокъ взаимоотношеній. Всякій вопросъ, возникшій на заводѣ, разсматривался въ совѣтѣ, опредѣленіе котораго передавалось на заводъ и тамъ обсуждалось подробно. Рѣшеніе возвращалось въ совѣтъ, гдѣ и получало окончательную санкцію. Разумѣется, такой порядокъ могъ существовать лишь при безусловномъ довѣріи къ совѣту отдѣльныхъ организацій. Какъ относятся къ прошлой дѣятельности совѣта рабочія организаціи и въ настоящее время, доказывается подачей предсѣдателю суда заявленія отъ 1,600 рабочихъ обуховскаго завода, въ которомъ они просятъ, чтобы ихъ судили заодно съ совѣтомъ, выражавшимъ общіе рабочіе интересы. По мѣрѣ дальнѣйшаго хода процесса, предсѣдатель суда все болѣе стѣснялъ защиту въ ея вопросахъ свидѣтелямъ, въ особенности клонившихся къ разъясненію участія правительственныхъ агентовъ въ организаціи черносотенныхъ погромовъ. Но именно къ наибольшему уясненію этого участія послужилъ документъ, оглашеніе котораго на судѣ не было допущено. Защита ходатайствовала о пріобщеніи къ дѣлу письма бывшаго директора департамента полиціи Лопухина къ министру внутреннихъ дѣлъ и о вызовѣ его свидѣтелемъ въ видахъ изслѣдованія погромнаго движенія и организаціи его администраціей. Судебная палата отклонила это ходатайство на томъ основаніи, что разоблаченія чиновъ полиціи и должностныхъ лицъ, производимыя письмомъ Лопухина, не могутъ вліять на мѣру отвѣтственности подсудимыхъ. Вслѣдствіе этого отказа и защита и подсудимые отказались отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ; защитники демонстративно покинули залу засѣданія, подсудимые просили, во избѣжаніе насилія надъ ихъ волею, тоже увезти ихъ изъ залы суда, а тѣ изъ нихъ, которые находились на свободѣ, потребовали возвращенія залоговъ и заключенія ихъ подъ стражу. Палата согласилась съ этимъ, и подсудимые были удалены, а дѣло продолжало слушаться безъ нихъ. Передъ уходомъ присяжный повѣренный Грузенбергъ отъ имени всѣхъ защитниковъ, а Хрусталевъ отъ имени подсудимыхъ высказали мотивы, заставившіе ихъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ. Подсудимые пришли сюда,—сказалъ Грузенбергъ,—съ одной цѣлью раскрыть правду того дѣла, которому они служили. Мы ожидали, что намъ дадутъ возможность выяснить правду, но съ самаго начала встрѣтились съ рядомъ отказовъ: намъ отказали въ вызовѣ графа Витте, министровъ Редигера и Бирилева, бывшаго градоначальника Дедюлина, тогда какъ вызывали другихъ свидѣтелей. Мы хотѣли показать, что совѣтъ не былъ самозваннымъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ подсуди-

мыхъ долженъ былъ явиться весь петербургскій пролетаріатъ. Намъ не дали этого сдѣлать. Участіе правительственныхъ властей въ организаціи погромовъ и убійствъ—вотъ коренной вопросъ настоящаго дѣла. Совѣтъ организовалъ народныя массы самозащиты; для доказательства этого мы представили неопровержимый документъ — письмо одного представителя власти къ другому и просили вызвать въ качествѣ свидѣтеля автора этого письма. Намъ отказали. Теперь мы въ правѣ сказать, что поставлены въ невозможность продолжать свою работу по этому дѣлу. Поэтому защита находитъ, что дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ, какъ одного изъ крупнѣйшихъ этаповъ освободительнаго движенія, въ рамкахъ настоящаго судебнаго разбирательства не можетъ получить освѣщенія, требуемаго общественными интересами, и по соглашенію со своими подзащитными, считаетъ своимъ профессіональнымъ и гражданскимъ долгомъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ. Хрусталевъ дополнилъ: мы явились сюда для того, чтобы выяснить не только настроеніе и дѣятельность совѣта, но и отношеніе къ нему правительства; этого сдѣлать намъ не даютъ, поэтому мы не можемъ принимать участія въ такомъ судѣ и просимъ позволенія намъ удалиться. Въ заключительной рѣчи товарищъ прокурора Бальцъ заявилъ, что онъ вовсе отбрасываетъ критическую оцѣнку политической дѣятельности совѣта. Если бы судъ пришелъ къ заключенію, что въ дѣлѣ нѣтъ состава преступленія, то приговоръ долженъ бы быть оправдательнымъ независимо отъ сочувствія или несочувствія политической дѣятельности совѣта. Преступность совѣта доказывается тѣмъ, что онъ стремился къ ниспроверженію существующаго строя и держался программы такихъ партій, въ тактикѣ которыхъ было вооруженное возстаніе. Но совѣтъ имѣлъ цѣлью пропаганду вооруженнаго возстанія, а не его техническую подготовку. Отъ обвиненія нѣкоторыхъ подсудимыхъ прокуроръ отказался, закончивъ свою рѣчь словами: «Въ водоворотѣ политической жизни... совѣтъ рабочихъ депутатовъ вторгся своею дѣятельностью въ такое русло, входъ въ которое загражденъ закономъ; но онъ дѣйствовалъ въ такое время, когда въ силу событій сдвинулись со своихъ мѣстъ всѣ составныя части государственнаго механизма и не успѣли еще освоиться и укрѣпиться на тѣхъ новыхъ устояхъ, которымъ суждено въ будущемъ регулировать дальнѣйшее теченіе русской жизни». Были потомъ слухи, будто бы за свое слишкомъ безпристрастное отношеніе къ этому дѣлу г. Бальцъ получилъ предложеніе свыше подать въ отставку. По обвиненію членовъ совѣта судебная палата постановила слѣдующій приговоръ: пятнадцать человѣкъ: Хрусталевъ-Носарь, Бронштейнъ (Троцкій), Сверчковъ, Злыдневъ, Сборовскій, Клуніанцъ, Авксентьевъ, Нѣмцовъ, Киселевичъ, Фейгъ, Рейнштейнъ, Голынскій, Комаръ, Шанявскій и Симановскій приговорены къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе; двое—Стоговъ и Шевченко къ заключенію въ крѣпость, первый на полтора года, второй—на восемь мѣсяцевъ; остальные оправданы. Для всякаго, конечно, ясно,—надо думать и для самого правительства,—что эти семнадцать

лицъ явились не отвѣтчиками за свои личныя дѣйствія, а искупительными жертвами за историческій ходъ событій, въ которомъ участвовали сотни тысячъ, если не милліоны людей; что большое общественное явленіе, подлежавшее суду исторіи, искусственно включено было въ рамки формальнаго суда надъ двумя десятками людей. Правительство покарало ихъ; пятнадцать доблестныхъ радѣтелей о народныхъ интересахъ увеличили собою массу людей, изъятыхъ,—будемъ надѣяться ненадолго,—изъ рядовъ общественныхъ дѣятелей; но очевидно, что эта кара попала не въ то, противъ чего она была направлена; на то движеніе, представителями котораго были эти люди, преслѣдованіе ихъ не могло имѣть никакого вліянія; объектъ дѣйствія былъ слишкомъ несоразмѣрно великъ для дѣйствующей силы; и если въ общественномъ движеніи, скорѣе можно сказать, символизированномъ, чѣмъ адекватно выраженномъ дѣятельностью совѣта рабочихъ депутатовъ, произошли какія-либо измѣненія, то они совершались въ зависимости отъ причинъ гораздо болѣе общаго характера. Едва ли поэтому возбужденіемъ этого процесса правительство достигло какой-либо желательной для него цѣли, тѣмъ болѣе, что косвеннымъ послѣдствіемъ его, несмотря на все стараніе исключить и замолчать все компрометирующее, явились разоблаченія еще болѣе ужасныя, чѣмъ въ свое время были высказанныя въ Государственной Думѣ кн. Урусовымъ. Письмо Лопухина не было оглашено въ судѣ; но оно появилось въ иностранныхъ газетахъ, выдержки и перепечатки изъ которыхъ очень скоро были воспроизведены и въ русскихъ. Оно было написано еще 14 іюня, вскорѣ послѣ того, какъ въ Думѣ разбирался погромный вопросъ. Изъ газетныхъ отчетовъ,—пишетъ Лопухинъ Столыпину,—я не могъ не убѣдиться, что въ матеріалѣ, доставленномъ вамъ для составленія объясненій, обстоятельства дѣла были совершенно извращены. Это и побудило его довести до свѣдѣнія премьеръ-министра результаты изслѣдованія, произведеннаго имъ, Лопухинымъ, по порученію графа Витте. Этимъ изслѣдованіемъ было подтверждено, что вскорѣ послѣ 17 октября 1905 г. завѣдующій политической частью департамента полиціи чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Рачковскій предпринялъ изданіе реакціонныхъ воззваній, которыя печатались жандармскими офицерами въ помѣщеніи губернскаго жандармскаго управленія, на станкѣ, отобранномъ у революціонеровъ. Въ одномъ изъ такихъ воззваній, которыхъ было нѣсколько, обращенномъ къ рабочимъ, говорилось, что ихъ руководители расхищаютъ деньги, собранныя на политическую борьбу. Затѣмъ, станокъ былъ замѣненъ усовершенствованной ручной машиной, поставленной въ секретномъ отдѣленіи департамента полиціи и находившейся въ завѣдываніи ротмистра Комиссарова. На ней было напечатано нѣсколько воззваній, въ которыхъ доказывалось, что виновниками революціоннаго движенія являются преимущественно инородцы, особенно евреи, къ борьбѣ съ которыми воззванія и возбуждали. Одно такое воззваніе было обращено даже къ солдатамъ. Каждое воззваніе отпечатывалось въ тысячахъ

экземпляровъ. Воззваніе къ солдатамъ было послано въ Вильно съ чиновникомъ при виленскомъ генералъ-губернаторѣ Шкотомъ и имѣло успѣхъ, такъ что его потребовали еще. Оно же было послано въ Курскъ врачу Михайлову, состоявшему тамъ по приглашенію Рачковскаго на службѣ департамента по вольному найму. Эти и другія провокаціонныя воззванія, издаваемыя департаментомъ, распространялись въ Петербургѣ черезъ доктора Дубровина и состоящій подъ его предсѣдательствомъ «союзъ русскаго народа», а въ Москвѣ черезъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей* Грингмута, въ другихъ мѣстахъ черезъ полицію и жандармовъ. Графъ Витте вызвалъ Комиссарова, который всѣ эти свѣдѣнія подтвердилъ и ему, и Лопухину, дополнивъ, что образцы воззваній представлялись директору департамента Вуичу и только послѣ его отмѣтки отдавались въ наборъ. Эта дѣятельность департамента была прекращена по настойчивому требованію графа Витте, но станокъ былъ перенесенъ на квартиру Комиссарова. Затѣмъ въ письмѣ указывается на невѣрность свѣдѣній, доставленныхъ премьеръ-министру Столыпину. Отъ него было скрыто, что прокламаціи, призывающія къ избіенію евреевъ, распространялись въ Александровскѣ (Екат. губ.) и послѣ прекращенія тамъ безпорядковъ, т.-е. послѣ 14 декабря 1905 г.; отъ него было скрыто и то, что Рачковскій завѣдывалъ политической частью департамента до 20 чиселъ апрѣля и, послѣ снятія съ него этой обязанности, продолжалъ по письменному приказанію начальства завѣдывать всѣми охранными отдѣленіями и давать направленіе всѣмъ дѣламъ департамента, которыя онъ сочтетъ нужнымъ взять въ свое вѣдѣніе, используя вмѣстѣ съ тѣмъ въ видахъ правительства общественныя силы и организаціи; невѣрно сообщено было и то, что ротмистръ Будаговскій былъ вызванъ въ Петербургъ для внушенія не по полученіи его декабрьскихъ донесеній объ успѣхѣ его пропаганды въ Александровскѣ, а позже, только вслѣдствіе настояній графа Витте, также какъ и телеграммы о предупрежденіи погромовъ посылались не тотчасъ по полученіи свѣдѣній объ ихъ подготовкѣ, а тоже послѣ и только по требованію Витте. Въ заключеніе Лопухинъ высказываетъ свой взглядъ на отношенія властей, установившіяся подъ вліяніемъ положенія объ охранѣ: власть министра внутреннихъ дѣлъ совершенно безсильна; не полиція и жандармерія находятся у него въ рукахъ, а онъ находится въ рукахъ у представителей этихъ учрежденій. Вся власть фактически перенесена сверху внизъ положеніемъ объ охранѣ и продолжительностью его примѣненія. Все примѣненіе этого положенія основано на свѣдѣніяхъ полиціи и жандармеріи, не имѣющихъ надъ собой никакого контроля на мѣстахъ и не подчиняющихся контролю центральныхъ учрежденій. Вслѣдствіе этого отдѣльные чиновники полиціи и жандармскіе офицеры считаютъ себя въ правѣ вести свою самостоятельную политику, а министерство вынуждено имѣть дѣло съ явной ложью или съ умышленной неполнотой доставляемыхъ ему свѣдѣній. Такимъ образомъ, письмо Лопухина не только подтверждаетъ факты, указанные съ Думской трибуны княземъ Урусовымъ,

но и еще болѣе широко и ясно рисуетъ картину двойного правительства, существующаго въ Россіи, причемъ неофиціальное правительство на̀дѣлѣ оказывается гораздо сильнѣе офиціальнаго. Что это соотношеніе, повидимому, осталось и въ настоящее время, доказывается тѣмъ, что явное правительство, т.-е. министерство Столыпина съ 14 іюня, когда послѣднимъ получено было письмо Лопухина, не приняло никакихъ мѣръ къ разслѣдованію дѣйствій чиновъ полиціи и къ наказанію виновныхъ. Ясно, что эти дѣйствія и основаны прежде всего на убѣжденіи въ полной ихъ безнаказанности, что подтверждаетъ и Лопухинъ, говоря объ «откровенности» ротмистра Будаговскаго, которая «объясняется только увѣренностью его въ поддержкѣ начальства». Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что если, давая свои объясненія въ Думѣ 8 іюня, Столыпинъ не былъ достаточно освѣдомленъ о положеніи дѣла, то никакихъ дополнительныхъ объясненій имъ не было дано Думѣ и послѣ 14 іюня, хотя Дума существовала еще три недѣли и хотя письмо Лопухина давало самыя обстоятельныя освѣдомленія. Письмо это было замолчано и тогда, и теперь мы видимъ, что его стараются замолчать во время процесса совѣта рабочихъ депутатовъ. Очевидно, явное правительство министерства Столыпина, съ одной стороны, не желаетъ признать своей солидарности съ ротмистрами Будаговскими и К°, а съ другой—не имѣетъ ни смѣлости, ни силы для энергическаго противодѣйствія имъ и поддерживающему ихъ закулисному правительству. Впрочемъ, за послѣднее время взгляды на погромы агентовъ и явнаго и тайнаго правительства настолько, повидимому, сблизились, что трудно сказать, гдѣ кончаются одни, гдѣ начинаются другіе. Откровенность ротмистра Будаговскаго или ротмистра Комиссарова, говорившаго объ устройствѣ погромовъ на 10 и на 10 тысячъ человѣкъ, превзойдена, напр., откровенностью подполковника Верховскаго, начальника карательной экспедиціи въ гор. Рѣжицѣ (Витебской губ.). Вызвавши къ себѣ мѣстнаго раввина, онъ сказалъ ему: «полиція довела до моего свѣдѣнія, что евреи собираются 17 октября устроить демонстрацію съ красными тряпицами. Предупреждаю васъ, что я оцѣплю ихъ своими драгунами и ни одного живого не выпущу и повторю вамъ исторію Сѣдлеца и Бѣлостока въ десять разъ больше, такъ что десятому закажутъ. Я человѣкъ рѣшительный и не остановлюсь ни передъ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ даны самыя широкія полномочія. Въ десять-пятнадцать минутъ можетъ быть триста убитыхъ... Я не буду разбирать, кто правъ, кто виноватъ; вообще я не сторонникъ гуманныхъ судовъ: попался, тутъ же пристрѣлю и конецъ». Затѣмъ, говоря съ еврейской депутаціей по поводу бывшей незадолго передъ тѣмъ драки между нѣсколькими молодыми евреями и старовѣрами, тотъ же подполковникъ Верховскій заявилъ: «если евреи не выдадутъ буяновъ, то старовѣры сами учинятъ погромъ и я не сумѣю васъ защитить и удержать своихъ солдатъ (это говоритъ военный начальникъ!). Если черезъ два дня не выдадутъ буяновъ, я назначу разъѣздъ драгунъ по городу, а до этого разложу содержателей магазиновъ, гдѣ

было буйство, и всыплю имъ нагайками. Нагайка скажетъ правду. На-дняхъ подъ нагайками умеръ крестьянинъ и мои драгуны получили благодарность». Это все говоритъ русскимъ гражданамъ не предводитель татарскаго отряда въ XIII вѣкѣ, а представитель русской правительственной власти въ XX. Погромъ дѣйствительно сталъ нормальнымъ явленіемъ русской жизни, которая вся превратилась въ сплошной, громадный погромъ. Вотъ какую статистику приводитъ газета *Страна* за годъ 17 октября 1905—17 октября 1906. За этотъ годъ русской «свободы» убито и ранено въ Россіи по политическимъ причинамъ—16,992 человѣка, въ томъ числѣ убито 7,331 чел. Изъ этого числа на обывателей падаетъ 13,381 жертвъ, а на представителей власти 3,611 человѣкъ. Обыватели гибли такимъ образомъ: повѣшено—215, разстрѣляно по «обыкновенному» военному суду—341, по суду военно-полевому (за полтора мѣсяца)—221 чел., убито карательными отрядами—741, а остальные убиты солдатами, казаками, городовыми, хулиганами, экспропріаторами и т. п. Изъ представителей исполнительной власти больше всего пострадали солдаты и казаки—750, затѣмъ городовые и стражники—452, пристава, околоточные и урядники — 226, чиновники—123, офицеры—109, жандармы и агенты тайной охраны—96, генералъ-губернаторы и высшіе представители власти—81, исправники и полицеймейстеры—60, губернаторы и высшія жандармскія власти—33. Грабежей почтъ, кассъ, винныхъ лавокъ, вообще казенныхъ учрежденій было 940, грабежей у частныхъ лицъ—983. Сумма ограбленнаго, считая лишь то, что извѣстно, равняется 6.871,369 руб. Аграрныхъ безпорядковъ было 1,629, поджоговъ селеній и имѣній, считая и поджоги, совершонные карательными отрядами — 228. Арестовано тайныхъ типографій и складовъ нелегальной литературы—183, складовъ оружія, патроновъ и взрывчатыхъ веществъ—118 (въ числѣ оружія были даже пулеметы). Людей арестовано по приблизительному подсчету 23,741 чел., въ томъ числѣ относительно очень много бывшихъ депутатовъ, именно 23 чел.». *Страна* приводитъ и ихъ имена (по 17 октября). Свящ. Аѳанасьевъ, Бибиковъ, Витковскій, Враговъ, Волковъ, Дитцъ, Иваницкій (высланъ), Кукановъ, Кутомановъ, Медвѣдевъ, Меркуловъ, Михайличенко, Недоносковъ, Окуневъ, Онипко, Притула, Рамишвили (высланъ), Сефферъ, Садыринъ, Торшинъ, Френкель, Чижевскій и Шапошниковъ. Значительное большинство губерній и областей Европейской и Азіатской Россіи находилось за это время на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны или военномъ. Исключеніе составляли лишь 12 губерній: Архангельская, Вологодская, Казанская, Костромская, Олонецкая, Орловская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тверская и Ярославская и Якутская область. Недавно, впрочемъ, усиленная охрана введена и въ Казанской губерніи, въ самой Казани съ пригородными слободами. Вообще всякаго рода репрессіи продолжаются безостановочно и, какъ и слѣдовало ожидать, параллельно съ ними продолжаются убійства и грабежи. Списокъ казненныхъ военно-полевыми судами давно уже перешелъ за 300 человѣкъ и все продолжаетъ увеличиваться. 10 октября само прави-

тельство сочло нужнымъ «разъяснить» слишкомъ ретивымъ и безцеремоннымъ мѣстнымъ исполнителямъ, что и военные суды должны до извѣстной степени сообразоваться съ установленными для нихъ правилами. Предсѣдатель совѣта министровъ обратился къ генералъ-губернаторамъ и другимъ главночальствующимъ съ циркуляромъ, мотивированнымъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «возникло сомнѣніе» относительно возможности расширенія компетенціи военно-полевыхъ судовъ включеніемъ въ нее и другихъ преступленій, кромѣ тѣхъ, для преслѣдованія которыхъ они были спеціально предназначены. Намъ кажется, что слово «сомнѣніе» не совсѣмъ подходитъ къ данному случаю. Наши главноначальствующіе люди рѣшительные, на манеръ подполковника Верховскаго, и менѣе всего грѣшатъ излишними «сомнѣніями» относительно своихъ правъ дѣлать съ обывателями все, что имъ вздумается. Въ самомъ циркулярѣ указанъ рядъ нарушеній мѣстными властями закона о военныхъ судахъ, нарушеній, какъ извѣстно, фактически имѣвшихъ мѣсто и послѣдствіемъ которыхъ въ нѣкоторыхъ случахъ были даже формально незаконныя казни; но циркуляръ осторожно выражается объ этихъ фактахъ, такъ, что «нѣкоторыя административныя начальства полагали допустимымъ»—дѣлать то, что противорѣчитъ закону. Само собой разумѣется, что эти начальства, признававшіе допустимымъ беззаконіе, не подверглись никакому взысканію, но имъ любезно было разъяснено, что военно-полевому суду можно предавать только за опредѣленныя преступленія, именно: убійство, разбой, грабежъ, нападеніе на часового или военный караулъ, вооруженное сопротивленіе властямъ, нападеніе на чиновъ войскъ и полиціи и вообще должностныхъ лицъ, и въ противозаконномъ изготовленіи, пріобрѣтеніи, храненіи и сбытѣ взрывчатыхъ веществъ; что военно-полевой судъ назначается по каждому отдѣльному случаю, а нельзя заранѣе объявлять цѣлыя категоріи дѣлъ подлежащими этому суду; что военно-полевому суду можно предавать лишь въ случаѣ очевидности совершоннаго преступленія и, наконецъ, что приговоры военно-полевыхъ судовъ ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ пересмотру и вторичному перерѣшенію. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы такое разъясненіе могло умѣрить «рѣшительность» мѣстныхъ властей, на которыхъ высшая администрація и теперь можетъ также мало вліять, какъ и при обстоятельствахъ, изложенныхъ въ письмѣ Лопухина. Да и при всякихъ формальныхъ ограниченіяхъ военно-полевые суды останутся все тѣмъ же узаконеніемъ произвола, какимъ они только и могутъ быть по своей сущности. Практика ихъ, между прочимъ, выставила слѣдующее внутреннее противорѣчіе: если для преданія военно-полевому суду необходима очевидность преступленія, то эти суды не могутъ выносить оправдательныхъ приговоровъ: всякій оправдательный приговоръ доказываетъ, что очевидности не было, а слѣдовательно косвенно указываетъ на легкомысліе начальства, предавшаго суду. На дѣлѣ оправдательные приговоры были и, если они могли быть при такихъ условіяхъ, то ясно, что дѣла, производящіяся въ военно-полевыхъ судахъ, вовсе не всегда такъ очевидны, что-

бы въ нихъ не были возможны ошибки, причемъ ошибки эти должны необходимо клониться въ сторону обвиненія. И общественная совѣсть не можетъ этого не сознавать: мы постоянно читаемъ, что такіе-то казнены за такое-то преступленіе. Но чѣмъ мы можемъ быть убѣждены, что кара постигла именно виновныхъ? Не играетъ ли иногда въ этихъ случаяхъ роль желаніе покарать кого-нибудь во что бы то ни стало? Извѣстно, что въ Китаѣ, когда иностранная дипломатія требовала наказанія какого-нибудь виновнаго въ убійствѣ или покушеніи на иностраннаго подданнаго, то случалось, что казнили перваго попавшагося, чтобы удовлетворить дипломатію. Что у насъ, иногда, могло бы произойти нѣчто подобное—въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не слыхали неоднократно отъ представителей власти: «я не буду разбирать правыхъ и виноватыхъ?» Или развѣ мы не видѣли, какъ, послѣ неизвѣстно кѣмъ сдѣланнаго выстрѣла или нападенія, происходила пальба вдоль улицъ и въ окна домовъ, причемъ убивались совершенно неповинныя женщины и дѣти? Очень часто въ моментъ какого-нибудь нападенія или покушенія охраняющія власти или отсутствуютъ, или настолько теряются, что виновные успѣваютъ скрыться; а потомъ происходятъ обыски, аресты, преданіе военно-полевому суду и казнь людей, виновность которыхъ, конечно, уже не можетъ быть очевидна. Вотъ, наприм., какъ описывается (*Русск. Вѣдом.*) поразившее всѣхъ своей необычайной смѣлостью ограбленіе помощника казначея портовой таможни, везшаго въ каретѣ свыше 600 тысячъ руб. въ губернское казначейство. 14 октября въ 12 час. дня, когда карета эта проѣзжала по Екатерининскому каналу, въ нее былъ брошенъ снарядъ, которымъ были ранены обѣ лошади. Казначей и досмотрщики, бывшіе въ каретѣ, выскочили изъ нея. Нападавшіе стали стрѣлять изъ револьверовъ и бросили еще бомбу, затѣмъ захватили пакетъ съ деньгами, какъ сосчитано потомъ 398,772 руб., вбѣжали въ ресторанъ и передали ихъ бывшей тутъ женщинѣ, которая скрылась. Жандармы открыли безпорядочную пальбу по набережной; пули попадали въ дома. Раздался третій взрывъ. Мостовая и набережная покрылись осколками стеколъ. Камни мостовой были выворочены. Жандармы безъ шапокъ мчались по улицѣ, не зная кого арестовывать. Раздался четвертый взрывъ. Прибыли конные и пѣшіе городовые и рота стрѣлковаго полка. Паника еще усилилась. Гвардеецъ бросился за кѣмъ-то и закололъ его штыкомъ; другой солдатъ сталъ преслѣдовать неизвѣстнаго, который самъ застрѣлился. Двое были задержаны. Таковъ разсказъ, передающій первое впечатлѣніе и рисующій картину совершенной путаницы и растерянности. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ дней было арестовано 11 человѣкъ, хотя общее число участниковъ ограбленія было, говорятъ, свыше 100 человѣкъ. 16 октября происходилъ военно-полевой судъ. Дѣло о трехъ подсудимыхъ вслѣдствіе недостаточной очевидности ихъ участія было выдѣлено и передано въ военно-окружной судъ, а восемь человѣкъ приговорены къ смертной казни, которая въ ту же ночь и была надъ ними исполнена. По сдѣ-

лавшимся впослѣдствіи извѣстнымъ даннымъ, собраннымъ охраннымъ отдѣленіемъ, производившимъ слѣдствіе, нападеніемъ распоряжался одинъ главарь, назвавшійся Сергѣемъ и личность котораго осталась неопознанной. Другимъ подсудимымъ планъ дѣйствій и имена руководителей были неизвѣстны; своихъ именъ они тоже не называли, хотя и не отрицали, что они принадлежатъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и что деньги были экспропріированы для цѣлей революціи. Имена подсудимыхъ, кромѣ Сергѣя, были удостовѣрены, но деньги такъ и не были найдены и, по слухамъ, увезены были за границу. Происшествіе это произвело большую сенсацію, показавши возможность, несмотря на всѣ охранныя мѣры, совершить ограбленіе большой суммы среди бѣлаго дня въ центрѣ Петербурга. 26 октября совершена еще болѣе крупная «экспропріація» (по первымъ извѣстіямъ до милліона рублей) на станціи Рогово Варшав.-Вѣнской жел. дор., причемъ убито и ранено около 15 человѣкъ охранявшихъ солдатъ. Болѣе мелкіе случаи такого рода въ мѣстностяхъ менѣе охраняемыхъ повторяются почти ежедневно. Не прекращаются и разные другіе безпорядки, такъ что репрессивныя мѣры правительства, несмотря на то, что ими терроризированы и придавлены всѣ проявленія живыхъ силъ страны, всетаки не могутъ достичь даже внѣшняго успокоенія. Правда, ожидавшихся нѣкоторыми безпорядковъ во время призыва новобранцевъ не было за исключеніемъ незначительныхъ случаевъ. Но ненормальность хода нашей жизни выражается не столько въ отдѣльныхъ случаяхъ, сколько въ крайней трудности, почти невозможности направить многія совершенно необходимыя общественныя функціи въ ихъ естественное русло. Яснѣе всего на эту ненормальность указываютъ тѣ затрудненія, съ которыми приходится бороться нашимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, постоянно наталкивающимся въ своихъ стремленіяхъ стать снова на правильный путь то на Сциллу внѣшняго административнаго вмѣшательства, то на Харибду внутренней неурядицы. Въ началѣ нынѣшняго учебнаго года были нѣкоторыя основанія надѣяться, что жизнь университета, послѣ нѣсколькихъ бурныхъ лѣтъ, пойдетъ, наконецъ, мирно, поставивъ прежде всего своею цѣлью науку, но и не лишая студентовъ возможности принимать духовное участіе въ общей политической жизни страны. Эти основанія состояли, во-первыхъ, въ пріобрѣтенной университетами автономіи, въ извѣстной мѣрѣ ограждавшей ихъ отъ давленія администраціи; во-вторыхъ, въ несомнѣнномъ желаніи значительнаго большинства студентовъ серьезно приступить къ научнымъ занятіямъ, желаніи тѣмъ болѣе естественномъ, что, съ одной стороны, неопредѣленное положеніе университетовъ очень тяжело отражалось на матеріальномъ и моральномъ положеніи студентовъ, съ другой—студенты въ настоящее время уже не могутъ считать себя исключительными борцами за освободительное движеніе, которое перешло въ болѣе широкія сферы. И сначала дѣло пошло какъ будто совсѣмъ мирно и гладко. Въ Московскомъ университетѣ собралось до 8,377 студентовъ и вольнослушателей, въ качествѣ

вольнослушательницъ было сверхъ того допущено 248 женщинъ. Лекціи и занятія усердно посѣщались. Скоро, однако, появились безпокойные признаки. Камнемъ преткновенія сдѣлался вопросъ о студенческихъ сходкахъ.

Общее правило то, что студенты имѣютъ право собираться въ университетѣ на сходки для обсужденія своихъ дѣлъ, но съ условіемъ, что на созывъ сходки каждый разъ испрашивается разрѣшеніе ректора, что сходки не должны мѣшать занятіямъ и потому могутъ собираться только въ свободныхъ помѣщеніяхъ и во внѣлекціонные часы, и что на сходкахъ не могутъ присутствовать лица, не состоящія въ числѣ студентовъ и вольнослушателей. На этой почвѣ иногда и происходили недоразумѣнія: случалось, что на сходки попадали посторонніе, случалось и то, что сходки пытались собираться въ неуказанное время, не считаясь съ вызываемымъ этимъ неудобствомъ для чтенія лекцій. Вообще, устраивая сходки, студенты постоянно проявляли стремленіе дѣйствовать независимо отъ университетскаго начальства: ректора и совѣта. Представителемъ этого стремленія является по преимуществу такъ называемый центральный университетскій органъ, т.-е. группа студентовъ, хотя и не имѣющая формальныхъ полномочій отъ всѣхъ, или отъ большинства студентовъ, но фактически взявшая въ свои руки направленіе студенческихъ общественныхъ дѣлъ и которой большинство повиновалось отчасти вслѣдствіе сознательной солидарности съ нею, отчасти болѣе или менѣе пассивно. Въ этой группѣ господствовала та основная мысль, что, не отрицая научныхъ занятій, какъ первой цѣли университета, необходимо, въ виду общей потребности времени, воспользоваться университетомъ и его автономіей для политической пропаганды. Естественно, что подобные взгляды и стремленія, а главное возможность ихъ фактическаго проведенія въ стѣнахъ университета, внѣ прямого контроля и вліянія администраціи, казались для послѣдней совершенно не гармонирующимъ съ общимъ положеніемъ вещей. И дѣйствительно, автономный университетъ, со своей относительной свободой, являлся какимъ-то исключеніемъ, какимъ-то маленькимъ островкомъ, со всѣхъ сторонъ заливаемымъ волнами административнаго произвола. Поэтому совершенно естественно, что администрація не могла спокойно относиться къ тому, что дѣлалось внутри университета. Сначала она установила надъ нимъ негласный надзоръ, потомъ выступила съ попыткой явнаго вмѣшательства. 1 октября ректоръ московскаго университета доложилъ экстренному засѣданію совѣта, что въ послѣднее время московская администрація обратила особое вниманіе на университетъ, интересуясь даже внутренними его дѣлами, не имѣющими никакого отношенія къ политикѣ. Нѣсколько разъ московскій градоначальникъ запрашивалъ о предположенныхъ сходкахъ и рефератахъ и, получивъ отвѣтъ отъ ректора, не выражалъ намѣренія принять какія-либо мѣры. Но 29 сентября получено было отношеніе градоначальника, въ которомъ сообщалось, что московскій генералъ-губернаторъ предложилъ ему объявить ректору, что никакія лекціи и собранія, не имѣющія прямого отношенія къ учебнымъ занятіямъ, не разрѣшаются имъ въ стѣнахъ уни-

верситета, къ исполненію чего онъ проситъ принять надлежащія мѣры. Немедленно переговорить съ генералъ-губернаторомъ не удалось и, подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій полиціи, грозившей вмѣшательствомъ, ректоръ принужденъ былъ объяснить студентамъ, что разрѣшенная имъ лекція не можетъ состояться; студенты разошлись. При личномъ объясненіи ректора съ генералъ-губернаторомъ, послѣдній высказалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить въ университетѣ собраній, на которыхъ произносились бы революціонныя рѣчи и дѣлались сборы съ революціонными цѣлями, что онъ согласенъ допустить собранія лишь тогда, если ректоръ поручится, что на нихъ не будетъ ничего противозаконнаго; что необходимо записывать фамиліи устроителей и исключать ихъ изъ университета, если произойдетъ что-нибудь недозволенное. Во избѣжаніе недоразумѣній всѣ студенческія собранія, назначенныя на 30 сентября и слѣдующіе дни, были отмѣнены. 1 октября градоначальникъ доставилъ ректору отношеніе, въ которомъ изложенъ былъ его взглядъ на студенческія собранія. Къ выше сказанному въ немъ дополнено, что устроители сходки, на которой произойдетъ что-либо недозволенное, будутъ привлекаться къ отвѣтственности или на основаніи правилъ о публичныхъ собраніяхъ, или на основаніи положенія объ охранѣ. Требуется, чтобы и университетское начальство принимало свои мѣры и, въ случаѣ надобности, обращалось бы за содѣйствіемъ къ администраціи, въ противномъ случаѣ отвѣтственность возлагается на профессорскій совѣтъ, съ примѣненіемъ къ нему тоже положенія объ охранѣ. Къ сказанному градоначальникъ прибавилъ, что въ виду неприличнаго поведенія нѣкоторыхъ лицъ изъ толпы, выходившей 30 сентября изъ университета, имъ приказано впредь наряжать къ зданію университета разъѣзды конной полиціи. Въ заключеніе своего доклада совѣту ректоръ заявилъ, что при такихъ условіяхъ ни онъ, ни помощникъ ректора не находятъ возможнымъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Учебныя занятія въ университетѣ идутъ успѣшно, ничего угрожающаго общественной безопасности тамъ не произошло. И если администрація знаетъ все, что тамъ дѣлается, и даже вывѣсила объявленія о томъ, что она будетъ принимать свои мѣры противъ собраній въ университетѣ, то зачѣмъ же еще брать изъ студентовъ заложниковъ, а профессорамъ поручать выполненіе задачъ, лежащихъ на общей полиціи. Такія дѣйствія администраціи составляютъ несомнѣнно вторженіе въ свободу дѣйствій автономнаго университета. Совѣтъ опредѣлилъ: пріостановить до 6 октября занятія въ университетѣ, о чемъ и объявить студентамъ и послать въ Петербургъ депутацію изъ ректора и двухъ членовъ совѣта Д. Н. Зернова и кн. Е. Н. Трубецкого, уполномочивъ ее представить министру народнаго просвѣщенія и предсѣдателю совѣта министровъ подробное изложеніе происшедшаго въ университетѣ, выяснивъ невозможность дальнѣйшаго его функціонированія въ условіяхъ, созданныхъ московской администраціей. Закрытіе университета не вызвало никакихъ волненій. Депутація была у обоихъ министровъ, причемъ выяснилось, что они различно смотрятъ на происшедшій инци-

дентъ: въ то время какъ министръ народнаго просвѣщенія безусловно отрицалъ за администраціей право самостоятельно и безъ предварительнаго сношенія съ нимъ, министромъ, вмѣшиваться въ дѣла университета, между тѣмъ какъ московскій градоначальникъ даже не увѣдомилъ министерство народнаго просвѣщенія, министръ внутреннихъ дѣлъ, напротивъ, считалъ дѣйствія градоначальника правильными, такъ какъ онъ долженъ былъ руководствоваться особыми указаніями министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ-концовъ правительство сдѣлало нѣкоторыя уступки формальнаго характера и подтвердило въ принципѣ автономныя права университета, такъ что вернувшаяся депутація могла доложить совѣту университета, что ей удалось сохранить за послѣднимъ его права, въ число которыхъ входитъ и право студентовъ устраивать собранія съ разрѣшенія ректора, безъ участія посторонннихъ лицъ и съ тѣмъ, чтобы эти собранія не превращались въ политическіе митинги или конспираціонныя совѣщанія. Конную полицію рѣшено [удалить отъ университета и наблюденіе за правильнымъ ходомъ учебной жизни оставлено за университетскимъ начальствомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ нарушенъ попытками использовать университетскія собранія въ революціонныхъ цѣляхъ, которыя неизбѣжно вызовутъ вмѣшательство администраціи. Такимъ образомъ между университетомъ и администраціей было заключено перемиріе, прочность котораго въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ дальнѣйшаго образа дѣйствій студенчества. На этомъ основаніи 6 октября университетъ былъ снова открытъ. Во время всего этого инцидента совѣтъ и вообще профессорская коллегія дѣйствовали согласно съ желаніями студентовъ, и послѣдніе въ свою очередь не ставили препятствій мирному разрѣшенію конфликта. Но вскорѣ оказалось, что единеніе между студентами и профессорами далеко не прочно. Поводомъ къ столкновенію послужило постановленіе бывшей 16 октября общестуденческой сходки объ устройствѣ, въ видѣ траура по погибшимъ борцамъ за освобожденіе, трехдневной забастовки 18, 19 и 20 октября, съ тѣмъ, чтобы никакихъ демонстрацій при этомъ не дѣлать, но устроить въ эти дни въ университетѣ собранія съ участіемъ на нихъ исключительно только студентовъ. Кромѣ этого постановленія, сходка, на которой присутствовало меньше тысячи человѣкъ, занялась обсужденіемъ организаціонныхъ вопросовъ. Дебаты велись между студенческими фракціями, принадлежащими къ политическимъ партіямъ конституціонно-демократической и обѣимъ соціалистическимъ. Представители первой отрицали значеніе общихъ сходокъ и требовали созданія путемъ правильныхъ выборовъ учрежденія, руководящаго университетскими дѣлами. Представители соціалистическихъ партій стояли за компетенцію общихъ сходокъ. Большинство согласилось съ послѣднимъ мнѣніемъ, но, сохранивъ центральный органъ, который долженъ дѣйствовать въ предѣлахъ указаній общей сходки и подъ ея контролемъ, реформировать его путемъ переизбранія его членовъ отъ курсовъ на началахъ пропорціональности политическихъ партій. Немедленно же ректоръ получилъ запросъ отъ градоначальника по поводу этой сходки и ея по-

становленія о забастовкѣ. Сходки на 18, 19 и 20 октября не были разрѣшены. Отдѣльная сходка студентовъ конституціонно-демократической фракціи не признала постановленія о забастовкѣ для себя обязательнымъ. 18 октября студенты стали собираться къ началу лекцій, но многіе уходили, прочитавъ вывѣшенное объявленіе центральнаго органа о забастовкѣ. Изъ оставшихся, одни выражали желаніе слушать лекціи, другіе—пытались этому воспрепятствовать шумомъ и криками. Въ нѣкоторыхъ аудиторіяхъ дѣло доходило до насильственнаго выталкиванія однихъ студентовъ другими. На чьей сторонѣ было сочувствіе большинства—опредѣлить трудно, такъ какъ обструкцію можетъ произвести, конечно, и сравнительно небольшая кучка. Какъ бы то ни было, одна только лекція профессора Виппера, несмотря на попытки обструкціи, могла быть благополучно доведена до конца; въ другихъ аудиторіяхъ почти всюду пришлось прекратить лекціи, а въ нѣкоторыхъ онѣ и не начинались. Увѣщанія ректора и его помощника не помогли, и тогда студентамъ предложено было оставить зданіе университета, входы въ который были немедленно заперты, а на входныхъ дверяхъ было вывѣшено объявленіе за подписью ректора, которымъ университетъ закрывался до 30 октября, въ виду происшедшаго 18 октября нарушенія порядка. Это распоряженіе для большинства студентовъ явилось совершенной неожиданностью и произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Центральный органъ предложилъ ректору отмѣнить свое постановленіе и открыть университетъ съ 23 октября. Администрація немедленно усилила полицейскій надзоръ возлѣ университета и прислала къ нему конные разѣзды. Никакихъ столкновеній студентовъ съ полиціей однако не воспослѣдовало, равно какъ не произошло никакихъ «студенческихъ безпорядковъ» и внѣ университета. Но университетскія происшествія имѣли косвенное и весьма прискорбное отраженіе въ обществѣ и въ литературѣ. Нѣкоторые либеральные органы печати, наприм., *Новый Путь*, неодобрительно высказались о дѣйствіяхъ ректора и профессоровъ. *Русскія Вѣдомости* въ общемъ одобряли ихъ. Въ полемику внесъ страстность профессоръ князь Трубецкой, помѣстившій въ тѣхъ же *Русскихъ Вѣдомостяхъ* укоризненную статью по адресу студентовъ, отъ нѣкоторыхъ утвержденій которой ему самому пришлось отказаться въ виду ихъ необоснованности. Къ счастью, едва ли этотъ печальный инцидентъ будетъ имѣть дальнѣйшія послѣдствія. Университетскія власти повидимому пришли къ логическому заключенію, что изъ требованія безпрепятственнаго занятія наукой въ университетѣ едва ли можетъ вытекать его закрытіе на двѣ недѣли. 24 октября совѣтъ университета, выслушавъ докладъ ректора и заключеніе совѣтской коммиссіи, призналъ возможнымъ возобновить учебныя занятія 26 октября. Начало занятій прошло вполнѣ благополучно. Ректоръ, профессоръ Мануиловъ, началъ свою лекцію, не говоря ни слова о закрытіи университета, а профессоръ князь Трубецкой передъ началомъ лекціи высказалъ, что его осужденіе рѣшенія общей сходки произошло по недоразумѣнію, такъ какъ онъ не зналъ, что общая сходка не постановляла объ

обструкціи. 28 октября состоялась общая сходка, на которой было болѣе 2,000 человѣкъ. Сущность ея постановленія та, что свобода слова и собраній — явочнымъ порядкомъ и безъ всякаго контроля — есть минимумъ, необходимый для функціонированія университета и что отсутствіе ея приведетъ къ закрытію университета самими студентами, что закрытіе университета 18 октября не вызывалось необходимостью. Тѣмъ не менѣе лекціи и занятія до сихъ поръ проходили благополучно. Но очевидно, что положеніе университета остается крайне шаткимъ и что малѣйшій непредвидѣнный случай можетъ нарушить съ такимъ трудомъ поддерживаемое равновѣсіе. Причина этого прежде всего заключается въ основномъ несоотвѣтствіи свободы слова въ университетѣ съ чрезвычайной охраной внѣ его, или, лучше сказать, въ общемъ противорѣчіи принципа свободы съ существующимъ у насъ политическимъ режимомъ. Охраняя университетъ отъ неизбѣжнаго при этомъ режимѣ вторженія внѣшней администраціи въ случаѣ проявленія въ немъ дѣйствительной свободы слова и собраній, университетскіе власти и профессора оказываются въ необходимости стѣснять эту свободу и вызывать протесты со стороны студентовъ, часто не принимающихъ въ соображеніе того, что, какъ выразился князь Трубецкой, «манежъ все еще сильнѣе университета». Что безпокойное состояніе московскаго университета обусловлено не частными и мѣстными причинами, а общими, доказывается тѣмъ, что студенческія волненія распространились и на другіе университеты. Въ Петербургскомъ университетѣ 16 октября была многолюдная сходка, на которой обсуждались обще-политическіе вопросы. Сходка происходила въ лекціонное время, что вызвало объявленіе отъ совѣта о томъ, что въ случаѣ повторенія подобныхъ нарушеній правилъ о студенческихъ собраніяхъ, совѣтъ принужденъ будетъ закрыть университетъ. Въ Казани послѣ объявленія отъ совѣта о недопустимости въ университетѣ сходокъ съ участіемъ постороннихъ лицъ, университетъ былъ закрытъ 16 октября даже раньше, чѣмъ состоялась предполагавшаяся сходка. Закрытъ также кіевскій университетъ, послѣ того какъ въ немъ, несмотря на запрещеніе губернатора и совѣта, состоялась большая общестуденческая сходка. Въ Юрьевѣ въ тѣ же дни происходили въ университетѣ сходки и устраивалась забастовка въ память борцовъ за свободу въ прошломъ году. Происходили волненія и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всюду причина одна: рѣзкое несоотвѣтствіе между ясно сознаваемою потребностью свободы и полнымъ отказомъ въ ея удовлетвореніи. Несоотвѣтствіе это, конечно, всего сильнѣе чувствуется и всего яснѣе выражается въ кругахъ интеллигентной молодежи. Но противорѣчіе между ясно сознаваемыми требованіями и совершенно неудовлетворительной дѣйствительностью вноситъ свое разлагающее вліяніе и въ совершенно другія сферы. Гибельные его результаты мы видимъ, напр., въ печальномъ положеніи нашего земскаго такъ называемаго самоуправленія. Характерныя для настоящаго времени явленія въ сферѣ земской дѣятельности суть, во-

первыхъ, почти полное безденежье, во-вторыхъ, усиленіе въ составѣ земскихъ собраній реакціонныхъ элементовъ. То и другое дѣйствуетъ въ одномъ и томъ же направленіи. Отсутствіе средствъ, обусловленное тѣмъ, что земскіе сборы, составляющіе почти исключительный источникъ земскихъ доходовъ, перестали уплачиваться какъ крупными землевладѣльцами, такъ и крестьянами, лишаетъ земство возможности не только развивать свою дѣятельность въ области народнаго образованія, народной медицины и экономической, но даже и поддерживать то, что уже начато или даже давно уже выполнялось имъ въ этихъ областяхъ. Такъ, изъ Твери еще въ концѣ сентября получались вѣсти, что губернское земство находится въ безвыходномъ положеніи вслѣдствіе непоступленія земскаго сбора изъ уѣздовъ. Приходится ликвидировать дѣятельность учрежденія губернскаго земства, но какимъ образомъ, напр., ликвидировать такое учрежденіе, какъ Бурашевская психіатрическая колонія съ 1,200 больными? Для обсужденія финансоваго положенія губернскаго земства на 12 сентября созывалось губернское собраніе. Разрѣшеніе на него получено было отъ министерства внутреннихъ дѣлъ лишь 10 сентября, и собраніе не состоялось, такъ какъ на него успѣло прибыть меньше законнаго числа гласныхъ. Ходатайство губернской управы о ссудѣ у правительства осталось безъ результата. Ссуда была дана только на уплату страхового вознагражденія, для чего у земства тоже не было средствъ. Такого же рода свѣдѣнія идутъ и изъ другихъ мѣстъ: въ той же Тверской губерніи, Новоторжское уѣздное земство, до сихъ поръ особенно заботившееся о народномъ образованіи и доведшее число школъ въ своемъ уѣздѣ почти до общедоступности первоначальнаго обученія, принуждено было закрыть половину школъ вслѣдствіе невозможности содержать ихъ и платить жалованье учителямъ. То же самое произошло въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, гдѣ школы переданы на попеченіе сельскихъ обществъ, а земство будетъ давать только нѣкоторую субсидію, въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, гдѣ занятія въ школахъ прекращены, а учителя не получаютъ жалованья, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Разсуждая о томъ, какъ помочь своему тяжелому финансовому положенію, земства не находили обыкновенно другого исхода, какъ заемъ; но заемъ при такихъ обстоятельствахъ даже у правительства не можетъ не представлять очень большихъ затрудненій; да если бы его и удалось заключить, то пришлось бы его уплачивать, что совершенно невозможно, если причины недоимокъ будутъ продолжать дѣйствовать попрежнему. Отчасти, поскольку дѣло касается крупныхъ землевладѣльцевъ, дѣло не представляло бы большой трудности, если бы и въ этой сферѣ, какъ и повсюду у насъ не отсутствовало уваженіе къ закону и у тѣхъ, кто долженъ его исполнять, и у тѣхъ, кто долженъ наблюдать за его исполненіемъ. Земскія недоимки собираются у насъ полиціей, а извѣстно, что полиція, во-первыхъ, занята теперь совсѣмъ другимъ дѣломъ, а во-вторыхъ, что подступиться не то что къ высокопоставленному лицу, а даже просто къ какому-нибудь члену союза русскаго народа

по нынѣшнимъ временамъ и для полиціи не всегда удобно: награды не заслужишь, а непріятность всегда можешь получить. Да и высшее правительство заботится, повидимому, не столько объ уплатѣ недоимокъ, состоящихъ за крупными плательщиками, сколько о состоящихъ за крестьянами. Министерство внутреннихъ дѣлъ разослало земскимъ управамъ, земскимъ начальникамъ и волостнымъ правленіямъ циркуляръ, въ которомъ рекомендуется убѣждать крестьянъ платить подати, такъ какъ, по мнѣнію министерства, въ неплатежѣ ихъ виноватъ не кто другой какъ революціонная пропаганда, попытки которой «склонить крестьянъ къ неплатежу податей и повинностей во многихъ случаяхъ были успѣшны». Дѣйствительно, если сознательный отказъ отъ уплаты прямыхъ податей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ земскіе сборы, едва ли составляетъ главную причину неуплаты ихъ крестьянами, такъ какъ для этого есть не мало и другихъ причинъ, важнѣйшею изъ которыхъ является для многихъ мѣстностей несомнѣнная нищета населенія; то тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что въ силу ли революціонной пропаганды, или дошедши до этого своимъ умомъ, крестьяне сознательно отказываются платить земскіе сборы, приводя для этого весьма характерные мотивы. Такъ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, Сурушинское сельское общество въ приговорѣ своемъ высказало, что неплатежъ земскаго сбора «вызванъ тѣмъ, что населеніе не довѣряетъ болѣе своихъ кровныхъ денегъ дворянско-помѣщичьему земству, гдѣ интересы большинства крестьянскаго населенія представлены въ меньшинствѣ». Въ мѣстномъ крестьянствѣ высказывалась даже мысль объ организаціи чисто-крестьянскаго хозяйственнаго управленія, которому теперешнее земство передало бы въ завѣдываніе школы, больницы и т. п. Крестьяне полагали, что сами они устроили бы это все лучше, согласнѣе со своими потребностями, а главное дешевле. На частномъ собраніи, бывшемъ въ управѣ, уполномоченные отъ крестьянъ заявили также, что они будутъ платить земскій сборъ, если въ земское собраніе будутъ допущены съ правомъ рѣшающаго голоса представители всѣхъ волостей. Конечно, непосредственно-практическаго значенія подобныя заявленія не могутъ имѣть, но они указываютъ на настроеніе, существующее въ широкой средѣ крестьянства. Отголоски такого настроенія были и въ нѣсколькихъ земскихъ собраніяхъ. Напр., въ грязовецкомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ отъ крестьянъ заявилъ, что за отстраненіемъ губернаторомъ половины избранныхъ крестьянскихъ представителей, онъ, вмѣстѣ съ другими крестьянскими гласными, не могутъ считать себя истинными представителями многотысячнаго крестьянства уѣзда и будутъ принимать участіе въ собраніи лишь въ томъ случаѣ, если собраніе обсудитъ вопросъ о полномъ преобразованіи земства съ требованіемъ немедленнаго созыва Государственной Думы на основаніи всеобщаго голосованія, которая и измѣнитъ законъ о земскихъ учрежденіяхъ. Земское собраніе постановило ходатайствовать въ этомъ смыслѣ. Такое же ходатайство о реформѣ земства на демократическихъ началахъ постановлено въ Балахнинскомъ зем-

скомъ собраніи послѣ доклада управы, въ которомъ было высказано, что главная причина неплатежа крестьянами земскихъ сборовъ состоитъ въ томъ, что крестьянское населеніе требуетъ земской реформы. Подобный же взглядъ высказываетъ въ *Правѣ* столь опытный земецъ, какъ И. И. Петрункевичъ. «Земство, — говоритъ онъ, — переживаетъ кризисъ... потому что оно пережило самого себя, что оно нуждается въ коренной реформѣ на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Крестьянская масса борется... за осуществленіе своего права, на сторонѣ котораго и справедливость, и общественная польза, и государственный интересъ». Побѣда реакціонеровъ на послѣднихъ земскихъ выборахъ можетъ только усилить и обострить эту борьбу, такъ какъ первымъ дѣломъ реакціонныхъ земскихъ собраній будетъ, конечно, сокращеніе и уничтоженіе расходовъ на народное образованіе и вообще на различнаго рода культурныя учрежденія, нужныя для народа, но возбуждающія антипатію реакціонеровъ и по существу своему и, пожалуй, еще болѣе потому, что для своего функціонированія они требуютъ участія въ земствѣ ненавистнаго реакціи третьяго элемента. Этотъ культурный третій элементъ прежде всего, конечно, исчезнетъ изъ реакціонныхъ земствъ, какъ это и произошло уже въ нѣкоторыхъ земствахъ, напр., Курской губерніи. Такія земства сдѣлаются вполнѣ бюрократически-дворянскими учрежденіями и, конечно, еще болѣе возстановятъ противъ себя крестьянство. Поэтому мы имѣли основаніе сказать, что оба явленія: и безденежье и побѣда на выборахъ реакціонныхъ партій ведутъ земство въ одномъ направленіи, къ окончательной ликвидаціи его какъ общественно-культурнаго учрежденія. Но эта ликвидація грозитъ только нынѣшнему земству, которое могло быть прогрессивнымъ явленіемъ тогда, когда прогрессивнымъ было и насажденіе культуры путемъ просвѣщеннаго деспотизма, когда либеральные дворяне могли работать на пользу народу согласно со своимъ, а не народнымъ пониманіемъ этой пользы. Теперь, когда народъ переросъ уже фазисъ этого пассивнаго воспріятія благъ культуры, и хочетъ самъ устраивать свои дѣла такъ, какъ онъ ихъ понимаетъ, такое земство уже не соотвѣтствуетъ требованію времени. Оно должно быть замѣнено другимъ, основаннымъ на принципѣ всенароднаго въ немъ участія. Искусственная идиллія соединенія дворянскаго состава земства съ дѣятельностью его въ смыслѣ народныхъ интересовъ, оказывается несостоятельною. Выясняется все болѣе, что народные интересы и мѣстные, какъ и общіе, должны защищаться самимъ народомъ. Но, какъ совершенно вѣрно указалъ Грязовецкій гласный, земство можетъ быть реформировано на началѣ всеобщности только Государственной Думой, организованной на томъ же началѣ. При такихъ условіяхъ земство не только будетъ выразителемъ дѣйствительныхъ мѣстныхъ потребностей народа, но и будетъ служить проводникомъ и связью между Думой и народомъ, и тѣмъ самымъ дастъ большую устойчивость и общегосударственному представительству. Теперь же противорѣчіе между сознательными требованіями народа и общей дѣйствительностью приводитъ и въ земскомъ, также какъ и въ универ-

ситетскомъ вопросѣ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ на частныхъ примѣрахъ проявляется общая дисгармонія, къ созданію неяснаго, фальшиваго и непрочнаго положенія и къ невозможности функціонировать послѣдовательно и успѣшно. Не сознавая этого основного внутренняго противорѣчія всей нашей политической жизни, или можетъ-быть руководствуясь принципомъ après nous le déluge, нынѣшнее правительство продолжаетъ принимать всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы соединить несоединимое, чтобы, съ одной стороны, путемъ мелкихъ уступокъ отдѣльнымъ классамъ и группамъ населенія привлечь къ себѣ ихъ сочувствіе, а съ другой, путемъ исключенія оппозиціонныхъ элементовъ изъ числа участвующихъ въ выборахъ въ Государственную Думу, создать такое представительство, которое, если бы и не выражало собой дѣйствительныхъ желаній народа, то сходилось бы съ желаніями теперешняго правительства, или по крайней мѣрѣ было бы по отношенію къ нему достаточно уступчиво. Первая цѣль достигается изданіемъ нѣкоторыхъ законовъ, изданіемъ, которое и само является нарушеніемъ не только манифеста 17 октября, установляющаго, «какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы», но и позднѣйшихъ «основныхъ законовъ», ограничившихъ это незыблемое правило, такъ какъ и по этимъ основнымъ законамъ, безъ Думы, въ періодъ, когда она не функціонируетъ, могутъ быть издаваемы лишь совершенно неотложные законы и законодательныя распоряженія, чего объ изданныхъ за это время законахъ ни въ какомъ случаѣ сказать нельзя. Самые существенные изъ нихъ, аграрные законы, установляющіе основанія и порядокъ продажи крестьянамъ казенныхъ, удѣльныхъ и алтайскихъ кабинетскихъ земель, уже были изложены нами въ послѣдней, октябрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Къ нимъ присоединились теперь еще два закона, имѣющіе отношеніе къ аграрному вопросу: первый изъ нихъ—Высочайшій указъ о пониженіи платежей заемщиковъ крестьянскаго банка, которымъ опредѣлено понизить, начиная со второго полугодія 1906 года, платежи какъ нынѣшнихъ, такъ и будущихъ заемщиковъ крестьянскаго банка съ 5 р. 25 к. и 5 р. 75 к. до 4 р. 50 к. въ годъ со 100 руб. ссуды при срокѣ ея въ $55\frac{1}{2}$ лѣтъ, установивъ соотвѣтственное пониженіе при другихъ срокахъ погашенія ссуды; причемъ сохраняется прежній размѣръ погашенія ссудъ и прежній же порядокъ погашенія выпущенныхъ банкомъ свидѣтельствъ. Вызываемый пониженіемъ недочетъ въ средствахъ на покрытіе обязательствъ банка опредѣленно пополнять изъ средствъ государственнаго казначейства, внося необходимый кредитъ въ государственную роспись. Мѣра эта безъ сомнѣнія улучшаетъ положеніе крестьянъ, уже ранѣе купившихъ землю черезъ крестьянскій банкъ, но для будущихъ покупщиковъ полезность ея можетъ быть учтена лишь въ зависимости отъ покупныхъ цѣнъ. Это ясно видитъ и правительство, говоря въ сопровождающемъ указъ сообщеніи, что, если бы на ряду съ уменьшеніемъ платежей послѣдовало искусственное повышеніе цѣнъ на землю, то обремененіе плательщиковъ и при указанной мѣрѣ не измѣни-

лось бы. Но именно противъ этого-то и нѣтъ никакой гарантіи, при томъ условіи, что покупка земли крестьянами будетъ совершаться и впослѣдствіи по вольнымъ цѣнамъ. Другой аграрный законъ, изданный за это время—это законъ о залогѣ надѣльныхъ земель. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: крестьянскому банку предоставляется разрѣшать крестьянскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ ссуды подъ залогъ принадлежащихъ имъ надѣльныхъ земель: 1) для уплаты за надѣлы, оставляемые крестьянами, переселяющимися на новыя земли; 2) для дополнительной приплаты за землю, покупаемую при содѣйствіи крестьянскаго банка, сверхъ получаемой изъ банка ссуды, и 3) на покрытіе расходовъ при переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, при разселеніи общества на отдѣльные поселки и хутора и при раздѣлѣ обществомъ общинной земли на отрубные участки. Предметомъ залога при ссудѣ обществу можетъ служить или весь надѣлъ, или часть его, достаточная для обезпеченія ссуды, но въ послѣднемъ случаѣ эта часть должна быть отграничена къ одному мѣсту и снята на планъ. Товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ ссуды разрѣшаются подъ залогъ участковъ надѣльной земли, законно укрѣпленной въ ихъ особое владѣніе и отграниченной къ однимъ мѣстамъ въ натурѣ и на планѣ. Размѣръ ссуды не долженъ превышать 60° установленной оцѣнки. Подъ надѣльной землей товариществъ надо, вѣроятно, понимать надѣльную землю членовъ товариществъ, такъ какъ надѣльной землей крестьяне до сихъ поръ не владѣли на товарищескомъ правѣ. Смыслъ этого законодательнаго акта не такъ простъ, какъ законъ о пониженіи платежей крестьянскому банку. Съ одной стороны, онъ съ перваго взгляда представляется тоже какъ будто льготою, способствующею пріобрѣтенію средствъ для покупки земли и другихъ земельныхъ улучшеній. Но, если ближе всмотрѣться въ его сущность, то мы увидимъ, что дѣло тутъ не въ улучшеніяхъ, ибо тогда всего цѣлесообразнѣе было бы придать этому кредиту меліораціонный характеръ, а въ тенденціозномъ проведеніи давно уже излюбленной въ нѣкоторыхъ высшихъ сферахъ мысли объ уничтоженіи общины и о водвореніи мелкой крестьянской собственности и хуторского хозяйства. Объ общинномъ владѣніи можно быть различнаго мнѣнія; вопросъ этотъ обсуждался и дебатировался въ литературѣ и въ обществѣ и до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать споры. Но едва ли можетъ быть два мнѣнія о томъ, что бюрократическое рѣшеніе его, притомъ такимъ спѣшнымъ образомъ, за три мѣсяца до созыва Государственной Думы, которая можетъ и не согласиться съ такимъ рѣшеніемъ, не имѣетъ никакого основанія и могло бы только внести совершенно лишнюю смуту въ такое серьезное дѣло, какъ установленіе земельныхъ отношеній, если бы не было большой вѣроятности, что вся эта бюрократическая затѣя такъ и останется канцелярскимъ экспериментомъ. Нельзя не замѣтить, что во всякомъ случаѣ залогъ надѣльной земли для приплаты къ ссудѣ крестьянскаго банка при покупкѣ земли есть гораздо больше льгота для продавцевъ-помѣщиковъ, чѣмъ для крестьянъ,

такъ какъ результатомъ ея несомнѣнно будетъ повышеніе земельныхъ цѣнъ; крестьяне же и банкъ такимъ путемъ вводятся въ земельную спекуляцію, могущую кончиться очень печально или для крестьянъ, если заложенные надѣлы будутъ дѣйствительно проданы при неуплатѣ полученной ссуды, или для банка, если ихъ продажа окажется невозможной. Вообще этотъ законъ имѣетъ характеръ не столько политическаго хода въ видахъ привлеченія на свою сторону населенія, сколько легкомысленнаго шага, сдѣланнаго въ угоду взглядамъ, господствующимъ во вліятельныхъ и soi disant консервативныхъ сферахъ, не сознающихъ того, что такія попытки бюрократическаго вторженія въ область важнѣйшихъ экономическихъ интересовъ народа по существу своему носятъ самый революціонный характеръ. Зато двѣ другія мѣры правительства носятъ несомнѣнные признаки captationis benevolentiae. Одна изъ нихъ: Высочайшій указъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ сословій. Содержаніе его заключается въ слѣдующемъ: 1) всѣмъ русскимъ подданнымъ (кромѣ инородцевъ) независимо отъ сословія и происхожденія предоставляются одинаковыя права государственной службы, примѣнительно къ правамъ лицъ дворянскаго сословія; 2) отмѣняется бывшее до сихъ поръ обязательнымъ исключеніе сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ сословій изъ обществъ при поступленіи на службу, производствѣ въ чины, окончаніи курса въ учебныхъ заведеніяхъ и полученіи ученыхъ степеней и званій, съ предоставленіемъ таковымъ, оставаясь въ своемъ обществѣ до добровольнаго выхода изъ него, сохранять всѣ соединенныя съ пребываніемъ въ обществѣ права и обязанности; отмѣняется и представленіе ими увольнительныхъ приговоровъ отъ обществъ при поступленіи на службу и въ учебныя заведенія; 3) разрѣшается безъ увольненія отъ сельскаго общества вступать въ другое сельское общество; 4) въ отношеніи свободы избранія мѣста жительства и полученія безсрочныхъ паспортовъ сельскіе обыватели и лица бывшихъ податныхъ сословій сравниваются съ лицами высшихъ сословій; 5) отмѣняется подушная подать и круговая порука, гдѣ онѣ еще сохранились; 6) отмѣняются спеціальныя правила о наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ за проступки, не наказуемые по уставу о наказ. нал. мир. судьями, и отдача въ видѣ наказанія въ общественные заработки; 7) отмѣняются правила, стѣсняющія семейные раздѣлы; 8) отмѣняется запрещеніе крестьянамъ, не владѣющимъ личною недвижимою собственностью, выдавать векселя; 9) предоставляется крестьянамъ, обладающимъ установленнымъ цензомъ помимо надѣльной земли, участвовать въ избраніи гласныхъ на второмъ избирательномъ съѣздѣ, сверхъ участія въ выборахъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ 10) отмѣняется утвержденіе губернаторомъ земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ съ предоставленіемъ избраннымъ отъ волостей кандидатамъ самимъ назначить изъ своей среды положенное число гласныхъ; 11) отмѣняется право земскихъ начальниковъ налагать въ административномъ порядкѣ на крестьянъ наказанія за неисполненіе ихъ распоряженій,

и 12) устаповляется, что уѣздные съѣзды могутъ отмѣнять приговоры крестьянскихъ общественныхъ сходовъ лишь въ случаяхъ несогласія ихъ съ законами, или когда они обжалованы заинтересованными лицами, считающими, что приговоромъ нарушены ихъ права. Всѣ эти положенія несомнѣнно представляютъ собою нѣкоторое улучшеніе. Тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что они установлены не нормальнымъ порядкомъ черезъ Государственную Думу, пожалѣть не только потому, что это обстоятельство составляетъ еще одно лишнее нарушеніе бюрократіей правъ народнаго представительства, но и по существу, такъ какъ, если бы вмѣсто нихъ получили осуществленіе законопроекты о равноправности, выработанные въ бывшей Думѣ, то въ нихъ не было бы той неполноты, отрывочности, а иногда и неясности, какія есть въ изданномъ теперь законѣ. Конечно, отмѣнѣ всякихъ сословныхъ неравенствъ можно только сочувствовать; но нельзя не видѣть, что нѣкоторыя изъ отмѣняемыхъ ограниченій очень несущественны, или были уже отмѣнены самой жизнью, вродѣ, напр., отдачи въ заработки въ видѣ наказанія. Нѣкоторыя правила, хотя представляютъ шагъ впередъ противъ существующихъ, но ужъ очень отстали отъ требованій жизни. Таковы предоставленіе крестьянамъ выборныхъ правъ на земскихъ выборахъ въ качествѣ землевладѣльцевъ и отмѣна правъ губернатора на утвержденіе крестьянскихъ гласныхъ. То и другое составляетъ не болѣе, какъ возвращеніе къ порядку 1864 года, тогда какъ въ настоящее время въ народномъ сознаніи намѣчена гораздо болѣе радикальная реформа земскаго самоуправленія, основаніемъ которой предполагается всеобщее участіе въ мѣстномъ самоуправленіи. Что касается до отмѣны права земскихъ начальниковъ налагать наказанія безъ суда и права уѣздныхъ съѣздовъ отмѣнять крестьянскіе приговоры не только по ихъ незаконности, то сомнительно, чтобы эти правила осуществились на дѣлѣ, разъ что не отмѣнены сами земскіе начальники, т.-е. остается въ силѣ тотъ же совершенно несообразный съ уравненіемъ правъ сословій принципъ начальствованія членовъ одного сословія надъ другимъ. Вѣдь составъ земскихъ начальниковъ и членовъ уѣздныхъ съѣздовъ не измѣнился, ихъ взгляды и образъ дѣйствія остались тѣ же самыя, вліяніе ихъ на старшинъ и старостъ тоже осталось въ своей силѣ; мудрено, чтобы они вдругъ стали примѣрами уваженія къ законности, когда вся ихъ житейская обстановка и условія ихъ дѣятельности, начиная съ примѣра ихъ непосредственнаго начальства, губернаторовъ,—направляютъ ихъ совсѣмъ въ другую сторону. Очевидно, что въ этомъ уравнительномъ законѣ недостаетъ именно самаго главнаго, отмѣны дворянскаго начальствованія надъ крестьянами, и это придаетъ ему характеръ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ у насъ законовъ, гдѣ слова—сами по себѣ, а дѣло—само по себѣ. Остается неотмѣненнымъ и законъ объ исполненіи крестьянами натуральныхъ повинностей.

Другой законъ, изданный въ развитіе высочайшаго повелѣнія, даннаго 17 апрѣля 1905 г., устаповляетъ правила: 1) о порядкѣ устройства общинъ послѣдователями старообрядческихъ согласій и объ ихъ правахъ и

обязанностяхъ и 2) объ устройствѣ сектантовъ, отдѣлившихся отъ православія. Тѣмъ и другимъ предоставляются одинаковыя права, кромѣ того, что сектантамъ, не признающимъ духовенства, не предоставлено права веденія метрическихъ книгъ, которыя для старообрядцевъ переданы въ вѣдѣніе ихъ духовныхъ лицъ. Возможность для старообрядцевъ и сектантовъ учреждать легализированныя общины есть безспорно шагъ впередъ сравнительно съ ихъ ранѣе бывшимъ полубезправнымъ, или и вовсе безправнымъ положеніемъ. Но все это очень далеко отъ настоящей свободы совѣсти. Вся религіозная жизнь сектантовъ и теперь остается опутанною цѣлою сѣтью регламентаціи, предоставляющею значительный просторъ административному усмотрѣнію. Учрежденіе общины зависитъ отъ согласія губернскаго правленія, при чемъ въ законѣ не указано, чтобы согласіе это было обязательно для него, если со стороны подавшихъ заявленія объ образованіи общины будутъ выполнены указанныя въ законѣ требованія. Еще болѣе произвола вносится правомъ администраціи закрыть общину не за какія-либо опредѣленныя противозаконныя дѣйствія, а просто вслѣдствіе признанія ея вредной. Для открытія храмовъ и молитвенныхъ домовъ, независимо отъ легализаціи открывающей ихъ общины, требуется еще особое разрѣшеніе губернатора. Лица, избранныя въ наставники или распорядители, подлежатъ утвержденію губернатора, а лица, состоящія подъ слѣдствіемъ или судомъ, и вовсе не могутъ быть избраны; послѣднее указаніе тоже имѣетъ большое значеніе по нынѣшнимъ временамъ, когда такъ легко самому почтенному человѣку попасть подъ слѣдствіе или подъ судъ. Все зависитъ отъ того, какъ будетъ примѣняться законъ, а при царствующей у насъ общей атмосферѣ безправія, никакъ нельзя поручиться за то, что онъ не останется мертвой буквой, или что, когда дойдетъ дѣло до практическаго его примѣненія, не послѣдуетъ какихъ-нибудь «разъясненій и циркуляровъ», которые сведутъ его на нѣтъ. Какъ свободно правительство пользуется «разъясненіями» для прямого измѣненія самыхъ важныхъ законовъ, — это мы видимъ на примѣрѣ послѣдовавшихъ этимъ временемъ ограничительныхъ толкованій избирательнаго закона. Несмотря на свои мѣропріятія въ пользу крестьянъ, правительство не довѣряетъ имъ и опасается, что при новыхъ выборахъ крестьянское большинство выберетъ въ Государственную Думу оппозиціонныхъ депутатовъ. Поэтому путемъ сенатскаго разъясненія вводятся слѣдующія измѣненія въ избирательный законъ: не могутъ быть вносимы въ списки уѣздныхъ землевладѣльцевъ и участвовать на землевладѣльческихъ выборахъ казаки и башкиры, всѣ крестьяне, пріобрѣвшіе землю черезъ посредство крестьянскаго банка, въ составѣ ли сельскихъ обществъ и товариществъ, или единолично, и рабочіе на фабрикахъ и заводахъ. Первыя двѣ категоріи избирателей могутъ участвовать въ выборахъ только въ составѣ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, а послѣдняя въ особой рабочей куріи по закону 11 декабря 1905 г. Къ этимъ ограниченіямъ добавлено еще одно, касающееся крестьянскихъ выборовъ: въ уполномоченные отъ волостныхъ сходовъ для участія въ избирательныхъ съѣздахъ этихъ уполномоченныхъ могутъ быть избираемы лишь до-

мохозяева. Ни одного изъ этихъ ограниченій въ дѣйствующемъ законѣ нѣтъ; очевидно, слѣдовательно, что всѣ они въ сущности не суть разъясненія, а прямыя измѣненія закона; только правительство нашло болѣе для себя удобнымъ или приличнымъ совершить, вмѣсто явнаго нарушенія избирательнаго закона, его обходъ, хотя и не менѣе явный. Тенденція этихъ измѣненій совершенно ясна. Въ прошлый разъ на землевладѣльческіе выборы являлась во многихъ мѣстахъ масса крестьянъ-землевладѣльцевъ, подавлявшая сравнительно незначительную группу помѣщиковъ не крестьянъ. Въ числѣ этихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ было, конечно, очень много такихъ, которые пріобрѣли свою землю черезъ крестьянскій банкъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти что только такіе крестьяне-землевладѣльцы и есть. Понятно, что при устраненіи ихъ, также какъ и казаковъ-землевладѣльцевъ, тоже составляющихъ большинство въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ казацкое населеніе, помѣщичья группа сохранитъ большое значеніе и даже можетъ получить преобладаніе. А такъ какъ въ прошлые выборы крестьянское населеніе «не оправдало довѣрія», дворяне же помѣщики съ тѣхъ поръ какъ будто даже поправѣли, что выразилось на земскихъ выборахъ, то усиленіе на Думскихъ выборахъ помѣщичьяго элемента и ослабленіе крестьянскаго даетъ надежду на выборъ въ Думу депутатовъ болѣе «консервативнаго», или, лучше сказать, болѣе покладливаго и болѣе соотвѣтствующаго намѣреніямъ правительства характера. Что касается до рабочихъ, то они несомнѣнно представляютъ собою явно оппозиціонный элементъ и потому устраненіе ихъ особенно должно быть желательно правительству. Это и достигается причисленіемъ ихъ къ особой куріи, которой предоставляется выбирать самое ничтожное число выборщиковъ, не могущихъ имѣть никакого вліянія на общій исходъ выборовъ. Въ прошлый разъ это образованіе особой рабочей куріи выставлялась какъ льгота; теперь оно имѣетъ очевидно значеніе прямого ограниченія правъ. Крестьянинъ, не состоящій фабричнымъ рабочимъ, если онъ по личнымъ своимъ качествамъ можетъ имѣть вліяніе, имѣетъ возможность проявить его или на крестьянскихъ, или на землевладѣльческихъ выборахъ, т.-е. на такихъ, отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ окончательный составъ думы, крестьянинъ же рабочій этой возможности лишенъ. Наконецъ, устраненіемъ отъ избранія на крестьянскихъ выборахъ всѣхъ недомохозяевъ достигается устраненіе наиболѣе развитыхъ и прогрессивныхъ членовъ изъ крестьянской среды, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ останутся имѣющими право быть выборщиками почти что одни неграмотные. Не довольствуясь этими исключеніями, правительство черезъ посредство сената отняло право выбора у многихъ разрядовъ избирателей, какъ-то мастеровъ и селькихъ рабочихъ горныхъ заводовъ, крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ Сибири, у большинства нанимателей мелкихъ городскихъ квартиръ и мелкихъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Наконецъ, уже безъ сенатскаго разъясненія, собственнымъ циркуляромъ лишило права участія въ выборахъ, пользовавшіяся имъ въ прошлый разъ, нѣкоторыя категоріи арендаторовъ и управляющихъ имѣніями.

Всѣ воспослѣдовавшія измѣненія направлены въ сторону сокращенія числа избирателей; нѣтъ ни одного, которымъ бы оно увеличивалось. Такимъ образомъ новые выборы будутъ происходить въ условіяхъ, еще болѣе далекихъ отъ всеобщаго избирательнаго права, чѣмъ прошлые. Припомнимъ, что въ прошлый разъ несовершенство избирательнаго закона многими признавалось поводомъ къ «бойкотированію» Думы. Теперь объ этомъ совсѣмъ не говорится. По справедливому замѣчанію газеты *Путь* теперь вообще потеряли значеніе программные вопросы. Дѣйствительно, основной вопросъ, на которомъ должна теперь сосредоточиться избирательная борьба—это, будетъ ли у насъ дѣйствительно конституціонный образъ правленія, или вновь возстановится бюрократическій абсолютизмъ и обѣщанія, данныя 17 октября 1905 г., останутся безъ исполненія, или даже будутъ формально отмѣнены. Въ послѣднее время абсолютистскія тенденціи выступаютъ уже прямо безъ всякихъ прикрасъ. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ монархическомъ изданіи *Колоколъ* (цитируемъ по выдержкѣ въ газетѣ *Путь*). «Манифестъ 17 октября былъ изданъ, и у насъ создалась легенда о какой-то конституціи. Жалкая легенда!... Мы вступили уже во второй годъ мнимо-конституціонной жизни Россіи и должны откровенно сознать, что давно уже самодержавіе въ Россіи не дѣйствовало такъ полно и мощно, какъ именно въ этотъ «конституціонный» годъ. Манифестъ 17 октября отмѣнилъ, повидимому, самодержавіе въ области законодательства, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ этотъ годъ самодержавно было отмѣнено множество законовъ, а взамѣнъ изданы новые включительно до «основныхъ», и повсемѣстно въ Россіи исполнительная власть была самодержавно же облечена исключительными и чрезвычайными полномочіями. Нельзя болѣе откровенно высказать и болѣе ясно доказать фактами, что манифестъ 17 октября есть пустая легенда. «Съ фактической стороны «монархическая» газета совершенно права, но для нее это служитъ доказательствомъ, что отъ торжественныхъ обѣщаній 17 октября слѣдуетъ отказаться и о нихъ забыть; для насъ эти факты служатъ доказательствомъ того, что дѣйствительность русской жизни противорѣчитъ слову, данному монархомъ народу, и что объ этомъ словѣ слѣдуетъ вспомнить. Однако, всѣ усилія теперешняго правительства направлены къ тому, чтобы и въ будущемъ сохранить существующій фактическій порядокъ. Къ этому направлены и его старанія создать послушную себѣ Государственную Думу. Въ какой мѣрѣ удастся ему это, сказать очень трудно. И первая Дума съ ея оппозиціоннымъ направленіемъ была отчасти сюрпризомъ не только для правительства, но и для общества. Такимъ же сюрпризомъ можетъ оказаться и вторая. Судить о ней по составу и направленію первой трудно, потому что настоящія условія выборовъ во многомъ отличаются отъ тѣхъ, какія были весной. Тогда соціалистическія партіи бойкотировали Думу и не участвовали въ выборахъ; теперь онѣ заявили о своемъ участіи въ нихъ. Учесть ихъ силы очень мудрено, такъ какъ явному учету ихъ препятствуетъ ихъ нелегальное положеніе; но, что достовѣрно извѣстно—это то, что онѣ отличаются большой дѣятельностью и

энергіей. Съ другой стороны, на выборахъ можетъ усилиться и значеніе крайнихъ партій справа, не потому, чтобы къ нимъ за этотъ годъ присоединилось много новыхъ сторонниковъ; напротивъ, отъ нихъ могли только отпасть тѣ члены союза 17 октября, которые искренно считаютъ себя консерваторами-конституціоналистами и которымъ претитъ союзъ съ прямо черносотенными элементами. Но послѣдніе могутъ побѣдить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не по своей силѣ, а вслѣдствіе устраненія правительственными мѣропріятіями конкурренціи лѣвыхъ партій. Послѣднія, какъ извѣстно, не получили легализаціи, и надо думать, что ихъ предвыборная агитація будетъ преслѣдоваться всякими законными и незаконными способами, вплоть до избіенія черносотенными бандами неугодныхъ имъ избирателей. Поэтому, можетъ быть, не безосновательно мнѣніе, утверждающее, что на этотъ разъ получится Дума, въ большинствѣ своемъ состоящая изъ представителей крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ. Положеніе такой Думы будетъ, конечно, еще труднѣе, чѣмъ было положеніе первой, какъ въ смыслѣ работоспособности, такъ и въ смыслѣ опасности для нея еще болѣе рѣзкаго столкновенія съ правительствомъ. Избѣжать этого можно лишь путемъ соглашенія или блока прогрессивныхъ партій, и на это должны быть направлены усилія всѣхъ представителей этихъ партій, практически понимающихъ истинное положеніе вещей. Поэтому нельзя не привѣтствовать напечатанное въ *Товарищѣ* письмо къ рабочимъ Г. В. Плеханова. «Намъ слѣдуетъ помнить,—говорится въ этомъ письмѣ,—что кромѣ нашей партіи,—партіи пролетаріата, въ Россіи существуютъ еще и другія партіи, готовыя бороться за политическую свободу. Эти партіи не идутъ такъ далеко впередъ, какъ партія пролетаріата, но онѣ всетаки идутъ впередъ и, поскольку онѣ идутъ впередъ, постольку мы должны поддерживать ихъ въ своихъ собственныхъ интересахъ... Если мы будемъ относиться ко всѣмъ непролетарскимъ партіямъ, какъ такимъ, торжество которыхъ одинаково вредно для пролетаріата, то мы сдѣлаемъ непоправимую тактическую ошибку, мы будемъ способствовать пораженію тѣхъ, которые могли бы поддержать насъ, и торжеству тѣхъ, отъ которыхъ мы не дождемся ровно ничего, кромѣ кнута и палки... Тамъ, гдѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что намъ удастся провести своего собственнаго кандидата, мы можемъ и должны дѣйствовать независимо отъ другихъ партій; тамъ же, гдѣ мы не можемъ быть увѣрены въ побѣдѣ нашего кандидата, мы обязаны войти въ соглашеніе съ другими партіями, желающими бороться съ нашимъ старымъ порядкомъ». Остается пожелать, чтобы такіе же разумные шаги къ соглашенію были сдѣланы и представителями другихъ прогрессивныхъ партій.

Прошлый мѣсяцъ унесъ въ могилу академика Веселовскаго, Стасова, проф. Мищенка и Спасовича. Мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ дать характеристики этихъ замѣчательныхъ людей, изъ которыхъ Спасовичъ игралъ крупную роль въ русско-польскихъ политическихъ отношеніяхъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возвращаюсь къ докладу Этурнель де Констана на лондонскомъ междупарламентскомъ съѣздѣ о сокращеніи вооруженій. Его окончаніе напечатано въ *La Revue*, 15 октября *).

Французскій публицистъ указываетъ на то, на что давно уже обращаютъ вниманіе общественнаго мнѣнія сторонники международнаго мира и третейскаго суда: европейскія государства истощаютъ народныя средства на военныя издержки. Бывшій французскій министръ финансовъ, Пуанкаре, въ рѣчѣ 6 апрѣля нынѣшняго года (сенатъ постановилъ расклеить ее по всѣмъ общинамъ Франціи) приводитъ поучительныя и грозныя числа. Вотъ въ какихъ суммахъ выражается общій ростъ расходовъ въ главныхъ европейскихъ государствахъ:

Франція: 1880—3,378 м. фр.; 1905—3,623 м. (на 1907 годъ до четырехъ милліардовъ).

Германія **): 1880—550,065 тысячъ марокъ, 1905—2.208,887 т. м.

Пруссія: 1880—799,200, 1904—2.803,800 т. м.

Россія: 1880—694 мил. р., 1905—1,916 м. р. (и военные расходы все подымаются).

Англія: 1880—82,108 тысячъ ф. с., 1904—141,956.

Италія: 1880—1.196,670 т. лиръ, 1905—1.708,200.

Маленькая Бельгія вынуждена тянуться также, имѣя въ виду защиту своего нейтралитета и независимости. Ея государственные расходы были въ 1880 году, въ тысячахъ франковъ, 292,010, черезъ двадцать пять лѣтъ—545,417. Невольно напрашивается сравненіе съ Сѣверо-Американскими Штатами: великая страна съ населеніемъ, которое вдвое превышаетъ населеніе Франціи, тратила на потребности республики въ 1880 году 267,643 тысячи долларовъ, въ 1904—532,402 (милитаризмъ дѣлаетъ роковые успѣхи и въ Америкѣ).

Этурнель де Констанъ присоединяетъ къ этимъ даннымъ цифры непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ вообще. Онъ ограничи-

*) См. *Русская Мысль*, октябрь, *Иностранное обозрѣніе.*

**) Имперскій бюджетъ.

вается примѣромъ одной Франціи. Она уплачиваетъ процентовъ по долгамъ, заключеннымъ почти исключительно для военныхъ цѣлей, милліардъ франковъ; расходы на армію и флотъ поглощаютъ (въ 1905 году) 1,260 милліоновъ франковъ. Итакъ, почти двѣ трети французскаго государственнаго бюджета идутъ въ пасть милитаризма. И при этомъ военныя издержки растутъ гораздо быстрѣе производительныхъ. Съ 1880 г. они поднялись отъ 1,022 м. ф. до 1,260 м. ф. (1905).

Въ тридцать шесть послѣднихъ лѣтъ во Франціи ушло на армію и флотъ *сорокъ два милліарда франковъ*. Какъ бы поднялось народное просвѣщеніе и благосостояніе, сколько соціальнаго зла было бы устранено, еслибъ хоть половина этой исполинской суммы была употреблена на производительные расходы! Къ этому необходимо прибавить, что за то же время приблизительно 30 милліардовъ франковъ были истрачены на проценты по долгамъ, заключеннымъ, какъ было уже упомянуто, главнымъ образомъ на покрытіе военныхъ же расходовъ. Еще дополненіе, значеніе котораго всякому понятно: ежегодно полмилліона людей въ цвѣтѣ силъ отрываются отъ производительнаго труда и кормятся на счетъ остального населенія... Въ Россіи численность арміи въ мирное время опредѣляютъ въ 1.500,000 чел.

Послѣ доклада Этурнель де Констана, который былъ подвергнутъ многостороннему обсужденію, междупарламентская конференція единогласно постановила, что необходимо внести этотъ вопросъ въ программу ближайшей гаагской конференціи. Каждая группа междупарламентскихъ съѣздовъ должна возбудить этотъ же вопросъ въ парламентѣ передъ своимъ правительствомъ *).

Ватиканъ вступилъ въ столкновеніе съ испанскимъ правительствомъ. Въ странѣ все сильнѣе и сильнѣе развивается движеніе противъ чрезмѣрнаго вліянія и злоупотребленій римско-католическаго духовенства. Столкновеніе между этимъ духовенствомъ и либеральнымъ министерствомъ Лопесъ-Домингеса первоначально возникло изъ-за вопросовъ о возстановленіи гражданскаго брака и о передачѣ кладбищъ въ руки муниципалитетовъ. Въ виду того, что эти двѣ мѣры встрѣтили упорное противодѣйствіе со стороны религіозныхъ конгрегацій, министерство выступило съ проектомъ закона, который долженъ лишить конгрегаціи присвоенныхъ ими привилегій и подчинить ихъ дѣйствію общихъ законовъ. На этой почвѣ борьба двухъ міровъ возгорѣлась съ удвоенной силой. Особеннаго шума надѣлало посланіе епископа Туи, который, ссылаясь на авторитетъ Пія X, доказывалъ необязательность для всѣхъ вѣрующихъ католиковъ «несправедливыхъ» законовъ **).

---

*) Отмѣтимъ, что профессоръ Шиманъ, близкія отношенія котораго къ императору Вильгельму II извѣстны, въ *Крестовой Газетѣ* настаиваетъ на томъ, что милитаризмъ составляетъ существенную и благотворную особенность германскаго духа.

**) *Страна*, № 181.

Испанское правительство отправило въ Римъ особаго уполномоченнаго, которому поручено было указать папѣ на возможность отдѣленія церкви отъ государства. Но въ Ватиканѣ вліяніе папы Пія X и генерала ордена іезуитовъ Веркеса очень усилилось, и уступки съ этой стороны ожидать едва ли возможно. Испанскимъ посланникомъ въ Римѣ, Оіеда, вручена папскому престолу нота, въ которой требуется расторженіе конкордата 1851 г. и заключеніе новаго, болѣе отвѣчающаго духу времени. Конфликтъ между испанскими епископами и свѣтскимъ обществомъ вступилъ въ новую фазу; въ послѣднемъ своемъ пастырскомъ посланіи епископы приравниваютъ гражданскій бракъ къ конкубинату и объявляютъ всѣхъ лицъ, состоящихъ въ гражданскомъ бракѣ, равно какъ и меровъ, допустившихъ его совершеніе, отлученными отъ церкви. Подобныя заявленія считаются, по испанскимъ законамъ, клеветническими и караются штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ и даже изгнаніемъ изъ предѣловъ территоріи. Часть меровъ уже привлекла епископовъ къ законной отвѣтственности.

Министерство Лопесъ-Домингеса представило королю законопроектъ о религіозныхъ конгрегаціяхъ, который долженъ лишить ихъ громаднаго вліянія на населеніе Испаніи въ ущербъ его благосостоянію, просвѣщенію и свободѣ. По сообщеніямъ газетъ, главнѣйшія положенія законопроекта сводятся къ слѣдующему: ни одна новая конгрегація не можетъ учреждаться безъ предварительнаго согласія кортесовъ. Мало этого, совѣтъ министровъ обязывается немедленно пересмотрѣть уставы уже существующихъ конгрегацій и упразднить тѣ изъ нихъ, которыя своею дѣятельностью противорѣчатъ законамъ или общественной нравственности. На будущее время министру юстиціи предоставляется право простымъ декретомъ упразднять конгрегаціи, получившія санкцію кортесовъ. Далѣе, не могутъ быть терпимы никакія религіозныя сообщества, въ которыхъ участвуютъ иностранные подданные. Государство должно всячески покровительствовать выходу членовъ конгрегацій изъ состава послѣднихъ, освобождая ихъ отъ обязательности монашескаго обѣта.

Имущественныя права конгрегацій могутъ распространяться только на предметы, имѣющіе религіозный характеръ. Конгрегаціи, занимающіяся торговлей и промышленностью, облагаются податями наравнѣ съ прочими лицами. Имущество распущенныхъ орденовъ переходитъ въ собственность государства.

Вотъ тѣ основныя положенія, къ которымъ сводится законопроектъ, выработанный министерствомъ Лопесъ-Домингеса. Съ участью этого законопроекта министерство связываетъ свое дальнѣйшее пребываніе у власти. Если законопроектъ пройдетъ въ кортесахъ и будетъ отвергнутъ въ сенатѣ, то министерство потребуетъ роспуска послѣдняго и назначенія новыхъ выборовъ.

Офиціальные переговоры ведутся въ тайнѣ, и въ газетныхъ сообщеніяхъ есть ошибки и неточности. Такъ, католическій *Corriere d'Italia* опровергаетъ извѣстіе въ *Daily Telegraph* о требованіи испанскаго пра-

вительства отмѣнить конкордатъ 1851 года: дѣло идетъ объ отмѣнѣ соглашенія 1904 г. (*Convenio Maura*), принятаго сенатомъ (не палатою) и имѣвшаго нѣкоторыя особенности въ организаціи епархій и въ законодательствѣ о конгрегаціяхъ. *Temps* говоритъ, что король затрудняется подписать упомянутый нами законопроектъ Лопесъ Домингеса, потому что вліятельная группа либеральной партіи, съ Монтеро Ріосомъ во главѣ, находитъ необходимымъ его смягченіе. По словамъ той же парижской газеты, въ Ватиканѣ не обнаруживаютъ никакого безпокойства и убѣждены, что все останется по-старому. Въ этомъ отношеніи папскій престолъ надѣется и на поддержку короля, окруженнаго реакціонными придворными вліяніями. Клерикальныя испанскія газеты ведутъ ожесточенную борьбу противъ либеральнаго кабинета, въ особенности противъ министра юстиціи, графа Романонеса. Исходъ борьбы будетъ зависѣть отъ того, поддержатъ ли всѣ либеральныя группы въ кортесахъ кабинетъ Лопесъ-Домингеса.

Во Франціи борьба съ клерикализмомъ сравнительно легче, чѣмъ въ Испаніи, гдѣ населеніе, во многихъ областяхъ, крѣпко держится духовенствомъ въ невѣжественномъ фанатизмѣ. Но и здѣсь государству придется преодолѣть не мало препятствій. Министерству Клемансо предстоитъ трудная задача, хотя задача его въ области соціальнаго законодательства еще значительнѣе. Министерство сформировалось слѣдующимъ образомъ:

Жоржъ Бенжаменъ Клемансо, предсѣдатель совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ. Род. въ 1841 г., д-ръ медицины, депутатъ съ 1876—1893 гг., сенаторъ съ 1902 г., министръ внутреннихъ дѣлъ въ министерствѣ Саррьена, радикалъ-соціалистъ.

Гюйо Дессенъ (Guyot-Dessaignes), министръ юстиціи. Докторъ правъ, 73 лѣтъ, депутатъ съ 1885 по 1893 г. и съ 1902 г.; министръ общественныхъ работъ въ министерствѣ Буржуа 1895—96 г., радикалъ.

Стефанъ Пишонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Род. въ 1857 г., депутатъ съ 1885—1893 гг., потомъ былъ дипломатическимъ агентомъ Франціи въ разныхъ странахъ, съ начала 1906 г., сенаторъ, радикалъ-соціалистъ.

Кайо (Caillaux), министръ финансовъ. Род. въ 1863 г., кандидатъ правъ, депутатъ съ 1898 г., министръ финансовъ въ кабинетѣ Вальдека-Руссо (1899—1902 гг.), радикалъ.

Генералъ Пикаръ, военный министръ, генералъ не участвовалъ въ политической жизни. Знаменитъ участіемъ въ дѣлѣ Дрейфуса, радикалъ.

Томсонъ, морской министръ. Род. въ 1848 г. Публицистъ, депутатъ съ 1877 г., морской министръ въ министерствѣ Саррьена (1906 г.), радикалъ.

Аристидъ Бріанъ, министръ народнаго просвѣщенія. Род. въ 1862 г., адвокатъ, депутатъ съ 1902 г., министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Саррьена (1906 г.), независимый соціалистъ.

Барту, министръ общественныхъ работъ. Род. въ 1862 г., докторъ правъ, депутатъ съ 1889 г., министръ общественныхъ работъ въ кабинетѣ Дюпюи (1894—1895 гг.), министръ внутреннихъ дѣлъ въ министер-

ствѣ Мелина (1896—1898 гг.) и общественныхъ работъ въ кабинетѣ (1906 г.), республиканецъ.

Думергъ, министръ торговли и промышленности. Род. въ 1863 году, адвокатъ, депутатъ съ 1893 г. съ короткими перерывами, министръ колоній въ министерствѣ Комба (1902—5 гг.), радикалъ-соціалистъ.

Миліесъ Лакруа, министръ колоній. Род. въ 1850 г., негоціантъ, сенаторъ съ 1897 г., радикалъ (не смѣшивать съ Эд. Лакруа, бывшимъ морскимъ министромъ).

Вивіани, министръ труда и соціальныхъ мѣропріятій, адвокатъ и публицистъ. Род. въ 1863 г., депутатъ съ 1893 г. по 1902 г. и съ 1906 г., независимый соціалистъ.

Рюо, министръ земледѣлія. Род. въ 1865 г., адвокатъ, депутатъ съ 1897 г., министръ земледѣлія въ кабинетѣ Саррьена, радикалъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя новое министерство, созданное Клемансо,—министерство труда. Во главѣ его поставленъ независимый соціалистъ, Вивіани, одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ въ рабочемъ вопросѣ членовъ парламента французской республики. Когда Клемансо представлялъ новыхъ министровъ президенту республики, тотъ встрѣтилъ ихъ весьма привѣтливо. Обращаясь къ Вивіани, Фальеръ выразилъ полное удовольствіе по поводу учрежденія министерства труда, въ которомъ страна увидитъ начало осуществленія заботъ о трудящихся и терпящихъ различныя невзгоды. «Мы,—прибавилъ президентъ,—всѣ приняли обязательства, и пришелъ моментъ ихъ сдержать. Надо заплатить наши долги, и я надѣюсь, г. Вивіани, первый министръ труда, достигнетъ ожидаемыхъ преобразованій».

Знаменательныя и въ высокой степени симпатичныя слова въ устахъ главы государства.

Смѣлый шагъ сдѣлалъ Клемансо, пригласивши на постъ военнаго министра генерала Пиккара. Читатели помнятъ тѣ бѣшеныя нападенія, которыя производились на него во время дѣла Дрейфуса антисемитами (клерикалами и реакціонерами). Въ свѣдующихъ сферахъ ставятъ высоко умъ, познанія и энергію новаго военнаго министра.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ дипломатъ, хорошо знакомый съ колоніальными вопросами, давній другъ Клемансо, Пишонъ. Изъ этого можно заключить, что между министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ будетъ царить полное согласіе и что соглашенія съ Англіей и Италіей будутъ становиться все болѣе дружественными и близкими.

По этому поводу я вновь обращаюсь къ вопросу о желательности англо-русскаго соглашенія. Наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ послѣ злополучной войны съ Японіей стало неустойчиво и тревожно. Японія, дѣятельно и энергично, прочною ногою становится въ Кореѣ и южной Манчжуріи. Владивостокъ послѣ уступки японцамъ южной половины Сахалина лишился своего положенія, какъ первоклассной морской базы: онъ запертъ въ японскихъ водахъ. Правда, по портсмутскому миру Японія

обязалась не укрѣплять береговъ Лаперузовскаго пролива, но въ случаѣ войны это постановленіе будетъ нарушено, да и японскій военный флотъ настолько превосходитъ нашъ дальневосточскій, что о наступательныхъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны и рѣчи быть не можетъ,—къ счастію для русскаго народа.

Зато наша оборонительная линія страшно длинна. Китай пробуждается, т.-е. прежде всего вооружается. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять всю затруднительность нашего будущаго положенія. Гнилой военно-бюрократическій строй сильно скомпрометировалъ значеніе нашего отечества на Дальнемъ Востокѣ, и здѣсь о соперничествѣ русскихъ и англійскихъ интересовъ не можетъ быть рѣчи. Чрезмѣрное усиленіе Японіи и выступленіе Китая въ качествѣ грозной военной силы невыгодно и для Великобританіи.

Относительно безплоднаго и трудно доступнаго Тибета не встрѣтится большихъ препятствій. Для насъ независимость Тибета важна потому, что въ предѣлахъ имперіи живетъ многочисленное населеніе, духовнымъ главою котораго является далай-лама. Неизвѣстно, въ какое положеніе по отношенію къ намъ станутъ полунезависимые монгольскіе князьки.

Остается Персія и Афганистанъ. Къ послѣднему мы завоевали *ключъ*, Мервъ, которымъ ничего не отперли. Для англичанъ полудикій Афганистанъ важенъ, какъ независимое государство, загораживающее доступъ къ Индіи. И въ военномъ, и въ финансовомъ отношеніи Англія оказываетъ афганскому эмиру существенное содѣйствіе. По проникающимъ въ западноевропейскую печать извѣстіямъ армія эмира отлично вооружена и представляетъ значительную силу. Его политика искусно пользуется соперничествомъ Великобританіи и Россіи. Въ русскихъ интересахъ походъ на Афганистанъ—дорогое, опасное и вредное предпріятіе. Довольно съ насъ азіатскихъ областей, фанатическое и воинственное населеніе которыхъ требуетъ быть постоянно настороже, тратить огромныя деньги на содержаніе большой арміи, причемъ истощается русскій народъ, а для культурныхъ интересовъ окраинъ почти ничего не дѣлается.

О возможной роли нашего отечества въ Персіи намъ приходилось говорить много разъ и въ иностранномъ обозрѣніи, и въ отдѣльныхъ статьяхъ (см., напримѣръ, 6 и 8 книги *Русской Мысли* за 1904 г.).

Исключительное господство на Каспійскомъ морѣ и непосредственное сосѣдство съ Персіей на значительномъ протяженіи ея сухопутной границы даютъ возможность завести широкія и прочныя торговыя сношенія съ сѣверными персидскими провинціями. Въ этомъ направленіи сдѣлано немногое, вслѣдствіе неумѣнья нашей дипломатіи и инертности нашихъ купцовъ. Но все-таки въ Хоросанѣ торговля развивается; приноситъ пользу и консульство въ Мешедѣ. Въ Тегеранѣ учрежденъ русско-персидскій банкъ, русскими построено шоссе и желѣзная дорога отъ персидской столицы до Эйзели.

Южныя персидскія провинціи, въ особенности плодородный Сеистанъ,

хотя и испытываютъ русское вліяніе, но войдутъ, очевидно, вслѣдствіе соглашенія болѣе въ область вліянія Великобританіи. Да близость ихъ къ Индіи и господство англійскаго торговаго флота дѣлаютъ это неизбѣжнымъ. Наши суда правильно посѣщаютъ Персидскій заливъ, но у англичанъ тамъ появляются болѣе опасные соперники—нѣмцы. Августѣйшая дружба императора Вильгельма съ султаномъ турецкимъ служитъ дальновиднымъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются съ свойственными германцамъ выдержкою и настойчивостью. Багдадская желѣзная дорога обѣщаетъ принести имъ громадныя выгоды.

Офиціозное сообщеніе агентства Рейтера о томъ, что англійское и русское правительства рѣшили пополамъ ссудить Персіи четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, является добрымъ признакомъ приближающагося англо-русскаго соглашенія. Но только откуда нашъ «кабинетъ» возьметъ деньги?

На соціалистическомъ съѣздѣ въ Лиможѣ былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ объ отношеніи къ профессіональнымъ рабочимъ синдикатамъ (конфедераціи труда). Съѣздъ склонился къ рѣшенію, аналогическому съ постановленіемъ партейтага германской соціалъ-демократіи въ Мангеймѣ. Были защитники и полной самостоятельности союза рабочихъ синдикатовъ. Жоресъ указывалъ на необходимость параллельнаго дѣйствія партіи и конфедераціи при полной автономіи послѣдней. Та и другая,—по словамъ Жореса,—должны взаимно дополнять другъ друга, и это вѣрнѣе всего приведетъ къ побѣдѣ пролетаріата. Даже Гедъ высказался отчасти за согласныя и комбинированныя дѣйствія. Въ концѣ-концовъ всѣ предложенія были сданы въ коммиссію, которая должна выработать объединяющую резолюцію.

По вопросу объ отношеніи къ кабинету Клемансо съѣздъ принялъ такое постановленіе: «Въ виду того, что никакая перемѣна въ составѣ буржуазнаго правительства не можетъ ни въ чемъ измѣнить оппозиціонную тактику соціалистской партіи, съѣздъ предостерегаетъ пролетаріатъ противъ половинчатой праграммы буржуазной демократіи, даже самой прогрессивной. Онъ напоминаетъ рабочимъ, что ихъ освобожденіе будетъ возможно только съ переходомъ къ общественной собственности, что не существуетъ соціализма внѣ организованной и объединенной соціалистической партіи и что ея представители въ парламентѣ хотя и должны стремиться къ осуществленію реформъ, которыя могутъ поднять энергію дѣйствій и требованій пролетаріата, но въ то же время обязаны постоянно противопоставлять всѣмъ половинчатымъ и часто обманчивымъ программамъ реальность и цѣлостность соціалистическаго идеала».

Декларація новаго кабинета, которую съ нетерпѣніемъ ждали не только во Франціи, но и во всей Европѣ, прочитана (уже послѣ лиможскаго съѣзда) въ палатѣ депутатовъ министромъ-президентомъ, въ сенатѣ министромъ юстиціи, и встрѣчена очень сочувственно (депутаты большинствомъ 395 голосовъ противъ 96 одобрили заявленіе правительства).

Нынѣшнее министерство, говорится въ декларации, образовалось не вслѣдствіе парламентскаго кризиса, а вслѣдствіе того, что состояніе здоровья бывшаго министра-президента Саррьена не давало ему возможности оставаться на своемъ посту; это обстоятельство и вызвало образованіе новаго кабинета. Избиратели лишь недавно высказали непреклонное желаніе, чтобы проведеніе въ жизнь реформъ было по возможности ускорено. Декларація указываетъ, что, такъ какъ внѣшняя политика страны соотвѣтствуетъ высказаннымъ избирателями пожеланіямъ, то ея направленіе извѣстно заранѣе. Страна хочетъ сохранить миръ, и притомъ достойный миръ; въ этомъ отношеніи не произошло никакихъ перемѣнъ, какъ не произошло ихъ въ желаніи страны сохранить республиканскія учрежденія. «Мы съ гордостью можемъ подтвердить,—говоритъ декларація,—что за 35 лѣтъ существованія третьей республики не было ни одного момента, когда Францію можно было бы обвинить въ томъ, что она является угрозою европейскому миру. И мы будемъ и впредь направлять нашу политику такимъ образомъ, чтобы наши намѣренія не могли быть ложно истолкованы въ отношеніи приверженности нашей къ миру. Одновременно, мы должны принять въ соображеніе условія политическаго равновѣсія, существующія для всѣхъ народовъ Европы: миръ между цивилизованными народами покоится на воинской силѣ.

«Можемъ ли мы поэтому,—продолжаетъ декларація,—собственными руками разрушать опору нашей независимости? До наступленія счастливаго, но еще отдаленнаго дня, когда будетъ измѣнена въ корнѣ основа взаимоотношеній народовъ, наша первая обязанность передъ родиною—не допускать ничего, что могло бы ослабить ея оборонительныя силы. И наши соглашенія съ различными странами въ значительной степени способствуютъ росту нашихъ оборонительныхъ средствъ. Считая себя обязанными постоянно улучшать наши отношенія ко всѣмъ правительствамъ, мы будемъ заботиться о томъ, чтобы союзъ, заключенный двумя народами въ интересахъ мира, былъ сохраненъ въ неприкосновенности, равно какъ и о томъ, чтобы сохранились дружественныя отношенія, которыя уже были испытаны на дѣлѣ. Дальнѣйшее развитіе нашихъ договорныхъ отношеній будетъ дѣломъ нашей дипломатіи, отъ которой мы требуемъ, чтобы она была республиканскою и чтобы она въ трудныя минуты помнила, что моральный авторитетъ прямодушной, ясной политики даетъ ей перевѣсъ на вѣсахъ европейскаго общественнаго мнѣнія, съ которымъ должно считаться всякое правительство».

Не менѣе ясны и точны заявленія правительства о внутренней программѣ, которой оно будетъ слѣдовать. «Мы,—говоритъ кабинетъ Клемансо,—окончательно укрѣпимъ демократическій элементъ въ правительствѣ, будемъ стремиться къ организаціи демократіи. *Усиленіе демократіи поведетъ къ тому, что отдѣльные случаи проявленія государственной власти примутъ болѣе умѣренныя формы. Это и есть цѣль, которую должны поставить себѣ всѣ республиканцы*».

Военный министръ представитъ палатѣ существующіе законопроекты о кадрахъ и о наличныхъ силахъ, имѣющіе цѣлью наиболѣе полное использованіе рекрутъ, а также давно ожидаемый законопроектъ, уставливающій справедливыя основанія для производства офицеровъ въ слѣдующіе чины.

«Дисциплину въ войскахъ мы обезпечимъ тѣмъ, что подчинимъ ей всѣхъ, кто стоитъ наверху служебной лѣстницы. Время отбыванія воинской повинности должно быть продолженіе школьнаго обученія. Воинская служба должна быть продолженіемъ народной школы. Мы бы желали, чтобы молодые люди усваивали на службѣ и гигіеническія привычки и основы государственности и уходили со службы приспособленными для выполненія общихъ обязанностей мирныхъ гражданъ. Мы безъ промедленія предложимъ отмѣну военныхъ судовъ. Разсмотрѣніе преступленій и проступковъ противъ общаго права будетъ передано на разсмотрѣніе общихъ судовъ. Дисциплинарное производство будетъ обставлено всѣми необходимыми гарантіями, дабы между правами человѣка и требованіями государственной самозащиты не было никакого разлада. Благодаря республикѣ во Франціи появилась свобода. Нынѣ мы должны укрѣпить свободу во всѣхъ отрасляхъ республиканскаго режима и дать ей возможность безпрепятственно и впредь развиваться».

Правительство твердо рѣшилось провести въ жизнь страхованіе рабочихъ и престарѣлыхъ. Оно усовершенствуетъ законъ о профессіональныхъ союзахъ и займется вопросомъ о союзахъ чиновниковъ, но обезпечитъ исполненіе должностными лицами ихъ служебныхъ обязанностей. Правительство далѣе предполагаетъ увеличить сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, займется пересмотромъ горнаго законодательства въ смыслѣ введенія государственнаго контроля и выкупа въ казну нѣкоторыхъ предпріятій. Равнымъ образомъ министерство озабочено проведеніемъ въ жизнь значительныхъ улучшеній крестьянскаго и сельскохозяйственнаго быта.

Декларація обѣщаетъ внести законопроектъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ и, если представится надобность, то и законопроектъ о налогѣ на капиталъ. Различные доходы будутъ различно обложены, и налоги будутъ взиматься со всей совокупности доходовъ налогоплательщика. Прежде всего палата депутатовъ должна заняться разсмотрѣніемъ бюджета на 1907 г.».

Можно только пожелать, чтобы для осуществленія этихъ многосторонихъ и глубокихъ преобразованій кабинету Клемансо хватило силъ, времени и благопріятныхъ обстоятельствъ. Къ его активу слѣдуетъ поставить уже выработанный законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Много шума подняли въ Германіи и вообще въ Европѣ мемуары покойнаго имперскаго канцлера князя Гогенлоэ, опубликованные однимъ изъ его сыновей. Императоръ Вильгельмъ телеграммою на имя другого сына Гогенлоэ выразилъ сильное неудовольствіе. Въ мемуарахъ находятся интересныя свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ канцлерства Бисмарка и о роли Вильгельма II въ отношеніяхъ къ Россіи и Австро-Венгріи.

Бисмаркъ стоялъ за болѣе тѣсный союзъ съ Россіей, хотя бы и противъ интересовъ австрійскаго правительства. Вильгельмъ II держался иного взгляда и желалъ оставаться вѣрнымъ союзникомъ Габсбургской монархіи.

Съ путешествіемъ въ Берлинъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ заграничныхъ газетахъ появились извѣстія о попыткѣ возобновленія союза трехъ императоровъ, печальной памяти. Намъ удача этой попытки,—если она на самомъ дѣлѣ была совершена,—кажется невѣроятною. Положеніе Европы во многомъ измѣнилось, и главнымъ препятствіемъ къ образованію новаго реакціоннаго договора между тремя имперіями является преобразующаяся на нашихъ глазахъ Австро-Венгрія.

Разбитая и униженная войнами 1859 и 1866 годовъ, потерявшая Ломбардію и Венецію и вытѣсненная изъ германскаго союза, Австрія была спасена введеніемъ конституціоннаго образа правленія. Но въ основу этого новаго строя была положена несправедливая и потому недолговѣчная идея: дуализмъ. Графъ Бейстъ и вождь мадьяръ Деакъ относились къ славянамъ враждебно. Имперія была раздѣлена на двѣ половины: по ту сторону рѣки Лейты—Транслейтанію, Венгрію, и Цислейтанію—Австрію. Въ первой господство, нѣсколько сдерживаемое оппозиціей хорватовъ, получили мадьяры, во второй преобладаніе осталось на сторонѣ нѣмцевъ. Для общеимперскихъ дѣлъ учреждены министерства иностраннаго и военнаго вѣдомства и общеимперскій таможенный тарифъ. Ихъ вѣдаютъ цислейтанская и транслейтанская делегаціи. Преобладающую роль въ имперіи стали играть мадьяры, выговорившіе вмѣстѣ съ тѣмъ себѣ только треть общеимперскихъ расходовъ. Поляки пріобрѣли автономію и заняли въ Галиціи привилегированное положеніе по отношенію къ многочисленному русинскому (русскому, малорусскому) населенію.

За автономію повели энергическую борьбу чехи. Политическія измѣненія въ жизни Австро-Венгріи своевременно отмѣчались въ *Русской Мысли*.

Въ настоящее время обѣ половины Габсбургской имперіи стоятъ у порога введенія великой реформы: всеобщей подачи голосовъ. Австрійскіе пангерманцы дѣлаютъ отчаянныя усилія помѣшать введенію всеобщаго избирательнаго права. Они между прочимъ предложили палатѣ поднести императору Францу-Іосифу всеподданнѣйшій адресъ съ просьбою передать германскому императору и его бундесрату сохраняемые въ вѣнскомъ Гофбургѣ имперскіе клейноды, которые «въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ олицетворяли собою могущество и величіе св. римской имперіи нѣмецкой націи». Клейноды, по мнѣнію всенѣмцевъ, принадлежатъ германскому императору потому, что онъ теперь призванный представитель «всенѣмецкой націи». Всенѣмцы предложили ходатайствовать не о простой, а о торжественной передачѣ, причемъ депутатъ Штейнъ приготовилъ пространную рѣчь въ честь династіи Гогенцоллерновъ. «Скромное» предложеніе не было достаточно поддержано въ палатѣ, такъ что Штейнъ лишился возможности про-

изнести демонстративный спичъ. Всенѣмцы въ гнѣвѣ накинулись на нѣмецкихъ депутатовъ и прозвали ихъ черножелтыми, т.-е. австрійскими, креатурами. Слово «черно-желтое» обозначаетъ во всенѣмецкомъ словарѣ крѣпчайшую брань.

Докладчикъ парламентской комиссіи, депутатъ Лекеръ, констатируетъ, что дѣйствующая въ Австріи конституція, несмотря на всю свою косность и несообразности, продержалась бы еще нѣсколько времени, если бы не русское освободительное движеніе, побудившее австрійскія правящія сферы поторопиться усовершенствованіемъ конституціонныхъ учрежденій, и если бы въ то же время вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ не былъ поставленъ на очередь и въ Венгріи *).

По новому законопроекту, какъ сообщаетъ вѣнскій корреспондентъ *Страны* **), право голоса имѣетъ каждый австріецъ, достигшій двадцатипятилѣтняго возраста. Вся Австрія раздѣлена на 516 избирательныхъ округовъ, причемъ округа эти разверстаны закономъ между отдѣльными національностями въ опредѣленномъ количествѣ. Каждая національность получаетъ извѣстное число депутатскихъ полномочій и всѣ члены націи голосуютъ за кандидатовъ своей національности. Въ областяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ опредѣлено количество мандатовъ для каждой народности. Такъ, Богемія раздѣлена на 75 чешскихъ и 55 нѣмецкихъ округовъ. Въ областяхъ съ однороднымъ населеніемъ, какъ Чехія или Галиція, мандаты принадлежатъ только данной народности.

Австрійское правительство убѣждено, и не безъ основанія, что распредѣленіе мандатовъ по національностямъ должно привести къ тому, что избирательная борьба будетъ вестись не на національностической почвѣ, такъ какъ борьба эта будетъ идти между кандидатами одной и той же національности, а на почвѣ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ, общихъ всему населенію Австріи. Въ парламентѣ группировка партій произойдетъ, такимъ образомъ, не только по націямъ и національнымъ стремленіямъ, а и по общности соціальныхъ и политическихъ взглядовъ, что дастъ возможность провести необходимыя реформы. Такое распредѣленіе мандатовъ по національностямъ не практиковалось еще нигдѣ въ мірѣ, и примѣръ Австріи можетъ дать въ этомъ отношеніи очень поучительные результаты для странъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, какъ Россія.

Прусское правительство вновь усилило гоненія на польскій языкъ въ школахъ польскихъ провинцій. Требуется, чтобы даже законъ Божій преподавался по-нѣмецки. Къ этому печальному «вопросу» намъ еще придется возвратиться.

В. Г.

---

*) *Рѣчь*, № 195.

**) *Страна*, № 196

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Горе отъ ума (Художественный театръ).—*Борьба за престолъ* Ибсена (Малый театръ).—*Фрицъ Гейтманъ* Макса Дрейера и *Золотое руно* Пшибышевскаго (Новый театръ).

Постановка *Горя отъ ума* въ Художественномъ театрѣ, какъ и всякая новинка послѣдняго, вызвала къ себѣ большой интересъ и вниманіе. «Что новаго покажетъ мнѣ Москва?» словами Чацкаго могла бы спросить себя старая комедія; какое своеобразное освѣщеніе придастъ современная сцена тому, что, кажется, уже такъ хорошо извѣстно и понято однажды навсегда? На этотъ вопросъ Художественный театръ отвѣтилъ по-своему и внесъ долю оригинальности въ истолкованіе знаменитой пьесы. Конечно, прежде всего, оставаясь вѣрнымъ своей природѣ, онъ потратилъ много усердія и ума на возсозданіе орнамента, стильной рамы для грибоѣдовскихъ портретовъ и далъ археологически-точный сколокъ съ внѣшней жизни 20-хъ годовъ. Можно оспаривать цѣлесообразность и внутреннюю разумность этого тяготѣнія къ декоративной правдѣ; можно придерживаться того мнѣнія, что избытокъ бутафорскаго натурализма не способствуетъ иллюзіи, а мѣшаетъ ей; можно думать, подобно пишущему эти строки, что въ драматическомъ искусствѣ единственно цѣнное представляетъ собою живое лицедѣйство, а все безмолвное соучастіе мертвыхъ вещей является не игрой, а игрушкой,— но при оцѣнкѣ Художественнаго театра надо становиться на его точку зрѣнія, надо принять условіе, которое онъ предъявляетъ своимъ посѣтителямъ,—иначе не слѣдуетъ и переступать за его порогъ. И вотъ, если не отрѣшаться отъ принциповъ, которые данная артистическая школа признала для себя незыблемыми, если не сходить съ этой почвы, то вы должны будете сказать, что свою, быть можетъ, искусственную задачу театръ выполнилъ чрезвычайно искусно. Если сначала вычурность и обиліе выразительныхъ мелочей развлекали, отвлекали, то скоро глазъ привыкалъ къ нимъ, къ ихъ интересной пестротѣ. Передъ зрителями прошла живая старина во всей характерности своихъ костюмовъ, привычекъ, обстановки; то, что мы видѣли только на старыхъ гравюрахъ, облеклось въ плоть и кровь, задвигалось и заговорило. Это было очень любопытное зрѣлище, прекрасная человѣческая панорама—тѣмъ болѣе привлекательная, что относилась

она къ эпохѣ, которая и литературно близка намъ, и по внѣшнимъ особенностямъ своего быта еще не такъ далеко ушла отъ насъ, чтобы производить впечатлѣніе чего-то холоднаго и незнакомаго. Есть особыя чары и наивная плѣнительность въ картинѣ такого отжившаго, которое еще недавно жило и оставило свои слѣды, свое теплое дыханіе на родственной современности. Вся эта мебель, уборы, пожелтѣвшіе дагерротипы, всѣ эти безмолвные свидѣтели и пережитки отлетѣвшей жизни,—все это уже не наше, но еще не чужое, какимъ является, напримѣръ, обстановка «Царя Ѳедора». И если бы эти вещи, этотъ старый барскій домъ, эти дѣвушки въ прическахъ давнишней моды жили на полотнѣ, на картинѣ Сомова, а не вели эфемернаго и призрачнаго существованія на подмосткахъ сцены, мы имѣли бы безсмертное художественное воспоминаніе, мы имѣли бы художественное произведеніе, запечатлѣнное духомъ старой, но не старѣющей красоты.

По существу пьесы, Художественный театръ «Горе отъ ума» транспонировалъ, т.-е. центръ ея тяжести изъ сферы общественной перенесъ въ личную,—въ область сердечныхъ тревогъ и разочарованій Чацкаго. Послѣдній въ воплощеніи г. Качалова является не гражданиномъ, а влюбленнымъ юношей, который сталъ клеймить Фамусова и его присныхъ, такъ сказать, случайно, мимоходомъ—лишь тогда, когда онъ замѣтилъ охлажденіе Софьи; именно ревность пробудила его общественный протестъ и гнѣвъ. Обаятельный голосъ г. Качалова, благородство интонацій и жестовъ, какая-то чистота всего нравственнаго облика позволили артисту удачно осуществить свой замыселъ, придали естественность его игрѣ, обвѣяли фигуру героя симпатичной теплотой. Грибоѣдовскіе стихи звучали въ его устахъ особенною музыкой, и лились они такъ увѣренно, свободно и свѣжо. Объясненіе съ Софьей въ любви (передъ баломъ) чаровало своей пламенной страстностью: не глядя на Софью, съ закрытыми глазами, съ опущенной на грудь головою изливалъ Чацкій свое переполненное сердце, свою нѣжность и ласку. Но самый замыселъ артиста не соотвѣтствовалъ смыслу пьесы. Г. Качаловъ былъ бы правъ, если бы гражданство Чацкаго онъ освѣтилъ и согрѣлъ любовью къ Софьѣ, если бы именно это чувство, жестоко оскорбленное, придало его филиппикамъ новую силу и непосредственность, если бы трибунъ не заслонялъ любящаго и нелюбимаго человѣка; но самое зерно гражданскаго протеста и негодованія, его потенцію, надо было показать въ грибоѣдовскомъ героѣ, и къ тому же показать какъ главное. Не отъ того испытываетъ Чацкій горе отъ ума (а не отъ сердца), что его не любитъ Софья, а отъ того, что самая отчужденность его отъ Софьи служитъ лишь роковымъ проявленіемъ его общаго одиночества и сиротства въ Москвѣ, въ Россіи. Правда, трагедія Чацкаго особенно мучительна именно потому, что хотя умъ съ сердцемъ у него, по его собственнымъ словамъ, не ладили (умъ былъ язвителенъ, сердце было любящее)—они нашли себѣ своеобразное примиреніе въ одной общей невзгодѣ, въ единствѣ горя: Чацкій пораженъ не только въ своихъ общественныхъ идеалахъ, но и въ своемъ чувствѣ, онъ несчастенъ не только какъ гражданинъ, но и какъ любов-

никъ; правда, онъ будетъ искать по свѣту, «гдѣ оскорбленному есть *чувству* уголокъ»,—но при всемъ томъ смыслъ и разумъ его личности заключается не въ его разбитой любви, а въ его общественномъ дѣланіи и общественномъ страданіи, и если въ началѣ пьесы онъ возвращается къ Софьѣ послѣ добровольной трехлѣтней разлуки, во время которой онъ далеко ѣздилъ искать ума, если въ концѣ пьесы онъ кличетъ карету и суждено отнынѣ ему, скитальцу и страдальцу, проводить свою жизнь въ дорожной каретѣ, то это не потому, что его разлюбили и отдали предпочтеніе Молчалину, а потому, что Молчалинъ вообще побѣждалъ его, говорящаго, побѣждалъ своей приспособленностью и своимъ молчаніемъ. Сердечную драму Чацкаго г. Качаловъ могъ бы и долженъ былъ бы понять какъ фонъ, какъ колоритъ его личности, какъ поводъ къ отдѣльной вспышкѣ его гражданскаго протеста; но растворять, топить въ этомъ его романѣ съ Софьей его борьбу съ обществомъ, его гражданскій подвигъ, онъ не имѣлъ психологическаго права. «Горе отъ ума» нельзя разумѣть иначе какъ драматическій поединокъ слова и молчанія, мысли и безмыслія, свободы и общественнаго лакейства. Грибоѣдовъ сказалъ про себя и, значитъ, про Чацкаго, что «мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ»,—вотъ эта противоположность между пламенной мечтою и роковымъ русскимъ снѣгомъ и составляетъ горе Чацкаго.

Такъ же не удовлетворяетъ и образъ Фамусова въ безспорно-талантливомъ исполненіи г. Станиславскаго. Артистъ отрѣшился отъ обычнаго толкованія этой роли, онъ не придалъ своему прототипу никакой сановитости, барства, онъ изобразилъ его какъ человѣка безпокойнаго, суетливаго, мелко озабоченнаго. Повидимому, г. Станиславскій опирался въ своей интерпретаціи на тѣ мѣста въ текстѣ комедіи, гдѣ говорятъ про Фамусова, что онъ «несправедливъ и недовѣрчивъ, скоръ», что онъ «часто безъ толку сердитъ», что у него «въ лицѣ, въ движеньяхъ суета—какъ суетится, что за прыть!» Все это есть въ комедіи, все это напечатано, и тѣмъ не менѣе г. Станиславскій погрѣшилъ противъ Грибоѣдова и противъ духа его пьесы. Гораздо лучше и вѣрнѣе было бы не смущаться этими деталями, пренебречь ими ради общей идеи и понять Фамусова какъ силу, а не какъ хлопотливое безсиліе. Ибо Фамусовъ тѣмъ и своеобразенъ, тѣмъ и страшенъ, что онъ символизируетъ собою прочный, грузный, спокойный укладъ старой жизни; его мощь проистекаетъ изъ того, что онъ въ себѣ и въ своемъ не сомнѣвается. Въ глубокой инертности своего неподвижнаго, оцѣпенѣвшаго духа, онъ представляетъ собою начало консервативное, упершееся въ тину русской дѣйствительности, и столкнуть эту громаду, эту воплощенную традицію, это окаменѣлое прошлое очень трудно, и въ отчаяніи уступаетъ ему, уходитъ отъ него Чацкій. Пусть суетится Фамусовъ, желая пристроить свою дочь за Скалозуба,—это вполнѣ совмѣстимо съ общей и внутренней солидностью и самоувѣренностью его фигуры. Между тѣмъ г. Станиславскій далъ намъ существо въ себѣ неувѣренное, неспокойное; онъ показалъ какое-то нравственное дребезжаніе

тамъ, гдѣ мы справедливо предполагали необыкновенную, потрясающую устойчивость. И невольно приходитъ на мысль, что если Фамусовъ таковъ, какимъ его изображаетъ намъ артистъ, то игра Чацкаго не стоитъ свѣчей,—не стоитъ тогда и бороться, говорить, испытывать «мильонъ терзаній». Чацкій долженъ имѣть соперника, достойнаго себя,—иначе весь его подвигъ сразу теряетъ свой смыслъ и цѣну. Фамусовъ-Станиславскій, какъ противникъ, не опасенъ: онъ слишкомъ мелокъ и жалокъ для Чацкаго; впрочемъ, онъ впору для Чацкаго-Качалова, и своеобразная симметрія, значитъ, на сценѣ Художественнаго театра всетаки получается...

Но если г. Станиславскій не воплотилъ въ Фамусовѣ старой, косной Россіи, противъ которой идетъ Россія молодая и подвижная, Россія Чацкаго, то въ предѣлахъ своего пониманія роли онъ, какъ мы уже замѣтили, былъ на высотѣ задачи. Почти каждая мелочь была имъ художественно отдѣлана; въ чтеніе стиховъ онъ внесъ много новыхъ и оригинальныхъ ударенiй, освѣтилъ по-своему иныя мѣста текста и, если не всегда можно было соглашаться съ его интонаціей и мимикой, то она во всякомъ случаѣ была интересна, и вообще нельзя было не слѣдить за игрою г. Станиславскаго съ живѣйшимъ вниманіемъ.

Г-жа Германова въ роли Софьи дала очень привлекательный и, на нашъ взглядъ, вполнѣ правдоподобный образъ. Артистка, высоко-оригинальная и симпатически воплощающая все симпатичное, таящая его въ самой игрѣ своего выразительнаго лица, она и на этотъ разъ искусно намѣтила такія мягко-женственныя черты, которыми едва ли какая-нибудь другая исполнительница рѣшилась бы надѣлить ославленную Софью. Г-жа Германова играла дѣвушку печальную, далеко не чуждую сантиментальности, навѣянной романами, и въ то же время исполненную живого ума. Конечно, всѣ основанія именно для такого исполненія артистка могла найти въ самой пьесѣ, и недаромъ Молчалинъ насмѣшливо зоветъ Софью «печальной кралей». Да, у нея есть причины быть печальной,—у этой одинокой, сиротливой дѣвушки, у этого увядающаго цвѣтка. И рѣдко кто замѣчаетъ, что она, по роковому недоразумѣнію отвергнувшая Чацкаго, но въ глубинѣ души несомнѣнно и безсознательно для себя любившая его, въ одномъ отношеніи на Чацкаго похожа: и у нея, какъ у него, разбили сердце; какъ она предпочла другого, такъ и ей предпочли другую; Чацкій мчится теперь по снѣговой пустынѣ, Софья живетъ въ нравственно-пустынномъ домѣ отца или въ глуши у тетки,—но оба они равно одиноки, оба тоскуютъ. И потому элегически-мечтательный колоритъ, который окрашиваетъ игру г-жи Германовой, является вполнѣ умѣстнымъ и вызываетъ къ Софьѣ то сочувствіе, котораго такъ заслуживаетъ ея обманувшееся и обманутое сердце.

Г-жа Лилина въ историческомъ и бытовомъ отношеніи права, когда она показываетъ въ Лизѣ подъ легкимъ слоемъ субретки грубоватыя и глуповатыя черты крѣпостной «дѣвки»; но эстетически это выходитъ непріятно: хотѣлось бы больше звонкости, граціи, изящества,—хотѣлось бы

всетаки больше того французскаго, съ котораго Лиза Грибоѣдовымъ переведена.

Г. Адашевъ въ роли Молчалина гораздо безцвѣтнѣе самого Молчалина; забавенъ Леонидовъ-Скалозубъ; живыми фигурами являются Москвинъ-Загорѣцкій и Лужскій-Репетиловъ, и даже безмолвный Петрушка, вошедшій въ русскую литературу только благодаря своему классическому разодранному локтю,—даже онъ въ мимикѣ г. Артема выступилъ какъ типичное и жизненное лицо.

И въ общемъ, на сценѣ Художественнаго театра «Горе отъ ума» (зазвучавшее, между прочимъ, новыми стихами, изъ которыхъ иные до сихъ поръ не видали свѣта изъ-за цензуры),—«Горе отъ ума» лишній разъ показало, что оно живо и свѣжо и что талантливое исполненіе артистовъ способно показать въ немъ все новые и новые оттѣнки.

«Борьба за престолъ»—одна изъ раннихъ пьесъ Ибсена, и дѣйствіе ея, относящееся къ XIII вѣку, одинаково принадлежитъ какъ фактической норвежской исторіи, такъ и области скандинавскихъ сагъ. Тѣмъ не менѣе уже здѣсь, на первыхъ шагахъ своей литературной дороги, Ибсенъ намѣтилъ глубины своего дальнѣйшаго символизма, и разсказъ о событіяхъ, подернутыхъ туманомъ сѣверной старины, онъ поднялъ на степень живого и общечеловѣческаго смысла. Нѣсколько лицъ боролись за норвежскій престолъ,—больше всего, Гоконъ и Скуле, и объ этомъ повѣствуетъ драма; но всмотритесь въ нее ближе, и вы увидите, что рѣчь идетъ о насъ, о всѣхъ людяхъ и о всякой жизни. Ибо мы всѣ—претенденты на престолъ, мы всѣ желаемъ мощи и первенства; если вѣрить Ницше, именно это влеченіе къ власти составляетъ лучшее, что есть въ человѣкѣ. И потому ярлу Скуле грезится пурпурная мантія и скипетръ, и онъ мечтательно говоритъ: «есть нѣчто великое въ томъ, чтобы быть королемъ». Внутренній цезаризмъ, живущій въ сильной личности и неудержимо зовущій ее къ первому мѣсту если не въ мірѣ, то въ Римѣ, если не въ Римѣ, то въ деревнѣ, не даетъ покоя, заставляетъ идти на счастливца, который въ данный моментъ владѣетъ престоломъ,—идти на него войною, съ мечомъ, который собьетъ корону съ головы или корону съ головой. Притязаніе на престолъ древне, какъ міръ: первымъ претендентомъ на него, какъ это говоритъ и епископъ Николасъ, былъ падшій ангелъ, Сатана, который не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы быть вторымъ, какъ ярлъ Скуле не могъ довольствоваться тѣмъ, что онъ былъ поставленъ высоко и хранилъ у себя королевскую печать. Манитъ только первое, только все. Можетъ быть, какъ разъ оттого Тургеневъ устами своего героя и провозгласилъ, что все дѣло жизни сводится къ тому, чтобы быть нумеромъ вторымъ, чтобы преодолѣть въ себѣ желаніе первенства. Но многихъ оно гложетъ, и многіе въ глубинѣ души трепетно и ревниво допрашиваютъ себя: кто выше, кто больше, кто вождь? Впрочемъ, кто спрашиваетъ, тотъ никогда не достигнетъ цѣли, не

достигнетъ престола: королемъ дѣлается безтрепетный, осѣненный счастьемъ и вѣрящій въ себя.

Быть можетъ, самый страстный и сосредоточенный изъ всѣхъ претендентовъ на престолъ—восьмидесятилѣтній епископъ Николасъ. Это очень своеобразная и сильно написанная фигура, достойная Шекспира. Невѣрующій священникъ, безбожный служитель Бога, испугавшійся Его только въ предсмертныя минуты, онъ напряженнѣе всѣхъ искалъ престола и меньше всѣхъ имѣлъ на него права и силы. Полумужчина, онъ направлялъ къ женщинамъ безсильныя, «безкрылыя» желанья; трусъ, онъ позорно бѣжалъ съ поля битвы; и онъ сѣтовалъ, что его долгая жизнь была слишкомъ коротка, потому что онъ не успѣлъ увѣнчать короной свою безобразную голову евнуха. И вотъ, самъ не достигнувъ престола, онъ въ послѣднія погасавшія мгновенья своей неправедной жизни, когда призывно звонили для него «небесные колокола», полный мщенья и коварства, сдѣлалъ такъ, чтобы борьба за престолъ стала могучимъ, непрерывнымъ двигателемъ, perpetuum mobile, для остальныхъ его соискателей; и въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Николасъ, или еще раньше, съ тѣхъ поръ, какъ низвергнутъ былъ въ бездну его предшественникъ и покровитель Сатана,—вѣчное движеніе страстей бурлитъ вокругъ жизненнаго трона, и ради трона отвергается женская любовь, и протягиваются къ нему жадныя руки, и сплетаются онѣ въ озлобленной схваткѣ, и нерѣдко удушаютъ въ колыбели королевское дитя, чтобы не было наслѣдника власти, чтобы свободенъ былъ путь къ престолу. А двухъ королей, двухъ вождей въ Норвегіи, въ мірѣ быть не можетъ, потому что на небѣ только одинъ Богъ, и Онъ не потерпѣлъ около себя Сатаны, другого претендента на престолъ.

По Ибсену оказывается, что смѣлый и счастливый имѣетъ и внутреннее, нравственное право на престолъ. Король Гоконъ именно потому король, что онъ одержимъ великой идеей: Норвегію, которая до сихъ поръ была только царствомъ, онъ хочетъ сдѣлать народомъ и слить ея враждующія племена въ одно могучее цѣлое. А Скуле, всю жизнь добивавшійся престола, ожидавшій смерти королей, остался въ пыли, во прахѣ (ибо быть вторымъ, это все равно, что быть послѣднимъ)—потому, что за нимъ не стояло не только счастье, но и нравственное величіе: это былъ не король, а карликъ, облекшійся въ панцырь великана. Гоконъ съ презрѣніемъ говорилъ честолюбивому и въ то же время нерѣшительному, какъ Гамлетъ, Скуле: «Что такъ сильно привлекаетъ васъ? Королевская корона, пурпуровая мантія, право сидѣть на пиру тремя ступеньками выше другихъ,—какія глупости! какая мелочь! Если бы это значило быть королемъ, я давно бы бросилъ королевскую власть въ вашу шляпу, какъ бросаю нищему копейку». И самъ Скуле понялъ, уже увѣнчанный самозванной и мимолетной короной, что можно присвоить себѣ королевскую мантію, но не королевскую мысль. И униженный, растоптанный гордой поступью дѣйствительнаго короля, онъ ушелъ изъ жизни, и «пурпурная мантія крови широко окутала его плечи»; онъ ушелъ вмѣстѣ съ сыномъ,

который хотѣлъ его поддержать, бодрилъ его самымъ фактомъ своего существованія какъ наслѣдника,—и все было напрасно: нельзя быть королемъ безъ королевской идеи.

Такъ образы сильныхъ борцовъ, могучихъ личностей, въ борьбѣ обрѣтающихъ право свое, являются передъ нами въ характерномъ для Ибсена освѣщеніи—въ ореолѣ нравственной мощи, какъ послѣдняго и единственнаго оправданія для притязающихъ на престолъ. Во всей пьесѣ вообще разбросано много глубокихъ мыслей, разительныхъ ситуацій, и почти каждый персонажъ ея имѣетъ значительный смыслъ.

На сценѣ Малаго театра сколько-нибудь выдвинулись только роли Скуле и Николаса въ исполненіи гг. Южина и Ленскаго; Гоконъ-Садовскій не носилъ отпечатка истинной королевской увѣренности, силы и моральной правды. Особенно удовлетворилъ публику г. Ленскій. Онъ въ самомъ дѣлѣ создалъ прекрасный внѣшній образъ для епископа Николаса, не различающаго добра отъ зла; однако, поддержанный смѣющимися зрителями, онъ усиленно подчеркнулъ комическіе элементы роли, стариковскую слабость и страхъ смерти, но оставилъ въ тѣни трагедію своего героя и недостаточно показалъ въ немъ посланца Сатаны. Замѣчательное III-е дѣйствіе, когда епископъ, умирая, завязываетъ змѣиный узелъ своего regretium mobile, чтобы потомъ дьявольской тѣнью явиться изъ могилы и опутать новой сѣтью претендентовъ на престолъ,—это дѣйствіе г. Ленскій велъ такъ, что въ зрителѣ возникало больше смѣшное, чѣмъ ужасное.

Фрицъ Гейтманъ—пьеса изъ жизни нѣмецкихъ педагоговъ. Она снова показываетъ, какъ подъ вліяніемъ рутины глохнетъ все живое въ людяхъ и душа ихъ обрастаетъ мохомъ. Учителя, какъ разъ тѣ, которые должны были бы отличаться неизсякаемой творческой силой, вѣчной подвижностью духа,—какъ разъ они коченѣютъ и, покорившіеся директору (его образъ прекрасно воплощаетъ г. Ѳедотовъ), механически плетутся по жизни и все больше и больше опускаются въ ея трясину. Молодому учителю Фрицу Гейтману грозила та же участь, тѣмъ болѣе что трудная семейная жизнь побуждала его на уступки директору, на сдѣлки съ совѣстью,—но героическимъ усиліемъ воли онъ сбросилъ съ себя путы и освободилъ свою душу. Центральной сценой въ пьесѣ является та, гдѣ Гейтманъ въ присутствіи педагогическаго совѣта читаетъ старшимъ ученикамъ лекцію, въ которой онъ долженъ былъ отречься отъ своего прежняго объясненія міра въ опасномъ для директора и пастора духѣ дарвинизма. И вотъ, когда современный Уріель Акоста, блѣдный, потрясенный, взошелъ на каѳедру, чтобы произнести свое отреченіе, онъ встрѣтился съ правдивыми, свѣтлыми взорами юношей,—и тогда не раскрылись у него уста для лжи и лицемѣрія: онъ къ ужасу педагогическаго совѣта, неожиданно для всѣхъ, не только не взялъ обратно своей ереси, а даже подтвердилъ ее и страстно воззвалъ къ ученикамъ во имя свободы и неподкупной истины. Эта эффектная сцена очень удалась г. Садовскому, была героическимъ

моментомъ его собственной артистической дѣятельности, и публика, необычайно воодушевленная, радостная и ликующая, показала это тѣмъ, что прервала дѣйствіе бурными аплодисментами...

Золотое руно Пшибышевскаго иллюстрируетъ обычную мысль автора о любви, какъ о силѣ стихійной и страшной. Когда она ворвется въ жизнь,—жизнь гибнетъ, и приходитъ смерть. Ибо въ своей мощи любовь сталкивается съ другою силой,—съ неумолимой совѣстью. Онѣ не уживаются между собой, онѣ враждебны, и вражеская встрѣча ихъ разбиваетъ сердце человѣка. Счастье, котораго искали, золотое руно, которое нашли въ любви, клонитъ счастливаго, нашедшаго къ землѣ, потому что оно оказывается гнетущимъ и тяжкимъ. И чужая жена, женщина съ золотыми волосами, это золотое руно, которое досталось, наконецъ, любимому и любящему человѣку,—женщина проклинаетъ золото своего счастья, недавно казавшагося такимъ желаннымъ: все темнѣетъ, меркнетъ и, сраженный ея измѣной, убиваетъ себя ея мужъ. Возлюбленный обѣщалъ дать ей радость своей любовью, увезти ее въ страну бѣлыхъ павлиновъ, въ тихія индійскія джунгли или въ деревушку, прилѣпившуюся къ скаламъ Пиренеевъ,— на самомъ же дѣлѣ онъ только раскрылъ передъ нею врата смерти.

Пьеса Пшибышевскаго сильна, и если бы ее разыграли первоклассные артисты, она произвела бы еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Въ Новомъ же театрѣ она нашла себѣ только удовлетворительныхъ исполнителей; особенно г-жа Гзовская намѣтила, хотя и блѣдно, изящный образъ хрупкой, какъ фарфоръ, и нѣжно-больной современной женщины, какую-то человѣческую акварель.

Ю. А.

Духъ праздности, Ф. Филиппи, перев. В. О. Шмидтъ. — *Евреи*, Евг. Чирикова.—*Заря*, Франца-Адама Бейерлейнъ, перев. В. О. Шмидтъ. — *Идіотъ*, передѣлано изъ романа Ѳ. М. Достоевскаго В. Крыловымъ и Г. Сутугинымъ.—Трилогія Юрія Жулавскаго, перев. Н. Буткевичъ: *Игра; Финалъ комедіи*; *Безкорыстный другъ*.—*Въ городѣ*, Сем. Юшкевича. (Театръ Корша.)

Жизнь денежной аристократіи за послѣднее время довольно часто служитъ сюжетомъ для пьесъ. Блестящая внѣшность этой жизни, доступность эффектныхъ развлеченій даютъ драматургу возможность выбирать изъ многаго то, что ему нужно для компановки пьесы. Затѣмъ, антитезы и мораль. Онѣ сами просятся при изображеніи на сценѣ жизни капиталистовъ. Въ «Духѣ праздности» немного устарѣвшій пріемъ, заключающійся въ томъ, что добродѣтельная, трудящаяся сестра «рѣжетъ правду» въ глаза кутилѣ-брату и эксцентричной, погрязшей незамѣтно для себя въ «духѣ праздности», сестрѣ, — не особенно рѣзко бросается въ глаза, благодаря хорошей и умѣлой игрѣ актеровъ. Горячіе монологи г-жи Смирновой о необходимости труда, какъ основѣ всякаго счастья, о несправедливости, опутавшей всю жизнь богатаго, ничего не дѣлающаго человѣка, вызвали одобреніе среди публики даже во время дѣйствія. Въ общемъ, публика

приняла пьесу довольно сдержанно. Это происходитъ отъ того, что авторъ изобразилъ жизнь, не проникая въ глубину ея тайниковъ, и основаніе всей пьесѣ поставилъ въ зависимости отъ чисто внѣшняго случая,—какъ во время избѣгнутое банкротство. Не будь этого предполагаемаго банктротства, духъ праздности попрежнему царилъ бы въ безпечной и обезпеченной семьѣ коммерціи совѣтника Іоганна Одепталя, обиліе денежныхъ средствъ не заставило бы никого обратиться къ труду и задуматься о цѣли жизни. Эта искусственность въ развитіи самой идеи пьесы, конечно, нѣсколько расхолаживаетъ зрителей. Зрители уходятъ въ концѣ-концовъ не убѣжденные въ томъ, что духъ праздности дѣйствуетъ разлагающе на всю душу человѣка. Можетъ быть, это и правдиво въ отдѣльныхъ случаяхъ, но такъ ли всегда? Нѣтъ ли еще какихъ-либо болѣе важныхъ причинъ, которыя убиваютъ и развращаютъ душу ничего не дѣлающаго капиталиста? А главное,—сама *работа трудящагося капиталиста?* Настолько ли она полезна и благотворна для общества, настолько ли она дѣйствуетъ облагораживающе и подымаетъ душу трудящагося, какъ и всякій другой трудъ не капиталиста, напримѣръ, учителя, профессора, общественнаго дѣятеля? Изъ пьесы зритель долженъ заключить, что сортъ труда не имѣетъ значенія, былъ бы это только трудъ. Антитеза его и все несчастіе человѣчества заключается въ духѣ праздности. Очевидно, что такое заключеніе, выведенное справедливо изъ пьесы, было бы вопіющей міровой несправедливостью.

Актеры исполняютъ эту пьесу хорошо. Всѣ играютъ ровно, безъ всякаго шаржа, хотя нѣкоторыя положенія давали возможность, ради дешеваго эффекта, перейти ту незамѣтную грань, около которой часто по одной сторонѣ идетъ комическое, по другой—буффонское. Чувство художественнаго удерживало актеровъ на извѣстной высотѣ и они старательно и умѣло дѣлали все возможное для достиженія успѣха пьесы.

Извѣстная пьеса Е. Чирикова—«Евреи» поставлена у Корша и разыгрывается хорошо и обдуманно. Декорація производитъ хорошее впечатлѣніе своей простотой и естественностью безъ излишняго нагроможденія мелкихъ аксесуаровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ обычныхъ заученыхъ пріемовъ трехстѣнной декораціи; костюмы характерны въ достаточной степени, но настолько, что не бросаются въ глаза и не мѣшаютъ цѣльности художественнаго впечатлѣнія и не развлекаютъ излишне вниманіе зрителей. Актеры, изображающіе «типичныхъ» евреевъ, говорятъ только съ легкимъ акцентомъ, безъ жаргона. Послѣднее дѣйствіе, изображающее погромъ, сильно сокращено. Въ театрѣ идетъ только начало погрома, тогда какъ у автора погромъ доведенъ до конца, т.-е. до того времени, когда громилы разбѣгаются, услышавъ топотъ скачущихъ казачьихъ лошадей. Но и того, что даетъ театръ Корша, слишкомъ достаточно для нервовъ публики, измученныхъ въ продолженіе четырехъ актовъ. Всегда, при паденіи занавѣса, въ четвертомъ актѣ, начинаютъ слышаться нервныя всхлипыванія и истерическіе крики.

Драма Франца-Адама Бейерлейнъ, получившая большую извѣстность въ Германіи, у насъ въ Россіи едва ли можетъ имѣть какое-либо значеніе, какъ по своей идеѣ, такъ и по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Милитаризмъ, офицерская честь и честь общечеловѣческая—такова публицистическая тенденція пьесы, выраженная очень слабо въ очень избитыхъ образахъ. Дѣйствіе происходитъ въ гарнизонныхъ казармахъ маленькаго нѣмецкаго городка въ Эльзасѣ, недалеко отъ границы съ Франціей. Всѣ дѣйствующія лица—военные, за исключеніемъ одного штатскаго, вѣрнѣе, одной дочери вахмистра. Пьеса въ высшей степени несложна. Служака добродѣтельный вахмистръ, его дочка красавица, красавецъ офицеръ безъ нравственныхъ устоевъ, женихъ красавицы—доблестный молодой сержантъ, воспитанникъ вахмистра. Офицеръ соблазняетъ дочь вахмистра, сержантъ за это оскорбляетъ офицера. Судъ. Сержантъ приговоренъ въ тюрьму. Офицеръ отказывается стрѣляться съ вахмистромъ на основаніи офицерской чести, не допускающей дуэли съ унтеръ-офицеромъ и въ результатѣ—обезчещенный отецъ въ запальчивости убиваетъ свою дочь. Все это сдѣлано аляповато и очень примитивно. Добродѣтельный служака—необычайно добродѣтеленъ, фатъ офицеръ—фатъ съ головы до ногъ, пустая взбалмошная дѣвушка съ оттѣнкомъ сантиментальности ничуть и ничѣмъ не выдѣляется изъ обычнаго уровня дѣвушекъ сантиментальныхъ нѣмецкихъ романовъ. Единственная сцена, изображающая засѣданіе военнаго суда, еще можетъ представлять нѣкоторый интересъ по своей темѣ, но для насъ, русскихъ, вслѣдствіе особыхъ бытовыхъ условій, она не такъ важна, какъ можетъ быть важна въ Германіи. Мы ждали въ продолженіе четырехъ актовъ, какъ авторъ отнесется къ самой идеѣ войны, и, къ нашему изумленію, мы нашли много мѣстъ, изъ которыхъ можно заключить, что война—естественная необходимость, что идея ея благородна и возвышенна.

Только одинъ вахмистръ, въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ добродѣтельно обучавшій молодыхъ солдатъ тому, какъ надо убивать людей, особенно французовъ, когда дѣло коснулось его личной чести, когда онъ понялъ, что онъ опозоренъ сильными міра сего, только тогда онъ заговорилъ о существованіи чести общечеловѣческой, о томъ, что его, такого же военнаго, даже болѣе—заслуженнаго, побывавшаго въ бояхъ героя, безнаказанно можетъ обезчестить любой поручикъ, даже не имѣющій за собой никакихъ заслугъ. Г. Лепковскій очень горячо говорилъ этотъ длинный и трудный монологъ, но въ публикѣ онъ встрѣтилъ мало сочувствія, еще меньше сочувствія встрѣтила его дочь (г-жа Лисенко), и все это отнюдь не вслѣдствіе игры актеровъ, талантливой и старательной, а по винѣ автора, не сумѣвшаго захватить шире свою тему и глубже разработать ее.

Нашъ журналъ уже не разъ отмѣчалъ ненужность передѣлокъ прозаическихъ произведеній, какъ повѣствовательныхъ, такъ и описательныхъ,

въ драматическія. Постановка «Идіота», передѣланнаго изъ романа Достоевскаго г. Сутугинымъ въ сотрудничествѣ съ опытнымъ драматургомъ В. Крыловымъ, доказываетъ еще лишній разъ то, что эти передѣлки не достигаютъ своей цѣли и не имѣютъ успѣха у публики. Временами, когда на сценѣ шли діалоги, взятые цѣликомъ изъ Достоевскаго, публика, невольно чувствуя силу великаго писателя, переживала нѣкоторый подъемъ, но это впечатлѣніе проходило сейчасъ же, какъ только опять начиналась «передѣлка». Въ результатѣ получился рядъ сценъ, взятыхъ изъ Достоевскаго почти дословно, эти отдѣльныя сцены оказались болѣе или менѣе искусно соединены въ рядъ сценъ, группы сценъ въ акты, акты—въ пьесу. Несмотря на талантливую игру актеровъ, особенно г. Пельцера (князь Мышкинъ) и Смирновой (Анастасья Филипповна) этотъ калейдоскопъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ романа не имѣлъ успѣха. Слишкомъ ясна была громадная разница, лежащая между цѣльностью, послѣдовательнымъ ходомъ развитія романа Достоевскаго и искусственнымъ нагроможденіемъ наиболѣе драматическихъ мѣстъ, набранныхъ изъ романа передѣлывателями. Характеры отдѣльныхъ лицъ остались не закончены и невыяснены, въ нѣкоторыхъ случаяхъ неестественны. Зритель, не читавшій самаго романа, не пойметъ мотива, руководившаго княземъ Мышкинымъ: любить—жалѣть, а безъ этой основной идеи романа «Идіотъ» Достоевскаго теряетъ свою сущность.

Трилогія Юрія Жулавскаго, состоящая изъ трехъ одноактныхъ коротенькихъ пьесъ: Игра, Финалъ, Безкорыстный другъ, представляетъ несомнѣнный интересъ. Разыгрывается она безукоризненно, декораціи и обстановка обдуманы въ деталяхъ. Основныя мысли, связующія всѣ три пьесы въ одно цѣлое, заключаются въ слѣдующихъ трехъ искусно проведенныхъ авторомъ положеніяхъ: жизнь не даетъ намъ того, что мы требуемъ, а можетъ быть, какъ часто случается, мы просто не умѣемъ взять то, что мы хотимъ, хотя сама жизнь и предоставляетъ намъ желаемое. Вторая мысль автора заключается въ томъ, что между женщиной и мужчиной не можетъ быть дружескихъ отношеній, они, если не прекращаются, то всегда переходятъ въ любовь. Пара, поддерживающая дружескія отношенія, закрываетъ глаза отъ истины, изъ этого самообмана могутъ произойти только трагическія послѣдствія. Третья мысль, схожая съ основнымъ положеніемъ въ трилогіи А. Шницлера «Вся жизнь игра—мудрецъ, кто понялъ это», заключается въ томъ, что люди часто не живутъ, а играютъ сложную игру, какъ бы скользя по поверхности жизни. Эта игра иногда бываетъ такъ дорога для партнеровъ, что при воспоминаніи о ней, остается только благодарить другъ друга за пережитыя вмѣстѣ хорошія свѣтлыя мгновенія, но чаще эта игра ведетъ къ ужасной развязкѣ, особенно тогда, когда одинъ изъ играющихъ ослабѣваетъ и невольно уступаетъ главенствующую роль другому. Такъ, въ первой части трилогіи «Игра»—красивая актриса даетъ согласіе графу быть его женой и

откровенно разсказываетъ ему, что она его не любитъ и не полюбитъ, потому что она вообще не можетъ любить и никогда никого не любила искренно, хотя, видимо, вся натура ея полна стремленія къ любви, но этому всегда мѣшала неудачно сложившаяся жизнь. Она можетъ дать ему только обѣщаніе быть вѣрной женой навсегда. Приходитъ литераторъ Казиміръ, съ которымъ актриса находится въ дружескихъ отношеніяхъ; оба они не подозрѣваютъ, что эти отношенія въ сущности—глубокая любовь. Нечаянный поцѣлуй открываетъ имъ то, что они, сами не зная, вели только сложную и красивую игру. Это откровеніе пришло слишкомъ поздно. Въ «Финалѣ комедіи» молодая жена стараго фабриканта ведетъ отчаянную игру кокетства съ инженеромъ-управляющимъ фабрикой, влюбленнымъ до безумія въ жену своего хозяина. Молодой женщинѣ тоже нравится инженеръ, она мучаетъ его своими неопредѣленными обѣщаніями и въ концѣ-концовъ своими пытками доводитъ его до самоубійства. Въ то же самое время она чувствуетъ себя несчастной, неудовлетворенной среди дѣловой богатой обстановки и не видитъ, что съ любящимъ ее инженеромъ она могла бы получить то счастіе, которое открывала ей жизнь. Въ послѣдней части трилогіи—красивая, но не талантливая художница, уѣхавшая отъ своего нелюбимаго мужа, живетъ въ Парижѣ; пріѣзжаетъ ея «безкорыстный другъ», котораго она любила прежде и который любилъ ее. Но въ то время они не сказали другъ другу о своей любви ни слова. Отчаяніе толкнуло молодую даму бросить своего мужа и уѣхать отъ всѣхъ, и только черезъ два года между «друзьями» выясняются ихъ прежнія отношенія. Но уже поздно. Неудавшееся счастіе исчезло, неудовлетворенная жажда его превратила въ художницѣ любовь въ ненависть и злобу. Она мститъ своему безкорыстному другу жестокимъ циничнымъ отказомъ на его предложеніе все позабыть и идти рука въ руку. Неудачная игра въ дружбу уничтожила счастіе, которое было такъ возможно.

Пьеса Семена Юшкевича «Въ городѣ» производитъ тяжелое впечатлѣніе. Дѣйствіе ея происходитъ въ большомъ городѣ въ еврейской семьѣ. Цѣль автора была указать на то, какъ безжалостно городская жизнь давитъ людей, не готовыхъ къ постоянной борьбѣ за существованіе. Глава семьи Гланкъ, состарившись, потерялъ мѣсто и не можетъ найти никакого заработка, онъ ходитъ по конторамъ, но... кому нуженъ старикъ? Его жена Дина заставляетъ идти на тротуаръ свою старшую дочь. Дочь уступила, и начинается жизнь скромнаго внѣшняго достатка, покупаемаго ужасной цѣной. Центральная фигура въ пьесѣ Дина,—жена Гланка вооружена непоколебимой философіей, исходящей изъ того положенія, что жить надо, жить хочетъ каждый, что въ жизни человѣкъ человѣку не другъ, а врагъ, хуже врага—волкъ, готовый всегда перегрызть горло другому. «Моя выгода—вотъ честность! Моя польза—вотъ справедливость». Отчаяніе и жажда богатой жизни превратили когда-то молчаливую красавицу Дину въ жестокую, злую, ни передъ чѣмъ не останавливающуюся,

преждевременную старуху. Въ своей злобѣ на неудачу и нужду она доходитъ до неистовства и разрушаетъ возможное счастіе своей старшей дочери, когда выгоняетъ ея жениха прочь, потому что онъ бѣденъ. Она заставляетъ и свою вторую дочь идти на улицу, но когда дѣлается извѣстнымъ для всей семьи, какимъ путемъ приходили деньги въ ихъ домъ, младшая сестра не выноситъ горя и лишаетъ себя жизни. Это однако не устрашаетъ и не останавливаетъ Дины; она признаетъ только одно—не можетъ быть ничего, передъ чѣмъ можно было бы остановиться, видя впереди довольство и достатокъ. Если обстоятельства жизни заставляютъ принести жертву, то надо это дѣлать, не задумываясь, потому что такъ поступаютъ всѣ, «люди крадутъ, лгутъ, люди убиваютъ, грабятъ, люди продаются... Все для жизни!» Таково ея убѣженіе; она отнимаетъ ребенка, родившагося у ея дочери, и опять отправляетъ ее на улицу «принести домой золото».

Таково содержаніе пьесы. Авторъ задался цѣлью указать на несправедливость соціальнаго неравенства, на то зло, которое оно порождаетъ особенно въ большихъ городахъ, на тѣ ужасные поступки, которые проистекаютъ изъ этого неравенства, подобно тому поступку, который сдѣлала «Дина». Въ словахъ Дины авторъ хотѣлъ указать на желѣзную необходимость жертвъ, какъ результатъ безвыходнаго положенія. Но цѣль эта не была достигнута авторомъ въ его пьесѣ. Дина вышла у него злой и отчаянной эгоисткой, съ жадностью мечтающей о мѣщанскомъ счастьѣ; обстоятельства дали ей возможность запугать всѣхъ остальныхъ членовъ семьи и расправляться по-своему, но въ этомъ не было никакой необходимости, это была просто злая воля ограниченнаго и злого человѣка. Поэтому и вся пьеса получила какой-то недоконченный характеръ попытки сказать великое о великомъ.

М. Л.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь 1906 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика. — Публицистика, критика. — Философія, педагогика. — Исторія литературы, біографіи. — Учебники, пособія, книги для дѣтей. — Книги для народа. — Справочныя книги. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го октября по 1-е ноября 1906 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. П. Александровскій. Дома и за границей. Разсказы.—*Е. Владимірова.* Изъ женской жизни. Повѣсти и разсказы.—*Алексѣй Мошинъ.* Штрихи и настроенія.—*Яльмаръ Бергстрёмъ.* Люнггоръ и К°. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Перев. *Ганзенъ.*—*Джіованіоли.* Спартакъ. Романъ изъ римской жизни. Изд. 3-е. Поповой.—*Сергѣй Обухоевъ.* Не въ моготу. Разсказъ.—*К. Бальмонтъ.* Стихотворенія. (Дешевая библіотека Т—ва „Знаніе“).—*Ѳедоръ Сологубъ.* Родинѣ. Стихи. Кн. пятая.—*Г. Галина.* Предразсвѣтныя пѣсни.—*Амари.* Стихотворенія.

А. Н. Александровскій. Дома и за границей. Разсказы. Спб., 1906 г. Ц. 50 к. Разсказы г. Александровскаго написаны съ натуры; въ нихъ больше воспоминаній и публицистики, нежели художественной правды и художественнаго вымысла. Написаны они интересно и живо, поэтому и читаются легко. По своему содержанію большинство изъ нихъ касается быта политическихъ ссыльныхъ, за исключеніемъ послѣдняго разсказа „Парижскій день“. Этотъ разсказъ очень интересенъ по своимъ фактическимъ подробностямъ. Авторъ описываетъ, какъ онъ проводитъ свой трудовой день въ Парижѣ. Онъ даетъ частные уроки русскаго языка и кромѣ того состоитъ репетиторомъ по каѳедрѣ русскаго языка въ парижской „Ecole des Langues orientales vivantes“. Интересно, какъ ведутся занятія въ „Ecole“. Въ противоположность русскимъ университетамъ, гдѣ профессоръ „читаетъ“, а студенты „слушаютъ“, гдѣ одинъ работаетъ, а всѣ учащіеся только получаютъ чужую готовую работу,— главное вниманіе въ „Ecole“ обращается на самодѣятельность и самостоятельность студентовъ. Лекція состоитъ въ живомъ обмѣнѣ мнѣніями между студентами и профессоромъ, причемъ отбрасывается въ сторону всякое ложное самолюбіе, такъ какъ всѣ признаютъ, что errare—humanum est. Студенты заблаговременно посылаютъ профессору письма, въ которыхъ отмѣчаютъ всѣ затрудненія и темныя слова или выраженія, попавшіяся имъ при чтеніи какого-либо отрывка. На основаніи этихъ писемъ и своихъ изысканій по поводу писемъ и предложенныхъ въ нихъ вопросахъ, профессоръ начинаетъ лекцію и такимъ образомъ сразу вступаетъ въ общую работу съ отвѣтами на всѣ вопросы, появившіеся у слушателей; во время этой работы студенты дѣлаютъ свои замѣчанія. Очевидно, что порядокъ всегда образцовый, никто не тормозитъ лекцій ненужными разглагольствованіями. Курсъ изученія русскаго языка— трехгодичный (авторъ приводитъ подробную программу); кромѣ того на

одинъ годъ каждый студентъ обязанъ съѣздить въ Россію. Авторъ утверждаетъ, что при такихъ условіяхъ достигаются блестящіе успѣхи. Интересно описаніе ученаго филологическаго общества при Сорбоннѣ. Авторъ даетъ подробную характеристику французскихъ оріенталистовъ, особенно же профессора русскаго языка Бойе; параллельно съ этимъ идутъ характеристики французскихъ студентовъ, изучающихъ русскій языкъ, молодыхъ русскихъ дипломатовъ, проживающихъ казенныя деньги въ Парижѣ и молодыхъ французскихъ дипломатовъ, готовящихся для карьеры въ Россію. Вообще „Парижскій день“ Александровскаго, написанный мѣстами съ легкимъ юморомъ, раскрываетъ много интересныхъ подробностей о „русскомъ“ въ Парижѣ.

Хорошъ разсказъ изъ дѣтскихъ воспоминаній „Высѣкли“. Въ сельской школѣ грамоты, помимо священника и псаломщика, обученіемъ занимался молодой мѣстный крестьянинъ; онъ самъ учился и училъ деревенскихъ ребятъ. Однажды въ школу вошелъ пьяный староста и сталъ буянить; учитель, послѣ долгихъ уговариваній и просьбъ уйти и не мѣшать занятіямъ, долженъ былъ насильно вывести пьянаго старосту. Староста сталъ ругаться и былъ за это вытолкнутъ изъ сѣней въ сугробъ. По приговору стариковъ, учителя высѣкли въ „расправѣ“ при волостномъ правленіи за неуваженіе къ „начальству“. Авторъ описываетъ то гнетущее впечатлѣніе, которое произвела эта порка на учениковъ, ужасный стыдъ и отчаяніе, охватившіе самого учителя.

Въ разсказахъ изъ быта политическихъ ссыльныхъ авторъ описываетъ преимущественно тѣхъ людей, съ которыми приходится встрѣчаться пересыльному, это—часовой, конвойный, банщикъ, завѣдующій этапомъ и т. д. Всѣ люди выходятъ у него живыми и характерными, во всѣхъ онъ умѣетъ найти человѣческія добрыя черты, поэтому его разсказы не производятъ такого гнетущаго и тягостнаго впечатлѣнія, какое получается при чтеніи „записокъ“ политическихъ ссыльныхъ.

Е. Владимірова Изъ женской жизни. Повѣсти и разсказы. М., 1906 г. Ц. 85 к. Центральное мѣсто въ книжкѣ г-жи Владиміровой занимаетъ четырехактная драма „Бабы“. Пьеса написана умѣло, съ видимымъ знаніемъ сцены. Это бытовая картина почти безъ психологической разработки. Также какъ и чеховскіе мужики, бабы г-жи Владиміровой грубы и необразованны, но сверхъ того онѣ надѣлены исключительной злобой, не говоря уже о крайней развращенности. Откуда только и берется такая непостижимая злость и зависть? Этого авторъ не указываетъ или, если указываетъ, то очень мало. Эта злость и длинные бабьи языки не только дѣлаютъ невыносимой жизнь всѣхъ окружающихъ, но и доводятъ добраго, ни въ чемъ неповиннаго мужика до преступленія. Въ чтеніи драма оставляетъ гнетущее впечатлѣніе; на сценѣ она была бы невыносима: авторъ слишкомъ сузилъ кругъ своихъ наблюденій и взялъ слишкомъ однообразный тяжелый тонъ.

Вообще г-жа Владимірова не любитъ женщинъ. Почти всѣ онѣ у нея какія-то надломленныя и нравственно нечистоплотныя. Почти всѣ онѣ мстятъ мужчинамъ за ихъ измѣны и не могутъ придумать ничего другого, какъ мстить такой же измѣной. Почти никто изъ нихъ не остается вѣренъ своей первой привязанности. Можетъ быть, это происходитъ потому, что авторъ выбираетъ темой для своихъ разсказовъ всегда жизнь неудачницъ, пережившихъ или переживающихъ сердечный надрывъ, тогда это отчасти понятно. Но несправедливо называть эти, можетъ быть, нерѣдкіе, но не характерные случаи общимъ заглавіемъ „Изъ женской жизни“.

Современная жизнь сама собой вопіетъ противъ такихъ обобщеній, и русская женщина своей жизнью и дѣятельностью выработала типъ, который только отчасти, въ двухъ разсказахъ „Сильфида“, „Счастье мое“ удается схватить г-жѣ Владиміровой.

Алексѣй Мошинъ. Штрихи и настроенія. Книга вторая. Ц. 1 р. Г. Мошинъ старательно собралъ въ своей книгѣ всевозможныя мелочи подъ видомъ „штриховъ и настроеній“. Что подразумѣваетъ авторъ подъ „штрихами и настроеніями“, намъ совершенно не ясно; вѣдь должны быть какія-нибудь опредѣленныя условія, чтобы штрихи и настроенія получали нѣкоторую цѣнность, какъ художественное произведеніе, и заслуживали того, чтобы ихъ можно было предавать тисненію въ назиданіе потомства, или же можно поступать проще, какъ дѣлаетъ г. Мошинъ: ничего не обозначающій, никому не нужный и нехудожественный пустякъ обзывать штрихомъ или настроеніемъ и этимъ придавать ему цѣнность беллетристическаго произведенія. Однако, подобно тому, какъ паспортъ мало опредѣляетъ стоимость и достоинство человѣка, такъ и претенціозное названіе—„штрихи и настроенія“, данное г. Мошинымъ своимъ произведеніямъ, не даетъ имъ право занять мѣсто среди произведеній исскуства. Г. Мошинъ, незамѣтно для себя, съ первыхъ же страницъ впадаетъ въ удивительное однообразіе, которое совершенно исключаетъ понятіе о причудливомъ разнообразіи настроенія и о его „змѣинаго цвѣта отливахъ“. Это удручающее читателя однообразіе заключается въ опредѣленной формѣ содержанія, по которой написаны почти всѣ разсказы. Вотъ въ чемъ заключается эта форма содержанія: Въ началѣ разсказа обыкновенно идетъ описаніе сантиментальной любви,—страдаетъ исключительно *онъ*, затѣмъ появляется *она—свѣтлая* дѣвушка, красавица. *Она* ничего не имѣетъ противъ *него*, но... неумолимая судьба во всевозможныхъ видахъ, преимущественно же въ видѣ неизлѣчимой болѣзни, низводитъ *его* въ безвременную могилу. По этому избитому образцу г. Мошинъ и пишетъ свои „штрихи и настроенія“. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, на чемъ могъ бы остановиться глазъ, ничего характернаго, наоборотъ, часто они удивляютъ читателя своей томительной пустотой, ненужностью и безцвѣтными разговорами. Нѣкоторые разсказы поразительно напоминаютъ протоколы хроникъ ежедневныхъ происшествій. Съ первой же строчки читатель знаетъ конецъ, да и не долго приходится ему трудиться, чтобы подойти къ этому отгаданному концу, такъ какъ замѣтки г. Мошина, собравшаго все въ свою кошницу, часто не превышаютъ и двухъ печатныхъ страницъ. Такая старательная любовь у автора къ своимъ твореніямъ очень цѣнна вообще и очень пріятна для него самого, но она становится въ тягость другимъ, если они, поддавшись на заманчивыя слова:—„штрихи и настроенія“, захотятъ добросовѣстно отнестись къ нимъ и прочитаютъ всю книжку отъ доски до доски.

Только одинъ довольно большой разсказъ „Два мецената“ нѣсколько скрашиваетъ этотъ томикъ. Разсказъ этотъ, впрочемъ, не блещетъ художественными достоинствами, онъ интересенъ по описанію быта современныхъ художниковъ и ихъ меценатовъ: любителей-бѣдняковъ и любителей-милліонеровъ; послѣднихъ художники зовутъ гробовщиками за то, что они, обыкновенно, скупаютъ картины начинающихъ нуждающихся художниковъ наканунѣ закрытія выставки и даже за часъ до закрытія. Интересны описанія пріемовъ этой кулаческой торговли картинами, способы продажи, цѣлые заговоры и походы, устраиваемые милліонеромъ-меценатомъ, чтобы за безцѣнокъ купить цѣнную картину.

Г. Мошинъ, впрочемъ, переписываетъ самого себя и опять возвращается къ темѣ о меценатахъ. Его Даринъ—меценатъ-милліонеръ фигурируетъ въ томъ же томикѣ, въ томъ же видѣ, даже подъ той же фамиліей и въ другихъ разсказахъ. Видимо, это просто недосмотръ со стороны автора.

Яльмаръ Бергстрёмъ. Люнггоръ и К°, комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изданіе С. Скирмунта. М., 1906 г. Ц. 40 к. Въ богатой семьѣ водочнаго заводчика Люнггора происходитъ расколъ. Самъ Люнггоръ желаетъ превратить въ акціонерное общество свои заводы, чтобы увеличить процентъ ихъ доходности, а его жена и молодой сынъ Яковъ, нахватавшійся верхушекъ знаній, поборникъ новыхъ идей, желаютъ устроить „водочный заводъ будущаго“ съ тѣмъ, чтобы передать его впослѣдствіи рабочимъ. Столкновеніе принимаетъ настолько обостренный характеръ, что жена и сынъ отказываются жить въ домѣ вмѣстѣ съ эгоистомъ „выжимателемъ рабочаго труда“. Люнггору-отцу приходится выбирать между женой и сыномъ, съ одной стороны, и управляющимъ заводами—иниціаторомъ акціонернаго общества Гейманомъ—съ другой. Послѣ долгихъ споровъ, все кончается къ общему благополучію. Рабочіе, за часъ до открытія акціонернаго общества, объявляютъ забастовку; забастовка грозитъ разореніемъ семьѣ Люнггоровъ. Яковъ идетъ къ рабочимъ и говоритъ имъ рѣчь въ примирительномъ тонѣ; рабочіе освистываютъ его, и ему только тутъ дѣлается ясно, насколько отвлеченная теорія далеко отстоитъ отъ практики жизни, насколько безпочвенны безсмысленныя мечтанія о дружбѣ рабочаго съ хозяиномъ и т. п. „Несмотря на всю злобу, которую я прочелъ въ глазахъ рабочихъ,—говоритъ Яковъ,—я видѣлъ сквозь всю эту тысячелѣтнюю злобу и недовѣріе угнетенныхъ... сквозь это пламя ненависти плебеевъ къ патрицію,—если хотите, я различилъ чувство, которое я уважаю и которое лишь теперь вполнѣ уяснилъ себѣ. Эти люди ничего не хотятъ принять въ подарокъ... не хотятъ ничего, за что имъ пришлось бы благодарить... они хотятъ взять свое съ бою. Повѣрьте мнѣ, ихъ потомки будутъ благородными людьми“. „Борьба—единственная достойная человѣка форма существованія, которую удалось выработать до сихъ поръ“,—замѣчаетъ въ отвѣтъ на слова Якова одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

Комедія написана очень удачно и читается легко. Авторъ съ объективной безпристрастностью сумѣлъ указать комически-смѣшныя стороны въ жизни и увлеченіяхъ людей всякаго класса и положенія. Смѣшно увлеченіе картинами у богатаго Люнггора, когда онъ приходитъ въ восторгъ отъ картины „Нищета“, висящей въ его роскошномъ залѣ и купленной за двадцать тысячъ кронъ. Смѣшно увлеченіе благотворительностью у его жены, смѣшонъ рабочій, называющій себя „современнымъ Спартакомъ“; комиченъ Яковъ съ его непродуманными соціалистическими теоріями. Много комичнаго и во второстепенныхъ дѣйствующихъ лицахъ. За всѣмъ этимъ комическимъ, какъ бы на дальнемъ планѣ вырисовывается желѣзный законъ „борьбы“, передъ которымъ смолкаютъ всѣ непродуманныя теоріи и быстро проходящія увлеченія. Необходимо отмѣтить въ этой комедіи ту безпристрастность, съ которой очерчены всѣ дѣйствующія лица. Мы не видимъ самого автора, не чувствуемъ никакой тенденціи, которая часто проглядываетъ даже у Ибсена и Гауптмана, читателю здѣсь ничего не навязывается, онъ чувствуетъ себя съ книгой такъ же свободно, какъ съ самимъ собой, а это очень рѣдкое достоинство въ книгѣ, среди теперешняго времени исключительной партійности.

Джіованіоли. Спартакъ. Романъ изъ римской жизни. Изд. 3-е О. Поповой. Спб., 1906 г. Ц. 80 к. Изъ ряда возстаній древне-римскихъ рабовъ выдѣляется бывшее въ 73 — 71 гг. до Р. Х. Въ немъ все необыкновенно, изумительно. Полудикіе, безсознательные, забитые и развращенные рабы,—рабы, набранные изъ всевозможныхъ странъ, изъ всевозможныхъ враждебныхъ другъ другу народностей, со всѣхъ сторонъ стекаются подъ одно знамя и въ нѣсколько мѣсяцевъ образуютъ стройную, дисциплинированную армію. Вооруженные чѣмъ попало, полуголодные, ничѣмъ не защищаемые отъ непогодъ, въ теченіе двухъ лѣтъ они разбиваютъ превосходящіе ихъ численностью, иногда въ нѣсколько разъ, „непобѣдимые“ римскіе легіоны. Какая сила спаяла ихъ? Почему эти „звѣри въ образѣ человѣка“ не предпочтутъ отдѣлиться отъ войска, гдѣ имъ приходится терпѣть всякія лишенія и по доброй волѣ подчиняться дисциплинѣ, для того, чтобы отдаться на свободѣ соблазнительному грабежу роскошныхъ виллъ, гдѣ такъ много и вина, и золота, и другихъ прелестей? Все это смогла сдѣлать необыкновенно свѣтлая, необыкновенно могучая личность Спартака, славнаго вождя этой первой во всемірной исторіи освободительной войны. Если для побѣдъ людей, къ услугамъ которыхъ вся государственная организація, для побѣдъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря требуется военный геній, то для того, что сдѣлалъ Спартакъ, нуженъ былъ не только военный геній, не только громадная умственная сила и сила воли, но и величайшее, сверхчеловѣческое духовное величіе, обаятельная красота и мощь всего умственнаго и нравственнаго склада. Только при сочетаніи всего этого могъ Спартакъ такъ прочно и на такое продолжительное время спаять наименѣе пригодные для мужественной, стойкой, согласованной и планомѣрной борьбы элементы. Только при такихъ условіяхъ могъ онъ сумѣть увлечь полудикую массу святой идеей борьбы за освобожденіе рабовъ, за равенство народовъ и дѣло этой арміи первыхъ борцовъ за свободу высоко-высоко вознести надъ всѣми дѣяніями человѣчества того времени и многихъ послѣдующихъ вѣковъ.

Вотъ почему передъ обаятельно-великой личностью Спартака преклоняются даже римскіе историки, считавшіе рабство учрежденіемъ вѣчнымъ, а все человѣчество—созданнымъ для римлянъ. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ вспоминаютъ о немъ историки современнаго намъ міра. Вотъ почему другой великій вождь освободительной борьбы, Гарибальди, сравнивая Спартака съ Христомъ, называетъ его Мессіей революціи.

На всемъ протяженіи романа Спартакъ очаровываетъ читателя каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ движеніемъ своей необъятно-великой души. Но особенно онъ великъ и прекрасенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сопоставляется съ другимъ великимъ человѣкомъ, „лучшимъ римляниномъ“ Юліемъ Цезаремъ (стр. 172—180). Какъ ничтоженъ этотъ славнѣйшій изъ героевъ древняго міра со всѣми его лучшими идеями и грандіозными замыслами передъ всечеловѣкомъ-гладіаторомъ. Въ этомъ отношеніи романъ Джіованіоли явленіе настолько незаурядное въ художественной литературѣ, что вызвалъ слезы восторга у самого Гарибальди.

Но сказаннымъ не исчерпываются достоинства романа. Онъ кромѣ того даетъ прекрасную, живую картину быта, нравовъ и взаимоотношеній различныхъ слоевъ римскаго населенія, даетъ очень мѣткую характеристику главнѣйшихъ римскихъ дѣятелей того періода.

Помѣщенный въ первый разъ въ журналѣ *Дѣло* 70-хъ гг. и изданный въ 1880 г. Благосвѣтловымъ, романъ Джіованіоли пользовался большой популярностью въ Россіи. Теперь же съ 1899 г. онъ расходится

уже вторымъ изданіемъ, не считая многихъ варіантовъ, передѣлокъ и сокращеній. Такая популярность „Спартака“ вполнѣ заслуженная. Это одна изъ самыхъ лучшихъ книгъ для всѣхъ круговъ читателей. И можно надѣяться, что, значительно удешевленный въ послѣднемъ изданіи, романъ менѣе будетъ замѣняться передѣлками, изъ которыхъ даже лучшія—слабая тѣнь полнаго перевода.

Сергѣй Обуховъ. Не въ моготу. Разсказъ изъ крестьянской жизни. М., 1906 г. Ц. 9 к. Разсказъ С. Обухова изображаетъ „не въ моготу“ тяжелую жизнь крестьянина. Доведенные высокой арендной платой до нищеты, крестьяне приступили къ самовольной запашкѣ помѣщичьей земли. Въ результатѣ явились войска и губернаторъ; послѣ перваго залпа и натиска казаковъ крестьяне остались на площади; далѣе, какъ повѣствуетъ авторъ, войска отказались повиноваться начальству и мирно ушли изъ деревни. Разсказъ заканчивается описаніемъ погрома помѣщичьей усадьбы. Написанъ разсказъ простымъ языкомъ съ знаніемъ быта русской деревни въ малоземельныхъ губерніяхъ. По своей темѣ и по изображаемымъ событіямъ онъ носитъ на себѣ явный характеръ пропаганды извѣстныхъ идей, а по своему содержанію производитъ тяжелое и гнетущее впечатлѣніе и, хотя авторъ, заканчивая свой разсказъ, устами старика Юфима говоритъ: „Сгинула неправда вовѣки вѣковъ... Глянь, Миколка, чисто стало, свѣтло, хорошо...“—читателю не вѣрится, что это дѣйствительно такъ, что пожаръ усадьбы и присутствіе въ деревнѣ войскъ—свѣтлое и хорошее явленіе въ нашей жизни. Аграрный вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ такими „радикальными“ мѣропріятіями, и юридическое право на землю, хотя и по уходѣ войска, всетаки остается за помѣщикомъ. Очевидно, дѣло не въ силѣ, съ чей бы стороны она ни употреблялась, а въ новыхъ нормирующихъ законахъ, которые должны устранить признанное всѣми малоземелье. Нужна долгая и осмотрительная законодательная работа, а не „майскія иллюминаціи“ и ужасныя сопровождающія ихъ послѣдствія.

К. Бальмонтъ. Стихотворенія. Изданіе товарищества „Знаніе“. (Дешевая библіотека). Спб., 1906 г. Ц. 3 к. Какъ извѣстно, событія русской жизни разбудили на лирахъ современныхъ поэтовъ такія струны, которыя раньше безмолвствовали. Къ числу пѣвцовъ, отозвавшихся на русскую бурю, принадлежитъ и Бальмонтъ. Въ 12-ти стихотвореніяхъ, которыя собраны въ лежащей передъ нами книжкѣ, онъ звучныя, хотя и не блещущія красотою строфы посвящаетъ рабочему. И говоритъ онъ о послѣднемъ такъ же страстно и увлеченно, какъ раньше увлекался совсѣмъ другими темами.

Я Поэтъ, и былъ Поэтъ,
И Поэтомъ я умру.
Но видалъ я съ дѣтскихъ лѣтъ
Въ окнахъ фабрикъ поздній свѣтъ,
Онъ въ умѣ оставилъ слѣдъ,
Этотъ слѣдъ я не сотру.
. . . . . .
Былъ я занятъ самъ собой,
Что-жъ, я это не таю.
Часъ прошелъ. Вотъ часъ другой,
Предо мною валъ морской,
О, Рабочій, я съ тобой
Бурю я твою—пою.
Рабочій, странно мнѣ съ тобою говорить:
По виду я другой. О, вѣрь мнѣ, лишь по виду.
Въ фабричномъ грохотѣ свою ты крутишь нить,
Я въ нить свою, мой братъ, вкручу твою обиду.

И кончается книжка могучимъ призывомъ, который изъ словъ партійныхъ, программныхъ сумѣлъ создать мелодію:

Рабочіе всѣхъ странъ, соединитесь,
Вы будете—единый Человѣкъ,
Вы будете—одинъ могучій Витязь.
Рабочіе всѣхъ странъ, соединитесь,—
Позоръ вѣковъ окончится навѣкъ.

Да, въ наше страшное время всѣ вышли изъ своей уединенности, изъ своей внутренней комнаты: покинули ея экзотическую обстановку, ея чуждое убранство даже и утонченные поэты, и вотъ они стоятъ на площади. Какой разительный и знаменательный переходъ!...

Ѳедоръ Сологубъ. Родинѣ. Стихи. Книга пятая. Спб., 1906 г. Въ этой брошюрѣ нашего экзотическаго поэта собрано нѣсколько красивыхъ стихотвореній, посвященныхъ главнымъ образомъ современной Россіи съ ея тревогами и болями.

О, Русь! въ тоскѣ изнемогая,
Тебѣ слагаю гимны я.
Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О родина моя!

Такъ восклицаетъ г. Сологубъ, вѣрно указывая на то соединеніе тоски и любви, которое вызываетъ наша родина въ каждомъ изъ насъ. Основная причина, изъ-за которой на куски, на живые, трепещущіе куски разрывается Россія, да и весь міръ, это—существованіе границы, межи, отдѣляющей одно владѣніе отъ другого, или одно владѣніе отъ чужой обездоленности и бѣдности. И вотъ г. Сологубъ трагедіи межи посвящаетъ выразительное и прекрасное стихотвореніе:

Зачѣмъ, скажи,
Въ поляхъ, воздѣланныхъ прилежно,
Среди колосьевъ ржи,
Вездѣ встрѣчаемъ неизбѣжно
Ревнивыя межи?

Одно и то же солнце грѣетъ
Тебя, суровая земля,
Одинъ и тотъ же трудъ лелѣетъ
Твои широкія поля.

Но злая зависть учредила,
Во славу алчности и лжи,
Неодолимыя межи
Вездѣ, гдѣ ты, земля, взростила,
Хотя единый колосъ ржи.

Очень оригинально стихотвореніе „Спутникъ“: шпіонъ убитъ тѣмъ, кого онъ преслѣдовалъ, и убившій разсказываетъ:

За угломъ я всталъ. Я слышалъ
Каждый шорохъ, каждый шагъ.
Затаился. Выждалъ. Вышелъ.
Задрожалъ отъ страха врагъ.

— Баринъ, ты меня не трогай,—
Онъ сказалъ, дрожа, какъ листъ,
— Я иду своей дорогой.
Я и самъ соціалистъ.

Сердце тяжко, больно билось,
А въ рукѣ дрожалъ кинжалъ.
Что случилось, какъ свершилось,
Я не помню. Врагъ лежалъ.

Полно трагизма стихотвореніе „Искали дочь“,—искали ее „по участкамъ, по больницамъ“. Начинается оно такъ:

Печаль въ груди была остра,
Безумна ночь,
И мы блуждали до утра,
Искали дочь,—

а кончается оно такъ:

Ступени скользкія вели
Въ сѣрую мглу,—
Подъ грудой тѣлъ мы дочь нашли
Тамъ, на полу...

Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. Несомнѣнный интересъ представляетъ изящно изданная книжка стихотвореній г-жи Галиной. Ея стихи, проникнутые тихой грустью, звучатъ красиво и читаются легко. Въ книжкѣ собраны исключительно мелкія стихотворенія, самое большое изъ нихъ не превышаетъ двадцати строкъ; каждое изъ нихъ достаточно отдѣлано и производитъ болѣе или менѣе хорошее впечатлѣніе по своей формѣ и содержанію. По крайней мѣрѣ, мы не нашли ни одного „плохого“ стихотворенія, но, наоборотъ, нашли цѣлый рядъ стиховъ, написанныхъ искренно, прочувствованно, съ болью въ сердцѣ (а то и съ радостью), иногда тонко оттѣняющихъ разнообразныя настроенія и дающихъ красивые образы. Авторъ по преимуществу лирикъ, но его отзывчивое поэтическое чутье угадываетъ недостаточность лирики въ наше бурное время. Видимо, его душа выведена изъ покоя созерцанія, въ нее вторглись иные мотивы, открылись новые горизонты. Поэтому въ стихотвореніяхъ г-жи Галиной чистый лиризмъ постоянно перебивается гражданскими чувствованіями, но этотъ лиризмъ, какъ прирожденный, видимо, настолько силенъ, что г-жа Галина съ грустью говоритъ о себѣ:

Пѣсни мои—полевые цвѣты,
Имъ не мѣсто въ горячемъ бою...
Оттого я молчу, оттого не пою,
Затаивъ дорогія мечты.

Нуженъ голосъ иной—голосъ сильной души,
Зажигающій искрой сердца...
Не напѣвъ соловья въ предразсвѣтной тиши,
А призывъ вдохновенный борца!

Намъ упрекомъ встаютъ павшихъ братьевъ кресты,
Мы о нихъ позабыть не должны...
Пѣсни гнѣва теперь, пѣсни мести нужны,
А не тихіе вздохи мечты...

Это стихотвореніе служитъ какъ бы ключомъ къ объясненію міросозерцанія г-жи Галиной и довольно точно опредѣляетъ характеръ ея поэзіи: соединеніе такихъ вздоховъ мечты съ вдохновеннымъ призывомъ борца. Въ результатѣ появилась грусть не по себѣ, а по другимъ людямъ. У автора нѣтъ огня негодованія, безобразное явленіе не возмущаетъ его душу, а только оскорбляетъ до глубины, и эта душа, вмѣсто вдохновеннаго призыва, теряется въ сожалѣніи о людяхъ, въ грусти, граничащей съ безвольнымъ отчаяніемъ. Такъ, напримѣръ:

Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу понять,
Какъ это можетъ быть?...
Идти затѣмъ, чтобъ убивать,
Или дать себя убить...

Но мнѣ понять еще труднѣй:
Какъ можно посылать
Своей рукой другихъ людей—
Убить и умирать?...

Оставить домъ, ребенка, мать...
Слова любви забыть...
Нѣтъ... нѣтъ... я не могу понять—
Какъ это можетъ быть?!...

Такова связь, установившаяся въ творчествѣ г-жи Галиной между ея личнымъ страданіемъ и страданіемъ гражданина.

Вообще же поэзія г-жи Галиной невольно трогаетъ душу читателя своей искренностью и пониманіемъ человѣческой души. Такъ, напримѣръ (стихотвореніе Nature morte):

Въ вазѣ букетъ увядающихъ розъ...
Нѣсколько начатыхъ, прерванныхъ строкъ...
Рядомъ—измятый и влажный платокъ
Влажный отъ слезъ...

Что здѣсь схоронено женской душой?
Что эти розы видали вчера?
Кто въ эту ночь здѣсь рыдалъ до утра
Самъ надъ собой?...

Эти восемь строкъ, написанныя безъ вычурности, просто, даютъ сразу цѣлое настроеніе и невольно сообщаютъ читателю грусть о погибшемъ счастіи; мысль о роковой непоправимой ошибкѣ заставляетъ читателя невольно отдаться „мечтамъ“ и „тихо вздохнуть“... Такова, по преимуществу, поэзія г-жи Галиной.

Амари. Стихотворенія. Москва, 1906 г. Ц. 10 коп. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Стихотворенія г. Амари относятся къ нарождающейся у насъ новой гражданской поэзіи, такъ долго молчавшей подъ давленіемъ безпощадной власти красныхъ цензорскихъ чернилъ. Мы оговоримся, сама книжка г. Амари прошла цензуру, и на ней стоитъ клеймо „дозволено цензурой“, но это было въ достопамятное время—10 ноября 1905 года, когда „подписывалось“ все, что „представляли“,—лишь бы только „представляли“, и стихи Амари, рожденные свободно, хотя и „съ дозволенія“, говорятъ исключительно о свободѣ. Отличительная черта стиховъ Амари состоитъ въ томъ, что въ нихъ внутреннее содержаніе неизмѣримо превосходитъ внѣшнюю форму. Форма страдаетъ. Изящные образцы нашихъ классиковъ, богатство размѣра и звучность, разработанныя русскими представителями, такъ называемой „декадентской“ поэзіи, какъ бы не существуютъ для г. Амари, хотя онъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно обладаетъ поэтическимъ даромъ. Видимо онъ презираетъ эту форму, какъ мишурный блескъ, и все свое вниманіе сосредоточиваетъ на внутреннемъ содержаніи. Это должно проистекать изъ той вѣры, съ которой онъ относится къ настоящему политическому моменту, переживаемому Россіей, и изъ того презрѣнія, которымъ онъ клеймитъ все, не относящееся къ политикѣ. Все исчезаетъ передъ важностью и значеніемъ освободительнаго движенія конца 1905 года, все остальное, кромѣ этого движенія, неважно и незначительно. Зачѣмъ же заботиться объ изящной формѣ, о звучности размѣра! Эта, поистинѣ, страстная вѣра въ торжество молодой, свободной Россіи доходитъ у г. Амари чуть не до экстаза и, по правдѣ сказать, подкупаетъ читателя своей беззавѣтной искренностью и юношеской горячностью въ пользу автора. Онъ искренно любитъ родину и пишетъ объ этой любви горячія строфы, полныя страданія, когда говоритъ о неудачахъ прошлаго, и полныя радости, когда говоритъ о будущемъ. Онъ съ восторгомъ вѣритъ въ то, что „судьба народа моего свѣтла“, хотя ему и суждено еще „до дна испить всю чашу бѣдъ и горя“. Эти бѣды, горе не страшатъ и не могутъ быть препятствіемъ, наоборотъ, онѣ только окрыляютъ борца,

его сердце полно гнѣвной страстью и, запертый въ тюрьму, онъ будетъ всегда взывать къ волѣ, къ мщенію; холодный камень не сгоритъ отъ возмущеннаго гнѣва, и сердце борца само сгоритъ въ собственномъ огнѣ страстной жажды свободы и въ бурѣ гнѣвнаго негодованія. Таково одно изъ лучшихъ стихотвореній г. Амари, подъ названіемъ „Борецъ“. Оно довольно ярко рисуетъ характеръ міровоззрѣнія и гордую страстность автора.

Очень прочувствованно написано стихотвореніе памяти князя С. Н. Трубецкого—„На смерть гражданина“; мы приведемъ нѣкоторыя строфы этого стихотворенія:

Прекрасна смерть солдата на войнѣ:
Есть смерть еще славнѣе и ужаснѣй,
Но ничего нѣтъ выше и прекраснѣй,
Чѣмъ такъ сгорѣть на внутреннемъ огнѣ
И гнѣва и любви къ родной странѣ.

Нѣтъ, не коварный врагъ его убилъ,
Не подъ чужою онъ погибъ рукою;
Но онъ съ такой безумною тоскою
Измученную родину любилъ,
Что самъ себя сознательно губилъ.

О, не щадилъ больного сердца ты!
И сердце билось скорбью и любовью,
И истекало, исходило кровью,
И порвалось... Какъ много красоты
Въ твоей кончинѣ, полной простоты!

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово. Воспоминанія политическаго каторжанина.—*А. Д. Стопневичъ*. Процессъ 193-хъ.—*В. И. Покровскій*. Жены декабристовъ.—*Л. Вересовъ*. Подвиги русской женщины.—Жизнь лейтенанта Шмидта.—*С. П. М—инъ*. Дѣло М. А. Спиридоновой.—*В. Владиміровъ*. Марія Спиридонова.—*И. К. Кольцовъ*. Памяти павшихъ.—*Е. К. Ножинъ*. Правда о Портъ-Артурѣ.—*Ларенко*. Страдные дни Портъ-Артура.—*Веревкинъ*. Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура.—*Купчинскій*. Въ японской неволѣ.—*Н. Баженовъ*. Психологія казнимыхъ.—*Г. Плехановъ*. Генрихъ Ибсенъ.—*Р. Трейманъ*. Тирано-борцы. *Проф. Ив. Озеровъ*. Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа.—*И. П. Бѣлокопскій*. Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи.—Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія и капиталы, пожертвованные московск. город. общ. управленію въ теченіе 1863—1904 гг.—*М. П. Щепкинъ*. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ Городового Положенія.

Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово. Воспоминанія политическаго каторжанина. Книгоизд. „Народная Воля“. Спб., 1906 г. Настоящая брошюра—перепечатка заграничнаго изданія. Она принадлежитъ Свитычу, осужденному по процессу Ковальскаго, и носила подзаголовокъ „Надгробное слово Александру II“. Ни того, ни другого книгоиздательство „Народная Воля“ почему-то не указало. Изображаетъ она жизнь заключенныхъ въ харьковской „централкѣ“, куда въ половинѣ семидесятыхъ годовъ заключали политическихъ преступниковъ для отбыванія каторжныхъ работъ. Впечатлѣніе отъ разсказа получается прямо потрясающее. Ужасы одиночнаго заключенія, лишеніе переписки, книгъ и работы, самыя утонченныя издѣвательства, даже побои доводили заключенныхъ до тяжелыхъ нервныхъ болѣзней и сумасшествія. Нѣкоторые изъ нихъ просили для себя, какъ милости, смертной казни; когда одного изъ нихъ скрутили веревками, онъ началъ упрашивать „придушить его

совсѣмъ". За малѣйшій протестъ даже больныхъ лишали тюфяковъ, кидали въ темный, сырой и зловонный карцеръ, избивали до полусмерти. Когда Мышкинъ, желая добиться смертной казни, ударилъ смотрителя, разыгралась слѣдующая сцена: „Въ воздухѣ взвивается свинцовый набалдашникъ палки, съ которой повсюду ходитъ Коппинъ, и со всего размаха опускается на бритую голову Мышкина. Тотъ падаетъ, теряя сознаніе, а разсвирѣпѣвшій смотритель продолжаетъ осыпать его ударами, ругаясь непечатными словами на всю церковь. Стоявшіе въ отдаленіи надзиратели кидаются на помощь своему повелителю, и передъ алтаремъ *Бога* всепрощенія и христіанской любви начинается бойня: надзиратели бьютъ ногами по лицу лежащаго безъ движенія Мышкина; остервенѣніе ихъ доходитъ до того, что они буквально начинаютъ плясать у него на груди, притопывая каблуками"...

Сумасшедшихъ продолжали содержать въ тюрьмѣ, и они своими дикими криками не давали покою остальнымъ товарищамъ ни днемъ, ни ночью. Количество смертей и сумасшествій было настолько велико, что даже высшее начальство должно было обратить на нихъ вниманіе. Выжившихъ, несмотря на всѣ эти ужасы, каторжанъ рѣшили перевести въ Сибирь. Такъ какъ они были очень слабы, ихъ продержали около полугода въ мценской пересыльной тюрьмѣ—„для поправки".

Когда читаешь все это, дѣлаются вполнѣ понятными глубокая ненависть революціонеровъ къ тогдашнему харьковскому генералъ-губернатору князю Кропоткину и его убійство, и яснѣе становится многозначительный смыслъ подзаголовка.

А. Д. Стопневичъ. Процессъ 193-хъ. Спб., 1906 г. Ц. 15 к. Брошюра г. Стопневича назначена для „большой публики", которая врядъ ли осилитъ полный отчетъ объ этомъ интереснѣйшемъ политическомъ процессѣ 70-хъ годовъ, въ виду его громоздкости и сложности. Она знакомитъ въ общихъ чертахъ съ тѣмъ движеніемъ, которое привело къ процессу, ходомъ процесса, даетъ (съ нѣкоторыми сокращеніями) знаменитую рѣчь Мышкина, выдержки изъ обвинительнаго акта и приговоръ. Полный правительственный отчетъ объ этомъ процессѣ (безъ рѣчи Мышкина и приговора, которые войдутъ въ другое изданіе „Рѣчи подсудимыхъ процессовъ 50 и 193") напечатанъ г. Саблинымъ (съ предисловіемъ В. В. Каллаша. М., 1906 г., цѣна 1 рубль).

1) В. И. Покровскій. Жены декабристовъ. Сборникъ историко-бытовыхъ статей. М., 1906 г. Ц. 1 р. 25 к. 2) Л. Вересовъ. Подвиги русской женщины. Страница изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Спб., 1906 г. Ц. 20 к. Русская женщина начала свою общественную дѣятельность высокимъ подвигомъ самоотверженія. Жены декабристовъ не только послѣдовали за мужьями въ „глубину сибирскихъ рудъ", въ „каторжныя норы", во мракъ и ужасъ тогдашней ссылки, но и явились добрыми геніями всего тамошняго населенія. Какъ показываютъ воспоминанія Бѣлоголоваго, благодарная память о нихъ до сихъ поръ не умерла въ Сибири. Русскому обществу напомнитъ о нихъ и ихъ многострадальной жизни хорошо подобранный матеріалъ сборника г. Покровскаго. Въ него вошли удачно выдѣленные отрывки изъ воспоминаній Басаргина, Волконской, барона Розена, статей г. Щеголева, Бѣлоголоваго, Максимова и пр., которые ярко рисуютъ личности „женъ декабристовъ" и ихъ дѣятельность въ Сибири. Брошюра г. Вересова даетъ сжатую біографію и характеристику М. И. Волконской, составленную главнымъ образомъ по ея запискамъ. Новыхъ фактовъ она не даетъ, но написана литературно и читается не безъ интереса.

1) **Жизнь лейтенанта Шмидта. „Правовая казнь“. Спб., 1906 г. Ц. 30 к. 2) С. П. М—инъ. Дѣло М. А. Спиридоновой. „Народная бесѣда“. Спб., 1906 г. Ц. 15 к. 3) В. Владиміровъ. Марія Спиридонова. М., 1906 г. Ц. 1 р. 4) И. К. Кольцовъ. Памяти павшихъ. Жертвы изъ среды московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни. М., 1906 г. Ц. 50 к.** Жуткое и въ то же время трогательное впечатлѣніе производятъ эти книги. Онѣ отразили всѣ грубыя и дикія противорѣчія нашего проклятаго времени: разгулъ стихійныхъ первобытныхъ страстей, сладострастіе мученія, возведенное въ законъ жизни вопіющее беззаконіе—и жажду подвига, благородный въ своей наивной прямолинейности энтузіазмъ, красоту полнаго самоотреченія. Въ кровавомъ сумракѣ безпощадной и тупой контръ-революціи вырисовываются женственно-мягкія фигуры мечтателя-апостола демократическаго народнаго представительства, мужественная дѣвушка, которая всѣмъ сердцемъ отозвалась на народную боль и которой пришлось поплатиться за это своею честью, здоровьемъ, въ недалекомъ будущемъ и жизнью,—пылкая учащаяся молодежь, которая имѣла неосторожность повѣрить въ сказку новой жизни послѣ 18 октября или попыталась осуществить ее и нашла себѣ только безвременную, ужасную смерть.

Первыя двѣ книги даютъ одни факты. Г. Владиміровъ пробуетъ освѣщать и подчеркивать—и вноситъ зачастую ложные штрихи, даже тамъ, гдѣ болѣе чѣмъ достаточно было одного констатированія факта. У него нѣтъ чувства мѣры—и иногда такта. А тактъ нуженъ былъ прежде всего и больше всего: взятая имъ на себя задача слишкомъ болѣзненно-щекотлива.

Г. Кольцовъ въ этомъ отношеніи оказался болѣе чуткимъ. Онъ, съ виду спокойно и дѣловито, группируетъ собранные имъ потрясающіе факты, отъ себя онъ мало говоритъ — и это только усиливаетъ впечатлѣніе.

Отъ всѣхъ ихъ вѣетъ тѣмъ уродливымъ кошмаромъ современной нашей дѣйствительности, которому съ трудомъ повѣритъ ея будущій историкъ.

Е. К. Ножинъ. Правда о Портъ-Артурѣ. Ч. I. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.—Ларенко. Страдные дни Портъ-Артура. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Ц. 5 р.—Веревкинъ. Страничка изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Изданіе Артемьева. Спб., 1906 г.—Купчинскій. Въ японской неволѣ. Изд. Артемьева. Спб., 1906 г. Когда вѣсть о начавшейся японско-русской войнѣ отрывками дошла до заживо погребенныхъ шлиссельбургскихъ узниковъ, въ ихъ жизнь прокрался лучъ надежды. Не зная причинъ войны, ни хода дальнѣйшихъ событій, они тѣмъ не менѣе понимали, что здѣсь столкнулись абсолютизмъ, все обезличившій, и свободный режимъ, внесшій въ основные законы гарантіи всесторонняго развитія личности. Боролись двѣ индивидуальности, одна, порабощенная и связанная, другая только что сбросившая рабскія узы и рвущаяся къ прогрессу съ первымъ пыломъ освобожденныхъ силъ. Побѣда Японіи, какъ бы это ни задѣвало патріотическаго чувства, была предопредѣлена и предопредѣлена тѣмъ режимомъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ безпощадно и безжалостно вытравливалъ всѣ лучшія творческія силы страны. Г. Артемьевъ, бывшій редакторъ газеты *Новый Край* въ Портъ-Артурѣ, газеты, помѣщеніе которой, съ одной стороны, засыпали японскія бомбы и которую, съ другой стороны, жестоко преслѣдовала двойная (военная и морская) цензура,—теперь въ цѣломъ рядѣ изданій рѣшилъ дать прав-

дивую картину одного изъ самыхъ острыхъ моментовъ войны, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается весь ея ужасъ, картину осады Портъ-Артура. Эпиграфомъ къ этимъ изданіямъ могли бы служить безхитростныя слова одного изъ авторовъ,—Ножина, который пишетъ: „Вся исторія Россіи намъ подтверждаетъ, что правящій классъ строго охраняетъ свои права, а о долгѣ, которымъ собственно и пріобрѣтаются права,—никто не думаетъ, считая это блажью „идейныхъ“ людей“. „Портъ-Артуръ—это Россія въ миніатюрѣ,—замѣчаетъ г. Ларенко.—Безграничный самодурствующій произволъ, казнокрадство и мелкая вражда на почвѣ зависти и честолюбія имѣющихъ огромную и безотвѣтственную власть начальниковъ, съ одной стороны, и темныя, невѣжественныя массы, съ другой—вотъ тотъ мрачный фонъ картины, которая развертывается передъ читателемъ во всей своей наготѣ и ужасѣ. Книги г. Ларенко, а главнымъ образомъ Ножина—это огромный обвинительный актъ противъ Стесселя, Фока и имъ присныхъ, бездарныхъ и безконтрольныхъ ничтожностей, всѣмъ своимъ поведеніемъ ведшихъ крѣпость къ одной цѣли: къ капитуляціи передъ врагомъ. Шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ авторами разбираемыхъ книгъ, слѣдя и переживая осаду Артура, читатель испытываетъ чувство безграничнаго негодованія передъ образомъ дѣйствій Стесселя, Фока и друг. Ихъ знаменитые безграмотные приказы, насквозь проникнутые невѣжествомъ и невѣроятнымъ самомнѣніемъ, препятствія, чинимыя ими дѣйствительнымъ работникамъ и самоотверженнымъ героямъ на пути укрѣпленія и защиты крѣпости—все это положительно не поддается описанію. Между тѣмъ Стессель единолично сносился съ Петербургомъ, и нѣсколько попытокъ разоблачить его позорную игру, основанную на грубомъ обманѣ, потерпѣло пораженіе, потому что письма и телеграммы съ разоблаченіями не доходили по назначенію и вызывали лишь гоненіе на ихъ авторовъ. Мы надѣемся, что обширный матеріалъ, собранный гг. Ларенкомъ и Ножинымъ, не останется безъ вниманія на предстоящемъ судѣ надъ Стесселемъ, хотя несомнѣнно и то обстоятельство, что за личностью этого дѣятеля остаются въ тѣни болѣе внушительныя фигуры, и что самъ Стессель является только неизбѣжнымъ порожденіемъ нашего автократическаго режима.

Книга Купчинскаго посвящена описанію жизни русскихъ плѣнныхъ въ Японіи. „Кто не былъ самъ въ плѣну,—пишетъ авторъ,—тотъ не понимаетъ всего, что подразумѣется въ этомъ словѣ: тамъ и униженіе, и обида, и жалость къ другимъ, и жгучая тоска по свободѣ и родинѣ, страшная тягость безцѣльной, томительной неизвѣстности, горькія минуты нарождающихся событій внутренней безыдейной, безсмысленной жизни... и много, много еще другого, о чемъ говорить можно было бы очень долго“. Характеренъ тотъ фактъ, что многіе изъ безграмотныхъ русскихъ солдатъ выучились грамотѣ въ школахъ, устроенныхъ японцами для нихъ во многихъ городахъ. Серіей своихъ изданій г. Артемьевъ принесъ несомнѣнную пользу русскому обществу, хотя по своей цѣнѣ эти изданія не вполнѣ доступны широкимъ кругамъ читающей публики.

Н. Баженовъ. Психологія казнимыхъ. Москва, 1906 г. Ц. 15 к. Небольшая брошюра г. Баженова посвящена описанію того мучительнаго психопатическаго состоянія, которое создается у приговоренныхъ къ смертной казни передъ исполненіемъ приговора. Государственные люди, утверждающіе, что, казня убійцъ смертью, государство воздаетъ имъ тою же мѣрою, какою они мѣряли, или грубо ошибаются, или лицемѣрно и преступно лгутъ. „И если они послягаютъ на тѣло,—замѣчаетъ авторъ

брошюры,—на жизнь другого человѣка, то съ какой точки зрѣнія оправдаютъ они посягательство на его душу. Съ какимъ преступленіемъ соизмѣрима та предсмертная моральная пытка, которая implicite содержится въ смертномъ приговорѣ и которая по напряженности душевной боли превышаетъ то, что можетъ вытерпѣть человѣкъ, ибо даже Богочеловѣкъ молилъ: „да минетъ Его чаша сія!“ Авторъ брошюры приводитъ цѣлый рядъ въ высокой степени патетическихъ сценъ и описаній смертной казни и главнымъ образомъ описаній душевнаго состоянія приговоренныхъ къ смерти изъ наиболѣе выдающихся произведеній міровой литературы, а также свои собственныя наблюденія и размышленія. „Смертная казнь есть кара, по жестокости и ужасу несоизмѣримая даже съ самымъ страшнымъ преступленіемъ, и государство, казня смертью, воздаетъ не око за око, но творитъ, если даже допустить справедливость этого нехристіанскаго и ветхозавѣтнаго принципа, нѣчто совершенно несправедливое и является несравненно болѣе жестокимъ, чѣмъ преступникъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе“—таковъ справедливый выводъ автора. Хорошей иллюстраціей къ этому выводу служитъ разсказъ „Казнь“, напечатанный въ августовской книгѣ нашего журнала.

Г. Плехановъ. Генрикъ Ибсенъ. Спб., 1906 г. Въ лицѣ Ибсена сошелъ со сцены одинъ изъ самыхъ крупныхъ современныхъ міровыхъ писателей. Критическій этюдъ Плеханова, выясняющій характерныя особенности творчества Ибсена, полонъ захватывающаго интереса. Авторъ задается вопросомъ, почему при всей колоссальной общепризнанной силѣ этого мірового таланта, въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ часто такія блѣдныя, схематическія фигуры, почему въ нихъ порою такъ замѣтно присутствіе антихудожественнаго элемента. „Кто внимательно читалъ и перечитывалъ драмы Ибсена,—замѣчаетъ г. Плехановъ,—тотъ не могъ не замѣтить наличности въ нихъ этого элемента. Именно, благодаря этому элементу его драмы, мѣстами полныя такого захватывающаго интереса, мѣстами становятся почти скучными“.

Вопросъ этотъ разрѣшается авторомъ въ томъ смыслѣ, что Ибсенъ, будучи однимъ изъ величайшихъ профессоровъ „бунта человѣческаго духа“, по мѣткому выраженію Ренэ Думика, не вкладывалъ въ этотъ бунтъ опредѣленнаго, а часто даже никакого содержанія. „Проповѣдь бунта человѣческаго духа внесла въ творчество Ибсена элементъ величія и привлекательности. Но когда онъ проповѣдовалъ этотъ бунтъ, то самъ хорошенько не зналъ, къ чему онъ долженъ привести. Поэтому онъ—какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—дорожитъ бунтомъ ради бунта. А когда человѣкъ дорожитъ бунтомъ ради бунта, когда онъ самъ не понимаетъ, къ чему бунтъ долженъ привести, тогда его проповѣдь по необходимости становится туманной. И если онъ мыслитъ образами, если онъ художникъ, то туманность его проповѣди непремѣнно приведетъ къ недостаточной опредѣленности его образовъ. Въ художественное произведеніе вторгнется элементъ отвлеченности и схематизма. И этотъ отрицательный элементъ несомнѣнно присутствуетъ,—къ бо̀льшему вреду для нихъ,—во всѣхъ идейныхъ драмахъ Ибсена“.

Авторъ подтверждаетъ свои положенія детальнымъ разборомъ многихъ произведеній Ибсена и полагаетъ, что роковые промахи мысли у этого даровитаго, умнаго и обладавшаго къ тому же самой неподдѣльной и сильной жаждой истины писателя обусловливаются вліяніемъ на его міросозерцаніе той общественной, мелко-буржуазной среды, въ которой онъ родился и выросъ. „Когда данная личность протестуетъ про-

тивъ окружающей пошлости и неправды, тутъ непремѣнно сказываются ея умственныя и нравственныя особенности: ея проницательность, ея чуткость и отзывчивость и т. п. Каждая личность своей особой походкой идетъ по дорогѣ протеста. Но куда ведетъ эта дорога, это зависитъ отъ общественной среды, окружающей протестующую личность. Характеръ отрицанія опредѣляется характеромъ того, что подвергается отрицанію". Мы поневолѣ должны ограничиться здѣсь изложеніемъ основныхъ положеній критическаго этюда г. Плеханова; для ознакомленія съ анализомъ ибсеновскихъ драмъ, подтверждающимъ эти общія положенія, мы отсылаемъ читателя къ самой брошюрѣ.

Р. Трейманъ. Тирано-борцы (Monarchomahen). Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ пред. Рейснера. Книгоиздател. „Дѣло". 1906 г. Ц. 50 к. Изслѣдованіе Треймана представляетъ краткій этюдъ изъ исторіи государственныхъ ученій. Теорію тираноубійства во всемъ ея юридическомъ обоснованіи, во всей тонкости естественно-правовой и богословской аргументаціи, вытекающую изъ общаго политическаго міровоззрѣнія авторовъ, г. Трейманъ желаетъ привести въ связь съ политическими стремленіями и задачами породившаго эту теорію переходнаго историческаго момента". „Среднее сословіе,—пишетъ Рейснеръ въ своемъ обширномъ предисловіи,—пробуждается опутанное со всѣхъ сторонъ сѣтью богословскихъ ученій и феодальнаго міровоззрѣнія, оно бьется на нашихъ глазахъ въ плѣну схоластическихъ и теоретическихъ конструкцій, но сквозь чащу окружающей ее старины уже блещутъ великія звѣзды французской революціи: и суверенный индивидъ, и законодательный разумъ, и земное блаженство людей, пробужденныхъ Руссо къ новой свободѣ и неотчуждаемымъ правамъ".

Нужно замѣтить, что для средняго читателя книга г. Треймана врядъ ли представитъ значительный интересъ. Сухость изложенія, узкія рамки средневѣковья, какая-то разбросанность и несистематичность матеріала—все это до послѣдней степени затрудняетъ чтеніе книги. Съ другой стороны, отсутствіе широкаго фундамента въ видѣ цѣльнаго и научнаго историческаго міросозерцанія дѣлаетъ изъ работы г. Треймана не серьезный научный трудъ, а кропотливое изслѣдованіе въ духѣ нѣкоторыхъ третьестепенныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Предисловіе г. Рейснера прочитывается легко и съ интересомъ.

Проф. Ив. Озеровъ. Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа. М., 1906 г. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. 10 к. Когда охранители и рептиліи говорятъ о чрезмѣрности у насъ земскаго обложенія, они обнаруживаютъ или невѣжество, или лицемѣріе: всего мѣстныхъ сборовъ въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ и по городовому самоуправленію насчитывается менѣе 300 милліоновъ (города болѣе ста), а государственный бюджетъ, непрерывно подымаясь въ гору, доходитъ уже до двухъ съ половиною милліардовъ рублей. На западѣ это соотношеніе гораздо болѣе благопріятно мѣстному самоуправленію, въ Англіи же его расходы достигаютъ размѣровъ государственнаго бюджета, иногда превосходятъ его.

Проф. Озеровъ подвергаетъ обстоятельному разбору систему нашего земскаго обложенія и отмѣчаетъ ея вопіющіе недостатки. Земля и лѣса обложены въ 47 милліоновъ (53,1%). Съ крестьянъ приходится, въ среднемъ, съ десятины 26 коп. Съ частныхъ землевладѣльцевъ — 20 коп. Торговля и промышленность даютъ земству только тринадцать съ половиною милліоновъ (15,1%). „Нельзя не признать,—справедливо говоритъ проф. Озеровъ,—что торговля и промышленность въ сферѣ земскаго обло-

женія пользуются незаслуженной льготой; я говорю незаслуженной потому, что многообразная культурная дѣятельность земства сильно содѣйствуетъ развитію торговли и промышленности". (Мимоходомъ г. Озеровъ отмѣчаетъ: земскіе расходы на народное образованіе достигаютъ 23 коп. на жителя, а министерства народнаго просвѣщенія лишь шести—семи копеекъ).

Проф. Озеровъ стоитъ за коренную демократическую реформу нашего самоуправленія. Очень рекомендуемъ его брошюру.

И. П. Бѣлоконскій. Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи. Изданіе „Донской Рѣчи". Цѣна 6 к. Брошюра г. Бѣлоконскаго заслуживаетъ большого вниманія. Ему хорошо извѣстны бытовыя условія крестьянскаго населенія во многихъ мѣстностяхъ Россіи.

Съ нѣкоторыми положеніями автора рѣшительно нельзя согласиться, напримѣръ, съ такимъ утвержденіемъ: „Правильно организованное земство можетъ замѣнить вторую палату, но настолько авторитетную, что можно не опасаться, какова будетъ первая палата: земство не дозволитъ ей преслѣдовать сословные или буржуазные интересы—въ лицѣ земства вся страна возвыситъ свой голосъ противъ такого *правительства*" (?).

Можно защищать пользу второй палаты, какъ сдерживающей увлеченія первой, но основная роль въ политической и законодательной жизни страны будетъ, конечно, принадлежать первой палатѣ, избранной прямымъ и всеобщимъ голосованіемъ.

Произвольнымъ намъ кажется устанавливаемый г. Бѣлоконскимъ размѣръ населенія для проектируемой мелкой земской единицы (1,500—3,000 душъ обоего пола). Соображенія автора о выборахъ въ мелкой земской единицѣ въ губернскіе гласные въ нашихъ глазахъ являются недостаточно обоснованными и непрактичными. Но въ общемъ, повторяемъ, съ брошюрою г. Бѣлоконскаго полезно познакомиться.

Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія и капиталы, пожертвованные московскому городскому общественному управленію въ теченіе 1863—1904 г. Изд. московск. городск. обществ. управленія 1906 г. Въ концѣ 1900 г. въ одномъ изъ засѣданій московской городской думы было высказано признаніе, что увеличивающійся изъ года въ годъ притокъ частныхъ пожертвованій на нужды городского населенія возлагаетъ на городское управленіе нравственный долгъ возможно шире распространять свѣдѣнія о дѣятельности основанныхъ на пожертвованныя суммы учрежденій, чтобы „каждый могъ наглядно убѣдиться въ томъ, что добрыя дѣла жертвователей не заглохли". Съ этой цѣлью постановлено было составить описаніе основанныхъ на жертвованные капиталы учрежденій, въ программу котораго должны были войти, „кромѣ свѣдѣній о размѣрахъ пожертвованій и о томъ, что сдѣлано городомъ на пожертвованныя суммы, также историческіе очерки о дѣятельности различныхъ городскихъ учрежденій, основанныхъ жертвователями, и краткія свѣдѣнія о томъ, какую роль въ городской жизни играютъ эти учрежденія на-ряду съ другими благотворительными и просвѣтительными начинаніями городского управленія". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ сборника предполагалось „включить также и свѣдѣнія о важнѣйшихъ нуждахъ городской благотворительности, общественнаго призрѣнія и народнаго образованія, остающихся неудовлетворенными по недостатку средствъ городского управленія, такъ какъ такія указанія сослужили бы большую пользу въ дѣлѣ болѣе цѣлесообразнаго направленія пожертвованій".

Результатомъ этого постановленія и явился настоящій капитальный трудъ, составленный при коллективномъ сотрудничествѣ 8 лицъ и обнимающій собою обширный томъ въ 470 стр. текста, снабженнаго многочисленными планами учрежденій и 103 иллюстраціями ихъ внутренняго устройства и внѣшняго вида.

Не считая мелкихъ суммъ, не превышающихъ тысячи рублей, число сдѣланныхъ городу пожертвованій достигало за 40 лѣтъ, съ 1863 по 1903 годъ—675, въ общей сложности на огромную сумму въ 23,8 мил. руб., причемъ на долю первыхъ двухъ десятилѣтій дѣятельности городского самоуправленія, пока большинство благотворительныхъ учрежденій находилось еще въ вѣдѣніи казеннаго приказа общественнаго призрѣнія, приходится только 5,5% этой суммы. Притокъ частныхъ пожертвованій начался только съ 87 года, когда эти учрежденія были переданы въ вѣдѣніе города, и для жертвователя явилась такимъ образомъ возможность передавать создаваемыя ими учрежденія въ вѣрныя руки общественнаго самоуправленія. Изъ общаго числа пожертвованій 51 были сдѣланы на крупныя суммы свыше 100 т. р., причемъ самыми цѣнными изъ пожертвованныхъ учрежденій оказались двѣ больницы (медвѣдниковская и солдатенковская) и знаменитая третьяковская галлерея, стоимость которой опредѣляется почти въ 2 мил. р. Изъ пожертвованныхъ суммъ собственно на устройство и оборудованіе различныхъ учрежденій предназначалось 15 мил. р., а остальные 9 мил. р. были обращены въ неприкосновенные капиталы на ихъ содержаніе, дающіе около 235 т. р. годового дохода. Къ 1904 г. изъ жертвованныхъ суммъ оставался еще неизрасходованнымъ солидный фондъ въ 5 мил. р., 10 же мил. р. были вложены уже въ дѣло городского благоустройства, и настоящій трудъ дастъ интересную картину мѣропріятій, осуществленныхъ на эти средства.

Въ длинномъ спискѣ учрежденій, созданныхъ или существующихъ, вполнѣ или отчасти, на пожертвованныя средства, мы встрѣчаемъ и собственно благотворительныя учрежденія—пріюты для сиротъ, неизлѣчимыхъ эпилептиковъ, идіотовъ, богадѣльни, безплатныя квартиры, дома трудолюбія, ночлежные пріюты, и различнаго рода больницы, какъ общія, такъ и спеціально дѣтскія, психіатрическія, глазныя, съ дополнительными заведеніями въ видѣ родильныхъ пріютовъ и санаторій; и просвѣтительныя учрежденія, какъ начальныя школы, такъ и спеціальныя учебныя заведенія—ремесленныя училища, торговая и фельдшерская школы, къ которымъ примыкаетъ пользующійся широкой извѣстностью исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ и училище для глухонѣмыхъ; наконецъ, какъ самыя симпатичныя изъ начинаній этого рода, выдѣляются тургеневская библіотека-читальня и картинная галлерея. Если судить по суммѣ пожертвованій, главнѣйшее русло московской благотворительности направлено было въ сторону призрѣнія бѣдныхъ, на которое приходится почти половина общей суммы пожертвованій, четверть ея предназначена была на всякаго рода врачебныя цѣли и столько же—на нужды народнаго просвѣщенія. Изъ 12,875 мѣстъ, имѣющихся въ городскихъ больницахъ, богадѣльняхъ и пріютахъ, 3,040 или $^1/_4$ часть, созданы на пожертвованныя средства. Начальное образованіе не пользовалось такимъ вниманіемъ московскихъ благотворителей, и изъ 190 городскихъ начальныхъ училищъ по иниціативѣ частныхъ жертвователей возникло только 5. Зато изъ 9 профессіональныхъ школъ, находящихся въ распоряженіи города, 5 устроены или, если не устроены, то содержатся на средства частной благотворительности.

Весьма цѣнной особенностью этихъ учрежденій служитъ то обстоя-

тельство, что почти каждое изъ нихъ возникало по строго обдуманному плану, согласно съ послѣдними указаніями науки и техники, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, исправительный пріютъ, дѣтская больница, училище для глухонѣмыхъ, тургеневская читальня—были первыми по времени и образцовыми по своей организаціи. Частная благотворительность Москвы, говоря вообще, умѣло шла навстрѣчу нараставшимъ потребностямъ населенія и по временамъ ей удавалось самостоятельно нащупывать въ хаосѣ этихъ потребностей наиболѣе болѣзненныя точки. Можно поэтому ожидать, что теперь, когда городское управленіе успѣло хорошо разобраться въ томъ, что у него есть и чего ему нехватаетъ, очередныя задачи городского благоустройства будутъ выполняться при такомъ же существенномъ содѣйствіи частныхъ капиталовъ, какъ и прежде. Въ настоящее время чувствуется острая нужда въ общественныхъ садахъ и паркахъ, которые служили бы резервуарами чистаго воздуха и мѣстами для прогулокъ. Въ послѣдніе годы плотность населенія города все болѣе и болѣе возрастаетъ, постройки все болѣе и болѣе скучиваются, а старинные частные сады вырубаются. При такихъ условіяхъ,—говорится въ излагаемомъ трудѣ,—вопросъ о замѣнѣ убывающихъ частныхъ садовъ общественными бульварами и парками съ площадками для дѣтскихъ игръ пріобрѣтаетъ важнѣйшее значеніе, и надо пожелать, чтобы московское общество вмѣстѣ съ городскимъ управленіемъ нашли возможность позаботиться о сохраненіи богатыхъ старинныхъ садовъ, обративъ ихъ въ общественное достояніе. Подобное же значеніе,—говорится далѣе въ сборникѣ,—имѣютъ и лѣтнія колоніи для бѣдныхъ дѣтей, дающія возможность подышать свѣжимъ воздухомъ рощъ и полей дѣтямъ, которыя чахнутъ по подваламъ и угламъ большого города безъ воздуха, безъ свѣта и безъ знакомства съ жизнью природы. Новою общественною задачей является также обезпеченіе небогатому классу населенія разумныхъ развлеченій въ формѣ народныхъ домовъ и театровъ, равно какъ и устройство дешевыхъ гигіеническихъ квартиръ для бѣднѣйшей части населенія.

Сообщая всѣ эти данныя, разсматриваемый трудъ рисуетъ полную картину частной благотворительности Москвы и вноситъ въ нее тѣмъ самымъ извѣстную организацію и планомѣрность. Задуманный по широкому плану и умѣло выполненный, онъ напоминаетъ собою лучшіе появляющіеся за границей труды, посвященные подробному описанію той или иной отрасли городского хозяйства—этого новаго и столь важнаго фактора современной культуры.

М. П. Щепкинъ. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ городового положенія. М., 1906. Цѣна 1 руб. Книгою М. П. Щепкина заинтересуется каждый, кому дорого наше самоуправленіе. Авторъ отличный знатокъ городского московскаго хозяйства и вполнѣ компетентный теоретикъ самоуправленія. Проекту предшествуетъ въ его книгѣ обстоятельный очеркъ развитія городоваго положенія и критика дѣйствующаго законодательства и постановленій. М. П. Щепкинъ признаетъ, что „въ основѣ конституціоннаго устройства страны должно лежать широкое мѣстное самоуправленіе, служащее наилучшею подготовительною школою для трудной, сложной и отвѣтственной работы народныхъ представителей, призванныхъ управлять судьбами такой громадной и разнообразной по пространству своихъ областей и этнографическому составу ихъ разноплеменныхъ населеній страны, какъ наше отечество". Авторъ, согласно программѣ конституціонно-демократической партіи (партіи народной свободы), полагаетъ, что вторая наша будущая палата должна

состоять изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. а въ статьѣ 16 проекта М. П. Щепкина сказано: „Всякій городской обыватель и *всякая городская обывательница,* къ какому бы состоянію, національности и вѣроисповѣданію они ни принадлежали, имѣютъ право участвовать въ выборахъ и быть избранными въ гласные городской думы, если они—русскіе подданные, достигли 21-лѣтняго возраста, проживали въ Москвѣ не менѣе одного года до производства выборовъ и не подвергаются дѣйствію ст. 17 настоящаго положенія“ (статья семнадцатая перечисляетъ лицъ, не имѣющихъ права быть ни избирателями, ни избранными: состоящихъ подъ опекою, лишенныхъ или ограниченныхъ правъ по суду и т. д.).

Отмѣтимъ обмолвку почтеннаго автора: уѣздный городъ Можайскъ онъ называетъ заштатнымъ, имѣя въ виду, вѣроятно, Воскресенскъ (стр. XXXV).

ФИЛОСОФІЯ, ПЕДАГОГИКА.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи.—*Г. З.* Метафизика лѣности.—*Ем. Стратоновъ.* Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Въ восьми томахъ. Спб., 1905—1906. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Знаменитый трудъ гейдельбергскаго профессора, сразу пріобрѣтшій почетную извѣстность, постоянно дополнялся и перерабатывался авторомъ. Новый русскій переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго юбилейнаго изданія, достигшаго колоссальныхъ размѣровъ: семь большихъ томовъ, при чемъ Кантъ и Гегель въ двухъ полутомахъ каждый. Трудъ Куно Фишера долженъ, конечно, входить въ составъ всякой значительной философской библіотеки. Онъ даетъ превосходныя жизнеописанія философовъ, въ связи съ обстоятельствами и условіями времени и выходомъ ихъ сочиненій, затѣмъ связное, стройное изложеніе философскаго ученія и его критику. Первому тому (Декартъ) предшествуетъ обширное (сто пятьдесятъ страницъ) введеніе въ исторію новой философіи. Къ каждому тому приложенъ очень хорошій портретъ мыслителя, которому томъ посвященъ.

Такое большое сочиненіе не можетъ, разумѣется, быть дешевымъ: Декартъ стоитъ 2 р. 50 к., Спиноза—3 р. 50 к., Лейбницъ—4 руб., Кантъ—4+3 р. 50 к. (Фихте, томъ шестой, приготовляется къ печати), Шеллингъ—5 р., Гегель—3 р. 50+2 р. 50 к. Переводы принадлежатъ гг. Жуковскому, Полилову, Лосскому, Аносовой, Франку.

Вѣроятно, *Исторія новой философіи* будетъ расходиться медленно, несмотря на сильное развитіе въ русскомъ обществѣ интереса къ философскимъ вопросамъ: ими интересуются главнымъ образомъ люди не изъ зажиточныхъ классовъ. Тѣмъ болѣе поэтому велика заслуга издателя. Другого Солдатенкова у насъ покуда нѣтъ.

Г. З. Метафизика лѣности. Сатира на трагедію философіи. Перевелъ съ нѣмецкаго Ѳ. О. Л.—М., 1906 г. Эта брошюрка представляетъ собою переводъ статьи, напечатанной въ мюнхенскомъ журналѣ *Jugend*; ея содержаніе и слогъ прозрачно указываютъ, что подъ иниціалами Г. З. скрывается извѣстный философъ Георгъ Зиммель. Основная мысль его парадоксальна и остроумна; подъ своей шутливой оболочкой она таитъ глубокую истину. Для автора человѣчество изначала проникнуто стремленіемъ къ лѣни. Можно (въ особенности на школьной скамьѣ) писать убѣдительныя и краснорѣчивыя страницы о пользѣ труда;

но фактъ—тотъ, что человѣчество труда не любитъ, отъ него бѣжитъ. Мы нуждаемся въ игрѣ, а не въ работѣ. Намъ нужно развитіе мускуловъ и умственныхъ силъ, но все это служитъ намъ на потребу и отраду лишь до тѣхъ поръ, пока надъ нами не тяготѣетъ принужденіе. И оттого всякая дѣятельность, по Г. З., есть „не что иное, какъ мостъ между двумя состояніями лѣности, который культура старается укоротить". Бѣдное человѣчество, тяготѣя къ блаженству лѣни, на самомъ дѣлѣ превратилось въ чернорабочаго: въ этомъ его трагедія, насмѣшка судьбы. И мы такъ уже привыкли къ своей каторгѣ, что забыли о конечной цѣли трудовъ—о счастьи отдыха. Средство заслонило передъ нами цѣль. Характерно, что, какъ бы вспоминая утерянную нѣгу райской лѣни, человѣчество до сихъ поръ особенно поклоняется тому, кто творитъ безъ усилій, движется по линіи наименьшаго сопротивленія. Оно вѣнчаетъ лаврами великаго лѣнивца—генія; ибо для Г. З. культъ геніальности, это культъ лѣни. Отсутствіе напряженій, грація, больше всего чаруетъ насъ. Изящно играя своей основной идеей, авторъ даже въ абстракціи, въ обобщеніи, въ законѣ природы видитъ проявленіе все той же лѣности, которая побуждаетъ насъ замѣнять работу надъ отдѣльными фактами жизни какой-нибудь единой схемой, экономизирующей наши силы. „А практическое примѣненіе нашего знанія законовъ природы къ машинѣ? Отчего мы не работаемъ больше руками, но откупаемся отъ работы, ставя между собой и своими потребностями стальныхъ рабовъ, такъ часто дѣлающихся нашими господами?" Истинное маховое колесо, которое приводитъ въ движеніе всѣ машины, это лѣность. Вообще, лѣнь есть начало положительное, потому что она—цѣль всѣхъ стремленій, „субстанція души"; и то, что въ природѣ является сохраненіемъ энергіи, это въ человѣческомъ мірѣ—сохраненіе лѣности. И когда-нибудь отдохнутъ, въ тишинѣ лѣни остановятся движущіеся нынѣ міровые атомы, и тогда начнется „вѣчное царство космической лѣности". Въ немногіе часы отдыха, въ кратковременную субботу своего духа, человѣческій микрокосмъ предчувствуетъ теперь грядущую судьбу вселенной—безпредѣльную лѣнь міра. И философія, заключаетъ Г. З., сознавъ это, должна въ самой себѣ осуществить абсолютный законъ бытія, т.-е. предаться лѣни, т.-е. умолкнуть...

Г. З. шутитъ, но читатель видитъ, что его этюдъ представляетъ собою не только шалость живой мысли, но и намѣчаетъ очень важныя перспективы и въ области психологіи, и въ области соціологіи. И такъ характеренъ для современнаго усталаго человѣка этотъ гимнъ лѣности, этотъ вопль объ отдыхѣ!...

Жаль, что изящная статья нѣмецкаго философа во многихъ мѣстахъ русскаго перевода превратилась въ нѣчто тяжелое и некрасивое.

Ем. Стратоновъ Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. М., 1906 г. Ц. 25 к. Наша средняя школа, по мнѣнію автора, попала въ трагическое положеніе. Всѣ: родители, учащіе, учащіеся и начальствующіе, признаютъ ненормальность средней школы, несоотвѣтствіе ея задачъ съ дѣломъ, всѣ недовольны уставомъ средней школы и ея программой, всѣ чувствуютъ себя безсильными бороться съ существующей школой и, попрежнему, всѣ своимъ участіемъ въ ней такъ или иначе поддерживаютъ ее. Только одно новое законодательство по силамъ возродитъ среднюю школу для дѣйствительнаго и оправдывающаго себя существованія. Здѣсь открывается большая и важная работа для печати и общества. Полная реформа школы, по мнѣнію Е. Стратонова, вопросъ будущаго, хотя недалекаго. Необходимо, нако-

нецъ, дѣйствительно отдѣлаться отъ коренныхъ ошибокъ въ постановкѣ обученія въ средней школѣ. Возрожденіе должно быть проведено на началахъ законности и свободы, средняя школа должна быть исключительно учебно-воспитательнымъ учрежденіемъ. Соединеніе учебно-воспитательнаго дѣла съ раздачей аттестатовъ—роковая ошибка. Школа должна дать знанія. Провѣркой этихъ знаній, кому она нужна, можетъ заняться правительство, устраивая государственные экзамены, независимо отъ школы; только тогда учитель изъ своей судейско-полицейской роли можетъ перейти къ прямой своей обязанности—дать нужныя знанія ввѣреннымъ ему юношамъ. При уничтоженіи „испытаній“ само собою уничтожется ненужная балльная система, все равно, никогда не достигающая своей цѣли—оцѣнки знаній. Затѣмъ должно быть уничтожено несоотвѣтствіе учебныхъ программъ съ настоящими потребностями учащихся, должно быть уничтожено разногласіе, существующее между этими программами и программами высшей школы. Должны быть введены новые предметы и сильно измѣнены прежніе,—причемъ всегда должна имѣться въ виду цѣль—„общеобразовательность“ средней школы. Должна быть сокращена вредная продолжительность ежедневныхъ занятій и уничтожено переполненіе классовъ, которое дѣлаетъ невозможнымъ равномѣрное занятіе со всѣми учениками. Въ частности авторъ указываетъ на необходимость полнаго уничтоженія пансіоновъ, которые дѣйствуютъ разлагающе на душу ученика, и на уничтоженіе класснаго наставничества, превратившагося въ лицемѣрную обязанность, унизительную для учителя и безполезную для ученика. Очевидно, долженъ быть уничтоженъ и полицейскій внѣшкольный надзоръ за учениками, возлагаемый на всѣхъ преподавателей.

Въ виду всего вышеизложеннаго, средняя школа должна быть едина и свободна. Отвѣтственнымъ за положеніе, состояніе и жизнь средней школы органомъ является педагогическій совѣтъ. Онъ выбираетъ изъ своей среды распорядителей въ текущихъ и другихъ дѣлахъ. Педагогическій персоналъ состоитъ изъ лицъ, по положенію равныхъ и независимыхъ; необходимы съѣзды педагоговъ, педагогическіе курсы и т. п. Содержаніе учителя должно быть штатнымъ, а не поурочнымъ, соотвѣтственно съ необходимымъ для личныхъ образовательныхъ занятій досугомъ. Сообразно съ этимъ, плата за ученіе должна быть сокращена до минимума и доступъ въ школу открытъ для всѣхъ. Число классовъ можетъ быть сокращено до шести, число уроковъ въ день до четырехъ, число учениковъ въ классѣ до тридцати. Репетиціи должны преслѣдовать цѣль обобщенія усвоеннаго. Частному почину въ дѣлѣ открытія новыхъ средныхъ школъ правительство должно приходить на помощь всѣми средствами.

Таковы главнѣйшія положенія автора. Большинство изъ нихъ довольно подробно разработаны какъ въ спеціально педагогической печати, такъ и въ общей прессѣ. Всѣ они безусловно справедливы. Обществу и печати предстоитъ еще пересмотрѣть каждую деталь отдѣльно, лишь бы только со стороны правительства было замѣтно неуклонное желаніе оживить школу и уничтожить мертвую рутину, прочно утвердившуюся въ ней. Вопросъ о средней школѣ—вопросъ неотложный, проклятый, и рѣшеніе его должно состояться въ самомъ близкомъ будущемъ, иначе обществу опять придется имѣть дѣло съ тѣми ненормальными явленіями, которыя во всей своей силѣ проявились въ средней школѣ въ 1905—1906 учебномъ году. Родители должны позаботиться о судьбѣ и о положеніи своихъ дѣтей.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БІОГРАФІИ.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I.—Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Т. I. Составъ. *П. Бирюковъ.*

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ I. М., 1906 г. Ц. 1 р. 50 к. Очерки, вошедшіе въ этотъ сборникъ, появились первоначально въ *Научномъ Словѣ*, *Русской Мысли*, *Вѣстникѣ Воспитанія* и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Они пересмотрѣны и дополнены авторомъ. Въ первомъ выпускѣ напечатано семнадцать *силуэтовъ*, отъ Батюшкова до Чехова. Авторъ не имѣлъ въ виду исторической перспективы, и выборъ писателей поэтому въ извѣстной мѣрѣ случаенъ. Написаны очерки съ основательнымъ знаніемъ писателей и съ внимательною любовью къ нимъ, изящнымъ языкомъ, съ тонкими психологическими штрихами. Нужно замѣтить, что изящность изложенія иногда переходитъ у г. Айхенвальда въ изысканность и вычурность.

Мы не раздѣляемъ основъ міропониманія г. Айхенвальда, но въ его очеркахъ такъ много чуткости къ красотѣ и правдѣ, такъ много человѣчности, что онъ самъ нерѣдко пишетъ *стихотворенія въ прозѣ*.

Нѣсколько натянутой кажется намъ „сравнительная характеристика“ Плещеева и Помяловскаго: основаніемъ для нея послужила общая обоимъ писателямъ любовь къ дѣтямъ и къ молодости.

Передъ силуэтомъ каждаго писателя въ книгѣ помѣщенъ его маленькій портретъ. Желаемъ широкаго распространенія этой прекрасной книгѣ.

Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Томъ I. Съ 29 иллюстраціями. По неизданнымъ матеріаламъ составилъ П. Бирюковъ. Изд. „Посредника“. М., 1906 г. Ц 2 р. Г. Бирюковъ давно и близко знаетъ Л. Н. Толстого, горячій поклонникъ его ученія и располагаетъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для жизнеописанія великаго писателя. Онъ имѣлъ возможность пользоваться письмами и воспоминаніями творца *Войны и Мира*.

Работа затруднялась тѣмъ, что П. И. Бирюковъ былъ въ ссылкѣ за границею за свои религіозно-нравственныя убѣжденія (теперь ему разрѣшено вернуться въ Россію и онъ съѣздилъ въ Ясную Поляну, чтобы побесѣдовать съ Львомъ Николаевичемъ и прочесть его дневники и переписку). Воспоминанія Толстого о своемъ дѣтствѣ, о своихъ родныхъ и многія частныя его письма появляются въ печати впервые.

Трудъ П. И. Бирюкова разсчитанъ на три тома. Вышедшій заканчивается женитьбою Толстого. Въ введеніи къ своимъ воспоминаніямъ-наброскамъ Л. Н. Толстой пишетъ: „...моя біографія, какъ пишутъ обыкновенно біографіи, съ умолчаніемъ о всей гадости и преступности моей жизни, была бы ложь, и если писать біографію, то надо писать всю настоящую правду“.

Матеріалъ въ біографіи данъ очень интересный, но, какъ оговаривается самъ г. Бирюковъ, его трудъ является лишь сборникомъ этихъ матеріаловъ.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

А. Флеровъ. Дѣтскій другъ Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму.—*А. Коваленская.* Разсказы и сказки для дѣтей. *А. Алтаевъ.* Подъ знаменемъ башмака.—Пѣсни горькой доли. Стихотворенія *А. К. Львова.*—*Павелъ Россіевъ.* Стрѣла друга. Сказка.—*М. Сабинина.* Доисторическій человѣкъ.—*Н. К. Рамзевичъ.* Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. *П. И. Межеричеръ.* Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовительнымъ курсомъ начальнаго черченія —Собраніе всѣхъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Составъ. *А. А. Козакъ.*

А. Флеровъ. Дѣтскій другъ. Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изданіе К. Тихомирова. М., 1906 г. Ц. 75 к. Букварь Флерова ничего не прибавляетъ къ массѣ букварей и азбучекъ, обращающихся у насъ на книжномъ рынкѣ, если не считать трехъ таблицъ-картинокъ въ концѣ книжки, безъ подписей, изображающихъ рядъ послѣдовательныхъ сценъ съ вопросомъ: „разскажите, что изображено на этой картинкѣ". Можно сдѣлать замѣчаніе по поводу содержанія первой таблицы; въ ней изображено, какъ мальчикъ играетъ съ собакой, затѣмъ лежитъ въ постели и далѣе въ гробу; послѣднія двѣ картинки изображаютъ собаку, сидящую около могильнаго креста на вѣнкѣ, и собаку издохшую и лежащую подъ крестомъ на смятомъ вѣнкѣ. Все это неестественно и пошло-сантиментально, дѣтямъ это можетъ нравиться, но опытный педагогъ долженъ сообщать разумныя и здоровыя свѣдѣнія, бодрую мораль, а не слезливыя нравоученія. Точно также не годится и разсказъ, который мы выписываемъ цѣликомъ: „У Пети и Вани шла игра вотъ такъ: они будто овцы, били другъ друга лобъ о лобъ. Игра была плоха: у Вани стала шишка на лбу, а у Пети на глазу". Приведенъ рисунокъ, изображающій, какъ Ваня и Петя били другъ друга *лобъ о лобъ*. Разсказъ непедагогиченъ по своему содержанію и изложенъ очень плохо. Непонятно выраженіе „бить другъ друга лобъ о лобъ", затѣмъ авторъ видимо перепуталъ овецъ съ баранами, наконецъ, *шишка* не можетъ быть *на глазу*, а особенно *стать*". Въ букварѣ много посредственныхъ рисунковъ, исполненныхъ довольно обычно. Печать сдѣлана неровно, попадаются давленыя буквы, что портитъ изданіе и, при обученіи, развлекаетъ вниманіе дѣтей. Расположеніе матеріала сдѣлано по обычному шаблону принятыхъ у насъ въ школахъ и одобряемыхъ начальствомъ букварей.

А. Коваленская. Разсказы и сказки для дѣтей. Съ рисунками А. Кучеренко. М., 1906 г. Ц. 1 р. Писать о дѣтяхъ еще не значитъ писать для дѣтей. Хорошая книжка для дѣтей будетъ съ интересомъ прочитана и взрослымъ читателемъ. Взять хотя бы для примѣра одинъ изъ многихъ разсказовъ для дѣтей Д. Н. Мамина-Сибиряка или Вас. И. Немировича-Данченко. О дѣтяхъ же можно писать и только для взрослыхъ, и взрослые съ удовольствіемъ читаютъ такіе разсказы,—для примѣра можно указать на рядъ такихъ разсказовъ о дѣтяхъ у А. П. Чехова. Для кого же написанъ г-жей Коваленской огромный томъ почти въ 250 страницъ большого формата съ убористой печатью? Этотъ вопросъ является невольно по детальномъ ознакомленіи съ книгой. Прежде всего слогъ г-жи Коваленской слишкомъ тяжелъ и мало понятенъ не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Нерѣдко г-жа Коваленская пользуется періодами по десятку строкъ съ вводными предложеніями, причастіями и дѣепричастіями, т.-е. выражается по-русски такъ, какъ никто и никогда не говоритъ, тогда какъ писатель для дѣтей долженъ

пользоваться короткими законченными предложеніями и его слогъ долженъ приближаться къ разговорному языку, дающему сразу опредѣленные конкретные образы. Такой пріемъ пользованія русскимъ языкомъ, видимо совершенно незнакомъ г-жѣ Коваленской, и она даже, какъ будто нарочно, избѣгаетъ его, наполняя свою фразу излишними словами, затемняя ее трудными оборотами рѣчи и малоупотребительными выраженіями.

Труднѣе всего читаются дѣтьми разсужденія и описанія. Какъ разъ этими разсужденіями и очень блѣдными, но зато очень длинными, описаніями заполнены подъ рядъ цѣлыя страницы книги. Иногда фабула разсказа начинается черезъ нѣсколько страницъ послѣ заглавія. Разсказу предшествуютъ долгія разглагольствованія съ потугами на добродушіе о томъ, каковы бываютъ старички и старушки и какъ часто случается, что живется имъ не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ и т. п.... Такія введенія только утомляютъ вниманіе дѣтей, ничего не даютъ ихъ воображенію и нисколько не удовлетворяютъ ихъ любознательности; а если выкинуть всѣ эти разглагольствованія, иногда переходящія въ пустую болтовню, то отъ книги г-жи Коваленской не останется и одной четверти.

Кругъ наблюденій у г-жи Коваленской очень не великъ, поэтому фабула разсказовъ всегда очень обычна, однообразна и незанимательна; иногда же она настолько отличается своей придуманностью, что всякій мало-мальски здоровый ребенокъ, познакомившись съ такимъ разсказомъ, какъ, напримѣръ, „Андрюшка“,—долженъ надолго потерять охоту къ чтенію дѣтскихъ книжекъ. Разсказъ заключается въ томъ, что дядя, подарившій своей внучкѣ большую куклу—мальчика (Андрюшку), шутя, отнялъ ее у внучки; внучка, неестественно нервная и впечатлительная дѣвочка, плачетъ и молитъ дядю не разбивать куклу, а дядя шутитъ и грозится разбить (очень умный дядя!). Нечаянно кукла выпадаетъ изъ его рукъ и разбивается, съ дѣвочкой дѣлается истерика, затѣмъ наступаетъ долгая болѣзнь. Кажется, тутъ и долженъ быть конецъ съ нравоученіемъ для дѣтей—не пугать и не дразнить дѣтей, но г-жа Коваленская продолжаетъ далѣе.—Какая-то казачка разсказывала немного оправившейся отъ болѣзни дѣвочкѣ быль про Пугачева съ нравоученіемъ изъ Отче Нашъ—„И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“. Это нравоученіе такъ поразило дѣвочку, что она только тутъ поняла, что не надо ненавидѣть „должника“—дядю, а надо простить ему разбитую куклу. Она прощаетъ дядю и поэтому выздоравливаетъ, а дядя даритъ ей другую куклу.—Все это настолько выдумано, настолько болѣзненно неестественно, мораль настолько искусственно „притянута за уши“, что читать дѣтямъ такіе разсказы не должны даже и умные дяди, для забавы отнимающіе игрушку у дѣтей.

Поэтому, въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ началѣ нашей рецензіи,—для кого написанъ этотъ огромный томъ?—мы можемъ категорически отвѣтить:—ни для кого.

А. Алтаевъ. Подъ знаменемъ Башмака. Крестьянская война въ Германіи. Историческая повѣсть изъ XVI вѣка съ рисунками художника К. Фридберга. Спб., 1906 г. Ц. 50 к. Прекрасная повѣсть г. Алтаева прочтется съ интересомъ не только юнымъ читателемъ, но и всякимъ, кто въ исторической беллетристикѣ находитъ возможность познакомиться съ бытовой стороной и настроеніемъ описываемаго момента. Трудно перенестись въ эпоху, отдѣленную отъ насъ нѣсколькими вѣками, тѣмъ болѣе трудно перенестись въ исторію чуждаго намъ на-

рода, но такой историческій моментъ, какъ народное возстаніе, всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто общечеловѣческое, говорящее сердцу каждаго, поэтому сюжетъ, взятый г. Алтаевымъ, очень благодаренъ. Но и помимо этого такой сюжетъ вполнѣ подходитъ къ таланту автора, которому особенно удаются въ его повѣстяхъ для юношества именно героическіе сюжеты. Между тѣмъ трудно представить себѣ героя болѣе идеальнаго и вдохновеннаго, чѣмъ Ѳома Мюнстеръ, герой крестьянской войны, и его прекрасная, благородная, прямая и пламенная натура живо выступаетъ на общемъ фонѣ народнаго движенія съ неизбѣжными спутниками такого движенія—взрывомъ страстей, ужасами убійствъ, надеждами и разочарованіемъ. Но не одна фигура Мюнстера удачно обрисована въ повѣсти г. Алтаева; довольно живы также и прочія дѣйствующія лица разсказа, причемъ авторъ нигдѣ не прибѣгаетъ къ ненужнымъ патетическимъ пріемамъ. Онъ разсказываетъ просто и интересно, почему повѣсть его понятна читателю всякаго возраста. Особенно удачно введена въ разсказъ фигура молоденькой дѣвушки Гретель, лица эпизодическаго и не имѣющаго прямого отношенія къ событіямъ, но тѣмъ не менѣе всѣмъ своимъ нѣжнымъ, неземнымъ обликомъ характеризующаго высшій подъемъ человѣческаго духа, являющійся всегда спутникомъ борьбы за свободу. Книжка издана хорошо и рисунки г. Фридберга исполнены въ общемъ недурно и временами характерно.

Для школы и народа. Пѣсни горькой доли. Стихотворенія А. К. Львова, съ его автобіографіей. Н.-Новгородъ, 1906 г. Ц. 25 к.

„Счастливъ тотъ, кому природой
Страсть глубокая дана,
Кѣмъ владѣетъ до могилы
Цѣль могучая одна!
Но глубоко тотъ несчастливъ,
Кто желаннаго пути
Ищетъ долго, но не можетъ
Клада этого найти!“

Мы нарочно выписали это коротенькое стихотвореніе г. Львова, потому что оно кажется намъ особенно характернымъ для самого автора и какъ бы ключомъ для всѣхъ прочихъ его стихотвореній. Вся книжка его представляетъ изъ себя одинъ сплошной вопль, вопль, какъ вѣрно характеризуетъ его авторъ, „о горькой долѣ“. Но вопросъ только въ томъ, что же именно вырываетъ изъ его груди этотъ вопль? Мировая ли скорбь, „страсть ли глубокая“, или „цѣль могучая“, владѣющая человѣкомъ до могилы, не осуществившаяся въ жизни? Нѣтъ, тщетно стали бы мы искать чего-нибудь подобнаго въ „Пѣсняхъ о горькой долѣ“ г. Львова. Пѣсни эти почти всѣ, за немногими исключеніями, посвящены личнымъ житейскимъ невзгодамъ, личнымъ горестямъ, и изъ нихъ ясно вырисовывается обликъ самого поэта, который „желаннаго пути ищетъ долго, но не можетъ клада этого найти“. Впрочемъ, г. Львовъ и не поэтъ совсѣмъ, пишетъ же онъ стихи все по той же причинѣ, что не находитъ собственнаго пути въ жизни, и стихи его не блещутъ художественными красотами. Вы бы даже не стали останавливаться на нихъ, если бы сквозь обликъ поэта средней руки не проглядывалъ въ его стихотвореніяхъ, а также въ его автобіографіи, обликъ хорошаго, чуткаго человѣка, ищущаго правды и страдающаго отъ житейской пошлости, что такъ часто встрѣчается въ жизни.

Павелъ Россіевъ. Стрѣла друга. Сказка. Съ рисунками П. Ф. Яковлева. Изд. В. Спиридонова. Москва, 1905 г. Ц. 15 к. Сказка „Стрѣла друга“ издана изящно на прекрасной бумагѣ съ нѣсколькими

хорошими рисунками. Текстъ ея хотя не отличается оригинальностью, но недуренъ, и книжка годится, какъ недорогой и довольно изящный подарокъ дѣтямъ. Но зачѣмъ понадобилось автору въ простую дѣтскую сказочку про звѣрей вплетать какую-то неудобопонятную и мизантропическую мораль—непонятно. Что стрѣла друга больнѣе всѣхъ другихъ стрѣлъ,—довольно старая истина, но дѣтямъ младшаго возраста, для которыхъ только и можетъ предназначаться подобная книжка, право, менѣе всего дѣла до такихъ тонкостей.

М. Сабинина. Доисторическій человѣкъ. Изъ жизни природы и человѣка. № 64. Съ 29 рисунками. Издательство О. Н. Поповой. Спб., 1906. Намъ уже приходилось говорить на страницахъ *Русской Мысли* объ обиліи у насъ популярной литературы, посвященной доисторическому времени, какъ оригинальной, такъ и переводной. Книга г-жи М. Сабининой не представляетъ изъ себя цѣннаго прибавленія къ уже существующей у насъ литературѣ по первобытной культурѣ. Она написана просто и ясно и обнаруживаетъ знакомство автора со старой научной литературой предмета. Но новыми трудами нѣмецкой журнальной литературы и особенно цѣнной книгой Schurz'a (Urgeschichte der Kultur) г-жа Сабинина, повидимому, не пользовалась. Иначе она бы поостереглась выставлять преемственную смѣну охотничьяго періода скотоводческимъ и послѣдняго земледѣльческимъ въ качествѣ непреложной и абсолютно справедливой теоріи; она нашла бы также возможнымъ наполнить болѣе содержательнымъ по качеству и обширнымъ по количеству матеріаломъ главу о духовномъ развитіи человѣка, содержащую только 6 страницъ и наполненную слишкомъ элементарными даже и для популярной книжки свѣдѣніями о возникновеніи языка, письма, религіозныхъ и нравственныхъ представленій. За вычетомъ этой главы, почти вся остальная часть книги посвящена описанію памятниковъ матеріальной культуры; это описаніе произведено съ знаніемъ дѣла, но... вѣдь памятники матеріальной культуры уже много разъ и съ неменьшей добросовѣстностью были описаны въ нашей литературѣ и раньше.

Изъ частныхъ недочетовъ укажемъ на въ высшей степени легкомысленную попытку объяснить возникновеніе человѣческихъ обществъ тѣмъ, что первобытный человѣкъ „понялъ (!), что „въ соединеніи—сила“ и сталъ образовывать многолюдныя общества и государства, чтобы успѣшнѣе бороться съ врагами и грозными явленіями природы“ (4 стр.). Объяснять возникновеніе общества сознательной рѣшимостью людей соединяться въ общественные союзы было извинительно для ученыхъ XVIII вѣка, но въ наше время—это уже нѣсколько ахронистично. Также неудачна попытка г-жи Сабининой объяснить возникновеніе нравственныхъ понятій у первобытнаго человѣка тѣмъ, что онъ, „задумываясь надъ своими поступками по отношенію къ ближнимъ“, почувствовалъ, „что есть такія правила, исполненіе которыхъ составляетъ его долгъ или обязанность, иначе совѣсть станетъ упрекать его за дурныя дѣла“. Какъ историкъ, авторъ могъ имѣть много случаевъ убѣдиться, что нравственныя понятія у первобытныхъ людей обыкновенно возникаютъ подъ вліяніемъ мотивовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ индивидуальнымъ сознаніемъ долга, и обусловливаются фактами не психологическаго, а соціальнаго характера.

Общее заключеніе о книгѣ г-жи Сабининой должно быть таково: при настоящемъ состояніи популярной литературы на русскомъ языкѣ по первобытной культурѣ, появленіе этой книги на книжномъ рынкѣ является излишнимъ; но для читателя, интересующагося по преимуществу матеріальной культурой, книга г-жи Сабининой можетъ оказаться полез-

ной въ томъ случаѣ, если онъ не читалъ популярныхъ книжекъ Рагозиной, Карапчевскаго и др. или болѣе обширныхъ научныхъ книгъ (Липпертъ, Тайлоръ, Шурцъ и др.).

Н. К. Рамзевичъ. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. С.-Петербургъ, 1905 г. Ц. 2 р. „Настоящій словарь,—говоритъ въ предисловіи составитель,—предлагается въ качествѣ опыта справочнаго пособія премущественно при самостоятельныхъ занятіяхъ учениковъ и ежедневномъ домашнемъ спѣшномъ приготовленіи уроковъ по учебникамъ, а также при пользованіи разнаго рода руководствами и книгами ученической библіотеки". Итакъ, составитель ставитъ себѣ три цѣли: 1) помощь при самостоятельныхъ занятіяхъ, 2) помощь при ежедневномъ домашнемъ приготовленіи уроковъ и 3) помощь при чтеніи книгъ. Вторую изъ указанныхъ цѣлей слѣдуетъ считать прямо неосуществимой: у насъ учебники дороги, на что слышатся постоянныя жалобы родителей учащихся, а потому разсчитывать, чтобы тѣ же родители, издержавъ значительную сумму на учебники, истратили еще два рубля на словарь г. Рамзевича, не представляется никакой возможности. Что касается до 1-ой и 3-ьей цѣлей, то онѣ выставлены практично, и г. Рамзевичъ удовлетворяетъ этимъ цѣлямъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что даетъ довольно краткія, но ясныя и вразумительныя разъясненія словъ. Особой полнотой однако его словарь похвалиться не можетъ, и мы, напримѣръ, не нашли въ немъ такихъ словъ, какъ *анкета, культура,* которыя такъ часто удотребляются въ настоящее время не въ книгахъ только, а и въ газетахъ. Наконецъ, приложенія къ словарю, въ которыхъ помѣщены наиболѣе употребительные или вообще встрѣчающіеся условные знаки, надо признать умѣстными.

П. И. Межеричеръ. Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія съ подготовительнымъ курсомъ начальнаго черченія. Для ремесленныхъ, техническихъ и др. училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ и для самообученія. Съ 255 фиг. въ текстѣ. Спб., 1906 г. Изданіе А. Ф. Девріена. Мы имѣли уже случай познакомиться съ г. Межеричеромъ по его „Геометріи". (См. библ. отд. кн. VIII) И въ этотъ разъ, какъ и въ прошлый, намъ приходится констатировать особенную добросовѣстность, которую проявилъ авторъ означенныхъ двухъ трудовъ. „Настоящая книга содержитъ общедоступно изложенный систематическій курсъ черченія въ объемѣ, необходимомъ и достаточномъ, по моему мнѣнію, для сознательнаго усвоенія этого наиболѣе важнаго для каждаго техника предмета". Таковы первыя строки предисловія къ „Общедоступному курсу" г. Межеричера. Намъ кажется нѣсколько ошибочнымъ мнѣніе автора означеннаго труда о значеніи черченія: неужели это предметъ „наиболѣе важный" для техника? Мы думаемъ, что математика во всемъ ея объемѣ, спеціальные предметы и т. д., всѣ являются не менѣе важными; можетъ быть, г. Межеричеръ хотѣлъ сказать „одинъ изъ наиболѣе важныхъ?" Противъ такой постановки этого вопроса мы бы не имѣли никакихъ возраженій.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ указываетъ на то обстоятельство, что чертежи должны были быть уменьшены въ размѣрѣ (въ виду объема книги), что, конечно, не должно служить примѣромъ для учащихся, исполняющихъ эти чертежи. „Учащіеся должны вычерчивать детали въ гораздо большемъ масштабѣ, но отнюдь не копируя чертежей". (Пред.). Копированіе чертежей является совершенно безполезной работой, такъ какъ при машиностроительномъ черченіи наиболѣе важной задачей „является самостоятельный разсчетъ и конструкція детали для

практическихъ цѣлей"... Весьма важно то прибавленіе, которое помѣщено въ концѣ книги: предметный указатель, дѣлающій означенный трудъ годнымъ и для справочнаго употребленія. Изданіе, какъ вообще всѣ изданія Девріена, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Собраніе всѣхъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Необходимое пособіе гимназистамъ и реалистамъ съ III—VIII-й классы и держащимъ конкурсные экзамены въ спеціальныя учебныя заведенія. Составилъ А. А. Козакъ. Спб., 1905 г. Читатель не можетъ не обратить вниманія на широковѣщательное заглавіе предлагаемой для отзыва брошюрки: собраніе всѣхъ формулъ, да еще необходимое! Лежащій передъ нами „трудъ" представляетъ миніатюрное изданіе ($^1/_{32}$ листа); нельзя не понять истинной цѣли, заставившей издателя выпустить „трудъ" именно въ такомъ форматѣ. Сколько педагоговъ и профессоровъ могутъ быть обмануты съ подобнаго рода помощью; сколькимъ молодымъ людямъ поможетъ „добрый" издатель такого пособія! Насъ поражаетъ та беззастѣнчивость, съ какой выпускаются подобнаго рода пособія. Не говоря уже о томъ, что теперешніе экзамены для поступленія въ спеціальныя учебныя заведенія превратились въ какія-то скачки съ препятствіями, въ которыхъ приходятъ къ столбу первыми не наиболѣе знающіе, а тѣ, кому повезетъ удачно отвѣтить на хитроумные вопросы, предлагаемые экзаменаторами. До появленія подобнаго рода пособій шли на экзаменъ съ кое-какими знаніями (мы говоримъ о минимумѣ экзаменующихся), теперь же и этихъ знаній не будетъ, такъ какъ ихъ съ успѣхомъ смогутъ замѣнить изданія „Помощи" и tutti quanti! Мало того, изъ этого миніатюрнаго изданія издатель ухитрился сдѣлать для себя рекламу, въ видѣ объявленія новыхъ книгъ, выпускаемыхъ имъ съ той же цѣлью (изъ 64 листиковъ—22 посвящены объявленіямъ)! Мы должны указать еще одинъ вредъ подобнаго рода изданій: Гдѣ можно найти предѣлъ тѣхъ формулъ, которыя необходимы экзаменующемуся? По понятію однихъ и то количество формулъ, которое помѣщено въ „Собраніи", является излишнимъ, другіе же наоборотъ считаютъ эти формулы только частью необходимаго умственнаго багажа. Вообще нужно признать одно: поменьше подобнаго рода „подстрочныхъ" изданій и побольше знанія у экзаменующагося.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія „Посредника": *Наживинъ.* 1) Въ стѣнахъ. 2) Великая истина.—*Рунова.* Павлюкъ.—*Поступаевъ.* Не дошелъ.—*Златовратскій.* Деревенскій король.—*Горбуновъ-Посадовъ.* Въ Христову ночь и др. стихотв.—*Ѳомушкинъ.* Счастливый день Дудкина.—*А. Потанина.* 1) Разсказы о бурахъ. 2) Дорджи, бурятскій мальчикъ.—Несчастныя. Сборн. стихотв. Состав. *Горбуновъ-Посадовъ.*—*А. П.* Какъ жили первые люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась.

Изданія „Посредника": 1) Въ стѣнахъ. Повѣсть И. Наживина. Цѣна 6 к. 2) Павлюкъ. Разсказъ О. Руновой. Ц. за обрѣзанный экземпляръ $1^1/_2$ к., необрѣзанный 1 к. 3) Великая истина. Разсказъ И. Наживина. Ц. за обрѣзан. экзем. $1^1/_2$ к., необрѣз. 1 к. 4) Не дошелъ. Разсказъ Ѳ. Поступаева. Ц. $1^1/_2$ к. и 1 к. 5) Деревенскій король. Разсказъ Н. Н. Златовратскаго. Ц. 3 к. и $2^1/_2$ к. 6) И. Горбуновъ-Посадовъ. Наброски въ стихахъ. Выпускъ I. Въ Христову ночь и другія стихотворенія. Ц. $1^1/_2$ к. и 1 к. 7) Счастливый день Дудкина. Разсказъ К. Ѳомушкина. Ц. 10 к. 8) А.

Потанина. Разсказы о бурятахъ, ихъ вѣрѣ и обычаяхъ. Съ 14 рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 22 к. 9) Ея же. Дорджи, бурятскій мальчикъ. Съ 10 рисунк. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к. 10) Несчастныя. Сборникъ стихотвореній. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Ц. 5 к., на лучшей бумагѣ 15 к. Москва, 1905 г. Повѣсть И. Наживина „Въ стѣнахъ“ особенно характерна для нашего времени по своей идеѣ, и, написанная живо и художественно, она многое затронетъ въ сердцѣ читателя. Въ ней живописуется современный монастырь съ его формализмомъ и казенщиной, давящій въ своихъ стѣнахъ живую человѣческую душу, стремящуюся къ свѣту и истинѣ. Два героя этой повѣсти: монахи Иванъ и Іона, которыхъ злополучная судьба, не въ примѣръ другимъ монахамъ, надѣлила быстрымъ, пытливымъ умомъ и чуткою отзывчивою натурой, терзаются въ душевныхъ мукахъ, ища выхода изъ разлада, поселеннаго въ нихъ монастырскимъ режимомъ. Болѣе здоровый и молодой Иванъ, наконецъ, находитъ выходъ и бѣжитъ изъ монастыря въ міръ, а Іона, успѣвшій уже вкусить мірскихъ страстей до поступленія въ монастырь, продолжаетъ безконечно терзаться, пока, наконецъ, не сходитъ съ ума. Однако и тутъ монастырскій режимъ, столь ненавидимый Іоной и погубившій его, все же торжествуетъ и изъ несчастія Іоны извлекаетъ себѣ большую выгоду. Сумасшедшаго Іону онъ поставилъ на пьедесталъ блаженнаго, что послужило отличной приманкой для богомольцевъ, не замедлившихъ обогатить доселѣ скромную и бѣдную обитель. Менѣе сильно, но зато тепло написанъ другой разсказъ того же автора „Великая истина“, гдѣ передъ читателями проходитъ будничная, но глубокая драма двухъ существъ, положившихъ себя за други своя: молодого доктора и сестры милосердія, вмѣстѣ работавшихъ на эпидеміи, здѣсь же полюбившихъ другъ друга и здѣсь же разлученныхъ смертью. Разсказъ г-жи Руновой „Павлюкъ“ написанъ прекрасно. Авторъ не только владѣетъ хорошимъ и образнымъ языкомъ, но умѣетъ художественно нарисовать во весь ростъ живую фигуру. Герой разсказа Павлюкъ—настоящее Божіе дитя со всей чистотой и непосредственностью первобытнаго человѣка—трогателенъ въ высшей степени. Не менѣе удачны и другіе персонажи разсказа, изъ которыхъ нѣкоторые прямо типичны.

Не останавливаясь на разсказѣ Н. Н. Златовратскаго „Деревенскій король“, за достоинства котораго ручается имя самого автора, переходимъ къ болѣе слабымъ номерамъ изъ лежащихъ передъ нами выпусковъ изданія „Посредникъ“. Къ таковымъ слѣдуетъ прежде всего отнести разсказъ К. Ѳомушкина „Счастливый день Дудкина“ и разсказъ Ѳ. Поступаева „Не дошелъ“. Первый изъ этихъ разсказовъ отличается нѣкоторою слащавостью и длиннотами какъ въ описаніи событій, такъ и въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ. Второй же хоть и правдоподобенъ по сюжету, но написанъ такъ шаблонно, что, читая его, кажется, что уже много разъ все это гдѣ-то читалъ. Вообще оба разсказа не блещутъ художественными достоинствами, что, впрочемъ, отнюдь не отнимаетъ у нихъ права попасть въ школьную или народную библіотеку. Оба они имѣютъ сюжетомъ вещи, близкія для пониманія простолюдина, притомъ въ обоихъ лежитъ идея любви къ ближнему. Такія произведенія охотно и не безъ пользы читаются малообразованными читателями. Что касается до „Разсказовъ о бурятахъ“ г-жи Потаниной, то эта книжка кажется намъ менѣе подходящей для такого читателя. Никакихъ „разсказовъ“ въ ней собственно и нѣтъ, а есть сухой и обстоятельный, но совсѣмъ не интересный разсказъ автора объ его личныхъ наблюденіяхъ

надъ нравами бурятъ. Притомъ наблюдательность автора отнюдь не проникала въ глубь этихъ нравовъ, а ограничивалась довольно скучными предметами вродѣ пищи, одежды и самыхъ внѣшнихъ обычаевъ, благодаря чему вся книжка похожа на какой-то формальный отчетъ, а не на живой образный разсказъ, составляющій необходимое условіе всякой научной популяризаціи. Нѣсколько интереснѣе написанъ разсказъ того же автора „Дорджи—бурятскій мальчикъ“, хотя и тутъ видна неопытность авторской руки и неумѣніе справиться съ матеріаломъ. Наконецъ, въ заключеніе нашей замѣтки скажемъ о двухъ книжкахъ г. И. Горбунова-Посадова—сборникѣ стиховъ изъ разныхъ авторовъ подъ заглавіемъ „Несчастныя“, и его собственномъ сборникѣ стихотвореній „Въ Христову ночь“. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ стихотворенія, подобранныя съ опредѣленной тенденціей и посвященныя злосчастной женской долѣ. Пусть составитель съ свойственной ему вообще тенденціозностью искусственно соединяетъ имена и произведенія самыхъ различныхъ по своимъ убѣжденіямъ авторовъ, все же его книжка имѣетъ значеніе, и ее можно рекомендовать въ какія угодно библіотеки и пожелать ей самаго широкаго распространенія. Подборъ стихотвореній достаточно удаченъ, и передъ читателемъ получится довольно яркая картина вѣковой несправедливости, которая помимо общечеловѣческихъ страданій гнететъ цѣлую половину человѣческаго рода. Наконецъ, что касается до собственныхъ стихотвореній г. И. Горбунова-Посадова, то про нихъ нельзя сказать ничего, кромѣ хорошаго. Правда, авторъ не отличается крупнымъ художественнымъ дарованіемъ, и стихотворенія его не изобилуютъ яркими и сильными образами, но въ нихъ много живого неподдѣльнаго чувства и особенно чувства состраданія ко всему обездоленному и несчастному. Такія книжки полезны.

Изданіе вятскаго товарищества „Народная библіотека“. А. П. Какъ жили первые люди и какъ жизнь послѣ измѣнилась. № 57. Спб., 1906 г. Ц. 7 к. Разсматриваемая книжка представляетъ изъ себя удачную популяризацію такихъ научныхъ данныхъ, которыя особенно интересны для мало свѣдущаго читателя въ настоящее время пробудившейся мысли. Написанная живо и понятно, она прочтется легко, и ее можно было бы рекомендовать въ народныя и школьныя библіотеки, если бы щекотливость сюжета не требовала большой осторожности. Дѣло въ томъ, что подобнаго рода популяризаціи касаются самаго больного и самаго серьезнаго вопроса народнаго, а пожалуй, и общечеловѣческаго—это вопроса о религіозныхъ вѣрованіяхъ. Тамъ, гдѣ задѣваются эти вопросы, всегда требуется то или иное рѣшеніе ихъ, а между тѣмъ маленькая популярная брошюрка, конечно, не даетъ точнаго научнаго отвѣта неопытному уму малообразованнаго читателя. Но что она сдѣлаетъ непремѣнно, это заронитъ въ его душу довольно грустную тѣнь сомнѣнія, съ которою трудно справляются и развитые умы, имѣющіе подъ собою основательный научный фундаментъ. Мы отнюдь ничего не имѣемъ противъ распространенія въ народныхъ массахъ достовѣрныхъ истинъ, хотя бы знакомство съ ними и шло вразрѣзъ съ традиціями, результатомъ чего всегда является болѣе или менѣе усиленная душевная ломка. Намъ не нравится только тонъ разбираемой брошюры, который кажется намъ неосторожнымъ. Авторъ точно намѣренно желаетъ подчеркнуть всю непригодность тѣхъ идеальныхъ вѣрованій въ происхожденіе человѣка, какія давала до сего времени религія, и дѣлаетъ это самымъ задорнымъ образомъ, почему вся книжка его носитъ именно задорный характеръ. Въ народныхъ изданіяхъ, да еще касающихся важнѣйшей стороны народнаго міросозерцанія, подобный тонъ совершенно неумѣстенъ.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Что читать народу? Критич. указ. книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. III. Сост. при участіи *Х. Д. Алчевской*.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Томъ третій. Состав. при участіи Х. Д. Алчевской и др. Изд. Т—ва И. Д. Сытина. М., 1906 г. Ц. 1 р. 75 коп. Было время, когда выходъ каждаго объемистаго тома трудовъ харьковскихъ учительницъ составлялъ событіе въ педагогическомъ мірѣ. Еще года 4 назадъ учащіе народныхъ школъ много говорили о III томѣ „что читать народу“; его всѣ ждали. Наконецъ, онъ вышелъ. И что же? Его встрѣтило всеобщее равнодушіе. И это въ то время, когда отовсюду несутся требованія хорошаго систематическаго указателя книгъ, вышедшихъ за 2 послѣднихъ года, когда многочисленные рекомендательные списки, какъ они ни слабы, какъ ни спѣшно составлены, расходятся въ громадномъ количествѣ и съ неимовѣрной быстротой. Почему же всѣ такъ равнодушны къ III тому „Что читать народу?“

Заглянемъ внутрь этого объемистаго труда, въ которомъ на 32 печатныхъ листахъ даны отзывы о 1,674 книгахъ и который, несмотря на всѣ его хорошія качества съ внѣшней стороны, стоитъ всего 1 руб. 75 к. Минуя обильный, въ 112 книгъ, I духовно-нравственный отдѣлъ, остановимся на II—литературномъ, занимающемъ почти половину тома (624 отзыва). Къ великому изумленію мы встрѣчаемъ здѣсь все старыхъ знакомцевъ 80-хъ годовъ: тѣ же изданія „для дѣтей и народа“ Клюкина, Жаркова, Аскарханова, Сытина, тѣхъ же „Бабушекъ Аленъ“, „Дѣдушекъ русскаго флота“, „Ѳомокъ“ и „Ѳомъ“, „Онуфричей“, „Чернецовъ“, „Пёсиковъ“, „Петины просьбы“ и т. д. и т. д., тѣхъ же во блаженномъ успеніи Полевыхъ, Кругловыхъ, Козловыхъ, Тютчевыхъ, Лухмановыхъ, Васильевыхъ, Добротворскихъ и пр. и пр., имена ихъ же ты, Господи, вѣси. Да, все покойнички, все ветошь изъ печальной памяти каталоговъ министерства народнаго просвѣщенія. Встрѣчаются, правда, въ видѣ отдѣльныхъ рѣдкихъ блесточекъ и книжки *Донской Рѣчи*, Раппа, но изъ этихъ изданій выбрано только самое скромное. И понятно, здѣсь, гдѣ ото всего пахнетъ елеемъ и ладаномъ, не мѣсто новой беллетристикѣ, которою зачитывается вся борющаяся за новыя начала жизни, вся кровью истекающая Россія; не мѣсто „Молоту“ и „Колоколу“, не мѣсто „Народной волѣ“, Землѣ и волѣ“, „Молодой Россіи“, „Народной мысли“ и великому множеству другихъ имъ подобныхъ изданій послѣднихъ двухъ лѣтъ. Не мѣсто здѣсь и такимъ романамъ, какъ Джіованіоли „Спартакъ“, Эркманъ-Шатріана „Исторія одного крестьянина“, Франсоза „Борьба за право“, Ежа „На разсвѣтѣ“, Швейцера „Эмма“, Степняка „Въ 70-хъ годахъ“, сочиненія Франко, Золя, Гауптмана, Поленца, Морриса, Грушецкаго... Да и мало ли еще чему здѣсь нѣтъ мѣста. Даже корифеямъ русской художественной литературы и публицистики и критики—Добролюбову, Писареву, Герцену, Чернышевскому, Лаврову, Михайловскому, Щедрину, Г. Успенскому, Короленку, Чехову, Горькому, Мельшину, Астыреву, Тану, Сѣрошевскому, наконецъ, самому Льву Николаевичу Толстому *) не нашлось

*) О нѣкоторыхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, вышедшихъ до 80-хъ гг., какъ и о сочиненіяхъ Тургенева (далеко не о всѣхъ), Гончарова, Достоевскаго (далеко не о всѣхъ), Островскаго, Гоголя, Некрасова (о нѣкоторыхъ только стихотвореніяхъ), Никитина, Пушкина, насколько помнится, были отзывы въ первыхъ двухъ томахъ.

мѣста въ III томѣ „Что читать народу?“ Вообще въ него не вошло ни одно собраніе сочиненій извѣстныхъ и лучшихъ писателей ни русскихъ, ни иностранныхъ, среди которыхъ теперь такъ много стало народныхъ любимцевъ. Даже I и II томы, изданные въ началѣ и концѣ 80-хъ гг., лучше смотрѣли на „дитя-народъ“. Книги по исторіи всеобщей и русской литературы и совсѣмъ отсутствуютъ въ каталогѣ.

Указанное отношеніе харьковскихъ педагоговъ къ народной нуждѣ въ знаніи царитъ и въ историческомъ отдѣлѣ. И здѣсь среди анекдотовъ и обрывковъ въ духѣ и силѣ министерскихъ каталоговъ (при очень странной классификаціи книгъ) вкраплено съ пятокъ наиболѣе благонамѣренныхъ брошюрокъ *Донской Рѣчи* по русской исторіи да какимъ-то чудомъ занесены сюда „Марсельцы“ Гра, „Разсказы изъ исторіи Ирландіи“ Быковой и „Ирландія“ Каутскаго. А сколько за эти 2 года вышло прекрасныхъ народныхъ книжекъ по исторіи освободительной борьбы и въ Россіи и во всѣхъ другихъ государствахъ. А эти четьи-минеи русскихъ страстотерпцевъ, жизнь свою за народъ положившихъ? Съ какимъ благоговѣніемъ, съ какой любовью читаетъ ихъ русскій народъ. Почему же обо всемъ этомъ гг. харьковскіе педагоги-историки хранятъ упорное молчаніе? Даже изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій по всеобщей и русской исторіи и по исторіи культуры они не нашли что̀ порекомендовать дитяти-народу. Ужели потому, что это все „жупелъ?“ Вѣдь даже министерскій каталогъ позволилъ въ 90-хъ гг. народу читать Липперта.

То же пристрастіе къ старой рухляди, та же свѣтобоязнь чувствуется и въ V отдѣлѣ „естествознанія“, и въ VI отдѣлѣ „физики, химіи и астрономіи“. За исключеніемъ дозволенныхъ министерскимъ каталогомъ книгъ Лункевича и другихъ дѣтскихъ изданій здѣсь не найдетъ читатель ничего—ни по біологіи, ни по геологіи, ни по палеонтологіи, ни по антропологіи, ни по астрономіи. Нѣтъ даже всѣмъ извѣстныхъ „Астрономическихъ вечеровъ“ Клейна, нѣтъ ни Агафонова, ни Покровскаго,—нѣтъ ни одного изъ многихъ хорошихъ общедоступныхъ руководствъ по физикѣ и химіи, безъ которыхъ не обходится ни одна мало-мальски благоустроенная школьная и народная библіотека.

Въ VII—географическомъ отдѣлѣ тщетно будете искать такихъ извѣстныхъ книгъ, какъ Нансена, Діонео („На крайнемъ сѣв.-вос. Сибири“) Сѣрошевскаго, Тана, Елпатьевскаго, Шрейдера, Ядринцева, Носилова, Андреева, о Сахалинѣ Чехова и Дорошевича, Каразина и многихъ, многихъ другихъ книгъ по этнографіи и о путешествіяхъ. Даже нѣтъ „Среди мусульманъ“ Рубакина, „Путешествій по Норвегіи“ Орловскаго. А между тѣмъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующаго отдѣла сюда слѣдовало бы отнести и книги Мижуева (о Канадѣ и Новой Зеландіи), Уокера, Метена, Іоллоса, Діонео, Леруа Болье, Василевскаго („Соврем. Галиція“) и т. д. Вмѣсто всего этого и здѣсь найдете только пережитки министерскихъ каталоговъ.

Предоставляя судить объ отдѣлахъ VIII—„сельскаго хозяйства, технологіи и ремеслъ“, IX—медицины и X—ветеринаріи и животноводства спеціалистамъ, замѣтимъ только, что по нашему мнѣнію, отзывы и указанія, данныя въ III т. „Что читать народу“ людьми компетентными, будутъ полезны даже и въ томъ случаѣ, если они не безукоризненны, тѣмъ болѣе, что указателей книгъ этого рода для школьныхъ и народныхъ библіотекъ за послѣдніе годы не выходило.

Подходимъ къ самому важному отдѣлу—„популярно-юридической литературы“ (XI отд.). Не найдя въ книгѣ другихъ отдѣловъ по вопросамъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ изъ силъ выбивается вся Русь, вокругъ

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045763171